АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
№ 6

ДРЕВНОСТИ ЭПОХИ СЛОЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

МОСКВА · 1948

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН УССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 116

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
академик Б. А. РЫБАКОВ
и кандидат исторических наук Э. А. СИМОНОВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Величайшие исторические события начала эпохи переселения народов в первой половине I тысячелетия н. э. нашли слабый отзвук в археологических материалах. Еще меньше знаем мы об этом периоде из древних письменных источников. А между тем к этой эпохе относится формирование многих современных народностей, в том числе и славян. Публикуемый сборник, составленный специалистами двух Институтов археологии АН СССР и АН УССР, продолжает серию совместных трудов (см. МИА, № 82, № 108) русских и украинских ученых, усилия которых должны помочь выяснению важнейших этапов становления славянских племен. Сборник содержит давно ожидающие публикации материалы старых раскопок В. В. Хвойки в с. Черняхове, давших название культуре II—V вв. н. э., раскинувшейся на огромных пространствах черноземной украинской лесостепи, и материалы Масловского могильника, изучавшегося в 1920-х годах под руководством С. С. Гамченко и П. И. Смоличева. Наряду с этим в книге публикуются результаты новейших исследований, проводимых советскими археологами на обширной территории от Северского Донца, Посеймья и Поднепровья вплоть до западных украинских земель.

Со времени первых исследований могильников у сел Черняхова и Ромашек более 60 лет тому назад открыто и раскопано много памятников подобного рода. Освещены разные стороны культуры и выявлены некоторые проблемы памятников черняховского типа. Однако предстоит еще решить такие важнейшие проблемы, как проблема этнического единства на всей территории распространения культуры; датировки ранних и поздних этапов ее развития и пр.

Публикации и исследования настоящего сборника дают новые возможности подхода не только к разным сторонам черняховской проблематики, но и создают большие возможности для понимания всего периода, предшествующего эпохе расцвета Киевской Руси.

В сборнике публикуются следующие статьи: Э. А. Сымонович «Северная граница памятников черняховской культуры», где значительно отодвигается к северу граница распространения культуры полей погребений черняховского типа и устанавливаются некоторые закономерности распределения ее памятников в связи с физико-географической средой. Статья Б. П. Зайцева «Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла» вводит в научный оборот некоторые новые материалы наиболее восточных памятников культуры полей погребений. В. П. Петров в статьях «Черняховский могильник» и «Масловский могильник на р. Товмач» подготовил для публикации среднеднепровские материалы раскопок старых исследователей. Находки с Нижнего Поднепровья представлены в небольшой заметке В. Ф. Пешанова и Э. А. Сымоновича «Нижнеднепровское поселение у с. Осокоровка». Не совсем ясным представляется черняховская принадлежность некоторых памятников Волыни и тем важнее публикации материалов из этих районов Украины в заметке М. Ю. Брайчевского «Погребение в Горке-Полонке на Волыни»

и в статье И. С. Винокура «Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы». Ценным итогом разведочных работ является картографирование памятников черняховской культуры Уманщины и Черновицкой области в статьях Г. Е. Храбана «Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области» и Б. А. Тимощука и И. С. Винокура «Памятники черняховской культуры на Буковине». До недавнего времени недостаточно изученные среднеднестровские и западноукраинские материалы представлены в статьях Г. И. Смирновой «Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры» и В. Д. Барана «Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга». С новыми молдавскими находками памятников черняховской культуры знакомит заметка Э. А. Рикмана «Черняховское селище у с. Балабанешты». Вопросам орнаментации черняховской посуды как исторического источника посвящена работа Э. А. Сымоновича «Орнаментация черняховской керамики», сопровождаемая большим иллюстративным материалом.

Появление настоящего сборника приурочено к пятидесятилетию со дня смерти первого исследователя черняховской культуры В. В. Хвойки [1].

Памяти В. В. Хвойки мы и посвящаем этот сборник.

---

[1] См. статью, посвященную памяти В. В. Хвойки, где приведены биографические данные и список его работ: А. Д. Бачинский. Вячеслав Викентьевич Хвойка (1850—1914). Зап. Одесск. арх. об-ва, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 361—364; М. Ю. Брайчевський. Видатний український археолог — В. В. Хвойка. Вісник Академії УРСР, 1954, № 11.

Э. А. Сымонович

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о северной границе памятников черняховской культуры имеет принципиальное значение. Выясняя этот вопрос, мы узнаем сколь велик территориальный разрыв между областью распространения памятников черняховского типа и зарубинецкими, обнаруженными и исследованными в последние годы в северных областях Украины и Южной Белоруссии. Если установить закономерности распространения черняховских поселений и могильников в областях Днепровского Левобережья и Правобережья, станет возможным определеннее говорить о культурной принадлежности ряда памятников типа Пражева на Житомирщине или Авдеева в Посеймье. Наконец, картографирование уже известных и обнаруженных в итоге четырехсезонных разведок Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР пунктов подводит вплотную к решению одного из разделов проблемы — человек и физико-географическая среда на определенном уровне развития производительных сил земледельческо-скотоводческого населения Юго-Восточной Европы.

Настоящая статья состоит из двух разделов: описания северных памятников черняховского времени и выводов, следующих из собранного материала. Она в основном построена на работах И. И. Ляпушкина [1] и Е. В. Махно [2] и на результатах разведок Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1959—1962 гг., которая работала главным образом на Левобережье Днепра. Для характеристики правобережных областей сделаны извлечения из статей Ю. В. Кухаренко, И. С. Винокура и польских ученых. В качестве иллюстративного материала нами привлекаются некоторые неопубликованные или малоизвестные находки, хранящиеся в фондах северных музеев Украины и Курской области. Удалось просмотреть фонды Черниговского, Сосницкого, Конотопского, Путивльского, Сумского, Прилукского, Лубенского, Полтавского, Льговского и Курского краеведческих музеев, а также материалы, хранящиеся в Киевском историческом музее и в Институте археологии АН УССР.

В качестве дополнительного материала используются итоги картографирования римских монетных находок, опубликованные в работах М. Ю. Брайчевского [3], В. В. Кропоткина [4] и И. И. Ляпушкина [5]. В первом разделе работы обзор наиболее северных черняховских памятников по областям начинается с Киевской области, далее дается обзор памятников и отдельных находок черняховской культуры Левобережной, а затем поселений могильников и случайных находок Правобережной части Украины (рис. 1). Наиболее подробно описываются новые места находок II—V вв. н. э., в частности, обнаруженные в результате разведок на Левобережье, которыми руководил автор статьи. Если литература по ранее известным пунктам собрана в соответствующих работах И. И. Ляпушкина и Е. В. Махно, мы ограничиваемся ссылкой на их работы, не описывая подробно памятники, не упоминая всех исследователей, их открывших и исследовавших. В пределах области памятники имеют свою нумерацию. При этом на составленной нами карте северных черняховских памятников мы объединяли несколько уже известных по литературе археологических объектов у одного пункта под общей цифрой. В то же время до сих пор не включенные в карты па-

[1] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 146—180.

[2] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты). МИА, № 82, 1960, стр. 9—83.

[3] М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959.

[4] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. САИ, Г 4—4.

[5] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 175—180.

мятники, даже если они сосредоточены были возле одного населенного пункта, получили отдельный номер. В пределах области наименования мест находок расположены по алфавиту, следуя образцам систематизации пунктов в упомянутой книге И. И. Ляпушкина. Последовательность описания каждого памятника для единообразия построена по схеме описаний в картографической работе Е. В. Махно. Когда черняховская принадлежность некоторых находок, в особенности на Правобережье, вызывает сомнения, это оговорено, или в описании просто приведены те сведения, которые удалось почерпнуть из литературы.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЯХ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Киевская область

1. **Андруши** (Трубеж — Днепр). Случайная находка — бронзовая фибула [6].

2. **Букрин** (приток Днепра — Днепр). Случайная находка — лепной сосуд и фибулы. Могильник [7].

3. **Витачев** (Днепр) Поселение [8].

4. **Вынаровка** (Гнилой Тикич — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка — обломки черняховских сосудов [9].

5. **Гречаники** (Трубеж — Днепр). Погребение [10].

6. **Дедовщина** (Красная — Днепр). Поселение и могильник [11].

7. **Деревянное** (Красная — Днепр). Поселение и могильник. На месте могильника случайно обнаружено погребение [12] и потом в 1959 и 1961 гг. Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР вскрыто еще четыре захоронения с северной ориентировкой, разрушенные в древности и сопровождаемые инвентарем. На правом берегу речки найдено поселение. Оно расположено на огородах, полого спускающихся по склону к руслу речки (усадьба Е. Дзюбенко и др.). Полоса находок шириной 100—150 м расположена в 40 — 50 м от русла. Здесь встречены обломки лепной керамики и гончарная глиняная и чернолощеная посуда эпохи полей погребений черняховского типа, а также обломок края горшка эпохи Киевской Руси [13].

8. **Ерковцы** (Булатица — Трубеж — Днепр). Поселение [14].

9. **Житные горы** (Бурчак — Рось — Днепр). Поселения [15].

10. **Жуковцы** (Красная — Днепр). Поселения [16].

11. **Иосифовка** (Рогозна — Рось — Днепр). Поселения [17].

12. **Киев** (Днепр). Случайные находки и погребения [18].

13. **Мазепинцы** (Каменка — Рось — Днепр). Случайная находка — фибула [19].

14. **Молчановка** (Бурчак — Рось — Днепр). Поселения [20].

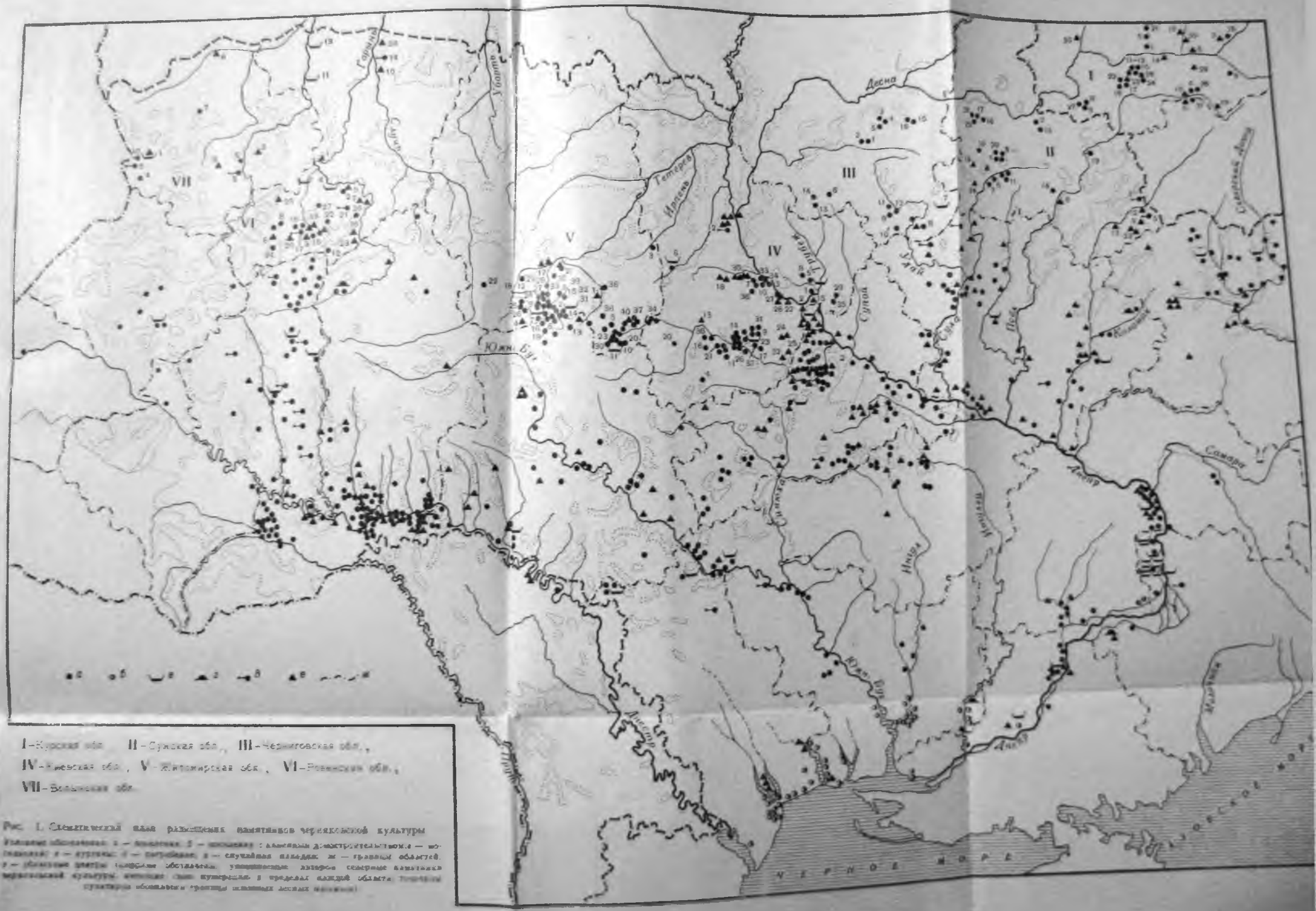
15. **Монастырек** (Днепр). Случайная находка — бронзовая фибула [21].

16. **Насташка** (Насташка — Рось — Днепр). Поселение на правом берегу ручья в урочище Чутаково, за фруктовым садом, обследовано Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР в 1959 г., руководствуясь сообщением сотрудника Корсунь-Шевченковского музея Н. Е. Костына. Расположено на буграх и склонах, обращенных в южную сторону. Размеры приблизительно 300 × 70 м. Распахивается. Памятник однослойный. Собрано 107 обломков грубой гончарной посуды, 50 гончарных лощеных черепков, 6 лепных и 2 обломка амфор и обломок каменного точильного бруска. Встречены кости животных [22].

17. **Ольшаница** (Гороховатка — Рось —

---

[6] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 31.
[7] Там же, стр. 33.
[8] Там же, стр. 30.
[9] Там же, стр. 33; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 162.
[10] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 31.
[11] Там же, стр. 33—34. Средне-Днепровской экспедицией 1959 г. осмотрено и установлено, что могильник, по-видимому, полностью уничтожен глинищем.
[12] Там же, стр. 30—31.
[13] Э. А. Сымонович. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. Разведка в Киевской и Черкасской областях. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р — 1, 2047, стр. 3.
[14] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 31; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 163.
[15] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 32. Средне-Днепровской экспедицией 1959 г. осмотрено поселение у слияния речек Бурчак и Негода.
[16] Там же, стр. 31.
[17] Там же, стр. 32. Средне-Днепровской экспедицией 1959 г. обследованы были два поселения.
[18] Там же, стр. 30.
[19] Там же.
[20] Там же, стр. 32.
[21] Там же.
[22] Э. А. Сымонович. Указ. соч., стр. 39

I – Курская обл., II – Сумская обл., III – Черниговская обл., IV – Киевская обл., V – Житомирская обл., VI – Ровенская обл., VII – Волынская обл.

Рис. 1. Схематический план размещения памятников черняховской культуры

Условные обозначения: а – поселения, б – поселения с вещевым инвентарем, в – могильники, г – курганы, д – погребения, е – случайные находки, ж – границы областей, з – обозначение границ северных областей, упоминающихся в тексте северных памятников черняховской культуры, имеющих свои культурные и пределах каждой области, точечная структура обозначает границы изученных лесных массивов)

Днепр). Случайные находки — обломки черняховских сосудов [23].

18. **Ольшанка** (Барахтянская Ольшанка) (Стугна — Днепр). Случайные находки — миска с кладом и комплекс вещей черняховского типа [24].

19. **Переяславль-Хмельницкий** (Альта — Трубеж — Днепр). Могильник [25].

20. **Пустоваровка** (Сквирка — Рось — Днепр). Поселение [26].

21. **Ракитное** (Бурчак — Рось — Днепр). Поселение [27].

22. **Ржищев** (Днепр). Случайные находки — сосуды и фибулы [28].

23. **Ромашки** (Гороховатая—Рось—Днепр). Могильник и поселение. Последнее расположено в 400—500 м от могильника, на берегу речки, на огородах колхозников (З. Я. Порохницкой, А. И. Вязивської и др.). Обнаружено разведками Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. Поселение расположено на склоне, обращенном на юго-восток. Протяженность поселения около 200 м. Основные находки встречаются в 20—30 м от берега. Дома древнего селища, видимо, стояли в один ряд. На раскопанных огородах на месте домов видны следы золы и беловатой обмазки. Дома располагались перпендикулярно к ручью. Размеры домов в длину около семи метров и отстоят они один от другого на расстоянии 5—10 м. Собрано 33 обломка грубой гончарной посуды, 12 обломков лощеных гончарных сосудов и один фрагмент стеклянного сосуда. Встречены кости животных [29]. На могильнике экспедицией обследовано безынвентарное погребение с трупоположением, ориентированное головою на запад.

24. **Росава** (Росава — Рось — Днепр). Случайные находки — сосуды и вещи, в том числе золотые [30]. Поселение в урочище Замковище, на левом берегу речки, где безымянный ее приток образует мыс. Оно открыто разведками Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. Поселение расположено возле городища эпохи Киевской Руси. Площадь его подвергнута вспашке и отчасти занята фруктовым садом колхоза. Протяженность поселения вдоль берега около 300 м. На поверхности видны зольные пятна и скопления обмазки. Собрана керамика эпохи полей погребений и Киевской Руси. Отдельные фрагменты посуды относятся к скифскому времени [31].

25. **Семигоры** (Рось — Днепр). Случайная находка — бронзовая фибула [32].

26. **Синява** (Рось — Днепр). Случайная находка — обломки сосудов черняховского типа [33].

27. **Стайки** (Сухая Бобрица — Днепр). Поселение [34].

28. **Стретовка** (Красная — Днепр). Поселение [35].

29. **Сухой Борок** (междуречье Трубежа и Супоя). Поселение [36].

30. **Таценки** (Стугна — Днепр). Случайные находки — обломки керамики черняховского типа [37].

31. **Телешовка** (Гороховатка — Рось — Днепр). Поселения и могильник [38]. Средне-Днепровская экспедиция ИА АН СССР в 1959 г. раскопала одно погребение, ориентированное головою на север, разрушенное в древности и задетое при земляных работах колхозниками. Скелет сопровождали три глиняных сосуда, изготовленные на гончарном круге, глиняное пряслице с тремя рядами шлифованных ромбических граней, кости мелкого рогатого скота, маленькое серебряное колечко с неспаянными концами и бусина из синего стекла (кубическая 14-гранная) [39].

32. **Тептиевка** (Рось — Днепр). Случайная находка — бронзовая фибула [40].

33. **Триполье** (Красная — Днепр). Случайная находка — обломок бронзовой фибулы [41].

34. **Халепье** (Свирч — Днепр). Поселение [42].

---

[23] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 32.
[24] Там же, стр. 29.
[25] Там же, стр. 32; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 170.
[26] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 33.
[27] Там же, стр. 32.
[28] Там же, стр. 33.
[29] Там же, стр. 32; Э. А. Сымонович. Указ. соч., стр. 35.
[30] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 30.
[31] Э. А. Сымонович. Указ. соч., стр. 32.
[32] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 29. Средне-Днепровской экспедицией здесь обнаружены только остатки двух поселений эпохи Киевской Руси.
[33] Там же, стр. 33. Средне-Днепровской экспедиции 1959 г. место находок черняховской керамики обнаружить не удалось.
[34] Там же. Средне-Днепровская экспедиция ИА АН СССР в 1959 г. в урочище Писаревица обнаружила только остатки материальной культуры эпохи раннего железа и Киевской Руси.
[35] Там же. Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР осмотрено в 1959 г.
[36] Там же, стр. 32.
[37] Там же, стр. 31.
[38] Там же, стр. 33.
[39] Э. А. Сымонович. Указ. соч., стр. 33.
[40] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 29.
[41] Там же, стр. 31.
[42] Там же. Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1959 г. здесь найдены единичные обломки гончарной керамики черняховского типа.

35. **Хоцки** (междуречье Супоя и Трубежа). Поселение (?) [43].

36. **Черняхов** (Бобрица — Днепр). Поселения и могильник [44]. Поселение, относящееся к исследованному В. В. Хвойкой могильнику, обнаружено разведками 1959 г. Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР. На могильнике и на поселении в 1961—1962 гг. экспедицией была вскрыта площадь 323 кв. м. На могильнике раскопано 22 погребения с трупоположениями, большею частью сопровождаемые инвентарем. Поселение на левом берегу речки, на пологом склоне, где расположены огороды крестьян (П. Бабенко, П. Зайченко, С. Лысенко, В. Склеренко и др.). Протяженность его около 250 м, при мощности культурного слоя до 1,5 м. В раскопе обнаружены остатки наземной постройки, по форме почти квадратной, место которой обозначал развал обмазки на глубине 0,45 м, керамика лепная и гончарная, много обломков железных шлаков, следы ткацкого производства — грузила и пряслица, поделка из кости и остатки стеклянных бус, кости животных. Встречены черепки других эпох [45].

37. **Шарки** (Гороховатка — Рось — Днепр). Поселение [46].

38. **Шкаровка** (Рось—Днепр). Поселение [47].

Черниговская область [48]

1. **Березанка — 2** (Остер — Десна—Днепр). Поселение на левом берегу безымянного ручья, притока Остра, в 300—400 м на восток от села. Обнаружено разведками Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1960 г. Расположено на склоне, обращенном на северо-запад, протяженность около 100 м. Собрана грубая гончарная и лепная керамика черняховского типа. Последняя составляет около 10% всей посуды [49].

2. **Березанка — 3** (Остер — Десна — Днепр). Поселение на левом берегу безымянного ручья между селами Березанкой и Черняховкой. Обнаружено разведками Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1960 г. Расположено на склоне, обращенном на юг и восток, на своего рода мысу. Протяженность поселения около 200 м. Встречается грубая гончарная керамика черняховского типа. Лощеной посуды почти нет и совсем отсутствует лепная посуда. Местами на поле встречаются обломки глиняной обмазки. На противоположном берегу пересохшего ручья также обнаружены отдельные обломки керамики тех же типов, что и на поселении [50].

3. **Борзна** (Борзна — Дочь — Десна — Днепр). Поселение (?) в урочище Селище на правом берегу речки. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1960 г. Расположено на землях колхоза «Червона Зирка» на берегу, возвышающемся метров на пять над уровнем реки. Находки собраны на участке диаметром около 50 м. Культурный слой сильно поврежден пахотой. Собрана гончарная и лепная посуда черняховского типа и обломки современной керамики. Поднят кусочек кальцинированной косточки [51].

4. **Борзна — 2** (Борзна — Дочь — Десна — Днепр). Поселение в 400 м ниже по течению от вышеописанного, на правом берегу речки. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1960 г. на довольно высоком берегу, отделенном от поймы сравнительно крутым склоном. Протяженность поселения,

---

[43] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 32.

[44] Там же, стр. 30.

[45] Э. А. Сымонович. Новые раскопки в с. Черняхове. Рукопись статьи, сданная в КСИА АН СССР. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции, 1959 г., стр. 8.

[46] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 33. Средне-Днепровской экспедицией 1959 г. место поселения не найдено.

[47] Там же, стр. 29.

[48] При описании черняховских пунктов Черниговщины нами опущены пункт в Анисове, где Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР в 1960 г., в присутствии находчика — местного краеведа А. А. Попко, осмотрено и прошурфовано поселение якобы с черняховской керамикой (Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 63). Как установлено, это поселение эпохи Киевской Руси, датируемое обломком стеклянного витого браслета. Обломки поздней гончарной посуды на Черниговщине нередко имеют серый цвет и легко могут быть сочтены за керамику эпохи полей погребений.

И. И. Ляпушкин называет Анисов в разделе о памятниках целикокняжеской поры, хотя и отмечает, что «на донных выдувах в разных местах среди посадок основного леса прослеживаются культурные остатки самых различных эпох» (МИА № 104, стр. 322).

Таким образом, здесь возможно усматривать один из случаев проникновения на север керамики черняховского типа, судя например, по находке обломков гончарной лощеной миски, найденной на позднем городище Горицы в Подесенье, на восток от Чернигова (на эту находку обратил внимание И. И. Ляпушкин — см. МИА, № 104, стр. 327) или по находкам выразительных фрагментов гончарных сероглиняных сосудов в д. Чаплине, в Южной Белоруссии, в Поднепровье или, наконец, по находке сероглиняной биконической, с полным профилем, миске неподалеку от г. Смоленска в Верхнем Поднепровье, о чем мне любезно сообщил Е. А. Шмидт.

[49] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1960 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р — 1, 2398, стр. 11.

[50] Там же, стр. 11—12.

[51] Там же, стр. 10.

вытянутого вдоль реки, 200—250 м. Здесь преобладают находки грубой гончарной посуды. Лепная и гончарная лощеная посуда составляет около 10% всей керамики. Встречаются кости животных. Найден обломок кальцинированной косточки [52].

5. **Борзна-Николаевка** (Борзна — Дочь — Десна — Днепр). Поселение на левом возвышенном берегу речки возле шоссе Курск — Киев. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1960 г. Расположено на склоне берега. На протяжении приблизительно одного километра встречаются отдельные обломки лепной и гончарной керамики черняховского типа и скопления глиняной обмазки. Поселение двухслойное — кроме находок культуры полей погребений, встречается лепная керамика с валиками, с вдавлениями палочкой под краем [53].

6. **Веприк** (Супой — Днепр). Поселение на левом берегу реки. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1962 г. Расположено на низменном распахиваемом поле. Протяженность около 150 м при ширине 60—70 м. Собрана сделанная на гончарном круге посуда черняховской культуры, среди которой преобладает грубая керамика. Встречаются кости животных [54].

7. **Гурбинцы** (Глинная — Удай — Сула — Днепр). Могильник [55].

8. **Журавка** (Удай — Сула — Днепр). Поселение [56].

9. **Клецы** (Рудка — Галка — Удай — Сула — Днепр). Поселение и могильник (?) напротив с. Малая Девица возле поворота р. Рудки, на ее правом берегу. Обнаружены Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Поселение расположено в местности, носящей название Яремный хутор (б. Соболев хутор), на очень пологом склоне, переходящем в обширную пойму. На распахиваемых полях собраны обломки грубой гончарной и лощеной посуды черняховской культуры. Могильник, относящийся к поселению, находится на самой окраине села, где роют силосные ямы. Зачисткой стенки одной ямы обнаружено на глубине 1,40 м беспорядочное скопление костей ребенка. Инвентаря не было, только в заполнении могильной ямы, над остатками погребения, найден фрагмент днища гончарного сосуда желтоватого цвета с шероховатой поверхностью [57].

10. **Линовица** (Удай — Сула — Днепр). Погребение [58].

11. **Малая Девица** (Галка — Удай — Сула — Днепр). Могильник на месте нового кладбища и, по-видимому, относящееся к нему поселение в урочище Черненково. Могильник обнаружен при рытье могильных ям. Часть инвентаря, сопровождавшего погребенных, была передана в 1955—1960 гг. в Прилукский краеведческий музей [59]. Поселение обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Территория поселения расположена севернее современного кладбища, где был древний могильник. На распахиваемом прибрежном бугре на протяжении около 200 м встречаются малохарактерные обломки лепных сосудов, гончарная керамика эпохи полей погребений черняховского типа и времени XIII—XIV вв. Черняховская посуда в основном грубоглиняная, но встречаются также обломки лощеной керамики [60].

12. **Малая Девица — 2** (Рудка — Галка — Удай — Сула — Днепр). Могильник (?) и поселение на левом берегу речки на усадьбе Е. И. Комар. При рытье ямы было выкопано погребение на глубине около 1,5 м. Возле умершего стояла миска впоследствии потерянная. Поселение обнаружено Средне-Днепровской экспедицией 1961 г. Оно находилось в 300 м на восток от усадьбы, где было найдено захоронение. На огородах на береговом склоне была собрана керамика, сделанная на гончарном круге, с шероховатой и лощеной поверхностью, относящаяся к черняховской культуре [61].

---

[52] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1960 г., стр. 10.

[53] Там же.

[54] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1962 г., стр. 4.

[55] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 62—63; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 163. Средне-Днепровская экспедиция в 1961 г. обследовала место могильника, заложила два шурфа и произвела зачистку стенки глинища на участке длиной 15 м. По-видимому, глинище и дорога на месте могильника привели к его полному уничтожению.

[56] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 62. Средне-Днепровская экспедиция 1961 г. обследовала местность в урочище Круча, но, по-видимому, из-за размыва обрыва берега следы поселения обнаружить не удалось.

[57] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р — 1, 2606, стр. 96.

[58] Е. В. Махно. Указ. соч., 62. Средне-Днепровская экспедиция ИА АН СССР 1961 г. сделала попытку установить место, где было найдено захоронение, но безуспешно.

[59] Фонды Прилукского краеведческого музея.

[60] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 95.

[61] Там же, стр. 95—96.

13. **Новая Басань** (Недра — Трубеж — Днепр). Поселение на правом берегу реки там, где она делает изгиб. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1962 г. Расположено возле ложбины, где прокопана искусственная прямая канава и идет дорога, ведущая в пойму. На пологом склоне, на площади приблизительно 200×150 м встречались обломки лепной и гончарной посуды черняховского типа и кости животных. Преобладали находки грубой гончарной керамики. Второе и третье место по численности составляла лепная и гончарная лощеная посуда [62].

14. **Осовец** (Недра — Трубеж — Днепр). Поселение на правом берегу речки, на юго-восточной окраине села, на усадьбах крестьян (Н. Я. Московко и др.). Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР в 1962 г. Поселение было вытянуто узкой полосой вдоль берега и имело протяженность около 200 м. Собрана керамика культуры полей погребений черняховского типа. Преобладает грубая гончарная посуда. Лепная и гончарная лощеная керамика немногочисленна. Кроме того, встречаются фрагменты глиняной обмазки и кости животных [63].

15. **Остров** (Борзна — Дочь — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, в урочище Куты. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1960 г. Расположено на колхозных полях в 600—700 м от с. Остров. Выше по склону, в 500 м от поселения, находится курган. Находки на пологом южном склоне, где находилось поселение, встречаются на протяжении 150—200 м. Полоса, особенно насыщенная находками, прослежена в 30 м от края поймы. На пашне на расстоянии 10—15 м прослежены четыре пятна скопления глиняной обмазки. Собрана лепная и гончарная посуда эпохи полей погребений черняховского типа, в том числе обломков грубой гончарной посуды — 56; лепной посуды — 18; лощеной гончарной посуды — 9 и, кроме того, железный серп с округлой спинкой и почти прямым лезвием, с шипом у рукоятки, перпендикулярным к плоскости лезвия. Размеры серпа 14,3×3,3 см [64].

16. **Остров — 2** (Борзна — Дочь — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, на протоке как бы образующем остров возле ветряной мельницы. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1960 г. Расположено на распахиваемом поле бригады № 5 колхоза «Прогресс» и имеет размеры 200×70 м. Собрана главным образом грубая гончарная посуда черняховской культуры. Имеются находки лепной керамики. Кроме того, встречается современная посуда и обломки кирпича — следы недавно бывшей здесь постройки [65].

Сумская область

1. **Басовка** (Сула — Днепр). Случайная находка — амфора [66].

2. **Белополье — 2** (Вир — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, на огородах усадьбы В. П. Орищенко и др. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на склоне к воде. Собрана лепная и гончарная керамика черняховского типа, в том числе обломки сосудов с шероховатой поверхностью. Кроме того, встречались находки посуды XVII в. и современной керамики [67].

3. **Березовка** (Ворсклица — Ворскла — Днепр). Случайная находка — сосуд с пережженными костями в насыпи кургана [68].

4. **Беседовка** (Смела — Сула — Днепр). Поселение [69].

5. **Большая Писаревка** (Ворскла — Днепр). Погребение [70].

6. **Волковцы** (Сула — Днепр). Поселение [71].

7. **Герасимовка** (Сула — Днепр). Поселение [72].

8. **Гриневка** (Сула — Днепр). Поселение [73].

9. **Добренькое** (Добрянское) (Ворскла — Днепр). Случайные находки — обломки черняховской керамики [74].

10. **Казенный** (?) (Хмелевка — Сула — Днепр). Поселение [75].

---

[62] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1, стр. 3.

[63] Там же.

[64] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции 1960 г., стр. 8—9.

[65] Там же, стр. 9.

[66] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 45.

[67] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 88.

[68] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 44.

[69] Там же, стр. 45; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 160.

[70] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 44; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 160.

[71] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 161

[72] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 45.

[73] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 45. И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 162.

[74] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 44; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 163.

[75] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 46.

11. **Коровинцы** (Сула — Днепр). Три поселения и на одном поселении — «клад» вещей из железа [76].

12. **Луговка** (Луговое) (Ворскла — Днепр). Случайные находки — обломки черняховских сосудов [77].

13. **Новорябина** (Ворскла — Днепр). Случайная находка — обломки черняховских сосудов [78].

14. **Новотроицкое** (Псел — Днепр). Поселение [79].

15. **Омельченки** (Вир — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на краю поймы, на правом берегу речки, возле устья ручья, впадающего в р. Вир. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. На огородах южной окраины села собрана лепная и гончарная керамика разных эпох. Гончарная посуда черняховского типа представлена грубыми днищами сосудов серого цвета с щербинами у дна [80].

16. **Поселок** (Езучь — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, в 100 м к югу от домов современного села, напротив восточной окраины с. Вязовое. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на берегу слегка возвышающемся над поймой. Поселение вытянуто вдоль берега и имеет размеры 300—350 × 50—70 м. На поверхности много керамики черняховского времени, обломков глиняной обмазки и костей животных. Преобладает посуда с шероховатой поверхностью, но есть и лощеная керамика эпохи полей погребений [81].

17. **Поселок — 2** (Езучь — Сейм — Десна — Днепр). Случайная находка — обломок гончарного лощеного сосуда на поселении с лепной керамикой [82].

18. **Рогинцы** (Большой Ромен — Сула — Днепр). Сосуд с римскими монетами, накрытый другим сосудом [83].

19. **Сумы** (Стрелка — Псел — Днепр). Могильник [84].

20. **Холодный** (Смелянка — Смелая — Сула — Днепр). Поселение в урочище Холодный яр [85].

21. **Червоный Яр** (Езучь — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки. В 200 м от восточной окраины села, на мысу, образовавшемся слиянием ручья и речки. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на пологом склоне, возвышающемся над заболоченной поймой. Размеры 200—250 × 40—50 м. На поверхности встречаются куски глиняной обмазки, кости животных и обломки черняховской керамики, изготовленной на гончарном круге. Преобладает грубая кухонная посуда, но встречаются также фрагменты с лощеной поверхностью. Важной для датировки находкой является край стеклянного кубка. Стекло желтоватое. Под краем горизонтальный желобок и ниже хорошо шлифованные округлые плоскости. Диаметр края около 10 см [86].

22. **Червоный Яр — 2** (Езучь — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, на распахиваемой площади, метрах в 300 к югу от линии домов. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. От предыдущего поселения отделено ручьем. Протяженность около 300 м. Собраны невыразительные обломки лепной посуды и гончарная керамика двух эпох: сероглиняная, относящаяся к черняховскому времени, и толстостенная с резко отогнутыми венчиками эпохи Киевской Руси [87].

23. **Яблочное** (Рябина — Ворскла — Днепр). Случайные находки — обломки черняховской керамики [88].

24. **Ярмолинцы** (Ермолинцы) (Сула — Днепр). Случайная находка — амфора [89].

---

[76] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 45, И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 165.

[77] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 45; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 167.

[78] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 44.

[79] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 168.

[80] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 88.

[81] Там же, стр. 91.

[82] Там же, стр. 92.

[83] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 46.

[84] Там же, стр. 46. В 1959 г. место находки первого погребения с трупоположением обследовано Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР. Затем здесь были произведены раскопки под руководством Е. В. Махно.

[85] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 46; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 174.

[86] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 90—91.

[87] Там же, стр. 91.

[88] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 44; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 175.

[89] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 45. В фонды Роменского музея в 1960 г. из Ярмолинец поступил лепной горшок (фонды музея А — 1017). При описании памятников украинского Посеймья не учтены находки из разведок Д. Т. Березовца, нашедшего, судя по описанию, памятники черняховского типа, которые он отнес на основании лепной посуды к зарубинецким: поселение возле с. Зарьевки в урочище Трифон, с. Зиново, с. Пересыпка, Новая слободка — Линово, расположен-

Курская область

1. **Авдеево** (Сейм — Десна — Днепр). Поселение [90].

2. **Бесединское** (Ратское) городище (Рать — Сейм — Десна — Днепр). На правом берегу речки. Случайные находки — обломки гончарной сероглиняной керамики черняховского типа на городище [91].

3. **Горки** (Полная — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, в трех километрах от ее устья, обнаружено Ю. А. Липкингом и обследовано Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Селище находится на западной окраине хутора, в местности называемой «Городище». Оно вытянуто вдоль первой надпойменной высоко расположенной террасы, начиная от бывшего карьера старого кирпичного завода. Длина поселения около 200 м. Площадь эта распахивается. Местами прослеживаются скопления глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Собрана лепная и гончарная керамика, в основном относящаяся к культуре полей погребений черняховского типа. Мощность культурного слоя на поселении, судя по зачистке обрывов карьера и по шурфу, заложенному в центре поселения, достигает 0,50—0,60 м. Культурный слой подстилает зеленоватая глина. Преобладает на поселении посуда, сделанная на круге, с грубой шероховатой поверхностью. На втором по численности месте — лепная и на третьем — гончарная лощеная керамика. Имеются фрагменты посуды эпохи Киевской Руси. В шурфе было найдено железное полуовальное кольцо от поясной пряжки. В обрыве котлована расчищено три захоронения христианского времени с остатками истлевших гробов, без инвентаря [92].

4. **Гридасово** (Танеев) (Туровка — Псел — Днепр). Поселение [93].

5. **Колосовка** (Рогозна — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на левом берегу речки, метрах в 150 от северной окраины деревни. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на пологом склоне, переходящем в пойму. Оно было вытянуто узкой полосой вдоль берега и имело протяженность не менее 150 м. Часть поселения распахивается, часть задернована. На распаханной ближайшей к деревне части, местами видны скопления обмазки. Было заложено три шурфа. Основные находки встречены на глубине 0,20—0,40 м. Мощность культурного слоя не превышала 0,50 м. Глубже залегает глина. Больше всего находок керамики дали шурфы, ближе расположенные к пойме, в 15—20 м от нее.

На поселении собрана лепная и гончарная керамика. Лепные горшки со слегка отогнутым краем, иногда украшенным пальцевыми вдавлениями. Гончарные сосуды эпохи полей погребений и Киевской Руси. Есть выразительные фрагменты горшков с шероховатой поверхностью и их днища с подставочной плиткой и обломки лощеной столовой посуды, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э.

ные на склонах на берегах ручьев. Эти поселения должны быть заново обследованы в связи с массовым обнаружением черняховских памятников в Сумской области (см. АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 49—66). Д. Т. Березовец. Отчет о работе Сеймско-Славянского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г. Архив ИА АН УССР, ф. эксп. 1147, 1950/2а.

[90] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 159—160. В списке литературы автором предварительной публикации авдеевских материалов в КСИИМК, 1951 г. вып. XXXVIII, ошибочно назван М. В. Воеводский. Статья «Авдеевское селище» опубликована А. Е. Алиховой. Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР поселение осмотрено в 1961 г.

[91] Ю. А. Липкинг. Городища эпохи раннего железа в Курском посеймье. МИА, 1962, № 113, стр. 140. Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы Ю. А. Липкинга. Определение сероглиняной керамики, собранной Ю. А. Липкингом на многих памятниках, и отнесение ее к черняховской культуре произведено автором настоящей статьи при просмотре фондов Курского областного краеведческого музея в 1960 г. Поскольку памятники культуры полей погребений в Курской области, в Посеймье были почти неизвестны, и кроме Авдеева, представлявшегося изолированным памятником, не изучались, мы в описании черняховских памятников в этих районах приводим даже единичные обломки керамики, происходящие, как в данном случае, с явно нечерняховского городища. В дальнейшем, быть может, они окажутся путеводными признаками, указывающими на существование вблизи городища характерных селищ черняховского типа. На большое количество таких селищ указывают произведенные Средне-Днепровской экспедицией 1961 г. разведки. На материале этих разведок и сборов Ю. А. Липкинга и построен этот раздел.

[92] Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы Ю. А. Липкинга. Э. А. Сымонович. Отчет о разведочных работах Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в Курской области 1961 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р — 1, 2248, стр. 10—12.

[93] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 62. Оно было первоначально обследовано К. П. Сосновским, в связи с обнаружением там клада римских монет. Материалы, происходящие с этого пункта и хранящиеся в фондах Курского областного краеведческого музея, обозначены, как найденные в Танеевке (инвентарные № 10068—10086 — материалы К. П. Сосновского). Однако скорее всего Гридасовское и Танеевское поселения следует считать за один и тот же памятник.

Кроме того, в Колосовке найден обломок острия железного ножа (длина 3.9 см) [94].

6. **Курочкин** (Псел — Днепр). Находки керамики черняховского типа, полученные, по сведениям К. П. Сосновского, при раскопках кургана № 2 на левом берегу речки [95].

7. **Лебяжье** (Сейм — Десна — Днепр). Находки керамики черняховского типа на дюнах на правом берегу реки. Пункт обнаружен разведками Ю. А. Липкинга [96].

8. **Любимовка** (Снагость — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу, на повороте реки, в средней части села, не доходя 0,5 км до церкви, на огородах колхоза «Завет Ильича». Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией 1961 г. Находки встречаются на протяжении около 500 м, при ширине полосы вдоль по склону 40 м. Собраны обломки неолитической и черняховской керамики. Последняя в основном сделана на гончарном круге и имеет шероховатую или лощеную поверхность. Некоторые обломки лепной посуды, как, например, края горшков яйцевидной формы, тоже, видимо, следует связывать с поздним слоем поселения. На поверхности встречено много обломков костей животных [97].

9. **Любимовка — 3** (Снагость — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки неподалеку от парников колхоза «Завет Ильича». Расположено в 400 м от церкви, вниз по течению. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Протяженность его около 300 м. Кроме находок обломков лепной керамики со штрихованной поверхностью, украшенной рядами врезов под венчиком, здесь собраны обломки гончарных сосудов на подставочной плите с шероховатой поверхностью, покрытой щербинами. Есть и другие обломки типично черняховской керамики [98].

10. **Маково** (Реут — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, делающей в этом месте поворот. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено метрах в 100 от реки, на склоне обращенном на юг, на огородах (усадьба Рышковых и др). Поселение вытянуто вдоль берега и имеет размеры примерно 100 × 30—40 м. Среди подъемного материала преобладают обломки лепной посуды, украшенной пальцевыми вдавлениями по венчику или неорнаментированные горшки со слегка отогнутым краем. Гончарные обломки принадлежат типичной черняховской посуде с шероховатой поверхностью и со щербинами и лощеным сосудам на кольцевой ножке [99].

11. **Мальцево** (Реут — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, неподалеку от моста. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на склоне, обращенном в южную сторону, на огородах Овсяниковых, Уваровых и Матвеевых. Находки распространены главным образом на площади около 100 м. Наиболее насыщенная находками полоса отстоит от поймы метрах в 50. Собрано много обломков лепной керамики и меньше гончарной. Материал разных эпох. Лепная керамика неолитического времени, а гончарная — эпохи полей погребений и Киевской Руси. Черняховская посуда с шероховатой и лощеной поверхностью. С усадьбы Матвеевых происходит небольшой сероглиняный горшочек с шероховатой поверхностью, украшенный по плечикам слабо выраженными желобками. Диаметр края 7,2 см, высота 9,9 см [100].

12. **Мальцево — 2** (Реут — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на южном склоне, на усадьбах Желудевых и Мальцевых. Протяженность поселения не более 100 м. Полоса, насыщенная находками, отстоит метров на 30 от поймы. Собрана лепная и гончарная посуда. Лепная керамика, по-видимому, относится к эпохе раннего железа. Это обломки желтовато-коричневатых сосудов, в числе которых есть украшенные по плечикам вдавлениями пальцев. Гончарная посуда эпохи полей погребений черняховского типа. Имеются характерные обломки стенок биконических мисок и край сероглиняного лощеного сосуда [101].

13. **Мальцево — 3** (Реут — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией

[94] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 15.

[95] Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы К. П. Сосновского. См. карту в статье К. П. Сосновского «Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии». Труды Курской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1. Курск, 1911, стр. 299—320.

[96] Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы Ю. А. Липкинга. Средне-Днепровской экспедицией 1961 г. место находки было обследовано и собран разновременный материал.

[97] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 32.

[98] Там же, стр. 34.

[99] Там же, стр. 23.

[100] Там же, стр. 20—21.

[101] Там же, стр. 21—22.

ИА АН СССР 1961 г. Расположено на склоне, над поймой, на усадьбах Желудевых и Жукоых. Здесь когда-то была каменная постройка — амбар, от которого остался большой развал кирпича. Собраны немногочисленные обломки лепной керамики, видимо, раннежелезного времени и, возможно, роменские. Гончарная посуда принадлежит эпохе полей погребений черняховского типа. Встречены преимущественно гончарные лощеные сосуды. Кроме того, здесь же попадается посуда послемонгольского времени [102].

14. **Масловское городище** (Сейм—Десна—Днепр). Расположено на левом берегу реки и окружено древними поселениями. Вокруг городища на пашне встречается много разновременной керамики, в числе которой есть типичные для черняховских памятников обломки краев гончарных сероглиняных горшков с шероховатой поверхностью и фрагмент стенки лощеного сосуда [103].

15. **Мокритка** (Псел — Днепр). Отдельные находки культуры полей погребений черняховского типа на правом берегу реки, к северо-востоку от с. Картамышево. Получены К. П. Сосновским при работах в б. Обоянском уезде. Среди разновременных вещей имеется спинка бронзовой арбалетной фибулы подвязного типа, украшенная фасетками. В материалах из сборов Ю. А. Липкинга имеются обломки лепной и гончарной посуды. Среди последних днище сероглиняного сосуда, со следами лощения, на подставочной плитке [104].

16. **Нижняя Паровая** (Суджа — Псел — Днепр). Поселение на правом берегу речки, где она делает поворот. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на пологом мысу, на склоне обращенном к югу, распахивается, на расстоянии 20—30 м от воды прослежена полоса особенно насыщенная обломками черняховской керамики. На поселении собрана преимущественно лепная керамика, по отношению к которой гончарная посуда составляет не более 10%. Лепные фрагменты принадлежат сосудам со слегка отогнутым краем, украшенным рядами врезов или жемчужным орнаментом. Гончарная керамика представлена обломками горшков с утолщенным венчиком и шероховатой поверхностью или донышками на подставочной плитке, а также фрагментами столовой сероглиняной лощеной посуды черняховского типа [105].

17. **Нижняя Паровая — 2** (Суджа—Псел—Днепр). Поселение на правом берегу речки, за ручьем, отделяющим Н. Паровую от Паровой. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Оно расположено на довольно крутом распахиваемом склоне и вытянуто, примерно, на 400 м вдоль поймы ручья и Суджи. Ширина поселения около 70—100 м. Местами видны скопления обожженной глиняной обмазки с отпечатками плах. Скопления обмазки встречены внизу и выше по склону, что, по-видимому, свидетельствует о существовании в древности двух рядов домов. В верхней части склона были найдены две кальцинированные косточки, но других признаков могильника не было. Собранная керамика принадлежит на $^2/_3$ сосудам, вылепленным от руки, и около $^1/_3$ составляет гончарная посуда эпохи полей погребений черняховского типа. Обломки лепных сосудов серо-желтого цвета от толстостенных биконической формы горшков и разложистых, видимо, конических мисок. Есть фрагменты, украшенные вдавлениями по краю. Среди гончарных форм посуды отмечены горшки, орнаментированные по плечикам линейным орнаментом, днища на подставочной плитке и кольцевой ножке. Встречены обломки биконических лощеных мисок. Грань одной из них была украшена косыми каннелюрами [106].

18. **Переверзевское северное городище** (Тускарь — Сейм — Десна — Днепр). Расположено на правом берегу речки. Случайная находка — обломок края серолощеного сосуда, изготовленного на гончарном круге [107].

19. **Пересыпь или Пересып** (Псел — Днепр). Поселение на правом берегу реки, хотя по-разному названное в публикации П. К. Сосновского и работе И. И. Ляпушкина, по-видимому, одно и то же. С него происходит характерный черняховский гончарный обломок

---

[102] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 22.

[103] Ю. А. Липкинг. Указ. соч., стр. 135. Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы Ю. А. Липкинга. Средне-Днепровская экспедиция в 1961 г. обследовала городище, но новых находок керамики черняховского типа не обнаружила.

[104] Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы К. П. Сосновского и Ю. А. Липкинга.

[105] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 28—29.

[106] Там же, стр. 29—30.

[107] Ю. А. Липкинг. Указ. соч., стр. 140. Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы Ю. А. Липкинга.

керамики, украшенный косыми канелюрами по грани тулова [108].

20. **Петровское** (Сухая Амонька — Сейм — Десна — Днепр). Отдельная находка — обломок, изготовленного на круге сосуда серого цвета, с шероховатой поверхностью на поселении с лепной керамикой на правом берегу речки [109].

21. **Поповка** (Рогозна — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на левом берегу речки, напротив средней части д. Гостево. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Оно расположено на пологом склоне берега, начинается от мыса и вытянуто вдоль берега на 200—250 м. На распаханной поверхности видны скопления обожженной глиняной обмазки.

В центре и западной части поселения были заложены шурфы, которые показали, что культурный слой здесь сильно разрушен вспашкой, и мощность его не превышает 0,20—0,30 м. В мысовой части, выше по склону, встречается только лепная керамика. В числе собранных здесь фрагментов есть венчик сосуда, украшенного жемчужным орнаментом эпохи раннего железа. На остальной площади поселения найдена как лепная, так и сделанная на круге керамика черняховского типа. В числе последней обломки горшков с шероховатой поверхностью и фрагменты сосудов, покрытых лощением. Лепная керамика желтоватого цвета, из глины с примесью шамота. Найден целый миниатюрный полуовальной формы сосудик. Диаметр края 4 см, высота 3,2 см. В северной части поселения было поднято сероглиняное биконическое, типично черняховское, пряслице с косыми насечками по грани. Диаметр 3,5 см [110].

22. **Поселок 1 Мая (быв. Бардаково)** (Суджа — Псел — Днепр). Поселение на правом берегу речки, близ устья ручья. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР. Расположено оно на склоне, на огородах, на усадьбе Борисенко и др. Основные находки собраны на расстоянии 25—30 м от низины. Немногочисленные находки принадлежат гончарной посуде черняховского типа, в частности, есть обломки сероглиняных сосудов с щербинами [111].

23. **Русская Поречная** (Суджа — Псел — Днепр). Отдельные находки черняховской культуры на поселении с лепной керамикой, расположенном на правом берегу речки. Один фрагмент гончарного сосуда имеет широкий горизонтальный край, какой имеют пифосообразные сосуды, предназначенные для хранения запасов [112].

24. **Самсоновка** (Реут — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, в 100 м выше дамбы, где проходит дорога, соединяющая оба берега. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1961 г. Расположено на низком выступе берега, у самой поймы. Найдена в основном лепная керамика, относящаяся к эпохе бронзы. Гончарная керамика с шероховатой поверхностью принадлежит культуре полей погребений черняховского типа. Среди лепной посуды, судя по обломку горшка с загнутыми внутрь краями, также имеется посуда, относящаяся к позднему слою памятника. Кроме того, найден полусферический обломок лепного грузила. Диаметр около 20 см [113].

25. **Старая Слободка — 1** (Рать — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на правом берегу речки, в 500 м выше по течению так называемого Титовского городища, расположенного напротив д. Титово. Поселение обнаружено Ю. А. Липкингом, а его черняховская принадлежность определена при разведочном обследовании Средне-Днепровской экспедицией 1961 г. Оно расположено на повороте речки, на надпойменной террасе, возвышающейся метров на пять над поймой. Мыс, на котором было поселение, распахивается. Находки сосредоточены главным образом у края берега, на протяжении около 300 м. Лепная керамика, по-видимому, эпохи раннего железа и роменского времени, с гусеничным орнаментом. Гончарная посуда типично черняховская, преимущественно сероглиняная с шероховатой поверхностью и щербинами. Встречены обломки столовой лощеной посуды, в том числе украшен-

[108] Фонды Курского областного краеведческого музея — материалы К. П. Сосновского (инвентарный № 1215). В своей публикации К. П. Сосновский писал: у д. Пересыль «среди грубых черепков есть один изящной выделки — он коричневатого цвета, имеет глянцевидную поверхность и крупные, идущие наискось желобки»... (см. Труды Курской губернской ученой Архивной комиссии, вып. 1, Курск, 1911, стр. 302—303). В таком случае этот пункт следует считать известным ранее работ Днепровской левобережной экспедиции (см. И. Я. Лянушкин, Указ. соч., стр. 170).

[109] Э. А. Сымонович, Отчет о раскопках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 35—36.

[110] Там же, стр. 14—15.

[111] Там же, стр. 27.

[112] Там же, стр. 30.

[113] Там же, стр. 25.

ной лощеными линиями по матовому полю [114].

26. **Тарасово** (Реут — Сейм — Десна — Днепр). На поселении с лепной керамикой эпохи бронзы обнаружены обломки гончарной посуды, в том числе украшенные лощеной орнаментацией по матовому полю [115].

27. **Толстый Луг — 2** (Снагость — Сейм — Десна — Днепр). Поселение на левом берегу речки, западнее домов деревни, напротив церкви, находящейся на противоположном берегу в д. Любимовке. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией 1961 г. Расположено на пологом склоне берега реки. Протяженность около 150 м. Собрана лепная и гончарная керамика. Первая маловыразительная. Есть фрагменты с заштрихованной поверхностью. Гончарная в основном грубая, сероглиняная и меньше лощеная, принадлежащая черняховской культуре. Имеются характерные донышки сосудов со щербинами, на подставочной плитке. Один фрагмент стенки гончарного чернолощеного сосуда обломан по краям и ему придана округлая форма. Найден обломок каменного точильного бруска [116].

28. **Услонка** (Псел — Днепр). Поселение [117].

29. **Шатовка** (Млодать — Сейм — Десна — Днепр). Отдельная находка — обломок гончарного желтоватого цвета сосуда на подставочной плитке, напоминающего керамику черняховского типа, на поселении с лепной керамикой. Лепные сосуды имеют слабо профилированные венчики, украшенные ногтевыми вдавлениями по краю [118].

30. **Щетинка** (Тускарь — Сейм — Десна — Днепр). Случайные находки гончарной сероглиняной керамики, возможно, связанные с культурой полей погребений черняховского типа на городище позднейшего времени [119].

31. **Шмырево** (Псел — Днепр). Поселение и могильник [120].

* * *

Описанию правобережных памятников необходимо предпослать несколько строк. В процессе изучения памятников Волыни первой половины I тысячелетия н. э. было обращено внимание на специфику поселений типа Пражев (Пряжев) и Викнины Великие [121]. Эти поселения выделялись, например, большим процентом лепной керамики и в ряде случаев сходством ее форм с посудой пшеворской культуры [122]. В погребениях с этой территории сочетаются черняховские особенности со специфическими местными и пшеворско-зарубинецкими элементами. По мнению некоторых исследователей, такие памятники свидетельствуют о существовании волынского варианта культуры полей погребений черняховского типа [123]. Большое значение для понимания всех особенностей обряда погребения волынских памятников дало обнаружение и исследование западноукраинскими учеными могильника у с. Дитиничи. Именно эти тщательно раскопанные и опубликованные комплексы помогли понять разрозненные материалы некоторых музеев, объединить в типологический ряд отдельные могильники Волыни типа Деревянного, Горки-Полонки и др. и сопоставить их с прибалтийскими памятниками [124]. Изучая эти поселения и погребения Волыни и более северных районов Белоруссии, Ю. В. Кухаренко и затем И. С. Винокур высказали предположение о существовании особой волынской группы полей погребений, якобы в генетическом и культурном отношении не связанной или почти не связанной с черняховскими памятниками [125]. Ввиду полемического характера этого предположения в описание памятников Правобережья Житомирской, Ровенской и Волынской областей, где распространены бесспорно черняховские памят-

---

[114] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 8.
[115] Там же, стр. 23—24.
[116] Там же, стр. 35.
[117] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 173—174. В фондах Курского областного краеведческого музея сохранились обломки керамики черняховского типа из сборов К. П. Сосновского (инвентарные № 10152—10163.
[118] Э. А. Сымонович. Отчет о раскопках Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г., стр. 16.
[119] Фонды Курского краеведческого музея — материалы Ю. А. Липкинга.
[120] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 175.

[121] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. АП УРСР, т. 1. Київ, 1949, стр. 169—176; М. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. 1. Київ, 1947, стр. 111—121.
[122] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 172; М. Смішко. Указ. соч., стр. 122.
[123] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 190—192.
[124] М. Ю. Смішко и І. К. Свешніков. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961, стр. 89—114.
[125] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 219—226; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету. Серія археологічна, вип. 1. Чернівці, 1960, стр. 93—103; он же. Древности Восточной Волыни первой половины I тысячелетия н. э. Автореф. дисс. Черновцы, 1962, стр. 6—7.

ники, включены все известные нам пункты так называемой волынской группы культуры полей погребений. Для того чтобы обратить внимание на их специфику в примечаниях сделана ссылка на авторов, выделяющих эти памятники в особую нечерняховскую группу памятников.

Житомирская область

1. **Андрушевка** (Гуйва — Тетерев — Днепр). Случайная находка [126].

2. **Бердичев** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Два поселения [127].

3. **Брусилов — 3** (Здвиж — Тетерев — Днепр). Поселение (?) на правом берегу, в урочище Вила. Обнаружено Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР 1960 г. Оно расположено между первым и вторым пересохшими притоками р. Рудки там, где она делает крутой поворот, образуя петлю. На бугре в обнажении берега встречены отдельные обломки лепной и гончарной посуды эпохи полей погребений. Особенно показательным является большой фрагмент гончарной сероглиняной округло-биконической миски черняховского типа. Другой крупный обломок черной лепной лощеной миски напоминает зарубинецкую посуду. В срезе берега культурный слой достигает 0,40 м, но находки в нем очень редки. Над обрывом, на поле, керамики нет, возможно, из-за нераспаханности участка [128].

4. **Буряки** (Тетеревка — Тетерев — Днепр). Могильник и случайная находка — треухая миска [129].

5. **Быстрик** (Ореховец — Роставица — Рось — Днепр). Поселение [130].

6. **Быстрик** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [131].

7. **Великая Пятигорка** (Гнилопятка — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Отдельные находки — обломки гончарных черняховских сосудов [132].

8. **Гвоздава** [133] (Рудка — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [134].

9. **Голодьки** (Гнилопятка — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение с керамикой волынской группы полей погребений [135].

10. **Голубивка** (Роставица — Рось — Днепр). Поселение и могильник [136].

11. **Дергановка** (Роставица — Рось — Днепр). Поселение [137].

12. **Дрыглов** (Тетерев — Днепр). Поселение на правом берегу реки, к северу от школы. Обнаружено Древлянским отрядом Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1961 г. Расположено на склоне берега. Собран подъемный материал культуры полей погребений черняховского типа [138].

13. **Житницы** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение к северо-западу от села и обломки черняховской керамики на южной окраине села [139]. Отнесено И. С. Винокуром к памятникам волынской группы полей погребений [140].

14. **Иванковцы** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [141]. И. С. Винокур относит его к волынской группе полей погребений [142].

---

[126] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 23.

[127] Там же.

[128] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1960 г., стр. 17.

[129] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 27.

[130] Там же, стр. 26.

[131] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 10, 18.

[132] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 23.

[133] Пункт Вовчинцы в списке памятников нами опущен. Он указан в статье И. С. Винокура «Старожитності Східної Волині...», стр. 10, 16. Между тем, расхождение между указанием в статье района (Ружинский) и местоположением этого пункта на карте (севернее Чернорудки, т. е. скорее всего в Попельянском р-не) делает определение его местоположения затруднительным. На наиболее подробных, бывших нам доступными картах этого пункта нет.

[134] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 23.

[135] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34, 39.

[136] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 26.

[137] Там же.

[138] И. П. Русанова. Отчет о работе Древлянского отряда Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г. Рукопись Архив ИА АН СССР. Приношу благодарность И. П. Русановой за предоставление сведений об обнаруженных ею памятниках, см. рукопись в Архиве ИА АН СССР Р-1, 1592.

[139] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 23.

[140] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34, 37.

[141] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 24.

[142] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34, 41. Возможно, что автор говорит о другом поселении, чем то, которое имеет в виду Е. М. Махно, поскольку у И. С. Винокура описанный им пункт расположен не южнее, а западнее Бердичева в Любарском р-не. На карте этот пункт нам найти не удалось.

15. **Катериновка** (Кодня — Гуйва — Тетерев — Днепр). Поселение [143].

16. **Кикишевка** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [144].

17. **Корчак** (Тетерев — Днепр). Отдельные находки керамики черняховского типа [145].

18. **Маркуши-Житницы** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [146]. Винокур относит его к волынской группе полей погребений [147].

19. **Обуховка** (левый безымянный приток Гнилопяти — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [148].

20. **Плоское** [149]. (Роставица — Рось — Днепр). Поселение [150].

21. **Пражев (Пряжев).** (Коденка — Гуйва — Тетерев — Днепр). Два поселения [151]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят их к волынской группе полей погребений [152].

22. **Приветов** (Тетеревка — Случь — Горынь — Припять — Днепр). Поселение на правом берегу речки между колхозным садом и водокачкой, в северной части села. Обнаружено Древлянским отрядом Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1961 г. На пашне на протяжении около 150 м встречались черепки посуды культуры полей погребений черняховского типа [153].

23. **Пустоха** (Роставица — Рось — Днепр). Три поселения [154].

24. **Пылыпы Русские** (Пятка — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [155].

25. **Пылыпы Украинские** (Пятка — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [156].

26. **Пятки** (Пятка — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [157].

27. **Радянське** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [158]. И. С. Винокур относит его к волынской группе полей погребений [159].

28. **Райки** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Отдельные находки вещей римского времени на позднем городище и два поселения [160].

29. **Риг** (истоки Рудки — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [161].

30. **Ружин** (Роставица — Рось — Днепр). Поселение [162].

31. **Семеновка** (правый приток Гнилопяти — Гнилопять — Тетерев — Днепр). Два поселения и могильник [163].

32. **Скаргливка** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [164].

33. **Слободище** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Четыре поселения [165]. Поселение в урочище Слободка И. С. Винокур относит к памятникам волынской группы полей погребений [166].

34. **Соколов Брод** (Роставица — Рось — Днепр). Три поселения [167].

35. **Сосновка** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [168]. Оно отнесено И. С. Винокуром к волынской группе полей погребений [169].

36. **Староселье** (Гуйва — Тетерев — Днепр). Поселение [170].

37. **Трубеевка** (Роставица — Рось — Днепр). Три поселения [171].

---

[143] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 10, 19.

[144] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 24.

[145] Там же, стр. 25.

[146] Там же, стр. 24.

[147] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині... стр. 34, 37—38.

[148] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 24.

[149] Пункт Оленск, который следует поместить перед описываемым, расположен изолированно от других черняховских памятников, далеко на севере (МИА, № 82, см. карту). Ю. В. Кухаренко и И. П. Русанова, по словам самой Е. В. Махно, видимо, не без оснований ставит под сомнение существование черняховского пункта. Как сообщает Ю. В. Кухаренко, им была осмотрена местность у с. Олевск и признаков могильника культуры полей погребений обнаружить не удалось.

[150] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 26.

[151] Там же, стр. 25.

[152] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Указ. соч., стр. 24—37.

[153] И. П. Русанова. Указ. соч., стр. 7.

[154] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 26.

[155] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 10, 18.

[156] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 27.

[157] Там же.

[158] Там же, стр. 24.

[159] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34, 60.

[160] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 24.

[161] Там же.

[162] Там же, стр. 26.

[163] Там же, стр. 24.

[164] Там же.

[165] Там же.

[166] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34—35.

[167] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 25—26.

[168] Там же, стр. 27.

[169] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34, 39.

[170] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 23.

[171] Там же, стр. 26.

38. **Чернорудка** (Постел — Роставица — Рось — Днепр). Поселение [172].

39. **Швайковка** (Гнилопять — Тетерев — Днепр). Поселение [173].

40. **Ягнятин** (Роставица — Рось — Днепр). Два поселения и отдельные обломки керамики черняховского типа [174].

Ровенская область

1. **Бичаль** (Горынь — Припять — Днепр). Отдельная находка — большой гончарный сосуд [175].

2. **Большой (Великий) Житин.** Левый приток Горыни. (Горынь — Тетерев — Днепр). Поселение (?) [176].

3. **Волица Стракливская** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Поселение [177]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур отнесли его к волынской группе полей погребений [178].

4. **Городище** (Горынь — Припять — Днепр). Могильник [179]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят его к волынской группе полей погребений [180].

5. **Деревянное (Деревянная)** (Стубелька — Горынь — Припять — Днепр). Могильник [181]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят его к волынской группе полей погребений [182].

6. **Дитиничи** (Еловица — Иква — Стырь — Припять — Днепр). Отдельные находки керамики черняховского типа на могильнике, который по общему мнению всех исследователей имеет иную культурную принадлежность [183].

7. **Дорогобуж** (Горынь — Тетерев — Днепр). Отдельные находки — обломки керамики черняховского типа [184].

8. **Дубно** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Два поселения [185].

9. **Забороль** (левый приток Горыни — Горынь — Припять — Днепр). Находки керамики позднеримского времени в лесу, на поле [186].

10. **Залужье** (Случь — Горынь — Припять — Днепр). Случайные находки сосудов римского времени на городище другой эпохи [187].

11. **Зеленица** (Стубла — Стырь — Припять — Днепр). Могильник IV—V вв. н. э. [188]

12. **Зеленый Дуб** (левый приток Вилии — Вилия — Горынь — Припять — Днепр). Погребение с сожжением. Урна — трехручная миска, накрытая миской. Оба сосуда сделаны на гончарном круге [189].

13. **Иванчицы** (Стырь — Стубла — Припять — Днепр). Могильник на песчаных выдувах, где были погребения с трупосожжениями [190].

14. **Колки** (Случь — Горынь — Припять — Днепр). Погребение в кургане (?), из которого происходят две миски, сделанные на гончарном круге и стеклянная чарка [191].

15. **Костянец** (правый приток Иквы — Иква — Стырь — Припять — Днепр). Поселение и

---

[172] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 25.

[173] Там же.

[174] Там же, стр. 26—27.

[175] A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia wołyńskiego. Warszawa, 1961, стр. 113. Книга любителя-археолога А. Цинкаловского, как его называет редактор книги Ю. Костжевский, содержит сведения о памятниках частично известных по литературе, но в большинстве неопубликованных, материалы с которых погибли во время Второй мировой войны. Черняховская принадлежность памятников во многих случаях требует проверки. В книге, как правило, очень кратко упомянуты находки и определена хронологическая принадлежность — римское время.

[176] T. Piętka-Dabrowska. Przyczynki do znajomości okresu od I do VI w. n. e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu. Wiadomości archeologiczne, t. XXVII, zesz. 2. Warszawa, 1961, стр. 221, tabl. XLIV, *8, 10*.

[177] М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 352—365.

[178] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині.., стр. 34, 52.

[179] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 220;

[180] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині.., стр. 34.

[181] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 44.

[182] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220, 222, 224; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині.., стр. 34, 41—42.

[183] М. Ю. Смішко и І. К. Свешніков. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961, стр. 89—114; Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Указ. соч., стр. 34, 47.

[184] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 43.

[185] Там же, стр. 43.

[186] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 110, 116.

[187] Там же, стр. 116.

[188] Там же, стр. 112.

[189] Там же, стр.113, tabl. XVI, 2.

[190] Там же, стр. 110.

[191] Там же, стр. 110, табл. XVIII, *1—3*; Я. Пастернак. Коротка археологія західно-українських земель. Львів, 1932, стр. 45; W. Antoniewicz. Ślady kultury gockiej na ziemiach słowiańskich do najazdu Hunów. Słownik starożytności słowiańskich. Zeszyt próbny. Warszawa, 1934, стр. 33, tabl. VI. *4—5*.

отдельная находка — кувшин черняховского типа [192]. По мнению Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокура, поселение относится к волынской группе полей погребений [193].

16. **Курганы** (Горынь — Припять — Днепр). Отдельные находки обломков керамики черняховского типа [194].

17. **Липа** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Случайные находки — обломки черняховских сосудов [195].

18. **Мирогоща** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Погребение [196]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят его к волынской группе полей погребений [197].

19. **Мокрое** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Отдельные находки керамики и железные вещи эпохи полей погребений [198].

20. **Нараевка** (С. Чубель — Стубла — Горынь — Припять — Днепр). Отдельные находки керамики черняховского типа [199].

21. **Новоставцы** (левый приток Горыни — Горынь — Припять — Днепр). Погребение с трупоположением, которое сопровождали глиняные сосуды, гребень и две фибулы [200].

22. **Остров Варковецкий** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Поселение [201]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят его к волынской группе полей погребений [202].

23. **Острог** (Горынь — Припять — Днепр). Отдельная находка — гончарный биконический сосуд [203].

24. **Подлужье** (Иква — Стырь — Припять — Днепр). Поселение [204]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят его к волынской группе полей погребений [205].

25. **Посников** (левый приток С. Чубели — С. Чубель — Горынь — Припять — Днепр). Отдельные находки — сосуды из так называемой серой глины [206].

26. **Стадники** (Вилия — Горынь — Припять — Днепр). Поселение со скоплениями керамики и обожженной глины [207].

27. **Хомут** (Приток Стублы (?) — Стубла — Горынь — Припять — Днепр). Поселение, отнесенное И. С. Винокуром к памятникам волынской группы полей погребений [208].

28. **Хочин** (Правый приток Горыни — Горынь — Припять — Днепр). Случайные находки — обломки сделанных на круге сосудов [209].

Волынская область

1. **Владимир-Волынский** (Луча — З. Буг). Обнаружены отдельные находки керамики римского времени; в урочище Белый Берег — могильник с трупосожжением, где добыто несколько урн, сделанных на круге, и вылепленных от руки. Там же было найдено место кострища, среди угольков встречались пережженные кости [210]. Из этого же города происходят обломки посуды пшеворского типа — вандальской, по терминологии Я. Пастернака [211].

2. **Горка-Полонка** (Стырь — Припять — Днепр). Погребение [212]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур относят его к волынской группе полей погребений [213].

3. **Киверцы** (правый приток Стыри — Стырь — Припять — Днепр). Сосуд из чистой глины, который содержал клад римских монет [214].

---

[192] Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 43.
[193] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220, 223—224; І. С. Винокур. Указ. соч., стр. 34, 50.
[194] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 44.
[195] Там же, стр. 43.
[196] Там же.
[197] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Указ. соч., стр. 34.
[198] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 43; T. Piętka-Dąbrowska. Op. cit., стр. 218.
[199] T. Piętka-Dąbrowska. Op. cit., стр. 218.
[200] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 111.
[201] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 43.
[202] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34. Мы исходим из того, что остров Варковецкий и Остров, в вышеуказанных работах, являются одним и тем же пунктом.
[203] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 44.
[204] Там же, стр. 43.
[205] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220, рис. 1; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34.
[206] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 114—115.
[207] Там же, стр. 109. По-видимому, расположение пункта вблизи Луцка указано ошибочно. Там нет такого села. На карте и в справочниках имеется с. Стадники только вблизи г. Ровно в Гощанском р-не.
[208] І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34.
[209] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 113.
[210] Там же, стр. 109, 112.
[211] Я. Пастернак. Нові археологічні набутки Музею Наукового товариства ім. Шевченка у Львові. Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. CLIV. Львів, 1937, стр. 258.
[212] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 20.
[213] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34.
[214] G. Rzączynski. Actuarium historiae naturalis curiosae. Gedani, 1745, S. 25; Б. Б. Антонович,

4. **Кречив** (Приток Луги — Луга — З. Буг). Поселение (?) [215].

5. **Лудинь** (З. Буг). Погребение с трупоположением в урочище Могильная дорога [216]. Отсюда же происходит римская золотая монета с цепочкой, которую носили как образок [217].

6. **Луцк** (Стырь — Припять — Днепр). Могильник и отдельное погребение [218]. Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур считают их принадлежащими волынской группе полей погребений [219].

7. **Миляновичи** (междуречье р. Турья и Выжва — Припять — Днепр). Поселение со скоплениями обожженной глиняной обмазки. Керамика лепная [220].

8. **Невир** (Припять — Днепр). Случайная находка — гончарные сосуды римского времени [221].

9. **Одерады** (Паланка — Стырь — Припять — Днепр). Случайная находка — гончарные сосуды римского времени, найденные при добыче торфа [222].

10. **Черников** (З. Буг). Поселение [223].

* * *

Прежде всего рассмотрим результаты картографирования памятников черняховского времени северных областей. Если сравнить составленную нами карту с недавно изданными и неоднократно нами упоминавшимися картами И. И. Ляпушкина и Е. В. Махно, получим следующее: для Левобережья северная граница памятников черняховского типа существенно отодвигается, в частности районы черниговского, сумского и курского Посеймья оказываются насыщенными поселениями культуры полей погребений; для Правобережья некоторым изменениям подвергаются границы культуры в Ровенской и Волынской областях, в которых прослеживается значительно большее число памятников черняховского времени. Правда, некоторые из указанных на нашей карте пунктов в западных областях из-за краткости их описания в трудах польских ученых, в особенности у А. Цинкаловского, следует повторно обследовать, чтобы проверить их культурную принадлежность. Однако районы, где среди неполно описанных памятников римского времени встречаются типично черняховские, есть основания тоже включить в зону распространения культуры полей погребений.

В соответствии с порядком описания пунктов культуры полей погребений сперва охарактеризуем северные черняховские памятники Левобережья. До недавнего времени ставился вопрос о якобы особом и даже не черняховском характере левобережных поселений и могильников римского времени. Например, большие разногласия о культурной принадлежности вызвало многослойное поселение, открытое неподалеку от Курска, у дер. Авдеево [224]. Особенно определенно мысль об отсутствии черняховских памятников в северных областях Левобережья была высказана Д. Т. Березовцом: «Подтвердилась мысль об отсутствии тут памятников черняховского типа. В то время, когда в Поднепровье существовала культура полей погребений черняховского типа, для Посеймья характерными являлись памятники зарубинецко-корчеватовского типа...» [225] В то же время надо отметить, что при раскопках Харьевского поселения и обследовании других аналогичных поселений исследователь обратил внимание на отдельные находки керамики, имеющей аналогии в культуре полей погребений черняховского типа. В частности, встречались стенки сосудов со щербинами от выпавших зерен кварца, сосуды на кольцевой ножке и т. п. [226] М. Ю. Брайчевский, поддерживая выводы Д. Т. Березовца, приходил к заключению об особом типе малохарактерных черняховских памятников Левобережья [227]. И. И. Ляпушкин видел здесь особую группу черняховских памятников или даже особую культуру типа Кантемировки, нашедшую свое продолжение в

Археологическая карта Волынской губернии. Труды XI АС, т. I. СПб., 1901, стр. 50; A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 113.

[215] T. Piętka-Dąbrowska. Op. cit., стр. 218.

[216] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 110.

[217] О. Цинкаловський. Матеріали до археології Володимирського повіту. Записки Наукового товариства им. Шевченка, т. CLIV. Львів, 1937, стр. 237—238.

[218] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 20.

[219] Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 220; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині..., стр. 34.

[220] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 107.

[221] Там же, стр. 114; Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 260.

[222] A. Cynkałowski. Op. cit., стр. 114, tabl. XV, I.

[223] T. Piętka-Dąbrowska. Op. cit., стр. 217.

[224] А. Е. Алихова. Авдеевское селище. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 106—112.

[225] Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 64.

[226] Там же, стр. 64; Д. Т. Березовец. Отчет о работе Сеймско-Славянского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г. Рукопись. Архив ИА АН УССР.

[227] М. Ю. Брайчевський. Про етнічну приналежність черняхівської культури. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 12—14.

салтовской культуре [228]. Между тем исследование и обнаружение на Левобережье все новых памятников заставило по-другому взглянуть на эту область. Так, в публикации Лохвицкого могильника тот же Д. Т. Березовец, в соавторстве с В. П. Петровым, пишет о специфическо-черняховском характере памятника, хотя на нем и отмечаются некоторые своеобразные детали обряда погребения, являющиеся локальными особенностями [229]. Е. В. Махно произвела раскопки ряда поселений и могильников на Левобережье и показала, что по основным своим особенностям они мало чем отличны от Правобережных. Так например, ее раскопки Кантемировского могильника позволили сделать заключение, что это — рядовой черняховский памятник, на котором в курганах было погребено, видимо, какое-то смешанное сарматизированное население [230]. Могилы эти явились исключением из общего правила и отнюдь не представляли какой-то особой группы черняховской культуры, как предполагал И. И. Ляпушкин. Хотя на левобережных могильниках черняховского типа широких работ не производилось, тем не менее есть достаточно данных, чтобы охарактеризовать особенности обряда погребения. Характерно здесь сочетание обряда трупоположения и трупосожжения. Погребения, сопровождаемые сосудами и другим бытовым инвентарем, ориентированные головами на север, с сезонными отклонениями встречены в Переяславле-Хмельницком [231], Лохвице [232], Кантемировке [233], Сумах [234] и пр. Типичные для позднечерняховского времени погребения с трупоположением, ориентированные на запад и почти лишенные инвентаря, в северных районах распространения памятников черняховского типа Левобережья изучены мало, хотя они неоднократно встречались. Трупосожжения в основном двух типов: урновые и ямные. Исключением является погребение в Гурбинцах, где встречена урна с прахом, обставленная сопровождавшими ее сосудами [235]. Однако эта находка не может служить поводом для противопоставления левобережных памятников правобережным, так как, например, подобного типа погребения упомянуты В. В. Хвойкой в с. Черняхове [236]. Малохарактерные для черняховской культуры подкурганные захоронения типа кантемировских или воронцовских, описываемых И. И. Ляпушкиным в разделе, посвященном культуре полей погребений Левобережья, мы не считаем возможным рассматривать как какой-то особый обряд погребения на могильниках черняховского типа до того, как будет собрано большее число фактов [237].

Поселения культуры полей погребений Левобережья еще менее изучены, чем могильники [238]. Небольшие раскопки в Кантемировке и Пересечном дополняют результаты работ Е. В. Махно в Ново-Липовском, где была вскрыта значительная площадь и, как сообщала в своих выступлениях исследовательница, обнаружены остатки наземных больших жилищ. Их места обозначали большие развалы глиняной обмазки, какие неоднократно были встречены на правобережных памятниках [239].

Общая характеристика находок на поселениях и могильниках сделана в книге И. И. Ляпушкина. Дополняя эту характеристику, мы приводим некоторые неопубликованные или почти неопубликованные материалы ранее известных и обнаруженных нами памятников северных районов Левобережья. Выразительные примеры керамических комплексов получены, например, с юга Черниговской и Сумской областей. В районе Прилук нами был упомянут могильник у с. Гурбинцы, раскопанный Н. Е. Макаренко, и ряд памятников культуры полей погребений в районе с. Малая Девица, которые

---

[228] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н.э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, 1950, XIII, стр. 27; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 159.

[229] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник. МИА, № 82, 1960, стр. 99.

[230] Є. В. Махно. Кантемирівські поселення та могильник культури полів поховань. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 240.

[231] В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницкого. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 129—138.

[232] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Указ. соч., стр. 86.

[233] Є. В. Махно. Кантемирівські поселення та могильник культури полів поховань, стр. 236—237.

[234] В. А. Богусевич. Погребение черняховской культуры в г. Сумах. КСИА АН УССР, вып. 10. Киев, 1960, стр. 103.

[235] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення ВУАК в 1926 р. Київ, 1927, стр. 112.

[236] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, нов. сер., т. XII, вып. 1—2. СПб., 1901, стр. 188—190.

[237] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 155.

[238] Там же, стр. 150—154.

[239] Э. А. Рикман. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, № 3, стр. 133, рис. 8

не были учтены в картах, составленных И. И. Ляпушкиным и Е. В. Махно. Материалы из Гурбинец хранятся в Прилукском краеведческом музее. Число целых форм керамики превышает 20 экз. Среди них несколько сосудов эпохи бронзы, украшенных шнуровым орнаментом и пр. Большая же часть относится к культуре полей погребений. Автором раскопок в Гурбинцах Н. Е. Макаренко было опубликовано только шесть мисок, впоследствии переизданных И. И. Ляпушкиным. Между тем в Гурбинцах были найдены прекрасные образцы и других типов сосудов, таких же, как на многих других черняховских памятниках. В числе их горшки с шероховатой поверхностью с отогнутым венчиком и более или менее крутыми плечиками. Дно их обычно выделено, а поверхность у дна покрыта щербинами. По плечикам они иногда украшены горизонтальными врезанными линиями или уступом, отделяющим горлышко от тулова (рис. 2). Один сосуд имеет на плечиках какой-то знак, процарапанный по сырой глине — к незамкнутому овалу примыкает другообразно изогнутая линия. Миски биконической формы более или менее глубокие серого и черного цветов, с поверхностью, покрытой лощением. По верхней части тулова у них нередко проходит валик, а две украшены горизонтальным пояском по грани тулова. От верхней части сосуда его отделяет уступ. Чрезвычайно оригинально украшена одна из таких мисок. Здесь по грани тулова чередуются косые углубленно-лощеные врезы и 8-образные горизонтально расположенные фигуры, выполненные пунктирными линиями (рис. 2, *5—9*, *11—12*). Кувшины имеют округло удлиненное или биконическое тулово и снабжены одной или двумя ручками. В двух случаях из четырех горлышко от плечиков отделяет валик. Под валиком на плечиках расположен лощеный узор в виде сетки или горизонтальной «елочки» (рис. 2, *17—20*). Группу посуды, сделанную на гончарном круге, завершает важная для установления даты могильника, узкогорлая амфора желтоватого цвета. На ее шейке расположены в два ряда малоразборчивые греческие буквы, выполненные красной краской. Наверху «дельта» и ниже какое-то слово (рис. 3, *1*). Во время нашего посещения места могильника в Гурбинцах точно установлено происхождение амфоры с территории могильника. После отъезда экспедиции Н. Е. Макаренко крестьянин Н. Рябенко, принимавший ранее участие в раскопках, нашел в 1926 г. сосуд на границе с современным кладбищем и передал его в Прилукский краеведческий музей. В тексте статьи Н. Е. Макаренко и составленной им описи вещей амфора не упомянута [240]. Не меньший интерес представляют находки лепной посуды из Гурбинец. Наиболее надежно с комплексом черняховских сосудов может быть связан кружкообразный горшочек, снабженный ручкой. Он имеет максимальное расширение тулова в верхней трети сосуда и слегка отогнутый край. Цвет сосуда желтовато-коричневый. Глина с примесью песка. Поверхность гладкая (рис. 2, *10*). Аналогичные формы хорошо известны в керамике культуры полей погребений зарубинецкого типа [241]. Эти находки дополняются обломками костяного многочастного гребня, скрепленного гвоздиками. Из другого черняховского пункта Черниговщины — Журавки (прилукской) происходит ряд сосудов, как например, сделанный на круге сероглиняный довольно приземистый горшочек, с утолщенным венчиком, украшенный по плечикам врезанными горизонтальными линиями и у дна покрытый щербинами (рис. 2, *14*). В Журавке (прилукской) были также найдены миски, изготовленные на круге, открытого типа и биконическая закрытая миска. Чрезвычайно любопытной находкой является глиняная гончарная фляжка, с одной стороны плоская, с другой слегка выпуклая, орнаментированная и снабженная двумя ушками (рис. 2, *16*). Это самая северная находка сосудов подобного рода. Ближайшие аналогии фляжке происходят из Надпорожья и Причерноморья [242]. Такая керамика восходит к среднеазиатским образцам и на запад от Днепра нам неизвестна. Важно, что и на этом памятнике гончарные формы сочетаются с лепной посудой черняховской культуры. В Прилукском краеведческом музее имеется горшок удлиненных пропорций, край которого слегка выделен отгибом и максимальное расширение тулова находится посередине высоты. Цвет желтовато-коричневатый. В тесте примесь шамота. Поверхность в буграх (рис. 3, *3*). Это широко распространен-

[240] М. Макаренко. Указ. соч., стр. 106—117.

[241] В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 37, рис. 1, 7, *10*.

[242] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 1960, № 82, стр. 189, табл. IV, 12. Фонды Николаевского краеведческого музея. Надпись на этикетке: М. Корениха, на другой стороне Борисов, без номера. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, стр. 207, рис. 93, *8*. Последняя находка на Салтовском могильнике у хутора Подгоровка.

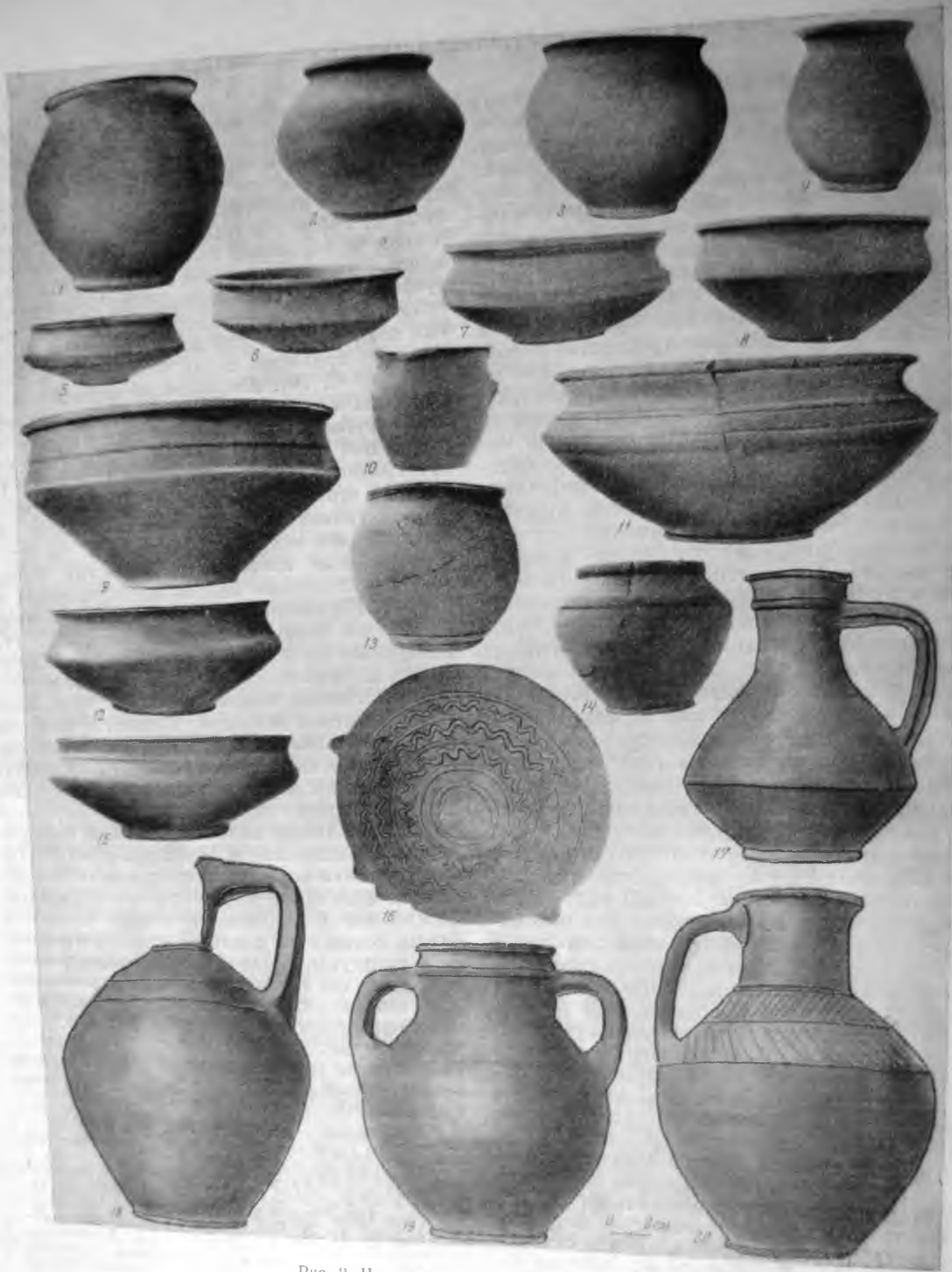

Рис. 2. Черняховская керамика Черниговщины.
1—13, 15, 17—20 — Гурбинцы; 14, 16 — Журавка прилукская.

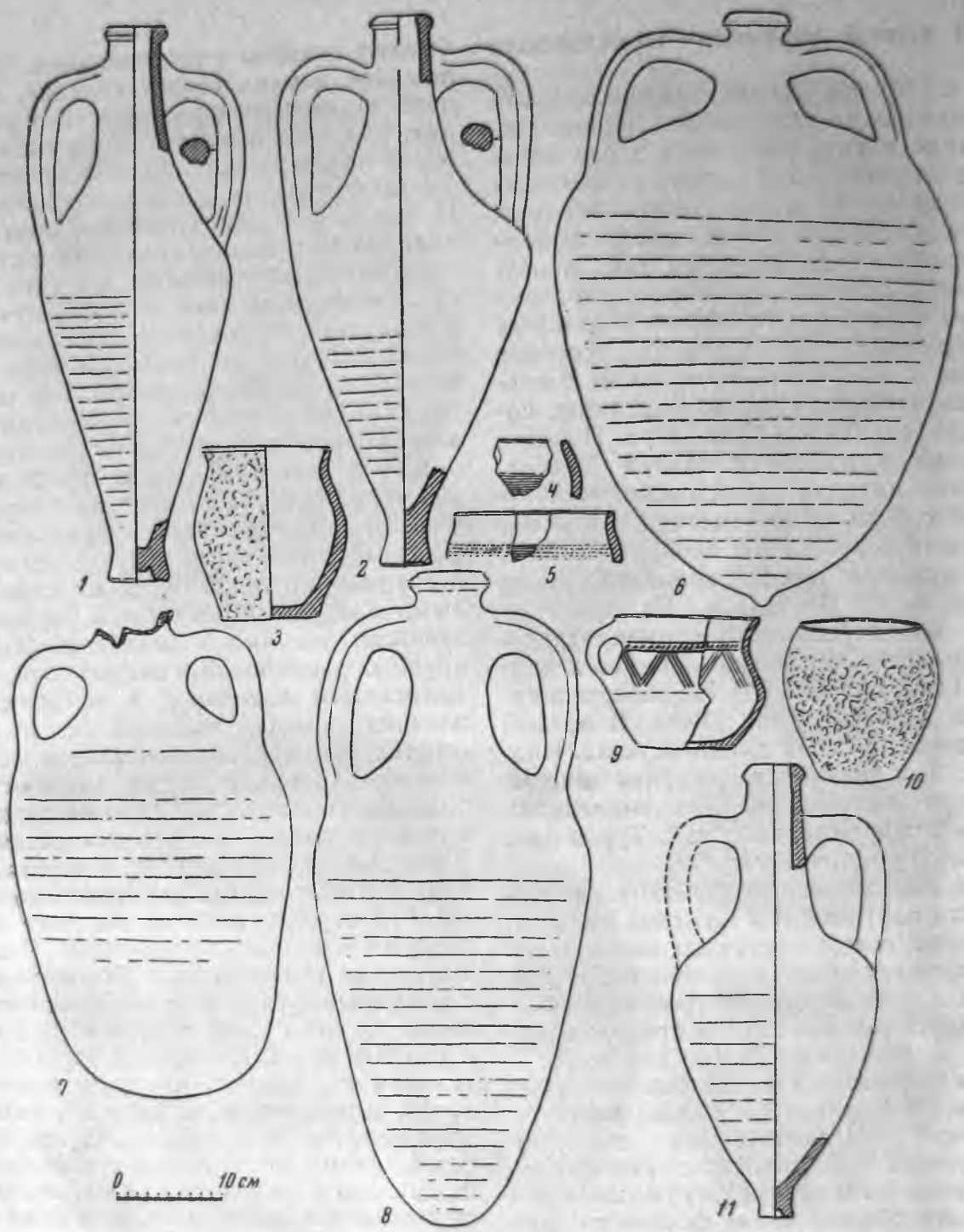

Рис. 3. Амфоры и образцы лепной керамики северных областей распространения черняховской культуры.

1 — Гурбинцы; *2* — Холодный; *3* — Журавка прилукская; *4,5* — Дедовщина; *6* — Коровинцы; *7* — Ярмолинцы (Ермолинцы); *8* — Басовка; *9* — Пражев (Пряжев) — по И. С. Винокуру; *10* — Деревянное — по И. С. Винокуру; *11* — Беседовка — по Е. В. Махно

ная форма лепной керамики черняховского типа [243].

Около с. Малая Девица зафиксирована группа черняховских памятников. Первые сведения об этом пункте поступили после обнаружения на кладбище при рытье современных могил древних захоронений, сопровождаемых вещами. В их числе гончарные горшки, обломки мисок открытого и закрытого типа и двуручный кувшин, одна ручка которого утрачена (рис. 4, *1—2*). Как нам сообщил сделавший находки крестьянин А. П. Федчун, сосудов было больше и, кроме них, с одним из погребенных была найдена, судя по описанию, поясная пряжка, сделанная из серебра. Пункты, расположенные в районе с. Малая Девица, дают типичные находки черняховской культуры. Небезынтересно здесь отметить новую находку римского серебряного денария. Монета хранится в нумизматической коллекции местного учителя В. П. Постульги. Ее принесли школьники. На аверсе портрет императрицы Фаустины погрудно, в профиль, вправо и надпись: FAVSTINA AV[GUSTA]. На реверсе женская фигура в рост, голова влево. В правой руке у нее венок, в левой длинный жезл. Надпись: VNO. Тип подобных денариев широко представлен в нумизматических коллекциях Украины. Так, например, клад из с. Турии дает образцы такого рода монет [244].

Не менее выразительные черняховские материалы были получены и в Сумской области. Один из самых северо-восточных комплексов сосудов, сопровождавших погребение с трупоположением в г. Сумах, полностью опубликован [245]. В качестве примеров мы приводим материалы из Коровинцев, хутора Холодного и Ярмолинцев (Ермолинцев). Великолепная серия сосудов из Коровинцев только частично опубликована [246]. Исследовавшие памятник И. И. Ляпушкин и Е. В. Махно считают их происходящими с селища культуры полей погребений, хотя обычно целые формы сосудов бывают связаны с погребениями. Само расположение керамического «клада», обнаруженного на месте современной «базарной площади», т. е. сравнительно на высоком месте, как будто подтверждает предположение, что сосуды были связаны с древними захоронениями. И нет ничего удивительного, если при рытье колодца было задето скопление сосудов, сопровождавших погребенного, а костяк, оставшийся за пределами ямы, не был замечен и потревожен. Как будто и то обстоятельство, что небольшой раскоп, заложенный на «базарной площади», дал преимущественно обломки керамики (может быть, следы тризны, часто встречающиеся на могильниках) тоже говорит в пользу высказываемого предположения [247]. Все сосуды из так называемого керамического «клада» из Коровинцев, хранящиеся в Роменском краеведческом музее, изготовлены на гончарном круге. В числе их горшки с круглыми и пологими плечиками, украшенные врезанными линиями и валиками. Один горшок крупных размеров был покрыт горизонтальным полосчатым лощением, в то время как его плечики украшал лощеный зигзаг, выполненный по матовой горизонтальной полоске, заключенной между двумя валиками. Миски: большая биконическая, орнаментированная по плечикам полосой из чередующихся лощеных и матовых треугольников, и другая, тоже биконическая, с вертикально поставленным краем. Его от тулова миски отделяет валик, под которым идут косые канелюры. Чрезвычайно интересны кувшины из с. Коровинцы. Все они одноручные с округлым или биконическим туловом, от небольших приземистых до крупных и удлиненных. Небольшой кувшин с округлым туловом украшен по плечикам лощеным зигзагом, выполненным по матовому полю и ограниченным двумя валиками. Другой кувшин из серой глины с шероховатой поверхностью имеет овально удлиненное тулово, горло с отбитым сливом и дугообразно, а не угловато, изогнутую ручку. У основания ручки на тулове подковообразный налеп, а на месте прикрепления ее к горлу, на вершине сосцеобразные выступы. Как форма кувшина, так и особенности украшения его ручки, напоминают позднесарматскую керамику [248]. Вполне возможно

[243] Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 16, рис. 5, *1*; В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961, стр. 80, рис. 3, *2*.

[244] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961, стр. 90, рис. 16, *16—18*.

[245] В. А. Богусевич. Указ. соч., стр. 103—105.

[246] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н.э. днепровского лесостепного Левобережья, стр. 17, рис. 4.

[247] Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 78—80, рис. 2, *11—18*.

[248] К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, т. I. Л.,

Рис. 4. Черняховская керамика с Левобережья.

1, 2 — Малая Девица; *3* — Червоный Яр; *4* — Мальцево; *5* — Ярмолинцы (Ермолинцы); *6—8* — Южная часть Курской области

сосуд является импортом из чуждого, по соседнего черняховскому мира. Наконец, большой сероглиняный кувшин с биконическим туловом — шедевр гончарного, типично черняховского по стилю, ремесла (рис. 5, *8*). Его описание и размеры приведены в статье И. И. Ляпушкина [249]. При этом следует заметить, что в Роменском краеведческом музее хранятся обломки еще одного кувшина художественной работы и близкого по форме и орнаментации вышеупомянутой находке.

Материалы из раскопа, заложенного в Коровинцах и опубликованные Е. В. Махно, немного добавляют к характеристике форм сосудов из этого пункта. Следует только упомянуть, что подсчеты групп керамики показали решительный перевес посуды с шероховатой поверхностью (80%) над лощеной (20%) и что, наряду с гончарной, встречены лепные фрагменты. Большая, правда, их часть должна, по-видимому, быть отнесена к скифской эпохе [250]. Происходящую из Коровинцев находку амфоры (рис. 2, *6*) И. Б. Зеест, по словам Е. В. Махно, датирует временем не ранее V в. н. э. [251]. Спорная находка чересла, якобы найденного вместе с керамическим «кладом», нам также представляется не относящейся к черняховскому комплексу. Вещь найдена не археологом на многослойном поселении, что уже заставляет отнестись к ней настороженно, если даже, как утверждает находчик, она тоже была обнаружена при рытье колодца [252]. Противоречат черняховской принадлежности плужного ножа и большие его размеры (длина 53 см), так как черняховские земледельческие орудия обычно поражают миниатюрностью своих размеров [253]. Следует обратить внимание на то, что И. И. Ляпушкин был введен в заблуждение, доверившись описаниям вещей, сделанным находчиками, он включил в комплекс «клада» из Коровинцев амфору с округлым дном. Этот сосуд, как справедливо заметила Е. В. Махно, происходит из с. Ярмолинцев (Ермолинцев) [254] (рис. 2, *7*). Он важен для установления поздней даты культуры подлей погребений на Левобережье. Из этого пункта нам неизвестны находки гончарной посуды, зато лепной горшок из Ярмолинцев вполне может быть сопоставлен с характерными формами лепных сосудов из черняховских могильников Нижнего Днепра и Западной Украины [255]. Горшок имеет желтовато-сероватый цвет, заглаженную поверхность, в тесте примесь шамота (?) (рис. 4, *5*). Хотя упомянутый выше сосуд и амфора представляют собой какой-то керамический комплекс, но тем не менее черняховская принадлежность пункта в Ярмолинцах окончательно будет считаться установленной только после дополнительного обследования.

Важны для датировки черняховских материалов юга Сумской области находки у хутора Холодного, Басовки и Беседовки, откуда происходят узкогорлые амфоры римского времени (рис. 3, *2, 8, 11*). По-видимому, это самые северные целые экземпляры провинциально-римских амфор II — IV вв. н. э. В хуторе Холодном (Холодный Яр) найдены гончарные сосуды черняховской культуры, являющиеся случайной находкой [256]. В Роменском краеведческом музее сохранились две лощеные миски — одна круглобокая, другая — биконическая, украшенные валиками и широкогорлая биконическая, с лощеным зигзагом; лощеный сероглиняный кувшин удлиненных пропорций, с обломанной ручкой и украшенный под венчиком валиком, покрытым углубленно-лощеными косыми врезами и на сохранившейся

1941, табл. XI, *1—2*; Є. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці. АП УССР, т. IX. Київ, 1960, стр. 29, рис. 17, *II*.

[249] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «подлей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья, стр. 17, рис. 4.

[250] Є. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н.е. в верхній течії Сули, стр. 78—79.

[251] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, стр. 45.

[252] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «подлей погребений» первой половины I тысячелетия н.э. днепровского лесостепного Левобережья, стр. 18.

[253] Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 117, рис. 51; В. П. Савич. Нові пам'ятки доби полів поховань на території Львівської і Тернопільської областей. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 2. Київ, 1959, стр. 114—118, табл. I, *10*.

[254] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, стр. 45. Не предрешая вопрос о предполагаемой салтовской принадлежности амфоры из Ярмолинцев, мы сочли нужным опубликовать целые формы подобных сосудов, чтобы уточнить истинную датировку памятников. См. изображение амфоры из Коровинцев на рис. 3, *6*.

[255] Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 16, рис. 5, *9*; В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, стр. 81, рис. 4, *1*.

[256] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, стр. 46.

Рис. 5. Глиняные сосуды из Коровинцев (*1—9*)

части ручки рядами круглых углубленно-лощеных ямок, и другие сосуды.

Басовская амфора найдена на городище при раскопках ИА АН УССР в 1937 г. [257]

На многослойном памятнике в Беседовке в числе прочих материалов были обломки гончарной керамики черняховского типа, среди них стенка сосуда, орнаментированная косыми канелюрами, разделенными пунктирными сдвоенными линиями. Эту керамику датирует амфора, опубликованная Е. В. Махно [258].

О существовании памятников черняховской культуры в Курской области было известно по находкам на юге области, сделанным К. П. Сосновским, И. И. Ляпушкиным и другими исследователями. О существовании подобных памятников на севере указывали раскопки многослойного поселения у с. Авдеево. Материалы южно-курских памятников почти неопубликованы. В последней работе И. И. Ляпушкина приведены обломки посуды с селища у с. Гридасова [259]. Типы и орнаментация опубликованных фрагментов широко представлены в памятниках черняховской культуры более южных областей. И. И. Ляпушкин упоминает находки лепной керамики в Гридасове. При этом он отмечает ее сходство с обломками лепной посуды, собранной на поселении в дер. Услонке Обоянского р-на и дер. Авдеево Ленинского р-на, неподалеку от г. Курска [260]. Во время осмотра фондов Курского областного краеведческого музея нами были отмечены случайные характерно черняховские находки трех сосудов. Из инвентарных книг известно только, что они происходят с юга Курской области [261]. Две миски и биконическая кружка изготовлены на гончарном круге из отмученной глины. Цвет сосудов темно-серый и черный. Поверхность лощеная. Плечики наибольшей миски украшает валик, а под ним, по грани тулова нанесены неглубокие косые канелюры. Подобными же, но более глубокими каннелюрами, был украшен гончарный желтоватого цвета сосуд из Танеевки (рис. 6, *9*). Описание этого обломка приводит К. П. Сосновский, не определяя культурной принадлежности как этого, так и других открытых им «сельбищ» [262]. Среди собранных им материалов имеется спинка бронзовой арбалетной фибулы подвязного типа, происходящая из д. Мокритка, где были собраны разновременные материалы, в том числе относящиеся к черняховской культуре. Кроме этих находок, нами было обращено внимание на керамику культуры полей погребений из более северных районов, полученную благодаря неутомимым сборам краеведа Ю. А. Липкинга. Такого рода черняховские находки в собранных им в Посеймье коллекциях происходили, по крайней мере, из пяти пунктов. Выборочное обследование, предпринятое Средне-Днепровской экспедицией в 1961 г., притоков рек Сейма и Десны, существенно увеличило количество наиболее северных памятников культуры полей погребений, число которых на севере Курской, Сумской и Черниговской областей в настоящее время достигает 30. При этом особенно любопытно, что памятники подобного рода обнаружены не только на левобережных, южных притоках Сейма, но и на северных, в частности, севернее Авдеева. Все это вместе взятое не позволяет больше говорить о случайном характере находок черняховской культуры в этих районах, как например, еще недавно трактовал авдеевские находки И. И. Ляпушкин [263]. Через 10 лет на новой составленной исследователем карте этот пункт обозначен условным знаком — «селище». Оно на карте 1961 г. значится как единственный черняховский пункт по всему течению р. Сейма [264]. Однако находки римских монет, которые нередко происходят с поселений черняховского типа, уже давали основания расширять их северную границу до р. Сейма [265]. Как показали разведки 1961 г., северные притоки Пела густо населяли племена, оставившие черняховскую культуру. В частности, достаточно убедительные результаты получены при обследовании берегов р. Суджи,

---

[257] Там же, стр. 45. Однако описание инвентарной книги, на которую ссылается Е. В. Махно, не соответствует той вещи, которая значится под № 1038. Амфора под этим номером имеет яйцевидное тулово, без шишечка на дне.

[258] Є. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н.е. в верхній течії Сули, стр. 83, рис. 5, *9—10*.

[259] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, стр. 151, рис. 82.

[260] Там же, стр. 162, 174.

[261] Фонды Курского областного краеведческого музея № 13 883—13 885.

[262] К. П. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Пела, в пределах Обоянского уезда Курской губ. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии, вып. I. Курск, 1911, стр. 299—320, о Танеевке стр. 302—303.

[263] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э. Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 30, см. карту.

[264] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, стр. 159, см. карту.

[265] Там же, стр. 149.

начиная от дер. Большое Солдатское до дер. Кубаткино. На этом участке удалось зафиксировать три поселения. Среди них своей величиной выделяется селище у дер. Нижняя Паровая — 2. Собранная там посуда в значительной части лепная. Есть обломки краев яйцевидной формы сосудов, обломки лепных мисок с конически расширяющимися краями, горшков с краем, выделенным отгибом и иногда украшенным пальцевыми вдавлениями по верху венчика. Образцы гончарной керамики крупны и характерны для прочих памятников черняховской культуры (рис. 6, *11*), в частности среди лощеной группы гончарных сосудов был фрагмент биконической миски, украшенной по грани тулова косыми каннелюрами.

Позже, как мне сообщил Ю. А. Липкинг, у дер. Большое Солдатское им было открыто еще одно поселение, в самом верховье реки еще два поселения с гончарной и лепной керамикой культуры полей погребений. Факт этот чрезвычайно важен, потому что с р. Суджи происходят известные клады эпохи переселения народов и до сих пор неясно к носителям какой археологической культуры их следует отнести[266]. При осмотре берегов Суджи нам не попалось никаких памятников пражского или предроменского типов, что позволяет высказать предположение о позднем существовании на Судже памятников черняховского типа и вероятной связи их с богатыми кладами IV — VI вв. н. э.

Образцы находок из Посеймья мы приведем только с некоторых пунктов черняховской культуры и дадим общую характеристику материалов этой новой группы памятников в целом.

Наши разведки вдоль берегов северного притока р. Сейма — р. Рогозны, неподалеку от устья которой расположено Авдеевское поселение, привели к обнаружению двух еще более северных поселений у деревень Поповка и Колосовка. Эти находки подтвердили, что и для Посеймья типично расположение черняховских поселений группами, сравнительно неподалеку одно от другого. Ближайший к Авдееву пункт Колосовка дал обычное для курских памятников сочетание лепной и гончарной посуды. Край вылепленных от руки горшков иногда покрывают пальцевые вдавления. Гончарная керамика серого цвета с щербинами на стенках от выпавших при формовке зерен кварца, днища сосудов на подставочной плитке (рис. 6, *12—13*). Материалы из соседнего поселения — Поповки — в общем аналогичны. Только там интерес представляет находка лепного сосудика — игрушки, какие нам известны хотя бы по раскопкам правобережного среднеднепровского поселения в Журавке (ольшанской) (рис. 7, *11—12*) и находка глиняного биконического пряслица специфически украшенного по грани косыми насечками. Опять-таки на том же средне-днепровском черняховском поселении подобная орнаментация встречалась неоднократно (рис. 7, *3—4*). Характерный черняховский облик имеют материалы, собранные на самом восточном из известных нам поселений в Курской области у хутора Горки. Обломки лепной керамики с врезами по краю сочетаются там с гончарной серой, черной и желтоватой посудой с шероховатой и лощеной поверхностью. Один из обломков сероглиняного сосуда украшен наклонными

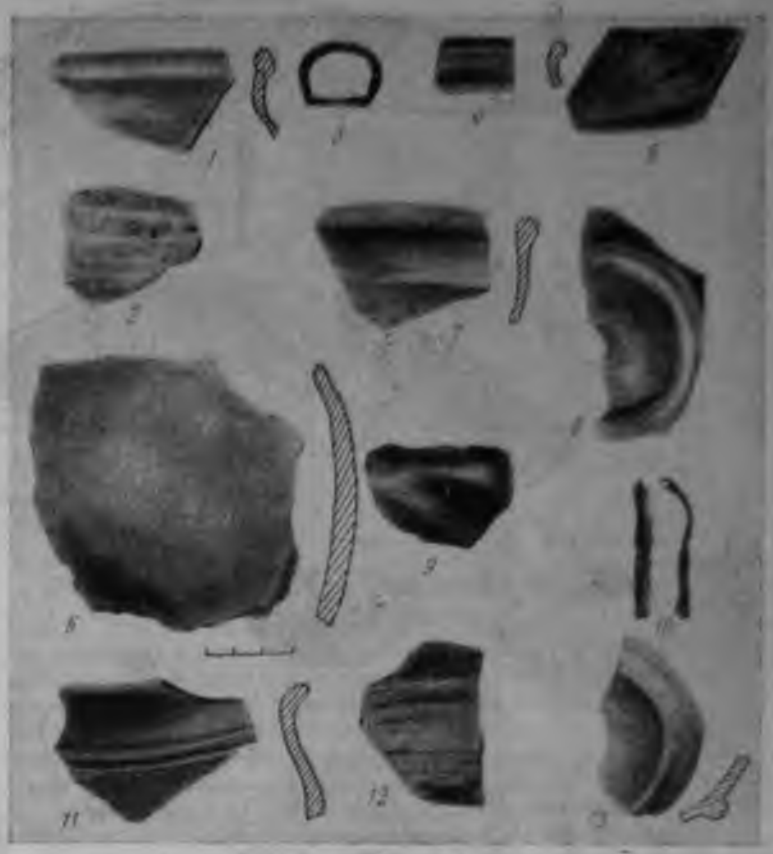

Рис. 6. Находки черняховской эпохи из Посеймья.

1,2 — Омельченки; *3—5* — Горки; *6—8* — Любимовка; *9* — Танеевка; *10* — Мокритка; *11* — Нижняя Паровая 2; *12, 13* — Колосовка

[266] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934; Б. А. Рыбаков. Новый суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 75—90.

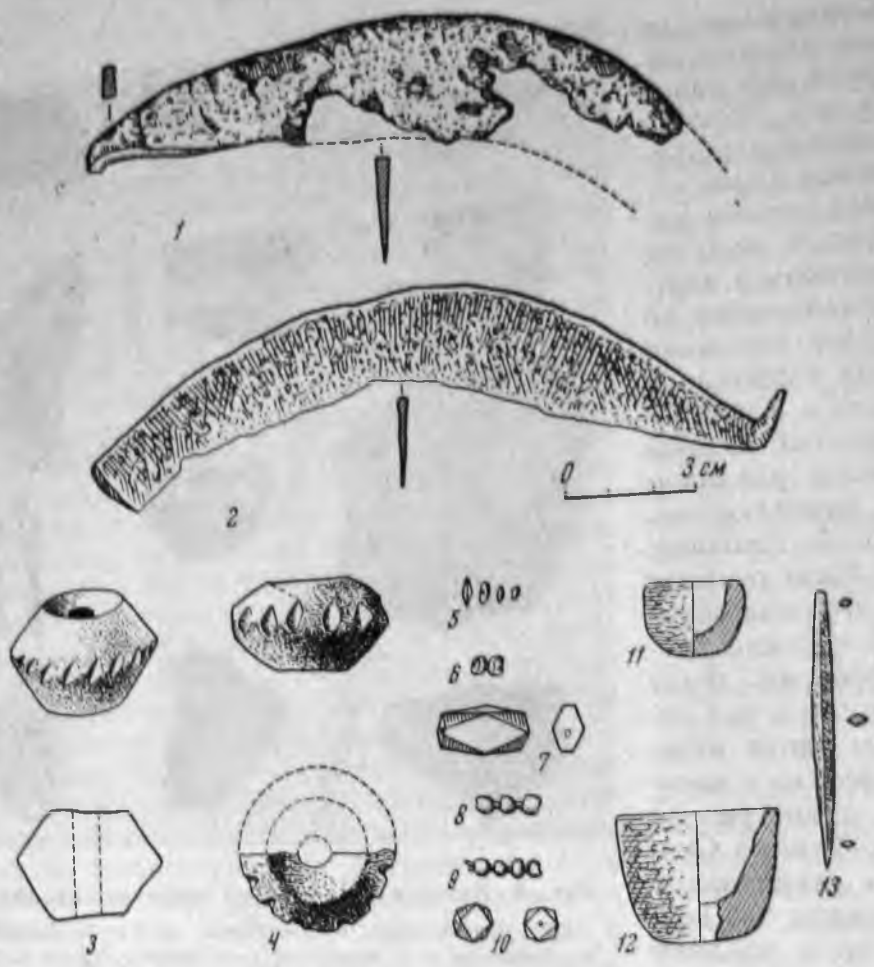

Рис. 7. Находки черняховской эпохи из Посеймья и Среднего Поднепровья.

1 — Остров; *2, 4, 12* — Журавка ольшанская; *3, 11* — Поповка; *5* — *10*, *13* — Дедовщина

врезанными параллельными линиями, образующими многорядный зигзаг (рис. 6, *4—5*). Найденное на поселении железное кольцо от поясной пряжки нельзя с полной уверенностью отнести к культуре полей погребений. Оно может быть связано с керамикой культуры Киевской Руси, встречающейся на этом памятнике.

Двигаясь дальше на восток по притокам р. Сейма, большое количество черняховских памятников мы отмечаем на р. Реуте. Оттуда с поселения Мальцево происходит единственный целый черняховский гончарный горшочек серого цвета, с утолщенным отогнутым краем, пологими плечиками и дном на подставочной плитке. У дна сосуда щербины. По плечикам параллельные врезанные линии (рис. 4, *4*). Еще далее на запад, у самых границ области, на р. Снагость имеются характерные черняховские поселения. Одно из них Любимовка. Там найден большой обломок края лепного горшка с яйцевидным туловом и фрагменты посуды, сделанной на гончарном круге, с шероховатой и лощеной поверхностью (рис. 6, *6—8*). Цепь черняховских поселений по притокам Сейма и Десны продолжается далее на запад, за пределами Курской области. Несколько новых пунктов было обнаружено в районе г. Белополья на р. Вир. На поселении в Омельченках были найдены фрагменты лепной посуды, в числе которых обломок края сосуда яйцевидной формы и гончарная керамика со щербинами и шероховатой поверхностью (рис. 6, *1—2*). Богатые находками поселения были обнаружены в районе г. Конотопа. С поселения Червоный Яр на р. Езучь происходит находка края стеклянного толстостенного кубка, украшенного под венчиком желобком, а ниже шлифованными кругами (рис. 4, *3*). В районе г. Бахмача другая серия черняховских памятников была обнаружена на р. Борзенке. У с. Остров на большом поселении были собраны фрагменты черняховской посуды и найден поврежденный окислами железный серп. Полное сходство этой редкой находки с серпом, найденным в Среднем Поднепровье, на поселении Журавка (ольшанская) подтверждает его черняховскую принадлежность (рис. 7, *1—2*).

В заключение характеристики материалов поселений бассейна Сейма отметим прежде всего специфическое для всех поселений сочетание лепной и гончарной керамики, причем устойчивое сочетание с гончарной керамикой форм яйцевидных сосудов и горшков со слегка отогнутым краем, нередко орнаментированных вдавлениями по венчику, говорит о черняховской принадлежности этой посуды. Второе, что тут обращает внимание — это почти полное отсутствие находок провинциально-римского импорта. Если на поселениях бассейна Псла, как мы видели, встречаются целые амфоры и многочисленные находки римских монет, то в Посеймье на поселениях редки даже обломки провинциально-римской керамики и значитель-

но реже встречаются монетные клады[267]. Находка края привозного стеклянного кубка из Червоного Яра является, по-видимому, редким исключением. Наблюдение это подтверждает осмотр фондов северных музеев Украины и Курской области, где подобные находки нам неизвестны. В третьих, редкие вещи с поселений Посеймья, как указывалось, вполне сходны с комплексом предметов, добытых на поселениях и могильниках черняховской культуры в зоне ее максимального распространения, в частности в области Среднего Поднепровья.

Возникает серьезный вопрос — имеется ли какая-либо закономерность в распределении черняховских памятников и не определяет ли их продвижение на север элемент случайности или политическая география того времени? Археологами неоднократно уже отмечалась связанность поселений разных эпох с определенными физико-географическими условиями. О. Н. Бадером четко сформулировано, что «расположение древних поселений в тех или иных условиях ландшафта, в различных условиях рельефа подчинено определенным закономерностям социально-экономического порядка[268]. Общим местом в работах стала обычно отмечаемая связь черняховских поселений с лесостепной зоной[269]. Только с лесостепью связывал левобережные памятники черняховской культуры Д. Т. Березовец. Они «занимают почти всю лесостепную полосу УССР, в том числе левый берег Днепра. Северные их границы не заходят в лесные районы, ограничиваясь нижней частью средних течений Сулы, Псла, Ворсклы. В Подесенье и Посеймье эти памятники неизвестны»[270]. Между тем непредвзятое рассмотрение южных и северных границ хотя бы только левобережных памятников черняховского типа уже показывает, что они не укладываются в зону лесостепи. Особенно неправомерной представляется связь черняховских памятников с лесостепной зоной, если вспомним, как далеко на юг они продвинулись в первой половине I тысячелетия н. э. Так, нашими разведками 1950 г. были зафиксированы черняховские поселения на Южном

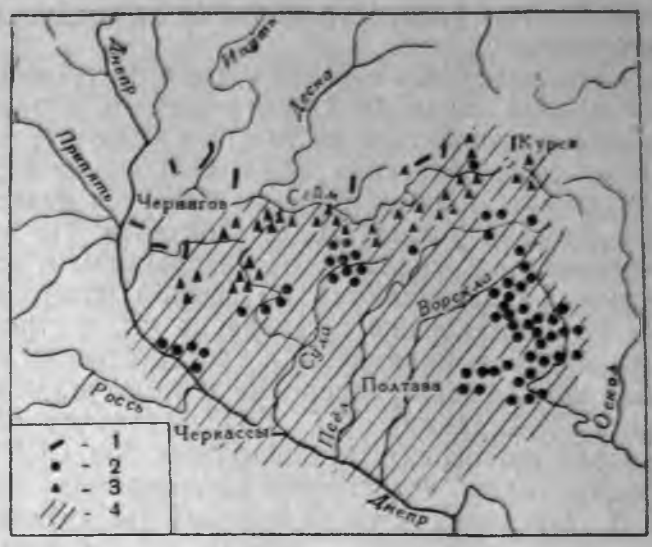

Рис. 8. Северная граница памятников черняховской культуры Левобережья.

1 — маршруты Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР, не выявившие черняховских памятников; *2* — северные черняховские памятники по данным карт, составленных И. И. Ляпушкиным и Е. В. Махно; *3* — черняховские памятники, обнаруженные или обследованные и определенные в результате работ Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР; *4* — территория, занятая северно-черняховскими памятниками на Левобережье

Буге, в районе г. Вознесенска[271]. Один из первых типично черняховских могильников в правобережной степи был открыт в верховьях р. Тилигула у с. Заплазы[272]. На Нижнем Днепре, много южнее порогов, между Никополем и Каховкой, были раскопаны большой площадью могильники той же культурной принадлежности в Каменке и у овчарни совхоза Приднепровского[273], наконец, далеко на юге, в Молдавии, Г. Б. Федоровым и Э. А. Рикманом открываются и исследуются все новые и новые пункты культуры полей погребений[274]. Работа А. Т. Брайчевской, посвященная южной границе черняховских памятников Поднепровья,

[267] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, рис. 81, см. карту.

[268] О. Н. Бадер. Археологические памятники, их охрана и методы первоначального изучения. М., 1938, стр. 25.

[269] М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 168, 171, 192; М. Ю. Брайчевський. Про етнічну приналежність черняхівської культури, стр. 11—24.

[270] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 39.

[271] Е. О. Сімонович. Пам'ятки черняхівської культури Нижнього Побужжя. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 152.

[272] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1. Киев, 1951, стр. 56, табл. XVI, *13—14;* М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 177, рис. 3.

[273] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, стр. 282—316; он же. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре, стр. 192—238.

[274] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 159—172, 317, табл. 10.

подтвердила распространение их за пределами лесостепи [275].

Для выяснения северной границы памятников первой половины I тысячелетия н. э. необходимо остановиться на том, что включает понятие географическая зона. Основоположником учения о зонах природы является известный русский ученый В. В. Докучаев. По его наблюдениям, «климат, растительность и животные распределяются по земной поверхности по направлению с севера на юг, в строго определенном порядке...» и соответственно им было предложено разделение земного шара на пояса [276]. Академик Л. С. Берг в деталях рассмотрел специфику ландшафтных зон СССР. Вместо пяти естественно-исторических зон В. В. Докучаева, в числе которых две интересные для нашей темы — лесная зона и черноземная — Л. С. Берг предложил следующее ландшафтное деление — лес, лесостепье, степь и т. д. В числе факторов, влияющих на географический ландшафт, он называет почвенный покров, деятельность человека и т. д. [277] Лесостепье им охарактеризовано как переходная область, «где перемешаны лес со степью, почвы подзолистого типа — с черноземами, лесная фауна со степной, охотник с земледельцем. Северная граница этой области довольно четко совпадает с границами ели и лёссовых почв. Южная — может быть проведена лишь условно...» Широтно лесостепье четко разделяется на западное и восточное. Показателем является опять-таки растительное царство. Для западной лесостепи, в частности для Украины, характерно преобладание дуба, для востока — березы [278]. Исследования по исторической географии показывают, что уже в древнем голоцене на территории СССР, после оледенения существовала географическая зональность природной растительности, а следовательно, и почв. «В пределах Русской равнины и Западной Сибирской низменности были распространены лесостепь и степь, границы которых, по сравнению с современными, были сдвинуты к северу» [279]. Общая же тенденция, наблюдаемая в послеледниковый период,— распространение лесов в южном направлении — подтверждается новейшими данными пыльцевого анализа [280]. Как показывает сопоставление сведений древних источников, в частности сообщений Геродота и летописей, с данными современной географии, говорить о существенных изменениях природных условий на Украине не приходится [281].

Из вышеприведенных высказываний следует, что одним из слагаемых, характеризующих ландшафтную зону, является почва. Однако эти два понятия не идентичны. Учение В. В. Докучаева рассматривает почвы как «самостоятельные природные образования». Почвы образуются в различных условиях под воздействием растительных и животных организмов. Или, следуя современной формуле, «почвы образуются из горной породы путем преобразования ее биологическими факторами (растительностью и животными) в различных условиях климата и рельефа» [282]. В самом деле, например, черноземные почвы достаточно широко распространены в лесостепи и на основной территории степной зоны, только на самом юге, переходя в каштановые почвы [283]. В. В. Докучаев по этому признаку объединял их даже в одну «естественноисторическую зону» и называл черноземы «неистощимым русским богатством» [284]. Именно это «богатство» могло являться определяющим фактором при расселении древних земледельцев, поскольку их техническая оснащенность не давала возможности, так сказать, переборот малоплодородные почвы. Хотя украинские черноземы и имеют много разновидностей, как об

---

[275] А. Т. Брайчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі, т. XI. Київ, 1957, стр. 5 (см. карту и сравни ее с границами лесостепи в специальной работе — М. П. Чижов. Український лісостеп. Физико-географічний нарис. Київ, 1961, см. карты).

[276] В. В. Докучаев. Учение о зонах природы. М., 1948, стр. 22.

[277] Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, ч. I. М., 1947, стр. 7—17.

[278] Там же, стр. 285; М. М. Филатов. География почв СССР. М., 1945, стр. 190; С. С. Соболев. Почвы Украины и степного Крыма. Сб. «Почвы СССР», т. III. М.— Л., 1939, стр. 38.

[279] Д. Г. Виленский. География почв. М., 1961, стр. 18.

[280] К. К. Марков. Взаимоотношение леса и степи в историческом освещении. Вопр. географии. Сб. 23. М., 1950, стр. 120; Д. К. Зеров. Основные черты послеледниковой истории растительности Украинской ССР. Труды конференции по спорово-пыльцевому анализу 1948 г. МГУ, 1950, стр. 58; М. И. Нейштадт. Палеогеография природных зон Европейской территории СССР в послеледниковое время. Изв. АН СССР. Серия геогр., 1953, № 1, стр. 46—47.

[281] И. Е. Бучинский. Изменился ли климат Украины за историческое время? Изв. Всесоюз. геогр. об-ва, № 1, 1953, стр. 27—30.

[282] И. П. Герасимов. Почвенная карта СССР. М., 1955, стр. 3—5.

[283] Н. Б. Вернандер, М. М. Годлин, Г. Н. Самбур, С. А. Скорина. Сб. «Почвы УССР». Киев — Харьков, 1951, стр. 41.

[284] В. В. Докучаев. Указ. соч., стр. 24.

этом пишут в специальных исследованиях и показывают на почвенных картах, тем не менее плодородие их неоспоримо, если их сравнить с подзолистыми, песчанистыми или каштановыми почвами[285]. Лёсс, подстилающий черноземы, является его грунтообразующей породой[286]. В маршрутах во время поисков черняховских поселений мы не раз вынуждены были обращать внимание на специфику почвенных условий района, где расположены памятники. Поселения находятся всегда в местах, пригодных для земледелия. Это особенно чувствуется в северных районах распространения черняховских памятников, где чередуются лесные песчанистые бедные почвы с участками черноземов. Сделанное наблюдение дало нам повод в период разведок наиболее северных памятников черняховской культуры на Левобережье руководствоваться почвенными картами. Выборочные контрольные маршруты на одинаковой широте в условиях черноземных земель почти без исключения приводили к обнаружению новых черняховских памятников, в то время как поиски в условиях бедных песчанистых или подзолистых земель оказывались тщетными. Примерами могут служить достаточно продолжительные маршруты по обоим берегам р. Остра, начиная от его устья, где река течет среди бедных почв и где нет черняховских памятников, или такие же «пустые» маршруты севернее г. Чернигова по притокам р. Сейма (рис. 8). В то же время осмотр верховьев бассейна р. Остра в районе г. Нежина и северных притоков р. Сейма в Курской области, в благоприятных для земледелия районах, привел к обнаружению типичных черняховских поселений. При расселении, конечно, учитывались и другие жизненно необходимые факторы, как например, близость воды и леса[287]. Первое определялось тем, что колодцев черняховские племена не выкапывали, а второе обусловлено не только потребностями в топливе, но и специфическими чертами домостроительства (столбовые дома со стенами, сплетенными из прутьев и обмазанными глиной). В степях черняховские племена никогда не удаляются от русел рек, по которым, видимо, шло расселение и где люди находили условия, сходные с более северными, имея в виду леса в плавнях, пастбища для скота, воду и пр. Однако определяющим моментом расселения есть все основания считать черноземные почвы. Достаточно хотя бы только на Левобережье сопоставить новую северную границу черняховских памятников с различными немногим отличающимися одна от другой у разных исследователей северными границами черноземов как становится очевидным правильность этого утверждения (рис. 9). Любопытно при этом обратить внимание на то, что римские монеты, основная территория распространения которых соответствует области, занятой племенами черняховского типа, заходят дальше на север, за пределы зоны распространения культуры[288]. Значение римских денариев в межплеменном обмене признают, как кажется, все исследователи, спорящие о значении и использовании в древности этих денег[289]. Вполне возможно, что и здесь предположение о межплеменном обмене может объяснить ареал римской монеты за пределами северной границы памятников черняховской культуры. Установление определенной закономерности распространения черняховских памятников в северном направлении на материалах левобережных памятников облегчает решение вопроса о «полночных» границах тех же племен на Правобережье. Там это важно особенно потому, что именно на Правобережье встречены и наиболее изучены памятники культуры полей погребений зарубинецкого типа и возникают споры, к какой культурной группе относить определенную группу памятников типа Пражева, Викнин, Великих, Деревянного и пр. Наиболее северные памятники черняховской культуры на Правобережье, ближайшие и тяготеющие к Днепру, мало чем отличаются от остальных более южных или левобережных.

---

[285] См. классификацию и номенклатуру украинских почв в сборнике «Почвы УССР». Киев — Харьков, 1951, стр. 41—213.

[286] М. П. Чижов. Український лісостеп. Физико-географічний нарис. Київ, 1961, стр. 73.

[287] Только недоразумением или неосведомленностью можно объяснить попытки противопоставить топографию черняховских поселений и поселений третьей четверти I тысячелетия н. э., встречающиеся в некоторых последних работах. См. П. И. Хавлюк. Антские поселения средней части Южного Побужья. Автореферат. Л., 1962, стр. 12. Причину тому мы усматриваем в сопоставлении топографии черняховских могильников, которые действительно бывают расположены на плато, вдали от воды, с поселениями середины и второй половины I тысячелетия н. э. Земледельческие племена обоих периодов селились в сходных условиях неподалеку от воды.

[288] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961, рис. 23.

[289] В. В. Кропоткин. Топография римских и ранне-византийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 155—157; М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959, стр. 35—46.

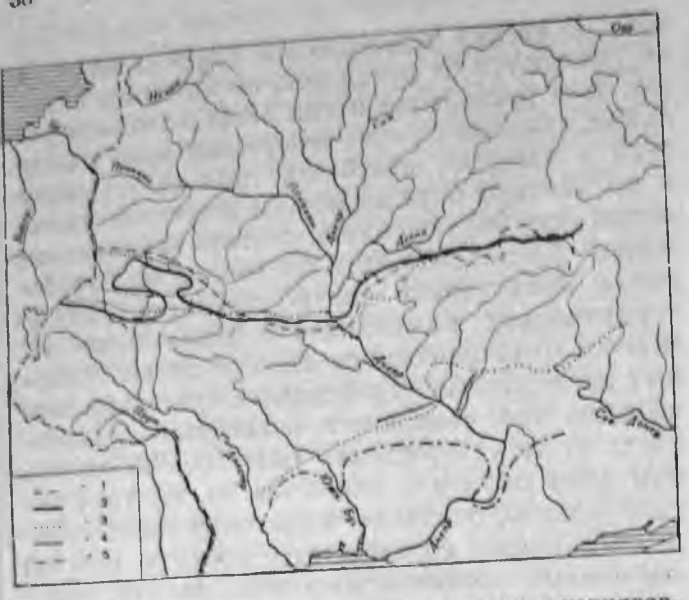

Рис. 9. Северная и южная границы памятников черняховской культуры и границы черноземов и лесостепной зоны.

1 — северная граница памятников черняховской культуры; *2* — северная граница черноземов; *3,4* — границы лесостепи, по разным источникам; *5* — схематическая граница основной массы южночерняховских памятников Украины

В качестве примера мы привлекаем малоизвестные из-за неопубликованности материалы раскопок в с. Дедовщина на р. Ирпене, неподалеку от г. Фастова. Там производились раскопки на поселении и могильнике. С их сохранностью и месторасположением нам удалось познакомиться, посетив Дедовщину в 1959 г. Обстоятельства находок вещей на поселении и могильнике кратко были описаны исследователем, и они ничем особенно не примечательны. Из числа вскрытых 19 погребений с трупоположениями девять ориентированы головами на север и северо-запад и десять — на запад. Отметим только два факта: обнаружение древнего места кремации покойников и почти полное отсутствие в могилах с трупоположениями сосудов, сопровождающих погребения [290]. На поселении были обнаружены остатки разрушенного углубленного в землю жилища с очагом, который был обложен по краям камнями. Под очага обмазан глиной. Из Дедовщины происходит керамика, вылепленная от руки и сделанная на гончарном круге. Здесь мы встречаем обычные формы лепных горшков яйцевидной формы и с краем чуть выделенным отгибом и опершавленной преднамеренно поверхностью. Миски открытого типа в виде тарелки с черной лощеной поверхностью и в виде конуса, а также фрагмент лощеной биконической миски (рис. 3, *4—5*). Гончарные сосуды — сероглиняные горшки со щербинами у дна, миски открытого типа и закрытые — биконические, покрытые лощением. Обломок стенки биконической миски покрыт линиями пунктирного чеканного орнамента, образующими сетку. Кувшины серого и черного цветов, почти лишенные шейки, с краем, выделенным валиком или уступом, и с шероховатой или лощеной поверхностью (рис. 10, *1—7*). Ни в старом сохранившемся Археологическом каталоге Киевского исторического музея (книга VI, т. II, № 33 093—39 187), ни в уцелевших частях коллекции из Дедовщины находок импортной провинциально римской посуды не встречено. Не попались они нам и во время сборов керамики эпохи полей погребений ни на территории поселения, ни на могильнике. Многие упомянутые автором раскопок вещи не уцелели. Среди них костяной многочастный гребень, глиняное пряслице, железный нож, кольцо из бронзовой проволоки. На обложке краткой публикации В. Козловской воспроизведена найденная в Дедовщине на поселении бронзовая арбалетная фибула подвязного типа [291]. В рукописи ее статьи сохранились рисунки найденных в погребениях типов стеклянных и сердоликовых бус (рис. 7, *5—10*). Уцелело в фондах музея железное шило, найденное в разрушенном погребении, откуда происходил костяной гребешок (рис. 7, *13*). Черняховский пункт Брусилов на р. Здвиже, открытый Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР, небогат находками. Выразительны края лепной черной лощеной миски открытого типа, тарелкообразной формы и гончарной биконической сероглиняной миски, украшенной по плечикам валиком (рис. 10, *9—10*). Однако эта находка представляет существенный интерес, поскольку ею отмечено продвижение черняховских племен на север по р. Здвижу, примерно до той же широты, что и по р. Ирпеню, т. е. до границы с бедными песчаными землями. Большой маршрут нашей

[290] В. Козловська. Нові археологічні досліди на терені Білоцерківщини. Хроніка археології та мистецтва, ч. 2. Київ, 1930, стр. 45—48; В. Козловська. Могильник і селище культури «полей поховання» у с. Дідівщини Фастовського району Київської області. Рукопись. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 40. Полевая документация раскопок утрачена, и в архиве ИА АН УССР имеется немного сведений. Уцелевшие материалы главным образом сохраняются в фондах Киевского государственного исторического музея.

[291] В. Козловська. Нові археологічні досліди на терені Білоцерківщини, рисунок на обложке.

Рис. 10. Черняховская керамика с Правобережья.

1—7 — Дедовщина; *8* — Быстрик; *9,10* — Брусилов; *11* — Лепесовка

экспедиции по р. Здвижу, к северу от Брусилова, не дал ни одного пункта культуры полей погребений черняховского типа. Черняховские памятники Житомирщины и более западных областей весьма многочисленны. Однако широко исследованных поселений и могильников немного. Работавшие в последние годы на Волыни Е. В. Махно, М. Ю. Смишко, Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур не производили раскопок большого масштаба. Результаты же работ на поселении в Лепесовке, где несколько лет подряд проводила полевые исследования М. А. Тихановой, полно не опубликованы, если не считать материалов, изданных Я. Яроцким и А. А. Спицыным (рис. 10, *11*), и трехручных чаш, исследованных Б. А. Рыбаковым [292]. Тем не менее археологами была сделана попытка разбить памятники Волыни первой половины I тысячелетия н. э. на две группы. Первая — представлена памятниками, черняховская принадлежность которых не вызывает сомнений. Сюда относят главным образом поселения и могильники, на которых преобладает гончарная посуда. Эти восточно-волынские находки не раз публиковались [293]. Мы приводим еще один кувшин из с. Быстрик, хранящийся в собрании Киевского государственного исторического музея (рис. 10, *8*). Он дополняет публикацию, сделанную И. С. Винокуром, комплекса сосудов могильника, расположенного на глинище [294]. Однако следует заметить, что в рукописи В. П. Петрова с этого же памятника приводятся изображения горшков, в том числе с сетчатым узором по плечикам, мисок открытого типа и одной миски с тремя ручками, биконической формы, а также морской раковины с продетым в нее колечком [295].

Другую группу представляют памятники, на специфику которых обратили внимание прежде всего их первые исследователи Е. В. Махно и М. Ю. Смишко [296]. М. А. Тиханова на составленной ею карте, показала их как особый локальный вариант черняховской культуры [297]. Ю. В. Кухаренко, а вслед за ним И. С. Винокур после картографирования и описания известных в настоящее время материалов пришли к заключению о преждевременности «отнесения этой группы памятников к черняховской культуре» [298]. Сводя вместе мнения обоих исследователей о специфических чертах волынской группы полей погребений, якобы отличающих ее от черняховской культуры, мы получили следующее:

1) Господство лепной керамики над гончарной и сходство ее в ряде случаев с пшеворско-зарубинецкой. Средний процент гончарной 40—45%.

2) Смешение разных типов жилищ, причем, по И. С. Винокуру, преобладание наземных построек.

3) Преобладание в могильниках трупосожжений над трупоположениями.

4) Ю. В. Кухаренко дополняет еще как специфический признак сочетание городищ и селищ на Волыни.

5) И. С. Винокур усматривает важный признак этой культурной группы в находках на поселениях обожженных глиняных комков округлой формы, которые он называет «хлебцами».

В статье о северных границах памятников черняховского типа нет возможности подробно останавливаться на приведенных доводах. Однако сам их перечень говорит уже о недостаточно выраженной специфике могильников и поселений, поскольку все особенности, как

---

[292] Я. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки Кременецкого уезда. ИАК, вып. 29. СПб., 1909, стр. 54—60 и дополнение А. А. Спицына, стр. 60—64; Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, № 4. стр. 68—69, рис. 1—2; см. ст. М. А. Тихановой, СА, 1963, № 2, стр. 178—191.

[293] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 164—169; она же. Ягнятинська археологічна експедиція. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 154—168; она же. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных вымчатых эмалях. КСИИМК, 1959, вып. 62, стр. 149, рис. 53, *1*; И. С. Винокур. Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском краеведческом музее. СА, 1959, № 4, стр. 235—238; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини І тисячоліття н. э. Праці комплексної експедиції Чернівіцького державного Університету. Серія археологічна, вип. 1, т. VIII. Черновцы, 1960; L. Kilian. Gotische Irdenwäre aus dem Gebiet und Museum Berditschew (Westukraine). Alt-Preußen Jh. 8. Hf. 1, 1943, S. 8—10.

[294] И. С. Винокур. Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском краеведческом музее, стр. 237, рис. 2, 4—9.

[295] В. П. Петров. Культура полів поховань. Рукопись. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 96.

[296] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 173; М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великіх, стр. 120—121; он же. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р., стр. 365—378.

[297] М. А. Тиханова. Указ соч., стр. 190—192.

[298] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений, стр. 219—226; он же. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961, стр. 19; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини І тисячоліття н. е., стр. 24—61; он же. Древности Восточной Волыни первой половины I тысячелетия н. э. стр. 6—7, 13—15.

правило, или реже, как исключения, известны и на территории, где распространены основные более или менее изученные памятники культуры полей погребений черняховского типа. В качестве иллюстрации первого пункта о специфике лепной керамики мы привели два целых сосуда волынской группы полей погребений. Один из них происходит с поселения Пражев (рис. 3, *9*) и другой из могильника у с. Деревянное (рис. 3, *10*). Формы горшков Ю. В. Кухаренко и И. С. Винокур признают за особо характерный признак, отличающий всю группу. Между тем только неизученность лепной керамики черняховской культуры могла создать впечатление, что найденные на Волыни яйцевидные горшки с преднамеренно ошершавленной поверхностью могут обособить памятники Житомирщины от остальной территории черняховской культуры. Не только на Нижнем Днепре, как это представлялось первоначально, после раскопок в Привольном [299], но и на Среднем правобережном Днепре и даже, по-видимому, на Левобережье — это одна из ведущих форм лепной черняховской керамики. Целые сосуды и выразительные фрагменты подобного рода керамики дали, например, раскопки в Журавке ольшанской под Корсунем-Шевченковским и подъемный материал на поселениях у с. Иосиповка в Поросье [300]. Другая приведенная нами форма лепного сосуда из Пражева, снабженного ручкой, более редкая так же, как и отмеченная Ю. В. Кухаренко особая специфика лепной керамики в Дитиничах [301]. Формы высоких биконических мисок, сосудов на высокой ножке или сосудов, снабженных ручкой, подобных приведенному, находят аналогии на территории Польши, в частности, среди могильников Прибалтики. Являются ли эти формы порождением пшеворской культуры или привнесены какими-то вторгшимися на ее территорию племенами, что представляется весьма вероятным, пока не выяснено. Эта своеобразная лепная керамика в могилах нередко сочетается с гончарной посудой типично черняховского облика. Переплетение на Волыни керамики черняховского типа, пшеворской и керамики, имеющей аналогии в Прибалтике, затрудняет на ее основе, до больших раскопок, делать заключение о культурной принадлежности некоторых памятников типа Дитиничей. С другой стороны, нет пока особых оснований обособлять от черняховской культуры памятники, основываясь на наличии в материалах пшеворских элементов, как это, например, отчетливо зафиксировано сравнительно большими работами в Пражеве (Пряжеве). Нами уже были сделаны попытки объяснить некоторые отличия, расположенных близко друг к другу памятников черняховского типа при помощи выяснения их хронологии и эволюции культуры. Отмечались и многие черты сходства элементов черняховской и пшеворской культуры [302]. Последние наблюдения находят великолепное подтверждение в обнаружении под Днепродзержинском на могильнике, раскапывавшемся Е. В. Махно, погребения с трупосожжением, с ритуально поломанным оружием [303]. Выяснение значения пшеворской культуры в процессе сложения черняховских памятников требует внимательнейшего изучения и разработки. Памятники типа Пражева и Викнин Великих могут быть поняты как ранние этапы развития черняховской культуры [304]. Другие признаки исключительности волынской группы полей погребений — смешение разных типов жилищ или господство на одном могильнике погребений с трупосожжениями (Деревянное, Дитиничи), а на другом предпочтение обряда трупоположения (Рудки) известны по многим черняховским поселениям и могильникам. Нередко это впечатление о предпочтении основывается на небольших раскопках и не может считаться, следовательно, итоговым выводом. Наконец, последний дополнительный вывод Ю. В. Кухаренко, говорящий о сочетании поселений с городищами (вернее с одним волынским городищем у с. Горбаково), при наличии в ос-

[299] М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 175; А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья, стр. 189, табл. IV, *14*.

[300] Э. А. Сымонович. Отчеты о разведках и раскопках 1959—1961 гг. Рукописи ИА АН СССР и ИА АН УССР.

[301] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений, стр. 225. См. публикацию материалов из Дитиничей: М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961, стр. 89—114.

[302] Э. А. Сымонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, № 1, стр. 248—252; он же. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, 1959, XXIX—XXX, стр. 106.

[303] Сообщение о результатах этих работ было сделано Е. В. Махно на археологической конференции ИА АН УССР 25.IV 1962.

[304] Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1958, № 4, стр. 275.

новном открытых поселений, никак не может считаться обособляющим признаком [305]. Тем более обособляющим признаком (по И. С. Винокуру) не могут считаться округлые комки обожженной глины, которые почти не встречались на Среднем Днепре из-за недостаточной изученности поселений. Во время проведения больших раскопок в Журавке (ольшанской) такие «хлебцы» находили неоднократно. Мы сознаем, что вопрос о черняховской принадлежности некоторых памятников Житомирщины, Ровенщины и Волынской области является сложным и спорным. В особенности, как уже говорилось, затрудняет определение культурной принадлежности, неопубликованность материалов ряда пунктов, сведения о которых почерпнуты из зарубежных изданий. Многие памятники Ровенской и Волынской областей в них определены просто по их временной принадлежности (позднеримские). Поэтому их учет в качестве черняховских на составленной нами карте в ряде случаев нельзя считать окончательным. Однако наличие таких выразительных гончарных черняховских сосудов на северных памятниках, типа обнаруженных в с. Колки севернее Ровно, дает основания допускать проникновение носителей черняховской культуры севернее линии Луцк — Ровно, хотя бы в единичных случаях [306]. В верховьях рек Горыни, Случи, Стыря известны характерные черняховские поселения и могильники. Следует предполагать, что племена их оставившие, по аналогии с Левобережьем, продвигались главным образом до пределов границ чернозема. Рассмотрение зоны распространения плодородных земель в этих областях должно дать ответ об основных границах расселения земледельческих черняховских племен. На Правобережье северная граница лесостепи довольно точно совпадает с зоной распространения черноземных земель. От Киева на Житомир она идет к Ровно и Луцку. Участок лесостепи и черноземную область в районе Ровно и Луцка от Львовщины отделяет как бы перешеек — «узкая полоса зоны Полесья, так называемое Малое Полесье». Она отделяет область лесостепи, называемой Волынской лесостепью. Эта граница совпадает во всех последних работах, поскольку северная граница лесостепи на Правобережье на большом протяжении выделена многометровым уступом, «геологическим строением, поверхностными отклонениями, характером грунтов и растительности» [307]. На изданной в 1960 г. серии карт, отражающих почвы, растительность и геологическое строение СССР, указанная граница отчетливо ощущается. Таким образом, широкое распространение черняховских памятников до района Ровно и Луцка соответствует естественной границе черноземных почв, совпадающей здесь с границами зоны лесостепи. Нами прослежены границы распространения наиболее северных черняховских памятников на большом протяжении и установлено их совпадение с северными пределами черноземных почв. Мы далеки от переоценки естественно-географического фактора. Известны взгляды буржуазных ученых, усматривающих в почвах субстрат общества, определяющий его развитие [308]. Марксистская наука рассматривает почвы, с одной стороны, как средство труда, с другой, как предмет труда, поскольку при обработке почв они приобретают ряд новых свойств [309]. Степень воздействия человека на природу различна на разных этапах развития человечества. Следовательно, неодинаково на разных ступенях и влияние естественно-географических условий. С развитием человечества уменьшается зависимость людей от географической среды [310]. Накануне и в начале эпохи переселения народов достигнуты огромные сдвиги, по сравнению с предшествующей скифской эпохой, в производстве. Вспомним хотя бы широкое распространение плугов с железным лемехом и ротационных жерновов, остатки которых являются обычными находками на черняховских поселениях. Появление таких орудий Ф. Энгельс связывает с большими сдвигами в развитии племен: развитием земледелия, умножением населения и его расселением [311]. Намеченная Ф. Энгельсом

[305] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений, стр. 223.

[306] Я. Пастернак. Коротка археологія західньоукраїнських земель. Львів, 1932, стр. 45; A. Cynkalowski. Op. cit., стр. 110, табл. XVIII, *1—3*.

[307] Н. Б. Вернандер, М. М. Годлин, Г. Н. Самбур, С. А. Скорина. Почвы УССР. Киев — Харьков, 1951, см. карту «Схема ландшафтных зон УССР»; М. П. Чижов. Український Лісостеп. Київ, 1961, стр. 4, см. приложенные карты.

[308] L. Febvre. La Terre et l'évolution humaine. Paris, 1922, p. 43—44.

[309] И. П. Герасимов и М. А. Глазовская. Основы почвоведения и географии почв. М., 1960, стр. 280.

[310] Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Госполитиздат, 1950, стр. 11—15; С. В. Калесник. Человек и географическая среда. Л., 1950, стр. 21.

[311] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ, 1945, стр. 33.

картина хорошо может быть иллюстрирована рассмотрением племен, оставивших черняховскую культуру. Поражающее исследователей объединение огромного массива разнородных племен единой культурой, видимо, оставленной племенами одного этнического корня и многочисленность их огромных поселений и могильников объясняется именно этими сдвигами в «период усвоения методов повышения производства продуктов природы...» [312].

Однако, несмотря на большой прогресс в развитии, черняховские земледельцы не могли или считали трудным и нерентабельным осваивать малоплодородные земли. Недостаточное развитие производства железа обусловливало необыкновенно миниатюрные размеры их сельскохозяйственных орудий — наральников и серпов и, по-видимому, их меньшее, в сравнении, например, с эпохой Киевской Руси, количество, не создало материальных предпосылок для преодоления почвенно-черноземного барьера на севере при распространении культуры полей погребений черняховского типа.

В историческом плане определение северных границ черняховских племен и установление экономически закономерной связи расселения племен с черноземной зоной объясняет причины значительного несовпадения областей, занятых черняховскими, пшеворскими и зарубинецкими племенами. Видимо, последние были теснее связаны своей хозяйственной деятельностью с охотой и другими лесными промыслами. Об этом как будто говорит сравнительно большое количество костей диких животных на известных зарубинецких памятниках Южной Белоруссии и Украины [313]. Однако тема сопоставления этих, хотя во многом и близких, но в общем разновременных культурных образований, занимавших к тому же только отчасти совпадающие территории, должна явиться предметом особого изучения.

С другой стороны, проделанная работа дает некоторые путеводные нити для решения проблемы позднего этапа существования черняховской культуры. Обнаружение густой сети черняховских поселений в Курском Посеймье и почти полное отсутствие здесь провинциально-римского импорта, а также многочисленность поселений в верхнем и среднем течении р. Суджи, где найдены клады середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., все это может служить косвенным доказательством позднего характера обнаруженных здесь памятников. В самом деле, оседлое население со сравнительно высоким экономическим уровнем развития, занимавшее к началу гуннского завоевания огромные пространства, в том числе и на Левобережье, не могло исчезнуть бесследно. Хотя следы пожарищ в виде развалов глиняной обмазки на некоторых черняховских поселениях не могут, по нашему мнению, служить доказательством гуннского разгрома, тем не менее остается фактом прекращение существования многих южных черняховских поселений в конце IV — начале V в. н. э. В таком случае вероятнее всего, что население должно было отхлынуть на север, спасаясь от орд кочевников. Земледельцев и скотоводов, оставивших черняховскую культуру, вполне могли удовлетворить обширные черноземные пространства курского Посеймья. В то же время удаленный от кочевников север с его значительными лесными массивами и пересеченным рельефом Средне-Русской возвышенности позволял легко найти убежище в случае набега. Пока только материалы из с. Авдеева, единственного подвергнутого здесь раскопкам черняховского поселения, по данным А. Е. Алиховой, дают доказательства постепенного перерождения черняховской культуры [314]. Наши сборы показывают обилие лепной керамики на черняховских поселениях, зафиксированных по притокам Сейма, что, вероятнее всего, следует считать признаком эволюции материальной культуры населения, оторгнутого от провинциально-римских центров. Решение вопроса о хронологическом и историческом месте черняховских памятников Левобережья зависит от проведения на них широких раскопок. Предложение П. Н. Третьякова изучать не только основную территорию культуры, но и ее периферию, должно быть всячески поддержано [315]. В данном случае мы имеем в виду наиболее северные черняховские памятники и вероятное их значение для решения проблемы славянского этногенеза.

---

[312] Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 35.

[313] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, стр. 152; В. А. Богусевич. Древнейшее славянское поселение на Пилипенковой горе. Труди Канівського біогеографічного заповідника № 8, Київський державний університет, 1950, стр. 9.

[314] А. Е. Алихова. Авдеевское селище. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 106—112; А. Е. Алихова. Авдеевское селище и могильник. МИА, № 108, 1963, стр. 69—85.

[315] П. Н. Третьяков. Этногенетический процесс и археология. СА, 1962, № 4, стр. 10.

Б. П. Зайцев

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА И ПСЛА

Свыше 60 лет прошло со времени открытия В. В. Хвойкой первых памятников черняховской культуры. С тех пор обнаружено и исследовано большое количество поселений и могильников, намечены границы этой культуры, ее локальные варианты и решены некоторые другие вопросы. Все это сделано, по сути, на основании исследований черняховских памятников бассейна Днепра и Днестра. Что же касается памятников полей погребений бассейна Северского Донца, то здесь дело обстоит значительно сложнее, поскольку они еще и до настоящего времени слабо изучены. В то же время эта группа памятников требует к себе большого внимания как наиболее отдаленная от основных центров черняховской культуры и как пограничная и наиболее близко соприкасающаяся с иноплеменным населением.

Первая специальная работа о черняховских памятниках Харьковщины появилась в 1948 г. И. Луцкевич опубликовал в ней известные к тому времени сведения о памятниках этой культуры, а также материалы своих собственных исследований [1].

В том же году Днепровской левобережной экспедицией ИИМК АН СССР в бассейне Донца были обследованы некоторые известные уже поселения черняховского типа и обнаружено несколько новых [2].

В 1949 г. на территории Харьковской области И. П. Костюченко выявил около десяти новых объектов черняховской культуры [3].

С тех пор фактически никто специально не занимался полевыми археологическими исследованиями памятников этой культуры в пределах Харьковской области, не считая раскопок Ю. В. Кухаренко на поселении и могильнике у с. Ново-Покровка [4].

В нескольких работах обобщающего характера, вышедших за последнее десятилетие, анализ северодонецкой группы полей погребений дается главным образом на основании уже известных в литературе памятников [5]. И только в монографии Б. А. Шрамко «Древности Северского Донца» опубликован вещевой материал новых объектов, обнаруженных во время разведок самим автором, и учтены последние открытия при характеристике черняховских памятников бассейна Донца [6].

В предлагаемой работе публикуются новые материалы о памятниках черняховской культуры бассейна Северского Донца. Они собраны главным образом в результате работ археологических экспедиций Харьковского государственного университета за период 1950—1961 гг.

В археологическом музее Университета, где хранятся все эти материалы, в настоящее время имеются также новые находки с черняхов-

---

[1] І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, II. Київ, 1948 р., стр. 164—178.

[2] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 95—96, 163, 167, 168, 170, 171—172.

[3] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960, стр. 50—51.

[4] Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, 1951, вып. XLI; он же. Новопокровський могильник: поселення. Археологія, т. VI. Київ, 1952.

[5] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра. КСИИМК, 1950, вып. XXXII; он же. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, 1950, XIII; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 119—180.

[6] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 256—265.

ских поселений бассейна р. Псла и отдельные монеты, обнаруженные в бассейне Ворсклы. Автор считает необходимым опубликовать и их. Описываемая коллекция является на сегодняшний день единственной, содержащей новые черняховские материалы данного района.

1. Самым северным памятником, зафиксированным в пределах Харьковской области, является трехслойное поселение у с. Огурцово Волчанского р-на [7]. Оно расположено в 2,5 км от села вниз по течению р. Северский Донец, на огородах Старицкого лесничества. Здесь, на небольшой возвышенности пойменной террасы правого берега реки, собраны обломки посуды позднего бронзового века, культуры полей погребальных урн и салтовской культуры.

Черняховские материалы представлены всего лишь тремя фрагментами керамики. Один из них — крупный обломок небольшого узкогорлого кувшина серого цвета (рис. 1, *36*) [8]. Горло цилиндрическое диаметром 4 см. На горле в 1,5 см от его основания имеется горизонтальный кольцевой валик. Корпус кувшина, судя по обломку, биконический. Нижняя часть гладкая, верхняя граненая. Грани плоские, суживаются к горлу. Перегиб тулова украшен овальными срезами. Наибольший диаметр — 10 см. В верхней части сосуда и у перегиба тулова видно место прикрепления овальной в сечении ручки. Кувшин изготовлен на гончарном круге и хорошо обожжен. Вся поверхность сосуда лощеная. У основания горла нанесена пролощенная зигзагообразная линия. Второй обломок — от такого же кувшина, но более тщательной работы и больших размеров (рис. 1, *26*). Цвет черный. Поверхность лощеная, каннелюрованная. Кувшины с биконическим туловом встречаются в лесостепной полосе Левобережья Днепра [9], в степном Поднепровье [10] и других местах. Как отмечает Э. А. Сымонович, кувшины этого типа характерны для III—IV вв. н. э. [11] И третий обломок — венчик гончарного сосуда слабого обжига со следами копоти (рис. 1, *35*).

2. В нашем распоряжении имеется вещевой материал черняховских памятников, расположенных и по р. Уде и ее притокам. Одним из них является поселение у с. Старая Покровка Чугуевского р-на, обнаруженное в 1949 г. И. П. Костюченко [12]. Во время разведки 1959 г. здесь были вновь собраны материалы черняховской и салтовской культур [13]: на поверхности в нескольких местах были видны скопления глиняной обмазки, камней, в одном месте — скопление древесного угля. Обмазка красного цвета с отпечатками прутьев, слабо обожжена. Кроме того, найдены обломки лепной и круговой посуды. Лепная керамика грубой работы. В тесте имеется примесь дресвы и шамота. Поверхность бугристая, коричневого и темно-серого цветов. Края венчиков закруглены и слегка отогнуты во внешнюю сторону, плечики слабо выражены, пологие [14]. Донышки плоские со слегка выступающей закраинкой [15]. Здесь же найдены два обломка сероглиняных сосудов-хранилищ, изготовленных на круге: венчик с широким (3 см) плоским краем (рис. 1, *5*) и дно диаметром 18 см.

Столовая лощеная черняховская керамика черного, серого и оранжевого цветов имела края венчиков овальной или прямоугольной в сечении формы, отогнутые наружу (рис. 1, *16—17*). Некоторые сосуды снабжены небольшим полукруглым или треугольным орнаментальным валиком. У мисок на тулове характерный перегиб. Донышки с кольцевым поддоном.

Кроме посуды, на поверхности было обнаружено пряслице биконической формы (рис. 2, *3*) и обломок костяного гребня (рис. 2, *1*).

В юго-восточной части поселения заложен шурф размером 2 × 1 м. Толщина культурного слоя 80 см (40 см — чернозем: 15 см — черно-коричневого цвета суглинок, обогащенный органическими веществами; 25 см — суглинок). Ниже идет материковая желтая глина. Верхняя часть культурного слоя на глубину 25 см

---

[7] Б. А. Шрамко. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета 1959 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р—I, 2014, стр. 6.

[8] Рисунки выполнены сотрудником археологического музея В. К. Михеевым, за что приношу ему глубокую благодарность.

[9] Аналогии см. И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э..., стр. 17, рис. 4; В. А. Богусевич. Погребение черняховской культуры в г. Сумы. КСИА, вып. 10. Киев, 1960, стр. 105, р. 2.

[10] Аналогии см. Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, 1955, XXIV, рис. 11, *11*.

[11] Э. А. Сымонович. Указ соч., стр. 307.

[12] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 51. В 1950 г. здесь произвели разведку Ю. В. Кухаренко и Б. А. Шрамко. Наряду с черняховскими материалами на этом месте ими обнаружена и керамика салтовской культуры.

[13] Разведка Б. П. Зайцева и В. К. Михеева.

[14] Аналогии см. Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСНИМК, вып. 68, 1957, рис. 5, *7*.

[15] Аналогии см. Ю. В. Кухаренко. Новопокровский могильник..., рис. 3, *3*.

Рис. 1. Керамика черняховских памятников Харьковской и Курской областей.

1 — 3, 21, 22, 41 — Львиное; *4, 14, 15, 18—20* — Условка; *5, 16, 17* — Старая Покровка; *6 — 11, 28, 38* — Туровец; *12, 13, 24, 25, 27, 30, 31, 39* — Курортная; *23, 40* — Большая Даниловка; *26, 35, 36* — Огурцово; *29* — Малая Рогозинка; *32—34, 37* — Джурчи

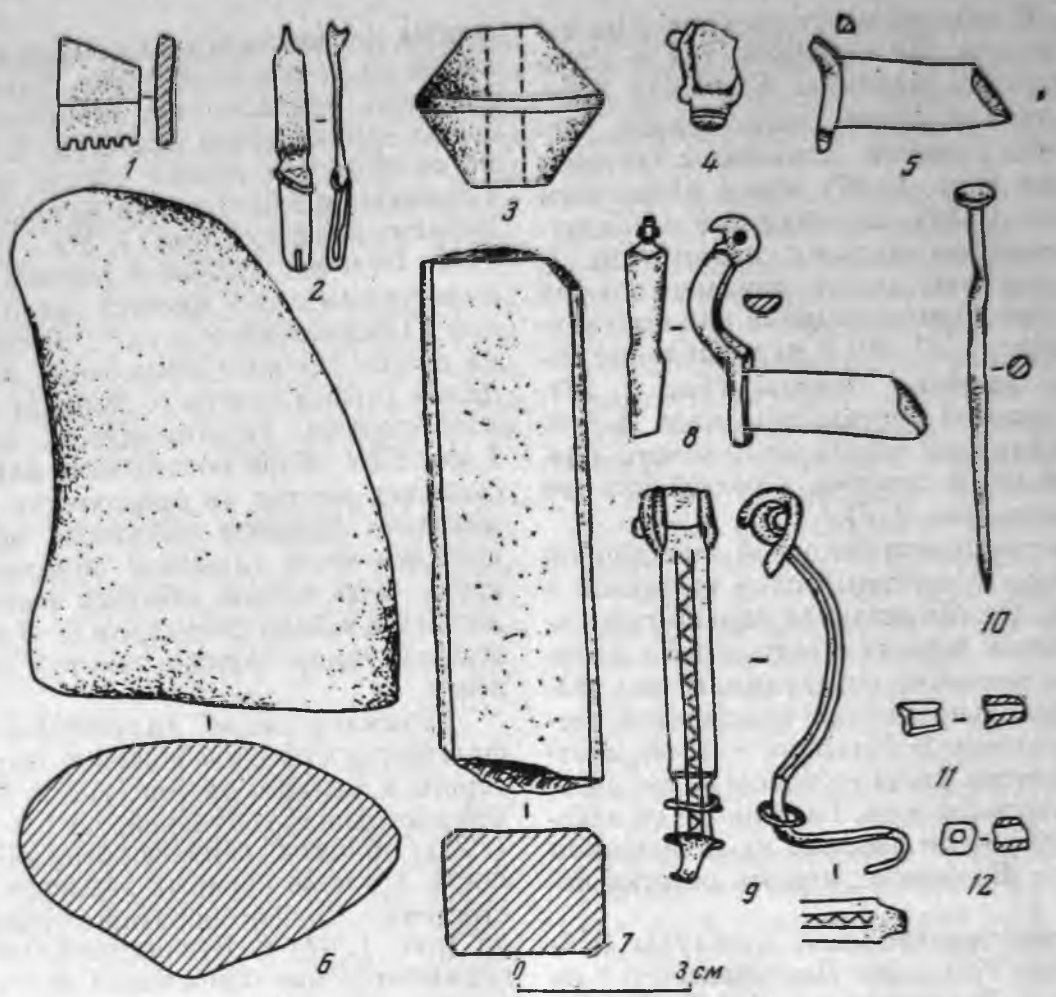

Рис. 2. Находки на черняховских памятниках Харьковской и Курской областей.
1,3 — Старая Покровка; *2, 4, 5, 8 — 12* — Большая Даниловка; *6* — Услонка; *7* — Курортная

перепахана. Насыщенность слоя средняя. В нем встречаются куски глиняной обмазки, обломки костей животных, лепной и гончарной посуды. Здесь же найден и кусок шлака. Салтовской керамики в шурфе не было. В северо-западной части обследованной площади, ближе к реке, обнаружено несколько обломков человеческих костей со следами пребывания их в огне (обломок челюсти и др.). Можно предположить, что где-то рядом с поселением располагался и могильник [16].

3. По склону надпойменной террасы правого берега р. Уды, у железнодорожной станции Курортная, расположено другое селище черняховской культуры [17]. Территория селища в настоящее время распахивается. В 1958—1959 гг. на пашне собран подъемный материал и сделана зачистка стенки одной из двух силосных ям, вырытых в западной части селища [18].

Собранный керамический материал представляет собой характерные для данной культуры обломки кухонной и столовой посуды, изготовленной на круге. К кухонной посуде можно отнести донышки как с выступающей закраинкой (рис. 1, *31*), так и без нее (рис. 1, *25*), а также венчик с закругленным краем. Изредка плечики украшены двумя врезными горизонтальными круговыми линиями, параллельными друг другу [19]. Цвет кухонной керамики серый, обжиг равномерный и сильный. Поверхность

[16] Существование могильника рядом с поселением предполагал и И. П. Костюченко. См. Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 51.

[17] Л. Луцкевич. Указ. соч., стр. 168; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, стр. 95—96.

[18] Разведка Б. П. Зайцева и В. К. Михеева.

[19] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э., рис. 1, *г*.

шероховатая. В нижней части сосудов и на самих днищах видны как короткие, так и длинные процарапанные щербины. Столовая посуда лощеная, светло-серого, темно-серого, черного и оранжевого цветов. Донышки с закраиной и плоские (рис. 1, *30*) или с кольцевым поддоном (рис. 1, *24*). Венчики все с закругленным и отогнутым наружу краем (рис. 1, *12—13*). Иногда они имеют орнаментальный невысокий валик трапециевидной или полукруглой формы (рис. 1, *27, 39*) и параллельные горизонтальные лощеные полосы (рис. 1, *27*). К остаткам столовой посуды относится и ручка кувшинообразного сосуда оранжевого цвета прямоугольная в сечении. Поверхность ее слегка залощена (рис. 2, *7*).

При зачистке стенки силосной ямы длиной 3,2 м прослежен культурный слой толщиной в среднем 50 см. Он представлен сильно гумусированным песком черного цвета, слабо насыщенным вещественными остатками. В яме найдено всего несколько мелких фрагментов черняховской керамики. В материке — очень плотном песке желтого цвета — прослежены очертания прямоугольной ямы. Глубина ее от дневной поверхности 80 см, ширина на зачищенном участке 120 см. Возможно, что это остатки полуземлянки.

4. Поселение черняховской культуры найдено у с. Малая Рогозянка Дергачевского р-на при впадении р. Рогозянки в р. Уду [20]. Оно занимает небольшие всхолмления правого берега р. Уды. Культурный слой на поверхность не выходит, и поэтому находки сосредоточены в тех местах, где были выбросы земли из окопов периода Великой Отечественной войны. Селище трехслойное. Кроме материалов черняховской культуры, здесь была собрана керамика неолита и эпохи бронзы. Черняховская керамика представлена обломками кухонной и столовой посуды, а также крупными фрагментами стенок сосудов-хранилищ. К группе кухонной керамики относится всего несколько обломков, среди которых дно сосуда с закраиной. Поверхность его черная, в изломе цвет красноватый. В тесте примесь дресвы. Стенки сосудов для хранения запасов — сероглиняные, сильного и равномерного обжига. В тесте видны включения дробленого камня. Подавляющее большинство столовой керамики светло-серого цвета, но это все мелкие фрагменты, не считая венчика с широким и плоским краем от трехручной миски. Такие миски, как известно, неоднократно встречались в памятниках черняховской культуры. К этой же группе не относится и стенка сосуда черного цвета, украшенная треугольным валиком и двумя лощеными полосами (рис. 1, *29*).

5. Большое селище с хорошо насыщенным культурным слоем имеется около хутора Льняное Дергачевского р-на [21]. Расположено оно на склоне правого невысокого берега р. Прудянки (левый приток р. Лопань) на поле местного совхоза. Протяженность селища около 1 км. При сборе подъемного материала в нескольких местах на поверхности наблюдались довольно большие скопления обожженной и необожженной глиняной обмазки. Некоторые куски обожженной обмазки имеют отпечатки жердей и кольев диаметром 6—8 см. В необожженной глине хорошо заметны отпечатки соломы.

Керамика самая разнообразная. Здесь и фрагменты столовой лощеной посуды черного, серого и желтого цветов (рис. 1, *3, 21*); кухонной посуды как гончарной, так и лепной (рис. 1, *1, 22*); обломок каннелюрованной стенки кувшина, а также крупных размеров венчик толстостенного пифосообразного гончарного сосуда (рис. 1, *41*) [22]. Венчик светло-серого цвета, орнаментирован однорядной волной. Край его почти круглой формы, слегка отогнут наружу. Диаметр горла — 30 см.

6. На правом берегу р. Харьков у с. Большая Даниловка еще в 1928 г. стал известен памятник культуры полей погребений [23]. В 1951—1952 гг. на этом месте проведены более тщательные исследования [24]. Остатки древней материальной культуры встречаются на песчаных дюнах пойменной террасы в том месте, где река делает крутой изгиб. Находки, собранные здесь, можно разделить на четыре группы: эпохи поздней бронзы, скифского времени, черняховской и салтовской культур.

Материалы полей погребений встречаются в северной и северо-восточной части [25], на

[20] Б. А. Шрамко. Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1957 г. Рукопись, стр. 4—5.

[21] Разведка Б. П. Зайцева в 1961 г.

[22] Аналогии см. Э. А. Симонович. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. СА, XXVI, 1956, рис. 3, *1*.

[23] І. Луцкевич. Указ. соч., стр. 168.

[24] Исследования проводила археологическая экспедиция ХГУ под руководством Б. А. Шрамко.

[25] Б. А. Шрамко. Отчет о работе Северо-Донецкой скифской археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1951 г. Рукопись, стр. 6.

месте бывшего могильника черняховского времени. О местонахождении в этом районе могильника свидетельствуют кальцинированные кости человека, наличие в местах их скопления оплавленных обломков бронзы и стеклянных бус, деформированных фибул [26], а также отсутствие сосудов-хранилищ, что характерно именно для могильников [27].

Среди подъемного материала имеется несколько фрагментов гончарной керамики серого цвета, как кухонной с щербинами на поверхности от присутствия в тесте крупнозернистой дресвы, так и столовой лощеной (рис. 1, *23*, *40*).

Изделия из металла представлены железной булавкой (рис. 2, *10*), обломком бронзового крученого браслета, мелкими фрагментами железных и бронзовых предметов и несколькими обломками бронзовых фибул [28]. Две из них принадлежат к типу фибул с подогнутой ножкой и подвязным приемником. У фибулы (рис. 2, *9*) отломана железная игла, но ее основание с пружиной все же сохранилось. Ножка-приемник неестественно выгнута и также частично утрачена. В месте перехода спинки в ножку сохранилось бронзовое проволочное колечко от подвязки приемника. Корпус фибулы с внешней стороны украшен по центру геометрическом орнаментом в виде зигзага, ограниченного линиями. Ю. В. Кухаренко датирует этот тип фибул VI в. н. э. [29] Другая фибула (рис. 2, *2*) меньших размеров изготовлена из тонкой бронзовой пластинки. Ножка-приемник также подвязана к корпусу. Игла вместе с пружиной отсутствует. Хронологически данный экземпляр не выходит за пределы III—V вв. н. э. Фибулы с обернутой ножкой и подвязным приемником, по мнению М. А. Тихановой [30] и Э. А. Сымоновича [31], происходят из Северного Причерноморья. Венгерский археолог М. Пардуц также отмечает, что обычай обертывать приемник фибулы с подогнутой ножкой тонкой проволокой раньше всего появился на юге России [32].

Две другие фибулы с узкой спинкой принадлежат к неизвестному до последнего времени на данной территории типу «зооморфных» фибул, имеющих вытянутый пластинчатый приемник иглы [33]. Фибула (рис. 2, *8*) изображает, по-видимому, пернатого хищника, о чем может свидетельствовать короткий с «горбинкой» клюв и форма головки. Спинка фибулы массивная, дугообразная. Она имеет полукруглую в сечении форму, плоской стороной обращена во внутрь и сужается к пятке (пятка, к сожалению, отломана). Пружина и игла отсутствуют, лишь в круглом отверстии головки остались следы железного стерженька. Приемник расположен под прямым углом к ножке. Высота его 3 см, ширина в среднем 1 см. Общая длина фибулы 3,8 см. От другой фибулы этого типа (рис. 2, *5*) сохранилась лишь ножка с приемником. Ножка длиной 1,5 см имеет округло-угловатое сечение и оканчивается пяткой конусовидной формы. Аналогичный тип «зооморфных» фибул с высоким приемником иглы был обнаружен на поселении Лука-Врублевецкая [34]. М. А. Тиханова считает, что родиной фибул с высоким держателем иглы, как и фибул с обернутой ножкой, также является Северное Причерноморье [35]. «Зооморфный» тип фибул, по мнению Э. А. Сымоновича, впервые был, по-видимому, создан местными мастерами Поднестровья не ранее IV в. н. э., в связи с чем фибулы из Луки-Врублевецкой можно датировать даже концом IV — началом V в. н. э. [36] Что же касается «зооморфных» фибул на территории Харьковской области, то они пришли сюда с юга-запада и, по всей вероятности, синхронны фибулам из Луки-Врублевецкой.

Кроме того, на поселении близ с. Большая Даниловка найден сильно деформированный щиток с приемником от бронзовой пальчатой

[26] Б. А. Шрамко. Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1952 г. Рукопись, стр. 21.

[27] Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов..., стр. 264; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 136.

[28] Аналогии см.: М. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, т. II. Київ, 1948, стр. 121, табл. III, 7.

[29] Ю. В. Кухаренко. Широкопластинчатые фибулы. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 145.

[30] М. А. Тиханова. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. КСИА, вып. 2, стр. 17; она же. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 183—184.

[31] Э. А. Сымонович. О датировке поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 29.

[32] M. Parducz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. Acta Archeologica, t. XI. Budapest, 1959, Bd. 374.

[33] Аналогии см. Э. А. Сымонович. О датировке поселения..., стр. 29.

[34] Э. А. Сымонович. Указ. соч., рис. *8*, *16—18*.

[35] М. А. Тиханова. Археологические памятники Среднего Поднестровья..., стр. 17; она же. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 183—184.

[36] Э. А. Сымонович. О датировке поселения..., стр. 32.

фибулы (рис. 2, *4*). Наиболее близкий по форме щиток имеется у фибул из Суджанского клада, который Б. А. Рыбаков датирует VI—VII вв. н. э.[37] Автор находки Б. А. Шрамко датирует ее VI в. н. э.[38]

Кроме керамики и металла, на поверхности было собрано несколько бусин из синего и голубого стекла (рис. 2, *11—12*). В пределах площади распространения вещественных находок заложены три шурфа, но ни в одном из них не оказалось черняховского материала.

7. В 1957 г. на правом берегу р. Мжи (правый приток Северского Донца), на песчаной возвышенности у хутора Колесники Змиевского р-на найдено селище с керамикой, характерной для черняховских полей погребений[39]. Здесь подобрано всего несколько обломков столовой посуды (дно с кольцевым поддоном и фрагменты стенок сосудов черного цвета), венчик крупного толстостенного сосуда-хранилища и один фрагмент стенки амфоры. Сосуд серого цвета для хранения запасов изготовлен на круге. Венчик толстый, широкий, сверху уплощенный. Края округлены. В тесте есть примесь дресвы. Венчик аналогичной формы от сосуда-хранилища был найден на поселении черняховской культуры III—IV вв. н. э. в с. Кут в Поднепровье[40].

8. У хутора Джуны этого же района на поле совхоза «Червоний Велетень» несколько лет назад учителем Первомайской средней школы Я. И. Красюком обнаружен один памятник черняховской культуры. Имеющийся в его распоряжении материал представлен обломками сероглиняной посуды, среди которой три фрагмента украшены врезным орнаментом (рис. 1, *32—34*)[41]; одним фрагментом желтоглиняного сосуда с узором из лощеных полос (рис. 1, *37*) и каннелюрованной ручкой. При разведке в 1961 г. здесь удалось найти керамику эпохи бронзы, скифского времени и небольшое количество мелких фрагментов черняховской посуды.

9. В археологическом музее Харьковского университета имеются также материалы черняховской культуры и с территории Белгородской и Курской областей. В частности, в 1959 г. керамика культуры полей погребений была обнаружена у с. Нежеголь Щебекинского р-на Белгородской области на правом берегу р. Нежеголь (левый приток Северского Донца), у дома отдыха «1 Мая»[42]. Встреченные здесь находки свидетельствуют о том, что поселение культуры полей погребений возникло на месте бывшего селища бронзового века. Позже, где-то в VIII — X вв. н. э., на этом месте обитало население салтовской культуры.

К черняховской культуре относятся лишь венчик с закругленным краем и несколько донышек. Все это — обломки кухонных сосудов, изготовленных на круге, в тесте которых наблюдаются включения крупнозернистой дресвы. Тут же на селище найдены и шлаки с небольшим процентным содержанием железа. Но отнести их твердо к данному комплексу затруднительно.

10. Немалый интерес представляет открытие в верховьях р. Псел (Курская обл.) двух новых селищ черняховской культуры[43]. Одно из них находится в 2 км к северу от с. Услонка Обоянского р-на, на левом берегу р. Подречье (правый приток р. Псла). Поселение занимает пологий мыс, ограниченный с одной стороны долиной р. Подречье, а с другой — оврагом, который носит название Орлов лог. Территория селища распахивается. На пашне собран характерный черняховский материал. Керамику можно разделить на три типа — это посуда для хранения пищевых запасов, кухонная керамика и, сделанная более тщательно, столовая. К первому типу относится всего один фрагмент венчика черного цвета. Край его толстый и широкий (3 см), с внешней стороны округлен и слегка отогнут книзу (рис. 1, *4*)[44]. Поверхность шероховатая. В тесте имеется примесь песка с зернами кварца. Диаметр горла 30 см. Кухонная посуда вся гончарная. Цвет ее серый, черный и красноватый. Венчики имеют заостренный или закругленный край.

---

[37] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 64, рис. 11.

[38] Б. А. Шрамко. Отчет о работе Северо-Донецкой археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1951 г. Рукопись, стр. 11.

[39] Б. А. Шрамко. Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, 1957 г. Рукопись, стр. 5—6.

[40] Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов..., рис. 3, *13*.

[41] Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского. МИА, № 82, 1960, табл. X.

[42] Материалы собраны студенткой ХГУ В. Н. Педан.

[43] Б. А. Шрамко. Отчет об археологических разведках экспедиции ХГУ на территории Белгородской и Курской областей в 1958 г. Рукопись, стр. 7—9.

[44] Аналогии см. Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов..., рис. 3, *7*.

Некоторые донышки с кольцевым поддоном. В глине большая примесь крупнозернистого песка. К столовой посуде относятся обломки тонкостенных сероглиняных и красноглиняных мисок. Край венчика у них обычно закруглен (рис. 1, *14*, *20*), а изгиб плечика имеет четко выраженное острое ребро (рис. 1, *14*). Иногда край венчика треугольный (рис. 1, *18—19*). Изредка стенки украшались трапециевидным в сечении валиком (рис. 1, *15*). Поверхность сероглиняных сосудов слегка залощена, обжиг равномерный. Интересной находкой на поселении является кварцитовое орудие, по-видимому, молоток-терочник для приготовления дресвы (рис. 2, *6*). Высота его 9,5 см. Поверхность хорошо обработана, сглажена. Орудию придана определенная форма, при которой удобней всего было его держать в руке. Рабочая поверхность овальной формы, размером 6,5 × 3,5 см. Вначале она была плоской, но в процессе работы приобрела некоторую вогнутость. На селище собрано также несколько кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

11. Второе селище расположено на левом берегу р. Туровец (правый приток Псла) в 1, 5 км к юго-западу от с. Воробьевка Обоянского р-на. Оно занимает два пологих мыса у поворота реки. Протяженность селища около 300 м, ширина 100 м. Селище двухслойное. Кроме материалов черняховской культуры, здесь найдена керамика скифского времени. Более ярко выражен комплекс находок, относящийся к культуре полей погребений. В нем представлена столовая посуда в виде обломков мисок и кувшинов и обычная кухонная керамика. Столовая посуда светло-серого, темно-серого и оранжевого цветов отличается очень хорошим качеством выделки. Поверхность лощеная. Некоторые сосуды украшены лощеными перекрещивающимися прямыми линиями (рис. 1, *28*) и прямоугольными в сечении валиками (рис. 1, *6*, *28*). Венчики в большинстве с закругленным и угловатым краем (рис. 1, *6—11*). Донышки с кольцевым поддоном и закраинкой. Среди керамики есть и прямоугольная в сечении ручка от кувшина. Она похожа на такую же ручку из находок на поселении близ станции Курортная Харьковской области. Кухонная посуда представлена обломками донышек с закраинкой. Сделана она на круге, поверхность шероховатая, пористая. Среди находок есть небольшой фрагмент толстостенного черного сосуда-хранилища с орнаментом в виде однорядной волны (рис. 1, *38*).

Нами зафиксировано восемь новых местонахождений римских монет первых веков нашей эры на территории Харьковской и Белгородской областей (бассейны рек Северского Донца и Ворсклы). Все они найдены вблизи малых рек таких, как Мжа, Лопань, Мерчик, Котельва. Хотя эти находки и не связаны непосредственно с местами черняховских поселений и могильников, все же они не выходят за границы распространения данной культуры.

Наиболее ранняя из восьми известных монет — серебряная монета Траяна (98—117 гг. н. э.). Найдена она в районе с. Шаровка Богодуховского р-на Харьковской обл. в 1956 г. [45]. В 1957 г. в овраге с. Пархомовка Краснокутского р-на обнаружена серебряная монета Фаустины Старшей, жены Антония Пия (II в. н. э.) [46]. Серебряная монета тоже Фаустины Старшей известна из хутора Глубокое Змиевского р-на. Ее нашли учащиеся Первомайской средней школы во время археологической разведки [47]. На левом берегу р. Мжи у с. Тимченки Змиевского р-на в 1948 г. найден серебряный денарий Фаустины Младшей, жены Марка Аврелия (II в. н. э.) [48]. На правом берегу этой же реки в с. Соколово Змиевского р-на, у школы, в 1960 г. при посадке деревьев на глубине 10 см была обнаружена медная монета Галлиена (253—268 гг. н. э.) [49]. Местом находки медной монеты Констанция Хлора (293—305 гг. н. э.), поступившей в археологический музей Харьковского университета в 1949 г., является районный центр Харьковской области г. Новая Водолага. Интересно отметить, что это всего третья находка монеты Констанция Хлора на территории Украины и первая в ее восточных областях. Две, известные ранее, зафиксированы на территории Закарпатской и Станиславской областей [50].

Медная монета Константа (337—350 гг. н. э.) была поднята на правом берегу р. Лопань между селами Емцы и Белаши Дергачевского р-на жителем с. Белаши [51]. В нашем рас-

[45] Хранилась до 1960 г. в средней школе № 2 г. Богодухова. В настоящее время утеряна.

[46] Хранится в историко-художественном музее с. Пархомовка.

[47] Хранится в школьном историческом музее с. Первомайское Змиевского р-на.

[48] Передан археологическому музею ХГУ жителем с. Тимченки И. В. Плескуновым.

[49] Передана археологическому музею ХГУ зав. музеем с. Соколово А. И. Шеметом.

[50] М. Ю. Брайчевський. Римська монета на теріторії Україні. Київ, 1959, табл. II.

[51] Поступила в археологический музей ХГУ в 1948 г., где и хранится по настоящее время.

поряжении имеется и бронзовая монета Люциллы, жены Люция Вера (II в. н. э.), которую нашли у с. Головчино Грайворонского р-на Белгородской обл. [52]

В заключение следует отметить, что памятники черняховских полей погребений бассейна Северского Донца имеют много общих черт, присущих вообще данной культуре, и еще раз подтверждают ее большое единообразие. В то же время новые материалы позволяют значительно расширить наши сведения о распространении отдельных вещей, а также поселений и могильников этой культуры. Подавляющая часть поселений — небольшие селища, расположенные на склонах первых надпойменных террас малых рек или их притоков. Среди них имеются как однослойные, так и многослойные поселения и притом почти в одинаковом процентном соотношении. Жилые помещения представлены здесь двумя типами: землянками (Пересечное) [53] и наземными жилищами со стенами из прутьев и жердей, обмазанных глиной (Старая Покровка, Льняное и др.). Керамика поселений в основной массе как кухонная, так и столовая, среди которой преобладает серолощеная, сделана на гончарном круге. Кухонная керамика серого цвета. В тесте, как правило, хорошо заметны неорганические примеси естественного происхождения. На большинстве поселений, хотя и в незначительном количестве, встречены остатки зерновиков. Вплоть до недавнего времени бассейн Донца не был вовсе включен в сферу распространения сосудов данного типа [54], что можно объяснить лишь слабым исследованием этого района в археологическом отношении. По всей вероятности, зерновики были основными хранилищами зерновых запасов. Вся столовая посуда тонкостенная. Обжиг равномерный и сильный. Тесто без песка. Основные орнаментальные мотивы — кольцевые горизонтальные валики, узоры из тонких линий и лощеных полос. Что же касается бытовых предметов и предметов украшения, то они фактически ничем не отличаются от известных на других памятниках черняховской культуры.

[52] Передана археологическому музею ХГУ в 1960 г. учеником средней школы № 3 г. Харькова Ю. Шошкиным.

[53] І. Луцкевич. Указ. соч., стр. 168.

[54] Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов..., рис. 1.

В. П. Петров

ЧЕРНЯХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

(По материалам раскопок В. В. Хвойки в 1900—1901 гг.)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Местоположение могильника

Село Черняхов б. Каневского уезда теперь Катарлыцкого р-на Киевской обл. расположено на одной из небольших речушек в 12 км к югу от с. Триполье и в 16 км к западу от правого берега р. Днепра.

Обширные площади высокого берегового плато, протянувшегося вдоль правого берега Днепра, расчленены глубокими оврагами и балками. Это чередование открытых полевых пространств, обрывистых склонов и речных низин определяет общую геоморфологическую структуру местности на участке от с. Триполье до с. Стайки. К западу от Днепра, по направлению к селам Черняхов и Веремье, плато кое-где снижается, местность заболачивается и на смену степным просторам приходят топкие болотистые долины, называемые здесь «галами».

В записках Русского археологического общества В. В. Хвойка дает сжатое описание местоположения могильника у с. Черняхов. Могильник расположен на юго-восточной стороне небольшой возвышенности, имеющей легкий уклон по направлению к проселочной дороге [1].

Более подробное описание местности возле с. Черняхов и в его окрестностях (у с. Веремье) приведено в рукописной статье В. В. Хвойки «Раскопки курганов около села Черняхово»: «Село Черняхово, находясь в стороне на юг от Киева и в верстах 10 от м. Триполья, расположено отчасти в котловине, а большая часть его разбросана на склонах и уступах обоих берегов возвышенностей, слегка спускающихся в долину, в которой находятся два довольно обширных пруда. Окружающая село местность к северу по направлению к м. Триполье более или менее холмистая, между тем как все остальное пространство, заключающееся в бесконечной равнине, имеет характер настоящей степи, где по некоторым направлениям виднеются то рядами, то небольшими группами разной величины курганы. Такой ряд тянущихся и оканчивающихся немногочисленной группой курганов имеется особенно в юго-восточной стороне с. Черняхово. Из этих курганов раскопано нами всего 11» [2].

Село Черняхов и его окрестности

Район сел Триполья-Стретовки-Черняхова представляет собою один из наиболее изученных в археологическом отношении районов Среднего Поднепровья. В. В. Хвойка открыл черняховские поселения не только у с. Черняхов, но и у сел Стретовка, Жуковцы и Веремье [3]. Черняховские поселения в урочище

[1] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Поднепровье (раскопки В. В. Хвойки в 1899—1900 гг.). Зап. Русского археол. об-ва, т. XII, вып. 1—2, нов. сер. Тр. отд. славянской и русской археологии, кн. V (далее — В. В. Хвойка. Поля погребений...). СПб., 1901, стр. 174.

[2] В. В. Хвойка. Раскопка курганов около с. Черняхово. Рукопись, стр. 41. НА ИА АН УССР, ф-2, 0-1, № 10. Относительно местности у соседнего с. Веремье В. В. Хвойка пишет: «С. Веремье находится на правой стороне р. Днепра, в 60 верстах к югу от г. Киева и в 7 верстах к югу-востоку от м. Триполье. Окружающая его местность холмистая, изрыта долинами и глубокими оврагами, изобилующими в своей нижней части большим количеством ключей; вода этих ключей образует при своем дальнейшем течении несколько прудов и небольшую речку Бобрицу... С. Веремье представляется как бы разделенным на три части: первая, по направлению к м. Триполью, самая возвышенная и меньше других; вторая, средняя, самая большая несколько ниже первой и составляет как бы отдельную террасу холма, врезавшуюся почти отвесными стенами между двух прудов; наконец, третья, находящаяся по направлению к с. Черняхову, с которым почти соединяется, лежит ниже прочих и при понижении достигает почти уровня долины».

[3] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Поднепровья. Киев, 1913, стр. 46.

Ставище к югу от с. Халепье и в урочище Писаревица неподалеку от с. Стайки были обследованы в 1920-х годах Н. Е. Макаренко и в 1937—1938 гг. нами[4]. Раскопки поселения у с. Жуковцы в 1940 г. производили М. Л. Макаревич и Е. В. Махно, в 1946 г.—Е. В. Махно[5].

Что касается топографического положения черняховских поселений описываемого района, то, судя по всему, на данном этапе связь с рекой и расположение селищ по течению реки утратили для местного населения свое решающее значение. Ближайшие к Днепру поселения в урочище Ставище у с. Халепье и в урочище Писаревица у с. Стайки удалены от реки на 3—4 км. Еще дальше отстоят от Днепра поселения у сел Жуковцы, Веремье, Стретовка, Черняхово.

В литературе вопроса подобное сплошное освоение территории связывается обычно с занятием черняховцев земледелием. О земледелии у черняховцев писал В. В. Хвойка. При всем том, система связей, обусловившая расположение селищ независимо от течения основных рек, когда структура межселищных связей вдоль реки теряет свое значение, была, очевидно, гораздо сложнее и шире, чем только связь с земледелием. Следует полагать, что в черняховское время вообще изменяется форма освоения территории. Формируется район, образуется вервь. Возникают материнские и дочерние, большие и меньшие селища, появляются приселки, выселки и т. п.

Правда, нам пока трудно раскрыть общее строение верви черняховского времени, установить взаимозависимость отдельных селищ, их соподчиненность и тем более наметить границы порайонных членений. Для таких выводов у нас слишком мало материала, однако многочисленность поселений, раскинувшихся в непосредственной близости одно возле другого, не оставляет сомнений, что на данном этапе возникает новая структура во взаимоотношениях селищ. В основу организации территории ложится принцип селищной множественности, совокупного единства многих селищ, что характерно для периода, когда кровная связь с родом постепенно утратила свое значение, власть первобытной общины была сломлена и на смену родовой общине пришла территориальная, соседская община, принесшая с собой новые пути и формы освоения территории, как об этом сказано выше и как это можно наблюдать, изучая не только Черняхов и его окрестности, но и другие районы.

[4] Материалы нашего разведочного обследования в урочищах Ставище и Писаревица хранятся в фондах Киевского государственного исторического музея (в дальнейшем КГИМ).

[5] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. І. Київ, 1949, стр. 153—164.

Открытие и раскопки могильника

В каком году был открыт и раскапывался могильник возле Черняхова? Отдельные авторы в этом вопросе придерживались различных взглядов. С. В. Коршенко — автор первой монографической работы о Черняхове — отнес дату черняховских раскопок к 1898 г.[6]

М. Ю. Брайчевский, в отличие от С. В. Коршенко, предложил несколько иную датировку. По его утверждению, В. В. Хвойка раскапывал черняховский могильник в 1899—1900 гг.[7] Того же мнения придерживается Е. В. Махно[8].

Что следует сказать в этой связи? Следует ли отнести раскопки Черняховского могильника к 1898, 1899 или к 1900 году? В 1898 г. В. В. Хвойка получил от Археологической комиссии открытый лист на производство раскопок «в Киевской губернии, Киевском уезде у сел Щербиновка, Халепье и Черняхово»[9]. Находки из раскопок курганных погребений кочевников, добытые В. В. Хвойкой по открытому листу 1898 г., поступили в Киевский городской музей[10].

С. В. Коршенко высказал мнение, что В. В. Хвойка производил раскопки могильника в Черняхове по открытому листу 1898 г. В действительности же Хвойка копал могильник по открытому листу 1899 г. В отчетах археологической комиссии (далее ОАК) за 1899 г. при перечислении учреждений и лиц, получивших в 1899 г. разрешение на производ-

[6] С. В. Коршенко. Черняховский могильник. Рукопись. НА ИА АН УССР. Киев, 1941, стр. 2—3.

[7] М. Ю. Брайчевский. Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений). VI научная конференция ИА АН УССР. Доклады. Киев, 1953, стр. 61; он же. Видатний український археолог — В. В. Хвойка. Вістник АН УРСР, Київ, 1954, № 11, стр. 60.

[8] Є. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV. Київ, 1950, стр. 58.

[9] ОАК за 1898 год. СПб., 1901, стр. 92.

[10] Там же, стр. 173. «№ 8864—53. Разного рода костяные предметы и пластинки, служащие принадлежностью лука и его украшением. Найдены при погребении кочевников (обыкновенно с лошадью) при селах Стрекотовке, Новоселки и Черняхове. Из раскопок В. В. Хвойки» (Инвентарь арх. отд. КГИМ, т. I, стр. 212). Сравнить: «№ 9091. Бронзовая бляшка с прорезями, служащая для украшения сбруи. Найдена при с. Черняхове» (там же, стр. 220, см. № 10963).

ство раскопок, указано, что статья В. В. Хвойки об его раскопках в 1899—1900 гг., помещенная в Записках Русского археологического общества (далее — ЗРАО), т. XII, представляет собой часть отчета о работах, производившихся по открытому листу 1899 г.[11] Эту справку было легко упустить из вида, но именно она уточняет сложившиеся обстоятельства.

Здесь нужно учесть еще одно обстоятельство, которое ввело в заблуждение С. В. Коршенко и с которым не посчитались исследователи, относящие раскопки Черняховского могильника к 1898 г. Дело в том, что хотя раскопки в Зарубинцах, Ромашках и Черняхове производились по одному и тому же листу 1899 г., однако в разные годы. Зарубинцы и Ромашки копались в 1899 г., Черняхов — в 1900 г. Соответственно, отчетность за 1898 г., отосланная В. В. Хвойкой в Археологическую комиссию, значится здесь под № 55/1898; отчетность по Зарубинцам и Ромашкам показана под № 53/1899, тогда как по Черняхову подшита к делу № 29/1900 [12].

По раскопкам 1899 г. В. В. Хвойка представил находки из таких пунктов: «Киевская губерния, Васильковский уезд, село Ромашки; Каневский уезд, село Мировка; Чигиринский уезд, Мотронинский монастырь. Год и № дела — 1899—53» [13]. Как видим, в этом списке значится с. Ромашки, но Черняхов отсутствует.

Обратимся к Археологической летописи Южной Руси (далее — АЛЮР). О раскопках «похоронного поля II—III вв. вблизи Триполья» упоминается впервые в годовом обзоре за 1900 г.[14] и в статье «Погребальные поля Киевской губернии». В этой статье читаем: «Еще осенью прошлого года (т. е. 1899 г.— *В. П.*) у с. Ромашки, Васильковского у., и у с. Зарубинцы, Киевского у., по словам В. В. Хвойки, им были обнаружены следы таких полей, но более серьезные результаты достигнуты лишь весной настоящего года, при раскопках в местности, лежащей между сс. Жуковцами, Веремьем и Черняховым, вблизи м. Триполья, Киевского у.» [15]

В 1901 г. В. В. Хвойка продолжил раскопки в Черняхове. Полевой сезон 1901 г. начался для него раскопками совместно с Н. Бранденбургом скифских курганов на Роменшине. Затем он копал ряд городищ в Пастерском, Кононче, Шарках, у Витачева, поля погребений в Ромашках, у с. Шарки и в Черняхове. На этот раз в Черняхове было вскрыто всего несколько погребений [16].

В заключение несколько справок из богатого эпистолярного наследства В. В. Хвойки. В. В. Хвойка имел обыкновение снимать копии с отправляемых писем. Копии вносились в черновые тетради, хранящиеся в настоящее время в Научном архиве ИА АН УССР. Из писем 1900 г. о раскопках в Черняхове упоминается в письмах Д. Н. Анучину и А. А. Спицыну. Обращаясь к Д. Н. Анучину с просьбой об антропологическом исследовании черепов из Черняховского могильника, В. В. Хвойка попутно сообщал: «Позволю себе поделиться с Вами последними, интересующими меня новостями. В настоящем году мною открыты в Киевской губернии обширные поля погребений» [17].

Письмо А. А. Спицыну, помеченное 8 ноябрем 1900 г., представляет собою ответ на вопрос последнего о раскопках полей погребений и предложение «изложить результаты произведенных уже раскопок для опубликования в научном журнале». «Действительно,— сообщал В. В. Хвойка в письме А. А. Спицыну,— мною найдены в различных местах целый ряд полей погребений, из которых мне удалось осмотреть (зачеркнуто: *раскопать*) некоторые в с. Ромашках Васильковского уезда, с. Зарубинцы Каневского уезда и произвести раскопку одного из полей, в значительных размерах, при с. Черняхове Киевского уезда» [18]. Дальше

---

[11] ОАК за 1899 год. СПб., 1902, стр. 141—142.

[12] ОАК за 1899 год. СПб., 1902, стр. 151; ОАК за 1900 год. СПб., 1902, стр. 137.

[13] ОАК за 1899 год. СПб., 1902, стр. 151.

[14] Н. Ф. Беляшевский. 1900 год в археологическом отношении. Археологическая летопись Южной России, т. III, 1901, январь, стр. 3.

[15] АЛЮР, т. II, 1900 г., июнь, стр. 118. Это сообщение, обойденное молчанием в литературе вопроса, разграничивает последовательность раскопок в Ромашках, Зарубинцах и Черняхове на протяжении двух полевых сезонов 1899 и 1900 гг. Заметка помещена в июньском номере АЛЮР, с цензурной пометкой 8 июня («Дозволено цензурою. Киев. 8 июня»). Поскольку выпуск был сдан в печать не позже конца мая, то раскопки 1900 г. в Черняхове были, очевидно, закончены к середине мая.

[16] «Раскопки В. В. Хвойка летом 1901 года. Кроме раскопок в Роменском уезде, о которых говорено выше, В. В. Хвойка, по обыкновению, произвел и в этом году много раскопок... Вблизи с. Витачева..., у с. Черняхово В. В. Хвойкой закончено исследование громадного поля погребения, давшее такие блестящие результаты. На этот раз было вскрыто несколько погребений» АЛЮР, т. III, 1901 г., стр. 184.

[17] Письмо № 1191/20. Тетрадь № 2, стр. 202—3. Черновик не датирован. Письмо помещено после копии письма в АК от 11 июля 1900 г. и перед письмом Ф. К. Волкову от 26.XI. 1900 г.

[18] Письмо А. А. Спицыну от 8.XI.1900 г. Тетрадь 1-я. НА ИА АН УССР, ф-2, оп. № 1078/2, стр. 6.

следует изложение довольно подробных сведений о находках, сделанных в Черняхове.

Итак, Черняховский могильник раскапывался В. В. Хвойкой в течение двух полевых сезонов — весной 1900 г. и летом 1901 г. Основные раскопки падают на первый сезон. В 1901 г. были произведены дополнительные раскопки в незначительном масштабе. Нужно думать, что после 1901 г. Хвойка к раскопкам могильника в Черняхове не возвращался, во всяком случае, какими-либо сведениями по этому поводу мы не располагаем.

Историографический обзор литературы

Раскопки осенью 1899 г. в Зарубинцах и весной 1900 г. в Черняхове — два важнейших события в археологическом изучении Среднего Поднепровья. Каждое из них знаменует собой резкий перелом в археологии, до и после этих открытий. Как Зарубинцы, так и Черняхов полностью сохраняют значение памятников-эпонимов, по имени которых названы археологические культуры, широко распространенные в Среднем Поднепровье и в смежных областях южной части Восточной Европы.

В. В. Хвойка известен по преимуществу как полевой исследователь. На его счету — ряд крупнейших археологических открытий.

С именем В. В. Хвойки связывают обычно несколько общих положений: тезис об автохтонности местного населения, характеристику этого населения как земледельческого, мысль об единстве погребального обряда и убеждение в исконном славянстве древнейших обитателей Среднего Поднепровья [19]. Между тем, приведенные взгляды отнюдь не лучшее из всего, что высказал и с чем выступал В. В. Хвойка. Совершенно понятно, что население Поднепровья в конце неолита имело весьма мало общего с древнерусским населением времени Киевской Руси, и носители трипольской культуры отнюдь не славяне и не их предки, тем более не восточные славяне, обособившиеся от западных.

В. В. Хвойка как полевой исследователь, опирался на результаты своих раскопок. Он шел от памятника к культуре и, основываясь на этом, построил систему периодизации: памятники типа Пруссы — Зарубинцы — Черняхов — период после Черняхова — Киевская Русь. В создании этой системы периодизации и в принципах, положенных им в ее основу, и состоит главная заслуга В. В. Хвойки как исследователя.

Первая публикация о раскопках в Черняхове появилась в июньском выпуске АЛЮР за 1900 г. «Погребальные поля Киевской губернии» (стр. 117—119). Это была заметка без подписи на трех страницах, носившая информационный характер. В ней приведены краткие сведения о раскопках, очерчены обрядовые типы погребений, перечислен добытый инвентарь, определено время, которым датируется памятник: «II—III вв. и, пожалуй», как думает В. В. Хвойка, «еще и более позднего времени». Памятники Киевщины поставлены в связь «с территорией западных славян, включая сюда Галичину и Царство Польское». В заключение сделана попытка, определяя этническую принадлежность Черняхова, «отнести поле к славянам», правда, с соответствующей оговоркой: «Очень заманчиво, конечно, отнести поле к славянам. Большинство ученых по отношению к таким памятникам Западной Европы так и делают, хотя и в виде предположения. Нет основания не принять этого определения и по отношению к нашему могильнику, но в видах выяснения и окончательного решения вопроса необходимы как дальнейшие исследования, так и опубликование точных фактов и наблюдений, добытых настоящими раскопками» [20].

Пожелание «опубликования точных фактов и наблюдений, добытых раскопками», выполнено во вступительной статье к IV выпуску «Древностей Приднепровья» [21]. Здесь приведены сведения об открытии могильника в 1900 г. [22], об его местоположении («небольшая, с легкой покатостью к реке, возвышенность»), площади (7000 кв. м), расчленены урновые и безурновые трупосожжения, отмечено преобладание сожжений. О трупоположениях сказано, что они находятся «в вытянутом положении, преимущественно на запад». Датировка и этническая принадлежность определяется ссылкой на Хвойку. «Хвойка относит Черняховский

[19] Утверждение об исконном славянстве древнего племенного населения Поднепровья в последние годы цитировалось советскими археологами (П. Н. Третьяков, М. Ю. Брайчевский и др.).

[20] Погребальные поля Киевской губернии. АЛЮР, т. II, 1900, стр. 119.

[21] Б. И. Ханенко и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Эпоха великого переселения народов. Киев, 1901, вып. IV, стр. 5—8.

[22] «Поля погребения в области Приднепровья открыты были в прошлом 1900 г. В. В. Хвойка при с. Черняхове... Означенные поля погребения открыты в России были впервые, между тем как в Западной Европе они известны уже давно» (там же, стр. 5).

могильник к II—V вв. н. э. и считает его древне славянским» [23].

Типологическое определение Черняховского могильника как поля погребений получило в работе «Древности Приднепровья» (вып. IV, 1901 г.) дальнейшее развитие. Черняхов включен в общий типологический ряд полей погребений, как особый вид археологических памятников, в котором за отправное звено взяты умбрийские могильники X—IX вв. начала железного века вблизи г. Болоньи, урновые сожжения в каменных ящиках виллановского типа, могильники Адриатики в Венецианской области и в заключение выделены венедские могильники I в. н. э. в Мекленбурге как ближайшие в данном ряду к Черняхову. «Могильник, открытый при с. Черняхове, походит близко на описанные венедские могильники»,— отмечается в статье [24].

Правда, это указание на венедские могильники в Мекленбурге не вполне точно. В Черняхове нет ни керамики с точечным орнаментом, ни с меандром, ни очковых фибул. Если иметь в виду в данном случае пшеворские памятники Повисленья, то они отвечают не Черняхову, а поздним этапам зарубинецкой культуры или, быть может, особому типу предчерняховской культуры, если таковая, судя по находкам очковых и сильно профилированных фибул, будет когда-либо открыта в Поднепровье.

С точки зрения смены местных археологических культур Поднепровья Черняхов в «Древностях Приднепровья» определяется как промежуточный этап между скифской и славянской культурами [25].

Нам неизвестен ни автор заметки в АЛЮРе, ни автор вступительной статьи в «Древностях Приднепровья». Одно вполне очевидно: информационная сводка по Черняхову могла быть составлена только В. В. Хвойкой; ему же принадлежит, очевидно, также аннотация к вещам из Черняхова, опубликованная в «Древностях Приднепровья».

Центральное место в литературе о Черняхове занимает написанная по предложению А. А. Спицына статья В. В. Хвойки в ЗРАО (т. XII, 1901 г.) [26]. В основу статьи положен текст отчета, представленного в Археологическую комиссию, с некоторыми пропусками и сокращениями. Отдельные сведения, отсутствующие в ЗРАО, т. XII, имеются в отчете и наоборот. При изучении Черняхова приходится пользоваться обоими источниками.

Если в «Древностях Приднепровья» главное внимание и место, согласно типу издания, уделено публикации вещей, то статья в ЗРАО, т. XII, посвящена по преимуществу описанию погребений и могильника. Правда, приводимая информация не может считаться сколько-нибудь исчерпывающей. Здесь, как и в других случаях, В. В. Хвойка придерживался рамок «предварительного сообщения». За эти границы он не выходил. Не давая возможности изучить памятник в целом, статья тем не менее выполнила свое назначение: ввела в обиход данные о типологических особенностях ранее неизвестных памятников, познакомила с основными группами инвентаря, послужила толчком для изучений памятников аналогичного типа.

Статья в ЗРАО, т. XII, важна для нас как источник по раскопкам в Черняхове и как сводка общих взглядов В. В. Хвойки.

В «Древностях Приднепровья», вып. IV Черняхов был определен как посредствующее звено между скифской и славянской культурами; в ЗРАО, т. XII между скифской и славянской культурами, помимо Черняхова, введено еще одно звено — зарубинецкая культура. Согласно новому варианту, на смену скифской культуре приходит сначала зарубинецкая, которую затем сменяет черняховская.

Для характеристики методических установок и теоретических взглядов, которых придерживался В. В. Хвойка, необходимо отметить, что в отличие от археологов, ссылавшихся на смену «влияний извне», В. В. Хвойка ссылкам на «привозные заимствованные изделия» противопоставил «предметы и обстановку местного характера». Вместо указаний на Грецию, Рим или Иран В. В. Хвойка исследует «последовательные изменения местной культуры», «отдельные моменты» поступательного движения — «живую, непосредственную связь» между ними [27].

---

[23] Б. И. Ханенко и В. И. Ханенко. Указ. соч., стр. 6.

[24] Там же, стр. 5.

[25] «Предметы из открытого В. В. Хвойка поля погребения (с. Черняхово Киевской губернии и уезда), по времени относящиеся к эпохе переселения народов, являются как бы посредствующим звеном между культурой так называемой скифской и следовавшей за ней славянской» (там же, стр. 3).

[26] В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 172—196.

[27] «Если мы оставим в стороне привозные заимствованные изделия, указывающие на сношения с иноплеменными народами, и будем рассматривать исключительно предметы и обстановку чисто местного характера, то увидим беспрестанное и последовательное изменение местной культуры, совершающееся поступательным дви-

Путь от памятника к культуре, членение культур по типологическим признакам и ступеням развития, конкретность археологических наблюдений и аргументации обеспечили за периодизацией В. В. Хвойки ее устойчивость и всеобщее признание. Достаточно сопоставить периодизацию В. В. Хвойки и А. А. Бобринского, которая опубликована в том же томе ЗРАО, т. XII. Различие общих теоретических уровней и установок весьма наглядно. У последнего все смешано, до крайности случайно, сведено к второстепенным частностям, возводимым в принцип членения, не зависимо от того, будет ли это окраска скелетов, греческие импортные вещи, появившиеся изделия из стекла, славянство как исторически засвидетельствованная этническая категория, или еще что-либо иное [28].

Истекшие 50 лет работали на В. В. Хвойку. Сотни вновь открытых черняховских памятников подтвердили правильность предложенного им членения культур. Несмотря на огромное количество вновь обнаруженных памятников, ни один из них не нарушил стройности данной классификационной системы, не шел в разрез с нею.

Рецензии, появившиеся по поводу статьи В. В. Хвойки в ЗРАО, т. XII, подчеркивали значение сделанного открытия. Об этом писал В. Доманицкий: «Неутомимый археолог Хвойка сделал услугу археологической науке обнаружением нового очень ценного типа полей погребений. Поля погребения были найдены им в уездах Киевском, Черкасском» [29]. Находка «двух римских монет II и III веков» позволила, по мнению В. Доманицкого, «говорить о более или менее точной дате, если не для всего могильника, то для какой-то его части» [30]. В заключение рецензии обсуждается вопрос о славянской этнической принадлежности памятников, начиная от неолита. Так, центр обсуждения собственно археологической тематики переносится на вопросы этнического порядка — тенденция, прочно укоренившаяся в литературе о Черняхове.

Значительный интерес представляет рецензия Н. Ф. Беляшевского в «Киевской старине» (1902, апрель) на статью Хвойки в ЗРАО, т. XII [31]. Здесь подчеркнуты заслуги В. В. Хвойки, как «неутомимого исследователя древностей нашего юга, сделавшего столько важных открытий», и высказано удовлетворение по поводу появления работы В. В. Хвойки в печати, что «соответствует много раз уже высказанным нами пожеланиям, чтобы многочисленные раскопки» В. В. Хвойки «были бы, наконец, опубликованы, стали бы общим достоянием ученого мира, тем более, что они этого вполне заслуживают» [32], пожелание, как известно, оставшееся до сих пор не осуществленным. В рецензии отмечена неполнота публикации («настоящая работа охватывает лишь незначительную часть раскопок Хвойки, будем надеяться, что остальные не замедлят выходом в свет»), подчеркнуто, что публикация в ЗРАО, т. XII, «носит скорее протокольный характер, не отличается обширностью изложения» [33]. Вслед за этим приведена «краткая характеристика памятников», «вводная часть работы В. В. Хвойки», перепечатанная из ЗРАО, т. XII [34]. Последняя часть рецензии носит остро полемический характер. Тезису В. В. Хвойки о «предметах и обстановке местного характера» Н. Ф. Беляшевский противопоставил указание на «влияние римской культуры» [35]. Что касается ссылки на обряд трупосожжения и длинноголовость, то, по мнению Н. Ф. Беляшевского, ни то, ни другое не может служить аргументами, подтверждающими исконное славянство местного населения от домикенских площадок до VIII—X вв. [36] Таким образом, здесь, как и в предыдущем случае, вопрос о Черняхове превращается в вопрос о славянстве черняховцев и «признаках, определяющих племя».

Рецензия Н. Ф. Беляшевского в «Киевской Старине» 1902 г. имеет непосредственную связь с его позднейшей статьей «Ближайшие задачи археологии юга России» [37]. Если в рецензии обсуждался по преимуществу вопрос о «славянстве», то в данной работе пересматривается вопрос о периодизации. Следует полагать,

---

женным и сохраняющее между отдельными его моментами живую и непосредственную связь» (В. В. Хвойка. Поля погребений... стр. 189).

[28] Там же, стр. 40).

[29] Записки Научного товарищества им. Шевченка, т. 56. Львів, кн. 6. Бібліографія, стр. 1.

[30] Там же, стр. 3.

[31] Киевская старина, т. 52, 1902, апрель. Отд. II. Библиография, стр. 54—58.

[32] Там же, стр. 54. «На поля погребения, о которых речь, впервые было обращено серьезное внимание Хвойкой; со свойственной ему энергией он принялся за их разыскивание и исследование, и в настоящее время положено еще одно недостающее звено далекого прошлого юга России» (там же, стр. 55).

[33] Там же, стр. 58.

[34] Там же, стр. 55—56.

[35] Там же, стр. 56.

[36] Там же, стр. 58.

[37] Н. Ф. Беляшевский. Ближайшие задачи археологии юга России. АЛЮР, 1903, № 1, стр. 6—14.

что Н. Ф. Беляшевский имел в виду продолжить начатый спор с В. В. Хвойкой. Сущность концепции, защищаемой Н. Ф. Беляшевским, достаточно известна: есть центр и есть периферия, есть активные и есть пассивные, творческие и нетворческие культуры, активные центры мировой культуры. Периферия же только усваивает созданное центром. Со смещением мирового центра изменяется тип местной культуры. Отсюда смена культур — это всего лишь смена влияний извне и тем самым периодизация культур — это периодизация сменяющихся внешних влияний. По Н. Ф. Беляшевскому, «скифская эпоха, тянувшаяся сравнительно недолго, характеризуется влиянием греческой культуры; сменившие ее у нас другие виды древностей носят уже следы римского влияния. Сюда относятся недавно открытые В. В. Хвойкой поля погребений, датируемые III—IV вв.»[38]

Для В. В. Хвойки народ — действующая сила истории; для Н. Ф. Беляшевского народ — объект воздействия извне. При определении археологической культуры, по Н. Ф. Беляшевскому, в первую очередь должны учитываться импорты как показатели воздействия высшей развитой культуры на неразвитую.

На выступление Н. Ф. Беляшевского В. В. Хвойка ответил статьей «К вопросу о славянах» [39]. В настоящем обзоре нет надобности излагать содержание полемики. Как уже сказано, Хвойка выдвинул на первый план понятие «народ», но, отождествив «народ» и «славян», он тем самым изменил постановку проблемы. Славяне — историческая категория, как и категория народа. Между тем, В. В. Хвойка искал повсюду одного и того же — элементов тождества, ссылаясь на оседлость, земледелие, обряд сожжения и длинноголовость, вопреки тому, что ни проблема народа, ни проблема славянства не решается этими ссылками. Одна из основных сторон в постановке вопроса о народности и племенных признаках — вопрос о языке — вообще не был затронут ни В. В. Хвойкой, ни Н. Ф. Беляшевским, ни даже последующими исследователями, хотя без выяснения вопроса о языке местного населения одинаково черняховцев, скифов и т. д., не может быть ничего сказано об этнической принадлежности этого населения.

Как видим, вопрос о Черняхове постепенно превратился в вопрос о славянах. Археологическая сторона изучения Черняхова приобрела вид некой гибридной темы, где антропологические данные оказались увязанными с данными о ритуале и культуре, об оседлости и земледелии, а также о тех или других частностях, взятых беспорядочно из самых разнообразных областей. В то же время наиболее конкретное и наиболее ценное, что имелось в теоретических взглядах В. В. Хвойки и что дали его раскопки, было обойдено, осталось незамеченным.

В данном случае весьма показательна вступительная статья к VI выпуску «Древностей Приднепровья» (1907) [40]. Эта статья свидетельствует о полном отказе от всего, что было сделано и высказано незадолго перед этим В. В. Хвойкой. Периодизация, разработанная В. В. Хвойкой с ссылкой на памятники и культуры (Пруссы, Зарубинцы, Черняхов), забыта. Вместо нее фигурирует обычная традиционная схема с членением на три эпохи:

1. Скифо-сарматская (VII в. до н. э. по III в. н. э.),

2. Эпоха великого переселения народов (IV—VI вв. н. э.),

3. Эпоха славянская (VI—XIII вв. н. э.) [41].

Если В. В. Хвойка, опираясь на материалы своих раскопок, отстаивал тезис о густой и непрерывной заселенности Поднепровья, то в «Древностях Приднепровья», Поднепровье изображается как некий «переходный пункт», территория, лишенная оседлости, без исторически устойчивого населения, место кратковременного пребывания передвигающихся народностей [42].

Точно также трактованы здесь и славяне. В. В. Хвойка видел в славянах древнейших обитателей Поднепровья. В «Древностях Приднепровья» славяне отнесены к числу «народов, проходивших через Поднепровье». «Первые времена появления здесь славян» [43] приурочены к эпохе переселения народов, т. е., согласно с приведенной датировкой, к IV—VI вв. н. э. [44]

---

[38] Там же, стр. 11.

[39] В. В. Хвойка. К вопросу о славянах. Киевская старина, т. 77, 1902, июнь, стр. 495—505.

[40] Древности Приднепровья и побережья Черного моря, вып. VI. Киев, 1907, стр. 1.

[41] Там же, стр. 1.

[42] «Обращаясь к Приднепровью, мы находим здесь следы различных народностей, для которых оно служило то переходным пунктом при дальнейшем движении, то новой, большей частью кратковременной родиной» (там же, стр. 5). Как видим, точка зрения диаметрально противоположная той, которую отстаивал В. В. Хвойка.

[43] Там же, стр. 22.

[44] «К этому времени можно отнести и первые более или менее определенные указания на пребывание в известной части Приднепровья славян, именно со следами римских влияний» (там же, стр. 5).

Попутно следует упомянуть о заметке В. В. Хвойки в Трудах XIV АС «По вопросу о раскопках» [45]. Третья глава этой записки посвящена вопросу о методике раскопок. В ней довольно подробно изложен метод полевых работ, применявшийся В. В. Хвойкой при раскопках могильников [46], а также рассказано о тех четырех рабочих, которые в течение ряда лет работали вместе с Хвойкой и сделались его ближайшими опытными помощниками. К статье приложены рисунки двух погребений со скелетами, одного погребения с черепом и трех трупосожжений [47].

Книга В. В. Хвойки «Древние обитатели Среднего Приднепровья» (1913) [48] представляет собою итоговую работу, которой завершился творческий путь В. В. Хвойки. В. В. Хвойка имел намерение опубликовать обширный труд, в котором суммировались бы результаты его многолетних исследований, но в силу ряда обстоятельств ему пришлось ограничиться небольшой брошюрой с краткими сведениями самого общего, информационного порядка. Можно искренне пожалеть, что ему не удалось осуществить свое намерение не только потому, что объем его публикаций нисколько не отвечает масштабам произведенных им открытий, но также потому, что многое осталось неясным, или же вовсе неизвестным.

В «Древних обитателях...» В. В. Хвойка не отказался от своих первоначальных установок. Как и в ЗРАО, т. XII, так и здесь, он не доводит скифскую эпоху вплоть до IV в. н. э. В. В. Хвойка ограничивает скифское время концом III в. до н. э. На рубеже III—II вв. до н. э., согласно его концепции, на Поднепровье происходит смена культур. Со II в. н. э. начинается новый период, обозначаемый у Хвойки как «эпоха похоронных урн» [49].

Оспаривая теорию влияний, В. В. Хвойка в «Древних обитателях...», как и в ЗРАО, т. XII, выдвигает идею постепенного развития. По мнению Хвойки, переход от эпохи скифского времени к эпохе полей погребений совершался с чрезвычайной постепенностью, позволяющей «констатировать полную последовательность в развитии «местной» среднеднепровской культуры» [50].

Эпоху похоронных урн В. В. Хвойко расчленяет на два периода. Первый из них он датирует «двумя первыми веками после н. э.», второй, также на протяжении четырех столетий, временем, «начиная с II в. н. э. и в последующие затем три века», т. е. II—V вв. [51]

К этапу в развитии «среднеприднепровской культуры» во II—V вв. н. э. в «Древних обитателях» отнесены следующие памятники: могильники в Черняхове и Ромашках, погребения вблизи Стретовки [52], ряд поселений «вблизи с. Стретовки, с. Жуковцы и с. Витачево Киевского уезда и во многих других местностях» [53].

Что касается характеристики погребений и их инвентаря, то в «Древних обитателях...» В. В. Хвойка не дает по существу ничего нового по сравнению с его предыдущими публикациями. Отмечено местоположение могильников «на возвышенных местах», «значительное количество погребений», «небольшое расстояние» между погребениями, отсутствие внешних признаков погребений на поверхности земли [54].

Двухобрядовым могильникам II—V вв. противопоставлены здесь однообрядовые похоронные поля предыдущего времени. При описании трупосожжений Хвойка выделяет ряд признаков: 1) вещи сжигались вместе с умершим; 2) остатки сожжения всегда складываются в отдельный сосуд (урновые погребения); 3) «остатки черепных костей и предметы» кладутся сверх остального — своеобразная черта, заслуживающая внимания исследователей при раскопках; 4) «сосуд с пеплом бывает окружен несколькими другими» [55]. Соответствующие данные о числе и расположении сосудов приведены при описании трупоположений. Сосуды различаются двух групп: с лоснящейся и шероховатой поверхностью, горшковидной и

---

[45] В. В. Хвойка. По вопросу о раскопках. Тр. XIV АС в Чернигове, 1909 г., т. III. М., 1911. Доклады, сообщения и речи, стр. 104—110.

[46] Там же, стр. 109.

[47] Там же, стр. 110.

[48] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 1—101.

[49] «Так называемая скифская эпоха в Среднем Приднепровье постепенно сменяется эпохой полей похоронных урн, полное господство которой относится к времени II—IV вв. н. э.» (там же, стр. 43).

[50] В. В. Хвойка. Указ. соч.

[51] Там же, стр. 43, 44. «Памятники двух первых веков до и после нашей эры, хотя еще и сохраняют пережитки прошлой так называемой скифской эпохи, но в них заметны уже новые привносные элементы, получающие полное развитие в последующую эпоху полей похоронных урн. Промежуточный период этот служит связующим между двумя упомянутыми эпохами» (там же).

[52] Там же, стр. 45.

[53] Там же, стр. 46.

[54] Там же.

[55] Там же.

мискообразной формы. Стеклянные и бронзовые сосуды В. В. Хвойка считал римскими изделиями точно так же, как бусы из разноцветной массы или стекла, фибулы, пряжки, браслеты и кольца [56].

Жилища из поселений, раскопанных у сел Стретовка, Жуковцы и Витачево, описаны как четырехугольные, несколько углубленные на 1—2 м в землю, размером 4—5 на 3—4 м, с печью или очагом, вылепленными из глины, и со стенами, покрытыми глиняной обмазкой. В составе инвентаря жилищ — сосуды, ножи, серпы, косы, цепи, гвозди, крючки, пряслица, застежки, бусы, жернова, обрезки оленьих рогов, кости животных, «в большинстве случаев домашних». Суммируя наблюдения относительно «предметов домашнего обихода», найденных в жилищах, В. В. Хвойка замечает: «Ими пользовалось оседлое земледельческое население» [57].

В заключение раздела В. В. Хвойка коснулся вопроса о взаимоотношениях населения Среднего Поднепровья и римского Подунавья в эпоху полей погребальных урн. Для Н. Ф. Беляшевского и для автора статьи в «Древностях Приднепровья», вып. VI, поля погребений — это продукт римских влияний. В. В. Хвойка последовательно избегает подобных формулировок. По его мнению, большое количество римских изделий в Поднепровье объясняется близостью придунайских провинций, торговлей, которую ведут «римские коммерсанты» с Прикарпатьем, а возможно, и с обитателями Поднепровья [58]. Вместе с тем, как бы отзываясь на концепцию Д. Я. Самоквасова, В. В. Хвойка ссылается на завоевания Траяна, которые могли оттеснить «народы, знакомые с римской культурой», на территорию Среднего Поднепровья [59].

Таким образом, в работе В. В. Хвойки «Древние обитатели...», как и в ЗРАО, т. XII, содержатся в основном те же мысли и положения, та же документация и к тому же почти в одинаковом объеме. Несколько более развита мысль, использованная для объяснения взаимоотношений трех периодов — скифского, зарубинецкого и черняховского. Затронут вопрос об элементах и условиях «распространения римской культуры» в Поднепровье.

Упоминание В. В. Хвойки в «Древних обитателях...» о «завоевании Траяна, возможно, оттеснившем часть местных народов, знакомых с римской культурой, в область Среднего Приднепровья», не самостоятельно. Оно восходит к Д. Я. Самоквасову. Соответствующую концепцию Д. Я. Самоквасов развил в своей известной книге «Могилы русской земли» (1908) [60]. Гето-дакийские обитатели, вытесненные из своей Дунайской прародины, осели, по Д. Я. Самоквасову, в Среднем Поднепровье, в «пределах современных нам Киевской и Полтавской губерний». Отличительной чертой оставленных ими в Поднепровье могильников являются погребения по обряду трупосожжения и римские изделия, принесенные ими сюда из Подунавья [61]. К предметам римского искусства, принесенным из Подунавья, Д. Я. Самоквасов причисляет монеты, фибулы и стеклянные сосуды. Все остальные вещи, по мнению автора, имеют местное происхождение и отвечают «формам предметов в скифо-сарматских могилах» [62].

Создавая свою концепцию, Д. Я. Самоквасов не учел того, что его гето-даки, вытесненные из своей Дунайской прародины, не могли принести в Поднепровье с собою тех римских фибул, римских монет и стеклянных сосудов, которые были найдены в Черняхове и которые имеет в виду в данном случае автор. Этого они не могли сделать по очень простой причине: во времена Траяна этих изделий еще не было, а те, которые были в то время, были совсем иные, и в Черняхове они не встречаются. Концепция «принесенного запаса» не выдерживает критики. Она может объяснить первичные элементы, начальный этап, возникновение культуры, но никак не культуру в целом.

Правда, у Д. Я. Самоквасова есть удачные наблюдения, например, его замечание, что могильники черняховского времени — это «кладбища простого народа, бедняков» [63]. Конечно, черняховцы не «бедняки». Слово выбрано не точно, но мысль в конечном счете ясна. Действительно, это могильники «простого народа», общинные могильники, могильники всех

---

[56] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья..., стр. 46.
[57] Там же, стр. 46—47.
[58] Там же, стр. 47.
[59] Там же

[60] Д. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908. Гл. «Могилы россоланского или росского периода», стр. 164—174.
[61] Там же, стр. 168.
[62] Кроме Черняхова, Д. Я. Самоквасовым упомянуты Ермолинцы на Суле и Хоцки на Десне, с ссылкой на В. Ляскоронского и Н. Макаренко (там же, стр. 172).
[63] Там же, стр. 173.

членов общины, независимо от их социального и материального положения. У общины имеется одно кладбище для всех ее членов [64].

Что касается общего положения относительно черняховской культуры, как созданной в результате продвижения римлян, то эта мысль Д. Я. Самоквасова справедлива только отчасти, относительно начального периода. Автор не принял во внимание, что черняховское время, которое он имеет в виду,— это время, когда не римляне завоевывают, покоряют и, быть может, в какой-то мере оттесняют местное население Подунавья-Поднестровья, а напротив период, когда народы этих территорий отбрасывают завоевателей далеко за линию Дуная.

Черняхов свидетельствует, что материальная культура Среднего Поднепровья в III—IV вв. достигает такого уровня развития, когда местное производство, особенно металлургическое и керамическое, оказывается способным производить на месте все, в чем нуждалось население Поднепровья. О колониальной или полуколониальной ситуации в черняховское время не может быть и речи не только в военном, политическом, но и в экономическом отношении.

Документация по Черняхову
(Общая характеристика источников)

Упорядочение уцелевших рукописных источников по Черняхову, представляет довольно сложную задачу. Начнем с вопроса о полевой документации. К сожалению, таковая вообще отсутствует. Как полевой исследователь, В. В. Хвойка имеет за собой совершенно исключительные успехи, блестящие достижения. Однако полевой документации он не придавал особого значения. Впрочем, подобным образом поступал не он один. Большинство археологов его времени работали точно также, ограничиваясь самой краткой и к тому же частичной фиксацией.

Было бы неправильно не учитывать при этом также общей обстановки, тех внешних условий, в которых находился В. В. Хвойка. Если другие археологи были по преимуществу любителями, то Хвойка был профессионалом, для которого занятие археологией служило основным источником существования. Он часто вынужден был копать или на свои крайне скудные средства, или на деньги таких предпринимателей и меценатов, как Б. И. Ханенко [65].

Из года в год весь раскопочный сезон В. В. Хвойка проводил в поле. Он копал поразительно много. Так, например, полевой сезон 1899 г. закончился для него поздней осенью в Зарубинцах, а новый в 1900 г. начался раскопками Черняхова в первые весенние дни, едва ли позднее начала или середины апреля. Он копал памятник за памятником, прилагая все усилия, чтобы в кратчайшие сроки при затрате самых незначительных средств добиться наибольших успехов. На исчерпывающую полевую документацию у него не оставалось ни времени, ни возможности. «Заказчики» требовали от него не письменной документации и не сведений о ходе раскопок, а вещей, полноценных и эффектных находок, ни в коем случае не фрагментов керамики, а исключительно целых сосудов. Этим определялось все остальное.

Насколько известно, В. В. Хвойка полевых дневников вообще не вел, ограничиваясь главным образом рисунками и записями в карманной записной книжке. Нужно думать, что при раскопках в Черняхове записи, сделанные в поле, сводились точно также к частичным и беглым заметкам в такой книжке. Конечно, это только допущение. Его записные книжки находятся в руках наследников и в настоящее время недоступны для советских исследователей.

Впрочем, непосредственное знакомство с первоначальными полевыми записями едва ли способно что-либо изменить в создавшемся положении с документацией и прибавить многое к тому, что имеется в нашем распоряжении и что нам известно. Наилучшим доказательством может служить переписка В. В. Хвойки с Археологической комиссией в 1900—1901 гг., когда руководство Комиссии, не удовлетворенное присланной отчетностью, по инициативе А. А. Спицына, затребовало от В. В. Хвойки представления исчерпывающей документации по раскопкам в Черняхове и других пунктах. Несмотря на повторные требования, усилен-

[64] У Д. Самоквасова Черняхов рассматривается в главе о могилах «кроссоланского или русского периода». Для него — это «могилы россов». Обсуждение этого вопроса, как и вся вообще этническая проблема, остаются за пределами нашей статьи.

[65] В статье о раскопках городищ в Пастерском, Матронино, Шарках, у с. Витачево и Конопча В. В. Хвойка счел нужным отметить: «Я занялся раскопкою их как на свои личные средства, так отчасти и на средства председателя Киевского Общества Древностей и Искусств Б. И. Ханенко». В. В. Хвойка. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность. Тр. XII АС, т. I. М., 1902, стр. 93.

ный нажим и угрозу лишить права на получение открытого листа, В. В. Хвойка не смог прислать в Комиссию то, чего от него добивались получить.

Отосланные в Комиссию описи с перечнем вещей из раскопок в Черняхове показывают, насколько ограничен был объем сведений, которыми располагал В. В. Хвойка. Он не был в состоянии представить дополнительно что-либо иное, кроме того, что им было представлено в Комиссию первоначально.

В личном архиве В. В. Хвойки, поступившем в ИА АН УССР, хранится большое количество черновых вариантов к отчету и к статье в ЗРАО, т. XII, разного рода копий, отрывочных заметок, отдельных набросков, написанных то чернилом, то карандашом. Все это было нами тщательно собрано и изучено, однако результаты оказались самые неутешительные. Во всех случаях повторялись неизменно одни и те же сведения. Ничего нового. Различия сводились по преимуществу не к фактической стороне, а к некоторым разночтениям, к дополнениям и дописками, исправлениям в тексте, главным образом чисто фразеологического порядка.

Приходится допустить, что исчерпывающей полевой документации в распоряжении В. В. Хвойки не было. Что же было? Нужно думать, что В. В. Хвойка по ходу раскопок придерживался выборочного метода фиксации. Им фиксировалось не все, не сплошь и не подряд, а главнейшее, то, что ему представлялось наиболее заслуживающим внимания. На сегодня в нашем распоряжении имеется следующий документальный материал:

1. План могильника, приложенный к статье в ЗРАО, т. XII.

2. Описание погребений в ЗРАО, т. XII и в рукописном отчете В. В. Хвойки (дело АК № 29/1900).

3. Инвентарные перечни находок из могильника.

4. Рисунки погребений в ЗРАО, т. XII (рис. 29, 1—26, 30—34).

5. Два фото погребения в «Древностях Приднепровья», IV (1901).

6. Рисунки двух трупоположений, одного погребения с черепом и трех сожжений в Трудах XIV АС, т. III, 1911, стр. 110, рис. 3.

7. Рисунок погребений в книге А. А. Спицына «Археологические раскопки». СПб., 1910, стр. 86, рис. 102.

Эти источники, положенные в основу описания черняховских погребений, приведены и рассмотрены нами в соответствующем разделе. Ограничимся лишь общей их характеристикой, а также сообщением о переписке, имевшей место по поводу представленной отчетности между В. В. Хвойкой и Археологической комиссией.

Работа над отчетностью, представленной В. В. Хвойкой в Археологическую комиссию, убедительно показывает, что при составлении отчетных ведомостей по Черняховскому могильнику В. В. Хвойка ограничивался подачей самых общих сведений, простым перечислением и подсчетом найденных вещей. Отсутствуют точные инвентарные номера находок. Очень редко показано, из какого погребения происходит та или другая вещь. Не выделены и не описаны погребальные комплексы вещей, иначе говоря, не соблюдены элементарные требования при инвентарной описи находок.

Это не могло не вызвать решительного протеста со стороны Археологической комиссии. Между Комиссией и В. В. Хвойкой завязалась переписка. В личном архиве В. В. Хвойки (ИА АН УССР) хранятся оригиналы писем за подписью А. А. Бобринского. Письма датированы 13 марта 1900 г., 5 апреля 1901 г. и 2 маем 1901 г. Все они одинакового содержания. В них речь идет об одном и том же — неполноте сведений, сообщаемых В. В. Хвойкой в его отчетах.

Под давлением, оказанным со стороны Комиссии, Хвойка вынужден был пересоставить инвентарные списки по предложенной форме. Пересоставленная опись «Предметы из могильника при с. Черняхово», подшитая к делу № 29/1900, подтверждает сказанное выше о выборочном методе фиксации при раскопках. Однако по всей вероятности, располагая только частичными пометками, В. В. Хвойка мог распределить по отдельным погребениям далеко не все находки (см. ниже).

Большая часть вещей из погребений, раскопанных в Черняхове, поступила в Киевский городской музей, откуда впоследствии перешла в Киевский государственный исторический музей. Хотя в музей вещи, согласно постановлению Археологической комиссии, поступили еще в 1901 г., однако по инвентарной описи музея они значатся поступившими сюда только в 1905 г. В инвентарной книге музея вещи из Черняхова записаны в таком порядке: под № 8373—8524 и 8545—8558 записаны предметы из железа, бронзы, кости и проч.; далее зарегистрированы сосуды — 3 под № 85559—8561, 261 сосуд под № 8562—8824, 16 — под № 8825—

8840 [66]. 97 фрагментированных сосудов значатся под № 9233—9330. Один сосуд — № 9366— поступил из собрания С. Могилевца [67]. Кроме того, в 1930-х годах через Институт археологии АН УССР в КГИМ было передано несколько сосудов из собрания Ф. Ф. Кундеревича, в том числе две миски, горшок и трехручная ваза (№ К-36—39).

К сказанному нужно прибавить, что далеко не все вещи из Черняхова поступили в свое время в Киевский городской музей. Довольно большое число находок из раскопок в Черняхове и Ромашках, по решению Археологической комиссии, передано было в Московский государственный исторический музей. Вполне возможно, что отдельные вещи находятся в тех или других собраниях и остались пока неучтенными.

Огромный ущерб собранию вещей из Черняхова нанесли в годы Отечественной войны фашистские оккупанты. Похищено и, возможно, безвозвратно утеряно большинство металлических изделий, в том числе фибулы и пряжки. Много сосудов разбито и не поддается реставрации. Часть вещей депаспортизирована.

[66] Инвентарь Археологического отдела КГИМ, т. I, стр. 211.

[67] Там же, стр. 221—223.

ПОГРЕБЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Источники

В отчете В. В. Хвойки (дело АК № 29/1900) описано наибольшее число погребений Черняховского могильника — 21. Несколько меньше описаний приводится в ЗРАО, т. XII — 14 погребений. Все они показаны на плане могильника, приложенном к статье ЗРАО, т. XII [68].

На плане показано 251 погребение. Из них в последовательности номеров значится 247 и сверх того еще 4 — одно, помеченное № 170а и другое № 226, детское погребение, которое помещено на плане рядом с другими, под тем же номером 226. Одно захоронение осталось без цифровых отметок, безынвентарное, расположенное к югу от детского погребения № 80 и к северу от трупосожжения № 65, и трупоположение с инвентарем, между сожжениями № 237 и 239.

Для обозначения погребений В. В. Хвойка использовал девять значков. Каждый из значков указывает на обрядовый тип захоронения (сожжение, трупоположение, погребение в склепе, скорченное); на сохранность погребения (целое или разрушенное); отсутствие или наличие инвентаря; ориентацию скелета по странам света, возрастные отличия (взрослое или детское захоронение).

Сочетание показателей в каждом из этих значков позволяет различить такие группы погребений:

1. трупоположения взрослые, с инвентарем, сохранившиеся;
2. трупоположения взрослые, с инвентарем, разрушенные;
3. трупоположения взрослые, без инвентаря;
4. трупоположения детские, сохранившиеся;
5. трупоположения детские, разрушенные;
6. погребения в скорченном положении;
7. погребения в склепах;
8. сожжения, сохранившиеся;
9. сожжения, разрушенные.

К сказанному присоединяются различия трупоположений в зависимости от ориентации, о чем будет сказано ниже.

Номера погребений, как они показаны на плане в ЗРАО, т. XII, идут в восходящем порядке с юго-запада на северо-восток. Остается, однако, неизвестным, отвечает ли последовательность номеров ходу раскопок, или же цифры были проставлены впоследствии. Если цифры показаны в соответствии с ходом работ, то это значило бы, что раскопки были начаты в юго-западной части могильника и двигались по направлению к северо-востоку, к ветряным мельницам и проселочной дороге, перерезавшей площадь могильника. Тем самым последние номера относились бы к захоронениям, обнаруженным в последнюю очередь при раскопках, возможно, 1901 г.

Как уже говорилось выше, В. В. Хвойка придерживался выборочного метода фиксации. Во всяком случае, погребения Черняховского могильника описаны у него далеко не все. Тем самым обнаруживается резкое несоответствие между числом нанесенных на план и описанных погребений. Из 251 раскопанных в Чер-

[68] В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 175.

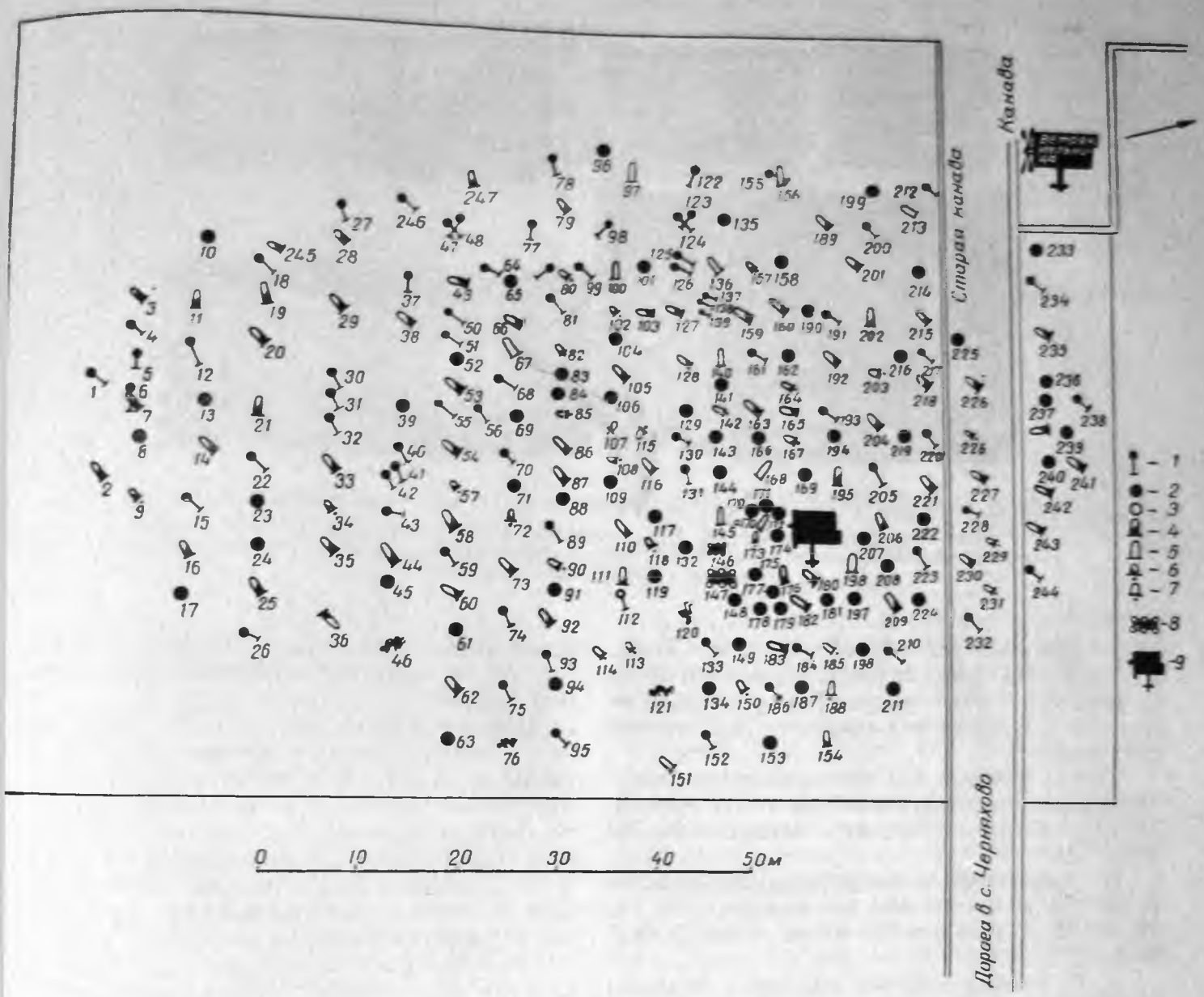

Рис. 1. План Черняховского могильника (по В. В. Хвойко).

1 — положение костяка; *2* — сожжение; *3* — сожжение разрушенное; *4* — погребение с предметами; *5* — погребение разрушенное; *6* — погребение ребенка; *7* — погребение ребенка разрушенное; *8* — погребение со склепом; *9* — ветряная мельница

няхове погребений лишь 21 описано. Из них 11 сожжений описаны в отчете — № 23, 88, 109, 119, 135, 175, 177, 194, 208, 211, 225; семь опубликованы в ЗРАО, т. XII — № 88, 109, 119, 135, 175, 177, 225; четыре остались неопубликованными — № 23, 194, 208 и 211 (рис. 2, *1—2*).

Что касается трупосожжений, то в ЗРАО, т. XII и в отчете приведены описания десяти погребений — № 17, 87, 107, 110, 114, 118, 127, 150, 160, 173. Из этих десяти погребений в ЗРАО, т. XII помещено описание семи — № 87, 107, 110, 118, 150, 160, 173, тогда как в рукопись отчета В. В. Хвойка включил № 16, 87, 110, 114, 127, 150, 173. Таким образом, в ЗРАО, т. XII имеются описания трех погребений — № 107, 118, 160, которых нет в отчете; между тем в отчете описаны три погребения — № 16, 114, 127, которые не были включены в текст ЗРАО, т. XII (рис. 2, *3*).

К «погребениям без всяких сопровождающих предметов» в отчете отнесено семь

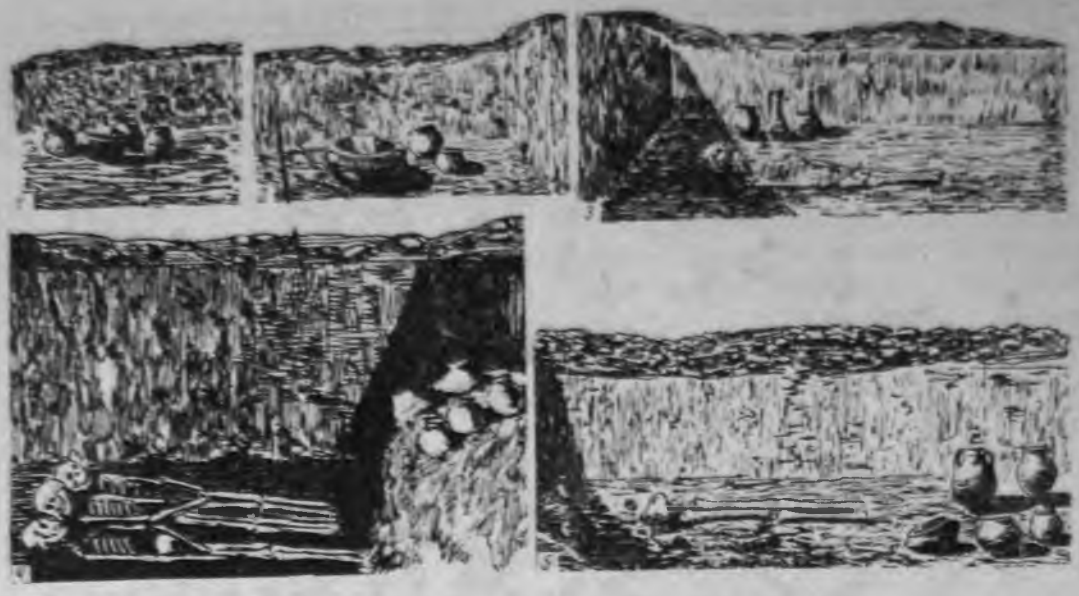

Рис. 2. Зарисовки погребений Черняховского могильника (по материалам архива В. В. Хвойки)

1 — погребение с трупосожжением (№ 23?); *2* — погребение с трупосожжением (№ 88); *3* — погребение с трупоположением; *4* — погребения с трупоположениями (№ 40, 41 и 42); *5* — разрушенное погребение с трупоположением (№ 54)

погребений — № 40—43, 46—49 (рис. 2, *4*). В ЗРАО, т. XII о них сказано: «Довольно часто встречались погребения, заключавшие в себе скелеты в вытянутом положении, без всяких предметов» [69].

Три погребения «со скорченными скелетами» названы в отчете и в ЗРАО, т. XII — № 46, 76, 121. На плане значится четыре — 46, 76, 120 и 121.

Из погребений «с недостающими частями скелетов» в отчете описано четыре — № 14, 21, 44, 54; в ЗРАО, т. XII — два — это № 44 и 54 (рис. 2, *5*).

В. В. Хвойка выделил наряду с прочими также особую группу «погребений, где были найдены одни черепа». Согласно отчету, четыре — № 80, 107, 118, 159. Из них три — № 80, 117, 118 — показаны на плане как детские.

Погребения со склепами — № 146 и 147 — одинаково отмечены в обоих источниках — в ЗРАО, т. XII и в отчете.

Как видим, некоторые сведения включались в статью и в отчет, иногда только в отчет. Тем самым статья в ЗРАО XII, вопреки заявлению в «ОАК за 1899 год» (см. выше), — это вовсе не «часть отчета», а самостоятельный параллельный текст, составленный на основании тех же заметок, имевшихся в распоряжении автора.

Ценным дополнением к тексту статьи и отчета могут служить рисунки погребений в ЗРАО, т. XII [70]. Как известно, обычные схематические чертежи у В. В. Хвойки отсутствуют. Вместо чертежей он зарисовывал погребения, причем часто он зарисовывал не каждое в отдельности, а весь комплекс в целом. В конечном счете на рисунке бывают показаны не все вещи, найденные при умерших, а только те находки, которые были видны в их общей перспективе рисовальщику. При всем том, рисунки в какой-то степени восполняют содержание описаний, вносят подробности, не упомянутые в тексте.

Инвентарные списки находок приложены к отчету (Дело АК № 29/1900). Основной список вещей носит заголовок: «Предметы из раскопок могильника (поле погребальных урн) при с. Черняхов Киевской губернии и уезда». Поскольку этот список является основным документом по инвентарю могильника и до сих пор не опубликован, приводим его здесь:

«1. 18 связок различных бус.

2. 23 костяных гребешка и фрагменты.

[69] В. В. Хвойка. Поля погребений ..., стр. 181.

[70] Там же, стр. 177—180, рис. 29, *1—26, 30—34*

3. 7 орнаментированных пряслиц.
4. 27 бронзовых пряжек.
5. 29 бронзовых фибул, цельных и поврежденных огнем.
6. 28 кусочков расплавленного стекла.
7. 5 шпилек и иголок и фрагменты их.
8. 5 маленьких раковин.
9. 4 больших морских раковины (подвеска просверлинами и одна с продетым в нее бронзовым колечком).
10. две серебряные подвески, одна круглая, другая в виде лунницы.
11. два фрагмента серебряных пластин.
12. четыре серьги-колечка (одна с подвеской).
13. костяная трубочка.
14. две серебряные пряжки.
15. изогнутый бронзовый ножик.
16. железный ножик (числом два) и фрагменты их.
17. бронзовое ситечко.
18. два точильных камня.
19. 6 железных пряжек и фрагменты их.
20. большой костяной молот.
21. два кремневых ножа.

1—311. Глиняные сосуды и погребальные урны с остатками сожжений.

312—314. Три стеклянных сосуда.

315—320. Шесть полушарообразных сосудов с тонким изящным орнаментом, сделанных при помощи зубчатого резца.

1—25. Длинноголовые черепа из упомянутого могильника.

22. серебряная монета Антонина Пия.
23. серебряная монета Фаустины Младшей.
24. золотая монета Гордиана.
25. бронзовые и серебряные колечки.
26. костяное колечко.
27. стеклянное колечко».

Этот список интересен сам по себе. Он воспроизводит картину инвентаря, относившегося по преимуществу к личным вещам покойника, предметы убранства и украшения, бусы, гребни, подвески, фибулы и пряжки, составлявшие принадлежность одежды, иголки и пряслица. Богатая и разнообразная керамика всех форм и групп — кухонная, столовая, парадная и пр., сосуды, использованные для хранения ритуальной еды, которой снабжался умерший, позволяет создать представление о керамике, находившейся в пользовании обитателей Черняхова.

К сожалению, цифровые показатели номеров находок не всегда имеют документальное значение. В ряде случаев они приблизительны и, по всей вероятности, вообще случайны. Во всяком случае, имеющийся в деле АК № 29/1900 «Дополнительный список предметов из раскопок В. В. Хвойка Киевской и Полтавской губ.» под № 7: «Предметы из могильника при с. Черняхово» предлагает несколько иные, измененные номера. Кстати сказать, в этом списке вместо 317 сосудов значится 350 (300 + 50).

«7. Предметы из могильника при с. Черняхово Киевского уезда.

300 цельных и 50 подлежащих реставрации сосудов.

10 костяных гребешков.
1 костяная пряжка.
1 загнутый кремневый нож.
1 брусок.
2 серебряные монеты.
4 бронзовых пряжки.
4 бронзовых фибулы.

Фрагменты бронзовых, стеклянных и железных предметов числом 20.

Всего 393 предмета».

В соответствии с требованиями, предъявленными к нему Археологической комиссией, В. В. Хвойка смог отнести к отдельным погребениям следующие вещи: 2 ножа (погребения 58 и 87), 11 гребней (погребения 21, 54, 58, 86, 87, 110, 119, 127, 165, 185, 225), 6—7 фибул (погребения 58, 109, 127), 3 пряжки (погребения 58, 72, 114), 1 кремневый нож (погребение 46) и некоторые другие. Как видим, распределено по погребениям незначительное число находок. Наилучше паспортизированы гребни — 11 из 23. Остальные вещи показаны в единичных случаях, из 29 пряжек и стольких же фибул отнесены к отдельным погребениям всего лишь 6—7 фибул и 3 пряжки.

Обратимся к керамике. В дополнительной описи по порядку номеров (от № 332 до № 681) значится 350 сосудов с указанием на номера погребений и их обрядовый тип. Отдельными номерами из этих 350 сосудов отмечено 252 (№ 332—583). Они отнесены к 66 погребениям с отметкой количества сосудов в каждом из них (от 1 сосуда до 8 и 12 сосудов; в трупосожжении № 173 было 12 сосудов). О 99 сосудах не сообщается никаких уточняющих сведений; из них 48 (№ 584—631) отнесены к разрушенным погребениям, а относительно прочих сказано, что они фрагментированные сосуды из различных погребений, подлежащие реставрации.

В «дополнительном» списке перечислены сосуды от № 749 до № 781, обозначен обрядовый тип погребений и названо число сосудов в каждом из них. Всего в списке значится 33 сосуда из 31 захоронения; по одному сосуду было найдено в 29 погребениях, по два — в погребениях № 30 и № 234. По обрядовому типу все упомянутые здесь погребения отнесены к трупоположениям.

В личном архиве В. В. Хвойки (Институт археологии АН УССР) нам удалось обнаружить черновую рукопись с подзаголовком: «Новая опись». Сведения, приведенные в рукописи, не отличаются от показанных в ведомости, но в конце имеется справка: «Сосуды эти лежали во время составления описи в черепках под витриной и занумерованы не были, хотя номера здесь и показаны. 17 апреля 1901 г.» Подпись неразборчива. Следует полагать, что сделанное примечание относится к фрагментированным сосудам, № 332—681. Вообще все сведения нуждаются в проверке. Если, например, погребения 16, 33—35, 44, 60, 67, 72, 80, 82, 86, 87, 90, 103, 107, 108, 110, 113—115, 118 и 127 — всего 22 — по списку сосудов значатся как трупосожжения, то на плане они показаны как трупоположения.

Такой же разнобой наблюдается и в счете сосудов. Первоначально В. В. Хвойка назвал 317 сосудов, затем 350. При пересоставлении ведомости он повторил цифру 350, но в дополнительном списке присчитал еще 33, т. е. всего в конечном счете 350 + 33 = 383.

Черняхов как двухобрядовый могильник

По своему обрядовому типу Черняхов, как и все прочие памятники той же культурно-типологической группы, относится к числу двухобрядовых могильников. Из 251 погребения на плане ЗРАО, т. XII показано 69 трупосожжений, а именно: 8, 10, 13, 17, 23, 24, 39, 45, 52, 61, 63, 65, 69, 71, 83, 84, 88, 91, 94, 96, 101, 104, 106, 109, 117, 119, 129, 132, 134, 135, 141, 143, 144, 148, 149, 153, 158, 162, 166, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 179, 181, 187, 190, 194, 197, 198, 199, 207, 208, 211, 214, 216, 219, 222, 224, 225, 233, 236, 237, 239, 240.

Трупоположений, по сравнению с трупосожжениями, почти втрое больше. К их числу относятся погребения: № 1—7, 9, 11, 12, 14—16, 18—22, 25—38, 40—44, 46—51, 53—60, 62, 64, 66—68, 70, 72—82, 85—87, 89, 90, 92, 93, 95, 97—100, 102, 103, 105, 107, 108, 110—116, 118, 120—128, 130, 131, 133, 136—140, 142, 145—147, 150—152, 154—157, 159—161, 163—165, 167, 168, 170а, 173, 176, 180, 182—186, 188, 189, 191—193, 195, 196, 200—206, 209, 210, 212, 213, 215, 217, 218, 220, 221, 223, 226, 226—232, 234, 235, 238, 241—247, два без номера — всего 182.

Итак, на 69 сожжений приходится 182 трупоположения, это составит 27,5% сожжений и 72,5% трупоположений. Правда, эти цифры отражают не первичное соотношение, какое существовало в древности, а результаты раскопок. Они воспроизводят то состояние, в каком находился могильник перед началом археологических работ в 1900 г.

Трупосожжения представляют собою погребения верхнего яруса; они залегают преимущественно в пахатном черноземном слое на глубине 20—40 см, изредка — несколько глубже до 1 м [71]. В подобных условиях, при столь небольшом уровне залегания, значительное число сожжений оказалось уничтоженными или разрушенными, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты керамики, попадавшиеся в черноземное слое.

Возникает вопрос, можно ли внести какие-либо уточнения в данном случае. Подобная возможность не исключена, если принять во внимание, что в отдельных рядах наблюдаются резкие отклонения. Так, например, четвертый ряд (поперечный), по счету рядов в направлении с юго-запада на северо-восток, на 8 трупоположений дал 2 сожжения; шестой ряд соответственно — 9 и 2. В то же время ряды, расположенные ближе к срединной части могильника, показывают иные соотношения. Так, пятнадцатый поперечный ряд дает на 11 трупоположений 5 сожжений, семнадцатый ряд — 5 и 3, т. е. в этой части могильника сожжений гораздо больше, чем в окраинной южной полосе могильника. Таким образом, в отдельных случаях процент сожжений иногда падает ниже 27,5, иногда, напротив, возрастает до 40—50.

Эти расхождения в какой-то мере отражают степень разрушенности почвенного слоя на отдельных участках могильника. Во всяком случае на особенно разрушенных участках сожжения почти отсутствуют. Достаточно сослаться на северо-восточную окраину могильника, где проходила дорога. Здесь на плане

---

[71] «Погребение первой категории (сожжения), за некоторыми исключениями, находится на незначительной глубине от поверхности земли, начиная от 20 см до 1 м» (В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 172).

показано 14 погребений, из них 13 трупоположений и только 1 сожжение, между тем тут же рядом, в ближайшем смежном ряду, в стороне от дороги, отмечено на плане 9 погребений, из них 6 трупоположений и 3 сожжения (№ 233, 236, 237). Какова в данном случае позиция самого В. В. Хвойки? В. В. Хвойка считал, что «значительное большинство» сожжений было уничтожено. «Погребальные урны, писал он, находились на таком близком расстоянии от поверхности земли, что значительное большинство их было уничтожено вспашкой, на что указывают попадающиеся во множестве черепки сосудов, совершенно сходные с найденными при раскопках» [72].

По мнению В. В. Хвойки, на общее число раскопанных погребений приходилось такое же число уничтоженных. Соответственно он увеличивал общую цифру погребений вдвое, с 250 до 500 и больше. «Количество погребений в могильнике,— писал В. В. Хвойка,— можно без преувеличения определить в 500 или 600, хотя их открыто значительно меньше; это объясняется уничтожением большинства их» [73].

Нетрудно понять, что большинство уничтоженных погребений должно было относиться главным образом к сожжениям. Тем самым, по древности сожжений было не 69, а вдвое или втрое больше. Они составляли не 27,5%, сохранившихся к моменту раскопок в 1900 г., а по меньшей мере 50%.

Итак, говоря о Черняховском могильнике как двухобрядовом, необходимо допустить, что первоначальное соотношение погребений по одному и другому обряду составляло не $^1/_3 : {}^2/_3$, а всего скорее было близким к половинному — $^1/_2 : {}^1/_2$.

Планировка могильника

Черняховский могильник в той части, которую раскопал в 1900—1901 гг. В. В. Хвойка, имел вид удлиненного овала более широкого в своей средней части в направлении с востока на запад и несколько суживающегося к южному и северному краям.

В настоящее время было бы трудно сказать что-либо определенное о членении могильника на отдельные районы или участки. Нам ничего не известно, какая часть Черняховского погребального поля является более ранней, какая образовалась позднее, в каком направлении продолжал расширяться могильник. Единственно, о чем можно говорить с уверенностью,— это указать, что самые богатые погребения находились в центральной части. Здесь встречены оба погребения в деревянных склепах (146 и 147), и погребение № 160 с серебряными щитковыми фибулами и с золотой монетой Гордиана III.

Трупоположения и трупосожжения располагались вперемежку без того, чтобы в определенной части могильника преобладали погребения какого-либо одного обрядового типа. Иначе говоря, особенности погребального обряда не сказывались на размещении захоронений. Покойника могли сжечь на костре, могли закопать в землю, однако, несмотря на различия обрядового типа, их хоронили рядом, в непосредственной близости. На всем протяжении существования Черняховского могильника соотношение между обрядами в основном оставалось неизменным. Во всяком случае мы пока еще не научились улавливать происходившие сдвиги и их элементарные признаки. Вполне понятно, что сказанное относится к Черняховскому могильнику и не может распространяться на все прочие памятники этого периода, на эпоху в целом, не учитывая всего разнообразия локальных вариантов и хронологических смещений.

Ясно одно — в Черняхове сожжения и трупоположения по большей части входили в общую последовательность ряда. Так, в четвертом ряду вместе с сожжениями № 23 и 24 находились трупоположения № 21, 22, 25, 26. В третьем ряду сожжения № 10, 13, 17, чередуются с трупоположениями № 11, 12, 14—16, между тем, в пятом ряду на плане показаны только трупоположения (№ 27—36).

Поперечные ряды, идущие в ширину могильника с востока на запад, сохраняют наиболее правильное расположение погребений. Здесь захоронения примыкали одно к другому. Они образовывали параллельные ряды, расположенные на определенном расстоянии один от другого. Этих рядов может быть насчитано с теми или иными поправками около тридцати. Наибольшее число погребений в одном ряду не превышало 17—18.

Что касается продольных рядов, т. е. рядов в направлении с юга на север, то они гораздо менее выразительны. Впрочем, и здесь наблюдается известная правильность. Таков, например, ряд с погребениями № 3, 11, 19, 29, 38, далее № 50, 66, 81, 102, 103, 127, 139, 159, 160,

[72] Там же, стр. 174.
[73] Там же.

190, 191, 202, 215. То же можно сказать о ряде с погребениями № 16, 24, 35, 44, 59, 73, 90, 111, 119, 147 (погребение со склепом), 175, 176, 180 и т. д.

Правда, все сказанное не может считаться окончательным. Нельзя забывать при счете рядов и погребений, что обширные участки могильника подверглись разрушению. Тем самым стройность ряда бывает невыдержанной, ряд неполным и соотношение погребений случайным. В особенности это относится к центру могильника, сильно пострадавшему при постройке ветряной мельницы, и к северо-восточной крайней полосе, где погребения, в особенности трупосожжения, были совершенно уничтожены при прокладке дороги и копании придорожных канав.

Умерших хоронили в известном порядке. Во всяком случае, на плане могильника нет пустых мест, каких-либо обширных пустырей, свободных пространств, подлежащих заполнению. Могильные ямы, следует полагать, копались одна возле другой в достаточно строгой последовательности. За порядком захоронений, очевидно, велось общее наблюдение. Община удерживала за собою руководство, регламентацию в делах культа, как это особо отмечает Ф. Энгельс [74].

Обрядовые типы и группы

При всей краткости и беглости приводимых сведений, неполноте документации В. В. Хвойка, работая в поле, оставался внимательным, кропотливым и настойчивым исследователем. Его можно упрекнуть, что он не зачертил и не описал всех раскопанных им погребений, но его нельзя упрекнуть, что он прошел мимо обрядовых особенностей, которые подлежали изучению.

У В. В. Хвойки учтены основные обрядовые группы и типы. Он различал урновые и безурновые сожжения. Среди урновых он выделял сожжения, в которых инвентарь ссыпался в урновый сосуд или же оставлялся вне сосуда. Среди безурновых он выделял такие, в которых сосуды располагались или вокруг остатков сожжения или же ставились где-либо в сторонке.

Таким образом, В. В. Хвойка различает четыре группы.

1. Урновые сожжения, в которых предметы инвентаря ссыпаются вместе с остатками сожжения, пеплом и кальцинированными костями в сосуд (урну) [75].

2. Урновые сожжения, в которых остатки погребения, пепел и сожженные кости, ссыпаются в сосуд (урну), тогда как предметы инвентаря складываются на землю возле урнового сосуда [76];

3. Безурновые сожжения, в которых остатки погребения ссыпаны на дно могильной ямы, а сопровождающие сосуды расставлены вокруг этих остатков [77].

4. Безурновые сожжения, в которых остатки погребения ссыпаны точно так же на дно могильной ямы, но сосуды расположены не вокруг этих остатков, а стоят в стороне [78].

При членении погребений с трупоположениями Черняховского могильника на соответствующие типологические группы учитывались: а) положение скелета, б) ориентация по странам света, в) полное или частичное захоронение скелета, г) наличие или отсутствие инвентаря, д) распределение вещей возле скелета.

По наличию или отсутствию инвентаря В. В. Хвойка различает «погребения с предметами» и «погребения без предметов». Судя по указателям на плане, к числу безынвентарных относились трупоположения № 1, 4—6, 12, 15, 18, 22, 26, 27, 30—32, 37, 40—43, 47, 48, 50, 51, 55, 59, 64, 68, 70, 74, 75, 77, 78, без №, 81, 89, 93, 95, 98, 99, 112, 122—126, 130, 131, 133, 137—139, 152, 155, 161, 184, 186, 191, 193, 200, 205, 210, 212, 217, 220, 223, 228, 232, 234, 238, 244, 246 — всего 70.

Таким образом, в Черняхове имелось весьма много безынвентарных погребений; во всяком случае, судя по показателям на плане, их было не меньше семидесяти. Иногда безынвентарные погребения располагаются группами, одно возле другого, чаще всего по три вместе.

---

[74] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.— Л., 1933, стр. 90, 93, 102, 125.

[75] «Сожженные кости, иногда перемешанные с угольями, но по большей части поврежденными огнем металлическими предметами (фибулами, шильками и т. д.) и кусками расплавленного стекла, наполняют обыкновенную урну или другой сосуд, при котором стоят остальные» (В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 172).

[76] «Иногда же кости заключаются в урне без всякой примеси предметов, которые лежали тогда возле нее или между другими сосудами» (там же).

[77] «В некоторых случаях... остатки обожженных костей, зола и уголь, вместе с такими же предметами, лежат непосредственно на гаинавой площадке, обставленной сосудами, расположенными вокруг них (там же).

[78] «...или сгруппированными в стороне» (там же).

как например, № 30—32, 40—42, 125 и 126, 137—139. Что касается положения, позы, в которой умершие клались в могильную яму, то в большинстве случаев «они лежат на спине в вытянутом положении» [79]. Такое положение является преимущественным. Оно вообще характерно для трупоположений в могильниках черняховского типа и времени. Руки при погребении складывались у покойников по-разному. Согласно В. В. Хвойке, «преобладающим служит параллельное туловищу» положение. «Протянутые параллельно туловищу руки» отмечены в погребении № 160 [80]. В погребениях № 40—42 указано положение рук в области таза. Фото, опубликованное в «Древностях Приднепровья» VI (1907), стр. 7, позволяет предположить, что левая рука была согнута в локте и, по всей вероятности, приподнята вверх (косо), как это наблюдается также и в других могильниках, например, в Маслове.

Согласно В. В. Хвойке, среди погребений Черняховского могильника было встречено несколько погребений с черепами. По преимуществу это были детские погребения. К сожалению, у В. В. Хвойки, как и всегда, имеются в документации пробелы и несоответствия. Так, на плане могильника погребения № 80, 107, 118 значатся как детские захоронения; погребение № 159 показано как взрослое. В отчете приведены несколько иные данные. Здесь в погребении № 107, как и в погребении № 159, указан «череп взрослого», в погребении № 80 «детский череп», в погребении № 107 «череп ребенка». Эти же данные повторяются в ЗРАО, т. XII. Согласно тексту ЗРАО, т. XII, в погребении № 107 был найден «человеческий череп», в погребении № 118 — «череп ребенка 10—12 лет» [81].

Погребения с черепом, видимо, заинтересовали В. В. Хвойку. На таблице 29 в ЗРАО, т. XII они воспроизведены на рисунках № 10, 11, 14—16. Два из них паспортизированы: рисунок 14 изображает погребение № 118 с черепом; рисунок 15 — погребение № 107. Три рисунка — № 10, 11, 16 — не паспортизированы. Не исключена возможность, что на рис. 16 изображено погребение № 159 с черепом взрослого. Относительно рисунков № 10 и 11 было бы трудно сказать что-либо определенное. На рис. 10 изображен только череп без всякого сопровождающего его инвентаря. На рис. 11 виден череп и насколько позволяет различить нечетко опубликованное изображение три сосуда, из них один кувшин и два другие сосуда как бы наклоненные к черепу. Возможно, что на этом рисунке воспроизведено погребение № 80 [82]. Правда, в последнем, согласно отчету, значится не три, а пять сосудов.

Что следует сказать в этой связи? От истлевшего скелета ребенка уцелевает обычно череп, но это не дает основание относить эти погребения к особому ритуальному типу. Очевидно, в подобных условиях только о погребении № 158 речь может идти как о специфически ритуальном захоронении.

Особого внимания заслуживают погребения с недостающими частями скелета. «Весьма часто,— сообщает В. В. Хвойка,— случалось находить такие (погребения,— *В. П.*), где недоставало нескольких частей скелета, иногда черепа и верхней части туловища до пояса, иногда обратно, от пояса до конца ног, иногда же при сохранившихся нижних конечностях находилась только левая рука. При них, как и в предыдущих погребениях, встречались сосуды и разные другие предметы» [83].

В отчете В. В. Хвойки к этой группе погребений с недостающими частями скелета отнесены погребения, а именно: № 14, 21, 44, 54. В погребении № 21 оставались «кости левой руки и обеих ног без ступней и пальцев». В ЗРАО, т. XII описаны погребения № 44 и 54. В погребении № 44 были «плечевая кость левой руки и кости ног»; в погребении № 54 — «тазовые кости и кости ног» [84].

Некоторые исследователи считали возможным говорить в соответствующих случаях о вторичном перезахоронении; между тем, в данном случае речь идет не о перемещении костей в трупоположении, а о погребениях, в которых не хватает части скелета. Заслуга В. В. Хвойки заключается в том, что он обратил внимание на захоронения этого рода и соответственно выделил их. В последнее время Э. А. Сымоновичем была высказана совершенно правильная мысль, что в данном случае приходится говорить о погребениях, которые подверглись нарочитому разрушению.

Несколько слов о погребениях скорченных костяков. В отчете и в ЗРАО, т. XII их названо три — № 46, 76, 171; на плане они показаны

[79] Там же.
[80] Там же, стр. 172 и 178.
[81] Там же, стр. 180, рис. 29, *15* и *14*.
[82] Там же.
[83] Там же.
[84] Там же, стр. 181.

в четырех пунктах под № 46, 76, 120 и 121. По сообщению В. В. Хвойки, в погребениях № 46, и 76 покойники «лежали на боку, в положении спящего человека с рукой, подложенной под щеку». Характерной особенностью этих захоронений является то, что они, в отличие от всех прочих, ориентированы на юг [85]. Судя по плану, также на юг (ЮЮЗ) ориентировано было погребение № 121 (в ЗРАО, т. XII и в отчете на юго-запад), погребение № 120 — на юго-восток. Обратим внимание на инвентарь. В погребении № 46 был найден «кремневый ножик», в погребении № 76 — «костяная пряжка».

В. Доманицкий считал погребение со скорченными скелетами более древними, чем все прочие погребения могильника, датированные римскими монетами II—III вв.[86]. К древним отнес их также и А. А. Спицын [87]. В пользу высказанного мнения, помимо ориентации, позы и находки кремневого ножа в погребении № 46, говорит также и то, что все эти погребения были обнаружены особняком вдоль восточного края могильника.

В Черняхове и его окрестностях скорченные погребения не являются чем-либо исключительным. В 1898 г. В. В. Хвойка у с. Черняхова раскопал несколько курганов со скорченными погребениями. В 1937 г. такие погребения были обнаружены по соседству, в центральной части Трипольского поселения «Коломийщина 1», у с. Халепье неподалеку от Черняхова.

Скорченные погребения были встречены нами также при раскопках могильника черняховского времени и типа в 1961 г. у с. Косаново Гайсинского р-на Винницкой обл.

При всем том было бы преждевременно считать данный вопрос решенным окончательно. Нельзя не учитывать, что, например, в сожжении № 175 вместе с «кусочками расплавленного стекла» был найден «топор-молот из оленьего рога» [88]. Костяная пряжка в свою очередь встречена была не только в погребении скорченника № 76, «костяное кольцо, заменявшее пряжку» находилось также в наиболее богатом погребении № 160 [89].

В заключение раздела несколько слов о погребениях № 146 и 147 в деревянных склепах [90] В. Доманицкий считал их более поздними по сравнению с погребениями, датированными II—III вв. н. э. Судя по данным, приведенным у В. В. Хвойки, как бы скудны они не были, для подобного допущения нет оснований. Деревянное перекрытие было открыто С. С. Гамченко в Масловском могильнике, нами при раскопке Лохвицкого могильника на реке Артополоте — Суле в 1955 г., Э. А. Сымоновичем на могильнике у с. Гавриловка на Нижнем Днепре [91].

Ориентировка погребений

В. В. Хвойка в ЗРАО, т. XII указал четыре направления, характерные для трупоположений Черняховского могильника: «Направление скелетов различно — на З, СЗ, Ю и ЮЗ» [92]. В «Древностях Приднепровья», вып. IV (1901) ориентировка «головою на запад» выделена как господствующая [93].

С. В. Коршенко в своей рукописной работе сделал первую попытку, основываясь на показаниях плана могильника в ЗРАО, т. XII, уточнить общее утверждение В. В. Хвойки и подсчитать погребения в зависимости от их ориентировки. Согласно его подсчетам, «... из 172 погребений с поддающейся определению ориентацией мы имеем 166 погребений, ориентированных головою к западу с большими или меньшими отклонениями (а именно: 61 случай западной ориентации, 83 случая южного зимнего отклонения и 22 северного летнего), два погребения, ориентированных на север (77а, 98), одно на юг (238а) и три — на восток (36, 120) и юго-восток (115)» [94].

В конце раздела дано сводное описание погребений. Прежде чем приступить к рассмотрению описания необходимо учесть трудности, с которыми мы при этом встречаемся. Точное определение ориентации по отметкам на плане достаточно затруднительно. В особенности это относится к показаниям значков с ближайшими смежными направлениями на запад, юго-запад-запад и юго-запад. Здесь возможны

[85] В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 181 (рис. 26, 29).

[86] В. Доманицкий. Записки Наукового товарищества им. Шевченка, т. 50. Львів, стр. 2.

[87] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, 1948, т. X, стр. 63.

[88] В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 178.

[89] Там же, стр. 178.

[90] Там же, стр. 181.

[91] Погребения «обставляли и перекрывали досками» см. Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, 1954, т. XXIV, стр. 310.

[92] В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 172.

[93] Древности Приднепровья, вып. IV, стр. 5. «Покойники лежат в вытянутом положении, на спине, головою на запад...» в Черняховском могильнике. М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 172, прим. 5.

[94] С. В. Коршенко. Указ. соч., стр. 39.

ошибки, разногласия, сомнения. При всем том некоторые общие выводы и наблюдения могут быть сделаны.

В первую очередь необходимо признать, что основная ориентация, господствующая в Черняхове, согласно показаниям на плане, не западная, а юго-западная. Погребений с юго-западной ориентацией в Черняховском могильнике преимущественное большинство — 79, а именно: № 1, 3, 4, 7, 14, 15, 18, 20, 22, 28, 29, 33—35, 38, 44, 50, 51, 53—59, 62, 68, 70, 73, 79—82, 86, 87, 89, 92, 95, 99, 102, 105, 110, 114, 124, 133, 136, 150, 151, 155, 157, 160, 163, 164, 180, 182, 185, 186, 189, 191—193, 200, 201, 204, 209, 210, 215, 217, 218, 220, 221, 226, 227, 230, 232, 234, 238, 244, 246.

К погребениям с более западным направлением (ЮЗЗ) следует, по всей вероятности, отнести трупоположения № 2, 9, 25, 113, 118, 205, 206 — всего 7.

К числу погребений с западным направлением принадлежат погребения № 12, 16, 18, 27, 30, 31, 32, 40, 41, 42, 47, 48, 74, 75, 78, 93, 112, 131, 152, 156, 176, 223, 247 — всего 23.

Ближайшее западное направление с отклонением к северу (СЗЗ) имеют погребения № 5, 6, 11, 21, 37, 72, 77, 97, 100, 111, 122, 140, 145, 154, 173, 188, 195, 196, 202.

Выше были перечислены погребения с юго-западным направлением, составляющие явное большинство. Погребения с ближайшим смежным к югу направлением (ЮЮЗ) стоят на втором месте — их 38. Это — № 26, 43, 49, 60, 64, 66, 67, 85, 90, 103, 108, 116, 125, 126, 127, 128, 130, 137, 138, 139, 142, 159, 161, 167, 183, 184, 203, 212, 213, 226а, 228, 229, 231, 235, 241, 242, 243 и 245.

Крайне немногочисленны в Черняхове погребения, ориентированные на северо-запад. Их всего 5 — № 77а, 98, 107, 168, 170а (№ 123 остается под вопросом).

Еще менее характерны для Черняхова погребения восточной ориентации: погребение № 36 имеет ориентацию на северо-восток; детское погребение № 115 — на юго-восток. К сожалению, какие-либо дополнительные сведения об этих двух погребениях у В. В. Хвойки отсутствуют.

Что касается погребений № 46, 77, 121 с ориентацией на юг и № 120 на юго-восток, то они относятся к группе скорченных. Кроме этих четырех захоронений, почти южное направление имеет погребение без номера, расположенное между сожжениями № 237 и 239.

Особо нужно остановиться на погребениях, которые показаны на плане как перекрывающие одно и другое. Согласно плану, это № 6 и 7, 47 и 48, 123 и 124, 155 и 156. В отчете относительно погребений № 47 и 48 В. В. Хвойка сообщает, что оба скелета были ориентированы головами на запад, но «кости ног одного из них лежали крестообразно на костях ног другого». Между тем на плане могильника погребение № 48 показано как ориентированное на запад (ЮЗЗ), а погребение № 47 — на северо-запад. Иначе говоря, В. В. Хвойка воспользовался двойным значком как условным, указывающим не столько на ориентацию скелета, сколько на их скрещенность (частичную) в этом, возможно, двойном погребении. За отсутствием дополнительных сведений было бы трудно сказать что-либо определенное о смысле и назначении аналогичных значков во всех остальных случаях. Способ их расшифровки пока неясен.

Суммируем. Обычно принято говорить о западном направлении как о преобладающем в Черняхове с отклонениями к югу и северу. Однако, согласно отметкам на плане, господствующим является в Черняхове направление на юго-запад, прочие сопутствуют ему в пределах от ЮЮЗ до СЗЗ. Юго-западную ориентацию имеют 77 трупоположений. Ближайшую группу образуют погребения, ориентированные на ЮЗЗ — 32 погребения.

В отличие от Черняхова для могильника в с. Маслово на р. Товмач (бассейн Южного Буга) характерно направление на север в пределах от СЗ до СВ. Если в Черняхове хоронили своих покойников головою преимущественно на запад, то в Маслове — на север. Подобную ориентацию имели погребения Переяславского могильника — З, СЗ, С [95] — и многие другие памятники.

Весьма любопытные данные по могильнику у с. Гавриловки на Нижнем Днепре. Здесь со всей очевидностью прослеживается ориентация погребений от ЮЗ до С. Вместе с тем характерно, что здесь нет погребений с направлением на СВ, В и Юг. В этом отношении Гавриловка, Переяславль и др. аналогичны Черняхову [96].

---

[95] В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. IX. Київ, 1957, стр. 143; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 172, прим. 6.

[96] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, стр. 301—

Описание погребений

№ 1. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 2. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗЗ.

№ 3. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 4. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 5. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на СЗЗ.

№ 6. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на СЗЗ.

№ 7. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Погребение № 6 и 7 перекрывают одно другое.

№ 8. Трупосожжение.

№ 9. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ (ЮЗЗ).

№ 10. Трупосожжение. По списку сосудов в инвентаре — 4 сосуда, № 332—335.

№ 11. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 12. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 13. Трупосожжение.

№ 14. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. В отчете отнесено к группе «погребений с недостающими частями скелета». «14. На глубине 2 м 40 см на дне ямы найден разрушенный скелет, головою на юго-запад; голова его была повернута направо, правой руки совсем не было, а кости правой ноги сдвинуты с места, все же остальное лежало правильно. При скелете найдены черепки глиняных и часть стеклянного сосуда» (Дело АК № 29/1900).

№ 15. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ. Согласно списку сосудов — 1 сосуд, № 749.

№ 16. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на З. Согласно перечню предметов в инвентаре — железный нож, № 255; согласно списку сосудов — 8 сосудов, № 336—343. В этом списке погребение № 16 ошибочно отнесено к сожжениям. Погребение описано в отчете: «№ 16. На глубине 1 м 15 см, на дне четырехугольной ямы найден скелет в вытянутом положении, головой на запад; у затылочных костей, за головой лежал железный нож, а с левой стороны вдоль всего тела расставлено было три глиняных сосуда различной формы: три у головы, один у поясницы и четыре вдоль ножных костей» (Дело АК № 29/1900).

№ 17. Трупосожжение.

№ 18. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 19. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на З.

№ 20. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на З.

№ 21. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ. Согласно перечню предметов в инвентаре — костяной гребешок № 256; согласно списку сосудов — 3 сосуда, № 344—346, а согласно дополнительному списку — 1 сосуд, № 750. В отчете отнесено к группе «погребений с недостающими частями скелетов»:

«№ 21. На глубине около 2 м найден неполный скелет, у которого сохранились только кости руки и обеих ног без ступней и пальцев. С правой стороны, у бедра, лежал костяной гребешок, а у ног — три сосуда, один из которых стоял, а два лежали на боку» (Дело АК № 29/1900).

№ 22. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 23. Трупосожжение. По отметке на плане. Описано в отчете: «№ 23. На глубине 1 м 10 см под слоем чернозема, на круглой площадке в виде точка́, выкопанной в желтой глине, найдено 4 глиняных сосуда, стоявших полукругом; между ними лежали на земле пережженные человеческие кости, вместе с которыми найдено несколько кусков расплавленного стекла и часть бронзовой фибулы» (Дело АК № 29/1900). В списке сосудов — 4 сосуда под № 347—350.

№ 24. Трупосожжение. Согласно списку сосудов, в погребении один сосуд — № 351.

№ 25. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗЗ.

№ 26. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗЗ.

№ 27. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З. Согласно дополнительно-

---

306. Раскопки Э. А. Сымоновича в 1961—1962 гг. на могильнике в Черняхове показали, что ориентация трупоположений на плане могильника у В. В. Хвойки несколько сдвинута к югу. Тем самым юго-юго-западные погребения следует в действительности рассматривать как западные и т. д. Наши раскопки черняховского могильника в Косанове близ Гайсина Винницкой области (Ю. Буг) в свою очередь показали, что раскопанные здесь в 1961 г. погребения имели два основные направления — на запад и на север, с самыми незначительными отклонениями. В настоящей публикации мы сохраняем показания, имеющиеся у В. В. Хвойки, без каких-либо исправлений или уточнений.

у списку в инвентаре погребения один со-уд — № 751.

№ 28. Трупоположение с инвентарем, ори-нтировано на ЮЗ.

№ 29. Трупоположение с инвентарем, ори-нтировано на ЮЗ.

№ 30. Трупоположение, безынвентарное, риентировано на З. По дополнительному спис-у в инвентаре — один сосуд № 752.

№ 31. Трупоположение, безынвентарное, риентировано на З.

№ 32. Трупоположение, безынвентарное, риентировано на З.

№ 33. Трупоположение, с инвентарем, ори-нтировано на ЮЗ. Согласно списку сосудов, котором погребение обозначено как сожже-ие, в инвентаре погребения 7 сосудов — № 352—358. По дополнительному списку, где огребение значится как трупоположение, ука-ан один сосуд — № 754.

№ 34. Трупоположение, детское, ориентиро-ано на ЮЗ. Согласно списку сосудов, в ин-ентаре 3 сосуда — № 359—361, погребение десь обозначено как сожжение.

№ 35. Трупоположение, с инвентарем, ори-нтировано на ЮЗ. Согласно списку сосудов, инвентаре 5 сосудов, №№ 362—366; погребе-ие обозначено здесь как сожжение.

№ 36. Трупоположение, с инвентарем, ори-нтировано на СВ.

№ 37. Трупоположение, безынвентарное, риентировано на СЗЗ.

№ 38. Трупоположение с инвентарем ори-нтировано на ЮЗ.

№ 39. Трупосожжение. Согласно списку со-удов в инвентаре — один сосуд, № 367.

№ 40—42. Трупоположения, безынвентар-ые, ориентированные на З. В отчете отнесены к группе «погребений без всяких сопровожда-ющих предметов». «№ 40, 41, 42. На незначи-тельном расстоянии друг от друга и при не-большой разнице глубины (№ 40 на глубине 2 м 40 см, № 41 — 2 м 50 см и № 42 — 2 м 50 см) лежало почти рядом три скелета голо-вами на запад, в вытянутом положении с ру-ками, лежащими на берцовых костях» (Дело АК № 29/1900).

№ 43. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ (ЮЮЗ). В отчете опи-сано как погребение «без всяких сопровожда-ющих предметов», «в том же положении» ске-лета, что и в трех предыдущих, «головой на юго-запад, ступни последнего были скрещены» (Дело АК № 29/1900), и сравни текст ЗРАО, т. XII, стр. 181, где без указания на номера по-гребений сказано: «Довольно часто встреча-лись погребения, заключающие в себе скелеты в вытянутом положении, без всяких предметов. Скелеты упомянутых погребений лежали голо-вами на юг или на юго-запад; ступни одного из них были скрещены».

№ 44. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Описано в отчете: «№ 44. На глубине 1 м 30 см найден скелет, у которого сохранилась только плечевая кость левой руки и кости ног, все остальное отсутствовало. С левой стороны плечевой кости найден костя-ной гребешок; здесь же стояло четыре глиня-ных сосуда, а у ног — еще два такие же сосу-да и плетеное бронзовое кольцо» (Дело АК № 29/1900). Описание погребения повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 181. Согласно списку со-судов, где погребение ошибочно обозначено как сожжение, в инвентаре значится 6 сосу-дов — № 368—373.

№ 45. Трупосожжение. Согласно списку со-судов, в погребении — 5 сосудов, № 374 — 378.

№ 46. Трупоположение, скорченное погре-бение, ориентировано на юг. Описано в отчете: «№ 46. На глубине 65 см открыт скорченный скелет головой на юг, за спиной которого ле-жал кремневый ножик» (Дело АК № 29/100). Те же сведения повторены ЗРАО, т. XII, стр. 181, где приводятся данные о «трех погре-бениях со скорченными скелетами» (№ 46, 76 и 121). Кремневый ножик в перечне предметов значится под № 257.

№ 47 и 48. Трупоположения, безынвентар-ные, ориентированы на З, расположены рядом. В отчете о погребениях сказано: «№ 47—48. На глубине 1 м 40 см лежали в вытянутом по-ложении, головами на запад, два скелета; ко-сти ног одного из них лежали крестообразно на костях ног другого» (Дело АК № 29/1900) [97]. В дополнительном списке сосудов в погребении № 47 значится один сосуд № 755 и в погребении № 48 также один сосуд № 756.

№ 49. Трупоположение с инвентарем, ори-ентировано на ЮЮЗ.

№ 50. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 51. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 52. Трупосожжение.

---

[97] Нельзя не учесть условного характера отметок на плане. Согласно тексту, оба погребения были ориен-тированы на запад. Согласно отметкам на плане, по-гребение № 47 ориентировано на северо-запад.

№ 53. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 54. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. В отчете отнесено к группе «погребений с недостающими частями скелетов»: «№ 54. На глубине 1 м 15 см лежала нижняя часть скелета (тазовые кости и кости ног); у поясницы найдена с левой стороны бронзовая пряжка и несколько выше — подвеска из морской раковины с продетым в нее бронзовым колечком, а с правой стороны — глиняная пряслица и костяной гребешок. В ногах стояло пять глиняных сосудов» (Дело АК № 29/1900). То же повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 181. Из упомянутых предметов в перечне значится костяной гребешок под № 258 и в списке сосудов 5 сосудов — № 379—383.

№ 55. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 56. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 57. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ. В списке сосудов указаны 4 сосуда — № 384—387.

№ 58. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Согласно перечню предметов, в инвентаре были найдены: «№ 259. Железный ножик, № 260. Костяной гребешок, № 251. Бронзовая пряжка, № 262—263. Бронзовые фибулы». Согласно списку сосудов, в инвентаре — 5 сосудов — № 388—392; по дополнительному списку — 1 сосуд, № 757.

№ 59. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 60. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ. В списке сосудов, где погребение № 60 значится как сожжение, к инвентарю отнесены два сосуда — № 393 и 394.

№ 61. Трупосожжение.

№ 62. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 63. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре — один сосуд, № 395.

№ 64. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 65. Трупосожжение.

№ 66. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 67. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре — два сосуда, № 396—397.

№ 68. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 69. Трупосожжение.

№ 70. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 71. Трупосожжение.

№ 72. Трупоположение, с инвентарем, детское, ориентировано на СЗЗ. Согласно перечню предметов в инвентаре — «две бронзовые пряжки, № 264 и 265»; по списку сосудов — 8 сосудов, № 398—405.

№ 73. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 74. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З. Согласно дополнительному списку в инвентаре — один сосуд, № 758.

№ 75. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 76. Трупоположение, скорченное, ориентировано на юг. Описано в отчете: «№ 76. На глубине 1 м найден скорченный скелет в положении спящего человека, с подложенной под щеку рукой, головой на юг; у поясницы найдена костяная пряжка» (Дело АК № 29/1900). То же повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 181, рис. 29, 26.

№ 77. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на СЗЗ.

№ 78. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 79. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 80. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ. В отчете отнесено к группе «погребений, где найдены одни черепа»: «№ 80. На глубине 1 м 25 см найдена верхняя часть детского черепа, с левой стороны которого стояло пять глиняных сосудов; около них найдена бронзовая пряжка и орнаментированная глиняная бусина» (Дело АК № 29/1900). Согласно списку сосудов в инвентаре — 4 сосуда, № 406—409; в дополнительном списке — 2 сосуда, № 759—760.

Без номера. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на СЗ. Расположено между сожжением № 65 и трупоположением № 80.

№ 81. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 82. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ. По списку сосудов в инвентаре — один сосуд, № 410.

№ 83. Трупосожжение. По списку сосудов в инвентаре — два сосуда, № 411 и 412.

№ 84. Трупосожжение. По списку сосудов в инвентаре — три сосуда, № 413—415.

№ 85. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 86. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Согласно перечню предметов в инвентаре — костяной гребешок, № 266; по списку сосудов — 6 сосудов, № 415—420.

№ 87. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. В отчете приведено описание: «№ 87. На глубине 1 м 30 см на дне ямы лежал в том же направлении и положении скелет («в вытянутом положении, головой на запад»), руки которого находились на берцовых костях. У головы в верхней части туловища, с левой стороны, было расставлено шесть глиняных сосудов, а в ногах стояло еще два. Кроме того, у головы найден костяной гребешок, а за головой сложены в кучу бараньи кости и при них железный ножик. На самом покойнике, кроме бронзовой пряжки у поясницы, никаких предметов не оказалось». Это же описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 178—179, рис. № 29, 19. Согласно рисунку, череп был повернут вправо, лежал на щеке, а правая рука, в отличие от описания в тексте, вытянута вдоль тулова, левая согнута в локте с кистью, лежащей сверху таза вблизи правой берцовой кости. Ноги вытянуты параллельно, ступни также. Около черепа, к западу, стоит сосуд (небольшой кувшин), возле головы справа находится гребень. Большая миска касается левого плеча, второй сосуд стоит у локтя, третий, четвертый и пятый образуют ряд от поясницы до колена. В ногах у левой и правой ступней — два сосуда. Кости животного видны за сосудами, в углу могильной ямы, неподалеку от черепа. Согласно перечню предметов, в погребении значатся железный ножик № 267 и костяной гребешок № 268. Согласно списку сосудов — 3 сосуда, № 421—423.

№ 88. Трупосожжение. В отчете приведено описание: «№ 88. На глубине 2 м 15 см на круглой площадке из желтой глины, около 1.5 м в диаметре, лежали пережженные человеческие кости, при которых стояло три глиняных сосуда; в одном из них, в форме вазы с тремя ушками, находился кругловатый стеклянный сосуд с шестью сильно выдающимися ребрышками, доходящими до его середины» (Дело АК № 29/1900). То же описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 176—178. Согласно списку сосудов в инвентаре — три сосуда, № 424—426.

№ 89. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 90. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре — 5 сосудов, № 427—431.

№ 91. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре — один сосуд, № 432.

№ 92. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре — 4 сосуда, № 433—436.

№ 93. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 94. Трупосожжение.

№ 95. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 96. Трупосожжение.

№ 98. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на СЗ.

№ 99. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 100. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 101. Трупосожжение.

№ 102. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ.

№ 103. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на юг с небольшим отклонением к западу (ЮЮЗ). Согласно списку сосудов в инвентаре — один сосуд.

№ 104. Трупосожжение.

№ 105. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 106. Трупосожжение.

№ 107. Трупоположение, взрослое (?), ориентировано на СЗ. В отчете отнесено к группе погребений с черепом: «№ 107. На глубине 1 м 5 см на дне ямы лежал череп взрослого, перед ним, на некотором расстоянии друг от друга, стояло в ряд шесть глиняных сосудов разной формы и величины, по направлению от северо-запада на юго-восток. Около последнего, с юго-восточной стороны найдено несколько бараньих костей и три-четыре речных раковины» (Дело АК № 29/1900). Описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 178, рис. 29, 15. Указание на череп взрослого здесь опущено. Согласно списку сосудов в инвентаре — шесть сосудов, № 438—443; согласно дополнительному списку — один сосуд, № 761. На рисунке сосуды стоят возле черепа, расположенные в виде большой буквы Г, на переднем плане — большой цилиндрической формы сосуд, рядом биконический кувшин с ручкой, дальше вглубь горшочек, большой горшок и два других сосуда.

№ 108. Трупоположение, детское, ориентированное на ЮЗЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре — три сосуда, № 444—446; согласно дополнительному списку — один сосуд, № 762.

№ 109. Трупосожжение. Описано в отчете: «№ 109. На глубине 95 см почти на самой середине круглой площадки около 1 м в диаметре, оказалась кучка перегоревших человеческих костей, смешанных с золой, между которыми найдено несколько кусков расплавленного стекла и несколько бронзовых слитков — остатков расплавившихся предметов. Вокруг костей, в северной и восточной стороне, их стояло 8 глиняных сосудов» (Дело АК № 29/1900). То же повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 175, рис. 29, *3*. Согласно перечню предметов, в инвентаре значатся обломки бронзовых фибул, № 269—271 и куски стекла № 272—275. Согласно списку сосудов в инвентаре было 7 сосудов, № 447—453. На рисунке можно различить сосуды (6—8), стоящие по кругу, с остатками сожжения в центре.

№ 110. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. В отчете приведено описание: «№ 110. На глубине 1 м 15 см, на материке, лежал скелет, головой на юго-запад, в вытянутом положении с руками на животе. Над его головой стояла миска с костями поросенка, под которой найдено несколько раствор чатых речных раковин, а немного в стороне от нее — костяной гребешок и глиняная пряслица. С левой стороны скелета стояло девять глиняных сосудов различных форм и величины, в одном из которых, довольно большом, находился еще маленький сосудик очень изящной формы. Около левой ноги найдено орнаментированное глиняное пряслице, около шеи — довольно много стеклянных бус. На ключице и левой лопатке замечены следы зеленой металлической окиси» (Дело АК № 29/1900). То же описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 179, рис. 29, *17*.

Рисунок позволяет внести ряд уточнений. Скелет лежит в вытянутом положении, тулово повернуто вправо, лицо обращено также вправо, правая рука вытянута вдоль скелета, левая рука согнута в локте, кисть лежит сверху тазовой кости. Кости ног вытянуты параллельно, ступни обращены вправо. У черепа в головах стоит миска, лежат гребень и пряслице. Из девяти сосудов, стоящих в ряд слева вдоль скелета, ясно различимы на рисунке семь. У ступни левой ноги изображено пряслице.

Согласно перечню предметов в инвентаре значится костяной гребень № 276, согласно списку сосудов — восемь сосудов, № 453—460.

№ 111. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗ.

№ 112. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 113. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре — шесть сосудов, № 461—266.

№ 114. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ. В отчете приведено описание: «№ 114. На глубине 1 м 30 см найден детский скелет, у шеи которого подобраны стеклянные бусы, на груди — две бронзовые фибулы, у поясницы — бронзовая пряжка. У головы скелета лежали бараньи кости и немного угля, может быть, из курильницы» (Дело АК № 29/1900). В ЗРАО, т. XII описание погребения № 114 отсутствует. В перечне документов значится бронзовая пряжка, № 277; Согласно списку сосудов в инвентаре было 4 сосуда № 467—470; в дополнительном списке назван один сосуд, № 763.

№ 115. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮВ. Согласно списку сосудов в инвентаре — 3 сосуда, № 471—473.

№ 116. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗЗ.

№ 117. Трупосожжение.

№ 118. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗЗ. В отчете погребение отнесено к группе погребений с черепом: «№ 118. На глубине 2 м 15 см найден череп ребенка 10—12 лет, над которым стояло в ряд 10 глиняных сосудов. Других предметов не оказалось» (Дело АК № 29/1900). Описание погребения повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 180, рис. 29, *14*. На рисунке достаточно четко изображены 10 сосудов, стоящих в два ряда вблизи черепа. Сосуды, по преимуществу, мисочки. Согласно списку сосудов в инвентаре — 7 сосудов, № 747—750. В дополнительном списке назван один сосуд № 764.

№ 119. Трупосожжение. Погребение описано в отчете: «№ 119. На глубине 1 м 20 см, на дне ямы открыты были пережженные человеческие кости, перемешанные с золой и землей. Между ними найдены куски расплавленного стеклянного сосуда и наполовину расплавленная бронзовая фибула. Вокруг костей стояло 10 глиняных сосудов различной формы и величины, а при них, несколько в стороне, лежали бараньи кости, две раковины и костяной гребешок, украшенный бронзовыми кружочками» (Дело АК № 29/1900). Описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 176, рис. 29, *5* и 32. На рисунке на переднем плане изображена миска с лежащим в ней гребешком. Справа от миски стоит высокогорлый с округлым туловом

в ручкой лощеный кувшин. За миской видна большая миска-ваза с широким плоским краем и с ушками. Возле стоят два небольшие сосудика. На заднем плане изображены четыре горшка, из которых три образуют отдельную группу, а один виден за вазой. В перечне предметов костяной гребешок значится под № 278. Согласно списку сосудов в инвентаре — 7 сосудов, № 481—487.

№ 120. Трупоположение, погребение скорченного, ориентировано на ЮВ. В ЗРАО, т. XII и в отчете, при перечислении скорченных погребений (№ 46, 76 и 121) это погребение осталось неупомянутым. По дополнительному списку сосудов в погребении, очевидно, ошибочно значится один сосуд, № 765.

№ 121. Трупоположение, погребение скорченного, ориентировано на юг. Описано в отчете: «№ 121. На глубине 1 м 50 см найден скорченный скелет в таком же положении («спящего человека»), головою на юго-запад. Предметов при нем никаких не было». В ЗРАО, т. XII, стр. 181 описание погребения № 121 соединено с описанием погребений № 46 и 76.

№ 122. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ССВ.

№ 123—124. Трупоположения, безынвентарные, перекрывают одно другое. Ориентированы № 123 на северо-запад, № 124 — на юго-запад. Об относительности обозначений перекрывающих погребений сказано выше.

№ 125. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 126. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 127. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ. Описано в отчете: «№ 127. На глубине 2 м 10 см лежал в вытянутом положении скелет головой на запад; с левой стороны головы стояло пять глиняных сосудов, под одним из которых найдены бараньи кости. Между сосудами найден костяной гребешок, а на левом плече скелета — бронзовая фибула» (Дело АК № 29/1900). Описание погребения в ЗРАО, т. XII не включено. Согласно перечню предметов в инвентаре были костяной гребешок, № 279, части бронзовых фибул, № 280—281. Согласно списку сосудов в инвентаре — пять сосудов, № 488—492; в дополнительном списке упомянут один сосуд, № 766.

№ 128. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 129. Трупосожжение. По списку сосудов в инвентаре — один сосуд, № 493.

№ 130. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 131. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 132. Трупосожжение. Согласно дополнительному списку сосудов, где погребение, очевидно, ошибочно обозначено как трупоположение, в инвентаре погребения показан один сосуд, № 767.

№ 133. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 134. Трупосожжение.

№ 135. Трупосожжение. Описано в отчете: «№ 135. На глубине 45 см найден сосуд с пережженными человеческими костями и золой, покрытый другим, меньшим; при них стоял третий сосуд в виде миски» (Дело АК № 29/1900). То же повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 176, рис. 29, *1*. Согласно списку сосудов в инвентаре значатся три сосуда, № 494—496.

№ 136. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 137. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 138. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 139. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 140. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 141. Трупосожжение.

№ 142. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 143. Трупосожжение.

№ 144. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре — два сосуда, № 497—498.

№ 145. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 146—147. Трупоположения, погребения в склепах. Описаны в отчете: «Погребения в склепах № 146 и 147. В этих погребениях обнаружено два деревянных склепа, одно из которых оканчивается на 4 м глубины; оба они были ограблены и находившиеся в них кости оказались разбросанными в беспорядке по дну склепов. По-видимому, погребения принадлежали к богатым, если судить по остаткам разбитых стеклянных сосудов и других керамических изделий очень тщательной работы. Кроме описанных двух погребений, в Черняховском могильнике более не встретились» (Дело АК № 29/1900). То же описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 181.

№ 148. Трупосожжение.

№ 149. Трупосожжение.

№ 150. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ, по отметке на плане; по тексту на СЗ. Описано в отчете: «150. На глубине 1 м 20 см найден скелет ребенка 2—3 лет, головой на северо-запад. Около него в разных местах расставлено более 13 глиняных сосудов, два из которых самые меньшие и самые изящные, находились в одном из больших в форме вазы с тремя ушками. С правой стороны головы, на некотором расстоянии от нее, лежал костяной гребешок; у ног, при одном из сосудов, найдена голова и кости барана, а также три растворчатые раковины, на самом покойнике не было ничего, кроме одной стеклянной бусины». (Дело АК № 29/1900). То же описание приведено в ЗРАО, т. XII, стр. 179, рис. 13. На рисунке скелет изображен в вытянутом положении, на спине. Череп повернут вправо, лежит на правой щеке. Обе руки согнуты в локтях, соприкасаясь кистями ниже поясницы. Ноги вытянуты, лежат параллельно. Два небольших сосуда стоят рядом в головах скелета на некотором расстоянии от черепа. С левой стороны скелета возле поясницы стоит большой горшок, за ним около колена большая миска, далее треухая миска-ваза и по обе стороны последней два горшочка. Симметрично этой группе у правой ноги поставлены два сосуда. На переднем плане видны сосуд, кости и череп барана. Возле черепа справа лежит гребень и стоит, кажется, сосудик в наклонном положении. Согласно дополнительному списку сосудов в погребении значится один сосуд, № 768.

№ 151. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 152. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З. По дополнительному списку в инвентаре один сосуд, № 769.

№ 153. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре два сосуда, № 500—501.

№ 154. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 155. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 156. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на З. По отметке на плане погребения № 155 и 156 перекрывают одно другое. Условность подобного значкового показателя отмечена выше.

№ 157. Трупоположение детское, ориентировано на ЮЗ.

№ 158. Трупосожжение.

№ 159. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ. В отчете отнесено к группе погребений с черепом: «№ 159. На глубине 2 м найден лежащий на боку цельный (с нижней челюстью) череп взрослого, с левой стороны лица которого стояло 3 глиняных сосуда; здесь же найдено 3 пресноводных ракушки» (Дело АК № 29/1900). В ЗРАО, т. XII описание этого погребения не приведено. Из имеющихся в статье рисунков данному погребению соответствует рис. 20, *16*. На этом рисунке изображен череп, лежащий на боку, 4 сосуда и 2—3 ракушки. Сосуды расставлены в виде буквы Г, причем большая миска находилась за черепом. Рядом с миской, под углом, со стороны затылка стоят 2 горшка и перед ними несколько в стороне маленький горшочек. Около последнего изображена пара ракушек. Согласно списку сосудов в инвентаре значатся 3 сосуда № 502—504, согласно дополнительному списку — один сосуд, № 770.

№ 160. Трупоположение, с богатым инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Описание погребения помещено в ЗРАО, т. XII, стр. 178: «№ 160. На глубине 3 м на дне ямы открыт скелет взрослого человека, лежащий в вытянутом положении и с протянутыми параллельно туловищу руками, головой на юго-запад. Около шеи скелета найдено множество бусин из янтаря, сердолика и стекла, на обоих плечах по одной серебряной фибуле римского типа, между реберными и тазовыми костями — сосуд из граненого стекла, стоявший раньше на желудке, у поясницы — бусы, вероятно, нашитые прежде на материи и служившие украшением пояса, и костяное кольцо, заменяющее пряжку. Под спинными костями найдено 2 монеты II и III в., серебряная и золотая, завернутые в материю (серебряная монета императрицы Фаустины, около 175 г. н. э.; золотая варварская, неизвестная — см. рис. 26 и 27)». Согласно перечню предметов в инвентаре значится под № 282 «римская серебряная монета».

№ 161. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 162. Трупосожжение.

№ 163. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ (ЮЗЗ).

№ 164. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ (ЮЗЗ).

№ 165. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗЗ. По перечню предметов в инвентаре значится костяной гребешок, № 283; по списку сосудов — 6 сосудов, № 505—510.

№ 166. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре 3 сосуда, № 511—513. Здесь погребение отмечено как трупоположе-
ние.

№ 167. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗЗ. Согласно дополнительному списку сосудов в инвентаре один сосуд, № 771.

№ 168. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗ.

№ 169. Трупосожжение.

№ 170. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре 4 сосуда, № 514—517. В ЗРАО, т. XII помещен рисунок погребения, рис. 23, *19* и рис. 34. Согласно рисунку погребение находилось на глубине 20—40 см от поверхности. Рисунок 34 позволяет различить 3 сосуда. Из них центральный, большой, служил урной с остатками сожжения. Два другие сосуда были расположены по сторонам урны. Рисунки № 29, 21 и 34 изображают в перспективе 6 смежных погребений, расположенных одно возле другого. Из них 4 сожжения и 2 трупоположения. Паспортизировано только погребение № 173 (ЗРАО, т. XII, стр. 179—180). Остальные погребения приходится определять по соответствию расположения погребений на рисунке с показаниями плана могильника. Очевидно, на рисунке, кроме детского погребения № 173, расположенного на переднем плане, изображены также трупосожжения № 170—172, трупоположение № 170а и трупосожжение № 174.

№ 170а. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗ. Описания погребения нет ни в отчете, ни в ЗРАО, т. XII. Согласно рис. № 29, 21 и 34 скелет лежал в вытянутом положении, на спине, ориентирован головою на СЗ. Обе руки согнуты в локтях, кисть правой руки перекрывает берцовую кость левой ноги. Берцовые кости лежат параллельно, ниже колена ноги скрещены; причем правая нога лежит сверху левой. Что касается инвентаря погребения, то, насколько позволяет различить рисунок, в головах стояло два сосуда — один сосуд около черепа слева, другой сосуд (горшок крупных размеров) у поясницы; три небольших сосуда стояли один возле другого слева у ног. Судя по соотношению уровней погребения № 173 (детское погребение на глубине 2,2 м изображено на переднем плане рисунка) и погребения № 170а, последнее, очевидно, находилось на глубине около 1,5—1,70 м.

№ 171. Трупосожжение. Описания нет. Судя по рисунку № 29, 21 и 34, сожжение № 171 в соответствии с изображением погребения на плане, изображено в глубине рисунка на его заднем плане. Погребение, очевидно, находилось на глубине около 1 м, в инвентаре погребения — 4 сосуда. Большая миска горшкообразной формы стояла наклонно в центре, слева от нее стоял довольно большой горшок, справа лежал на боку кувшинчик и перед ним небольшой сосудик. На обрезе погребения видно какое-то неопределенное пятно (?).

№ 172. Трупосожжение. Судя по отметке на плане и рисункам № 29, 21 и 34, погребение расположено к северу от трупоположения № 170а, приблизительно на том же уровне, что и трупосожжение № 170. На рисунке удается различить 3 или 4 сосуда. Два большие, очевидно, горшки.

№ 173. Трупоположение, детское, ориентировано на СЗЗ. Описано в отчете: «№ 173. На глубине 2 м 20 см, на дне ямы, лежал на желтой глине детский скелет от 1—2 лет, с левой стороны головки которого стояли 16 глиняных сосудов очень красивой и своеобразной формы, некоторые кверху дном. При них, кроме головы и костей барана, других предметов не оказалось» (Дело АК № 29/1900). Описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 179—180, рис. 29, 21 и 34. На рисунке, на переднем плане, изображено детское трупоположение. Скелет, ориентированный головой скорее всего на запад или северо-запад-запад, лежит в вытянутом положении, на спине. Правая рука согнута в локте, кисть между бедренными кистями ниже поясницы. Левая рука также согнута в локте, кисть лежит справа от тазовой кости. Ноги вытянуты, лежат параллельно. Слева от черепа расположена группа сосудов. Среди этих сосудов, в центре, треухая ваза-миска крупных размеров. По обе стороны от нее два кувшинчика и малый сосудик. Перед ними три сосуда, один из них — слева, небольшой кувшинчик, рядом маленькая мисочка и другая большая миска на высокой ножке, обе перевернуты вверх дном. За большой миской-вазой, стоящей в центре, можно различить 5—6 сосудов, в том числе большую миску посередине и меньшие сосудики по бокам. Согласно списку сосудов в инвентаре 12 сосудов, № 524—535. Голова и кости барана, упомянутые в описании погребения, на рисунке не прослеживаются.

№ 174. Трупосожжение. К северо-западу от детского трупоположения № 173. Согласно рисункам № 29, 21 и 34 трупосожжение № 174 залегало глубже, чем погребения № 170 и 172. На рисунке изображены три стоящие рядом сосуда, два большие (горшки) и один меньший. В списке сосудов в инвентаре значится три сосуда, № 536—538.

№ 175. Трупосожжение. Описано в отчете: «№ 175. На глубине 50 см стояло на дне ямы два сосуда, один из которых был наполнен пережженными человеческими костями и золой, перемешанными с кусочками расплавленного стекла. При них найден топор-молот из оленьего рога, 31 см в длину, с большим отверстием для рукоятки и несколькими меньшими, неправильной формы, просверленными или насквозь, или только наполовину» (Дело АК № 29/1900). Описание погребения повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 178, рис. 29, *2* и 30. Согласно списку сосудов в инвентаре 2 сосуда, № 539—540.

№ 176. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на З.

№ 177. Трупосожжение. Описание погребения приведено в отчете: «№ 177. На глубине 35 см найден сосуд в виде миски, стоявший кверху дном; под ним оказался другой сосуд, наполненный жженными человеческими костями и золой, а при нем еще один небольшой сосудец» (Дело АК № 29/1900). Описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 176, рис. 29, *9* и 31. Рисунок точно отвечает описанию. Согласно списку сосудов в инвентаре три сосуда, № 541—543.

№ 178. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре два сосуда, № 544—545.

№ 179. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре два сосуда, № 546—547.

№ 180. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 181. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре пять сосудов, № 548—552.

№ 182. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 183. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 184. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 185. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗ. Согласно перечню предметов в инвентаре костяной гребешок № 184. В дополнительном списке сосудов один сосуд, № 772.

№ 186. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 187. Трупосожжение.

№ 188. Трупоположение, детское, ориентировано на СЗЗ.

№ 189. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 190. Трупосожжение.

№ 191. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 192. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 193. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 194. Трупосожжение. Описано в отчете: «№ 194. На глубине 80 см на дне ямы лежали кучкой сожженные человеческие кости, при которых найдены 2 разбитых глиняных сосуда» (Дело АК № 29/1900). В тексте ЗРАО, т. XII описание этого погребения отсутствует.

№ 195. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ. Согласно дополнительному списку сосудов в инвентаре один сосуд, № 773.

№ 196. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 197. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре 2 сосуда, № 553—554.

№ 198. Трупосожжение.

№ 199. Трупосожжение.

№ 200. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 201. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 202. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на СЗЗ.

№ 203. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре два сосуда, № 555—556.

№ 204. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Согласно дополнительному списку сосудов в инвентаре один сосуд, № 774.

№ 205. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 206. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗЗ. Согласно дополнительному списку в инвентаре один сосуд, № 775.

№ 207. Трупосожжение.

№ 208. Трупосожжение. Описание приведено в отчете: «№ 208. На глубине 70 см найден одиночный сосуд с пережженными человеческими костями и золой. Других предметов в сосуде при нем не было» (Дело АК № 29/1900).

№ 209. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре три сосуда, № 557—559; в списке погребение обозначено как сожжение.

№ 210. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 211. Трупосожжение. Описано в отчете: «№ 211. На глубине 95 см на дне ямы стояло 3 глиняных сосуда; в одном из них, имеющем форму высокой вазы без ручек, находились пережженные кости покойника, куски расплав-

ленного стекла и несколько бус. Рядом с ними стоял сосуд более узкой и высокой формы, с двумя ручками, а возле него еще маленький, похожий на первый» (Дело АК № 29/1900). Согласно списку сосудов в инвентаре три сосуда, № 560—562.

№ 212. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 213. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 214. Трупосожжение.

№ 215. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 216. Трупосожжение.

№ 217. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 218. Трупоположение с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 219. Трупосожжение.

№ 220. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ. По дополнительному списку сосудов в инвентаре один сосуд, № 776.

№ 221. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 222. Трупосожжение.

№ 223. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на З.

№ 224. Трупосожжение. Согласно списку сосудов в инвентаре три сосуда, № 563—565.

№ 225. Трупосожжение. Описано в отчете: «№ 225. На глубине 25 см прямо на земле лежали пережженные человеческие кости, перемешанные с золой; в северо-восточной стороне их стояло 5 глиняных сосудов, а шестой, стеклянный, в виде граненого стакана, был поставлен кверху дном в одном из них. Под последним сосудом, кроме того, лежали бараньи кости. В западной стороне ямы, за сосудами, найден еще костяной гребешок, а в южной — 2 серебряные пластинки, составлявшие украшение какого-то предмета, и такая же пряжка» (Дело АК № 29/1900). Описание повторено в ЗРАО, т. XII, стр. 176, рис. 29, *8*. Гребешок в описи предметов значится под № 285; согласно списку сосудов в инвентаре 6 сосудов, № 566—571.

№ 226. Трупоположение, детское ориентировано на ЮЗ.

№ 226 бис. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЗЗ.

№ 227. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ (ЮЗЗ). Согласно списку сосудов в инвентаре четыре сосуда, № 572—575.

№ 228. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 229. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре три сосуда, № 576—578; в списке погребение обозначено как сожжение.

№ 230. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЗ.

№ 231. Трупоположение, детское, ориентировано на ЮЮЗ. Согласно списку сосудов в инвентаре пять сосудов, № 579—583; в списке погребение обозначено как сожжение. Согласно дополнительному списку сосудов, в котором, как и на плане, погребение указано как трупоположение, значится один сосуд, № 778.

№ 232. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 233. Трупосожжение.

№ 234. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ. Согласно дополнительному списку сосудов в инвентаре два сосуда, № 779—780.

№ 235. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 236. Трупосожжение.

№ 237. Трупосожжение.

№ 238. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

Без номера. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на юг.

№ 239. Трупосожжение.

№ 240. Трупосожжение.

№ 241. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 242. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 243. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 244. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ.

№ 245. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на ЮЮЗ.

№ 246. Трупоположение, безынвентарное, ориентировано на ЮЗ. Согласно дополнительному списку сосудов в погребении один сосуд, № 781.

№ 247. Трупоположение, с инвентарем, ориентировано на З.

ИНВЕНТАРЬ ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Керамика. К постановке вопроса

Непревзойденной заслугой В. В. Хвойки является то, что общепринятому в его время разделению «скифо-сарматской эпохи» и «эпохи великого переселения народов» он противопоставил членение археологических культур Среднего Поднепровья на зарубинецкую и черняховскую. Согласно В. В. Хвойке, на смену культуре скифского периода приходит культура зарубинецкого типа и со II в. н. э. получают распространение памятники черняховской культуры.

Последующие раскопки полностью подтвердили это утверждение В. В. Хвойки. Раскопки Корчеватского могильника показали, что во II в. до н. э. на этапе среднего латена зарубинецкая культура существовала уже в окончательно сложившемся виде. Зарубинецкие и черняховские памятники отражают завершенное состояние культур. Элементы становления улавливаются с трудом или вообще не улавливаются. Для зарубинецкого времени характерна лепная керамика, для черняховского — керамика, сделанная на гончарном круге. Вполне очевидно, что этот переход совершился не сразу. В настоящее время гончарные обжигательные печи обнаружены в ряде пунктов на всем пространстве распространения черняховской культуры — это Пересечное, Опошня, Флоровка, Никольское, Будешты, Слободзея Душка, Лука-Врублевецкая, Неслухов, Лепесовка, Голынь, Иголомя, Тропишов и др. В Иголоми на верхней Висле было обнаружено свыше 60 печей, но, очевидно, их было гораздо больше. Некоторые иголомские печи сохранили свою загрузку — до 90 сосудов. Если в течение производственного сезона, согласно этнографическим данным, обжиг производился не меньше 10—12 раз, то мы получаем цифры, свидетельствующие о десятках тысяч годовой продукции. Иначе говоря, Иголомя выпускала товарную продукцию и в этом не может быть каких-либо сомнений. Образование столь разветвленной сети и создание в некоторых пунктах крупных центров гончарного производства потребовало продолжительного времени.

Чтобы зарубинецкий керамический тип сменился черняховским, чтобы лепная керамика вышла из употребления и ее вытеснила керамика, сделанная на круге, для этого понадобилось многое. Отмирает домашнее ремесло. Производство и сбыт керамической продукции выходит далеко за пределы отдельной общины и местного потребления. Укрепляются междуобщинные экономические связи. Складываются сезонные рынки сбыта. Производство и сбыт приобретают регулярный характер. Гончары работают на рынок.

Материалы раскопок позволяют говорить о двух формах организации керамического производства в черняховское время, типа Никольского-Будешт и наряду с этим типа Лепесовки-Иголоми. В первом случае речь идет об единичных обжигательных печах и сбыте, рассчитанном на потребление в границах данной общины и ближайших, прилегающих к ней общин, во втором — о производственном центре и сбыте, охватывающем обширные территории. Массовость производства и потребления становится знамением времени.

Технические приемы, формы организации труда, применявшиеся при изготовлении лепной керамики зарубинецкого времени, не отвечали ни условиям, ни требованиям эпохи. Новая эпоха потребовала усовершенствования процесса производства, рассчитанного на массовый сбыт, его ускорения и улучшения, механизации, реконструкции обжигательных печей. Двухъярусная печь и гончарный круг появились одновременно. Они взаимосвязаны. Чтобы обеспечить единовременную загрузку печи 80—90 сосудами, необходимо было ускорить их изготовление, а это было невозможно без применения гончарного круга.

В свою очередь гончарный круг и двухъярусная обжигательная печь могли войти в общее употребление только при соответствующих условиях экономического порядка. Налаженная непрерывность производства предполагает устойчивый сбыт продукции, расширенный район ее распространения. Отсюда профессионализация труда. Труд специализируется. Умелец превращается в мастера. Гончар, работающий на рынок, выделяется из общей массы общинников.

Все сказанное требует отказа от многих общепринятых мнений. Черняховская керамика, сделанная на круге, отличается поразительной однотипностью. При разнообразных локальных особенностях она предельно монолитна. Такое единство культурного типа большинство исследователей склонно рассматривать как явление этнического порядка, как выражение этнической особенности носителей черня-

ховской культуры. Между тем, стандартность продукции обусловлена не этнографической спецификой типа, а всеми теми особенностями экономического порядка, о которых шла речь выше. Племенная общность облегчала налаживание связей, способствовала их установлению, укрепляла эти связи, но отнюдь не порождала их.

При всем том отказ от этнического объяснения однотипности черняховской гончарной керамики вовсе не означает, что мы получаем возможность ссылаться на заимствование и рассматривать черняховскую керамику как римскую провинциальную, видеть в ней продукт и выражение римских влияний. Сторонники теории римских влияний, ссылаясь на Рим как на очаг мировой культуры, первоначально объявили черняховскую керамику импортной. Последующие раскопки опровергли этот взгляд. Раскопки показали, что керамика черняховского времени — местная, изготовленная местными гончарами.

И еще одно обстоятельство не было учтено сторонниками теории заимствования. Оккупация территории к северу от Дуная, создание римских провинций в Мезии и Дакии, захват прибрежной полосы в Северном Причерноморье — все эти процессы и события относятся не к черняховскому, а к дочерняховскому периоду. Для черняховского времени не характерна политическая обстановка, которая возникла и сложилась в условиях зависимости, хотя именно этот аспект проблемы и имелся в виду сторонниками теории римских влияний, когда они обсуждали вопрос о типологических признаках черняховской культуры и типологическом определении серой лощеной керамики как специфически провинциально-римской.

Хронологическое несоответствие между данной теорией и фактами исторической действительности, которые эта теория призвана была объяснить, слишком очевидно, чтобы в какой-либо мере игнорировать его. Черняховскому времени свойственны противоположные тенденции: не расцвет римской империи, а ее распад и упадок, не возрастающее могущество, а ослабление Рима, все усиливающийся напор варваров, потеря Римом ранее оккупированных территорий, освобождение сначала Дакии, а затем Мезии, уход римских легионеров из городов Северного Причерноморья.

Черняховская культура сложилась не на этапе воздействия Рима на варваров, но в условиях все возрастающей активизации последних, когда, освобождаясь от прямой или косвенной зависимости от Рима, варварский мир утверждает свою независимость. Тесня римлян, варвары создают свою местную культуру, заменяют импортные вещи собственной продукцией, развивают местное производство на общем техническом уровне эпохи, идут к созданию нового феодального общественного строя, более прогрессивного по сравнению с рабовладельческим. Автаркия — экономическая, политическая и культурная — становятся действенным принципом времени.

Лепные сосуды в керамическом комплексе черняховского могильника

Вопрос о лепных сосудах в составе керамического комплекса Черняховского могильника — это вопрос о преемственных связях черняховского и дочерняховского периода, в данном случае — вопрос о зарубинецких основах Черняхова. В первой информационной заметке о раскопках в Черняхове, помещенной в АЛЮР'е, сообщалось: «Сосудов, сделанных от руки, немного. Большинство приготовлены главным образом на круге»[98]. Однако в тексте отчета (Дело АК № 29/1900) эта формулировка изменена. О лепных сосудах вообще не упоминается. Вместо этого здесь сказано: «Все найденные сосуды сделаны на круге». То же повторено в ЗРАО, т. XII: «Встречающиеся здесь (в Черняхове — *В. П.*) керамические изделия отличаются изяществом и тщательностью работы и все сделаны на круге»[99].

Как объяснить подобного рода разногласия? С. В. Коршенко ссылался на «некоторую склонность В. В. Хвойки к обобщениям»[100]. Вполне возможно. Заметка в АЛЮР'е носила информационный характер, тогда как В. В. Хвойка стремился в ЗРАО, т. XII противопоставить Зарубинцы и Черняхов, расчленить их, размежевать два периода и две культуры.

Спорный вопрос решают материалы из фондов КГИМ. Здесь имеется три лепных сосуда — № 8779, 8780 и 8782. Все они аналогичны зарубинецким — та же форма, техника изготовления, цвет, обработка поверхности.

---

[98] АЛЮР, т. II, 1900, июнь, стр. 118.

[99] ЗРАО, т. XII, стр. 181; ср. «Главный интерес составляют глиняные сосуды, разнообразные по величине и форме, всегда сделанные на круге». В. В. Хвойка. Древние обитатели..., Киев, 1913, стр. 46.

[100] С. В. Коршенко. Указ. соч., стр. 52.

Между собой они различаются в основном размерами. Подобная функциональная нерасчлененность форм является отличительной особенностью лепной зарубинецкой керамики.

Приводим описание этих сосудов.

№ 8779 — сосуд типа кружки больших размеров, черно-коричневого цвета, с гладколощеной поверхностью, ушко отбито. Высота 15,3 см, диаметр венчика 12,9 см (рис. 3,*1*).

№ 8780. Горшок с ручкой, цвет от коричневого до красновато-коричневого, поверхность гладколощеная. Высота 15,9 см, диаметр венчика 17 см (рис. 3, *2*).

№ 8782. Кружка небольших размеров с ушком, цвет от черного до темно-коричневого, поверхность гладколощеная. Высота 9,4 см, диаметр венчика 8,8 см (рис. 3, *3*).

Незначительное число лепных сосудов, всего лишь три из общего числа, составляет около 1% всей посуды и наглядно показывает соотношение лепной керамики и гончарной керамики могильника. Правда, при этом нам остается неизвестным, из каких погребений происходят лепные сосуды и в сопровождении какого инвентаря они были обнаружены. Следует ли говорить, что могильник в Черняхове возникает в позднезарубинецкое время на стыке двух культур, или же находка лепных сосудов свидетельствует лишь только об одном — о пережиточном сохранении незначительного числа лепных сосудов в условиях безусловного господства керамики, сделанной на круге?

Наличие лепной керамики дало повод к членению черняховских памятников на ранние и поздние. Было высказано мнение, что к ранним относятся памятники с преобладанием лепной керамики, а к поздним те из них, в которых число лепных сосудов предельно падает. Подобное предположение, высказанное в общей форме, конечно, вполне справедливо, поскольку развитие гончарного производства совершалось постепенно. При всем том сохранение лепной керамики или, что то же, домашнего производства, было обусловлено самыми разнообразными причинами, а не только фактором времени.

Шкала убывания лепной керамики, арифметический счет, пропорция соотношения лепной и гончарной керамики далеко не во всех случаях могут служить шкалой для построения хронологической классификации черняховских памятников, сколько-нибудь убедительным и достоверным способом для определения хронологической принадлежности памятника. Об этом весьма доказательно говорит В. Д. Баран [101]. В Черепине, Луке-Врублевецкой и Нелухове, памятниках приблизительно синхронных, количество лепных сосудов различное. По предположению В. Д. Барана, колебания в количестве лепных сосудов, варьируясь от памятника к памятнику, могли зависеть от того, как далеко или близко было расположено данное поселение от производственного центра.

Это бесспорно так. Ссылка на пространственный фактор вполне убедительна. Пространственный фактор, как и фактор времени, не мог не сказываться в каждом отдельном случае и с данным обстоятельством нельзя не считаться. Однако мы предпочли бы говорить о рыночных связях, о ступени развития этих связей и их специфике на данном этапе в черняховское время. Так, например, в Никольском в порожистой части Днепра, где в 1940 г. была раскопана гончарная обжигательная печь, на общее число 834 фрагментов керамики третью часть составили обломки лепных сосудов [102]. Гончарная керамика производилась в Никольском на месте, и все же местные жители продолжали изготовлять посуду для своих надобностей не на гончарном круге, а от руки, предпочитая пользоваться наряду с гончарной также лепной посудой. Процент лепной керамики мог удерживаться в отдельных памятниках до 20—30 и даже 60%, и количество гончарной керамики снижаться до 37,5% (Пражев и др.).

Нам сегодня совершенно очевидно одно — домашнее производство и развитое гончарное производство в черняховское время сосуществуют. Их взаимодействие неустойчиво и изменчиво. Уровень развития рыночных связей постоянно колеблется. Что же касается исходного рубежа, установления хронологической границы, которая позволила бы разграничить ранние и поздние памятники, то она остается пока еще невыясненной.

Сосуды зарубинецкого типа, сделанные на круге

Наличие в керамическом комплексе Черняховского могильника лепных сосудов

---

[101] В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961, стр. 78.

[102] А. Т. Брайчевська. Поселення черняхівського типу в с. Микільське на Дніпрі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 86, 89, 90, 92.

Рис. 3. Лепные (*1—3*) и гончарные (*4—19* глиняные сосуды

позволило говорить о стыке двух культур — зарубинецкой и черняховской. Но еще невозможно установить содержание, характер и глубину их взаимопроникновения. Здесь необходимы дальнейшие разыскания и прежде всего выяснение вопроса, имеются ли в Черняхове гончарные сосуды, сделанные по образцу зарубинецких лепных. Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, позволяет уяснить, представляет ли черняховская гончарная керамика безусловное новообразование на территории Среднего Поднепровья, или же она сохраняет при этом преемственные связи, усваивает традиционные формы, разрабатывая их на новой технической, более высокой базе.

На этот вопрос приходится ответить положительно. О мисках № 8614 и 8751 можно сказать с уверенностью, что они воспроизводят форму зарубинецких мисок. Миска № 8614 — на высокой полой ножке, темно-серого цвета с шероховатой поверхностью. Высота 8 см, диаметр венчика 16,8 см (рис. 4, *9*). Миска № 8751 темно-серого цвета, почти черного, венчик слабо отогнут; бортик, верхняя часть тулова отвесно прямые, низ скошен к днищу, конический; днище на невысокой подставке-ножке. Высота 7,2 см, диаметр венчика 15,1 см (рис. 4, *6*).

По своей форме обе эти миски, в особенности № 8614, представляют собой воспроизведение лепных лощеных мисок из Корчеватого (фонды КГИМ, № 10, 50, 53), Трахтемирова, Вишенок, Койлова и других памятников. Различия лишь в технике их изготовления. Названные миски из Черняхова, сделанные на круге, при всем их типологическом сходстве с зарубинецкими, отличаются большей четкостью профилировки, резкостью контура, выразительностью очертаний.

Типологическая близость позволяет высказать предположение, что гончар, изготовивший эти миски на гончарном круге, привык до этого делать их при помощи иной техники и иных технологических приемов. Если высказанное здесь предположение отвечает в какой-то мере действительности, то мы получим доказательство преемственности ремесла, усвоения зарубинецкими умельцами новых технических приемов, перехода их на новую техническую базу [103].

[103] В настоящей работе вопроса о лепных сосудах в керамическом комплексе Черняховского могильника мы касаемся постольку, поскольку в фонды КГМ/КГИМ из раскопок В. В. Хвойки поступили только лепные сосуды явно зарубинецкого типа. Раскопки Э. А. Сымоновича в 1962 г. подтвердили наличие в Черняхове лепных сосудов иных типологических форм.

Керамика, сделанная на гончарном круге

Горшки

Горшки в керамическом комплексе Черняхова составляют наиболее многочисленную группу. Всего при обработке материалов из Черняхова в фондах КГИМ было зарегистрировано 137 экз. По своим размерам горшки образуют ряд от самых малых, высотою до 7 см, до наиболее крупных, высотою 20,8 см, в такой постепенно возрастающей последовательности: 7 см — 3 экз.; 8 см — 9; 9 см — 12; 10 см — 8; 11 см — 12; 12 см — 11; 13 см — 13; 14 см — 18; 15 см — 19; 16 см — 9; 17 см — 10; 18 см — 6; 19 см — 1; 20 см — 2 экз. Что касается сосудов особенно крупных размеров, зерновиков или же корчаг, то они вообще в инвентаре могильника не представлены [104].

Как видим, наибольшее число сосудов приходится на горшки высотою 14 и 15 см — 18 и 19 экз. Вслед затем идут горшки высотою 13, 11 и 12 см — 13, 12, 11 экз. Горшки большей величины (высотой 19—20 см) встречаются как исключение в единичных случаях по 1—2 экз. При членении на три основные группы мы отнесем к малым горшкам сосуды высотою 7—9 см, 24 экз., к горшкам средней величины (10—15 см) — 81 экз. и к более крупным 28 экз. Иначе говоря, черняховцы имели в своем повседневном употреблении горшки по преимуществу средней величины.

Наряду с этим, при типологической классификации горшков приходится учитывать, помимо высоты сосуда, также в первую очередь соотношение между высотой горшка и диаметром тулова, а также — и это необходимо особо подчеркнуть — местоположение наибольшего диаметра тулова в той или другой части сосуда, в верхней плечевой, выше середины общей высоты, в средней на линии бочка, или же несколько ниже. Соответственно различаются: а) горшки, у которых высота превышает диаметр тулова; б) горшки, у которых высота и диаметр равновелики; в) горшки, у которых диаметр превышает высоту сосуда.

Горшки с удлиненной формой тулова. Горшки, у которых высота превышает ширину (тип а), имеют удлиненную форму

[104] В приведенный счет не включены фрагментированные горшки с отбитой нижней частью. Кстати заметим, что при измерении размеров не исключены в отдельных случаях известные расхождения в цифровых показателях, с чем необходимо считаться.

Рис. 4. Миски (*1—20*)

тулова. У них тулово вытянутое, сжатое, постепенно суживающееся к днищу. Горшков этого типа в Черняхове сравнительно немного — всего 16. Это № 8630, 8733, 8675, 8628, 8671 (рис. 5, 5); № 8726, 8623, 8643 (рис. 5, 2); № 8692, 8723, 8631, 8804, 8728, 8729, 8625, 8621. У перечисленных горшков высота превышает диаметр тулова на 2—4 см. Вслед за тем следует назвать горшки с диспропорцией между высотой и шириной от 1 см до 1,8 см, таких горшков насчитывается 18 экз., и с диспропорцией от 0,1 см до 0,9 см — 25 экз., всего тех и других 43. В том числе горшки № 8758, 8754, 8735, 8627, 8814, 8686, 8698, 8625 и т. д. с указанной диспропорцией 1 — 1,8 см. Диспропорцию 0,1 — 0,9 см имеют сосуды № 8637, 8755, 8760, 8802, 8582, 8709, 8766, 8693, 8715, 8770, 8810, 8699, 8704, 8797 и др.

У некоторых горшков высота совпадает с диаметром по своим размерам — № 8694, 8714 (тип б). По мере того, как ширина горшка увеличивается, а высота уменьшается, горшки становятся все более приземистыми. Горшков, у которых ширина превышает высоту (тип в) на 0,1—0,9 см, насчитывается 27 экз. (№ 8626, 8753, 8794 и др.), на 1 — 1,8 см — 12 экз. (№ 8696, 8716 и др., рис. 5, 9), на 2 — 2,9 см — 7 экз. (№ 8813 и др.), на 3 — 3,6 см — 3 экз. (№ 8662, 8776, 38 К), на 4,7 см — № 8634, на 6,5 см — № 8584, на 7 см — № 8676 (рис. 5, 17), на 10 см — № 8670.

Таковы общие цифровые показатели, позволяющие расчленить горшки на две общие обширные группы горшков удлиненной и приземистой формы. В свою очередь формы и размеры сосудов, в том числе и горшков, зависят от их функционального, практического назначения. Горшки относятся по преимуществу к разряду кухонной посуды. Они предназначены главным образом для приготовления пищи. Им свойственна простая, неусложненная форма. Они или вовсе свободны от какой-либо орнаментировки или же несут наиболее упрощенный орнамент в виде прочерченной волны или ряда параллельных бороздок, расположенных в верхней, плечевой части. Горшки бывают лощеные и нелощеные, последние преобладают.

К сожалению, при недостаточной изученности поселений, в настоящее время трудно установить с окончательной уверенностью форму и размеры печей в жилищах и тем самым взаимозависимость, существовавшую между устройством печи, способом приготовления пищи, размерами семьи, для которой готовилась пища, и величиной сосудов.

Разнообразие форм горшков в их частных отличиях и особенностях, удерживавшееся на протяжении всего черняховского времени, говорит о постепенной выработке стандартных, практически наиболее целесообразных форм горшков, сделанных на круге.

Ниже мы приводим описание отдельных типологических форм горшков.

Горшки с шаровидным туловом. Для горшков этой типологической группы характерно круглое тулово, округлое плечо, наибольший диаметр в средней части бочка. Различия сводятся главным образом к оформлению венчика, шейки и днища. Так, у горшка № 8727 (рис. 5, 6) край венчика горизонтально отогнут наружу. Шейка овально вогнутая, при переходе к плечу выделена бороздкой, образующей уступ (высота 12,3 см, диаметр венчика 13,6 см). У горшка № 8696 (рис. 5, 9) выпуклый край венчика так же выступает наружу и шейка выделена прочерченными бороздками на стыке с округлым плечом. Высота 13,6 см, диаметр венчика 12,2 см. Горшков с шаровидным туловом в Черняхове немного.

Круглобокие горшки, сужающиеся книзу. В инвентаре могильника преобладали горшки этой формы. По своей общей профилировке они близки к шаровидным, но у них, в отличие от последних, наибольший диаметр несколько сдвинут выше середины бочка и низ тулова сужается к днищу. Таковы № 8637, 8689, 8712 (рис. 5, 7), 8753, 8760, 8791, 8793, 8798 и др. Опишем некоторые их особенности.

Горшок № 8760, возможно, следует считать определяющим черняховский тип горшка. Это круглобокий горшок с наибольшим диаметром тулова, расположенным выше середины общей высоты сосуда. У него выступающий наружу венчик, овально вогнутая невысокая шейка, днище на подставочной плитке. У горшка № 8798, например, гладкая, слегка подлощенная поверхность, а в плечевой части вместо небрежно прочерченных бороздок проходят два широкие отчетливо и тщательно выделенные углубленные желобка, как это наблюдается у горшков более позднего, послечерняховского периода. Горшок № 8712, имеющий высокое выпуклое плечо и наибольший диаметр, передвинутый почти вплоть до плечевого изгиба, нужно рассматривать как переходный типологический вариант, как посредствующее звено между горшками с округлым бочком и суженным низом данного типологического ряда и горшками с расширенной плечевой частью, о которых будет речь ниже.

Рис. 5. Горшки (*1—21*)

Круглобокие горшки с расширенной плечевой частью и с суженным клиновидным низом. На первый взгляд, между круглобокими горшками с суженным низом, рассмотренными выше, и горшками № 8632, 8690, 8731 и др. нет особых типологических отличий. Последние также имеют округлый бок и суженный низ, но у них, в отличие от горшков предыдущего группового типа, более расширено плечо, наибольший диаметр передвинут в верхнюю часть тулова и низ скошен гораздо резче. В результате горшок получает клиновидную форму. В таких горшках быстрее приготовлялась пища, но они были менее устойчивыми. Судя по числу сосудов, относящихся к этой группе, горшки с клиновидным низом не приобрели особого распространения у черняховцев.

Круглобокие горшки с остросуженным низом. Эта группа представляет собою один из частных вариантов основного типа круглобоких горшков с суженным низом. Сюда можно отнести в качестве примера № 8637, 8711, 8732. Их типологической особенностью является более суженная, по сравнению с остальными, нижняя часть тулова. Наибольший диаметр отнесен в плечевую часть сосуда. Днище узкое. Горшки этой типологической группы вообще немногочисленны. Очевидно, они были столь же непрактичны, как и те, которые описаны выше (№ 8732, рис. 5, *8*).

Урнообразные горшки с узким яйцевидным туловом. Урнообразные горшки с узким яйцевидным туловом, как например, № 8631, 8643 и др., имеют наибольший диаметр, вынесенный в верхнюю часть тулова, но плечевая горизонталь у них несколько уже по сравнению с горшками предыдущего типа (№ 8732) и поэтому они, теряя клиновидную форму, приобретают более стройную яйцевидную форму (№ 8631, 8643, рис. 5, *1*, *2*).

Горшки с эллипсовидным (округловато удлиненным) туловом. Горшки № 8667, 8671, 8715, 8754, 8804 имеют округловато вытянутые плечо, бочок и придонную часть. Частные различия между отдельными сосудами сводятся к варьированию формы венчика, шейки и бочка. Помимо названных горшков, сюда, пожалуй, можно отнести было бы также горшок № 8660. У него, как и вообще у горшков данного типа, диаметр плечевой части отвечает по своим размерам и характеру изгиба диаметру нижней наддонной части. Больший диаметр бочка заставляет считать его промежуточным между горшками шаровидной и эллиптической формы (№ 8667, рис. 5, *4*; № 8671, рис. 5, *5*; № 8660, рис. 5, *14*).

Горшки с биконическим туловом. Горшки с туловом биконической формы образуют характерную группу. Определяющей чертой горшков этой типологической группы является то, что у них в виде конуса представлена не только нижняя наддонная, но и верхняя часть тулова. Бочок их с острым или округлым ребром. В качестве примера возьмем горшки № 8670, 8676, 8678, 8831. Некоторые горшки этой формы по своей конструкции могут быть отнесены к общему типу мисковидных горшков (№ 8831, рис. 5, *12*; № 8670, 8678, рис. 5, *13*, *16*).

Мископодобные горшки. Чем ниже горшок и чем шире его тулово, тем больше горшок по своим типологическим признакам приближается к миске и возникает трудность номенклатурного и классификационного порядка — следует ли отнести данный сосуд к мискам или горшкам. Возможно, следует ввести некоторую промежуточную категорию и говорить о мископодобном горшке.

К этой промежуточной группе следует отнести сосуды, горшки-миски, у которых диаметр значительно превышает высоту, как например № 8670 (высота 18 см, диаметр бочка 28 см), № 8676 (высота 18,7 см, диаметр бочка 25,7 см), № 8584 (высота 13 см, диаметр бочка 19,5 см), № 8634 (высота 17,5 см, диаметр бочка 22,2 см) и другие (№ 8670, рис. 5, *13*, *18*).

Как сказано выше, горшки образуют в составе инвентаря Черняховского могильника одну из наиболее многочисленных групп керамики. По частным особенностям формы они весьма разнообразны. Среди них по существу почти нет тождественных. Трудно допустить, чтобы такая пестрота форм возникла, если бы все горшки из Черняховского могильника происходили из одного какого-либо производственного центра. Более вероятно, что они сюда попали из разных мест. Очевидно, рыночные связи Черняхова были крайне неустойчивы. Во всяком случае нужно признать одно, а именно, что среди горшков могильника нет инокультурных. Это горшки местного происхождения.

Некоторую ясность могли бы внести хронологические данные. Подобные попытки делались неоднократно. Высказывалось мнение, что к раннему периоду относятся по преимуществу лощеные горшки и на более поздних

этапах их вытесняют горшки массового потребления, грубой выделки, с шероховатой поверхностью, исчерченной бороздками и ямками. Однако это только общее предположение, ничем не обоснованное за исключением ссылки на общий тезис о постепенном развитии гончарного производства. Нельзя упускать из вида, что в керамическом комплексе Пастырского городища лощеные сосуды представлены весьма выразительно и обильно. На данном уровне наших знаний приходится пока отказаться от попыток связать типологическую классификацию с хронологической. К тому же принципы типологической классификации в свою очередь остаются неразработанными.

Миски

Всего мисок до Великой Отечественной войны в фондах КГИМ насчитывалось 210 экз. В зависимости от своих размеров миски располагаются в такой последовательности: высотою 4 см — 5 экз.; 5 см — 17; 6 см — 12; 7 см — 19; 8 см — 24; 9 см — 10; 10 см — 7; 11 см — 2; 13 см — 4 экз.; 14—18 см — по одному экземпляру. Таким образом, в Черняхове преобладают миски высотою от 5 до 8 см, всего 72 экз. Наибольшее число приходится на миски 8 и 7 см —24 и 19 экз.; несколько меньше высотою 5 см — 17 экз.; за ними следуют высотою 6 см — 12 экз. Миски всех прочих размеров встречаются гораздо реже. Если мисок высотою 5—8 см насчитывалось, как показано, 72 экз., то высотою от 9 до 13 всего лишь 24, а более высокие вообще составляют исключение.

Учтем соотношение диаметра тулова и высоты. В зависимости от того, в какой степени диаметр превосходит высоту миски, различаются миски с удлиненным и коротким корпусом. К группе мисок с удлиненным корпусом относятся миски № 8570 — высота 6 см, диаметр венчика 18,4 см; № 8787 — высота 6,8 см, диаметр венчика 18,7 см (рис. 4, *13*); № 9244 — высота 7,9 см, диаметр венчика 22,9 см (рис. 3, *12*) и др. Если у отмеченных мисок различие между высотой и шириной в устье доходит до 12,4 и даже 15 см, то у мисок с коротким туловом диаметр устья превосходит общую высоту всего лишь на 5—9 см. Сравним, например, № 8824 — высота 10 см, диаметр венчика 19 см (рис. 4, *16*).

При типологической классификации необходимо учитывать также различия в соотношении диаметров устья и бочка. Соответственно различаются миски открытого и закрытого типа. К группе открытых относятся миски, у которых диаметр устья больше ширины бочка, к закрытым — миски с туловом более широким, чем устье. Сравним миски открытого типа: № 8787 — диаметр венчика 19,2, диаметр бочка 16,7 см (рис. 4, *11*); № 8574 — диаметр венчика 21,2 см, диаметр бочка 16,4 см (рис. 4, *20*) и закрытого типа: № 8661 — диаметр венчика 14,8 см, диаметр бочка 16,2 см (рис. 6, *8*); № 8787 — диаметр венчика 18,7 см, диаметр бочка 19,7 см (рис. 4, *18*). У них устье уже диаметра тулова в приведенных случаях на 1—1,4 см.

Кроме различий, выражаемых цифровыми показателями, миски различаются в зависимости от формы бочка. Соответственно мы различаем остроребериые и округлоребериые миски. К числу остроребериых мисок с биконическим бочком относятся № 8747, 8568, 8775, 8790 (рис. 6, *5*, *9—11*), 8611, 8617, 8823, 8786 (рис. 3, *9*, *14*, *16*, *17*) и др. Примером мисок с округлым бочком могут служить № 8839, 36К, 8621 (рис. 4, *3*, *4*, *7*), 8749, 8785 (рис. 4, *14*, *17*).

При этом необходимо учитывать положение наибольшего диаметра тулова по отношению к той или другой части тулова. Реберчатый бочок вынесен в верхнюю часть тулова у мисок № 8746 (рис. 4, *8*), 8745 (рис. 6, *3*), 8819 (рис. 6, *6*), 9244 (рис. 3, *12*), 8574 (рис. 4, *20*). Впрочем, мисок с реберчатым бочком, вынесенным в верхнюю часть тулова, сравнительно немного. Преимущественное большинство составляют миски, у которых бочок находится в средней части как например, № 8680 (рис. 6, *4*) или же № 8577 (рис. 6, *7*). Наряду с этим, встречаются миски с бочком, расположенным ниже середины общей высоты миски, сдвинутым в нижнюю часть корпуса. Таковы, например, остроребериые миски № 8568, 8775, 8790 (рис. 6, *9*, *10*, *11*).

От положения ребра на том или другом уровне, в той или другой части миски зависят размеры и профилировка бортика. Бортик (верхняя надреберная часть тулова) может быть короткий или длинный, высокий, отвеснопрямой, прямой, так или иначе скошенный к ребру, округловато-выпуклый, овально-вогнутый и пр. Здесь нет надобности вдаваться в особые подробности и распределять миски по отдельным группам. Имеющиеся отличия прослеживаются с достаточной очевидностью. Приведем отдельные примеры. Выпуклый округловатый удлиненный бортик с округловатым бочком, расположенным в средней или

нижней части тулова имеют миски № 8839, 36К, 8621, 8682 (рис. 4, *3*, *4*, *7*, *10*). Длинный отвесно-прямой бортик с изгибом в нижней части тулова характерен для чашеподобной мисочки № 8602 (рис. 4, *12*). Прямой высокий резко скошенный бортик наблюдается у ряда остроребериых мисок. Такова, например, остроребериая миска с удлиненным прямым скошенным к биконическому ребру бортиком с наибольшим диаметром, расположенным выше середины тулова, № 8747, из погребения № 39, высота 9,5 см, диаметр венчика 17,7 см (рис. 6, *5*). Такой же скошенный удлиненный бортик имеет миска № 8568 из погребения № 45 с тем, однако, отличием, что у нее округловатый изгиб ребра и наибольший диаметр отнесены не к середине, а к нижней части тулова; высота ее 6,7 см, диаметр венчика 16,2 см (рис. 5, *9*). Аналогична предыдущим миска № 8775 из погребения 34, высота 5,7 см, диаметр венчика 11,9 см (рис. 6, *10*).

Прямой высокий, но менее резко скошенный бортик с наибольшим диаметром около середины тулова характерен для миски № 8577 из погребения № 16. Высота ее 11,2 см, диаметр венчика 19,5 см (рис. 6, *7*). Сравни с ней № 8588 (рис. 3, *11*).

Высокий бортик с его широкой площадью бывает по большей части украшен выпуклым ободком или ободком-карнизиком (см. № 8588, рис. 3, *11*; № 8749, рис. 4, *14* и др.).

Любопытна группа мисок, у которых бортик расчленен на две части. Например, у миски № 8790 (рис. 6, *11*) верхняя часть бортика прямая, слегка скошенная книзу, тогда как нижняя половина плоско скошена и вынесена наружу к острому ребру бочка так же, как у мисок № 8611, 8666, 8823, 8786 (рис. 3, *9*, *10*, *16*—*17*).

До сих пор мы говорили о мисках с высоким удлиненным бортиком. Несколько слов о мисках с коротким бортиком. К числу остроребериых мисок с прямым коротким бортиком, резко скошенным к ребру, и с наибольшим диаметром в верхней части сосуда, при удлиненном коническом низе, относится миска № 8745. Высота ее 8,2 см, диаметр венчика 21,1 см (рис. 5, *3*). Короткий бортик характерен также для мисок № 8746 (рис. 4, *8*), 8787а (рис. 4, *11*), 8574 (рис. 4, *20*) и др.

Большинство черняховских мисок имеют конический низ. Форма среза, его покатость могут варьироваться в зависимости от ширины бочка и общей высоты нижней части каждой из мисок, взятой в отдельности.

Днища мисок бывают плоские непрофилированные, плоские на подставочной плитке, на кольцевой ножке. В этом отношении миски не отличаются от горшков. Те же варианты днищ встречаются у обеих керамических групп. Миски на высокой полой ножке не характерны для Черняхова. Что касается миски № 8617 (рис. 4, *9*), то она представляет исключение, и ее следует, очевидно, рассматривать как сформованную по образцу зарубинецких мисок, о чем уже говорилось выше.

Среди мисок Черняховского могильника встречаются миски серого и черного цвета с теми и другими оттенками. Преобладают серо-глиняные. По обработке поверхности различаются миски лощеные и нелощеные. Мы не склонны думать, что это членение соединяется с особенностями формы. Весьма часто миски того или другого типа бывают как лощеные, так и нелощеные.

Некоторые миски по своим типологическим особенностям и способу орнаментировки заслуживают отдельного описания. К сожалению, недостаток места не позволяет остановиться на всех заслуживающих внимания случаях. Подробнее опишем миски-вазы крупных размеров.

Миски-вазы

Миски-вазы крупных размеров принадлежат к числу парадной, исключительно эффектно орнаментированной керамики. Из них четыре относятся к группе мисок-ваз с тремя ручками. Опишем каждую из них в отдельности.

№ 8669. Миска-ваза серого цвета, поверхность гладколощеная. Верхний край венчика широкий, на плечиках в поясе, очерченном двумя выпуклыми ободками, лощеный орнамент в виде ломанных под острым углом линий. Днище на кольцевой ножке. Ручки широкие, плоские, с двумя продольными углублениями. Высота 18 см, диаметр венчика 26 см (рис. 7, *3*).

№ 8673. Из погребения № 88. Миска-ваза черного цвета, поверхность гладколощеная. Верхний край венчика широкий, плоский, с округленными ободками по наружному и внутреннему краям, покрыт зигзаговидным лощеным орнаментом. На плечиках два выпуклых ободка. Днище на кольцевой ножке. Ручки плоские, широко изогнутые под прямым углом. Высота 19,8 см, диаметр венчика 29,5 см (рис. 8, *4*).

Рис. 6. Миски, кувшины и кружки (*1—21*)

№ 8677. Миска-ваза черно-серого цвета, поверхность гладколощеная. Венчик плоский, широкий (3,1 см). В средней части плечика между двумя выпуклыми ободками углубленный поясок, украшенный лощеным орнаментом в виде ромбической сетки. Дно на кольцевой ножке. Ручки широкие, плоские, с двойным углублением, разделенным продольным выпуклым ободком. Высота 19 см, диаметр венчика 30 см (рис. 7, *1*).

№ 39 К (б. собрание Ф. Ф. Кундеревича) [105]. Миска-ваза серого цвета, поверхность гладколощеная. Верхний край венчика плоский, широкий (3,5 см), с выпуклыми краями. Днище на кольцевой ножке. Ручки широкие, плоские, с выпуклыми краями и с двумя продольными валиковыми выступами, разделяющими поверхность ручки на три углубленные части. Плечики от венчика до ребра бочка украшены орнаментом, который варьируется в каждом отрезке, расчлененном ручками. Высота 16,2 см, диаметр венчика 31 см (рис. 8, *9*).

Наряду с описанными мисками-вазами необходимо отметить аналогичные миски больших размеров, но без ручек.

№ 8616. Миска-ваза, черного цвета, поверхность гладколощеная. Верхний край венчика округлый. Плечико расчленено двумя выпуклыми ободками. Выделенный ими поясок украшен довольно сложным лощеным узором — зигзагообразная полоска в обрамлении двух мелких волнистых линий. Ребро тулова отделано вогнутыми каннелюрами. Днище на кольцевой ножке. Высота 18,1 см, диаметр венчика 35,4 см (рис. 8, *1*).

№ 8579. Миска, черного цвета, переходящего в серый, поверхность гладколощеная. Верхний край венчика округлый. Плечико украшено двумя выпуклыми ободками, между которыми заключен поясок, орнаментированный ромбической сеткой. Днище на невысокой кольцевой ножке. Высота 12,5 см, диаметр венчика 21 см (рис. 8, *5*).

№ 8563. Миска, черного цвета, поверхность гладколощеная. Венчик округлый. Ребро украшено косовыгнутыми каннелюрами (рис. 6, *21*).

Такими же косыми каннелюрами украшено округловатое ребро миски № 8585 (рис. 8, *10*).

Кубки

Особого внимания заслуживают кубки. В Черняховском могильнике их четыре — № 8559, 8560, 8561, 8586. Два из них в виде полукруглой чашки (№ 8561, 8586), два другие — типа кубка-стакана (№ 8559, 8560). Все они черного цвета и богато украшены разнообразными узорами. Вполне возможно, что они изготовлялись местными черняховскими умельцами в подражание мегарским чашам, распространенным в городах Северного Причерноморья и в поселениях Нижнего Поднепровья (Большая Знаменка), на этапе, предшествовавшем образованию черняховской культуры. Если это предположение является в какой-то степени правильным, то оно дает основание для суждения об одной из связующих линий, устанавливающих генетические корни Черняхова.

В качестве примера опишем кубки № 8560 и 8561. Кубок № 8560 черного цвета. Венчик оформлен в виде округлого ободка-валика с перехватом под ним. Поверхность кубка прямыми линиями расчленена на отдельные отрезки, сегменты, идущие от перехвата под венчиком до днища. Сегменты заполнены елочным орнаментом, выполненным пунктиром. В одном из поясков прочерчены пунктиром шесть расположенных одна под другой коротких полуовальных дужек. Ниже их в том же сегментном отрезке изображен удлиненный треугольник, обращенный вершиной к днищу. Другой поясок заполнен пунктирными изображениями. Высота 7,2 см, диаметр венчика 7,7 см (рис. 9, *4*).

Кубок № 8561 черного цвета. Его верхний край оформлен в виде двух выпуклых ободков, разделенных узким углубленным пояском. Средняя часть тулова украшена штампованными многолепестковыми розетками. Каждый из этих отпечатков, напоминающих цветок, обрамлен пунктирным кружком. Каждое такое изображение заключено в квадратную рамку, выполненную пунктиром, из 4—6 небрежно проведенных зубчатым колесиком линий. Ниже этого пояса, охватывающего среднюю часть тулова, повторяются изображения многолепесткового цветка в пунктирном кружке. Днище кубка плосковатое. Высота 6,6 см, диаметр венчика 9,2 см (рис. 9, *5*).

Подобного типа кубки встречались неоднократно на черняховских памятниках. Особенно обильно они представлены в Привольном, в Малаештах и др. Правда, в Привольном они

---

[105] Сосуд был передан в числе других вещей в ИА АН УССР вдовою Ф. Ф. Кундеревича и ею была составлена опись с указанием происхождения вещей. Затем сосуд был передан в Киевский исторический музей.

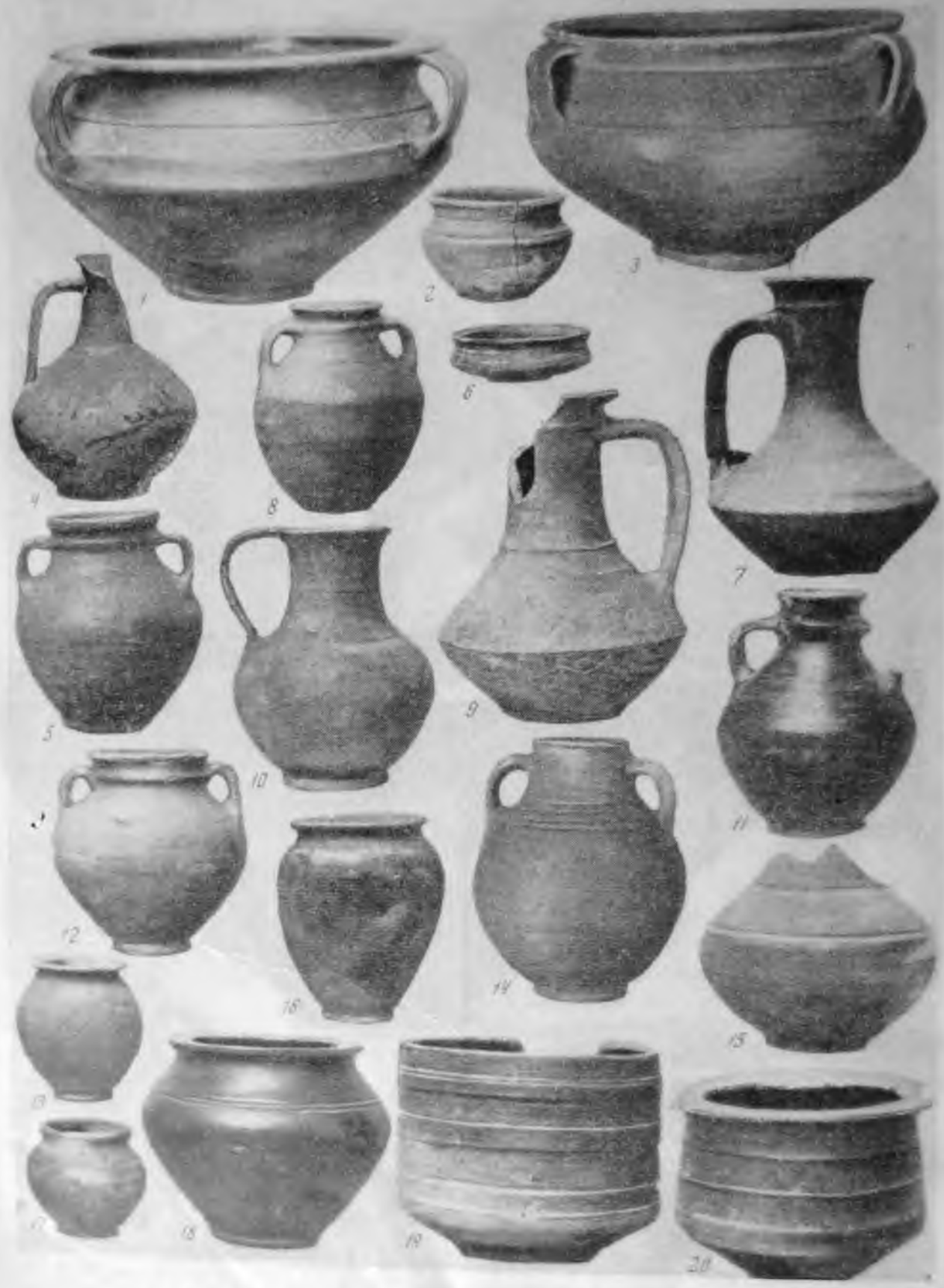

Рис. 7. Миски-вазы, миски, кувшины, горшки (*1—20*)

Рис. 8. Миски-вазы, кувшины, миски (*1—12*)

Рис. 9. Стеклянные (*1—3*) и глиняные (*4—5*) кубки

орнаментированы гораздо беднее и менее эффектно по сравнению с кубками Черняховского могильника.

Кружки

В фондах Киевского исторического музея хранится 7 кружек из инвентаря Черняховского могильника (№ 8600, 8603—8608). Высота кружек колеблется от 7,6 см до 16 см. По ширине устья (диаметру венчика) они располагаются в такой последовательности: 6—8,5—10,1—11,7—12—12,1—14,5 см. По соотношению высоты и ширины устья кружки образуют две группы. У трех сосудов высота превышает ширину устья на 0,2—1,6—4 см (№ 8605, 8608, 8604). Четыре кружки имеют более широкое устье и меньшую высоту на 0,3—0,9—1,5—3,2 см (8607, 8603, 8600, 8606). Диаметр днища обычно составляет половину или же около половины общей высоты данного сосуда: 8,6 см—6,5 см (№ 8600); 13 см—6 см (№ 8603); 15,9 см—9,9 см (№ 8604) и др.

По своей форме большинство кружек повторяет форму кувшинов. От последних их отличают только две особенности — бо́льшая ширина устья и наряду с этим меньшая высота. Сравним, например, кружку № 8604 и кувшин № 8778 (рис. 10, *3* и рис. 8, *12*). По своим очертаниям они весьма походят один на другой. Отличие сводится к тому, что у кувшина № 8778 устье имеет ширину только 6,9 см при общей высоте 15,2 см, тогда как у кружки № 8604 почти такая же высота (15,9 см), но диаметр устья почти вдвое больший (12 см). Соответственно кружку можно обозначить как небольшой широкогорлый кувшинчик, а кувшинчик № 8778 отнести к числу узкогорлых кружек.

Форму кружки определяют также цилиндрическое или близкое к цилиндрическому горло и обычно биконический бочок. Острый

биконический бочок характерен для кружек № 8600, 8603, 8604, 8605. Цилиндрическая горловина особенно выразительно представлена у кружки № 8606. Цилиндрическое тулово кружки № 8605 несколько расширяется к плечевому овальному срезу. Любопытно отметить, что обе эти кружки в «Древностях Приднепровья», вып. IV (стр. 30, табл. XX) описаны под № 559—560 как «сосуды формы круглых низких горшков с широким отверстием и ручкой».

Все кружки, в особенности № 8606, отличаются прекрасным лощением. Исключение составляет № 8608 с шероховатой поверхностью и непропорционально массивной громоздкой ручкой.

№ 8600. Кружка серого цвета, поверхность гладколощеная. Верхний край венчика округлый. В перехвате под шейкой выпуклый конический заостренный ободок. Днище на подставочной плитке. Ручка утолщенная, широкая от перехвата к краю плеча. Высота 8,6 см, диаметр венчика 8,1 см (рис. 3, *6*).

№ 8603. Кружка серого цвета, поверхность гладколощеная, с круглым венчиком. Днище на подставке-ножке. Ручка широкая, плоская, со слегка утолщенными краями от шейки к изгибу бочка. Высота 13 см, диаметр венчика 12,1 см (рис. 10, *1*).

№ 8604. Кружка серого цвета, с гладколощеной поверхностью, венчик округлый. Плечо разделено по середине орнаментальным выпуклым ободком. Днище на подставочной плитке. Ручка утолщенная, лентовидная в сечении прямоугольная, закругленно-изогнутая и проходит от ободка на шейке до изгиба бочка. Высота 15,9 см, диаметр венчика 12 см (рис. 10, *3*).

№ 8605. Кружка серого цвета, поверхность гладколощеная. Высота 11,1 см, диаметр венчика 11,7 см, длина бочка 14,7 см, диаметр днища 6,9 см (рис. 3, *4*).

№ 8606. Из погребения № 16. Кружка черного цвета, в разломе желтовато-серого цвета, поверхность гладколощеная, блестящая (анобр?). Плечики ободком и карнизиком отделены от горловины и конического короткого низа. Высота 9,3 см, диаметр венчика 14,5 см (рис. 3, *8*).

№ 8607. Кружка черного цвета, поверхность гладколощеная. Венчик утолщен. Тулово украшено выпуклыми ободками. На его переднем ряды косых канелюр. Ручка утолщенная. Днище на подставочной плитке. Высота 8,2 см, диаметр венчика 8,5 см (рис. 3, *5*).

№ 8608. Кружка серого цвета, поверхность шероховатая. Горловина цилиндрическая, отделена ободком от плеча. Ручка массивная, круглая. Высота 7,6 см, диаметр венчика 6 см (рис. 3, *7*). Кружки с их широким устьем и небольшой сравнительно вместимостью служили явно сосудами для питья.

Кувшины

Кувшины в керамическом комплексе Черняховского могильника представлены 25 сосудами: № 8562, рис. 7, *8*; № 8564, рис. 8, *3*; № 8565, рис. 8, *10*; № 8566, рис. 7, *14*; № 8590, рис. 10, *4*; № 8591, рис. 10, *2*; № 8592, рис. 7, *5*; № 8595, рис. 7, *11*; № 8596, рис. 10, *11*; № 8613, рис. 6, *18*; № 8639, рис. 10, *9*; № 8640, рис. 8, *2*; № 8641, рис. 7, *9*; № 8644, рис. 10, *5*; № 8645, рис. 10, *7*; № 8646, рис. 7, *7*; № 8647, рис. 10, *10*; № 8649, рис. 6, *19*; № 8650, рис. 7, *4*; № 8651, рис. 7, *10*; № 8652, рис. 10, *6*; № 8653, рис. 10, *8*; № 8654, рис. 8, *8*; № 8757, рис. 7, *15*; № 8778, рис. 8, *12*.

При инвентаризации сосудов, поступивших в фонды Киевского государственного музея, кувшины были записаны в известной последовательности, под номерами от 8562 до 8596—10 кувшинов с двумя ручками. Следующую группу составили кувшины с одной ручкой (№ 8613, 8639—8641 и т. д.).

Одной из особенностей кувшинов Черняховского могильника является разнообразие их форм. Почти каждый экземпляр представляет собою типологическую группу. Кувшины принадлежали по преимуществу к парадной столовой керамике. Их берегли. Они сохранялись лучше и дольше, более продолжительное время, чем кухонная посуда (горшки). Очевидно, кувшины попадали в Черняхов в разное время, из разных мест и разными путями.

Наиболее оправданным является членение кувшинов на три группы: а) кувшины с одной ручкой, б) с двумя ручками (амфороподобные), в) без ручек. Амфороподобные кувшины с двумя ручками использовались, нужно полагать, как и амфоры, для хранения жидкости. Кувшины с одной ручкой были предназначены не столько для хранения, сколько для разлива жидкости в питьевые сосуды (кубки и чашки).

Кувшины с одной ручкой, поскольку они предназначались по преимуществу для разлива, не требовали значительной емкости и имели нередко биконическое тулово. Ребро бико-

Рис. 10. Кувшины (1—10)

нического бочка иногда бывает острым, иногда округловатым (№ 8641, 8646, 8647, 8649 и № 8639, 8653, 8640, 8644, 8650—8652, 8757).

Венчики по своей профилировке могут быть расчленены на несколько групп: узкий прямой венчик с выпуклым верхним краем (№ 8639, 8640), плоский слегка утолщенный (№ 8613, 8645), плоский скошенный наружу (№ 8651), каплеобразный (№ 8641), округлый утолщенный, выступающий наружу (№ 8649). Для № 8644 характерна тонко прочерченная своеобразная профилировка венчика с прямым срезом наружного края и с внутренней углубленной закраинкой (для крышки).

Переход от горловины к плечу у большинства кувшинов выделен ободком (№ 8613, 8641, 8645, 8649, 8650 и др.).

Что касается орнаментировки, то два кувшина — № 8613 и 8649 — имеют граненое ребро бочка, причем грани прочерчены пунктиром. У № 8613 от каждой грани идут по вертикали пунктирные линии к ободку на стыке плеча и горловины. Лощеный зигзагообразный орнамент для кувшинов менее характерен, чем это наблюдается у мисок. У мисок поясок между двумя ободками на плече почти всегда заполнен орнаментом, у кувшинов только изредка. У кувшина № 8647 поясок между ободками украшен лощеным орнаментом из треугольников. У № 8639 поясок заполнен двойной зигзаговидной чертой, ребро бочка орнаментировано косыми изгибами, каннелюрами. Таким же образом обработан валик-ободок на горловине. Нижний конец ручки кувшина прикреплен обычно к середине или же верхнему краю плеча, у № 8646 и 8649 почти на самый край ребра. Соответственно размеры ручки отвечают общей высоте горловины и плеча. Только у № 8651 верхний конец ручки прикреплен к краю венчика. Наименьшая ручка у № 8640 и 8778 — кувшинов с короткой горловиной. В сечении ручки могут быть узкие ленточные, как у № 8651, прямоугольные, как у № 8641, 8645, 8778 и др.

Кувшинов с двумя ручками в собрании Киевского исторического музея имеется десять — это № 8562 (рис. 7, *12*); № 8564 (рис. 8, *3*); № 8565 (рис. 7, *8*); № 8566 (рис. 7, *14*); № 8590 (рис. 10, *4*); № 8591 (рис. 10, *2*); № 8592 (рис. 7, *5*); № 8595 (рис. 7, *11*); № 8596 (рис. 10, *11*); № 8757 (фрагмент) (рис. 7, *15*).

В зависимости от размеров кувшины с двумя ручками разделяются на три основные группы: а) малые, высотою от 9 см до 11,4 см (2 экз.), б) средней величины, от 14 см до 18 см (5 экз); в) крупных размеров, 21 см и 26,4 см, а именно — № 8596 — 9 см, № 8590 — 11,4 см, № 8591 — 14,5 см, № 8595 — 17 см, № 8562 — 17,4 см, № 8592 — 17,7 см, № 8566 — 18 см, № 8565 — 21,3 см, № 8564 — 26,4 см.

Что касается формы, то независимо от размеров кувшины с двумя ручками обнаруживают известную близость (за исключением № 8757). Почти все они имеют невысокую приземистую горловину, широкое или среднеширокое устье, короткие ручки. У кувшинов малых размеров тулово более или менее округлое. У кувшинов № 8564, 8565 и 8592 — тулово яйцевидной формы. Все они могут рассматриваться как кувшины амфороподобные.

Несколько слов о кувшине № 8757. Он фрагментирован, и это затрудняет восстановление его облика в целом. К данной группе он отнесен лишь потому, что у него две ручки. В других отношениях он явно отличен. Судя по остаткам горловины, у него было узкое или среднеширокое горло, скорее всего, очень высокое. Кувшин был крупных размеров (высота уцелевшей части достигает 16,6 см), тулово округлое, шаровидное, несколько сплюснутое в верхней и нижней наддонной части.

Среди кувшинов с двумя ручками нет ни одного с наибольшим диаметром, расположенным в нижней части тулова, равно как и с биконическим бочком, столь характерным для одноручных кувшинов. Среди них встречаются лощеные, но нет орнаментированных.

В Черняхове есть кувшины амфороподобного типа, но нет амфор с желобчатым (рифленым) туловом, характерных для позднеантичного времени. Возможно, что это обстоятельство является простой случайностью, но возможно, что отсутствие амфор подобного рода составляет специфическую черту, определяющую хронологический рубеж памятника.

В этой связи необходимо отдельно остановиться на описании двух кувшинов № 8644 (рис. 10, *5*), покрытого красным лаком плохого качества, и кувшине № 8651 (рис. 7, *10*). Оба они принадлежат к типологической группе одноручных кувшинов с цилиндрической горловиной и с округлым шаровидным туловом.

У С. В. Коршенко читаем: «Единственным представителем краснолаковой посуды является сосуд № 8644. Неокрашенная нижняя часть сосуда, самое покрытие его дон-

плохого качества, неравномерный обжиг, переходящий из красного в коричневые тона, позволяет видеть в нем производство малоазийских или, может быть, северочерноморских мастерских» [106]. Как видим, С. В. Коршенко ограничился общей справкой. А. Т. Брайчевская, присоединившись к предложенным датировкам (II в., первая половина III в. н. э.), указывает на ближайшие аналогии из двух пунктов — из Тиритаки и Херсонеса [107].

Черняховский одноручный кувшин № 8644 ближайшим образом напоминает кувшин из могилы № 2 с вещами I—III вв. в Тиритаке, из склепа 11 в Тиритаке при раскопках 1934 г., из раскопок Елисаветовского городища в 1928 г. на нижнем Дону [108]. Т. Н. Книпович различает две подгруппы кувшинов этого типа, а именно: кувшины с ручкой, прикрепленной к краю венчика, которые она считает более ранними, и с ручкой, расположенной несколько ниже венчика; последние, по ее мнению, являются более поздними. В Черняхове представлены кувшины обеих групп. У № 8651 ручка соединена с краем венчика; у краснолакового № 8644 — ручка ниже края венчика.

К названным пунктам Северного Причерноморья нужно присоединить памятники сарматских районов Приазовья, Кувшин, аналогичный черняховскому № 8644, встречен в Ново-Филипповке, Аккермене (погребение № 4) [109].

У Черняхова, у сарматской Ново-Филипповки, позднеантичной Тиритаки своя историческая почва, разная экономическая структура, различное этническое содержание. Учитывая типологические параллели, нельзя подменять ими целое, равно как пытаться свести всю сложность исторических взаимодействий, наряду с «влиянием» и «заимствованием» к вопросу об «импортах» и «торговле».

Приведенные параллели дают нам наибольшее для установления ранней границы в процессе сложения Черняхова и черняховской культуры. Все они указывают на I—II вв. н. э., поскольку трудно допустить, чтобы сосуды, бытовавшие на юге в Северном Причерноморье и в Приазовье, попали в Среднее лесостепное Приднепровье, спустя сто или же двести лет, как это обычно полагают, относя время сложения черняховских памятников, без всяких оснований и без всякой аргументации исключительно к III—IV вв. н. э.

Стеклянные сосуды

Стеклянные сосуды составляют характерную принадлежность инвентарных комплексов черняховских памятников. В Черняхове было обнаружено три целых сосуда и четыре фрагмента, а также 13 слитков от расплавившихся в огне сосудов. Последние происходили из погребений с сожжением. Целые сосуды были переданы в Музей западного и восточного искусства Киева. Фрагменты и слитки хранились перед Великой Отечественной войной в фондах Киевского исторического музея. В настоящее время последние утрачены.

№ 2578. Из трупосожжения № 88 — сосуд лежал внутри большой треухой миски-вазы. Кубок, полукруглый, с кольцевым поддоном, из почти прозрачного стекла, зеленоватого тона. На средней части бочка — шесть сильно выступающих вертикальных ребер. Под отогнутым наружу верхним краем шейку опоясывает валик, идущий на протяжении 5 см и затем раздваивающийся и образующий второй параллельный валик, который постепенно становится все менее заметным. Высота 9 см, диаметр венчика 9,2 (рис. 9, *2*).

№ 2579. Из трупосожжения № 225; кубок стоял кверху дном в одном из 5 глиняных сосудов. Кубок «в виде граненого стакана» удлиненной формы, с отогнутым наружу верхним краем и закругленным дном; из тонкого бесцветного стекла, поверхность которого покрыта налепами и слегка призирует. Тулово орнаментировано тремя рядами мало отчетливых граней, в верхнем и среднем ряду овальных, в нижнем круглых. Гранение выражено слабо. Высота 10,5 см, диаметр венчика 6,4 см (рис. 9, *3*).

№ 3443. Из богатого трупоположения № 160; кубок стоял у поясницы «между реберными и тазовыми костями» скелета. Сосуд «из граненого стекла», в виде расширяющегося

---

[106] С. В. Коршенко. Указ. соч., стр. 77.

[107] А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. VI. Київ, 1958, стр. 58.

[108] В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, 1941, № 4, стр. 63, рис. 91; М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, 1941, № 4, стр. 78, рис. 113; Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской. ИГАИМК, вып. 104. М.— Л., 1935, стр. 149, рис. 39; она же. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 76—77, рис. 30а и 31.

[109] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у Ново-Филипповки. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 253, табл. IV, 5. «Все перечисленные кувшины датируются в основном I в. н. э.» (там же, стр. 235).

кверху бокала-кубка, из толстого бесцветного стекла (толщина 0,2 см). Верхний край от шейки не отделен, под ним несколько углубленный поясок, шириною 0,4 см. В нижней, суживающейся к днищу части тулова, три ряда граней овальной формы, в верхнем ряду их 14, в среднем 12 и в нижнем 8. Высота 11 см, диаметр венчика 11 см (рис. 9, *1*).

Что касается фрагментов четырех стеклянных сосудов, то один из них — № 8396, размером 4,6 × 3 см, принадлежал кубку из бледно-зеленого стекла и был украшен шлифованными овальными гранями. Второй фрагмент, № 8392, размером 4×2,7 см, был также из тонкого стекла зеленого цвета и на нем имелось выпуклое изображение наподобие буквы К. Два остальных фрагмента, № 8395, размером 3,4×3,1 см, и № 8391, размером 5,9× ×3,6 см, были из почти бесцветного стекла с легким зеленоватым оттенком.

Поскольку сосуды № 2578 и 2579, которые происходят из трупосожжений (№ 88 и 225), сохранились целиком, то это свидетельствует, что они были включены в состав погребального инвентаря уже после сожжения. В свою очередь, находка 13 слитков указывает, что обычно стеклянные кубки ставились на костер и сжигались на костре вместе с трупом умершего, как и весь прочий погребальный инвентарь. Из них пять слитков (№ 8379—8381, 8383, 8389) были из бесцветного, почти прозрачного стекла (размеры слитков: 2×2,2 см; 1,2×2,5 см; 1×2,2 см; 1,1×1,4 см; 0,9×1,3 см); три — из стекла желто-зеленого цвета (№ 8385—8386, 8394 — размеры: 1,6 × 2,5 см; 2×3 см; 2,1×3,9 см); два (№ 8387 и 8393) — светло-зеленого (1,6×2,6 см; 2,8×3,2 см); два (№ 8382 и 8390) — изумрудно-зеленого (1,5× 1,7 см и 2,1×3,6 см); один (№ 8397) — зеленоватого оттенка, сильно иризирующего, местами с серебряным отливом (1,3×2,2 см).

Как видим, стеклянные сосуды из Черняховского могильника представляют три характерные типа: а) кубки шаровидные с реберчатыми, вертикально расположенными выступами на бочке тулова (№ 2578); б) кубки-бокалы удлиненной цилиндрической формы в виде стакана с закругленным дном и с шлифованными гранями-фасетками (№ 2579); в) кубки-бокалы конической формы с шлифованными гранями-фасетками (№ 3443).

Что касается местных соответствий, то шаровидный сосуд из погребения № 88 в Черняхове (№ 2578) напоминает несколько полусферический кубок из могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре у с. Гавриловки, высота 9 см, диаметр 11 см, с тем, однако, отличием, что последний не имеет на тулове реберчатых выступов, а также подобного типа полусферический кубок («чашку») с тремя рядами шлифованных овалов из могильника в Переяславле-Хмельницком. В свою очередь стаканоподобный тонкостенный сосуд, найденный в Черняхове в погребении № 225 (№ 2579), как отмечает Э. А. Сымонович, напоминает «цилиндрический кубок с закругленным дном и маленьким утолщением внизу», изготовленный из зеленоватого стекла и украшенный четырьмя рядами овалов из погребения в Николаевке-Козацком (раскопки М. Эберта, 1912 г.) [110].

Фибулы Черняховского могильника

В списке инвентаря, приложенном к отчету В. В. Хвойки, значится «29 бронзовых фибул, цельных и поврежденных огнем» [111]. В инвентарную книгу археологического отдела Киевского исторического музея было записано 32 фибулы, в том числе 28 бронзовых (№ 8399—8423, 8483, 8486—8487), 2 серебряные (№ 8484 и 8485) и 2 железные (№ 8551 и 8553).

Сведения о том, из каких погребений происходят те или другие фибулы, крайне ограничены. Согласно «Новой описи» от 17 апреля 1901 г. две фибулы были найдены в погребении № 58 (№ 262, 263), обломки фибул — в погребении № 109 (№ 269—271), части фибул — в погребении № 127 (№ 280, 281), часть фибулы (№ 286) — в разрушенном погребении (без номера). Согласно отчету «часть бронзовой фибулы» была встречена в трупосожжении № 23;

---

[110] Э. А. Сымонович. Стеклянная посуда середины I тысячелетия н. э. с Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 22—23, рис. 4, *9*; А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. V. Київ, 1952, стр. 61—62; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 152—155; В. К. Гончаров и Є. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 134, рис. 11, *10*. На Западе аналогичные типы выделены Эггерсом. Сосуды полукруглой формы с реберчатым бочком значатся у Эггерса под № 205—207 (карта 55), стаканоподобный цилиндрический сосуд близок типу № 230, конический (№ 3443) отвечает типу № 235. H. J. Eggers. Der römische Import in freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. I. Hamburg, 1951. Karten.

[111] Дело АК 29/1900, § 5.

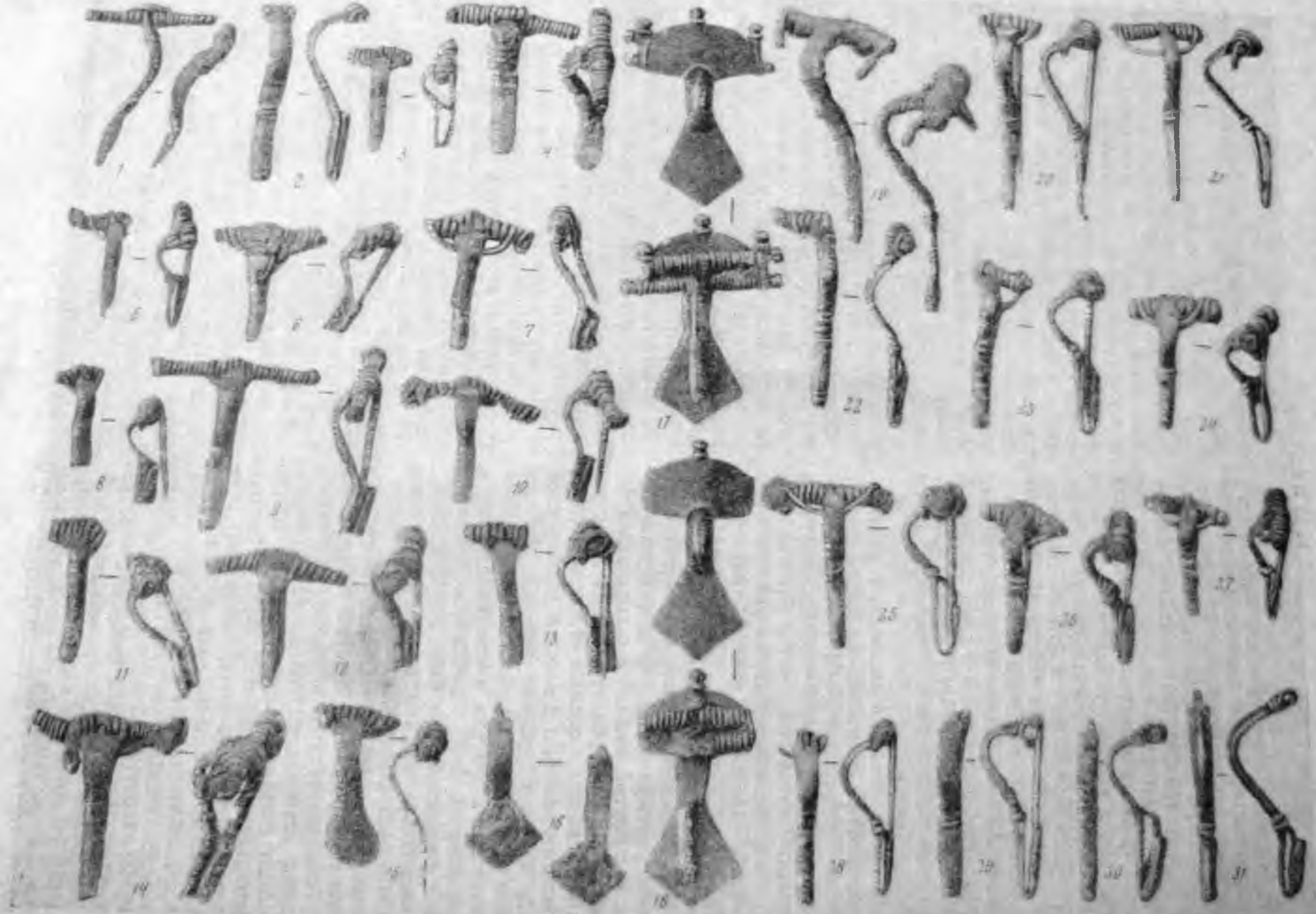

Рис. 11. Фибулы (*1—31*)

в трупосожжении № 119 была «наполовину расплавленная бронзовая фибула»; в детском погребении № 114 две бронзовые фибулы лежали «на груди»; в трупоположении № 127 бронзовая фибула (№ 280, 281) показана как лежащая «на левом плече скелета». В Записках Русского археологического общества, т. XII находки фибул упомянуты всего лишь в двух случаях: «наполовину расплавленная бронзовая фибула» отнесена к трупосожжению № 119; «на обоих плечах (скелета) по одной серебряной фибуле римского типа» имелось в погребении № 160. Таким образом, находки фибул засвидетельствованы в семи погребениях (№ 23, 58, 109, 114, 119, 127, 160), а также еще в одном разрушенном погребении, номер которого не указан.

Имеющиеся сведения позволяют подтвердить, что фибулы сжигались на костре вместе с умершим (погребение № 119); в трупоположениях при наличии одной фибулы, последняя укреплялась на левом плече (погребение № 127) и в погребениях с двумя фибулами они укреплялись на обоих плечах (погребение № 160).

По своим типологическим признакам фибулы Черняховского могильника могут быть разбиты на четыре группы: 1) арбалетные фибулы с подогнутой ножкой и с подвязным иглодержателем; 2) арбалетные фибулы с закрытым боковым замком-иглодержателем; 3) арбалетные фибулы с плоской ромбической ножкой; 4) двухщитковые фибулы. Фибулы первой и второй группы составляют большинство, их всего 27, в том числе 1 железная и 26 бронзовых; фибул с ромбической ножкой две, обе бронзовые (№ 8486 и 8487); двухщитковых фибул также две, обе серебряные (№ 8484 и 8435, рис. 11).

Подобный состав комплекса, в котором преобладают арбалетные фибулы с подвязным или с боковым закрытым иглодержателем, а все прочие встречаются только как исключение, может считаться характерным не только для Черняхова, но и для всех других памятников этого культурного типа, вообще для данного хронологического периода, и может рассматриваться как признак, ближайшим образом определяющий круг памятников, аналогичных Черняхову.

Бронзовые арбалетные фибулы из Черняхова, все без исключения, небольших размеров, от 2,5 см до 5,1. Из них 3 фибулы длиною 2,5 см и 2,8 см; 10 фибул — от 3 до 3,8 см; 11 фибул — от 4 до 4,9 см; 2 фибулы — 5 и 5,1 см. Железная фибула — наибольшая, длиною 5,7 см.

Рассматривая конструкцию черняховских арбалетных фибул, необходимо учесть ряд обстоятельств. Развитие технологии производства — существенная черта, отличающая черняховское время от предшествующего периода, времени позднего латена. Фибулы латенской схемы сделаны из одного куска проволоки, которая соответственно гнулась и расклепывалась. В черняховское время подобного типа одночленные проволочные фибулы выходят из употребления. Они уступают место фибулам усложненной конструкции. Фибулы новой конструкции, входящие в употребление в черняховское время, по большей части трехчленные, состоящие из нескольких частей, изготовлявшихся каждая в отдельности, а именно из стержня, оси и пружины. Пружина образует обычно тетиву и иглу. Из этих изготовленных в отдельности частей собиралась фибула. При этом, в ряде случаев, стержень делался из бронзы, тогда как ось была железной.

Новое, что приносит с собой черняховское время в массовом производстве фибул,— это переход от одночленной конструкции к многочленной, от простой к сложной, сборка фибулы из отдельных частей, отказ от проволочной основы, арбалетное устройство пружинного аппарата, массивный пластинчатый стержень, выпуклый или плоский реберчатый, украшенный часто прямоугольными фасетками.

Тетива у арбалетных фибул Черняховского могильника, как правило, длинная с тем, однако, отличием, что у некоторых фибул тетива отходит непосредственно от самого края оси, как, например, у фибул № 8483 и 8489, тогда как у других экземпляров фибул тетива отгибается на некоторое расстояние от края (№ 8408, 8420, 8423 и др.). Иногда тетива бывает короткая. В этих случаях она отгибается вблизи ушка и соответственно в виде узкой петли охватывает снизу головку стержня. Таковы № 8399, 8406, 8421 и пр.

У многих фибул с удлиненной осью обычно не вся проволока, намотанная на ось, образует работающую пружину. Частично пружина представляет собою так называемую ложную спираль. Чтобы пружина не соскальзывала с оси, с этой целью концы оси закрепляются круглыми или граненными шишечками-заклепками.

Устройство иглодержателя (замка) черняховских фибул унаследовано от предшествующего периода. Как и у фибул позднелатенской

схемы, иглодержатель черняховских фибул бывает точно так же двух видов. Он образуется или подогнутой ножкой с подвязными концами или расклепанным и отогнутым в боковую сторону краем стержня.

В Черняховском могильнике арбалетных фибул с подогнутой ножкой и подвязным замком-иглодержателем было, по нашим подсчетам, на общее числе фибул 32 преимущественное большинство, а именно: 17 экземпляров. Из них одна — железная (№ 9551), остальные бронзовые (№ 8400, 8403—8404, 8407—8409, 8411—8415, 8419—8420, 8423, 8483). Арбалетных фибул с закрытым боковым замком-иглодержателем было около 10 (№ 8399, 8401—8402, 8410, 8414, 8416, 8418, 8421—8422).

Фибул с ромбической щитковой ножкой было найдено всего две (№ 8486 и 8487). По своей конструкции они могут рассматриваться как позднейшее видоизменение основного типа арбалетных фибул, как переходное звено от арбалетных фибул к двухщитковым. Они соединяют особенности тех и других, удерживают арбалетную конструкцию пружинного аппарата с нижней тетивой и ложной спиралью, как об этом упоминалось выше. Плосковатый, слегка выпуклый стержень, украшен, как обычно, прямоугольными фасетками. Отличие сводится к форме ножки. Ножка приобретает вид плоского щитка удлиненной ромбической формы наподобие ножки двухщитковых фибул. Иглодержатель закрытый боковой (у данных фибул из Черняхова отсутствует).

Двухщитковых фибул также было всего две. Обе они были обнаружены в одном и том же погребении со склепом, № 160, наиболее богатом и многоинвентарном. Впрочем, именно эта особенность и уточняет общую ситуацию. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что это серебряные фибулы (№ 8484 и 8485). У них верхний щиток полукруглый, тогда как щиток ножки удлиненный ромбический. Щитки соединены между собою короткой сильно вытянутой, почти полукруглой дужкой. Пружинный аппарат сложный. Он укреплен с внутренней стороны щитка и имеет двойную пружину. Две железные оси с намотанной на них бронзовой проволокой расположены параллельно. Игла помещена на середине нижней оси. Концы осей заканчиваются головками-шишечками сбоку и сверху. Такая же шишечка насажена на верхний край полукруглого щитка. Иглодержатель боковой, прикреплен к нижнему ромбическому щитку ножки.

Не подлежит сомнению, что шишечки полукруглой формы с узким перехватом в основании, насаженные на края оси черняховских двухщитковых фибул, развились из небольших шишечек-заклепок, закрепляющих пружину арбалетных фибул, как об этом говорилось выше. Эти последние постепенно утрачивают свое первоначальное функциональное назначение и превращаются в выступы, украшавшие головной щиток. Не исключена возможность, что пальчатые фибулы возникли и развились из этих орнаментальных выступов.

Можно думать, что однощитковые арбалетные фибулы с ромбической ножкой и двухщитковые фибулы появились почти одновременно, как это и засвидетельствовано их совместной находкой в инвентаре Черняховского могильника.

Появление верхнего щитка привело к изменениям в конструкции пружинного аппарата. Как уже указывалось, исчезает арбалетная конструкция пружинного аппарата, ось с намотанной на нее проволокой укрепляется теперь не в ушке стержня, а на обратной стороне щитка, что позволило удвоить число пружин, увеличить их размеры, удлинить ось, придать самостоятельное декоративное значение головным шипам, увеличив их число и изменив их форму.

Пряжки

Согласно основному инвентарному списку, представленному В. В. Хвойкой в Археологическую комиссию [112], в Черняховском могильнике было встречено 27 бронзовых пряжек, 2 серебряные пряжки и 6 железных пряжек, не считая фрагментов. В дополнительном списке (№ 7) значатся 4 бронзовые пряжки и 1 костяная. В фондах Киевского исторического музея в инвентарной книге была записана 31 пряжка, из них несколько серебряных (№ 8494, 8495, 8500), 4 железных (№ 8524, 8549, 8556), остальные бронзовые (рис. 12).

Любопытно отметить, что «костяное кольцо, заменявшее пряжку», было найдено в самом богатом погребении № 160. Аналогичная находка отмечена также в погребении скорченника: «При скелете погребения № 76 найдена у поясницы костяная пряжка». В Записках Русского археологического общества, т. XII В. В. Хвойка сообщает о находках пряжек в погребениях № 54 и 87.

[112] Дело АК № 29/1900.

В Черняхове не встречено ни особенно малых, ни особенно крупных пряжек — черта присущая инвентарю памятников черняховского периода в отличие от последующего, послечерняховского времени, когда получают распространение пряжки нарочито крупных размеров с массивными орнаментированными щитками (обоймами), а также миниатюрные пряжки для портупей и застегивания ремней на обуви. Самая малая пряжка, встреченная в Черняхове, была длиною 1,8 см (№ 8512), самая крупная — 4,5 см (№ 8501). Наибольшее число (14 экз.) приходится на пряжки длиною 2—2,7 см (№ 8524, 8492—8493, 8495, 8500, 8503—8505, 8510, 8514, 8516, 8546, 8549, 8556); длиною 3—3,7 см — около 10 (№ 8494, 8496—8497, 8499, 8506—8509, 8518); длиною 4,1—4,5 см — 4 (№ 8498, 8501—8502, 8517). Размерами пряжек определяется ширина ремня. В основном это были узкие ремни (шириною около 2—3 см). Более широких было сравнительно немного.

Среди пряжек Черняховского могильника мы различаем две группы — пряжки с щитком и пряжки без щитка. Те и другие встречаются приблизительно в одинаковом количестве. Пряжек с щитком насчитывается 15, пряжек без щитка — 16 экз. Щитки, как правило, двухпластинчатые. Пластинки щитка загибались вокруг задней стороны кольцевой дужки, ее основания и затем скреплялись 1—4 штифтиками (шпеньками) в зависимости от формы и размеров щитка. Большинство щитков прямоугольные или квадратные (11 экз.); овальный щиток у трех пряжек (№ 8481, 8502, 8506); одна пряжка имеет фигурный трехлепестковый щиток (№ 8498). По своим размерам дужки пряжек с щитком больше дужек бесщитковых. Дужки последних обычно бывают длиною 2—2,6 см (№ 8492—8495, 8503, 8505, 8509, 8510 и др.), тогда как дужки у пряжек с щитком — 3—4,5 см (№ 8496—8499, 8501—8502, 8506—8508 и т. д.).

Кольцевые дужки пряжек Черняховского могильника по своей форме довольно разнообразны. Среди них различаются: а) круглые (№ 8502—8503, 8506, 8510); б) овальные с незначительным утолщением на передней стороне — свободном крае дужки (№ 8496, 8504, 8509); в) овальные сплюснутые, несколько более утолщенные на свободном, переднем конце дужки; они составляют преимущественное большинство (№ 8494—8495, 8499, 8501, 8507, 8512, 8516); г) овальные с сильно утолщенным тонким краем на задней стороне, к которой прикрепляется язычок (№ 8491—8493, 8498). Отличительной особенностью пряжек № 8491 и 8493 является то, что у них задняя часть дужки тонкая и прямая. У пряжек № 8511 и 8515, имеющих прямое основание дужки, гораздо более широкое отверстие по сравнению с остальными.

Костяные гребни

Актовая опись, приложенная к рукописному отчету В. В. Хвойки, называет «23 костяных гребешка и фрагменты»[113]. Согласно записи в инвентарной книге Киевского исторического музея в фонды поступило из раскопок Черняховского могильника 22 гребня — № 8424—8445. В отчете В. В. Хвойки находки гребней упомянуты в инвентаре восьми погребений — № 21, 54, 87, 110, 119, 127, 150, 225. В Записках Русского археологического общества, т. XII гребни отнесены к семи погребениям — № 44, 54, 87, 110, 119, 150, 225. В «Новой описи», пересоставленной дополнительно 17 апреля 1901 г., приведены данные относительно 11 погребений, в которых были обнаружены гребни, а именно: погребение № 21 гребень № 256, погребение № 54—№ 258, погребение № 58—№ 260, погребение № 86—№ 266, погребение № 87—№ 268, погребение № 110—№ 276, погребение № 119—№ 278, погребение № 127—№ 279, погребение № 165—№ 283, погребение № 185—№ 284, погребение № 225—№ 285. Таким образом, из 22 гребней, значащихся по инвентарной описи, удается связать с отдельными погребениями 13 гребней (погребения № 21, 44, 54, 58, 86, 87, 110, 119, 127, 150, 165, 185, 225).

В могилах гребень лежит обычно у головы или же у пояса. Так, в погребении № 21 гребень лежал «с правой стороны у бедра» (Дело АК № 29/1900); в погребении № 44 «у плечевой кости с левой стороны» (ЗРАО, т. XII, стр. 181); в погребении № 54 «у поясницы с правой стороны» (ЗРАО, т. XII, стр. 181); в погребении № 110 «над головой стояла миска, а немного в стороне от нее — костяной гребешок» (ЗРАО, т. XII, стр. 179); в сожжении № 119 «вокруг костей» лежал «несколько в стороне костяной гребешок» (ЗРАО, т. XII, стр. 176); в погребении № 127 гребень был найден «с левой стороны головы между сосудами» (Дело АК 29/1900); в погребе-

[113] Дело АК № 29/1900.

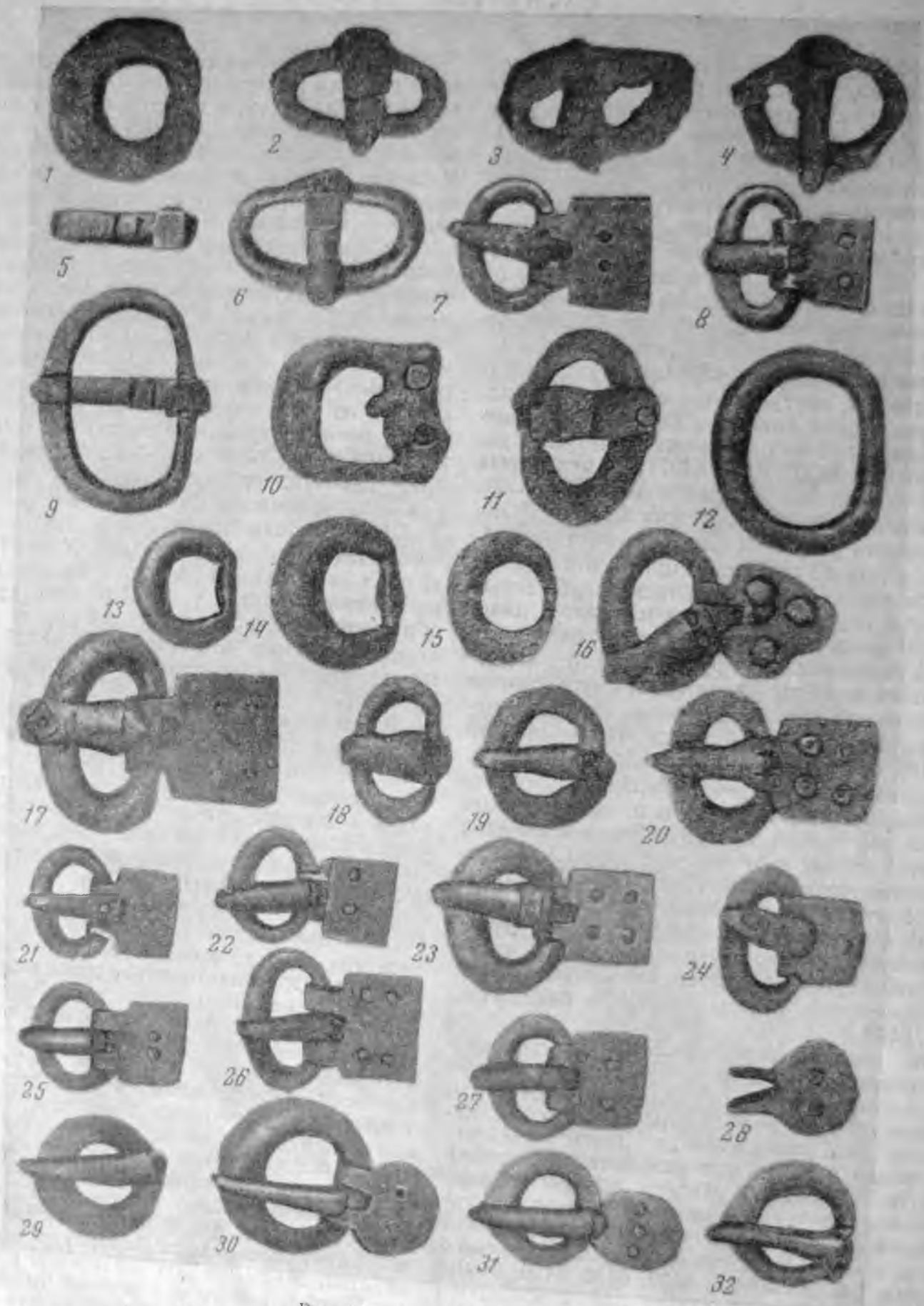

Рис. 12. Пряжки (*1—32*)

нии № 150 гребень был «с правой стороны головы» (ЗРАО, т. XII, стр. 179); в погребении № 225 гребень обнаружен был «в западной стороне ямы, за сосудами» (ЗРАО, т. XII, стр. 176). Очевидно, гребни носили в волосах или же их подвешивали к поясу.

По способу изготовления гребни однопластинчатые и многопластинчатые. Однопластинчатых гребней в Черняхове всего один — № 8424. По своей форме он не отличается от многопластинчатых. Последние (они собственно трехчастные) состоят из двух наружных пластин и внутренней, расчлененной на небольшие дольки. Наружные пластины образуют рукоятку гребня, внутренняя — снабжена зубцами. Скрепляются пластины бронзовыми гвоздиками или трубочками и реже железными заклепками (№ 8427, 8429, 8437); у некоторых гребней — бронзовыми и железными (№ 8437).

Гвоздики располагаются симметрично. Они используются как для скрепления частей гребня, так и для образования орнамента. Чтобы скрепить дольки внутренней части, снабженные зубцами, и перекрывающие их наружные пластины, гвоздики забивались в один ряд вдоль нижней горизонтальной ручки. Другой ряд располагается по овалу рукоятки. Наряду с этим у большинства гребней в верхней части корпуса пластины бывают сбиты двумя гвоздиками (№ 8425, 8434, 8435, 8439, 8440, 8445 и др.).

По своей форме гребни Черняховского могильника могут быть разбиты на две основные группы: а) гребни с овально или конически выгнутой ручкой и б) гребни с особо выделенным прямоугольным корпусом и надстроенным над корпусом верхним выступом (рис. 13). Для гребней первой группы характерна нерасчлененность плоскости ручки. Рукоять гребней этой группы образует целостную сплошную плоскость. Таковы гребни № 8432, 8433, 8441, 8443.

За исключением перечисленных гребней, все прочие должны быть отнесены ко второй типологической группе. Характерной особенностью гребней этой группы является расчлененная плоскость рукояти. Здесь выделены основание рукояти, плечики, а также верхний выступ. Основание рукояти обычно прямоугольное; плечики — прямые, короткие или удлиненные. Верхний выступ над корпусом может быть: а) средневысокий или высокий, овальной формы (№ 8435, 8438, 8439, 8440, 8426, 8430); б) невысокий, с овальным или плосковатым верхним краем (№ 8429, 8431, 8434); в) с ровным верхним краем (№ 8443, 8444).

Некоторые дополнительные отличия сообщает гребням контурный рисунок боковых сторон выступа. Боковые стороны бывают овальными, как например у № 8429, почти отвесно прямыми, как например у № 8435, 8439, 8444. У гребня № 8445 прямой, плоско срезанный верхний край выступа и вогнутые, полого спускающиеся к плечикам боковые стороны.

Гребни в инвентаре Черняховского могильника по большей части просты, свободны от какой-либо вычурности или излишеств в орнаментации. Гребень № 8428 представляет собою исключение. Это многочастный, трехпластинчатый гребень с прямоугольным корпусом и овальным, высоким, несколько вытянутым выступом, но у него фигурно оформленные плечики с резными тройными выступами по краям и, кроме того, глубокая борозда окаймляет края рукояти, орнаментированной двойным рядом циркульных кружков.

Орнаментация кружками встречается также у некоторых других гребней. У № 8424 три кружка симметрично расположены вдоль верхнего края рукояти; у № 8429 пять кружков образуют крестообразную фигуру в центре выступа. Центр выступа у № 8427 занимают пять концентрически прочерченных кружков.

В заключение раздела отметим, что гребни могут служить прекрасным материалом при типологическом членении культур. Так, в послечерняховское время получают распространение узкие и длинные гребни часто с двухсторонними зубцами. Таких гребней нет в Черняхове. Для памятников черняховской культуры они вообще не характерны.

Наряду со всем сказанным, гребни весьма показательны для постановки вопроса о степени развития ремесла в черняховское время. Многочастные, трехпластинчатые гребни свидетельствуют о развитом разделении труда. Их изготовление требовало кооперирования. Костерезное дело явно обособилось, выделившись в отдельный специализированный промысел. Косторезу нужна была не только кость, заготовленная в достаточном количестве, но и мелкие гвоздики, специализированный инструментарий, так как трудно думать, чтобы гребни изготовлялись при помощи одного только ножа. Изготовление гребней включало ряд работ — заготовку сырья, резку или распиловку кости, шлифовку поверхности, сборку и крепление пластин, орнаментацию бороздками и кружками. Процесс работы над гребнем был не менее сложен, чем изготовление фибулы или пряжки.

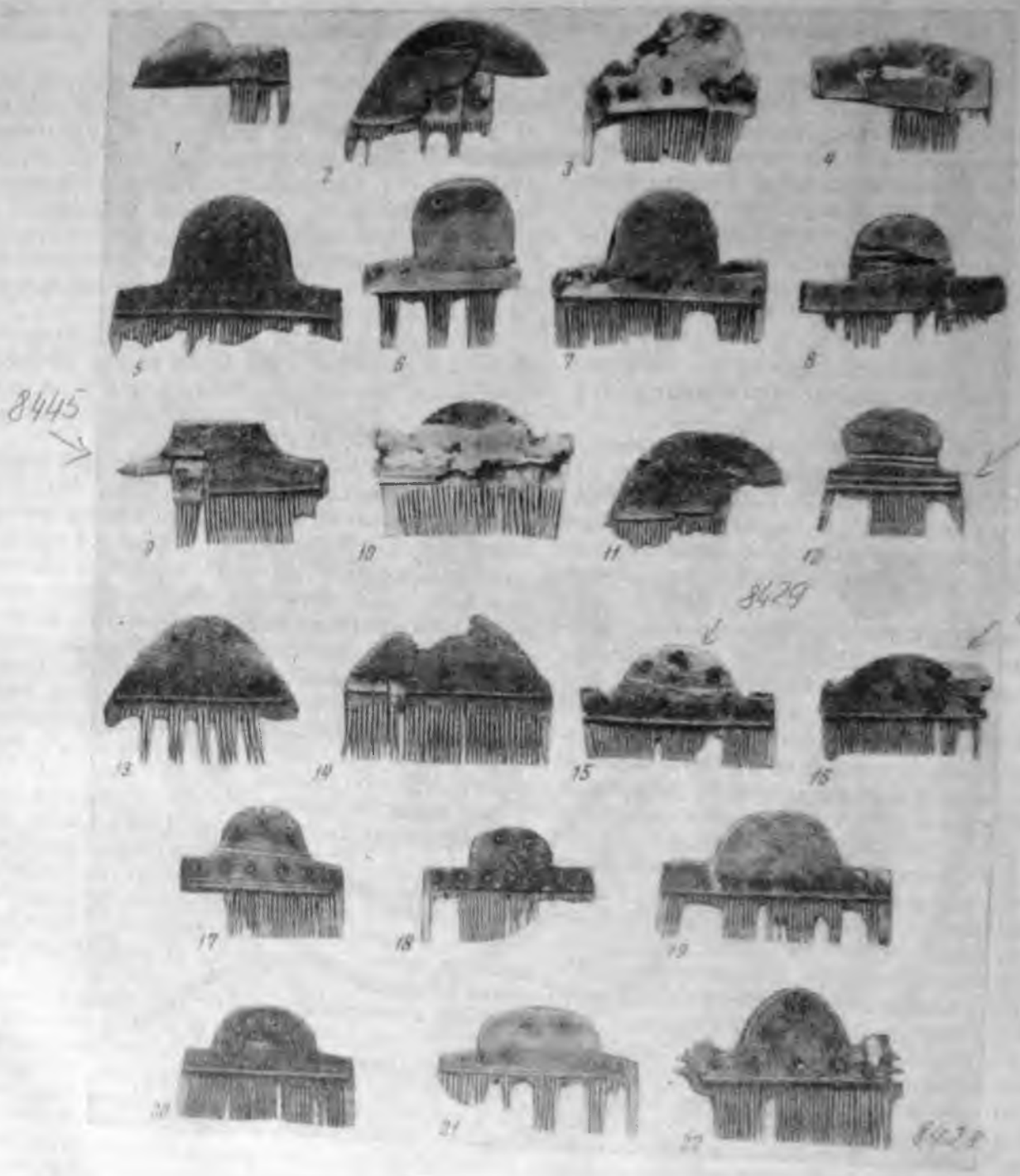

Рис. 13. Гребни (*1—22*)

Подвески

Подвески (подвески-раковины, костяные пирамидки, лунницы, железные ведеркообразные подвески и т. д.), а также прочие украшения разного рода, в том числе колечки из бронзы и серебряной проволоки, серебряные и бронзовые нашивные пластинки, поясные бляшки и пр. вообще немногочисленны и часто представлены единичными экземплярами.

Прежде всего нужно отметить четыре однотипные подвески-раковины — № 8519, длина 4 см (рис. 14, *1*); № 8520 (рис. 14, *16*), длина 6,8 см; № 8521 (рис. 14, *19*) и № 8522 длина 5,7 см (рис. 14, *6*). Все они на удлиненном конце имеют сквозное отверстие. У двух (№ 8519 и 8522) сохранились бронзовые колечки (диаметр 1,7 и 1,8 см).

В. В. Хвойка обычно говорит о находках речных ракушек, служивших для еды (погребение № 150 и сравним погребение № 180). «Подвеска из морской раковины с бронзовым колечком», лежавшая несколько выше поясницы, указана при описании погребения № 54.

Высокая, узкая, расширяющаяся книзу костяная подвеска, № 8521, в виде четырехгранной пирамидки, орнаментирована по боковым сторонам двойными циркульными кружками, расположенными по вертикали (высота 5,7 см, ширина стороны в основании 1,5 см). В верхнем узком крае пирамидки продето бронзовое проволочное кольцо с обвитыми концами (рис. 14, *11*). Единичные находки подобных пирамидок представлены в ряде черняховских памятников, в том числе в могильниках у Новой Александровки, у овчарни совхоза Приднепровского, Вилах Ярузских, в Маслове, из наших раскопок в Лохвице, Косанове и др. По мнению Э. А. Сымоновича, эти подвески с изображениями циркульных кружков могли иметь ритуально-символическое значение в качестве амулетов-оберегов.

В этом отношении заслуживает внимания находка в Черняхове двух плоских пластинчатых подвесок. Обе с загнутым лентовидным ушком. Одна из них — № 8479 — круглой формы (диаметр 2,1 см, высота с ушком 2,4 см, рис. 14, *9*); другая имеет вид лунницы (№ 8480, рис. 14, *13*). Возможно, что подвески были парные и имели ритуально-культовое значение (солнце и месяц). Во всяком случае, при наших раскопках в 1961 г. черняховского могильника в с. Косанове на Южном Буге (Винницкой обл.) в одном трупоположении с северной ориентацией были встречены аналогичные серебряные пластинчатые подвески, они были парные. Едва ли эта повторяющаяся парность является простой случайностью.

В инвентаре могильника имеются три бронзовые кольца (рис. 14, *2—4*), два целые № 8463 (диаметр 2,7 см) и 8647 (диаметр 2,5 см) и одно фрагментированное (№ 8462, длина 2,4 см). Кольца сделаны из тонкой бронзовой проволоки со сплетенными концами.

Кроме проволочных бронзовых колец, в Черняхове встречено одно стеклянное кольцо из темно-синего стекла с плоским щитком — № 8559, диаметр 2 см (рис. 14, *5*).

Остается назвать четыре пластинки — № 8482, 8488, 8489, 8493. Одна из них, № 8482, бронзовая, длинная и узкая (длина 6 см, ширина 0,8 см, рис. 14, *8*); прочие три — серебряные (рис. 14, *10*, *12*, *14*).

Особенно любопытна прямоугольная серебряная пластинка № 8488 (рис. 14, *10*). Она двухпластинчатая, скрепленная вверху фигурным выступом вроде ушка (длина 6,4 см, ширина 1,9 см). Нижняя часть наружной накладной пластинки обломана, на уцелевшей верхней части — штампованный орнамент, в виде 6-лепестковой розетки, под ней волюты, остатки какого-то обломанного изображения. Ввиду ограниченности находок металлических изделий с орнаментом данный фрагмент представляет бесспорный интерес. Пластинка № 8489 имеет прямоугольную форму (рис. 14, *12*). Один конец ее заострен углом; на другом конце укреплены два гвоздика. Длина 4,9 см, ширина 1,7 см. Своеобразный вид имеет пластинка № 8493 (рис. 14, *14*). У нее полукруглые боковые края с 4 узкими своеобразными дырочками. Очевидно, эта пластинка являлась частью какого-то предмета. Длина 3,5 см, ширина 1,5 см.

Две серебряные выпуклые бляшки, полусферической формы, № 8477 и 8478, диаметр 2 и 2,8 см (рис. 14, *17*, *18*), с двумя сквозными дырочками, очевидно, нашивались на ткань или ремень. По мнению С. В. Коршенко, они не имеют отношения к инвентарю могильника. «Нам кажется, что это случайные находки, прямого отношения к могильнику не имевшие. Аналогии известны среди памятников VII в., например, в Келейском кладе (Херсонский музей)» [114]. Подобное предположение не исключено, однако в Молдавии (Лукашевка I), судя по описанию, как будто найдены подобные бляхи.

[114] С. В. Коршенко. Указ. соч., стр. 258.

Рис. 14. Различные украшения (1—39)

Ожерелья. Бусы

В инвентарной книге Киевского исторического музея (стр. 210) находки бус из инвентаря Черняховского могильника записаны в следующем порядке: «№ 8373—8375—3 нитки разного вида бус»; «№ 8377—8378—2 подвески из бус»; «№ 8455—1 двойная буса с позолотой». О находках бус в погребениях могильника В. В. Хвойка сообщает немного. В Записках Русского археологического общества, т. XII при описании погребения № 110 указывается: «...около шеи — много стеклянных бус»; о находках бус в погребении № 150 сказано: «На самом покойнике, кроме одной стеклянной бусины, других предметов не найдено». В богатом погребении № 160 «около шеи скелета найдено множество бус из янтаря, сердолика, стекла и композиции» (*? — В. П.*). Впрочем, бусы служили принадлежностью не только ожерелий. Они также нашивались на пояса. В том же погребении № 160 встречены были «у поясницы — бусы, вероятно, нашитые прежде на материи и служившие украшением пояса».

Бусы из погребений Черняховского могильника были из стекла, стеклянной пасты, сердолика, янтаря и коралла. Янтарная бусина (ее фрагмент, диаметр 1,8 см) представляла собою круглый шар, сплющенный сверху и снизу (рис. 14, *34*). Коралловые имели вид коротких пронизей. В одной из ниток бус (№ 8448) находились две короткие бронзовые трубочки-пронизи, свернутые из бронзового листа, а также зуб животного (рис. 14, *21*). В качестве бусин использовались также речные раковины (рис. 14, *37*).

Стеклянные и пастовые бусины самых разнообразных цветов и оттенков. Стеклянные — синие, светло-голубые, голубые, зеленые и темно-зеленые, фиолетовые, золотистого тона, прозрачные бесцветные с легким желтоватым оттенком и пр. Пастовые бусины встречаются — черные, серые, желтовато-серые, зеленые, красные, белые. Наряду с одноцветными в Черняхове представлены полихромные. В том числе стеклянные цилиндрические бусины с бирюзово-голубыми язычками на темно-зеленом фоне; пастовые в виде короткого цилиндра с желтоватыми и белыми глазками на черном фоне; шарикообразные с красной волнистой линией и т. д.

Столь же разнообразны бусины по своей форме. Среди них мы находим шаровидные, кубические, усеченно-кубические, биконические, цилиндрические, дисковидные, чечевицеобразные, спиральные, дыне- или лимоно-образные, многогранные (6, 12, 14 граней), кольцеобразные в виде единичных колец и в виде нескольких соединенных вместе колечек, вытянутые шарики, соединенные по два или по три, цилиндрические с продольными и с поперечными желобками-перехватами, а также в виде узких трубочек-пронизей зеленого цвета, призматической формы со сжатыми, округлыми и длинными сторонами и др.

Каждое из ожерелий состояло из разнообразных по материалу, по форме и по цвету бусин. Приведем несколько примеров. Так ожерельная нитка № 8374 состояла из стеклянных чечевицеобразных бус синего цвета, пастовых бус зеленого цвета обычной шарикообразной формы, из золотистых стеклянных шарикообразных бус (рис. 14, *20*). В состав нитки № 8449 входили дынеобразные, округловытянутые бусины, стеклянные шарообразные синего цвета, пастовые серого цвета, желобчатые, полихромные и т. д. (рис. 14, *24*). В составе ожерелья № 8375 были одна янтарная граненая бусина, небольшие короткие цилиндрической формы бусины из красной пасты, а также маленькие коралловые пронизи (рис. 14, *25*). Коралловые пронизи и крупная 14-гранная сердоликовая бусина находились в составе низки № 8455 (рис. 14, *26*). Более разнообразен состав ожерелья № 8373: синие цилиндрические бусины, в виде шариков золотистого цвета, синие мелкие и подобные светло-голубые (рис. 14, *27*). Не менее характерен состав ожерелья № 8450. Сюда были включены одна крупная зеленого цвета стеклянная бусина цилиндрической формы с продольными желобками, двойная шариковая, пастовая коротка цилиндрической формы с желтыми глазками на черном фоне, цилиндрическая из серой пасты и др. (рис. 14, *28*). Бусины в виде стеклянных колечек синего цвета и в виде синих небольших шариков составили ожерелье № 8454 (рис. 14, *29*).

Думаем, что приведенных примеров достаточно для общей характеристики ожерелий, встреченных в погребениях Черняховского могильника. Сравнительно-типологический анализ выходит за пределы настоящей публикации.

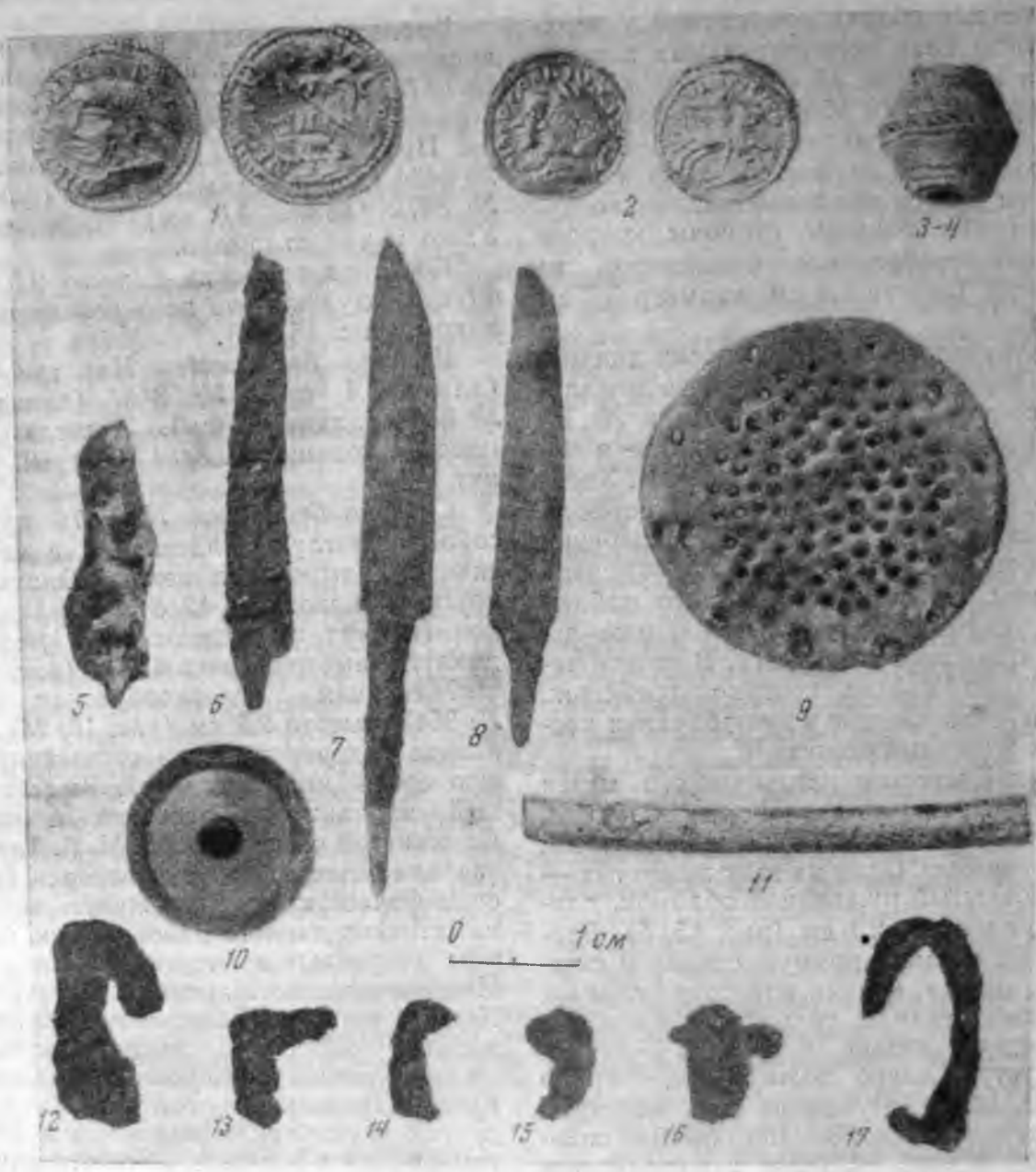

Рис. 15. Различные находки из могильников в с. Черняхов и с. Ромашки.
1, 3 — 17 — Черняхов; *2* — Ромашки

Пряслица, ножи, иглы и другие предметы

В отчете В. В. Хвойки и в Записках Русского археологического общества, т. XII находки пряслиц упомянуты в двух погребениях № 54 и 110. Погребение № 54 принадлежит к числу нарушенных. В сохранившейся нижней части скелета лежали с правой стороны «глиняная пряслица и костяной гребешок». В погребении № 110 встречено два пряслица, одно из них лежало неподалеку от миски с костями поросенка, стоявшей в головах скелета. Кроме этого, «около левой ноги найдена орнаментированная глиняная пряслица».

В фондах Киевского исторического музея из Черняхова сохранялось два пряслица. Одно из них, № 8552, было черного цвета, биконической формы, остроребериое, из двух сложенных основаниями усеченных конусов. По ребру оно орнаментировано рядом косых нарезок в пояске и двух пунктирных ободков. Такие же

двойные точечные ободки прочерчены у верхнего и нижнего края горизонтальных плоскостей. Высота 2,2 см (рис. 15, *3*).

Второе пряслице, № 8552а, было темно-коричневого цвета с гладколощеной поверхностью, биконической формы. Верхняя и нижняя плоскости имели воронкообразные вогнутости. Скошенные боковые стороны конусов покрыты зигзагообразным орнаментом из двойных линий. Высота 1,8 см, диаметр 3,7 см (рис. 15, *10*).

В Деле Археологической комиссии значится в списке инвентаря Черняховского могильника три ножа — № 225 в погребении № 16, № 259 — в погребении № 58 и № 267 — в погребении № 87 [115]. Согласно отчету В. В. Хвойки в погребении № 16 «у затылочных костей за головой лежал железный нож». В погребении № 87 находка ножа точно так же отмечена вблизи головы. Здесь, как это часто наблюдается в черняховских могильниках, нож лежал вместе с костями животного. В отчете читаем: «у головы найден костяной гребешок, а за головой — сложенные в кучу бараньи кости и при них железный ножик» [116].

В фондах Киевского исторического музея имелось четыре ножа из раскопок могильника, три из них — железные, один — бронзовый. Все они черенковые. Один из трех железных — № 8558 — покрытый ржавчиной обломок, длиною 5,6 см, шириной 2,1 см (рис. 15, *5*). Второй — № 8554 — имеет прямую спинку и слегка вогнутое лезвие, кончик которого отломан; черенок также отломан, сохранился частично, при переходе от лезвия к черенку — прямоугольный уступ, длина ножа 9 см, ширина 1,2 см (рис. 15, *6*). Лучше из всех железных ножей сохранился № 8475. У него прямая спинка и прямое лезвие, округлое суживающееся вверху к острию. Черенок имеет вид вытянутого прямоугольника, при переходе от лезвия к черенку — прямоугольный уступ, совершенно такой же уступ при переходе от спинки к черенку. Длина ножа с черенком 12,6 см (рис. 15, *7*).

Что касается бронзового ножа — № 8476, то он похож на предыдущий. У него точно такая же прямая спинка и прямое лезвие, которое суживается к острию. Черенок короткий, отделен от спинки прямоугольным уступом, от лезвия — небольшой углубленной щербинкой. Длина бронзового ножа 9,2 см (рис. 15, *8*).

Бронзовые иглы в инвентаре могильника представлены 5 экз. Лучше сохранилась игла № 8473, длиною 8 см. Игла снабжена ушком, образованным загнутым плоским краем стержня. Прочие иглы — № 8466 (длина 3,5 см), № 8464 (длина 3,9 см), № 8470 (длина 3,5 см), № 8472 (длина 4,6 см) — фрагментированы. Ушко у них отломано.

Костяная трубочка длиною 9,5 см, полая внутри, служила, по всей вероятности, игольником (рис. 15, *11*).

Шилья, бронзовые. Их три — № 8464 (длина 3,4 см), № 8467 (длина 5,4 см), № 8468 (длина 4,9 см). У шила № 8467 — плоский конец; у № 8464 — острый конец согнут.

Ситечко бронзовое № 8476 представляет собой круглую пластинку с множеством сквозных дырочек в центре. Вдоль края по кругу расположено 12 отверстий для гвоздиков (из них сохранилось два медных гвоздика), диаметр ситечка 6,7 см (рис. 15, *9*).

Железная ведеркообразная подвеска № 8545, высота 2,7 см (рис. 15, *16*). Подвески в виде ведерок вызвали оживленную дискуссию среди исследователей. Выделяя локальный вариант черняховских памятников в порожистой части Днепра, М. А. Тиханова высказала мнение, что эти ведерки составляют специфическую принадлежность черняховских памятников данного района. «Так, в Привольном встречаются отсутствующие в Среднем Поднепровье, но широко распространенные в Повисленье железные ведеркообразные подвески» [117]. Бесспорно, ведеркообразные подвески характерны для порожистой части Днепра. Кроме Привольного, они встречены также в других могильниках, например в Ново-Александровке и в Каменке, но они типичны вместе с тем вообще для черняховских памятников. Назовем, кроме Черняхова, также Будешты, Лохвицу, Косаново. Поскольку, наряду с этим, находка подобных подвесок засвидетельствована в памятниках предшествующего периода, например, в Золотой балке на нижнем Днепре и в пшеворских памятниках Повисленья, то мы должны будем признать, что в инвентаре черняховских памятников ведеркообразные подвески были унаследованы от дочерняховского периода. В результате должно отпасть предположение о происхождении этих подве-

[115] Дело АК № 29/1900, л. 7.
[116] То же в ЗРАО, т. XII, стр. 179.
[117] М. А. Тиханова. Указ. соч., СА, 1957, IV, стр. 175; А. Т. Брайчевская. Указ. соч., МИА, № 82, 1960, стр. 189; Г. Б. Федоров. Указ. соч., МИА, № 89, 1960, стр. 146—147.

сок как от сарматов, так и от готов. Этническое определение находок здесь не может иметь места.

Монеты, найденные при раскопках Черняховского могильника, подробно описаны и исследованы в свое время С. В. Коршенко. Приводим здесь его описание.

«Монет найдено в Черняховском могильнике три экземпляра: в погребении № 160 — две, серебряная и золотая, и в разрушенном погребении (номер погребения В. В. Хвойка не приводит) — одна серебряная [118]. Последняя определена В. В. Хвойкой как денарий Антонина Пия (138—161 гг. н. э.), упоминается им в его публикации [119] без определения, а в его рукописном отчете с приведенным выше определением. Куда поступила монета неизвестно. Однако в архиве В. Г. Ляскоронского я нашел зарисовку ее. По его зарисовке, достаточно отчетливой, монета вполне поддается определению. Это денарий Антонина Пия 160 г., на лицевой стороне голова императора в лавровом венке, вправо... ONINVS AVG PIVS TR P XXIII; на обороте PACI AVG COS IIII; фигура, изображающая мир, с оливковой ветвью и скипетром стоит влево [120]. Исключительный интерес представляет находка двух монет в погребении № 160. Как сообщает В. В. Хвойка, обе монеты были найдены завернутыми в ткань и лежали под спиной костяка. Золотая монета находится в собрании КИМ (КГИМ); серебряная поступила в МГИМ [121]. Благодаря помещенной в статье В. В. Хвойки репродукции, хотя и довольно плохой, было возможно определить монету [122]. Это денарий Фаустины Младшей, супруги императора Марка Аврелия, умершей в 175 г. Подобный тип помещен у Коена под № 69 (или 70) (№ 70 отличается от № 69 наличием диадемы на голове Фаустины, что по плохой репродукции у В. В. Хвойки установить трудно). На лицевой стороне монеты изображена голова Фаустины и круговая легенда FAVSTINA AVGUSTA. На оборотной стороне — изображение трона с играющим возле него Коммодом и его братом Антонином — над их головами две звезды. Круговая легенда SAECVLI FELICIT. Вторая в погребении № 160, золотая, подражание ауреусу III в. императора Гордиана, голова императора в лавровом венке, влево. Круговая легенда почти не искажена, если не учитывать самого начертания букв IMP GORDIAN SA... Реверс представляет искаженный тип с крылатой фигурой Победы, которая изображена влево. Она держит обеими руками пылающий факел. В поле — неясная фигура, несколько напоминающая модиус с колосьями. Круговая легенда NIC PISAVTOR (рис. 15, *1*)» [123]. Находки римских монет известны и по раскопкам других черняховских памятников (рис. 15, *2*). В Черняхове они происходят из могил, что облегчает их датировку.

С 1900—1901 гг., когда В. В. Хвойка производил раскопки Черняховского могильника, определение его хронологических рамок — II—V вв. н. э.— остается неизменным. Во всяком случае, на данном уровне наших знаний у нас пока нет сколько-нибудь достаточных оснований для их исправления и пересмотра.

---

[118] О приведенной у В. Г. Ляскоронского в его рукописной «Карте находок монет на территории Среднего Приднепровья» находке в 1897 г. в Черняхове шести серебряных римских монет автор статьи не говорит, поскольку из текста В. Г. Ляскоронского не видно, имела ли место эта находка на территории могильника или нет.

[119] ЗРАО, т. XII, стр. 173.

[120] Cohen, Description historique des monnaie frappées sous l'Empire romain, v. II. Paris, 1859, p. 303, N 202.

[121] Отчет Императорского российского исторического музея в Москве за 1908 г. М., 1909, стр. 17, табл. II, 8.

[122] ЗРАО, т. XII, стр. 174.

[123] С. В. Коршенко. Черняховский могильник. Рукопись. Архив ИА АН УССР, стр. 95—96.

В. П. Петров

МАСЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК НА Р. ТОВМАЧ

(по материалам раскопок П. И. Смоличева и С. С. Гамченко в 1926, 1928 и 1929 гг.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для изучения археологических памятников первых веков новой эры важное значение имеют материалы раскопок могильника у с. Маслова Златопольского р-на Кировоградской обл., на р. Товмач. По объему раскопанной площади, числу вскрытых погребений, разнообразию и богатству добытого инвентаря, материалы из с. Маслова, вместе с материалами Черняхова, составляют основной, исходный фонд при установлении типологических признаков той археологической культуры, которую со времен В. В. Хвойки мы обозначаем как черняховскую.

Раскопки В. В. Хвойки в 1899 г. в Ромашках и в 1900—1901 гг. в Черняхове положили начало исследованию памятников черняховского типа. Раскопками Масловского могильника в 1926—1929 гг. был сделан следующий шаг в определении культурного типа.

Задача настоящей публикации заключается в том, чтобы дать по возможности исчерпывающее исследование о Масловском могильнике и в первую очередь ввести в научный обиход материалы раскопок, хранящиеся в научных архивах и музейных хранилищах.

В работу включены материалы, характеризующие обряд погребения. Подробное описание и сравнительная характеристика инвентаря должны составить содержание последующей публикации.

В основу положены следующие источники:

а) инвентарь из раскопок могильника, находящийся в музее г. Черкассы;

б) отчетные материалы о раскопках 1926 г.: 1) П. І. Смолічев, с. Маслово, Черкаської окр., Златопільського р. Вересень, р. 1926. Дневник розкопок 19—26/IX. 1926. ИА АН УССР, ф—6, № 42, стр. 1—64; 2) П. І. Смолічев. Археологічні досліди в околицях могильника Златополя на Черкащині року 1926. Отчет в Архиве ИА АН УССР, ф—6, № 43, стр. 1—16, с приложением «Реестра речей, шо їх знайдено було під час розкопів в с. Маслові в м-ці вересні р. 1926», стр. 1—15. Архив ИА АН УССР; 3) статья П. Смолічева в «Коротких звідомленнях ВУАК'у за 1926 рік». Київ, 1927, стр. 154—166;

в) отчетные материалы С. С. Гамченко о раскопках в Маслове в 1928 и 1929 гг., хранящиеся в Архиве ИА АН УССР, а именно: 1) С. С. Гамченко. Археологічні досліди року 1928 на Шевченковщині, ф — АГ, № 120, стр. 1—34-1; 2) С. С. Гамченко. Археологічні досліди р. 1929 у с. Маслової, в комуні Надії, с. Андріївці і Турійському хуторі, Златопільського району, та в с. Березняках, Смілянського району на Шевченковщині 19.V.1930, ф — АГ, № 20; 3) Дневник раскопок С. С. Гамченко в с. Маслово, 1928 г. 7.VII—20.VII, фото и рисунки, ф — АГ, № 20.

На основании перечисленных источников в 1937—1938 гг. нами была написана работа о Масловском могильнике, переработанная повторно в 1952—1957 гг.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ МАСЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник у с. Маслово расположен к северу от села на правом возвышенном берегу р. Товмач.

Топографические условия, в которых расположен Масловский могильник, не отличают его от других черняховских памятников. Местность к северу от с. Маслово с выявленным здесь могильником представляет береговую надпойменную возвышенность. Постепенно, к югу, возвышенность полого спускается к речке, текущей по дну глубокой низинной поймы. Поле, охватывающее плато к северу от села, между селом и речными склонами, использовалось местными крестьянами как пастбище. К моменту раскопок оно имело вид треугольника, ограниченного с юго-запада крестьянскими усадьбами, с юго-востока — береговым обрывом над речкой, а с севера — балкой, перерезающей плато. Балка, ограничивающая поле с севера, постепенно расширяясь, выходит своим устьем к речной долине [1]. Здесь находилось глинище, где крестьяне брали глину. Глинище ограничивали две дороги. Одна из этих дорог, полевая, проходила на плато вдоль сельских усадеб по западному краю пастбища; другая, нижняя, соединявшая с. Маслово и с. Нечаевку, спускаясь от села вниз в речную долину, шла вдоль юго-восточного края береговой возвышенности под ее склонами. Между этими двумя дорогами на глинище и был обнаружен могильник. Отдельные предметы и человеческие кости попадались главным образом в северо-западной стороне глинища. Здесь верхний черноземный слой достигает повсеместно глубины в 0,9 м, под ним залегает лёсс.

[1] «Через всю площадь треугольника, ближе к северному его краю, с востока на запад, от одной дороги к другой, раньше проведена была канава, остатки которой заметны еще и теперь. На север от канавы, в западной части треугольника, имеется довольно глубокая яма — след от ветряной мельницы, когда-то стоявшей тут. Поверхность треугольника ровная; никаких признаков могильных насыпей, хотя бы самых незначительных нет. В этом-то глинище, особенно в северо-западной его части, крестьяне находят погребения; в ближайшей к селу южной части глинища, по словам крестьян, никаких находок не встречается». П. Смолічев. Археологічні досліди в околицям м-ка Златополь на Черкащині, стр. 127.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА

Первые известия о находках «археологических сосудов» при добывании глины у с. Маслова поступили в ВУАК от Кировоградского музея в феврале месяце 1926 г. [2] Летом подобные сведения были получены ВУАК от Черкасского музея. По инициативе Черкасского музея, в Маслове были организованы раскопки могильника [3].

Для производства раскопок ВУАК направил в Маслово П. И. Смоличева. В сотрудничестве с директором Черкасского музея Д. А. Бочковым П. И. Смоличев приступил к работам, первоначально имея в виду «выявить прежде всего на уцелевшей еще площади границы могильника». Однако непосредственная угроза уничтожения погребений заставила его отказаться от этого намерения и заложить раскоп по краю глинища [4]. Раскоп длиной 60 м, шириной 3—6 м был заложен полукругом, охватившим край глинища, в 40—50 м от верхней полевой дороги. За время работ, с 17 по 26 сентября 1926 г. П. И. Смоличевым была вскрыта площадь около 200 кв. м и обнаружено 4 погребения с трупоположениями. Число захоронений с трупосожжениями, вследствие неопытности исследователя, осталось невыясненным.

После годичного перерыва работы были возобновлены в 1928 г. под руководством С. С. Гамченко. Кроме С. С. Гамченко, в раскопках принимали участие М. Л. Макаревич и Д. А. Бочков [5]. С. С. Гамченко, приступая к работам, подобно П. И. Смоличеву, задался целью начать исследования с выяснения границ могильника. С этой целью он заложил раскоп в северо-восточной части плато вне глинища, однако, раскоп не дал никаких находок, и С. С. Гамченко, отказавшись от поисков, при-

[2] В письме за № 388 от 9 февраля 1926 г. Природно-исторический музей г. Кировограда сообщал ВУАК'у в Киев, что «в местности около села Маслова, где теперь производится копание каолина, на глубине $1^1/_2$—$2^1/_2$ арш. от поверхности земли встречается иногда человеческое погребение, а вокруг него некоторые вещи, преимущественно глиняная посуда». К письму приложен был рисунок двух мисок из разрушенных погребений могильника.

[3] М. Я. Рудинський. Діяльність ВУАК'у в р. 1926. КЗ ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр 8 и 12.

[4] П. Смолічев. Археологічні досліди в околицях м-ка Златополь на Черкащині року 1926 КЗ ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 155.

[5] С. С. Гамченко. Отчет за 1928 г.

ступил к раскопкам на глинище. За время раскопок в 1928 г. на площади около 480 кв. м было обнаружено 62 погребения, из них 50 сожжений и 12 трупоположений.

Хотя с окончанием работ в 1926 г. было издано распоряжение, запрещавшее выборку глины, выборка все же продолжалась и в течение 1927 г. размеры глинища значительно увеличились. К началу работ 1928 г. край глинища продвинулся почти вплотную к полевой дороге. Таким образом, в течение года выборкой глины была срезана полоса шириною в 25—40 м, обстоятельство, которого нельзя не учитывать при попытках выяснить размеры могильника.

Раскопки 1929 г., как и в 1928 г., производились под руководством С. С. Гамченко, при участии Д. А. Бочкова, М. Л. Макаревича и Е. Ф. Лагодовской [6]. Как и до этого, раскопки производились на глинище (рис. 1—*2*, *1*) по его внешнему краю, на участке, прилегавшем к месту раскопок 1928 г. В результате продолжавшейся выборки глины узкая полоска, шириной в 10—15 м, отделявшая край глинища от верхней полевой дороги, успела исчезнуть, и края обрыва проходили теперь в непосредственной близости от дороги, так что под раскоп пришлось захватить часть дороги.

В целом в 1929 г. в течение месяца, с 30 июня по 28 июля, была раскопана площадь размером в 972 кв. м. Несмотря на значительно большие размеры вскрытой площади по сравнению с предыдущим годом, раскопки 1929 г. дали вдвое меньшее число погребений, всего 25, в том числе 12 трупосожжений и 13 трупоположений.

О раскопочных работах 1929 г. С. С. Гамченко писал: «Возвышенность, имевшаяся в северо-западном углу глинища, исследована раскопками почти по всему ее плану. К концу исследований сложилась мысль, что границы некрополя по краю глинища найдены и исследованы» [7].

Кроме раскопок могильника, в 1929 г. были проведены небольшие работы разведочного порядка по выяснению местонахождения селища. Розыски показали, что селище находилось в непосредственной близости к юго-западу от могильника, на высоком берегу р. Гнилой Товмач, где в настоящее время расположены усадьбы с. Маслова. Здесь на усадебных участках О. Пасечника и В. Зеленюка был заложен небольшой раскоп, размером 29 кв. м. Фрагменты сосудов, тождественные с керамикой могильника, подтвердили синхронность селища и могильника. Обломки обмазки с отпечатками дубовых плах и прутьев лозы не оставили сомнений, что жилища сооружались на деревянном каркасе со стенами, сплетенными из лозы и обмазанными глиной.

Для публикации и изучения материалов, добытых раскопками, было сделано весьма немногое. Единственной публикацией до сих пор остается статья П. И. Смоличева в КЗ ВУАК за 1926 г. [8]

О раскопках 1928 г. в печати вообще не появлялось никаких известий, сообщение же о работах 1929 г. свелось к краткой информационной заметке во II выпуске «Хроніки Археології та Мистецтва» за 1930 г. [9]

На основании статьи П. И. Смоличева, с ссылками на эту статью, в советской и зарубежной археологической литературе в разное время появлялось много отдельных упоминаний. Назывался памятник, и этим все по большей части ограничивалось. Так, о Маслове, например, упоминает в своей обзорной статье 1930 г. А. А. Спицын [10]. Из зарубежных авто-

---

[6] Все чертежи, фото, зарисовки погребений в 1928 и 1929 гг. выполнены М. Л. Макаревичем. Им же выполнены таблицы, приложенные к настоящему исследованию. Приносим сердечную благодарность М. Л. Макаревичу за активное участие и содействие при написании работы о Масловском могильнике.

[7] С. С. Гамченко. Отчет за 1929 г., стр. 7.

[8] П. Смолічев. Указ. соч., стр. 154—166.

[9] Хроніка Археології та Мистецтва, вип. II. Київ, 1930, стр 79. Заметка осталась малоизвестной. Приводим ее здесь: «Результаты раскопок С. С. Гамченко в с. Маслово такие: исследована площадь в 972 кв. м. Границы могильника почти охвачены. Выявлены 12 трупосожжений и 13 погребений с трупоположениями. Добыто 22 целых и 23 фрагментированных сосудов (горшки, вазы, кружки, кувшины, жбаны и др.), 6 пряслиц, 34 бронзовых изделия (застежки, фибулы, иголки, нож, крючки, проволока и пр.), 53 бусины (преимущественно стеклянные, янтарные, из кораллов, сердолика и т. д.), 11 костяных вещей (игольник, гребешки), 4 обломка железных ножей, кусочки кожи (возле фибул и застежек), 12 обломков шлакированного стекла, яичная скорлупа (8 случаев), 4 кусочка соснового дерева, 18 костей культовых животных (барана) и птиц, 13 кусков жужелицы (стеклянной, бронзовой, железной). Обнаружены также остатки селища времени упомянутого могильника у с. Маслово».

[10] Маслово определено здесь как «очень хороший могильник черняховской культуры» (А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, 1948, № X, стр. 62). О раскопках 1928 г. Спицыну известно было только приблизительно: «Кажется, раскопки продолжались в 1928 г.». Раскопки 1929 г. вообще не упоминаются. Фактические ошибки, допущенные при этом Спицыным, исправлены М. А. Тихановой.

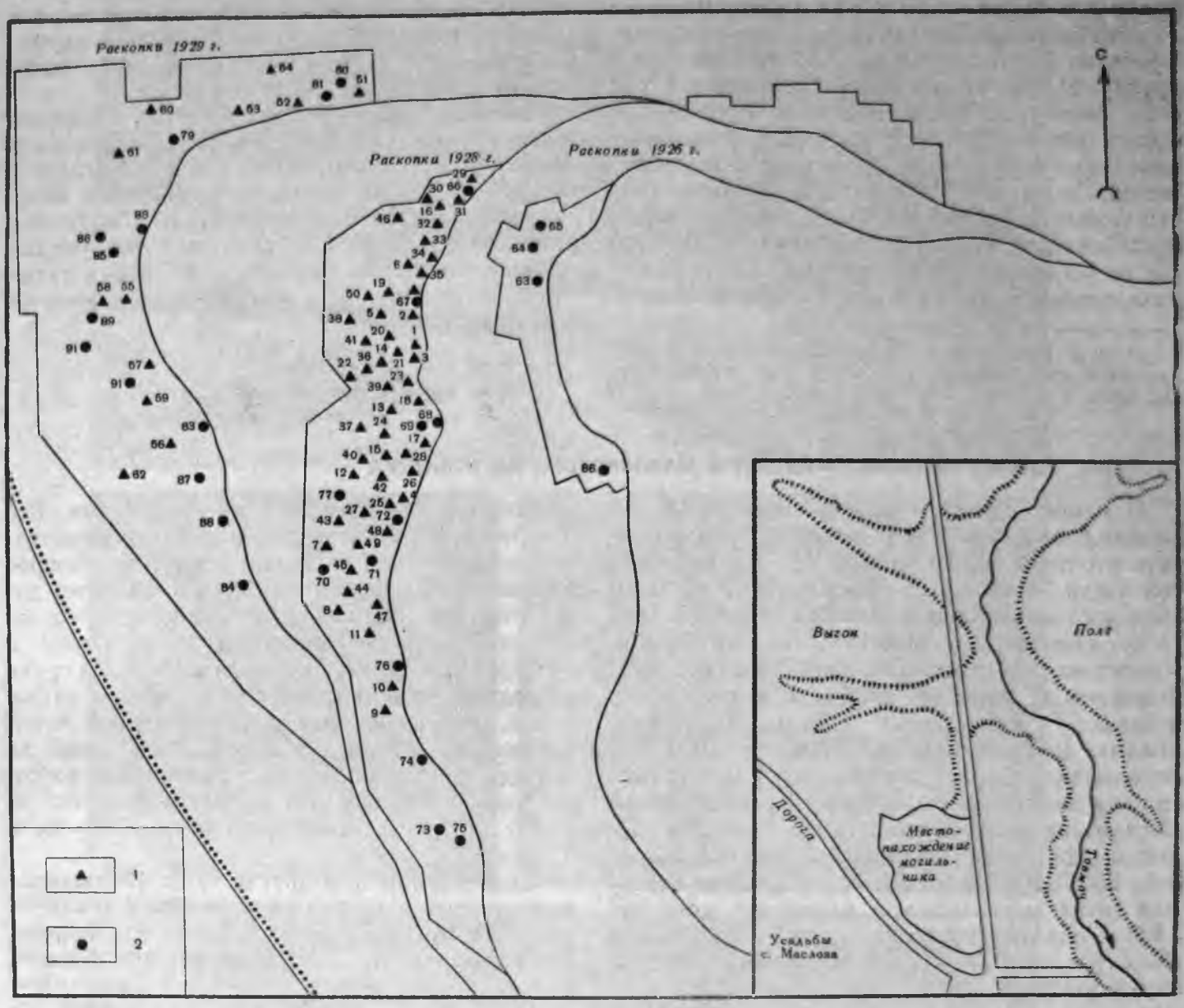

Рис. 1. Общий план раскопок Масловского могильника в 1926, 1928—1929 гг. (*I*) и схематический план его местонахождения (*II*).

Условные обозначения: *1* — погребения с трупосожжением; *2* — погребения с трупоположениями

ров о Маслове в 1929 г. упоминает Макс Эберт [11]. В статье П. Н. Третьякова «Северные восточно-славянские племена» (1941) Масловский могильник назван вместе с Зарубинцами, Черняховым, Ромашками и Привольным [12]. В позднейшей работе П. Н. Третьякова «Восточно-славянские племена» (2 изд. 1953 г.) подобный недосмотр исправлен, ошибочное упоминание о Зарубинцах опущено, но в соответствии с позицией автора Маслово определено как «славянское поле погребений III—V вв. н. э.» и отнесено к памятникам, представляющим «антов и великое переселение народов» [13]. Подробнее останавливается на

[11] Max Ebert. Südrussland. Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin. Bd. XII, 1929, стр. 112. Эбертом Масловский могильник отнесен к группе «полей погребений позднеимператорского времени северо-западной Украины ромашковского типа».

[12] П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 9.

[13] П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, стр. 159, 310.

вопросе о Маслове М. А. Тиханова. Выделяя памятники черняховской культуры в области Среднего Поднепровья в особую локальную группу, М. А. Тиханова особо отмечает при этом биритуализм Масловского могильника, ориентацию погребений на север, сожжение покойника вместе с погребальными принадлежностями. По мнению М. А. Тихановой, «отчетливо выраженный сарматский характер некоторых погребений не вызывает сомнений»[14]. В отличие от исследователей, видевших в «черняховцах» славян (антов), М. А. Тиханова полагает, что «носителями черняховской культуры в Среднем Поднепровье являлось сильно сарматизированное местное земледельческое население»[15].

Здесь нет надобности вдаваться в подробности и приводить все прочие упоминания о Маслове. Их много, но они носят беглый и обычно попутный характер, опираясь в большинстве случаев на статью П. И. Смоличева, слишком краткую и к тому же, как увидим дальше, далеко не свободную от весьма существенных упущений, в особенности в вопросе о трупосожжениях.

[14] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 173. Ср. стр. 172, прим. 3 и 6, стр. 173, прим. 1 и 3.

[15] Там же, стр. 194.

РАЗМЕРЫ МАСЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

О площади могильника, уничтоженной до начала раскопок в 1926 г., конечно трудно сказать что-либо определенное. Что же касается той части Масловского могильника, которая была исследована при раскопках 1926—1929 гг., то тут границы его выяснены с достаточной точностью. Белые пятна на сводном плане, приложенном к настоящей работе (см. рис.1), отвечающие уничтоженным местам между раскопами 1926 и 1928 гг., 1928 и 1929 гг., показывают пространство, первоначально сплошь занятое могильником. Крайние точки могильника в южной его части на площади раскопок 1928 г. определяются положением погребений № 73 и 75. В свою очередь крайняя северная точка могильника в раскопках того же 1928 г. определяется погребениями № 29, 30 и 66. Беря указанные погребения за исходные точки, мы должны будем признать, что Масловский могильник, по данным 1928 г., имел общее протяжение с юга на север около 60—65 м. Согласно данным о раскопках 1929 г., южная граница могильника устанавливается погребением № 84, а северная — погребениями № 51, 54, 80 и 81, что по прямой соответствует расстоянию в 60 м. Основываясь на приведенных данных, нужно признать, что протяжение могильника в исследованной его части с юга на север отнюдь не превышало 60—65 м.

Раскопки 1929 г. показали, что могильник в своих западных границах оканчивался по линии погребений № 62, 91, 89, 86, 61 и 60. Размеры могильника в его уцелевшей части по прямой с запада на восток, от села к реке составляют около 60 м. Выемка глины местными жителями на глинище не обнаружила погребений за очерченными пределами. Все говорит за то, что могильник не распространялся в направлении на запад, север и юг. Вопрос о размерах восточной части представляется достаточно сложным. Тем не менее, если согласиться, что в течение года на глинище в исследуемый отрезок времени выбирался грунт в среднем на пространстве 20—30 м, а также с тем, что погребения в уничтоженной части могильника стали обнаруживаться лишь за год или два до начала археологических работ, то можно предполагать, что могильник до 1926 г. был срыт на площади не менее 30—60 м в длину.

Сопоставляя те и другие наши наблюдения в целом, мы должны будем прийти к заключению, что могильник, при общей его ширине 60—65 м с юга на север, имел в длину, с востока на запад, не меньше 100—120 м. Тем самым, общая площадь Масловского могильника определилась бы в 6000—7000 кв. м.

Насколько предположенные размеры могильника могут считаться достоверными? Учитывая, что площадь Черняховского могильника, по утверждению В. В. Хвойки, достигала 7000 кв. м, необходимо признать, что подобные размеры могильника не представляют собою чего-либо исключительного. Возможно, что подобные размеры вообще были характерны для памятников данного культурного типа.

Обратимся к следующему кругу вопросов, а именно к вопросу о размерах Масловского могильника по числу имевшихся здесь погребений. На уцелевшей площади могильника было раскопано 91 погребение, в том числе 62 сожжения и 29 трупоположений. Число трупосожже-

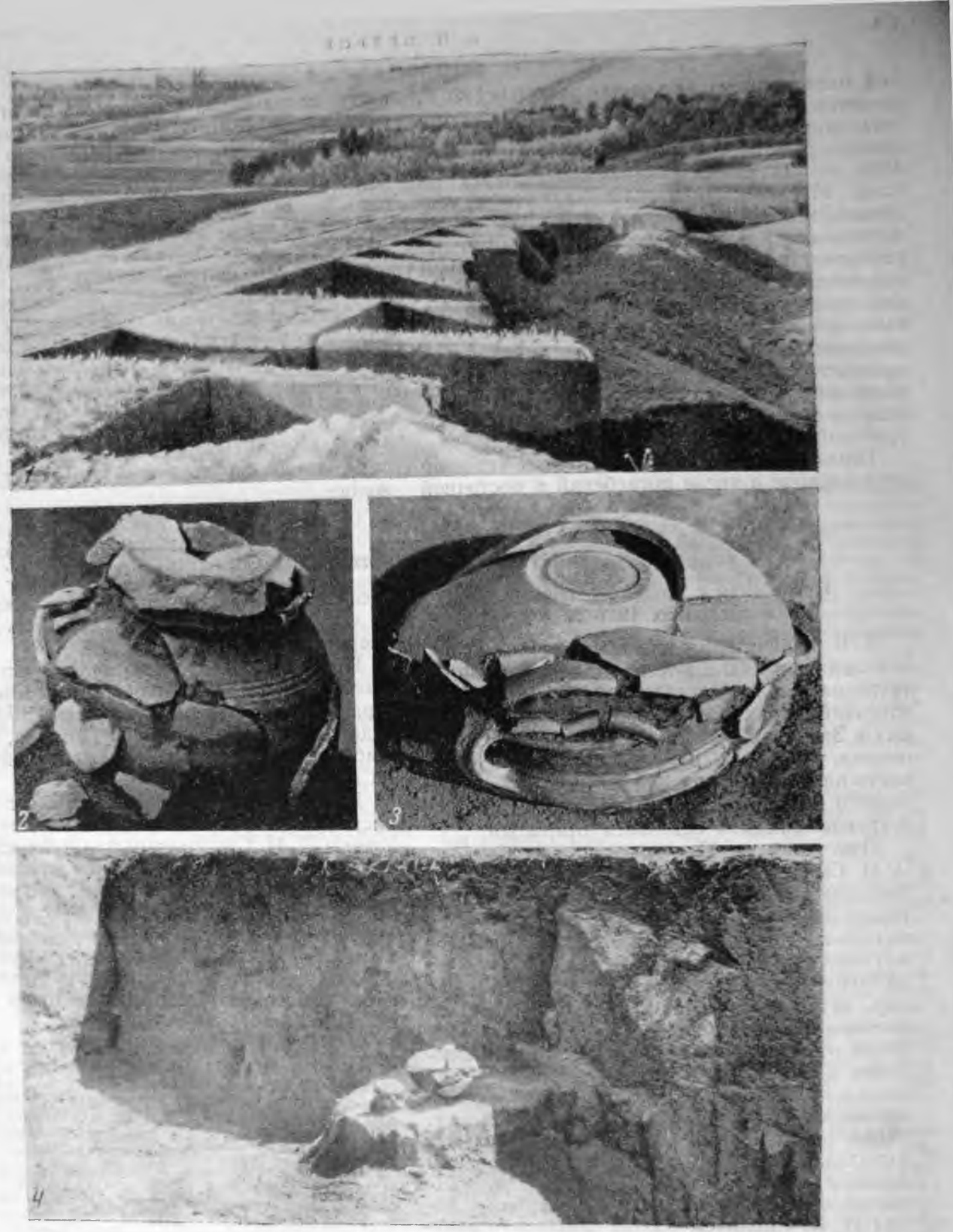

Рис. 2. Общий вид Масловского могильника и погребений с трупосожжениями.

1 — общий вид раскопок Масловского могильника в 1929 г.; *2* — погребение № 51; *3* — погребение № 52; *4* — погребение № 53

ний, находившихся на участке раскопок 1926 г., остается неустановленным. Неизвестным осталось также число погребений на участках между раскопами 1926 и 1928 гг., 1928 и 1929 гг. Достаточно, однако, взглянуть на план Масловского могильника, чтобы убедиться, что размеры уничтоженной площади могильника на этих полосах, оставшихся нераскопанными, отвечают размерам раскопанной площади могильника за те же годы. Допускай, что погребений на промежуточных полосах было не меньше, чем на ближайших, прилегающих к ним местах раскопок, приходится признать, что общее число погребений на площади могильника в пределах района раскопок было в общей сложности около 180—200 погребений.

Гораздо затруднительнее сказать что-либо определенное о числе погребений в восточной части могильника, уничтоженной до начала раскопок в 1926 г. Здесь возможны самые приблизительные расчеты. Согласно высказанному нами предположению, до начала раскопок в 1926 г. прошло, по крайней мере, один-два года с того времени, когда на глинище у с. Маслово стали попадаться сосуды и человеческие кости. Тем самым, за этот срок было уничтожено не меньше 30—60 м площади могильника. При той же плотности захоронений это значило бы, что на всей площади могильника в целом находилось в среднем от 300 до 400 погребений (скорее, однако, большая, чем меньшая из приведенных цифр). Напомним для сравнения, что на плане Черняховского могильника в Записках Русского археологического общества, т. XII (1901) показано 251 погребение, из них 69 сожжений и 182 трупоположения.

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ

Погребения с трупосожжениями в раскопках 1926 г.

В. В. Хвойка при раскопках Черняховского могильника в 1900 г. сумел установить наличие трупосожжений. Однако беглая краткость описаний, единичность сообщений, приведенных в Записках Русского археологического общества, т. XII за 1901 г., общая малая изученность памятников привели к тому, что опыт и выводы В. В. Хвойки не были усвоены. Вопрос о трупосожжениях оставался открытым.

Приступая в 1926 г. к раскопкам в Маслове, П. И. Смоличев не располагал необходимыми сведениями ни о составе инвентаря, ни о типе трупосожжений, ни о стратиграфических условиях, в которых они залегают. П. И. Смоличев не сумел объяснить находки отдельных сосудов на глубине 0,2—0,5 м даже в тех случаях, когда ему встречались сосуды с пережженными костями внутри. Первоначально П. И. Смоличев отнес эти сосуды с пережженными костями к инвентарю трупоположений. Убедившись в несостоятельности подобного предположения, он отказался, однако, также и от того, чтобы рассматривать их как сожжения. Он высказал сомнение, что единичные сосуды могли представлять собою погребения. «Добытый во время исследований материал,— писал П. И. Смоличев,— «еще слишком ограничен и недостаточно выразителен, чтобы на его основании можно было категорически доказать наличие на Масловском могильнике трупосожжения как массового вида погребения, но его существование безусловно следует допустить» [16].

При всей очевидности допущенных грубых ошибок отчет П. И. Смоличева был помещен на страницах «Коротких Звідомлень» ВУАК'а без редакционного примечания. Позиция, занятая Смоличевым в вопросе о сожжениях, не вызвала возражений.

Поскольку данные полевых наблюдений, относящиеся к трупосожжениям, не были использованы П. И. Смоличевым при публикации его статьи в «Коротких Звідомленнях», необходимо обратиться к первичной полевой документации, к записям в дневнике и к реестру находок. К сожалению, записи в Дневнике, в свою очередь, слишком скудны, сжаты и с трудом расшифровываются. Дополнительные данные удается извлечь из Реестра, в котором номера

[16] «Кроме трупоположений, во время исследований,— сообщал П. И. Смоличев,— найдены были также отдельные сосуды, не связанные с погребениями. Встречались эти сосуды по преимуществу в отдельности, на средней глубине 0,20—0,50 м от поверхности. Обычно это были или горшки, или миски, приближавшиеся по форме к сосудам, бывшим при скелетах. Внутри сосудов были пережженные кости, перемешанные с землей, или только земля; никаких вещей не было». Как упоминалось, П. И. Смоличев на вопрос «Не имеем ли мы тут иной вид погребения?» — ответил отрицательно: «Слишком невыразительные черты и крайний примитивизм такого погребения заставляют весьма осторожно относиться к принятию подобной мысли». П. Смоличев. Указ. соч., стр. 159.

находок приведены «по очереди на каждом штыхе». Правда, П. П. Смоличев при этом ничего не уточняет, но поскольку набор вещей в инвентаре погребения всегда достаточно стандартен, то этим открывается возможность зарегистрировать отдельные трупосожжения. Находки вещей позволяют судить о сожжениях с инвентарем. Гораздо труднее судить о безинвентарных погребениях, в которых, кроме сосудов, нет никаких других находок.

Итак, несмотря на всю ограниченность показаний источников, которыми мы располагаем, мы считаем возможным при сделанных оговорках говорить о трупосожжениях из раскопок 1926 г.

Трупосожжение в квадрате А содержало: 1) фрагменты глиняных сосудов (двух?), 2) стеклянный сосуд (фрагмент), 3) 14-гранную сердоликовую бусину, 4) кусок гранита, 5) обломок кости [17].

Трупосожжение в юго-западной части квадрата В на глубине 0,33 м. В сосуде-урне лежали остатки пережженных костей [18].

Трупосожжение в северной части квадрата В, на границе с квадратом А, на глубине 0,27 м, от которого сохранился «раздавленный горшок».

Трупосожжение в северной части квадрата В, на границе с квадратом А, в 0,52 м к востоку от предыдущего. В сосуде-урне (горшке) лежали остатки пережженных костей [19]. Трупосожжение в юго-западной части квадрата С, на глубине 0,4 м (2 шт.). Пережженные кости лежали в миске. В составе инвентаря, кроме того, были: 1) фрагмент стеклянного сосуда, 2) куски шлакированной массы, 3) бронзовая пряжка, 4) кусок гранита (лежал внутри урновой миски) [20].

Трупосожжение в квадрате D (несколько?). Согласно Дневнику там во втором штыхе встречены пережженные кости и фрагментированный сосуд [21]. В состав инвентаря входили, следует полагать, находки (со смежными номерами): 1) фрагмент стеклянного сосуда со следами пребывания в огне, 2) два обломка гранита, 3) глиняное пряслице, 4) бронзовая пряжка с круглой обоймицей, 5) бусина сердоликовая, 6) фрагменты неопределенного бронзового предмета [22].

---

[17] Реестр находок, стр. 11. Ср. Дневник П. И. Смоличева, стр. 3. Здесь и дальше в этой статье квадраты обозначены латинскими буквами.

[18] «Кв. В, шт. 2. На глубине 0,33 м в ЮЗ углу квадрата остатки раздавленной урны с остатками пережженных костей (погр. II, № 1). ЮЗ — 0,55 м; ЮВ — 2,2 м — раздавленный горшок с перепаленными костями (№ 1). Дневник П. И. Смоличева, стр. 7. На кв. В, шт. 2, согласно Реестру, обнаружено «погребение, днище и фрагменты горшка из обожженной глины, серого цвета, без орнамента»; вслед за тем в Реестре значится «миска с мелкими остатками пережженных костей». Далее на шт. 3 показаны: «№ 168—179. Фрагменты глиняной обожженной посуды, серого цвета, без орнамента, разной формы и размеров (12 шт.); № 180. Фрагмент стеклянного сосуда с признаками пребывания в огне (1 шт.); № 181. Обломок гранита». 4-й штык дал такие находки: три «куска шлакоподобной массы» (бусина?), фрагменты керамики (№ 189—195), а также фрагментированный горшок; «№ 196—208. Фрагменты глиняного обожженного сосуда серого цвета без орнамента. Фрагменты составили один горшок». Реестр находок, стр. 13.

[19] «На глубине 0,27 м на северной границе, на расстоянии 0,55 м от западной стены — раздавленный горшок (III № 2). На восток от него на 0,52 м остатки горшка с остатками пережженных костей (III № 1)». Дневник П. И. Смоличева, стр. 7.

[20] «Кв. С, шт. 2. Фрагменты посуды, пережженные кости и кусок гранита (очевидно, случайно попавший). Мисочка глиняная, разбитая, с остатками пережженных костей, на глубине 0,4 м... ЮЗ-2,15; СЗ-3,9 — мисочка». Дневник П. И. Смоличева, стр. 15. Этой миске-урне, со всей очевидностью, отвечает миска, занесенная в Реестр: «№ 376/168. Миска из обожженной глины, без орнамента. Внутри были мелкие остатки пережженных костей». Реестр находок, стр. 13; «Коротке Звідомлення», стр. 162, № 19.

Судя по последовательности номеров в Реестре, это урновое погребение принадлежало к числу инвентарных. В состав инвентаря входили находки с ближайшими по отношению к миске-урне номерами, а именно: № 359, фрагмент стеклянного сосуда — № 360—374, куски шлакоподобной массы (шлакированные стеклянные бусины?) — № 375, кусок гранита (согласно Дневнику, лежавший в миске), а также фрагменты керамики, очевидно, № 377—386, серого цвета, без орнамента, бронзовая пряжка, овальной формы, № 387. См. Реестр находок, стр. 13, КЗ ВУАК, стр. 162, № 20.

[21] Дневник П. И. Смоличева, стр. 17.

[22] Сведения о трупосожжении в квадрате D, приведенные в Дневнике П. И. Смоличева, удается расширить за счет показаний в Реестре находок. Здесь на штыке 2 показаны находки: «№ 477. Фрагмент глиняной хорошего обжига большой миски, украшенной под венчиком геометрическим орнаментом, а в средней части — орнаментом в виде небольших вдавленных кружков; № 478. Фрагмент стеклянного сосуда». На глубине штыка 3, кроме отдельных фрагментов керамики разной формы и размеров, значатся: «№ 496. Фрагмент стеклянного сосуда со следами пребывания в огне; № 497—498. Два обломка гранита; № 499. Пряслице, глиняное, ромбовидной формы, без орнамента; № 500. Пряжка, бронзовая, овальной формы, с круглой пластинкой, для прикрепления к ремню; № 501. Фрагмент бусины розового камня (сердолик?); № 502—503. Два фрагмента бронзового предмета в виде тонких, квадратной формы пластинок. Покрыты патиной». Реестр находок, стр. 14. Трудно решить, относятся ли все перечисленные здесь находки (фрагменты стеклянного сосуда, пряжка, бусина, пряслице, бронзовая пластинка) к одному богатому погребению с урной-миской (№ 477) или же речь должна идти о нескольких трупосожжениях на разных уровнях. Ни Дневник, ни Реестр не дают ответа на этот вопрос.

Трупосожжение в квадрате E содержало, кроме фрагментов керамики: 1) стеклянный сосуд, 2) иголки от фибулы, 3) кусок пережженного гранита и т. д.[23]

Трупосожжение в юго-западной части квадрата F, на глубине 0,3 м — «горшок-урна»[24]. Среди находок: 1) стеклянный сосуд, 2) кусок шлакированной массы, 3) обломок гранита, 4) зуб, позвонок и кости животного[25].

Трупосожжение в квадрате D. На третьем штыке найден «горшок с остатками пережженных костей». Среди инвентарных находок — стеклянный сосуд, фрагменты бронзового неопределенного предмета, 2 обломка шлакированной массы, кости животного[26].

Трупосожжения (?) в квадрате H, где выявлено довольно значительное количество фрагментов керамики, а также фрагмент стеклянного сосуда (№ 1164), два обломка гранита (№ 1067—1068), обломки костей и зуб животного (№ 1104, 1167—1169)[27].

Находки в квадрате D могут указывать на инвентарный комплекс из разрушенного трупосожжения. Здесь обнаружены — фрагмент стеклянного сосуда, 14-гранная сердоликовая бусина, бронзовая игла от фибулы, кусок гранита, а также круглая стеклянная бусина, упомянутая в Дневнике и не занесенная в Реестр находок[28].

Трупосожжение в квадрате K, где на третьем штыке был выявлен горшок из обожженной глины, без орнамента, серого цвета. Внутри — остатки пережженных костей, № 1329[29]. Под ближайшим порядковым номером значится в Реестре горшок серого цвета, без орнамента, № 1330[30]. Поскольку в квадрате K согласно Дневнику П. И. Смоличева выявлено трупоположение (см. ниже), и эти два горшка показаны как стоявшие вблизи костяка погребенного, остается совершенно неясным, идет ли речь о сожжении, случайно оказавшемся вблизи погребения с трупоположением, или же о горшке, относящемся к инвентарю этого трупоположения.

В квадрате L достаточно обильно представлены находки фрагментов керамики и, кроме того, встречена железная пряжка прямоугольной формы[31].

В трупосожжении в квадрате M на глубине 0,48 м найден горшок, занесенный в Реестр находок под № 1447: «горшок хорошего обжига, серого цвета, без орнамента»[32]. Хотя ни в Дневнике П. И. Смоличева, ни в Реестре находок не отмечаются пережженные кости, однако, в Реестре под № 1492 отмечена находка «мелкого обломка пережженной кости из черепа».

---

[23] П. И. Смоличев не упоминает о находках пережженных костей в квадрате E, однако совокупность инвентарных находок позволяет говорить о наличии здесь, по крайней мере, одного разрушенного трупосожжения. Так, например, на 2-м штыке квадрата E отмечена находка фрагмента стеклянного сосуда (№ 554), на 3-м штыке найдены кусок пережженного гранита (№ 603), бронзовая игла от фибулы (№ 605) и пр. Реестр находок, стр. 15—16.

[24] «Квадрат F. На глубине 0,3 м — СЗ-2.15 м, ЮЗ-1,4-горшок (урна)». Дневник П. И. Смоличева, стр. 28. Следует полагать, что этот «горшок-урна» значится в Реестре под № 768: «№ 768. Глиняный горшок с пережженными костями; горшок раздавлен землею, снято 84 фрагмента». Реестр находок, стр. 17.

[25] Если считаться с последовательностью номеров, то к инвентарю трупосожжения с горшком-урной № 768, могли относиться такие находки на 2-м штыке: два куска гранита (№ 759—760), обломок стеклянного патинированного сосуда (№ 762), зуб и кости животного (№ 763, 764—767). Реестр находок, стр. 17. Из записей в Дневнике и Реестре видно, что грунт на квадрате был обильно насыщен фрагментами керамики и вещевыми находками на глубину до 1 м (шт. 1—5). Среди находок: обломок гранита (№ 677), кусок шлакированной массы (№ 678), позвонок (№ 679), три фрагмента стеклянного сосуда со следами пребывания в огне (№ 789—791), кусок гранита (№ 806). Не исключена возможность, что, помимо сожжения с горшком-урной № 768, в квадрате F могло быть встречено при раскопках еще одно, скорее всего, разрушенное трупосожжение.

[26] В Дневнике П. И. Смоличева и на чертеже нет особых отметок с указанием на находку урнового сосуда с пережженными костями, между тем в Реестре находок под № 1023 значится на 3-м штыке «глиняный горшок с остатками пережженных костей». Номера находок, отнесенных к третьему штыку, свидетельствуют, следует полагать, о сравнительно богатом, многопредметном трупосожжении. Сюда относятся: «№ 1015. Фрагмент стеклянного сосуда; № 1016—1017. Два куска шлакоподобной массы; № 1018. Обломок гранита; № 1019. Обломок кости животного; № 1020—1022. Обломки расколотых костей, со следами пребывания в огне; № 1024—1030. Фрагменты бронзовой вещи (или вещей), назначение которой установить теперь трудно; № 1031. Мелкие остатки расколотых пережженных костей». Реестр находок, стр. 19. Относительно прочих находок на других штыках было бы трудно сказать что-либо определенное. Во всяком случае, большое количество фрагментов керамики в квадрате D говорит о наличии скорее всего не одного, а нескольких сожжений.

[27] Дневник П. И. Смоличева, стр. 31; Реестр находок, стр. 20.

[28] Там же, стр. 21—22.

[29] Реестр находок, стр. 23.

[30] Там же, Дневник П. И. Смоличева, стр. 37; см. также чертеж.

[31] Там же, стр. 39; Реестр находок, стр. 23.

[32] Дневник П. И. Смоличева, стр. 51; Реестр находок, стр. 24, см. также чертеж. Из находок, помимо керамики, в Реестре в квадрате M значится обломок гранита, № 1446 и обломок кости животного, № 1492. Относилась ли они к сожжению или же представляют случайные находки остается невыясненным.

Квадрат N с глубины 1—6 штыков дал по преимуществу находки фрагментов керамики [33].

Итак, несмотря на всю ограниченность показаний источников, которыми мы располагаем, мы считаем возможным говорить о восьми трупосожжениях в тех случаях, когда были обнаружены в отдельных квадратах раскопа находки пережженных костей. Находки вещей в комплексах, характерных для инвентаря отдельных погребений, даже при отсутствии упоминаний о пережженных костях, в свою очередь, позволяют говорить по крайней мере о десятке инвентарных погребений.

В целом на всей площади раскопа 1926 г. находилось, следует полагать, до 30 трупосожжений. Насколько достоверны подобного рода подсчеты? Считаясь с данными о раскопках С. С. Гамченко в 1928 г. на смежных участках могильника, необходимо признать приводимые цифры весьма вероятными. Действительно, вдвое большая площадь, раскопанная С. С. Гамченко в 1928 г. (480 кв. м), дала 50 сожжений при 12 трупоположениях, что при соответственно меньшей площади раскопок 1926 г. (около 200 кв. м), достаточно близко соответствует как приведенным цифрам, около 30 сожжений и 4 трупоположений, так и соотношению погребений по одному и другому обряду в том и другом случае. Как бы ни были скудны сведения о раскопках 1926 г., они позволяют подтвердить наличие сожжений, их распространенность на всей площади могильника, раскопанной в 1926 г., их многочисленность, а также то, что число сожжений в несколько раз превышает число трупоположений.

Погребения с трупосожжениями по данным раскопок 1928 и 1929 гг.

С. С. Гамченко, руководивший раскопками 1928—1929 гг. в Маслове, обладал значительно большим полевым и исследовательским археологическим опытом, чем его предшественник П. И. Смоличев. Перед тем как приступить к раскопкам С. С. Гамченко счел нужным на основании расспросов местных жителей и разведочного осмотра края глинища убедиться, что Масловский могильник представляет собою памятник с двухъярусным, по удачному выражению С. С. Гамченко, расположением погребений [34].

К сожалению, описания трупосожжений, приводимые у С. С. Гамченко в Отчете за 1928 г., крайне сжаты. К тому же, между показаниями различных источников, зарисовкой, описанием в тексте и списком вещей часто обнаруживаются расхождения, которые трудно согласовать, не говоря уже о том, что из общего числа 50 трупосожжений, раскопанных в 1928 г., мы располагаем зарисовками только 12 погребений, а именно № 1—6, 8—10, 18, 24, 37.

Отсутствие необходимых фактических указаний и справок лишает нас возможности дать исчерпывающую характеристику каждого из погребений. При всем том, большинство описаний сведено к единообразной схеме, насколько это удается сделать при крайнем разнобое в подаче материала, когда аналогичные сведения иногда приводятся у С. С. Гамченко, а иногда отсутствуют. В дальнейшем последовательно расчленяются урновые и безурновые, инвентарные и безынвентарные трупосожжения. К безурновым отнесены те из них, в которых остатки сожжения, пережженные кости складывались на дно могильной ямы; в свою очередь к урновым отнесены погребения с пережженными костями, сложенными в урновый сосуд.

Погребение № 1, глубина 0,25 м, площадь залегания фрагментов керамики около 0,5 м. Остатки сожжения сложены непосредственно на дно могильной ямы, сверху накрыты миской. Миска раздавлена тяжестью земли.

Погребение № 2, глубина 0,25—0,42 м, площадь залегания фрагментов 0,5 м. Остатки сожжения, перемешанные с землей, сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху горшок накрыт миской, повернутой вверх дном. Нижний горшок надтреснут, верхняя миска, служащая крышкой, раздавлена (рис. 3, *1*).

---

[33] Дневник П. И. Смоличева, стр. 41; Реестр находок, стр. 25—26.

[34] О двухъярусности погребений Масловского могильника С. С. Гамченко писал: «Разведка дала уверенность, что некрополь на глинище у с. Маслово имеет двухъярусное расположение погребений: верхний ярус (остатки трупосожжений) в черноземе и нижний ярус в лёссе (трупоположения). Намеки на эту мысль дали прежде всего предшествующие наблюдения местных крестьян, которые почти все копали на глинище глину. Между прочим, именно возможность двухъярусных погребений и подсказала необходимость произвести разведку на чистом, еще нетронутом краю глинища. В этом отношении разведка дала вполне положительные результаты, и последующие исследования производились уже планомерно. Обнаруживаемые по квадратам находки погребений с остатками трупосожжений не рассматривались как окончательно исчерпывающие. Не останавливаясь на этом, исследования продолжались на глубину 2—2½ м, где и открывался нижний ярус с трупоположениями, или же обнаруживалось наличие нетронутого лёсса». С. С. Гамченко. Отчет за 1928 г., стр. 4.

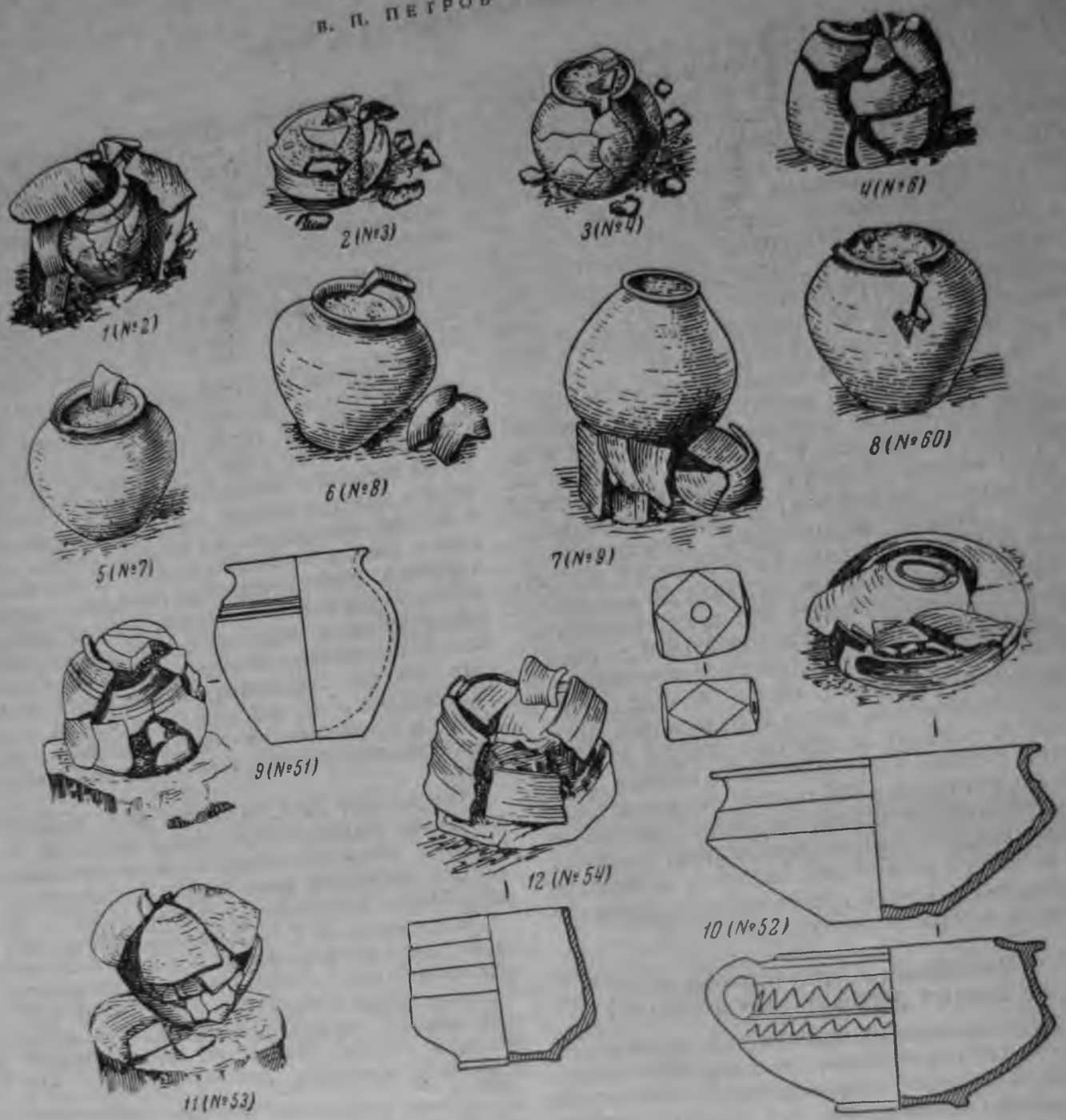

Рис. 3. Погребения с трупосожжениями и зарисовки сопровождающих их сосудов (*1—12*); в скобках даны номера погребений

Погребение № 3, глубина 0,26—0,43 м, площадь залегания фрагментов верхнего горшка 1,25 м. Остатки сожжения, перемешанные с землей, сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху урновый горшок накрыт горшком, повернутым вверх дном. Оба горшка раздавлены тяжестью земли. В инвентаре — обломок шлакированного стекла, очевидно, бусины (рис. 3, *2*).

Погребение № 4, глубина 0,38—0,92 м, площадь залегания фрагментов миски около 0,5 м. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище на глубине 0,58 м. Сверху урновый горшок накрыт мискою, повернутою

вверх дном. Оба сосуда раздавлены тяжестью земли. В инвентаре — на глубине 0,58 м возле днища горшка лежали три стеклянные бусины белого цвета с кругами красноватого цвета и обломок бронзовой фибулы; ниже, на глубине 0,72 м,— обломок серебряной фабулы: на глубине 0,84 м — обломок стеклянного сосуда и фрагмент глиняного биконического пряслица, на глубине 0,92 м — трехгранная пирамидка из песчаника (рис. 3, *3*).

Погребение № 5, глубина 0, 25—0,40 м, площадь залегания фрагментов керамики около 1,25 м. Остатки сожжения лежали смешанные с фрагментами двух мисок. В инвентаре — три глиняные пряслица биконической формы, из них одно с десятью овальными углублениями по ребру, половина проволочного серебряного кольца с концами, сплетенными спиралью (очевидно, накосника), несколько бусин, в том числе бронзовая цилиндрическая из розового порфирита, стеклянная шлакированная зеленого цвета.

Погребение № 6, глубина 0,26—0,40 м. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху урновый горшок накрыт миской, повернутой вверх дном. Миска раздавлена тяжестью земли. В инвентаре — два глиняные пряслица, из них одно кубической формы, другое, расколотое по ребру на две половинки, украшено орнаментом, на одной половинке в виде небольших углублений, а на другой — в виде углов, образованных двумя парными насечками (рис. 3, *4*).

Погребение № 7, глубина 0,22—0,40 м. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху урновый горшок накрыт миской, повернутой вверх дном. Миска раздавлена, сохранилась частично (рис. 3, *5*).

Погребение № 8, глубина 0,38 м, площадь залегания фрагментов миски около 0,9 м. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху урновый горшок накрыт миской-вазой с тремя ручками, повернутой вверх дном. Миска раздавлена (рис. 3, *6*).

Погребение № 9, глубина 0,40 м. Остатки сожжения лежали смешанные с фрагментами горшка. Сверху фрагменты урнового горшка были накрыты другим горшком, повернутым вверх дном. Нижний горшок раздавлен тяжестью земли (рис. 3, *7*).

Погребение № 10, глубина 0,38 м. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху урновый горшок, очевидно, был накрыт другим горшком. Верхний горшок сильно раздавлен, его фрагменты лежали сверху и вокруг нижнего урнового горшка на площади около 0,75 м.

Погребение № 11, глубина 0,45 м. Остатки сожжения лежали смешанными с фрагментами двух горшков. Судя по положению фрагментов, один из горшков являлся урновым, другой служил для него покрышкой.

Погребение № 12, глубина 0,24 м. Остатки сожжения сложены непосредственно на дно могильной ямы, сверху накрыты горшком, повернутым вверх дном.

Погребение № 13, глубина 0,40—0,65 м, площадь залегания фрагментов керамики около 0,75 м. Остатки сожжения лежали смешанными с фрагментами горшка и миски. В инвентаре — бронзовая пряжка и обломок стеклянной шлакированной бусины белого цвета.

Погребение № 14, глубина 0,25—0,35 м, площадь 1,2—1,5 м. Остатки сожжения лежали смешанными с фрагментами сосуда. Сверху урновый сосуд, очевидно, был накрыт раздавленным горшком.

Погребение № 15, глубина 0,34—0,45 м, площадь около 0,75 м. Остатки сожжения лежали смешанными с фрагментами двух раздавленных тяжестью земли горшков — одного, очевидно, урнового и другого, служившего для него крышкой.

Погребение № 16, глубина 0,30—0,48 м, площадь 0,8—0,93 м. Остатки сожжения лежали смешанными с фрагментами горшка и миски, раздавленных тяжестью земли. Можно полагать, что горшок служил урной и был накрыт сверху миской. В инвентаре — две бронзовые пластинки, скрепленные двумя заклепками-штифтиками от поясной пряжки.

Погребение № 17, глубина 0,5—0,8 м, площадь 0,75 м. Остатки сожжения сложены на дно могильной ямы, сверху перекрыты фрагментами раздавленного сосуда, вероятно, горшка. В инвентаре — обломок шлакированного стекла белого цвета, очевидно, бусины.

Погребение № 18, глубина 0,35—0,6 м, площадь 0,5 м. Остатки сожжения сложены на дно могильной ямы, сверху перекрыты фрагментами горшка, повернутого вверх дном.

Погребение № 19, глубина 0,29—0,48 м, площадь 0,5×0,7 м. Остатки сожжения лежали смешанными с фрагментами горшка. Фрагменты горшка и пережженные кости были перекрыты сверху миской, раздавленной землей.

Остальные трупосожжения, раскопанные в 1928 г. (№ 20—50), были сильно разрушены. К тому же в ряде случаев у С. С. Гамченко отсутствуют упоминания о находке пережжен-

ных костей. Соответственно о погребении приходится говорить исключительно на основании находок керамики. Принадлежность описанных погребений № 1—19 по типу к урновым или безурновым определяется положением пережженных костей в урне или же на поверхности земли. В безурновых погребениях имелся во всех случаях только один сосуд, в урновых их было два — сосуд-урна и сосуд, накрывавший урну. Считаясь с сказанным, мы относим разрушенные погребения с одним сосудом к безурновым и погребения с двумя сосудами к урновым. Относительно наиболее разрушенных погребений № 41—50 трудно сказать что-либо определенное.

Погребение № 20, глубина 0,2—0,4 м. В погребении выявлено 79 фрагментов двух горшков. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в один из горшков, накрытый другим горшком.

Погребение № 21, глубина 0,22—0,55 м. В погребении выявлено 36 фрагментов двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый миской. В инвентаре — одна кость животного, возможно, овцы.

Погребение № 22, глубина 0,2—1 м. В погребении выявлено 69 фрагментов двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый сверху миской. В инвентаре — одна стеклянная бусина и одна кость неопределенного животного.

Погребение № 23, глубина 0,2—1 м. В погребении выявлено 99 фрагментов трех сосудов, двух горшков и одной миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в один из горшков, накрытый другим горшком. В инвентаре — миска, обломок железного ножа, стеклянная шлакированная бусина зеленого цвета, обломок кости животного (овцы).

Погребение № 24, глубина 0,2—1,35 м. В погребении выявлено 50 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы и были перекрыты сверху горшком. В инвентаре — бронзовая пряжка и обломок стеклянной шлакированной бусины белого цвета.

Погребение № 25, глубина 0,2—0,3 м. В погребении выявлено 67 фрагментов двух сосудов, оба горшки. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в один из горшков, накрытый другим горшком.

Погребение № 26, глубина 0,2—1,15 м. В погребении выявлено 12 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы и были перекрыты сверху горшком. В инвентаре — бронзовая поврежденная огнем фибула.

Погребение № 27, глубина 0,4—0,6 м. В погребении выявлено 7 фрагментов одного сосуда, миски. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы. В инвентаре — обломок стеклянной шлакированной бусины синего цвета.

Погребение № 28, глубина 0,5—0,8 м. В погребении выявлено 22 фрагмента одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком. В инвентаре — обломок стеклянной шлакированной бусины зеленого цвета, обломок стеклянного шлака, одна створка раковины.

Погребение № 29, глубина 0,25 м. В погребении выявлено 9 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком.

Погребение № 30, глубина 0,36 м. В погребении выявлено 38 фрагментов двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый сверху миской.

Погребение № 31, глубина 0,30 м. В погребении выявлено 42 фрагмента двух сосудов, оба горшка. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый другим горшком. В инвентаре — остатки бронзовой поврежденной огнем пряжки.

Погребение № 32, глубина 0,30 м. В погребении выявлено 14 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком.

Погребение № 33, глубина 0,35—1,30 м. В погребении выявлено 11 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком.

Погребение № 34, глубина 0,30—1,44 м. В погребении выявлен 41 фрагмент двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый сверху миской. В инвентаре — два обломка кости животного (овцы).

Погребение № 35, глубина 0,20—0,40 м. В погребении выявлено 15 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком.

Погребение № 36, глубина 0,20—0,35 м. В погребении выявлено 20 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком.

Погребение № 37, глубина 0,20—0,75 м. В погребении выявлено 23 фрагмента двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый сверху миской. В инвентаре — глиняная бусина цилиндрической формы и неопределенный зуб животного.

Погребение № 38, глубина 0,10—0,57 м. В погребении выявлено 38 фрагментов двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый сверху миской. В инвентаре — обломок бронзовой поврежденной огнем фибулы и обломок глиняного пряслица.

Погребение № 39, глубина 0,20 м. В погребении выявлено 18 фрагментов одного сосуда, горшка. Остатки сожжения, очевидно, лежали на дне могильной ямы, перекрытые сверху горшком.

Погребение № 40, глубина 0,33—0,66 м. В погребении выявлено 44 фрагмента двух сосудов, горшка и миски. Остатки сожжения, очевидно, были сложены в горшок, накрытый сверху миской.

Из 50 трупосожжений, обнаруженных раскопками 1928 г., наиболее разрушены были десять — № 41—50. Если о двадцати разрушенных погребениях № 20—40, сообразуясь с числом сосудов (1, 2 или 3), можно было, хотя бы в порядке предположения, говорить о том или другом обрядовом типе, урновом или безурновом погребении, то в отношении десяти последних ничего определенного сказать невозможно.

Погребение № 41, глубина 0,67 м. Выявлено 9 фрагментов горшка.

Погребение № 42, глубина 0,30—0,40 м. Выявлено 3 фрагмента миски.

Погребение № 43, глубина 0,70 м. Выявлен обломок бронзовой поврежденной огнем пряжки.

Погребение № 44, глубина 0,30—0,44 м. Выявлено 16 фрагментов горшка и 3 фрагмента амфоры.

Погребение № 45, глубина 0,25 м. Выявлено 6 фрагментов горшка.

Погребение № 46, глубина 0,35 м. Выявлен 1 фрагмент сосуда.

Погребение № 47, глубина 0,40 м. Выявлены мелкие фрагменты горшка.

Погребение № 48, глубина 0,65 м. Выявлено 2 фрагмента миски и 1 раковина улитки.

Погребение № 49, глубина 0,60 м. Выявлено 6 фрагментов горшка и 2 обломка кости животного (овцы).

Погребение № 50, глубина 0,45 м. Выявлены мелкие фрагменты горшка и часть глиняного пряслица.

* * *

Переходим к описанию трупосожжений из раскопок 1929 г. Как уже упоминалось, на площади могильника, раскопанной С. С. Гамченко в 1929 г., было обнаружено всего лишь 12 трупосожжений.

Документация, относящаяся к 1929 г., отличается большей полнотой по сравнению с документацией предыдущего, 1928 г. Описания приводятся с подробностями, отсутствующими в Отчете С. С. Гамченко за 1928 г. Кроме того, мы располагаем зарисовками почти всех погребений, исключая одного (№ 61), и имеем фотографии четырех трупосожжений (№ 51—54).

Погребение № 51, глубина 0,33—0,45 м, площадь 0,14 м в диаметре. Остатки сожжения (человеческие кости, зола и угольки) сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху он был накрыт четырьмя фрагментами сосуда, повернутого вверх дном. Нижний горшок тяжестью земли раздавлен (рис. 2,*2*; рис. 3,*9*).

Погребение № 52, глубина 0,31—0,44 м, площадь 0,25 м. Остатки сожжения, а также стеклянная шлакированная бусина белого цвета положены в треухую миску-вазу, поставленную на днище. Сверху миска-ваза накрыта миской, повернутой вверх дном. Обе миски раздавлены. В инвентаре — бусина, находившаяся внутри урновой миски, и два обломка глиняного пряслица, лежали около миски-вазы (рис. 2, *3*; рис. 3, *10*).

Погребение № 53, глубина 0,34—0,50 м, площадь 0,14—0,18 м в диаметре. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху урновый горшок накрыт миской, повернутой вверх дном. Оба сосуда раздавлены тяжестью земли (рис. 2,*4*; рис. 3,*11*).

Погребение № 54, глубина 0,43 м, площадь 0,17 в диаметре. Остатки сожжения, а также неопределенные косточки птицы сложены в сосуд-урну, поставленный на днище. Сверху он накрыт миской, повернутой вверх дном. На ней стоял тоже повернутый вверх дном горшок. Все три сосуда раздавлены тяжестью земли. В инвентаре — бусина, три обломка бронзовой фибулы, косточки птицы, лежавшие внутри урны (рис. 3,*12*).

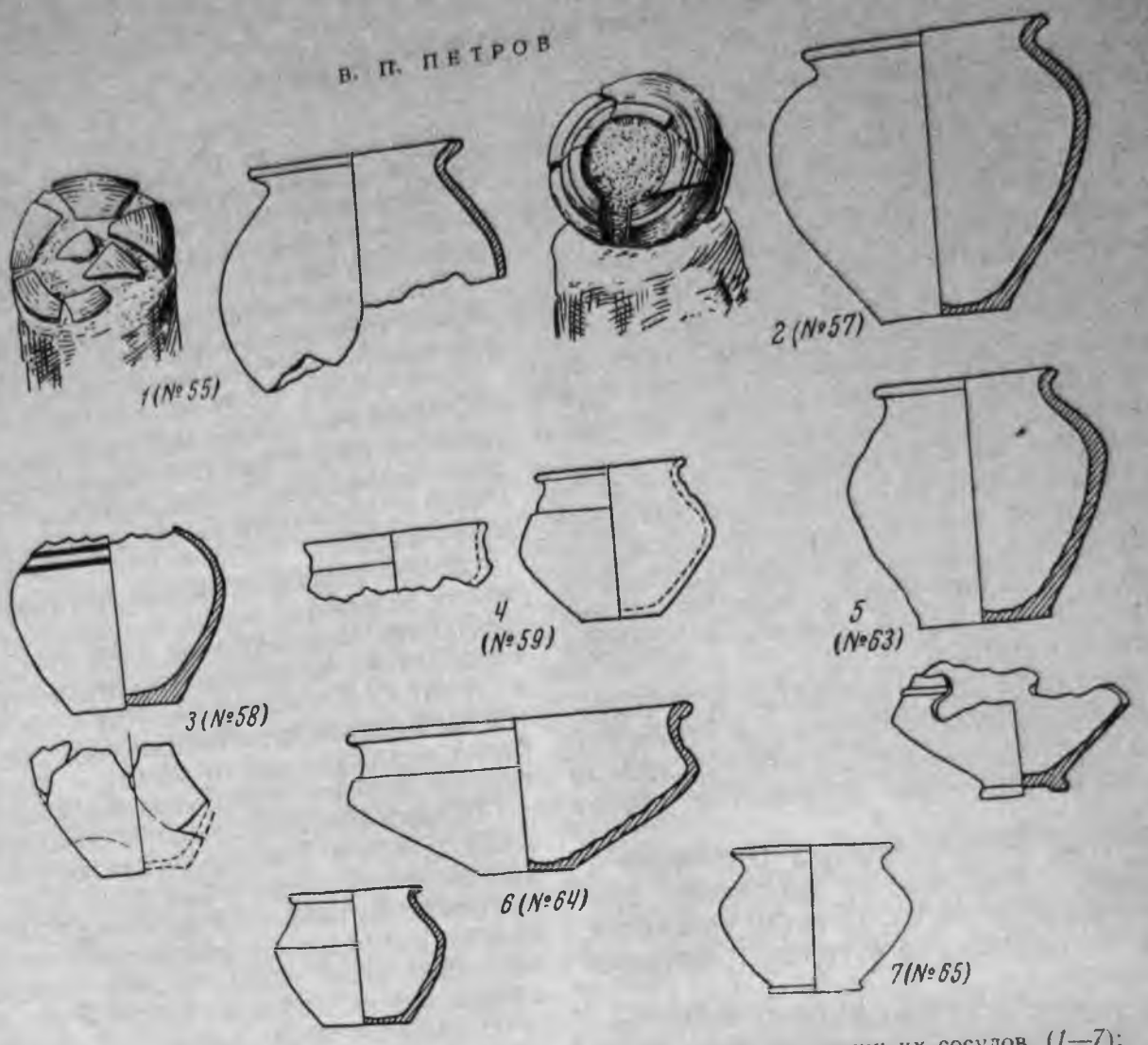

Рис. 4. Погребения с трупосожжениями и зарисовки сопровождавших их сосудов (*1—7*); в скобках даны номера погребений

Погребение № 55, на глубине 0,28—0,43 м, площадь 0,16 м в диаметре. Остатки сожжения, а также три обломка костяного гребня сложены на дно могильной ямы. Они накрыты горшком, повернутым вверх дном. Горшок раздавлен тяжестью земли, нижняя часть отсутствует (рис. 4,*1*).

Погребение № 56, глубина 0,30—0,33 м, площадь 0,19—0,24 м в диаметре. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Сверху он накрыт миской, повернутой вверх дном. Оба сосуда тяжестью земли раздавлены на мелкие кусочки. В инвентаре — кусок гранита, лежавший около горшка.

Погребение № 57, на глубине 0,23—0,36 м, площадь около 0,20 м в диаметре. Остатки сожжения (в небольшом количестве) сложены в горшок, лежавший на боку. Сверху него — два фрагмента сосуда. Горшок под тяжестью земли треснул. Обломок глиняного пряслица с прямоугольными срезами по ребру лежал возле горшка (рис. 4,*2*).

Погребение № 58, глубина 0,20—0,35 м, площадь 0,17 м в диаметре. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. От него сохранилась нижняя часть. Сильная дробность фрагментов не позволила установить, был ли горшок накрыт другим сосудом и каким именно. Два обломка стеклянных шлакированных бусин бледно-зеленого цвета лежали вблизи горшка (рис. 4,*3*).

Погребение № 59, глубина 0,54 м. Остатки сожжения сложены в горшок, стоявший, очевидно, на днище. Сверху урновый горшок накрыт миской. Оба сосуда раздавлены. У миски отсутствует днище (рис. 4,*4*).

Погребение № 60, глубина 0,60—0,68 м, площадь 0,12—0,18 м в диаметре. Остатки сожжения сложены в горшок, поставленный на днище. Горшок надтреснутый. Возможно, он был накрыт сверху мисочкой (рис. 3,*8*).

Погребение № 61, глубина около 0,20 м. Остатки сожжения сложены в миску, поставленную на днище. Сверху урновая миска на-

крыта миской, повернутой вверх дном. Возле них стоял повернутый вверх дном горшок. Вследствие незначительной глубины залегания погребение разрушено и все три сосуда фрагментированы.

Погребение № 62, глубина 0,68—0,74 м, площадь 0,15—0,18 м в диаметре. Остатки сожжения в небольшом количестве сложены в сосуд, очевидно, миску, поставленную на днище. Сверху она была, вероятно, накрыта другим сосудом. Оба сосуда сильно фрагментированы. Зола от трупосожжения прослеживалась достаточно отчетливо, как в границах залегания фрагментов, так и за их пределами.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУПОСОЖЖЕНИЙ МАСЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

На площади, раскопанной в 1926 г., находилось по меньшей мере 30 трупосожжений. Раскопками 1928—1929 гг. было зарегистрировано 62 сожжения. Находки разрозненных фрагментов керамики и единичных вещей свидетельствуют, что часть разрушенных трупосожжений осталась неучтенной.

Ямы погребений имеют квадратную или овальную форму. В отличие от других памятников, например, могильников пшеворской культуры в междуречье Вислы — Одера, где для сожжений копались ямы диаметром до 2 м[35], Масловский могильник не знает ям подобного размера. Диаметр ям в Маслове не превышает 0,50—1 м.

Ямы Масловского могильника неглубоки. Для 1926 г. у нас нет сведений о глубине отдельных погребений. П. И. Смоличев ограничивается общей справкой: «Сосуды находились по большей части в отдельности на средней глубине 0,20—0,50 м от поверхности»[36]. Действительно, согласно Реестру находок, большинство их было обнаружено на глубине второго и третьего штыков, т. е. 0,20—0,60 м. Только небольшое число предметов, относящихся к сожжениям, встретилось на большей глубине, например в квадрате С на 4—7 штыках (№ 388, 405, 414, 417), или в квадрате Е на 5—9 штыках (№ 622, 633, 636 и т. д.)[37].

Данные из раскопок 1928—1929 гг. подтверждают сказанное. Трупосожжения, относящиеся к раскопкам этих лет, встречены на глубине 0,20—1,44 м. Ниже этого уровня ни одного трупосожжения обнаружено не было. Так, из 50 погребений 1928 г. на глубине до 0,50 м находилось 29 сожжений и из 12 погребений 1929 г.— 9. На глубине от 0,50 до 1 м в 1928 г. было вскрыто 17 сожжений и в 1929 г.— 3. На большей глубине, от 1 до 1,50 м, в 1928 г. было выявлено 4 трупосожжения, а в 1929 г. ни одного.

Четыре наиболее глубокие сожжения ничем не выделяются из общей массы. Среди них нет ни одного многоинвентарного; погребение № 33 вообще безынвентарное; в погребении № 24 не было никаких других вещей, кроме бусины и бронзовой пряжки, в погребении № 26 была фибула, в погребении № 34 были две кости овцы. По своим особенностям они также не выпадают из общего ряда. Ямка была предназначена только для того, чтобы поставить в нее сосуд с пеплом и немного присыпать сверху землей. Приводим сводную таблицу глубин захоронений для трупосожжений Масловского могильника за 1928 и 1929 гг.

Таблица 1

Глубина, м	Номера трупосожжений		Всего
	1928 г.	1929 г.	
0,20—0,50	1—3, 5—12, 14—16, 19, 20, 25, 29—32, 35—36, 39, 42, 44—45, 47, 50	51—58, 61	38
0,50—1,0	4, 13, 17, 18, 21—23, 27—28, 37—38, 40—41, 43, 46, 48—49	59, 60, 62	20
1—1,50	24, 26, 33, 34		4
Итого	50	12	62 *

* Приводим сводный список сожжений Масловского могильника в общей последовательности по возрастающей глубине: 0,20 м — № 32,58; 0,24 м — № 12; 0,25 м—№ 1, 29, 45; 0,30 м — № 25, 31, 39; 0,33 м — № 56; 0,35 м — № 5, 14, 36; 0,36 м — № 30, 57; 0,38 м — № 8, 10; 0,40 м — 6, 7, 9, 20, 35, 42, 44, 47; 0,42 м — № 2; 0,43 м — № 3, 54, 55; 0,44 м — № 52; 0,45 м — № 11, 15, 51; 0,46 м — № 50; 0,48 м — № 16, 19; 0,50 м — № 53; 0,54 м — № 59; 0,55 м — № 21; 0,57 м — № 33; 0,6 м — № 18, 27, 49, 60; 0,65 м — № 13, 48; 0,66 м — № 40; 0,67 м — № 41; 0,68 м — № 62; 0,7 м — № 43; 0,75 м — № 37; 0,80 м — № 17, 28; 0,85 м — № 46; 0,92 м — № 4; 1,00 м — № 22, 23; 1,15 м — № 26; 1,30 м — № 33; 1,35 м — № 24; 1,44 м — № 34.

Несколько слов относительно стратиграфии. В районе Маслова, как уже отмечалось, чернозем достигает мощности до 0,90 м. Верхний горизонт почвы на глубине до 0,50 м темный, чисто гумусный. Переходный горизонт — сме-

[35] St. Jasnosz. Cmentarzysko z okresu późno — lateńskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow. Gostyń. Fontes Praehistorici, v. II (1951). Poznań, 1952, стр. 245, 283.

[36] П. Смоличев. Реестр находок, стр. 159.

[37] Там же, стр. 13 и 15.

шанный, более светлого оттенка. Ниже 0,90 м залегает подпочва, лёсс. С. С. Гамченко отнес Масловский могильник к двухъярусным памятникам, с черноземными, как он выразился, трупосожжениями и лёссовыми трупоположениями. Соответственно, погребения на глубине 0,20—0,50 м приходятся на область верхнего горизонта, более глубокие (0,50—1 м) расположены в границах переходного горизонта, тогда как наиболее глубокие из трупосожжений (1—1,50 м) находятся в лёссовой подпочве.

На темном и темно-сером верхних пластах земли погребальные ямы почти не прослеживались. При описании каждого трупосожжения С. С. Гамченко в 1929 г. отмечал: «Контуры могильной ямы невыразительны». В результате нам известны только диаметры залегания остатков сожжения, но нет разрезов могильных ям.

Трупосожжения на участке 1928 г. были расположены в непосредственной близости одно от другого. Из общего числа 50 трупосожжений, раскопанных в 1928 г., 26 находились в среднем на расстоянии около 1 м (например, погребения № 4 и 25, 17 и 28, 3 и 23, 1 и 21 и т. д. Три погребения (№ 13,18 и 24) были расположены еще плотнее. Что касается остальных трупосожжений, то они отстояли одно от другого на расстоянии до 2 и больше метров (например, № 10 и 11) [38]. Принимая во внимание, что диаметр могильных ям достигал 0,50—1 м, необходимо признать, что на данном участке трупосожжения были расположены с предельной густотой. Площадь могильника была заполнена, и для новых погребений здесь уже не оставалось свободного места.

Что касается смежного участка, раскопанного в 1929 г., то здесь обнаруживается другая картина. Трупосожжения отстояли здесь одно от другого на 3—5, а иногда и больше метров (как, например, № 55—57, 59), не говоря уже о погребениях № 60, 61 и др., совершенно обособленных от остальных [39].

Мы имеем все основания рассматривать участок 1929 г. как окраинную часть могильника. Здесь кладбище заканчивалось и погребения дальше не шли. Использовав отведенную под кладбище площадь, древние масловцы расширили могильник за счет свободной площади к западу, где и проводились раскопки 1929 г. Учитывая, что 480 кв. м раскопа 1928 г. дали круглым счетом 50 трупосожжений, приходится заключить, что оба смежные участка 1926 и 1928 гг. отличались примерно одинаковой плотностью в размещении захоронений. Естественно прийти к выводу, что участок 1926 г., подобно участку 1928 г., относился к основной, более древней части Масловского могильника.

Кладбище росло главным образом по направлению с востока на запад.

Нам неизвестно, где приготовляли и где раскладывали погребальный костер, но вполне ясно, что сжигание не производилось на месте погребения. Крайняя густота захоронений исключает возможность подобного допущения. Трудно, однако, даже предположить, что покойников сжигали возле жилых построек, у селища. Едва ли их несли также далеко в поле. Наиболее правдоподобно, что кремация производилась с восточной стороны могильника, т. е. на береговых склонах над рекою. Если это так, и умерших действительно сжигали «у воды», то естественно признать, что урны с пеплом закапывались поблизости, и восточная часть могильника неподалеку от берега была древнейшей.

Значительное число вещей из трупосожжений Масловского могильника сохраняет следы пребывания в огне. Шлакированные огнем стеклянные бусины встречены в погребениях № 3, 5, 13, 17, 23, 24, 27, 28, 52, 58. Находки бронзовых фибул, поврежденных огнем, отмечены в погребениях № 26 и 38. Поврежденные огнем бронзовые пряжки входили в состав инвентаря погребений № 31 и 43. О находках фрагментов стеклянных сосудов со следами действия огня упомянуто в Реестре находок П. И. Смоличева за 1926 г. под № 180/98, 496/67. Под № 603/91 в Реестре значится находка «куска пережженного гранита» [40].

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о глиняных сосудах. Глиняные сосуды в трупоположениях и трупосожжениях использовались с разной целью. В трупоположениях в могилу возле покойника ставили сосуды с едой. В трупосожжениях мы не встречаем сосудов с пищей. Пища, предназначенная для покойника, очевидно, сжигалась вместе с ним.

[38] На один квадрат метрической сетки, разбитой С. С. Гамченко в 1928 г., приходилось в одном случае три трупосожжения, в 13 случаях по два, в 21 случае по одному. На 9 квадратах трупосожжения вообще отсутствовали.

[39] На участке 1929 г. нет однометровых квадратов с двумя трупосожжениями вместе. Редко встречаются трупосожжения на ближайших смежных квадратах. Вообще трупосожжения на данном участке могильника разбросанны и редки.

[40] П. Смоличев. Реестр находок, стр. 13—15.

Умершего сжигали в одежде, застегнутой фибулой и подпоясанной ремнем с бронзовой пряжкой, женщин — с бусами и глиняным пряслицем. На костер ставили стеклянные бокалы и флаконы, клали пищу. На глиняных сосудах, находившихся в трупосожжениях, нет следов пребывания в огне. Глиняные сосуды, составляющие принадлежность трупосожжений, имели только одно назначение — это были урновые сосуды и сосуды, накрывавшие урны или остатки сожжения, ссыпанные на дно могильной ямы.

К безурновым трупосожжениям в Маслове относятся погребения № 1, 12, 17, 18, 55—всего 5; к урновым — погребения № 2—11, 13—16, 19—23, 51—54, 56—62 — всего 30. О всех прочих, вследствие их разрушенности, ничего определенного сказать невозможно.

Во всяком случае ясно одно, что безурновых погребений в Маслове было значительно меньше, чем урновых; преимущественное большинство составляли трупосожжения в урнах.

Выше была отмечена связь между урновыми и безурновыми погребениями и числом сосудов. В безурновых погребениях, т. е. в погребениях, в которых остатки сожжения сложены на землю, имеется обычно один сосуд, в урновых — два или изредка три. Нижний сосуд в урновых погребениях выполняет функцию урны, верхний служит покрышкою.

Считаясь с этим правилом, мы должны будем отнести к безурновым трупосожжениям, кроме перечисленных пяти — № 1, 12, 17, 18, 55, также все прочие погребения с одним сосудом, а именно погребения № 24, 26—29, 32, 33, 35, 36, 39, 41, 42, 45—50 — всего 18 + 5 = 23. Миски были встречены в 4 погребениях — № 1, 27, 42, 48, один горшок — в 18 трупосожжениях — № 12, 17, 18, 24, 26, 28, 29, 32, 33, 35, 36, 39, 41, 47, 49, 50, 55. В трупосожжении № 46 форма сосуда не могла быть определена. Из 35 трупосожжений с двумя сосудами были встречены: горшок с миской в 19 трупосожжениях — № 2, 4, 6, 7, 8, 13, 16, 19, 21, 22, 30, 34, 37, 38, 40, 53, 56, 59, 60, две миски в двух трупосожжениях — № 5 и 52, два горшка в 8 трупосожжениях — № 3, 9, 10, 11, 15, 20, 25, 31, горшок и амфора в 1 трупосожжении — № 44, горшок и неопределенный сосуд в 4 трупосожжениях — 14, 51, 57, 58, миска и неопределенный сосуд в 1 трупосожжении — № 62.

Из трех трупосожжений с тремя сосудами в каждом, в двух трупосожжениях — № 23 и 54 было по два горшка и одной миске, тогда как в трупосожжении № 61 было 2 миски и 1 горшок.

Как отмечено было выше, среди сожжений Масловского могильника имеются погребения только с сосудами и без какого-либо иного инвентаря, а также наряду с ними погребения с сосудами и каким-либо дополнительным инвентарем. К последним относятся трупосожжения № 1, 2, 7—12, 14, 15, 18—20, 25, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 39—42, 44—48, 51, 53, 59—62 — всего 35 (из них под вопросом семь разрушенных). Остальные 26 погребений имели дополнительный инвентарь (сосуды и вещи).

Из 35 сожжений, в которых, как сказано, не было иных находок, кроме сосудов, в 15 погребениях было по одному сосуду — № 1, 12, 18, 29, 32, 33, 35, 36, 39, 41, 42, 45, 46—48; 19 погребений были с 2 сосудами — № 2, 7—11, 14, 15, 19, 20, 25, 30, 40, 44, 51, 53, 59, 60, 62; одно сожжение было с 3 сосудами, № 61.

Из 26 сожжений, в которых, кроме сосудов, имелся также другой инвентарь (сосуды и вещи), в 8 погребениях было по одному сосуду — № 17, 24, 26, 27, 28, 49, 50, 55; 16 погребений были с двумя сосудами — № 3—6, 13, 16, 21, 22, 31, 34, 37, 38, 52, 56, 57, 58; 2 сожжения были с 3 сосудами — № 23, 54.

У нас нет достаточных данных, чтобы объяснить сущность этих вариантов, однако отметим, что большинство погребений с двумя сосудами, помимо сосудов, имеют также и иные вещи, тогда как погребения безурновые или только с одним сосудом редко имеют какой-либо дополнительный инвентарь.

Так, в погребениях с одним сосудом были встречены следующие находки: в погребениях № 17, 27, 28 — бусины, в № 49 — кость овцы, в № 50 — пряслице. Более разнообразный инвентарь в безурновых сожжениях с одним сосудом встречен в погребении № 24 — бусина и пряжка, в № 26 — фибула, в № 55 — костяной гребень. Урновые погребения имели более обильный инвентарь.

Обычай, господствовавший в Маслове, требовал, чтобы прах умершего, независимо от того, был ли он ссыпан на землю или же в урну, был сверху накрыт сосудом. К сожалению, мы не знаем, имелись ли в Маслове погребения, в которых пепел был ссыпан на дно ямки, но ничем не был прикрыт.

С точки зрения социально-имущественной дифференциации, среди Масловских трупосожжений можно легко выделить более богатые погребения. Таковы трупосожжения № 4 и 5 (см. описание).

Прочие погребения с сожжениями, снабженные инвентарем, были оставлены скорее всего среднезажиточным населением. В них имеются те или другие вещи, но вещей меньше, чем в погребениях № 4 и 5, нет серебряных вещей и реже встречаются металлические изделия. Вообще же в сожжениях Масловского могильника встречены: стеклянные бусы в 13 случаях (погребения № 3—5, 13, 17, 22—24, 27, 28, 52, 54, 58), бронзовая бусина в погребении № 5, там же порфиритовая, глиняная бусина в погребении № 37; фибулы — в погребениях № 4 (две), 26, 38, 54; пряжки в погребении № 13, 16, 24, 31, 43; пряслица в семи погребениях (№ 4, 5, 6 — два пряслица; 38, 50, 52, 57), гребень в погребении № 55; нож — в № 23; накосник — в № 5, пирамидка из песчаника в погребении № 4, кусок гранита — в погребении № 56.

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЯМИ

Раскопками на Масловском могильнике за три года —1926, 1928 и 1929 гг. — было обнаружено 29 погребений с трупоположениями, из них в 1926 г. — 4 (№ 63—66), в 1928 г. — 12 (№ 67—78), в 1929 г.— 13 (№ 79—91).

Погребение № 63 (1926 г.), глубина 0,73 м. Скелет, ориентированный головою на север, лежал в вытянутом положении на спине; череп раздавлен, повернут вправо. Правая рука протянута вдоль туловища, левая рука несколько отведена в сторону, ноги вытянуты. Погребение детское, длина скелета 1,08 м. В инвентаре погребения — 5 сосудов — 1 миска и 4 горшка (рис. 4, 5), фибула и кость животного. С правой стороны скелета стояло два сосуда, мисочка возле локтя и рядом с мисочкой, у кисти руки, горшок. С левой стороны, возле колена, на расстоянии 15 см от скелета, стоял горшок, орнаментированный параллельными бороздками, возле него, выше колена, стоял фрагментированный горшок ниже на 10 см, возле ступни,— еще один горшок, аналогичный первому. На левом плече была найдена бронзовая фибула. В стороне от горшка, у колена левой ноги, лежали кости животного (овцы?) [41].

Погребение № 64 (1926 г.), глубина 0,5 м. Раздавленный череп ориентирован на север, повернут лицом влево, к востоку, лежал на левой скуле. Нижняя челюсть лежала отдельно. На расстоянии 0,20 м к югу от черепа находился обломок ключицы. В инвентаре погребения —5 сосудов (3 миски, 2 горшка), 4 из них были расположены к северу и к востоку от черепа, 1 — к югу. К северу от черепа стояло 2 сосуда, небольшой горшок, орнаментированный по плечикам двумя бороздками (диаметр 7 см), и рядом с ним, влево, с восточной стороны, перевернутая вверх дном темно-красного цвета мисочка (раздавлена тяжестью земли). Ниже, слева от черепа, стояли 2 сосуда, один возле другого; ближе к черепу стояла на днище ребристая миска, диаметром 0,14 м, без орнамента (раздавлена тяжестью земли), рядом, влево, на восток от миски,— горшок (диаметр 8 см) без орнамента. К югу от черепа, недалеко от обломка ключицы, лежала опрокинутая вверх дном половина миски крупных размеров грубой работы (рис. 4,6) [42].

---

[41] П. Смолічев. Реестр находок, стр. 161—162; Дневник П. И. Смоличева, стр. 3—5; в «Реестре» вещи из погребения № 63/1 перечислены под № 70—82, а именно: «№ 70. Фибула бронзовая, провинциально-римского типа, иголка отломана, сама фибула распалась на три части, длина 5 см. № 71. Фрагмент изъеденного ржавчиной железного предмета, назначение которого установить довольно трудно. И 72. Миска хорошего обжига, серого цвета, без орнамента, диаметр 18 см. № 73—76. Фрагменты горшка обожженой глины, серого цвета, один из них орнаментирован параллельными линиями (4 фр.). № 77—78. Два мелких фрагмента обожженного глиняного сосуда, серого цвета, без орнамента. № 79. Горшок серого цвета из обожженной глины, грубой выделки, без орнамента, диаметр 10 см, окружность 40 см, взят с землей, находившейся внутри. № 80. Горшок из обожженной глины, орнаментирован параллельными линиями; с одной стороны надтреснут, диаметр 9 см, окружность 42 см. № 81. Горшок из обожженной глины, достаточно небрежной выделки, без орнамента, диаметр 10 см, окружность 46 см. № 82. Кости жертвенного животного (барана?)». Реестр находок, стр. 12. Приведенный список вещей повторен в «Коротких Звідомленнях» под № 6—16 без указания на погребение; в тексте статьи при описании погребения один из горшков и фрагмент железного предмета (ножа?) оставлены без упоминания.

[42] П. И. Смоличев. Указ. соч., стр. 157; Дневник П. И. Смоличева, стр. 46—47. П. И. Смоличев рассматривал данное погребение как трупоположение, в котором «от скелета остался только один череп, остальные же кости, по мнению П. И. Смоличева, совсем перегнили». Отчет, стр. 5. В данном случае, как и в других, Смоличев не обратил внимания на замечания В. В. Хвойки в ЗРАО, т. XII, 1901. В. В. Хвойка был прав, выделяя особую группу погребений с черепом. Погребение № 64/2 относится к числу последних. Особо следует отметить, что положение нижней челюсти вместе с черепом или же отдельно от него свидетельствует о том, положен ли был череп в целом виде или же впоследствии, уже в распавшемся состоянии, в расчлененном виде. Поскольку

В одном метре к западу от погребения № 64 с черепом и приблизительно на таком же расстоянии к северу от погребения № 63 находилось погребение № 65.

Погребение № 65 (1926 г.), глубина 0,65 м. Скелет ориентирован головою на север, лежал в вытянутом положении на спине, руки протянуты вдоль туловища, ноги также вытянуты. Длина скелета 1,15 м. В инвентаре погребения 5 сосудов — 3 горшка и 2 миски (рис. 4,7), гребень и кость животного (лопатка овцы). Все сосуды были расположены с левой стороны скелета в двух группах. Два горшка стояли рядом в головах скелета, возле черепа, слева, к северо-востоку от него. Две миски и один горшок были расставлены один за другим вдоль скелета, а именно: одна миска около бедра, другая миска на уровне колена (тяжестью земли миска была раздавлена), ниже от этой миски — горшок. Слева, возле миски, находившейся около бедра, лежал костяной гребень. На груди скелета лежала лопатка овцы.

Погребение № 66 (1926 г.), глубина 2,50 м. Овальное пятно могильной ямы длиной 2,25 м, шириной 1,65 м, обнаружилось на глубине 0,90 м, кости на глубине 2,50 м [43]. Скелет, судя по положению костей, был ориентирован на север. В своем первоначальном положении остались на месте кости правой руки, правая тазовая кость, кости правой ноги, а также частично кости левой ноги — от колена до ступни. Остальные кости лежали в северо-восточной части могильной ямы. На уровне груди, слева от скелета, лежала нижняя челюсть, а на северо-запад от нее — обломки черепных костей. За ними, дальше к востоку, сверху стоявшей здесь миски, поперек нее, лежала бедренная кость, возле нее были плечевая и локтевая кости. В инвентарь погребения входило 6 сосудов, в том числе 3 миски, 2 горшка, 1 раздавленный сосуд, а также нож, гребень, бусины, пряслице, кости животного, яичная скорлупа. Сосуды были расположены в нескольких группах. В северной части погребения, в головах, к северо-западу от скелета стояла миска, слева, к востоку от нее, лежали фрагменты раздавленного сосуда. Вторая группа сосудов, состоявшая из двух мисок, была расположена слева, к востоку от скелета, на уровне груди. Обе миски — одна раздавленная, другая целая — были наполнены мелкими остатками пережженных костей и землей. В ногах скелета, согласно «Отчету», с левой стороны было два горшка [44]. Помимо сосудов, в состав инвентаря погребения входили кости, череп и ребра овцы. Они лежали к востоку, слева от миски, находившейся в головах, здесь же, под костями овцы, лежал железный нож. Дальше к востоку была яичная скорлупа. В одной из мисок, стоявших слева, на уровне груди, а именно: в раздавленной миске, лежал костяной гребешок. На юго-запад от мисок, ближе к скелету, были найдены две стеклянные бусины и глиняное пряслице [45].

Истолкование этого погребения представило большие трудности для П. И. Смоличева. «Общий вид погребения поражал своею необычайностью и запутанностью», — писал П. И. Смоличев. Сначала он предположил, что погребение было разграблено, затем он допустил, что оно было разрушено. Считая, что «погребение было разрушено в старые времена», он высказал предположение, что в данном случае имело место «соединение двух погребений, одного более давнего — трупоположения — и другого позднейшего, но той же самой эпохи — трупосожжения. Когда копали могилу для погребения с трупосожжением, случайно попали на трупоположение, расположенное здесь, и частично его разрушили. Сдвинутые кости положили вместе с новым погребением (трупосожжением) и все это засыпали землею. Этим можно пояснить тот необычный вид, какой имело данное погребение» [46].

ку в погребении № 64/2 челюсть лежала отдельно от черепа, это означает, что череп был погребен в расчлененном виде.

[43] «Кв. J. На глубине 0,9 м в восточном конце квадрата обозначилось темное пятно овальной формы, ориентированное с С на Ю, часть овала уходила под южную стену квадрата. Для вскрытия всего темного овала была расширена восточная часть квадрата... После расчистки этой части обнаружилось все темное пятно. Почва на территории пятна гораздо темнее окружающей, с сероватым налетом... Овальное пятно в длину 2,25 м, в ширину 1,65 м. Овальное пятно продолжается в глубину на 0,95 м. Под пятном на глубине 2,50 м обнаруживались кости». (Дневник П. И. Смоличева, стр. 49—50).

[44] Так сообщается в Дневнике П. И. Смоличева, стр. 9. «В ногах с левой стороны два горшка». На чертеже в Отчете, действительно, в ногах, несколько влево, показаны два горшка. Однако на чертеже на стр. 55 Дневника П. И. Смоличева их нет, вместо этого один горшок обозначен слева от левой ноги, другой же горшок — под локтевой кистью правой руки, вблизи кисти, соответственно в объяснительном тексте к чертежу значится: «ЮЗ — 1,65 м, СЗ—1,65, горшок возле правой кисти». Дневник П. И. Смоличева, стр. 59. В Отчете «горшок возле правой кисти» не упоминается.

[45] Так в Отчете. В Дневнике П. И. Смоличева, стр. 59, читаем: «На запад от миски, под кистями, найдены: одна глиняная пряслица и три восьмигранных небольших синих стеклянных бусы».

[46] Дневник П. И. Смоличева, стр. 10.

Предложенное объяснение не выдерживает критики. Овальное пятно, обнаруженное на глубине 0,90 м, осталось ненарушенным. Ни одно из трупосожжений Масловского могильника не было встречено на глубине 2,50 м [47]. Тем более исключается возможность, чтобы в единственном подобном случае сожжение оказалось на месте, занятом до этого трупоположением. Мысль о впускном погребении, разрушившем трупоположение, приходится отбросить. Едва ли погребение № 66 было разрушено. Оно не было разрушено ни грабителями, ни впускным погребением. Инвентарь погребения, обычный для каждого трупоположения, сохранился целиком на месте, что и отмечается П. И. Смоличевым: «Грунт не имел никаких признаков преднамеренного раскапывания, или же того, что он был нарушен» [48]. То же подтверждается и относительно миски: они «не имели признаков разрушения или даже того, что они были сдвинуты» [49]. Остается предположить другое, а именно, что покойник был погребен в несколько согнутом, полусидячем положении. Такое истолкование данного погребения весьма правдоподобно. Находка черепных костей и нижней челюсти, а также бусин на уровне груди как нельзя лучше подкрепляет возможность подобного допущения. Находка плечевой и локтевой костей левой руки слева от миски, в свою очередь, согласуется с высказанной мыслью. О том же говорит положение бедренной кости сверху миски вместе с плечевой и локтевой костями левой руки, в особенности, если сравнить погребения № 66, 67 и 69 [50].

Погребение № 67 (1928 г.), глубина 1,15 м, площадь захоронения 0,83 м (С — Ю), на 0,55 м (З — В) (рис. 5, *1*; рис. 6, *1*). Скелет находится в согнутом, полусидячем положении с подогнутыми ногами [51], отчего кости рук и ног оказались перемещенными. Судя по положению тазовой кости и позвонков, скелет был ориентирован головою на север [52]. С. С. Гамченко считал погребение разрушенным и кости растащенными грызунами, однако, это мнение явно ошибочно. Местонахождение костей скелета полностью отвечает позе, в которой был погребен покойник. В первоначальном положении сохранились тазовая кость и позвонки в западной части могильной ямы, вблизи упавшего на бок горшка (рис. 6,*2*). Тут же, между правой тазовой костью и горшком, лежала нижняя челюсть. Наискось к тазу лежали параллельно одна к другой бедренные кости, несколько сдвинутые влево, к востоку, тогда как берцовые кости лежали под углом к бедренным. Кости ступни правой ноги отвечали обычному положению ступни при подогнутом положении нижних конечностей. Левая лопатка лежала у колена левой ноги. Далее за лопаткой были реберные кости и часть позвонков, в том числе кобчик, на расстоянии 42—45 см от челюсти и 62 см от ступни правой ноги. Фаланги пальцев левой руки лежали в 42 см к северо-востоку (влево от челюсти), тогда как лучевая кость правой руки находилась сверху черепков фрагментированного горшка, под углом к колену (на расстоянии 44 см к югу от челюсти), на 0,25 м выше костей таза, на нижнем уровне погребения. В инвентаре погребения — два горшка. Один целый горшок лежал на боку у поясной части скелета, возле тазовых костей, с их правой стороны. Другой горшок, фрагментированный, стоял на днище, в ногах у погребенного в южной части могильной ямы [53].

Погребение № 68 (1928 г.), глубина 1,70 м (рис. 5, *2*; рис. 6, *3*). Скелет, ориентированный головою на север, с отклонением на 30° к востоку, лежал на спине в вытянутом положении, череп повернут влево и слегка наклонен вперед, руки вытянуты вдоль туловища и слегка согнуты в локтях, кисти обращены ладонями вниз, ноги вытянуты, ступни обращены внутрь, фалангами одна к другой. Верхняя часть туловища и особенно голова лежали как бы на возвышении, до 0,12 м. Ноги отклонены вправо на 10°, расстояние между коленными чашками 0,21 м. Скелет женский, рост 1, 55 м. Сохранность скелета удовлетворительная. Уцелевшие кости имеют желто-лимонный оттенок, истлевшие — красноватого цвета. В инвентаре погребения — бронзовая арбалетная фибула, лежавшая на правой ключице (рис. 6, *4*).

Погребение № 69 (1928 г.), глубина 1,83 м, площадь захоронения 1,55—1,15 м (рис. 5,*3*; рис. 6,5), 0,50—1,15 м. Скелет находился в по-

---

[47] Дневник П. И. Смоличева.
[48] Так же, стр. 158.
[49] Там же.
[50] Последующие исследования могил черняховского типа показали, что разрушение погребений с трупоположениями производилось, вероятнее всего, с магическими целями, по-видимому, ближайшими потомками умерших. См. Э. А. Сымонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. СА, 1963, № 1, стр. 49—60.
[51] Согласно С. С. Гамченко, «в полусидячем — полулежачем положении». Отчет, стр. 9.
[52] Согласно С. С. Гамченко, «скелет был ориентирован спиною на юго-восток». Отчет, стр. 9.
[53] Описание погребения в Отчете, стр. 9, и в Дневнике П. И. Смоличева, стр. 20, крайне недостаточны. Приведенное описание восстановлено нами на основании чертежа и рисунка Дневника П. И. Смоличева, стр. 20.

Рис. 5. Погребения с трупоположениями.

1 — погребение № 67; *2* — погребение № 68; *3* — погребение № 69

лусидячем наклонном положении, ориентированный головою на север с отклонением к западу на 10°. Кости размещены в следующем порядке: в юго-восточном углу погребальной ямы лежали в своем первоначальном вытянутом положении, параллельно одна другой, берцовые кости нижних конечностей от колена до ступни с фалангами пальцев. Обе берцовые кости были посередине перебиты. К востоку, на уровне колена левой ноги, лежал обломок нижней челюсти; с другой стороны, справа, у колена правой ноги, находилось днище горшка. Выше на 0,25 м, в той же южной части могильной ямы, справа, лежала группа костей: раздавленный череп, сверху него две скрещенные бедренные кости, а под ними сбоку, правее — тазовые кости. На противоположном конце площадки, в северной части могильной ямы, в направлении 30° с севера на запад, на расстоянии 1,10 м от черепа находилась остальная часть скелета — шейные и поясные позвонки, реберные кости, сверху позвонков лопатка, правее, к западу, плечевые кости рук, далее к югу — локтевые кости и фаланги пальцев обеих рук (на расстоянии 30 см одна от другой). Скелет мужской, длина скелета 1,69 м. В инвентаре погребения 6 сосудов — 4 горшка и 2 миски (рис. 6, *7—9, 11—13*). Сосуды были расположены в трех группах справа от скелета. У колена правой ноги, как упомянуто, находилось днище горшка. За черепом, на основном нижнем уровне погребения, стояли в несколько наклонном положении два горшка, рядом с ними, справа — миска крупных размеров. В 23 см к северу от этой группы стояло два сосуда, горшок и, вплотную прилегая к нему, миска небольших размеров. Кроме шести перечисленных сосудов, в состав инвентаря погребения входили костяной гребень, нож, брусок и кости овцы. Все они лежали вместе в северо-западном углу ямы: череп овцы с рожками, обломки челюсти, ребра, позвонки и т. д., тут же рядом обломанный железный нож и возле черепа овцы костяной гребень (рис. 6, *6, 10, 14*).

Погребение № 70 (1928 г.), глубина 1,65 м. Погребение разрушено при выборе глины на глинище, сохранилась только часть скелета. От скелета уцелели кости нижних конечностей: фаланги пальцев левой ступни и кости правой ноги от ступни до половины бедренной кости (на протяжении 1,05 м). Ступня правой ноги под углом 45° повернута к левой ступне, фаланги которой под тем же углом повернуты влево. Ноги вытянуты. Положение уцелевших костей не позволяет точно установить первоначальное положение и ориентировку скелета. Не исключена, однако, возможность, что скелет лежал в вытянутом положении на спине, ориентированный головою на север, с отклонением на 30° к востоку. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 71 (1928 г.), глубина 1,8—2,06 м (рис. 6, *15*; рис. 7, *1*). Скелет ориентирован головою на север, с отклонением на 20° к востоку; лежал в вытянутом положении на спине, голова обращена в левую сторону к востоку. Верхняя часть скелета слегка повернута влево, руки вытянуты вдоль туловища, левая несколько откинута, ноги в коленях сближены, ниже колен до ступни лежат параллельно. Фаланги пальцев распластаны, у правой кисти руки — ладонью вверх; у левой кисти — ладонью вниз. Скелет женский, длина 1,58 см. Сохранность хорошая. В инвентаре погребения — 7 сосудов: 3 горшка и 4 миски (рис. 6, *16, 19, 21, 24—26*). Сосуды расположены в двух группах. Большая часть сосудов поставлена в головах скелета как бы на возвышении, в северо-восточном углу погребальной ямы. Ближе всего к скелету стояла на днище миска, за нею слева (к востоку) 4 сосуда, из них непосредственно слева возле миски стоял на днище горшок больших размеров, возле него лежал на боку, отверстием к черепу, меньший горшок. Тут же рядом к северу стоял третий горшок, орнаментированный в плечевой части параллельными бороздками крупных размеров. Выше него стояла большая миска-ваза. Возле колена левой ноги стояла на днище миска. Внутри миски была другая, меньших размеров, темно-серая, лощеная, отличной работы. Помимо сосудов, в инвентарь погребения входили бусы с пронизями, 2 фибулы, зеркальце, пряслице, 2 ножа, точильный брусок, кусок гранита, римская монета, кости овцы (рис. 6, *17—18, 20, 22—23*). Бусы лежали слева от черепа около шейных позвонков. Они были из стекла, кости и пр., в том числе 11 стеклянных бусин, из них 3 целые — одна цилиндрическая зеленого стекла со следами позолоты, другая круглая из сине-зеленого стекла, третья тройная из синего стекла, 8 фрагментированных из синего и зеленого стекла. Костяная бусина имела форму шестиреберной призмы. Тут же, несколько ниже плеча, были найдены 4 бронзовые, квадратные в сечении пронизи и вместе с ними две овальной формы бронзовые пластинки с двумя вставленными в них перпендикулярно проволочками, «как бы концовками монисто». Две серебряные щиткового

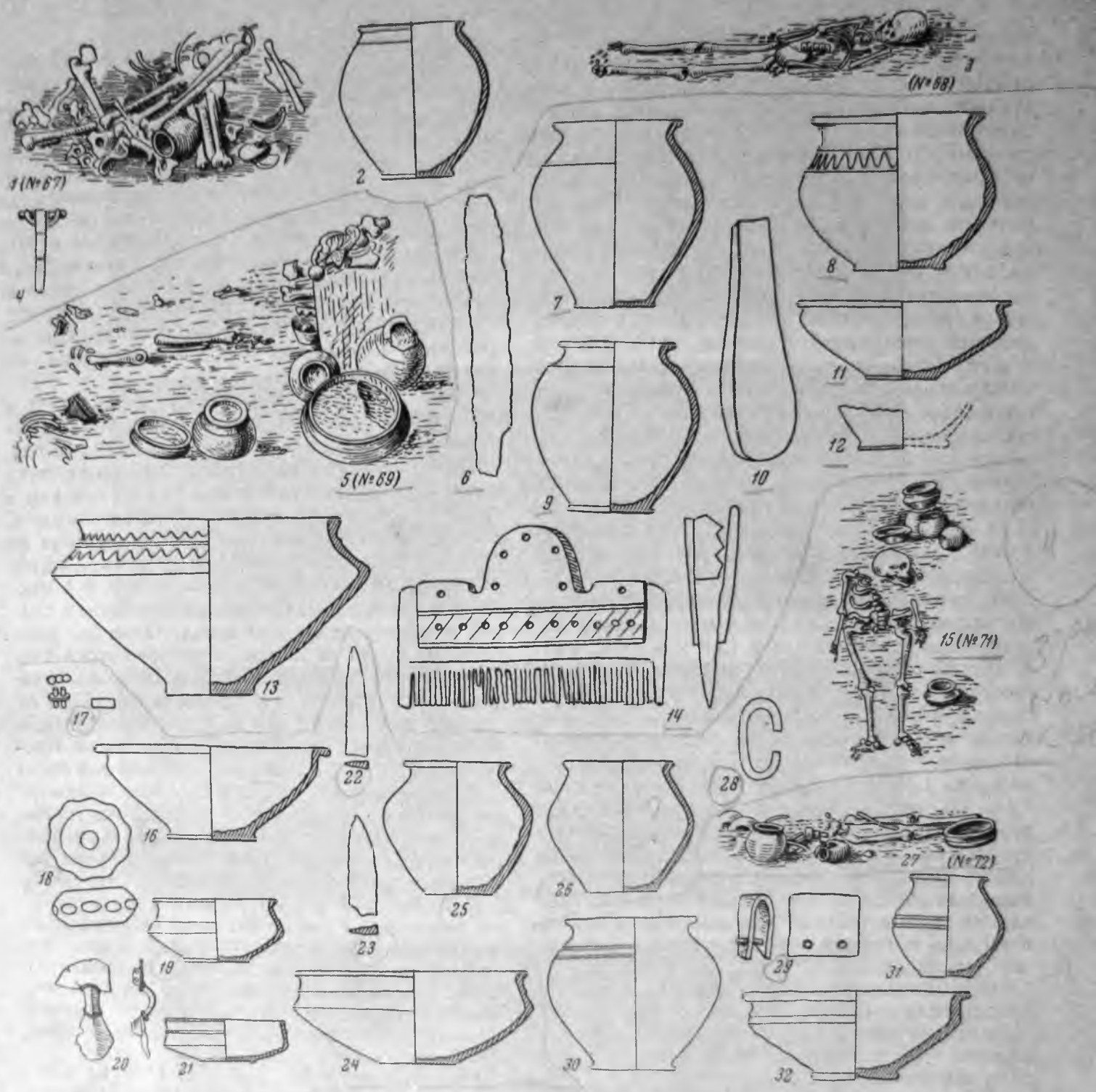

Рис. 6. Погребения с трупоположениями и зарисовки сопровождавшего их инвентаря; в скобках даны номера погребений.

1 — погребение № 67; *2* — горшок серого цвета; *3* — погребение № 68; *4* — бронзовая фибула; *5* — погребение № 69; *6* — железный нож; *7* — горшок серого цвета; *8* — горшок; *9* — горшок светло-серого цвета; *10* — точильный камень; *11* — миска серого цвета; *12* — придонная часть горшка; *13* — миска-ваза; *14* — костяной гребень; *15* — погребение № 71; *16* — миска серого цвета; *17* — стеклянная бусина и пронизь; *18* — глиняное пряслице; *19* — миска серого цвета; *20* — серебряная фибула; *21* — миска серо-желтого цвета, *22*, *23* — обломки железных ножей; *24* — миска серого цвета; *25* — горшок серого цвета; *26* — горшок серого цвета; *27* — погребение № 72; *28* — бронзовая пряжка; *29* — железная обойма; *30* — горшок темно-серого цвета; *31* — горшок серого цвета; *32* — миска серовато-красноватого цвета

типа фибулы лежали на ключицах, на левой — фрагментированная (из 3 обломков), на правой — целая. Слева от черепа, в 8 см к востоку от плеча, лежало глиняное пряслице биконической формы. Левее пряслица, в 15 см к северо-востоку от черепа, находилось 7 обломков разбитого блестящего зеркальца, желтовато-зеленого цвета, с остатками кожи. Под зеркальцем обнаружено небольшое количество краски желтого цвета. Тут же, возле зеркальца, влево, на расстоянии 18 см от черепа лежала завернутая в полотно (рис. 8, *3*), пропитавшееся бледно-зеленой окисью, римская монета, денарий императора Адриана (117—138 гг. н. э.) [54]. Слева, непосредственно возле черепа, между черепом и пряслицем, лежала большая неопределенная кость ноги животного. По другую сторону, справа от черепа, лежали косточки и череп барана; с ними рядом, правее, железный, покрытый ржавчиною нож. Обломок второго железного ножа находился у таза, слева, в поясной части скелета. Среди реберных костей с левой стороны были найдены 4 обломка плоской узкой косточки, толщиной 0,50—1 мм, неопределенного назначения. Около кисти правой руки лежал обломок мелкозернистого гранита, серого цвета (3,8 × 2,1 × 1,3 см).

В северо-восточном углу могильной ямы, на расстоянии 1,1 м от черепа и в 0,78 м от группы сосудов, стоявших в головах скелета, было выявлено прямоугольной формы пепелище, ориентированное с востока на запад, занимавшее площадь 1,15 м на 0,68 м, при толщине слоя 8 см. На пепелище была зола, угли, остатки дубовой доски; в восточной части пепелища прослеживалось, как отмечает С. С. Гамченко, «много выпота селитры». С левого края среди золы был обнаружен точильный брусок из песчаника, прямоугольной формы, серого цвета, несколько вогнутый с обеих удлиненных сторон; на лицевой и боковой сторонах камня были заметны следы шлифовки. Это пепелище представляло собою, по всей вероятности, остатки погребального костра, разложенного, следует думать, при погребении неподалеку от тела покойника.

Своеобразной особенностью погребения № 71 является то, что в нем поверх скелета, на площади длиною 1,68—2,03 м и шириною 0,30—0,45 м был выявлен слой, толщиною 0,30—1,2 см, перегнившего дерева (дуба или граба). В юго-восточной части погребения дерево истлело в значительно большей степени, чем с противоположной стороны. Вообще же создавалось впечатление, что деревянная прослойка была как бы сдвинута в бок, в направлении на юго-восток. Слой перегнившего дерева, перекрывавший скелет, охватывал, очевидно, далеко не всю площадь могильной ямы. Во всяком случае, что касается группы сосудов в головах скелета, то она находилась за пределами слоя, между тем как мисочка, стоявшая у колена левой ноги, оставалась в пределах слоя. Учитывая, что слой перегнившего дерева был выявлен только сверху скелета, приходится заключить, что в данном погребении над телом покойника было сооружено деревянное перекрытие — род помоста или же что-либо подобное.

Погребение № 72 (1928 г.), глубина 1,3 м (рис. 6, *27*; рис. 7, *2*). Скелет ориентирован головою на север с отклонением на 20° к востоку, лежал на спине, в вытянутом положении, руки протянуты вдоль туловища и слегка согнуты в локтях, ноги вытянуты, в ступнях сближены. Длина скелета 1,23 м. Сохранность скелета не совсем удовлетворительная. В инвентаре погребения — три сосуда, из них 2 горшка и 1 миска (рис. 6, *30—32*). Сосуды расставлены с правой стороны вдоль туловища. Один из двух горшков стоял на днище, несколько ниже плеча, касаясь локтя погребенного. Другой — раздавленный горшок — на расстоянии 17 см от первого лежал на боку возле бедра. Далее, в 30 см у ступни правой ноги, стояла миска. Кроме трех сосудов, в инвентаре погребения были встречены пряжка, зажим для пояса, железный неопределенный предмет и два обломка гранита (рис. 6, *28—29*). Пряжка и зажим были найдены в поясной части скелета, немного ниже таза, возле правой ноги. Пряжка — железная, дужка овальной формы. Зажим в виде согнутой пластинки с двумя заклепками-штифтиками, соединяющими обе половинки. Здесь же лежало пять обломков железного предмета, сильно поврежденного ржавчиной, на двух обломках сохранились остатки дубового дерева. Куски гранита найдены возле черепа и правого плеча.

Погребение № 73 (1928 г.), глубина 0,82 (рис. 9, *1*). Скелет ориентирован головою на север, лежал на спине, в вытянутом положении. Череп повернут вправо, левая рука протянута вдоль туловища, правая рука согнута в локте и несколько откинута в сторону, ноги вытянуты; бедренные кости лежали параллельно; левая берцовая кость немного сдвинута влево в ступне, тогда как кости правой берцовой лежали рядом с правой бедренной, на одном с нею уровне. Скелет детский, длина 0,92 м

[54] См. описание монеты на стр. 163.

Рис. 7. Погребения с трупоположениями.

1 — погребение № 71; *2* — погребение № 72; *3* — погребение № 75; *4* — погребение № 79

Сохранность скелета неудовлетворительная. В инвентаре погребения — 3 сосуда: 2 горшка и 1 миска (рис. 9, *2—4*). Все они расположены с левой стороны скелета. Оба горшка лежали на боку, один возле другого, обращенные отверстием к черепу, больший возле плеча, касаясь черепа, за ним рядом стояла на днище миска. Никакого другого инвентаря не было.

Погребение № 74 (1928 г.), глубина 1,45 м (рис. 9, *5*). Скелет ориентирован на север, с отклонением на 40° к востоку, лежал на спине, в вытянутом положении с согнутыми в коленях ногами. Череп со стороны темени на 0,04 м выше нижней челюсти, повернут влево; руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки лежала сверху края левой тазовой кости, кисть правой была под краем правой тазовой кости. Ноги согнуты в коленях под углом 120° и повернуты влево. Расстояние между коленями 0,28 м, левая нога на 0,03 м выше правой, ступни ног соприкасаются, прилегая одна к другой. Скелет мужской, длина 1,65 м. Сохранность скелета, за исключением истлевших реберных и тазовых костей, а также части позвонков, удовлетворительная. Под левой ключицей — бронзовая фибула арбалетного типа (рис. 9, *6*).

Погребение № 75 (1928 г.), в 0,55 м к западу от погребения № 73, глубина 0,85 м (рис. 7, *3*; рис. 9, *7*). Скелет ориентирован головою на север, с отклонением на 20° к западу, лежал на спине, в вытянутом положении, несколько повернутый влево. Руки протянуты вдоль скелета, кисть правой руки лежит на уровне тазовой кости, кисть левой руки лежит под тазовой костью. Ноги вытянуты, бедренные кости в коленях сближены, ниже колен правая нога закинута на берцовую кость левой. Длина скелета 0,9 м. В инвентаре погребения — 2 сосуда — горшок и миска (рис. 9, *9, 11*). Оба с правой стороны скелета. Горшок лежал наклонно к туловищу возле локтя, перекрывая плечевую кость правой руки. Непосредственно рядом с ним, в поясной части скелета, стояла на днище миска. Помимо сосудов, в инвентаре погребения — две фибулы арбалетного типа с железными осями. Фибулы лежали на ключицах обоих плечей (рис. 9, *8, 10*).

Погребение № 76 (1928 г.), глубина 1,35 м (рис. 9, *12*). Скелет ориентирован головою на север с отклонением на 15° к западу, лежал на спине, в вытянутом положении, на правом боку. Череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль скелета, левая рука несколько согнута в локте, фаланги пальцев кисти левой руки лежали сверху тазовой кости, фаланги пальцев правой кисти лежали возле правой бедренной кости. Ноги вытянуты, ниже колен отрезаны глиноко-пами. Скелет женский, длина 1,55 м (в уцелевшей части 1,1м). Череп раздавлен, челюсти раздроблены, ребра повреждены грызунами (погребение находилось в слое кротовин), кости рук почти вовсе истлели. В инвентаре погребения два сосуда: горшок и миска (рис. 9, *13*). Оба сосуда с правой стороны скелета. Миска стояла на днище у локтя правой руки; горшок — рядом, ближе к тазу, у пояса. Кроме двух сосудов, в инвентаре погребения — три куска гранита серого цвета. Куски гранита лежали у кисти правой руки.

Погребение № 77 (1928 г.), глубина 0,95 м. Погребение ребенка, уцелели остатки черепа, раздавленного тяжестью земли. Все остальные кости истлели. Уцелевшие кости имели красноватый оттенок. В инвентаре погребения — две стеклянные бусины, обе цилиндрической формы, одна девятиреберная темно-синего цвета, другая, слегка поврежденная, светло-голубого, обе найдены возле черепа.

Погребение № 78 (1928 г.), глубина 1—1,25 м. Погребение детское, с незначительными остатками скелета. Более или менее сохранились четыре обломка черепа, остальные кости почти совсем истлели и распались. В инвентаре погребения — один фрагментированный горшок и железный покрытый ржавчиной нож.

Погребение № 79 (1929 г.), глубина 0,92—1,03 м (рис. 7, *4;* рис. 9, *14*). Скелет ориентирован головою на северо-восток. Остатки костей черепа, таза и нижних конечностей указывают, что скелет лежал на спине, в вытянутом положении. Кости черепной чашки были несколько сдвинуты влево, обломок нижней челюсти был найден на глубине 0,81—0,88 м, несколько выше общего уровня погребения. Возможно, что череп находился как бы на некотором возвышении. Кости нижних конечностей лежали параллельно одна другой. Скелет подростка, длина 0,96 м. Сохранность скелета неудовлетворительная, кости сохранились плохо, уцелели два крупные и три меньших обломка черепа, два обломка лопаток, обломки тазовых костей, а также кости обеих ног. В инвентаре погребения 3 сосуда — миска, горшок и днище большого горшка (рис. 9, *15—16*). Сосуды расположены вдоль туловища, с правой стороны скелета. Миска стояла на днище несколько ниже плеча, рядом стоял наклоненный к скелету горшок и около таза — днище горшка крупных размеров. Помимо сосудов,

Рис. 8. Погребения с трупоположениями и остатки ткани из могилы.

1 — погребение № 80; *2* — погребение № 81; *3* — остатки материи из погребения № 71; *4* — погребение № 82

в инвентаре погребения были две бронзовые пряжки, найденные возле нижней челюсти, на том же уровне, что и челюсть (глубина 0,88 м). Обе пряжки с язычком и обоймой для ремня, у одной пряжки обойма округленной формы, у другой — овальная (рис. 9, *17—18*).

Погребение № 80 (1929 г.), глубина 0,92—1,14 м (рис. 8, *1*; рис. 9, *19*). Скелет ориентирован головою на северо-запад. Положение спинных позвонков, лопаток, реберных костей, таза и ног показывает, что покойник лежал на левом боку, повернутый на живот. Череп обращен влево, позвонки лежали извилистой линией, левая рука была под костями скелета вытянута под ребрами и согнута в локте; правая рука вытянута и откинута в сторону; ноги слегка подогнуты в коленях (под углом в 150°). Создается впечатление, что покойник, лежавший навзничь, был просто брошен в яму, размеры которой из-за нечеткости контуров не могли быть установлены. Скелет мужской, длиной 1,69 м. Сохранность костей в основном удовлетворительная. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 81 (1929 г.), глубина 0,86—1,04 м (рис. 8, *2*; рис. 9, *20*). Скелет ориентирован головою на север, с отклонением на 10° к западу, лежал на спине в вытянутом положении. Череп наклонен вправо, опираясь лицевой частью на миску, руки вытянуты, правая рука несколько откинута в сторону, вправо, кисть ее фалангами пальцев обращена к туловищу, левая рука слегка согнута в локте, пальцы левой руки лежат на левом бедре. Ноги вытянуты, левая нога несколько согнута в колене, берцовые кости в ступнях скрещены, фаланги правой ступни лежат сверху левой. Скелет женский, длина 1,47 м. Сохранность скелета удовлетворительная. В инвентаре погребения — 5 сосудов, из них 3 миски и 2 горшка (рис. 9, *23, 26, 28—29*). Сосуды расположены с обеих сторон скелета. С правой стороны, непосредственно в головах, стоит миска, на которую опирается череп. С той же правой стороны, в ногах скелета, возле ступни, стоит на днище другая миска. С левой стороны скелета находились три сосуда: низкая миска, стоявшая на дне, еще около плеча, и два горшка, раздавленный и целый, стоявшие в поясе у таза, вплотную один возле другого. Кроме пяти сосудов, в инвентаре погребения были фибула, бусы, обломок тонкой проволоки, две пряжки, гребень, игольник с иглой, а также кости животного (рис. 9, *21—22, 24—25, 27*). Бронзовая фибула фрагментированная находилась на правой ключице. На шее — два ряда стеклянных бус, среди них также пастовые, янтарные и сердоликовые. Бусины выходили из-под шейных позвонков, шли вдоль трех спиленных до левой лопатки и кучкою, вместе с бронзовою концовкой, лежали на ней. Здесь же, на шейных позвонках, был найден обломок тонкой бронзовой проволочки. Из двух бронзовых пряжек одна лежала слева у шеи, а другая на левой половине таза. Вблизи бедра, возле кисти правой руки, лежал костяной гребень, справа от него игольник в виде костяной трубочки с бронзовой иглой. Кроме того, на фото погребения, справа от миски, стоявшей у ступни правой ноги, показана не отмеченная в Отчете и Дневнике кучка костей животного.

Погребение № 82 (1929 г.), глубина 1,34—1,48 (рис. 8, *4*; рис. 9, *30*). Скелет ориентирован головою на север, лежал на спине, в вытянутом положении, несколько наклоненный влево. Череп, возможно, находился на некотором возвышении (от поверхности до черепа 1,34 м) и лицом был повернут влево. Правая рука вытянута вдоль скелета, ноги протянуты, лежат параллельно, в колене левая нога слегка согнута, в ступне сдвинута вправо к ступне правой ноги. Скелет подростка, длина 1,07 м. Сохранность скелета плохая. В инвентаре погребения три (4?) сосуда — 1 слева и 2 справа (рис. 9, *34—36*). Два горшка лежали на боку, венчиками к скелету, один наискосок к другому, у ступни правой ноги и возле колена левой ноги. Фрагментированный сосуд крупных размеров лежал возле кисти правой руки. Кроме того, в погребении, судя по инвентарным спискам, находился фрагмент (нижняя часть) небольшого сосудика, типа кубка. Помимо сосудов, в составе инвентаря погребения были бусы с бронзовыми пронизями, косточки птицы, яичная скорлупа и, согласно инвентарю, фрагмент бронзовой аркалетной фибулы (рис. 9, *31—33*). Три небольшие янтарные бусины, две стеклянные (согласно записи в Дневнике) и бронзовые пронизи были найдены возле черепа. В ногах, около ступни правой ноги, находились косточки птицы и яичная скорлупа.

Погребение № 83 (1929 г.), глубина 1,42 м (рис. 10, *1*; рис. 11, *1*). Скелет ориентирован на север, с отклонением на 15° к востоку. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль туловища, ноги также вытянуты, лежат параллельно, не соприкасаясь и не сближаясь. Череп лежал, как бы опираясь на горшок, стоявший в головах. Скелет, возможно, девочки, длина скелета 0,95 м. Сохранность

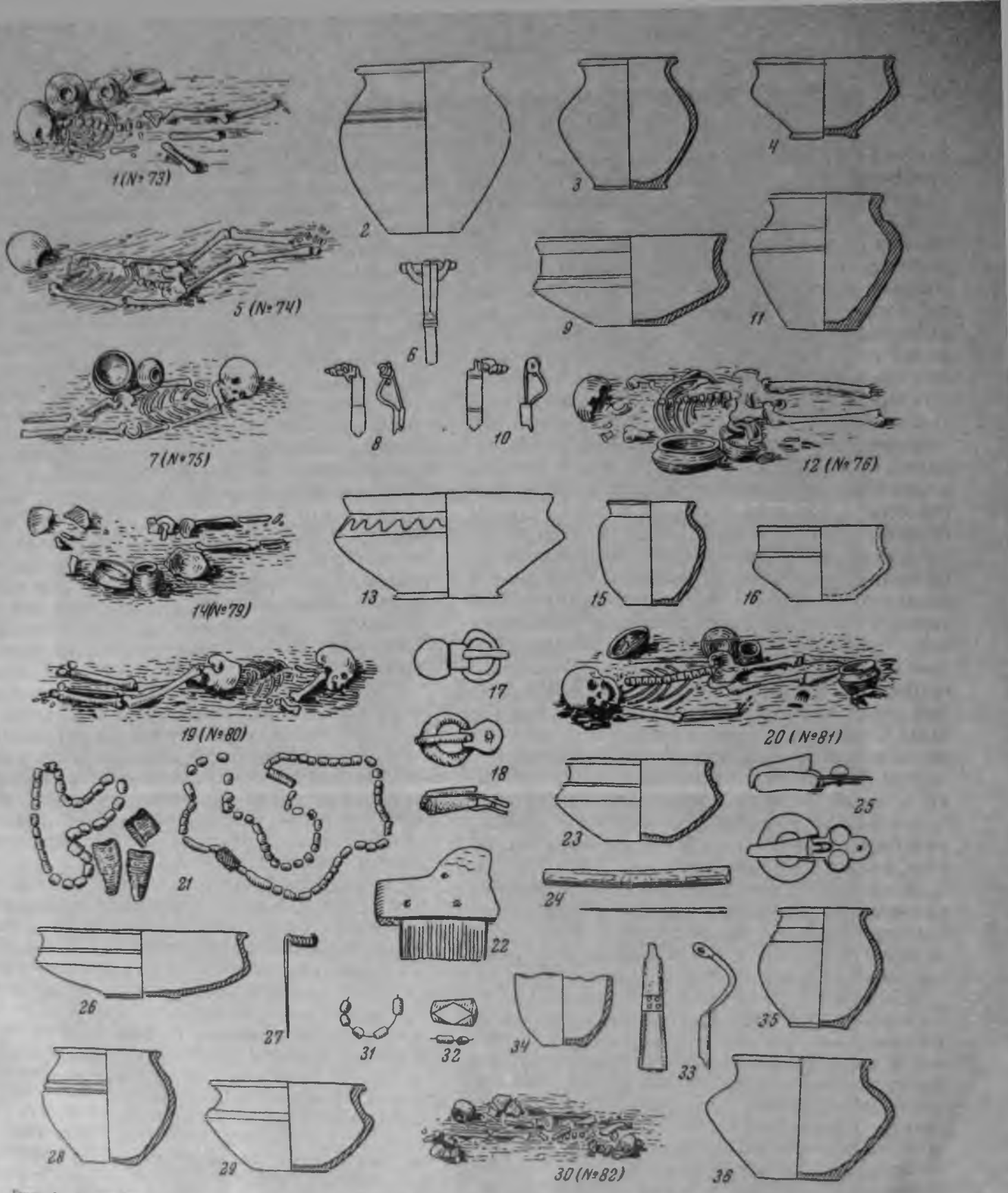

Рис. 9. Погребения с трупоположениями и зарисовки сопровождавшего их инвентаря; в скобках даны номера погребений.

1 — погребение № 73; *2* — горшок серого цвета; *3* — горшок серого цвета; *4* — миска красноватого цвета; *5* — погребение № 74; *6* — бронзовая фибула; *7* — погребение № 75; *8* — бронзовая фибула; *9* — мисочка темно-серого цвета; *10* — бронзовая фибула; *11* — горшок серого цвета; *12* — погребение № 76; *13* — миска серо-черного цвета; *14* — погребение № 79; *15* — горшок темно-серого цвета; *16* — миска пепельно-серого цвета; *17* — бронзовая пряжка; *18* — бронзовая пряжка; *19* — погребение № 80; *20* — погребение № 81; *21* — стеклянные, пастовые, янтарные и сердоликовые бусы; *22* — костяной гребешок; *23* — миска серого цвета; *24* — костяной игольник и игла; *25* — бронзовая пряжка; *26* — миска серого цвета; *27* — бронзовая пружина и игла от фибулы; *28* — горшок серого цвета; *29* — миска серого цвета; *30* — погребение № 82; *31* — стеклянные и янтарные бусы; *32* — спинка бронзовой фибулы; *34* — нижняя часть сосуда; *35* — горшок темно-серого цвета; *36* — горшок светло-серого цвета

скелета неудовлетворительная. В инвентаре погребения 8 сосудов, расставленных в головах и с правой стороны скелета, в том числе кувшин, кувшин-кружка, четыре миски и два горшка (рис. 11, *2—4, 7—11*). Небольшой кувшин-кружка с остроугольной ручкой стоял в головах, вплотную возле левого плеча. С другой стороны, у правого плеча, возле шейных позвонков, стояла миска. Между ними находился горшок, сверху которого, как отмечено, лежали кости раздавленного черепа. Дальше, к северо-западу, за горшком, лежал опрокинутый на бок кувшин с ручкой и широким длинным горлом. Ниже миски, стоявшей у правого плеча, возле локтя, стояла на днище еще одна миска небольших размеров. Справа от этих мисок стояла большая миска. С правой стороны скелета, в ногах, находились два сосуда. Один из них стоял почти непосредственно возле колена правой ноги, другой несколько в стороне к западу от последнего. Кроме сосудов, в инвентарь погребения входили также бусы, гребень, нож, обломки гранита, яичная скорлупа (рис. 11, *5—6*). Четыре обломка костяного гребня сохранились на костях черепа. На шейных позвонках было найдено 4 стеклянные бусины. Около кисти правой руки лежал обломок железного ножа. Внутри сосуда, стоявшего у колена правой ноги, находились мелкие угольки и вместе с ними пять обломков гранита. Здесь же, на уровне колена, вправо за последним сосудом, вдоль западного края могильной ямы, лежала скорлупа пяти яиц. Яйца лежали в определенном порядке, в двух рядах, в крайнем ряду — три яйца на некотором расстоянии одно от другого, ближе к колену, параллельно первому ряду — два яйца. По скелету были рассыпаны сверху мелкие угольки.

Погребение № 84 (1929 г.), глубина 1,62 м, до черепа 1,48 м (рис. 10, *2*; рис. 11, *12*). Скелет ориентирован головою на север, лежал на спине, в вытянутом положении. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть правой руки лежит ладонью вниз, кисть левой руки в том же положении, ноги вытянуты, в коленях сближены, в ступнях соприкасаются, ступни повернуты внутрь одна к другой. Скелет взрослой женщины, длина скелета 1,55 м. Сохранность скелета хорошая. На костях ног, рук и лицевых костях черепа прослеживаются как бы следы краски. В инвентаре погребения 4 миски (рис. 11, *13—16*). Сосуды были расставлены в головах и с правой стороны скелета. Возле черепа, к северо-востоку, стояла на днище миска-ваза крупных размеров, внутри которой находилась другая миска, небольших размеров. Около правого плеча стояла наклоненная к туловищу большая миска, опиравшаяся на ключицу. Еще одна миска, точно так же повернутая отверстием к скелету, стояла возле колена правой ноги. Кроме того, в реестре инвентаря значится сильно фрагментированный горшок, орнаментированный параллельными бороздками на плечиках (в дневнике и на чертеже С. С. Гамченко не отмечен). Помимо сосудов, в инвентарь погребения входили два гребня, две фибулы, бусы, пряжка, нож, морская раковина, яичная скорлупа (рис. 11, *17—23*). Фрагменты одного из двух гребней, обломок железного ножа, «толченое» (!?) стекло и морская раковина со сквозною дырочкою были сосредоточены в одном месте ниже кисти правой руки, а именно: ближе к кисти лежал обломок гребня, за гребнем битое стекло (от сосуда), правее — раковина, рядом почти у колена — нож. Бронзовая пряжка овальной формы с язычком и остатками кожи в зажиме от поясного ремня была найдена в поясе на правой стороне таза. Вокруг шейных позвонков лежало 14 бусин, из них 12 стеклянных и 2 сердоликовых, а также бронзовые пронизи с ниткой и куском ткани под нижней челюстью, уцелевшим благодаря окиси металла. Бронзовая арбалетная фибула с остатками кожаной тесьмы лежала на правой ключице, оттянутой грызунами в сторону. Другая фибула лежала на левой ключице. В ногах, возле ступни правой ноги,— яичная скорлупа.

Погребение № 85 (1929 г.), глубина 0,97—1,10 м (рис. 10, *3*; рис. 11, *24*). Скелет ориентирован головою на север, лежал на спине, в вытянутом положении. Череп повернут вправо, руки протянуты вдоль туловища, ноги вытянуты, лежат параллельно, ступни фалангами вверх. Скелет женский, длина скелета 1,54 м. Сохранность удовлетворительная. В инвентаре погребения 2 сосуда — горшок и миска (рис. 11, *25—26*). Оба сосуда с левой стороны. Миска крупных размеров стояла на днище слева, перекрывая ключицу. Другой сосуд — горшок — был разбит, очевидно, при погребении. Нижняя часть этого горшка, повернутая вверх дном, лежала возле таза, накрывая кость левой руки. Верхняя часть сосуда расположена с другой стороны скелета, у локтя правой руки. Кроме двух сосудов, в состав инвентаря погребения входили 2 фибулы, бусы, пряжка, пряслице и 5 обломков гранита — полевого шпата (рис. 11, *27—31*). Бронзовые фибулы арбалетного типа обнаружены на правой и левой

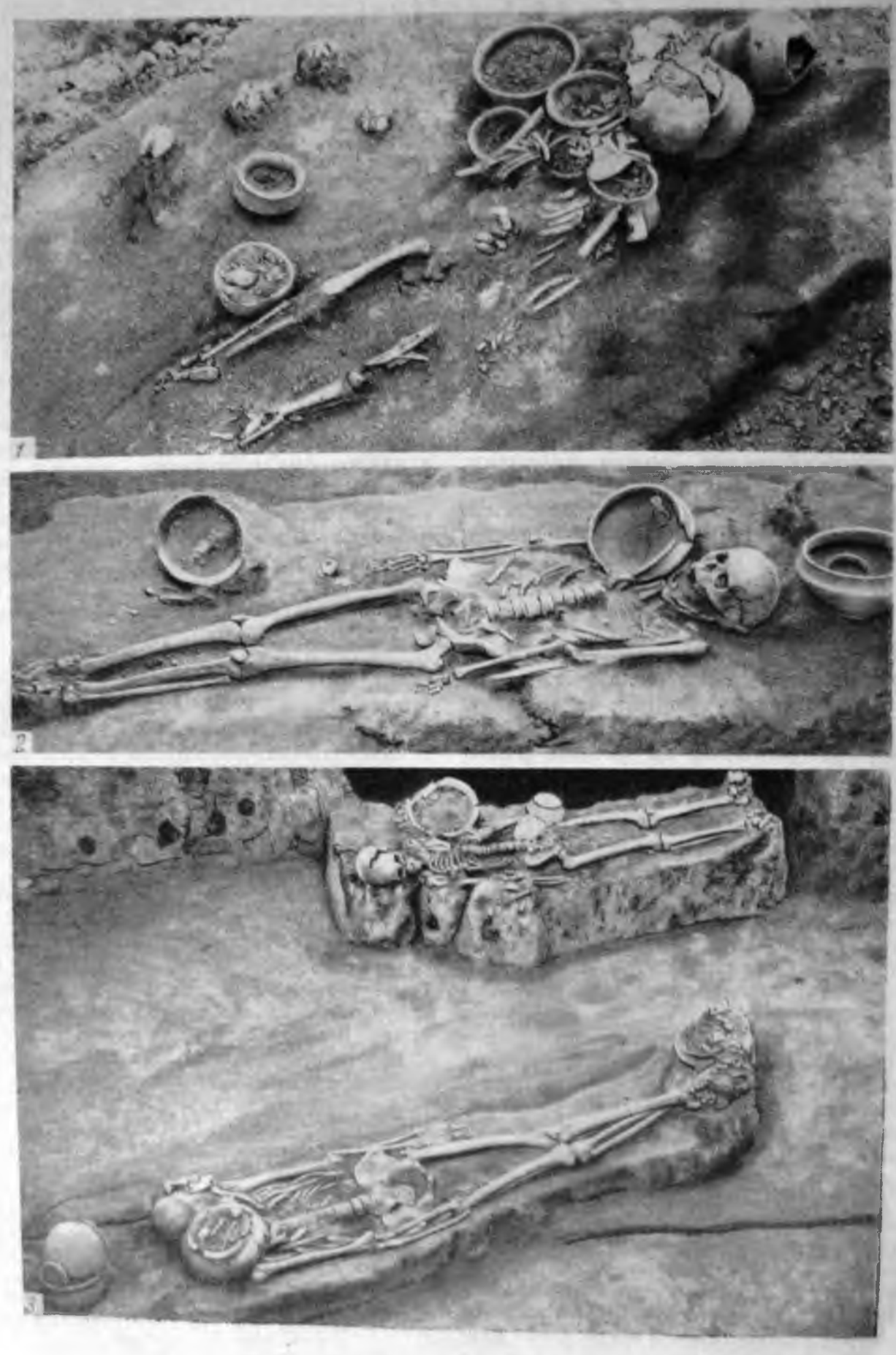

Рис. 10. Погребения с трупоположениями.

1 — погребение № 83; 2 — погребение № 84; 3 — погребения № 85—86

ключицах. Вокруг шейных позвонков — ожерелье из стеклянных и трех янтарных бусин. В поясе, несколько ниже таза, бронзовая пряжка с язычком и пластинками поясного зажима. Под днищем горшка у кисти левой руки лежали обломки гранита.

Погребение № 86 (1929 г.) расположено параллельно погребению № 85 на расстоянии 0,9 и 1,81 м, ступня от ступни — 0,9 м, глубина 0,96 м (рис. 10, *3*; рис. 11, *32*). Скелет ориентирован головою на север, с отклонением 20° к западу, лежал на спине, в вытянутом положении. Череп повернут влево, шейные позвонки и ключица сдвинуты влево, руки вытянуты вдоль туловища, концевые фаланги кисти левой руки подогнуты, кисть правой руки лежала поверх правой бедренной кости. Ноги вытянуты, в коленях сближены, ступни скрещены, ступня левой ноги закинута на правую. Скелет мужской, длина скелета 1,80 м. Сохранность скелета удовлетворительная. В инвентаре погребения 4 сосуда: 2 горшка, малый горшочек и миска (рис. 11, *33—36*). Сосуды расставлены двумя группами: в головах и ногах скелета. Один горшок, стоявший в головах, находился справа от черепа на ключице. Другой горшок лежал на боку, венчиком к черепу, на некотором расстоянии к северу от головы. В ногах, возле ступни, слева от нее, стояла на днище миска крупных размеров. За миской, рядом с нею, к югу, стоял небольшой горшочек. Кроме четырех перечисленных сосудов в инвентаре погребения, каких-либо других находок не оказалось, за исключением костей животного, угольков и обломков гранита. Угольки и один обломок камня лежали внутри маленького горшочка, стоявшего у ступни. Четыре обломка гранита были найдены также у кисти правой руки. Три обломка неопределенных костей животного лежали возле горшка, стоявшего на правой ключице.

Погребение № 87 (1929 г.), глубина 1,12—1,40 м (рис. 12, *1*; рис. 13, *1*). Скелет ориентирован головою на север, с отклонением 10° к западу, лежал на спине в вытянутом положении. Череп, ключицы, кости грудной клетки и два обломка ребра, обнаруженные на глубине 1,12 м, а также в свою очередь кости ног определяют две крайние, наиболее высокие точки погребения, тогда как таз — наиболее низкую точку. Череп повернут влево, левая рука до локтя протянута вдоль скелета, в локте согнута под прямым углом вверх так, что лучевая кость и кисть левой руки фалангами пальцев лежат сверху правой тазовой кости; кости правой руки, поскольку они сохранились, вытянуты вдоль туловища. Кости нижних конечностей также вытянуты, в коленях сближены, в ступнях ноги касаются одна другой, фаланги пальцев обращены вверх и внутрь ступня к ступне. Скелет женский, длина скелета 1,55 м. Сохранность удовлетворительная. В инвентаре погребения 8 сосудов, с левой стороны скелета пять, с правой три (рис. 13, *2, 5, 10—14*). Сосуды с левой стороны были расположены вдоль туловища от плеча до ступни в такой последовательности: возле плеча лежал на боку венчиком к скелету раздавленный горшок, вслед за ним один за другим стояли три фрагментированные сосуда: горшок, миска и другой горшок, внизу, возле ступни, стояла на днище миска. Справа, несколько выше ступни, стоял в наклонном положении кувшин с двумя короткими ручками. Рядом с ним, справа, стоял большой сосуд. У кисти правой руки находилась мисочка. Помимо сосудов, в инвентарь погребения входили: 2 фибулы, бусы, пряжка, гребень, 2 крючка, игла, 2 пряслица, нож, куски гранита, кости животного, яичная скорлупа (рис. 13, *3—4, 6—9, 15—16*). На обоих плечах было по фибуле. На правом плече, кроме фибулы, лежал зубцами вниз костяной гребень (12 см от черепа). На шее было две нитки бус, одна из бусин сердоликовая. В поясе справа, сверху таза, лежала бронзовая пряжка с остатками кожи в округлой пластинке зажима поясного ремня. Бронзовые крючки с цилиндрической почти истлевшей деревянной оправой были найдены — один возле колена, другой выше колена правой ноги. Слева, в 11 см выше левой ступни, лежала бронзовая игла. Из двух пряслиц одно лежало в 2 см возле ступни левой ноги, другое было левее, в 12 см к востоку от миски, стоявшей у колена. С левой стороны черепа, в 0,35 м к северо-востоку, находилась кучка костей животного (овцы?), среди них обломок нижней челюсти. С другой стороны скелета, ниже правого плеча, лежала другая кучка костей, в том числе челюсть барана и кости ног животного. Скорлупа одного яйца лежала слева за головою, в 28 см к северо-востоку от черепа, а скорлупа другого — на уровне колена правой ноги, в 18 см к югу от разбитой миски. На коленях прослеживался слой золы с углями и кусочек смолы (?), толщина слоя 0,6 см. Угольки были обнаружены также внутри среднего сосуда, стоявшего у бедренной кости с левой стороны скелета. В свою очередь в мисочке у правой руки лежало 6 обломков гранита, побывавших в огне.

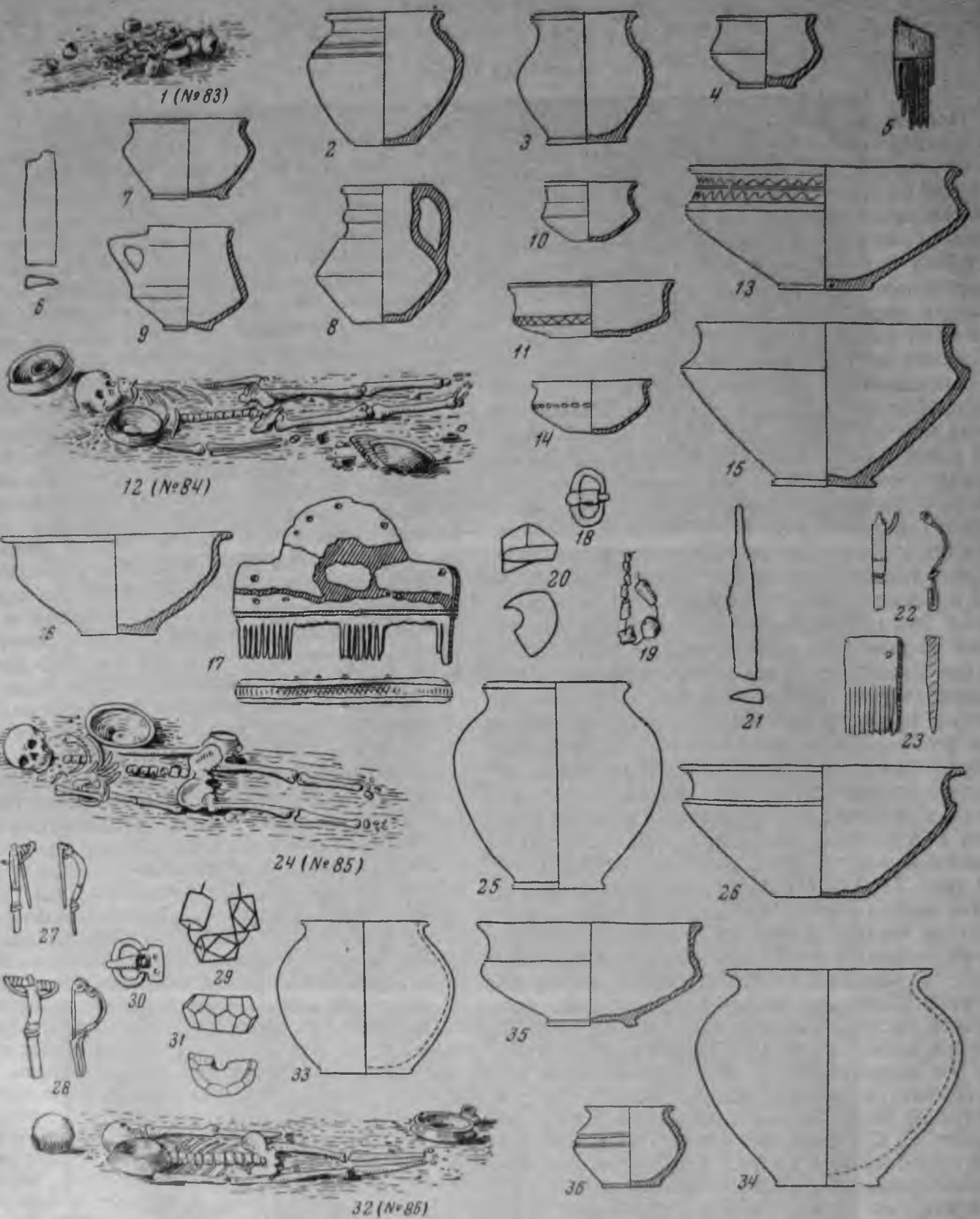

Рис. 11. Погребения с трупоположениями и зарисовки сопровождавшего их инвентаря; в скобках даны номера погребений

1 — погребение № 83; *2—8* — горшки темно-серого цвета; *4* — мисочка серого цвета; *5* — обломок костяного гребешка; *6* — фрагмент железного ножа; *7* — мисочка серого цвета; *8* — кувшин темно-серого цвета; *9* — кувшин-кружка серого цвета *10* — мисочка темно-серого цвета; *11* — мисочка серого цвета; *12* — погребение № 84; *13* — миска темно-серого цвета; *14* — мисочка серого цвета; *15* — миска серого цвета; *16* — миска темно-серого цвета; *17* — гребешок из кости; *18* — бронзовая пряжка; *19* — сердоликовые, стеклянные и янтарные бусины; *20* — обломок большой стеклянной бусины; *21* — обломок железного ножа; *22* — фрагмент бронзовой фибулы; *23* — обломок костяного гребня; *24* — погребение №85; *25* — горшок темно-серого цвета; *26* — миска темно-серого цвета; *27—28* — бронзовые фибулы; *29* — янтарные бусины; *30* — бронзовая пряжка; *31* — костяное пряслице; *32* — погребение № 86; *33* — горшок серого цвета; *34* — горшок серо-черного цвета; *35* — миска черно-серого цвета; *36* — горшочек серого цвета

Погребение № 88 (1929 г.), глубина 1,8 м, до высшей точки костей грудной клетки 1,36 м, до черепа 1,42, общая площадь залегания костей 1,85 на 0,70 м (рис. 12, *2*; рис. 13, *17*). Погребение ориентировано на север, скелет в полусидячем наклонном положении. Берцовые кости обеих ног лежали в вытянутом положении параллельно одна к другой, ступни фалангами пальцев вверх. На расстоянии 0,38 м к северу от костей нижних конечностей находился череп с нижней челюстью. Череп лежал чуть левее по отношению к костям ног. Здесь же, по обе стороны от него обнаружены фаланги пальцев обеих рук, в 0,12 м на восток — фаланги пальцев левой руки, а с другой стороны, в 0,10 м к западу,— фаланги пальцев правой руки. Несколько выше, к северу, около днища разбитого горшка, также были найдены фаланги пальцев и один позвонок. Все остальные кости скелета составили группу, расположенную в 0,42 м к северу от черепа в направлении на юго-запад. Эта группа костей находилась на 12 см выше уровня залегания черепа. Кости в этой группе лежали в следующем порядке: всего ближе к черепу лежала ключица, затем обе коленные чашки, далее позвонок, справа кости рук, рядом с ними тазовые кости и выше, на фрагментах миски, перекрывая ее, лежали несколько позвонков, реберные кости, бедренные кости и лопатки. Скелет мужской, длина скелета 1,75 м. В инвентаре погребения 2 сосуда: горшок и миска, а также нож и косточка птицы (рис. 13, *18—19*). Фрагмент горшка лежал возле черепа. Миска находилась дальше к северу от черепа. Здесь же, в северо-западной части могильной ямы, в 10—15 см от группы костей, сохранились остатки истлевшего дерева (сосны). Слева, у лицевой части черепа,— железный ржавый нож. Косточки птицы лежали внутри миски.

Это погребение С. С. Гамченко не было понято, как не было понято аналогичное погребение № 66 П. И. Смоличевым. В Отчете за 1929 г. С. С. Гамченко писал: «Разрушенность костяка сверху до колен и отсутствие инвентаря загадочны. Можно допустить ограбление погребения во время самого погребения умершего. Однако грабительский вход не был прослежен. Трудно думать, что подобное разрушение произвели грызуны». Между тем данное погребение, как и погребение № 66, не было ни разрушено, ни ограблено. Оно представляет собою своеобразное погребение в полусидячем положении. Скелет умершего, похороненного в полусидячем положении с вытянутыми или подогнутыми нижними конечностями, распавшись, падает, и кости оказываются лежащими в положении, не отвечающем первоначальной позе. Для подобных погребений характерно местонахождение черепа или на тазовых костях, или же за ними и даже иногда за костями нижних конечностей, в свою очередь бедренные кости часто лежат отдельно вместе с костями рук, тогда как фаланги пальцев лежат по ту или другую сторону возле черепа [55].

Погребение № 89 (1929 г.), глубина 0,5—0,72 м (рис. 12, *3*; рис. 13, *20*). Скелет ориентирован головою на север, с отклонением 30° на восток, лежал на спине, в вытянутом положении, руки протянуты вдоль туловища, кисти ладонями вниз, ноги вытянуты, в коленях сдвинуты, в ступнях скрещены, левая нога ниже колена закинута на правую, ступни фалангами вверх. Голова повернута влево, лежала на левом виске, причем уровень залегания черепа ниже уровня залегания тазовых костей и костей ног. Длина скелета 1,64 м. В инвентаре погребения 6 сосудов: 4 горшка и 2 миски (рис. 13, *21—23, 27, 30*). Все сосуды были поставлены с правой стороны вдоль скелета от плеча до ступни в такой последовательности: возле плеча стояла на днище миска, за нею возле кисти правой руки горшок, наклоненный к скелету, за горшком, несколько правее, были расположены в ряд четыре сосуда: миска и 3 горшка, все раздавленные. Кроме шести сосудов, в инвентарь погребения входили 2 фибулы, пряжка, бусы, 2 гребня, пряслице (рис. 13, *24—26, 28—29, 31—32*). Бронзовые фибулы арбалетного типа лежали на обеих ключицах осями вниз. На шейных позвонках находились бусы. Бронзовая пряжка была найдена в поясе справа, несколько выше таза. Справа, в 12 см от мисочки, стоявшей у плеча, лежал зубцами к туловищу костяной гребень. За ним, тут же,— другой орнаментированный гребень. В 18 см от гребня, ближе к скелету, возле горшка, лежало боком на ребре глиняное пряслице.

Погребение № 90 (1929 г.), глубина 0,96 м, до костей ног 0,87 м (рис. 13, *33*). Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, верхняя часть скелета согнута под углом вправо, к западу; череп, часть позвоночного хребта и руки ориентированы на север, с отклонением на 15° с севера на запад, тогда как нижняя часть скелета, таз и ноги ориентированы в направлении с севера на юг, угол изгиба выше таза вправо около 165°. Череп повернут вправо,

[55] См. примечания на стр. 138, 167.

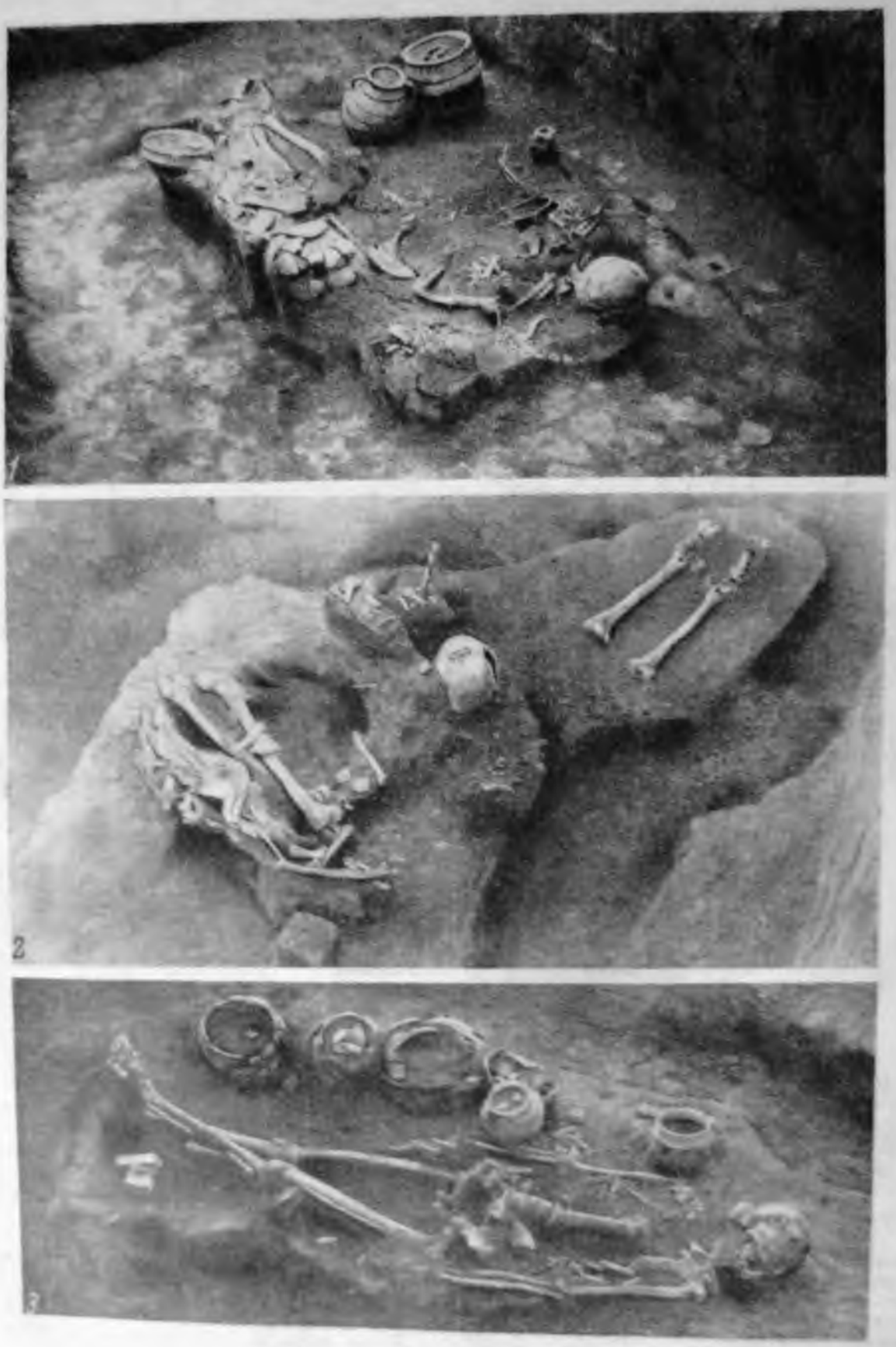

Рис. 12. Погребения с трупоположениями.
1 — погребение № 97; 2 — погребение № 66; 3 — погребение № 69

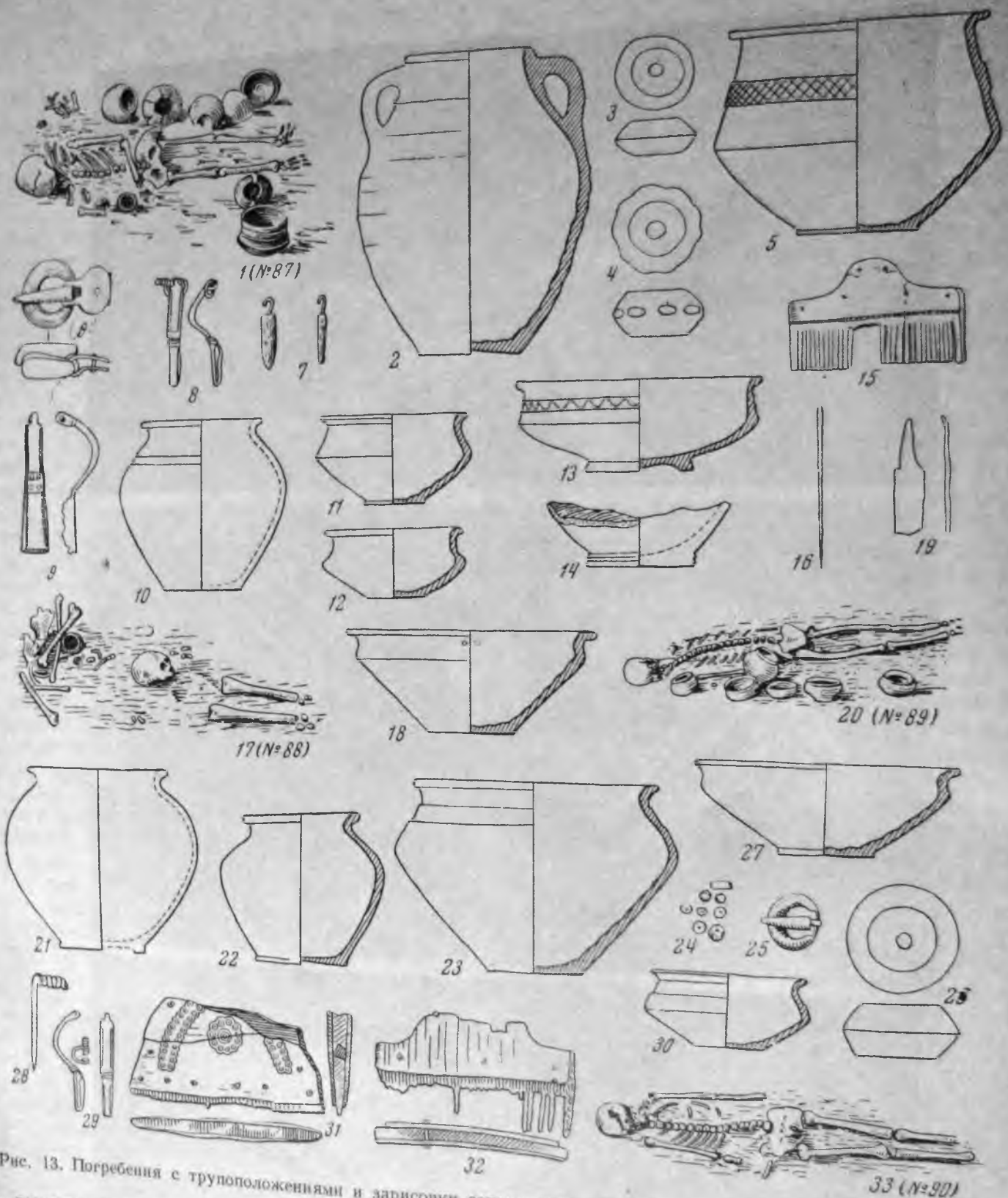

Рис. 13. Погребения с трупоположениями и зарисовки сопровождавшего их инвентаря; в скобках даны номера погребений.

1 — погребение № 87; *2* — кувшин темно-серого цвета; *3—4* — глиняные пряслица; *5* — миска серого цвета; *6* — бронзовая пряжка с обоймой; *7* — бронзовые крючки с остатками дерева; *8—9* — бронзовые фибулы; *10* — горшок серого цвета; *11* — миска; *12—13* — мисочки серого цвета; *14* — нижняя часть горшка; *15* — костяной гребень; *16* — бронзовая игла; *17* — погребение № 88; *18* — мисочка темно-серого цвета; *19* — обломок железного ножа; *20* — погребение № 89; *21* — горшок серого цвета; *22* — миска серого цвета; *23* — горшок темно-серого цвета; *24* — стеклянные бусы; *25* — бронзовая пряжка; *26* — пряслице; *27* — миска темно-серого цвета; *28—29* — фрагменты бронзовых фибул; *30* — мисочка черноватого цвета; *31—32* — костяные гребни; *33* — погребение № 90

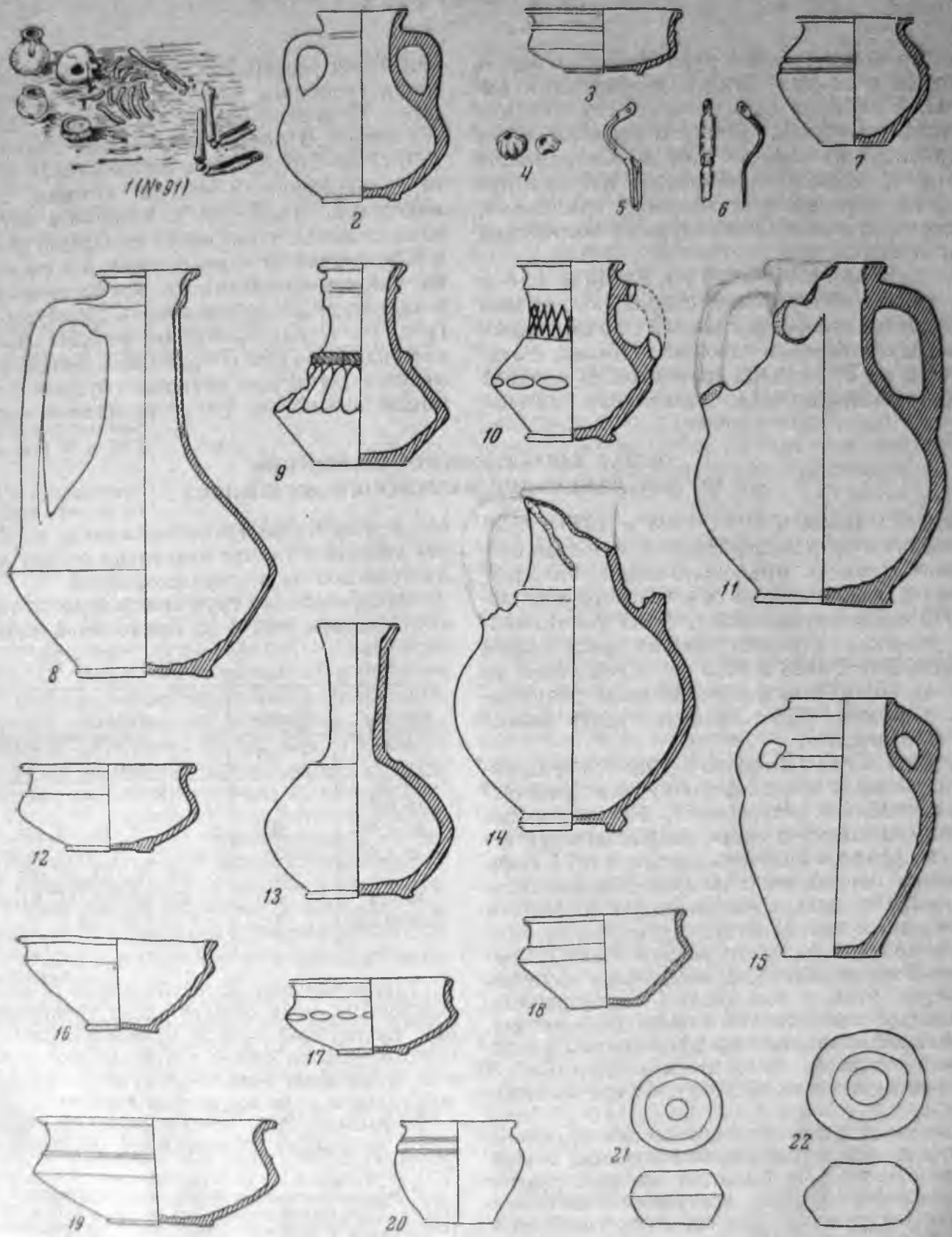

Рис. 14. Погребение с трупоположением и зарисовки сопровождавшего его инвентаря; в скобках дан номер погребения.

1 — погребение № 91; *2* — кувшин светло-красноватого цвета; *3* — мисочка серого цвета; *4* — стеклянные бусины; *5—6* — обломки фибулы; *7* — горшок темно-серого цвета; *8—20* — глиняные сосуды; *21—22* — пряслица (из раскопок П. И. Смоличева 1926 г).

лежал на правом виске, руки вытянуты вдоль туловища, в локтях согнуты кверху, ноги вытянуты, в коленях сближены, в ступнях соприкасаются, ступни сомкнуты вместе. Скелет мужской, длина скелета 1,68 м. Сохранность скелета, за исключением фаланг пальцев рук и костей ступней, растащенных грызунами, удовлетворительная. Инвентарь в погребении отсутствует.

Погребение № 91 (1929 г.), глубина 1,18 м (рис. 14, *1*). Погребение скорченное, скелет находится в положении спящего с подогнутыми ногами, ориентирован головою на север, с отклонением на 8° с севера на восток. В верхней части, от плечей до таза, скелет лежал на спине. Череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях под углом 75° влево, правая нога лежит внизу, левая сверху. Погребение ребенка, длина скелета 0,77 м. Сохранность костей плохая. В инвентаре погребения 3 сосуда: кувшин, горшок, миска (рис. 14, *2—3, 7*). Кувшин с двумя ушками стоял в 5 см к северу от черепа, горшок — в 8 см справа от черепа, ниже, в 9 см от горшка, у локтя стояла миска. Кроме трех сосудов, в инвентаре погребения были 2 фибулы и бусы (рис. 14, *4—6*). Бронзовые фибулы лежали на ключицах. На шее сохранились несколько стеклянных (?) и две янтарные бусины (лежали вместе с одной из фибул на правой ключице).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕНИЙ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЯМИ МАСЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Исследованные в 1926, 1928 и 1929 гг. 29 погребений с трупоположениями не выражают подлинного числа трупоположений, находившихся на всей площади Масловского могильника. О числе трупоположений на уничтоженных участках глинища между раскопками 1926 и 1928 гг., 1928 и 1929 гг., а тем более на той части могильника, которая была разрушена до раскопок 1926 г., можно судить только предположительно.

Правда, С. С. Гамченко в 1928 г. перед началом раскопок сделал попытку выяснить число разрушенных погребений. На основании устных сообщений и сбора сохранившихся вещей ему удалось получить сведения о 14 уничтоженных погребениях. Наиболее показательны данные о комплексных находках. Приведем некоторые из них: 1) сосуд ступеньчатый, горшок и горшочек малый из разрушенного погребения (5 июля 1928 г.); 2) миска-ваза крупных размеров, бусы, в том числе 5 сердоликовых, 4 цилиндрических желтого цвета («из мела»), 5 коралловых из женского погребения; 3) миска-ваза, горшок, биконическое пряслице с овальными срезами по ребру, 4 сердоликовые бусины.

Сведения о прочих погребениях ограничиваются данными о находках единичных вещей, в одном случае это были две миски, в другом — бронзовая пряжка и обломок костяного гребня, в третьем — две бронзовые фибулы и т. д.[56] Эти находки относятся к той полосе глинища, которая непосредственно прилегала к месту раскопок 1926 г. С. С. Гамченко отнес их все к инвентарю трупоположений, хотя у нас нет уверенности, что некоторые из них не могли происходить из трупосожжений.

Распределение трупоположений по глубине их залегания видно из приводимой табл. 2.

Таблица 2

Глубина погребений в *м*	Количество погребений	№ погребений
до 0,5	1	64
до 1,0	8	63, 65, 73, 75, 77, 86, 89, 90
до 1,5	13	67, 72, 74, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 87, 91
до 2,0	6	68, 69, 70, 71, 84, 88
Свыше 2,0	1	66

Таким образом, на глубине 0,50—1 м залегает около трети общего числа трупоположений, на глубине 1—1,50 м около половины и глубже — около одной пятой. Только единичные погребения встречаются на незначительной глубине, или же крайне глубоко[57].

Могильные ямы трупоположений Масловского могильника отличаются овальной или

[56] С. С. Гамченко. Отчет о раскопках за 1928 г., стр. 15—16.

[57] Эти подсчеты ближайшим образом отвечают данным по Переяславльскому могильнику: «На глубине 1—1,20—1,30 м залегало больше половины погребений с трупоположением (11 или 58%), более мелко залегало около четверти и приблизительно столько же — более глубоко. Только одно погребение залегало на глубине 3,6 м». В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 128, 143.

прямоугольной формой при общих размерах обычно 1 м на 1,75—2 м.

Характерной особенностью погребений Масловского могильника является устойчивость ориентировки скелетов. Господствующей ориентировкой была северная с известными отклонениями с севера на восток или на запад, как это показано на табл. 3.

Таблица 3

Ориентация погребений	Количество погребений	№ погребений
Северная	9	63, 64, 65, 66, 67, 73, 82, 84, 85
Северная с отклонением на запад (от 10 до 20°)	9	69, 75, 76, 80, 81, 86, 87, 88, 90
Северная с отклонением на восток (от 8 до 30—40°)	9	68, 70, 71, 72, 74, 79, 83, 89, 91

Относительно ориентировки двух детских погребений — № 77 и 78 — трудно сказать что-либо определенное из-за плохой сохранности скелетов в этих погребениях. Погребения № 67 и 68 С. С. Гамченко считал разрушенными. Правда, ссылаясь на положение спинных позвонков в погребении № 67, С. С. Гамченко высказал предположение, что скелет в этом погребении был ориентирован на юго-восток. С. С. Гамченко ошибся. В действительности погребение № 67 было ориентировано на север, а № 68 — на северо-восток с отклонением на 30° с севера на восток. Особое место занимает погребение № 90: череп в нем ориентирован на север с отклонением на 15° к западу, тогда как нижняя часть скелета ориентирована точно на север.

Итак, в целом погребения Масловского могильника ориентированы в пределах сегмента от 20° к ССЗ до 30—40° к ССВ. Колебания в ориентировке ограничиваются всего лишь 50—60°.

Умерших при погребении клали на расчищенное дно могильной ямы, очевидно, следует полагать, без какой-либо подстилки. Во всяком случае, у нас пока нет прямых данных, которые свидетельствовали бы о применении подстилки, подсыпки и т. п., будь это подстилка из кожи, травы, коры, камыша, подсыпка из углей или же из чего-либо другого.

Нет полной ясности также и в вопросе о погребениях умерших в деревянных гробах, хотя С. С. Гамченко и считал возможным решить этот вопрос положительно. Ссылаясь в качестве примера на погребение № 71, С. С. Гамченко в Отчете за 1928 г. писал: «Хоронили иногда в деревянных гробах (№ 71)». Весьма возможно, что С. С. Гамченко располагал какими-либо данными, не нашедшими отражения ни в Дневнике, ни в Отчете, но для нас они утрачены. В имеющейся документации, оставленной С. С. Гамченко, эти данные отсутствуют.

Обратимся к документации. Из 29 трупоположений Масловского могильника следы истлевшего дерева были обнаружены в погребениях № 71 (дуб или граб) и № 88 (сосна). Находки остатков дерева в этих погребениях не имеют отношения к захоронениям в гробах. Действительно, слой истлевшего дерева, о котором упоминается в описании погребения № 71, находился сверху костей скелета на площади 1,68—2,03 м на 0,30—0,45 м. На дне могильной ямы, под костями скелета, подобный слой прослежен не был, а это значит, что, вопреки заявлению С. С. Гамченко, в погребении № 71 деревянного гроба не было. Утверждение С. С. Гамченко опровергается его собственными отчетными данными.

В погребении № 71 не было деревянного гроба, но зато, очевидно, имелось какое-то иное сооружение из дерева, скорее всего следует думать, в виде перекрытия. Над телом покойника (погребение № 71 — женское) был сооружен помост или настил, перекрывавший, но не подстилавший погребение. Мы ничего не можем сказать, что представляло собою это перекрытие. Судя по всему, настил закрывал не всю площадь, занятую захоронением, а только центральную часть погребальной камеры, где лежал скелет. Из сосудов, входивших в состав инвентаря погребения, в пределах истлевшего дерева находился только сосуд, который стоял у колена.

Следы истлевшего дерева (сосна) в погребении № 88 были обнаружены в северной части могилы, в 10—15 см от костей скелета. Обнаруженные в этом погребении остатки дерева находились за пределами площади, где лежал скелет. Вполне понятно, что эти уцелевшие остатки дерева не имели отношения ни к гробу, ни к настилу.

В двух погребениях — № 83 и 87 — встречены зола и угли, рассыпанные сверху скелета. Кроме того, в том же погребении № 87 угольки лежали внутри сосуда, стоявшего с левой стороны скелета.

До сих пор нам известны три варианта данного обряда: 1) обычай класть умершего на

угольную или зольную подстилку, 2) обычай соединять подсыпку могилы с посыпкой покойника углем, 3) обычай посыпать умершего золою и углем, но без того, однако, чтобы класть покойника на слой древесного угля.

В Масловском могильнике покойника посыпали углем, но его не клали на слой золы и древесного угля. Не исключена возможность, что угли и зола в названных случаях представляли собою остаток погребальных кострищ. Остатки кострищного пепелища в погребении № 71, найденные в северо-восточном углу погребальной камеры, указывают, что подобного рода кострища разжигались при погребении, составляя одно из звеньев в сложном ритуале погребального обряда. Независимо от того, раскладывался ли костер вне ямы или в самой яме, остатки кострища ссыпались на труп покойника, а также частично в сосуд, который ставился возле умершего.

Необходимо сказать в этой связи хотя бы несколько слов об обычае оставлять в могиле куски краски и посыпать красной охрой покойника или дно могильной ямы. Данные раскопок Кантемировского могильника подтверждают, что подмазка или подсыпка дна могильной ямы, обычай класть охру или же другую краску в могилу практиковались в черняховское время[58]. О том же свидетельствуют находки в Масловском могильнике. Так, например, в погребении № 71 вблизи черепа лежала желтая краска. В свою очередь следы как бы красной краски сохранились на скелете в погребении № 84 на костях ног, рук и черепа (на лицевой части).

Заслуживают внимания находки кусочков гранита в погребениях Масловского могильника. Камешки встречены как в трупосожжениях, так и в трупоположениях. Из 29 трупоположений обломки гранита были встречены в 6 погребениях (№ 71, 72, 76, 83, 86 и 87). Количество камней колеблется в отдельных погребениях от 1 до 6. В трех погребениях они находились в сосудах (№ 83, 86, 87). Обычно камни лежали у кисти правой руки. Так было, например, в погребении № 71; в погребении № 72 было два камня — один из них лежал у черепа, другой возле правой руки. Три камня в погребении № 76 лежали точно так же у кисти правой руки. В погребении № 83 пять камней находились в сосуде, стоявшем у колена правой ноги. В погребении № 86 четыре камня лежали у кисти правой руки, кроме того, кусочки гранита были в горшочке, поставленном в ногах, у ступни. В этом горшочке камешки находились вместе с угольками. В погребении № 87 мисочка с 6 камнями, поврежденными огнем, стояла близ кисти правой руки.

Возможно, что находки кусочков гранита соответствовали находке монеты в погребении № 71, выполняя ту же обрядовую функцию. Камни являлись ритуальным заменителем монеты. Не исключена, однако, возможность, что это были камни для высекания огня, и именно с этой целью их клали в могилу. Среди последних, возможно, были также те камни, которыми разжигался огонь на погребальном кострище. Не этим ли объясняется то, что в некоторых погребениях камни лежали внутри сосуда и притом вместе с угольками, очевидно, от кострища, а также и то, что камни иногда сохраняли на себе следы действия огня?[59].

В составе инвентаря черняховских погребений обычны кости животных. В Масловском могильнике кости животных встречены в 7 погребениях (№ 63, 65, 66, 69, 71, 86, 87). В большинстве случаев они были определены как кости мелкого рогатого скота (овец). Кости других животных, крупного рогатого скота, а также лошади, как правило, в Масловском могильнике не встречались, свидетельствуя, по-видимому, о преобладании в хозяйстве древнего масловского населения мелкого скота.

Иногда в могилу клали целую тушу животного, иногда только часть туши. Целая туша овцы лежала, например, в погребении № 69. В погребении № 63 кости животного лежали возле левой ноги, в погребении № 65 — на груди скелета. В остальных пяти погребениях (№ 66, 69, 71, 86 и 87) кости встречены в северной части могильной ямы возле черепа, в погребении № 87 — с обеих сторон черепа. В погребении № 71 отмечена находка костей двух животных.

[58] В погребении № 1 Кантемировского могильника «под ногами покойника дно ямы было густо посыпано на площади 0,6 м на 0,6 м темно-красно-малиновою глиной». М. Н. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. 1. Київ, 1930, стр. 138.

[59] Что камни, находимые у пояса в погребениях Масловского могильника, могли иметь подобное назначение, свидетельствуют находки камней вместе с огнивом или с драгоценностями в мешочке у пояса в погребениях славянского могильника VII—VIII вв. на р. Мораве у с. Девиска Нова Весь. «В мешочке при поясе было огниво, камешек (или камешки) для кресания огня и, по-видимому, трут. Само собою, что огниво не всегда было в могиле при поясе, а в мешочке иногда были драгоценности и другие вещи. Мешочек с ними иногда был у пояса, а в других случаях находился у ног». J. Eisner. Devínska Nová Ves. Slovanské pohřebiště. Bratislava, 1952, стр. 363.

Наряду с костями животных в погребениях Масловского могильника были встречены птичьи кости, а также куриные яйца. Яйца были найдены в 6 погребениях (№ 66, 82, 83, 84, 87, 88). В погребении № 83 было 5 яиц и они лежали в своеобразном порядке в два ряда, на некотором расстоянии одно от другого. В двух случаях (погребения № 66 и 87) яйца были вместе с костями животных, в погребении № 82 — вместе с птичьими косточками. В погребении № 88 они лежали в миске. По мнению П. И. Смоличева и С. С. Гамченко, это были кости жертвенных животных[60]. Однако в данном случае мы имеем дело не с жертвенным животным, ни тем самым с жертвоприношением, а совсем с другим, с остатками напутственной еды, которой снабжались умершие при их погребении. Умершего надлежало снабдить при погребении достаточным для его питания запасом пищи.

Интересно отметить, что вместе с костями животных обычно встречались железные ножи. Последние были встречены в 8 масловских погребениях (№ 66, 69, 71, 78, 83, 84, 86, 88); в четырех случаях ножи были найдены вместе с костями животных, к тому же чаще всего ножи лежали под костями (№ 66, 69, 71, 86). В прочих четырех погребениях (№ 78, 83, 84, 88) отмечены находки ножей, но без указания на то, чтобы в этих погребениях находились также кости животных. В погребениях № 83 и 84 ножи лежали у кисти правой руки, в погребении № 88 — возле черепа. В погребении № 71 было два ножа, один из них лежал вместе с костями животного (ягненка) в головах, другой — у пояса.

Количество сосудов в отдельных погребениях Масловского могильника достигает восьми. Как видим из табл. 4, сосудов не было в шести погребениях. Погребение № 70 выпадает из общего счета, так как это погребение было разрушено еще до раскопок. Погребения № 80 и 90 относятся к числу безынвентарных, в них не было никакого инвентаря. В трех погребениях — № 68, 74, 77 — не было сосудов, но имелся другой инвентарь. Чаще всего в погребение ставилось 2—3 сосуда (9 погребений), или же 5—6 сосудов (8 погребений). Погребения с большим числом сосудов (7—8) встречались значительно реже, в единичных случаях.

Таблица 4

Число сосудов	Число погребений	№ погребений
0	6	68, 70, 74, 77, 80, 90
1	1	78
2	5	67, 75, 76, 85, 88
3	4	72, 73, 79, 91
4	2	82, 86
5	5	63, 64, 65, 81, 84
6	3	66, 69, 89
7	1	71
8	2	83, 87

Распределение сосудов по типам (горшки, миски, кувшины и пр.) показано по отдельным погребениям в табл. 5.

Таблица 5

Горшки	Миски	Кувшины	Прочее	Общее число сосудов	Общее число погребений	№ погребений
1	—	—	—	1	1	78
2	—	—	—	2		67
1	1	—	—	2		75, 76, 85
—	1	—	1	2	5	88
2	1	—	—	3		72, 73, 79
1	1	1	—	3	4	91
2	—	—	2	4		82
3	1	—	—	4	2	86
1	4	—	—	5		84
3	1	—	1	5		63
2	3	—	—	5		64, 81
3	2	—	—	5	5	65
2	3	—	1	6		66
4	2	—	—	6		89
3	3	—	1	6 (7?)	3	69
3	3	—	1	7	1	71
2	4	2	—	8		83
3	3	1 (амф.)	1	8	2	87

В погребения чаще всего ставились горшки (22 погребения) и миски (20 погребений). Обычно они встречались вместе (19 погребений), за исключением погребений № 78, 67, 82.

[60] Именно так определяются кости животных в погребении № 63 П. И. Смоличевым: «Возле горшка на запад — кости жертвенного животного (барана?)» или относительно погребения № 65: «На груди — лопатка жертвенного животного (барана)». П. Смоличев. Коротке Звідомлення ВУАК за 1926 р., стр. 157. С. С. Гамченко подобным образом упоминает о «18 обломках костей культовых животных (барана) и птицы». ХрАМ, вып. II, Київ, 1930, стр. 79. О «жертвенных животных» упоминают В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Указ. соч., стр. 127.

где имелись горшки, но не было мисок, а также погребения № 88, где были миска и кубок, но не было горшка. Кувшины встречались редко, всего лишь в трех погребениях — 83, 87, 91. Число горшков в отдельных погребениях колеблется от 1 до 4. Мисок в отдельных погребениях тоже бывает от 1 до 4.

Сосуды размещались в более или менее определенном порядке. Обычно их ставили с правой или с левой стороны, иногда с той и другой, часто цепочкой в один ряд, сосуд за сосудом, вдоль всего туловища. Иногда они распределялись по группам. В первом случае они образовывали обычно три группы: а) в головах — в северной части могильной ямы, б) в средней части туловища, в) в ногах, у ступней — в южной части погребальной ямы.

На расположении сосудов сказывались, следует полагать, кроме всего прочего, также в первую очередь, размеры и форма могильной ямы. Это особенно наглядно видно на примере погребения № 71: большие размеры погребальной камеры позволяли разместить сосуды не только непосредственно возле скелета. В узкой яме сосуды предпочтительно ставились цепочкой — один за другим, вдоль всего туловища. К сожалению, отсутствие чертежей могильных ям, уточняющих положение скелета в камере, а также размеры и форму ям, затрудняет рассмотрение вопроса.

В археологической литературе высказывалось мнение, что сосуды ставились в могилу пустыми [61], т. е., иными словами, что они служили исключительно как утварь. Если это и было в том или другом случае, то в Маслове и в прочих могильниках было иначе. Так, в могильнике у с. Данилова Балка в мужском погребении со скелетом было 8 сосудов. Как показал анализ содержимого, миски «были наполнены мукой или сваренной мучной пищей»; кроме того, «около сосудов в могилу было положено мясо, от которого сохранились кости крупного животного» [62].

Находка птичьих косточек в миске из погребения № 88 Масловского могильника, овечьих костей в миске из Кантемировки, остатков мучной вареной пищи в Даниловой Балке, различия в форме и типе сосудов, различное число сосудов в отдельных погребениях — все это указывает, что пища, оставлявшаяся покойнику, была разнообразной по своему составу и способу приготовления.

Правда, далеко не все сосуды служили, следует думать, для хранения пищи, поскольку в некоторых из них находились угольки, зола, пережженные кусочки гранита и пр. Возможно, в эти сосуды ссыпались остатки погребальных кострищ, как об этом говорилось выше, если только это не были горшки с разожженными углями для согревания и т. п.

Чтобы судить, насколько число сосудов отвечает или не отвечает социальным группировкам населения, необходимо учитывать данные об инвентаре масловских погребений в целом.

В состав инвентаря погребений Масловского могильника, помимо сосудов, входили предметы личного обихода, принадлежности туалета, одежды, женского домашнего рукоделия, украшения и безделушки, в том числе — фибулы, поясные пряжки, гребни, бусы, морские раковины, зеркальца, пряслица, иглы с игольниками и пр. Постараемся учесть в каждом отдельном случае различия в инвентаре мужских и женских погребений.

Начнем с фибул. Фибулы были встречены в 12 погребениях, в семи из них по две фибулы (№ 71, 75, 84, 85, 87, 89, 91) и в пяти по одной (№ 63, 68, 74, 81, 82). Наличие двух фибул на левом и правом плечах рассматривается обычно как признак женского погребения. Материалы Масловского могильника подтверждают это наблюдение. Все семь погребений с двумя фибулами в Маслове — женские. Четыре из них (№ 71, 84, 85, 87,) определены как женские на основании антропологических данных. Кроме того, в шести из них, за исключением № 75, имелись бусы.

Два погребения с одной фибулой (№ 68 и 81) были определены как женские: бронзовая игла и бусы в погребении № 81, бусы — в погребении № 82. Погребение № 74 определено как мужское на основании антропологических признаков. В нем, как и в погребении № 63, никаких других находок, кроме фибул, встречено не было.

Итак, большинство погребений с фибулами относится к женским. Только два погребения из двенадцати были мужские. Любопытно, что в женских погребениях с одной фибулой (№ 68 и 81) фибулы лежали на правом плече, тогда как в обоих мужских погребениях (№ 63

---

[61] «В сосудах не сохранилось никаких следов пищи если не считать отдельных овечьих косточек, обнаруженных среди черепков черных мисок) и наоборот тот факт, что две миски были положены одна в другую, подтверждают мысль о том, что сосуды ставились пустыми». М. Н. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Зап. ВУАК, т. I, Київ, 1930, стр. 138.

[62] Э. А. Симонович. Погребение V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КС ИИМК, 1952, вып. XLVIII, стр. 65.

и 74) фибулы были найдены на левом плече. Где лежала фибула в погребении № 82, неизвестно.

Пряжки входили в состав инвентаря семи погребений; из них в трех погребениях (№ 72, 79, 81) было по две пряжки, в четырех (№ 84, 85, 87, 89) — по одной. Погребения 72 и 79 с двумя пряжками были погребениями молодых людей. Погребение с двумя пряжками № 81 и погребения с одной пряжкой — № 84, 85, 87 по костяку и инвентарю определяются как женские, № 89 — по инвентарю (бусы). На пряжке в погребении № 87 сохранились остатки кожи от поясного ремня.

Любопытно отметить сочетание в одной могиле фибул, пряжек и бус. Фибулы вместе с пряжками встречены в пяти женских погребениях (№ 81, 84, 85, 87, 89), фибулы без пряжек — в шести как женских, так и мужских, по две пряжки без фибул только в двух погребениях — № 72, 79.

Бусы найдены в 11 погребениях как взрослых женщин, так и подростков-девушек и девочек — № 66, 71, 77, 81—85, 87, 89, 91. В двух женских погребениях — № 68, 76 — бус не отмечено.

Мы не располагаем прямыми сведениями об одежде древнего местного населения. Принимая во внимание, что фибулами одежда застегивалась на одном или обоих плечах, необходимо заключить, что употреблялась одежда наподобие плаща. Находка в пяти женских погребениях (№ 81, 84, 85, 87, 89) фибул вместе с пряжками свидетельствует, что древние обитательницы Маслова подпоясывали свою одежду ременным поясом.

В погребении № 84 на фибуле сохранились остатки кожи и можно думать, что одежда, застегивавшаяся фибулами, была меховой верхней одеждой. В свою очередь, вполне естественно предположить, что подпоясывавшаяся одежда была нижней одеждой. Вероятно, умершая, похороненная в погребении № 84, была в верхней одежде, очевидно, из бараньей шкуры, застегнутой на обоих плечах фибулами, и в нижней одежде, подпоясанной ременным поясом [63].

Гребни в погребениях Масловского могильника встречены в 8 случаях (погребения № 65, 66, 69, 81, 83, 84, 87, 89). В погребении № 89 было два гребня, во всех остальных — по одному. Гребни лежали обычно у головы или у пояса, а в погребении № 66 в миске, стоявшей на уровне груди. Из восьми погребений с гребнями шесть определены как женские.

К единичным находкам, встреченным в Маслове, относится зеркальце в погребении № 71, наиболее богатом из трупоположений могильника. Зеркальце было разбито, и его обломки лежали возле головы. На некоторых обломках сохранились остатки кожи, а под ними небольшое количество желтой краски [64].

Пряденье и шитье составляли постоянное занятие женщин. В погребении № 81 игольник, сделанный из кости с бронзовой иглой, лежал возле кисти правой руки, в погребении № 88 бронзовая игла — возле левого бедра. Пряслица были найдены в пяти погребениях, по одному в четырех (№ 66, 71, 85, 89), а в погребении № 87 было два пряслица. Принадлежность пряслиц к инвентарю женских погребений не вызывает сомнений.

Вернемся к затронутому вопросу о соотношении числа сосудов и прочего инвентаря. Наибольшее количество сосудов (7—8) встречено в погребениях № 71, 83, 87. По количеству и разнообразию находок — это наиболее богатые погребения; погребение № 83 — детское, с довольно значительным инвентарем.

В четырех погребениях — № 66, 81, 84, 89 большему количеству сосудов отвечает обилие вещей. По количеству находок эти четыре погребения явно принадлежат к погребениям зажиточной части древних масловцев.

Четыре погребения — № 63—65, 69 следует выделить в особую подгруппу. При том же числе сосудов (5—6) им свойственно значительно меньшее число прочих находок. Очевидно, мы здесь встречаемся с промежуточной имущественной прослойкой. При том же числе сосудов по составу прочего инвентаря они сближаются с погребениями с незначительным инвентарем (№ 67, 72, 73, 75, 76, 79, 85, 88, 91).

В четырех погребениях — № 69, 74, 80, 90 — нет сосудов. В погребениях № 69 и 74 нет сосудов, но есть фибулы; погребения же № 80 и 90 относятся к числу безынвентарных.

Обратимся к вопросу о социально-имущественном расслоении. Здесь необходимо подчеркнуть некоторую условность материала, которым мы располагаем. Вещи из погребений — ритуальные вещи. Тем самым прямые заключения от ритуального инвентаря к вопросу о расслоении могут оказаться не совсем точ-

[63] О «кусочках кожи возле фибул и застежек» упоминает С. С. Гамченко в заметке «Новіші розкопи пам'яток», см. ХрАМ, вып. II, Київ, 1930 г., стр. 79.

[64] Возможно, что зеркало находилось в кожаном футляре.

ными. И все же, в конечном счете, имущественное расслоение в среде древнего местного населения отразилось на погребениях достаточно резко. Инвентарь погребений № 71, 83, 87 свидетельствует о весьма значительных накоплениях, которыми располагала, очевидно, небольшая часть населения. Наряду с этой верхушечной прослойкой выделяются две средние, промежуточные прослойки, одна — более зажиточная, тянущаяся к первой группе, и другая, смыкающаяся с этой прослойкой, хотя и располагающей некоторыми материальными ресурсами, но весьма ограниченными. Наконец, очевидно, имелась также прослойка, уровень благосостояния которой был незначителен.

Обратимся в заключение раздела к членению погребений по половозрастным признакам. Согласно Г. Ф. Дебецу, из 29 трупоположений Масловского могильника к женским погребениям относились погребения № 68, 71, 76, 81, 84, 85, 87, всего семь [65]. Материалы антропологических измерений подтверждаются данными инвентаря. В инвентаре всех перечисленных погребений имеются фибулы (за исключением № 76) и бусы (кроме № 68 и 76), в погребениях № 81 и 87 были иглы, в погребении № 84 — раковина. На основании инвентаря к женским погребениям следует отнести семь погребений с бусами (№ 66, 75, 77, 82, 87, 89, 91). Кроме бус, в погребениях № 66 и 87 были пряслица, а в погребениях № 75, 89, 91 — по две фибулы. Погребение № 76 представляет собою единственное женское трупоположение, в котором не было специфически женского инвентаря, хотя скелет из этого погребения принадлежал женщине. В отношении погребения № 89 имеется резкое расхождение между инвентарем и антропологическими признаками костяка. Если по инвентарю (бусы, пряслице, фибулы) погребение № 89 безусловно женское, то костяк в нем мужской. Не следует ли предположить, что скелет был ошибочно отнесен к данному погребению?

Помимо погребения № 89, к мужским погребениям Г. Ф. Дебецем отнесены еще 6 трупоположений — № 69, 74, 80, 86, 88, 90 [66]. Мужские погребения принадлежат к числу малоинвентарных или безынвентарных. В погребениях № 69, 86, 89 имелись сосуды, но не было никаких других вещей, в погребениях № 63 и 74 — одна фибула и никаких сосудов, в погребениях № 80 и 90 не было ни вещей, ни сосудов.

Данное обстоятельство не является какой-либо случайностью. Напомним, что наиболее богатые погребения, (№ 71 и 87) — женские. Все прочие погребения с лучшим и большим инвентарем также были не мужские, а женские. Мы едва ли ошибемся, если предположим, что отношения собственности, поскольку они отразились на инвентаре масловских погребений, указывают на ту ступень их развития, когда собственность в семье еще не перешла окончательно в руки мужчины. Подчеркиваем, в Маслове нет ни одного богатого погребения, которое было бы мужским. Оба богатые погребения (№ 71 и 87) — женские [67].

Суммируя все сведения, которыми мы располагаем,— данные антропометрических измерений Г. Ф. Дебеца, полевых измерений С. С. Гамченко, а также сведения об инвентаре, как это показано выше, — приводим сводный список трупоположений, разбив их на три группы: мужские, женские и детские, включая в последнюю группу девичьи и юношеские погребения: мужские — № 64, 67, 69, 74, 80, 86, 88, 89, 90, всего 9; женские — № 66, 68, 71, 76, 81, 84, 85, 87, всего 8; детские — № 63, 65, 72, 73, 75, 77, 78, 79, 82, 83, 91, всего 11.

[65] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 378—379, приложение 24.

[66] Г. Ф. Дебец. Указ. соч., стр. 378—379, приложение 24.

[67] «Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной». Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, стр. 167 и 164.

МАСЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ПАМЯТНИК ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА

Уже для П. И. Смоличева была ясна близость Масловского и Черняховского могильников, представляющих один культурно-археологический тип [68]. Основываясь на типологической близости Черняхова и Маслова, П. И. Смоличев датирует Маслово тем же временем, к которому В. В. Хвойка отнес Черняховский могильник (II—V вв. н. э.) [69].

[68] «Инвентарь Масловского могильника как составом, так и характером и формами своих вещей и керамики, имеет близкие аналогии среди инвентаря Черняховского могильника». П. Смоличев. Указ. соч., стр. 161.

[69] «Масловский могильник можно причислить к тому же периоду, что и Черняховский, т. е. к II—V вв. н. э.» П. Смоличев. Указ. соч., стр. 162.

Маслово, как и Черняхово, отражает этап, когда процесс становления черняховского культурного типа оказывается завершенным, этап, хронологически падающий в основном, следует полагать, на III в. н. э. В подобном, сложившемся типологически устойчивом виде черняховская культура, без особых сдвигов и без резких существенных изменений, продолжает бытовать, нужно думать, в течение всего IV в. В составе Масловского могильника нет погребений, отражающих переходные состояния культуры. Во всяком случае пока мы не научились их выделять. Типологически, а также, очевидно, и хронологически Маслово — памятник, отражающий стабилизированное состояние черняховской культуры, время ее расцвета, период, когда данная культура уже сложилась.

Основным датирующим материалом для памятников черняховской культуры являются находки римских монет. Черняховский могильник датируется находкой трех монет II—III вв. н. э.[70]

В Маслове имеется только одно погребение, датируемое находкою монеты. Это погребение № 71. В нем был обнаружен денарий императора Адриана (117—138 гг.)[71]. Монета была достаточно стерта и, очевидно, находилась в длительном употреблении. Наличие денария Андриана в погребении № 71 позволяет отнести это последнее ко времени не ранее середины II в. Поскольку по типу вещей и составу инвентаря погребение № 71 ничем, за исключением обилия находок, не отличается от всех других погребений могильника, то тем самым мы должны будем признать, что данный инвентарный комплекс, типичный для масловских погребений, сложился к концу II в., возможно, к началу III в. В этом отношении между данными Черняхова и Маслова нет каких-либо существенных расхождений. Оба могильника в основном синхронны с некоторыми, возможно, сдвигами в сроках в ту или другую сторону, едва ли, однако, сколько-нибудь значительными.

Ценным источником для положительного решения вопроса о времени, когда на Среднем Побужье-Поднепровье окончательно завершается процесс формирования черняховского культурного типа, может служить инвентарь клада, найденного в с. Турие, Кировоградской обл.[72] Наиболее поздние монеты Турийского клада — монеты Коммода (177—192 гг.). В состав Турийского клада, помимо 48 римских монет (от Веспасиана до Коммода), входили — 7 серебряных колец и одно бронзовое, одна бронзовая пряжка овальной формы с круглой пластинкой, стеклянные, коралловые, янтарные и пастовые бусины, всего 41, две костяные четырехгранные пирамидки с кружками на гранях и т. д. Клад, в составе которого были указанные вещи, представлял собою комплекс, сложившийся во II в.

По своим обрядовым особенностям Масловский могильник, подобно Черняховскому и всем прочим могильникам этого же культурного типа, принадлежит к числу памятников с двумя обрядовыми типами (см. табл. 6).

Как видим, раскопки в Маслове и Привольном говорят о безусловном преобладании сожжений. В свою очередь, Гавриловка, Переяславль, Лохвица и Маслово (западная часть могильника) дают приблизительно равное соотношение сожжений и трупоположений с незначительными отклонениями в ту или другую сторону. Учитывая, однако, то обстоятельство, что трупосожжения представляют собою погребения, расположенные на незначительной глубине и даже по преимуществу в пахотном слое, тогда как трупоположения расположены гораздо глубже, необходимо допустить, что сожжений в каждом подобном случае было значительно больше.

Выше было отмечено, что центральная часть Масловского могильника, раскопанная

---

[70] В. В. Хвойка. Древности Приднепровья. ЗРАО, т. XII, 1—2. Тр. ОСРА, кн. V, стр. 173, 174.

[71] Приводим описание масловской находки, сделанное С. В. Коршенко: «Серебряный денарий императора Адриана (117—138) был завернут в кусок ткани, пропитанный медной окисью. Сама монета, когда была снята ткань, оказалась покрытой налетом ржавого оттенка, представляющим собою окись меди. Определить точнее дату монеты нельзя из-за плохой ее сохранности. Av. Голова императора в лавровом венке с правой стороны, круговая надпись IMP CAESAR TRAIAN HAD [RIANUS]. Rv. Тип сохранился очень плохо, но по отдельным признакам можно допустить, что изображена богиня здоровья, которая сидит с левой стороны и кормит из чаши (патеры) змею, поднимающуюся с невысокого жертвенника, который стоит перед богинею. Вокруг должна была быть надпись, следов не сохранилось от надписи никаких. РМТР. Cons. III, т. е. Pontifex maximus tribunitia potestate consul III. H. Cohen. Description historique des monnaies frappees sous l'Empire romain. v. II. Paris, 1859, p. 131, N 424.

[72] Клад был исследован и монеты определены С. В. Коршенко. См. С. В. Коршенко. Черняховский могильник. Киев, 1941; рукопись в Архиве ИА АН УССР, К—1940, стр. 84—85. Исследование С. В. Коршенко о кладе из Турии и его выводы опубликованы Ю. В. Кухаренко. См. Ю. В. Кухаренко. Клад из села Турии. КСИИМК, вып. XLIV, 1953, стр. 148—150.

Таблица 6

Название	Сожжение	Трупоположение	Всего
Маслово	62+30 (?)	29	91+30 (?)
Черняхово	69	182	251
Совхоз «Приднепровский» (Гавриловка) *	42	54	96
Привольное **	19	10	29
Переяславль ***	21	19	40
Лохвица ****	8	12	20

* Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, № 82, 1960, стр. 192—238.

** Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 145—152.

*** В. К. Гончаров. Є. В. Махно. Могільник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 127—144.

**** Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник. МИА, № 82, 1960, стр. 84—99.

в 1928 г., показала безусловное преобладание сожжений над трупоположениями; тогда как западная окраинная часть могильника, раскопанная в 1929 г. (очевидно, более поздняя по сравнению с центральной), указывает на изменившееся соотношение погребений одного и другого обрядового типа, на явное увеличение числа трупоположений по сравнению с сожжениями [73].

Следует ли отсюда заключить, что в черняховское время (II—V вв.) на территории Поднепровья происходил процесс постепенного вытеснения сожжений трупоположениями, и двухобрядовые могильники к концу черняховского периода уступают место однообрядовым? [74] Если дальнейшие раскопки подтвердят это наблюдение о постепенном вытеснении трупосожжений, о переходе от могильников с двумя погребальными обрядами к могильникам с одним обрядом, то мы получим ценное, хотя и косвенное основание для членения памятников по хронологическим группам. С этой точки зрения мы должны будем отнести Маслово к более ранним памятникам сравнительно с Черняховом [75].

Обратимся к сравнительной характеристике обрядовых особенностей трупосожжений. Приведем сводную табл. 7.

Таблица 7

Памятники \ Погребения	Урновые	Безурновые	Всего
Привольное	8	8 (+1)	17
Совхоз «Приднепровский» (Гавриловка)	19	23	42
Каменка	5	3	8
Переяславль	—	21	21

Как видим, в Привольном урновые и безурновые погребения представлены в одинаковом числе [76]. В Гавриловке преобладают безурновые и подурновые захоронения, тогда как в Каменке урновые трупосожжения преобладают над безурновыми [77]. В Маслове точно так же урновые погребения преобладают над безурновыми. Особое место в этом ряде занимает Переяславльский могильник, в котором име-

[73] Такое утверждение, отвечающее нашим наблюдениям относительно Масловского могильника, высказывает Э. А. Сымонович: «Для сравнительно ранних памятников черняховской культуры характерен большой процент трупосожжений». Э. А. Сымонович. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 94.

[74] Подобную концепцию еще в 1941 г. выдвинула М. А. Тиханова: «Тогда как в самой Липице и в синхронных с ней могильниках сосуществуют оба обряда захоронения — трупосожжения и трупоположения, в поздних полях наблюдается лишь трупоположение. То же единообразие встречаем мы и в одном из полей Среднего Поднепровья — в Лидовщине Фастовского р-на, а также в упомянутых могильниках в Семиградье». М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века н. э. МИА, № 6, 1941, стр. 259. Этот же тезис о «развитии в направлении вытеснения трупосожжений трупоположениями» см. Є. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 71.

[75] Э. А. Сымонович. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 94.

[76] В Привольном было «обнаружено 19 трупосожжений, среди которых прослежено три вида, а именно: 8 сожжений, в которых кальцинированные кости, перемешанные с золою и остатками инвентаря (или без него), сопровождавшего покойника, находились в урне; 8 (погребения № 5, 9, 10, 27 и др.), в которых кальцинированные кости лежали на земле и были накрыты сверху сосудом вверх дном или обломками сосуда (погребения № 2, 11, 14 и др.). В одном случае кальцинированные кости среди обломков керамики лежали под камнем (размер 0,70+0,45 м). Подобное явление наблюдалось нами при раскопках могильника в с. Ново-Александровке». І. М. Фещенко. Пам'ятки порожистої частини р. Дніпра. Рукопись, Архив ИА АН УССР, ф. 12 № 145, стр. 14.

[77] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 293, 307 (Каменка).

ются только безурновые сожжения и вовсе нет урновых[78].

Что касается Черняховского могильника, то в Черняхове, как и в Маслове, встречаются урновые и безурновые погребения, погребения с остатками сожжения, ссыпанными на дно могильной ямы, и погребения с остатками погребального кострища, собранными в сосуд-урну[79]. Однако между безурновыми погребениями Масловского и Черняховского могильников имеются известные отличия: в Маслове остатки сожжения, ссыпанные в ямку, прикрываются сосудом, повернутым вверх дном, тогда как в Черняхове этого нет: пережженные кости лежат на дне могильной ямы, неприкрытые сверху. Сказанное относится и к урновым погребениям. В Маслове нет погребений с урной, неприкрытой другим сосудом. В Черняхове это правило соблюдается далеко не всегда. Здесь урну иногда накрывают сосудом, иногда нет[80].

Имеется еще одна подробность, отличающая сожжения Черняхова и Маслова. Сосуды в сожжениях Масловского могильника — это сосуды-урны и сосуды-покрышки. В Черняхове было иначе. Здесь, кроме урновых сосудов, в погребение ставили, возможно, под влиянием другого погребального обряда — трупоположения, несколько сосудов, от одного до десяти. Так, в сожжениях № 88, 135, 175 Черняховского могильника встречено по три сосуда, в погребении № 225 было 5 глиняных и 1 стеклянный сосуд, в погребении № 100 — 8 сосудов, в погребении № 225 — 5 глиняных и 1 стеклянный сосуд, в погребении № 119 — 10 сосудов.

Остается коснуться вопроса о соотношении урновых и безурновых погребений в черняховское и зарубинецкое время.

В Корчеватом, по сообщению И. М. Самойловского, было 33 урновых погребения и 48 безурновых. В Зарубинцах отмечены как урновые погребения, так и безурновые захоронения[81]. Полесские памятники, подобно Корчеватому, свидетельствуют о преобладании в зарубинецкое время безурновых погребений над урновыми. Большинство сожжений в Чаплине были безурновыми, в Воронине на 3 безурновых было встречено 1 урновое[82]. Вопреки этому, в Лукашевке наблюдается безусловное господство урновых. Из 20 погребений Лукашевского могильника 19 было урновых и только одно безурновое[83].

Если дальнейшие раскопки подтвердят наблюдение, что в зарубинецко-корчеватовское время в Среднем Поднепровье и в Полесье преобладал безурновый тип сожжения над урновым (при безусловном отличии в этом отношении Поднестровья-Попрутья—Лукашевка, Поянешты и пр.), то в черняховское время, по сравнению с предыдущим периодом, устанавливается или равновесие между обеими группами (Гавриловка, Привольное) или же преобладание урновых (Маслово,Каменка и др.). Иначе говоря, в данном случае обнаруживается увеличение урновых погребений по сравнению с безурновыми, за исключением Переяславльского могильника, где встречены только безурновые сожжения.

В дополнение к сказанному любопытно отметить, что в погребениях пшеворской культуры в Повисленье наблюдалось подобное явление, хотя и не вполне тождественное: господство безурновых погребений в более раннее время и уменьшение их числа в последующее время. Этот процесс в известной степени был общим для обеих территорий, однако с тем различием, что в Повисленье на этапе Ла-Тена III имелись только безурновые («ямные») сожжения, тогда как в Поднепровье, как отмечено выше, были и урновые и безурновые с преобладанием последних над первыми[84].

---

[78] В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 143.

[79] В черняховских погребениях № 88, 109, 119, 225 остатки сожжения сложены на дне могильной ямы; в погребениях № 135, 175, 177 остатки сожжений находились в сосудах-урнах.

[80] Сосуды-урны накрыты сверху в черняховских погребениях № 135 и 175. «Погребение № 135 (сожжение). На глубине 45 см оказался сосуд с пережженными человеческими костями и золой, накрытый другим меньшим, при них стоял третий сосуд в виде миски». Сравни: «Погребение № 177 (сожжение). На глубине 35 см найден сосуд в виде миски, стоявшей кверху дном, под ним был другой сосуд, наполненный пережженными костями и золой, а при нем еще один небольшой сосудец». В. В. Хвойка. Указ. соч., ЗРАО, т. XII, 1—2, Тр. ОСРА, V, 1901, стр. 176.

[81] В сожжениях Зарубинецкого могильника сосуд, «самый крупный и всегда лишенный ушек, был наполнен остатками пережженных человеческих костей... В некоторых случаях пережженные кости... находились не в сосуде, а оказывались лежащими на дне углубления возле сосудов». В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 14.

[82] Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 81, 85.

[83] Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 51, 58.

[84] Возьмем для примера могильник в Вымыслове. «Исключительной формой погребения умерших на могильнике в Вымыслове были погребения с трупосожжениями, выступают вообще три формы погребений: погребения ямные, урновые, обсыпанные остатками по-

Перейдем к сравнительной характеристике трупоположений. Начнем с вопроса об ориентировке. Между ориентировкой трупоположений в Масловском и Черняховском могильниках имеются значительные расхождения. В Маслове основной ориентировкой является северная с отклонениями на запад и восток. Для Черняховского могильника, в отличие от Маслова, характерно направление юго-западное с отклонениями на запад и на юг. Погребений с основным направлением головою на юго-запад было в Черняхове преимущественное большинство — 107, с отклонением к западу — 16, с почти западным направлением — 21. С отклонением с юго-запада к югу было 15. Число погребений с какой-либо иной ориентировкой было незначительно [85].

Что дают другие могильники? В Привольном — основное направление на север (6 погребений, два погребения с отклонением на запад и два — на восток; одно погребение с ориентацией на восток представляло собою исключение) [86]. В Переяславле большая часть погребений имела северное направление (8 погребений) со смежным северо-западным направлением было 5 погребений и 5 с западным [87]. Погребения Гавриловского могильника у овчарни совхоза Приднепровского охватывают сегмент с юго-запада до севера, приближаясь в этом отношении к Черняхову [88]. В могильнике у с. Дидовщины на р. Ирпень «покойники ориентированы или на запад с отклонениями или на север, точно также с отклонениями» [89].

Какие выводы можно сделать на основании приведенного материала? Прежде всего, конечно, тот, что в каждой общине покойников хоронили, придерживаясь определенной основной ориентировки, с теми или другими ближайшими смежными отклонениями. Подобное направление являлось обязательным для данной общины с тем, что своя ориентировка была у «масловцев», своя у «черняховцев» и т. д. Необходимо предположить, что община регламентировала обрядовые нормы, регулировала их, осуществляла свой контроль над их выполнением.

Правда, в настоящее время мы располагаем материалом, относящимся только к отдельным и единичным могильникам. У нас нет све-

---

гребального кострища, и погребения урновые чистые. По количеству погребения распределяются следующим образом: в позднелатенский период погребений ямных — 73, в период римских влияний погребений ямных — 122, погребений ямных с золою от кострищ — 60, погребений урновых чистых — 17, кенотафов — 29. Погребения ямные составляют преимущественное большинство. Они являются единственной формой погребального обряда в позднелатенский период, а в период римских влияний — доминирующей». Stanisław Jasnosz. Cmentarzysko z okresu późnolatěnskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow. Gostyń. Fontes Praehistorici, v. II (1951). Poznań, 1952, стр. 244.

[85] В. В. Хвойка определяет ориентировку погребений суммарно, без уточнений: «Направление скелетов различно, на З, СЗ, Ю и ЮЗ». В. В. Хвойка. Указ. соч., стр. 172. В «Древностях Приднепровья» вып. IV, Киев, 1901, стр. 5 указывается направление «головою на запад» как преимущественное. Эта же формулировка принята С. В. Коршенко, считавшим, что в Черняхове преобладало направление «головою к западу с бо́льшими или меньшими отклонениями». С. В. Коршенко. Черняховский могильник. 1941. Рукопись. Архив ИА АН УССР, К — 1940, стр. 39; М. А. Тиханова писала: «Покойники лежат в вытянутом положении, на спине, головою на запад (в Черняховском могильнике, в Дидовщине, в одном из погребений в Ромашках и в Лохвице) с отклонениями к северу или югу, или на север (в Масловском могильнике, и Переяславле-Хмельницком)». М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 172. См. примечание на стр. 169.

[86] «Десять погребений-трупоположений было разной ориентации: север — 60%, СЗ — 20%, СВ — 10%. Характерно отметить ориентацию скелета по полу. Согласно дневниковым записям, за исключением одного, все женские костяки лежат теменем на север, одно на СЗ и погребение подростка-девушки на В; мужские в разных направлениях и только один костяк — на север». І. М. Фещенко. Пам'ятки порожистої частини р. Дніпра, НА АН АН УССР, ф. 12, № 145, стр. 15. Иначе у Тихановой: «Скелеты лежат обычно на спине головой на север». М. А. Тиханова. Указ. соч., СА, 1957, № 4, стр. 175.

[87] В Переяславльском могильнике «на север было ориентировано около половины погребений (8 или 42%), многие имели северо-западную (5 или 26,5%) и западную (5 или 26,5%)». В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Указ. соч., стр. 143; М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 172, прим. 6 называет Переяславльский могильник вместе с Масловом, с чем едва ли можно согласиться, поскольку в Маслове основным направлением является северное с ближайшими смежными на запад и восток (СЗ, С, СВ), тогда как в Переяславле имеем З, СЗ, С.

[88] ЮЗ — № 19, 18, 25; З — № 23, 24; СЗ — № 12, 14, 26; С — № 2, 5; несколько иные подсчеты предлагает Э. А. Сымонович: «Трупоположения могут быть разбиты на две подгруппы: а) погребения с северной ориентировкой (погребения № 2, 5, 12, 14, 26 и др.); б) погребения с западной ориентировкой (погребения № 23, 19, 18, 25, 24 и др.)». Э. А. Сымонович. Указ. соч., стр. 294, 309.

[89] Хроніка Археології та Мистецтва, вип. II, Київ, 1930, стр. 47. «Костяки были ориентированы как на запад, так и на север. Из 19 погребений в 10 случаях костяки лежали головами на запад, в 7 — на север и в 2 — на северо-запад; отклонения по большей части на юг и на запад от указанных сторон горизонта колебались от 15 до 30°». В. Е. Козловская. Могильник и поселение у с. Дидовщины, Фастовского района. Рукопись. Архив НА АН УССР, стр. 3, ф. 12, № 40.

дений о всех могильниках и тем самым об обрядовых нормах в границах какого-либо определенного района. Нам остается неизвестным, в какой мере внутриобщинные нормы могут перерастать в общеплеменные и соответственно в какой степени они являются общеэтническими. Все эти вопросы остаются пока открытыми [90].

Достаточно всего вышеизложенного, чтобы убедиться в хронологической и типологической общности Маслова и Черняхова. Маслово и Черняхово — памятники одного в основном типа и времени, хотя и разных территорий. Маслово — памятник Среднего Побужья, тогда как Черняхов — Среднего Поднепровья. Для них характерны следующие общие признаки при наличии отдельных местных различий: погребения без насыпей, два вида погребального обряда (биритуализм), одинаковое или близкое по ритуальным особенностям положение скелета, наличие урновых и безурновых сожжений, инвентарных и безынвентарных погребений, отсутствие оружия при погребении, стандартный комплекс инвентаря, включающий в свой состав бусы, пряжки, арбалетные с подвязной ножкой фибулы, подвескираковины и костяные пирамидки, трехчастные гребни, сосуды обычно серого цвета, сделанные на круге, и пр.

Маслово и Черняхов — массовые могильники, содержащие сотни одинаковых индивидуальных погребений. Древние масловцы хоронили умерших всегда вместе, в одинаковых условиях, твердо придерживаясь общей ритуальной регламентации. Место мертвых было одно для всех, точно так же, как и погребальный ритуал. При всем том, среди погребений имеются богатые и бедные, с обильным и скудным инвентарем, равно как и вовсе безынвентарные.

Погребения местной верхушки хотя и располагались рядом с прочими и в пределах того же общего могильника, но имели особое устройство могил, отличное от остальных (деревянные склепы в Черняхове, деревянное перекрытие в Маслове). Наличие подобного рода погребений в Маслове и Черняхове является ярким свидетельством того, что в небольшом поселке обычно сельского, соседско-общинного типа, расположенного на берегу мелкой лесостепной речки, уже выделялись отдельные лица, обладающие ценными вещами, каких не было у рядовых членов данной общины, и обособившиеся в какой-то степени по своей имущественной и социальной значимости.

Процесс классообразования, происходивший внутри территориальной общины, в условиях разложения первобытнообщинного строя, приобретает на данном этапе развития все более четкие формы.

---

[90] Существенную ясность в затронутые вопросы внесли в последнее время исследования Э. А. Сымоновича. Им выяснено общее направление развития обрядовых норм, определяющих особенности каждого из погребений: ориентации, отсутствия и наличия инвентаря, глубины захоронений, сохранности или разрушенности данного погребения. Погребениям с инвентарем и северной ориентацией, среди которых встречаются иногда разрушенные, противопоставлены погребения с западной ориентировкой, без инвентаря, расположенные на большей глубине. См. Э. А. Сымонович. Указ. соч. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 88—92. Наши раскопки в 1961 г. Косановского могильника на Ю. Буге в районе Гайсина, Винницкой обл. подтвердили на ряде погребений правильность этих наблюдений.

В. Ф. Пешанов, Э. А. Сымонович

НИЖНЕДНЕПРОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У С. ОСОКОРОВКА

В сентябре 1952 г. по поручению начальника Никопольско-Гавриловской эскедиции Института археологии АН УССР А. В. Добровольского были произведены археологические разведки и пробные раскопки у с. Осокоровка Ново-Воронцовского р-на, Херсонской обл.

Село Осокоровка, до затопления местности в связи с Каховским гидростроительством, располагалось в одной из балок, выходящей на никопольские плавни. По дну балки протекал ручей. Заливные луга отделяли находившееся на южном берегу ручья село от основного русла Днепра. На огородах восточного конца села, ближайшем к Днепру, где, по словам местных жителей, при земляных работах попадались крупные камни и различные предметы древности, было заложено 11 шурфов размерами 1×10 м и один раскоп (6 × 6 м). Шурфы были ориентированы в широтном направлении.

Стратиграфия в общем одинакова на всех раскопанных участках. Так, под пахотным слоем мощностью до 0,3 м продолжается чернозем, приобретающий ниже сероватый оттенок. Этот слой иногда доходит до глубины 1,5 м. Под ним, обычно четко выделяясь, лежит желтоватый материковый суглинок, лишенный находок.

Эта площадь первоначально была занята поселением в эпоху бронзы, а затем использовалась в первые века н. э. В шурфах найдена керамика и кости животных.

Наибольшее число находок встречено на глубине от 3 до 6 штыка. Среди них обломки лощеной, гончарной грубой и лощеной керамики, а также привозных сосудов — амфор. Последние составляли около 13% всей посуды, применявшейся на поселении. Остальная керамика, по-видимому, местного производства. Интересно, что посуда с лощеной поверхностью встречалась преимущественно в нижних пластах. По цвету она делится на черную и серую. Обнаружена также керамика с линейным и волнистым орнаментом, с косыми каннелюрами и пролощеными линиями (рис. 1, *8, 10, 14, 15*).

Помимо керамики, в шурфе № 7 найден обломок плоского глиняного пряслица с лощеной поверхностью (рис. 1, *12*) и фрагмент крупного каменного жернова, а в шурфе № 9 стеклянная бусина с восьмью слабо выраженными гранями (рис. 1, *11*). Встречена она на глубине 7 штыка, что, по-видимому, исключает ее позднее происхождение.

Третий и седьмой шурфы оказались на площади с наиболее мощным культурным слоем. Они содержали и наибольшее число находок. На дне третьего шурфа отмечены темные пятна, уходящие под стенку, а на южной стенке седьмого шурфа слабо прослеживался контур поперечного среза жилища. Однако последнее наблюдение осталось непроверенным. В небольшом раскопе (36 кв. м), заложенном на месте третьего шурфа, обнаружено 180 обломков керамики (рис. 2, *1—7, 12—13*) и 101 кость животных. Основная часть их найдена на глубине третьего и четвертого штыков.

В раскопе встречены куски обмазки с отпечатками прутьев, небольшая каменная (?) бусина (рис. 2, *8*). В северной части раскопа прослежено два темных круглых пятна от ям, обозначенных нами номерами 1 и 2.

Яма № 1 на уровне зачистки по материку имела диаметр 1,1 м. На глубине 1,1 м она расширилась до 1,5 м и стала сужаться книзу. Дно ее на глубине 2,2 м оказалось аккуратно закругленным.

В заполнении ямы, состоящем из чернозема, обнаружено около 450 находок, среди них 150 обломков керамики, глиняное пряслице

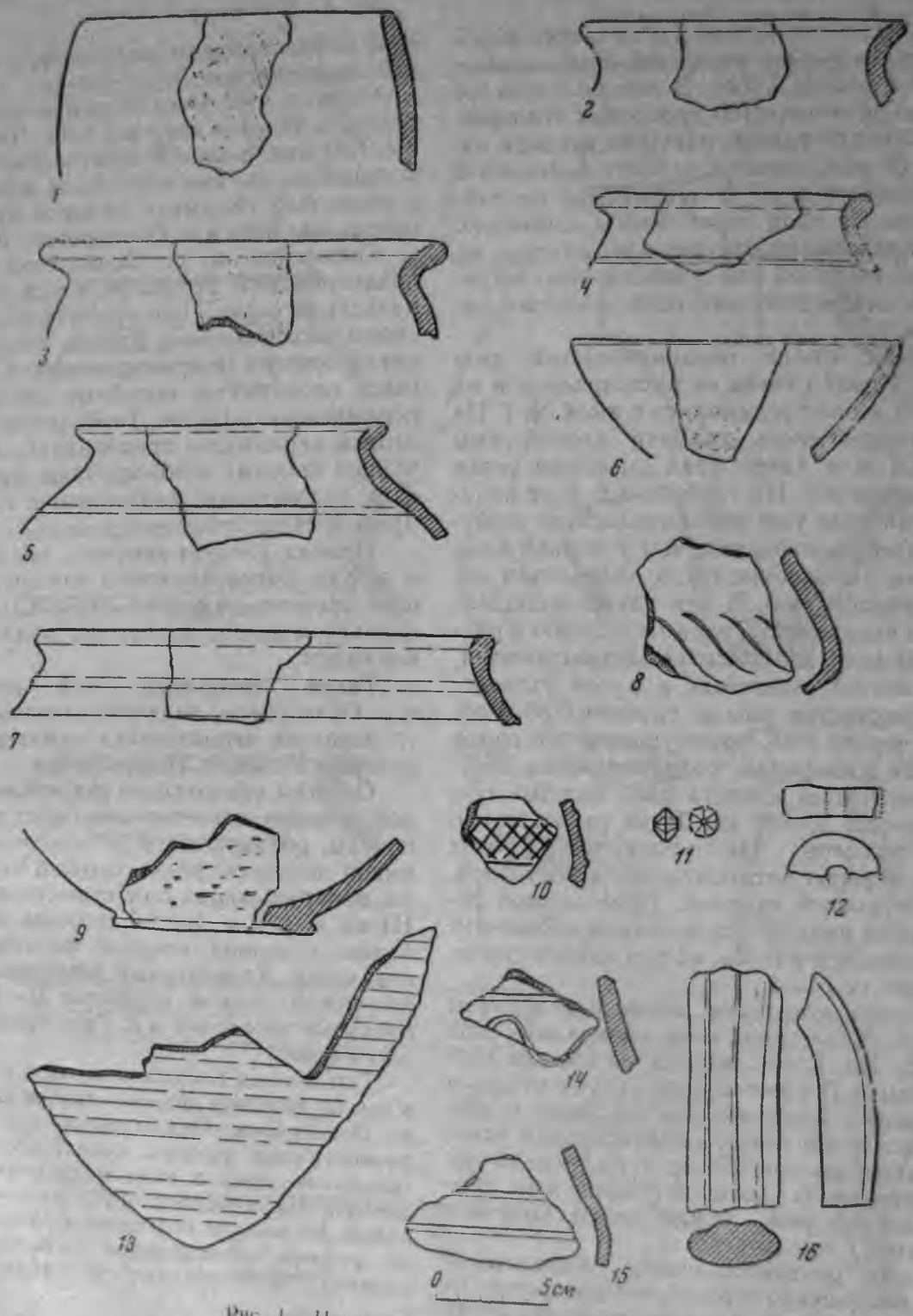

Рис. 1. Находки с поселения Осокоровки.

1, 6 — обломки лепной посуды; *2—5, 7—10, 13—16* — обломки гончарной посуды; *11* — стеклянная бусина; *12* — обломок глиняного браслета

диаметром 7 см и толщиной 2,5 см и бронзовая пружина от фибулы с железной осью, сильно окисленной (рис. 2, *9, 11*). В яме обнаружено также большое количество древесных угольков, куски обожженной глины, ракушки, мелкие кости рыб, нижняя челюсть человека и кости со следами огня. В заполнении прослежены отдельные слои серой массы, очевидно, зольного образования. На дне ямы находок не было. На ее вогнутой поверхности явно вырисовывались следы действия огня — черные полоски сажи.

Яма № 2 имела первоначальный диаметр 1,2 м. Книзу стенки ее расширялись и на глубине 0,85 м она соединилась с ямой № 1. На самом широком месте диаметр второй ямы достигал 1,6 м и затем стал довольно резко сокращаться книзу. На глубине 1,5 м от начала расчистки ямы уже обозначилось ее вогнутое дно, более заостренное, чем у первой ямы. Черноземное заполнение было аналогично заполнению первой ямы. В нем также содержалось много предметов. Среди них до 200 фрагментов керамики, до 150 штук мелких камней, около 70 костей животных и кусок шлака.

В ходе расчистки ямы на глубине 0,85 м обнаружены черепа рыб, преимущественно сомов и щук. Судя по черепам, сохранившимся иногда с частью костей скелета рыб, каждый сом весил примерно 20—30 кг. Щуки также имели большие размеры. На указанном уровне 12 рыбьих черепов располагалось в восточной, западной и южной стороне. Вдоль самой северной стенки ямы, за исключением ножки амфоры, выходящей как бы из-под стенки, никаких находок не было.

После того, как были разобраны и сняты все черепа, в засыпке ямы попадались еще кости рыб. Так продолжалось до начала сокращения ямы. Глубже костей рыб не стало, и в ней наряду с фрагментами керамики и кусками обожженной глины в значительном количестве появились древесные угли, иногда довольно крупные. В западной стороне ямы, сразу под костями рыб, лежал череп крупного животного.

Дно ямы оказалось слегка опаленным и местами совершенно черным, что произошло от специального обжига. Но, надо полагать, огонь здесь горел сравнительно недолго. В заполнении ямы, кроме местной посуды, был найден фрагмент края широкогорлой позднеримской амфоры III—IV вв. н. э. (рис. 2, *10, 14*). По форме обе ямы, конечно, не оригинальны. На нижнеднепровских памятниках подобного типа ямы зафиксированы, например, в с. Кут, Апостоловского р-на [1].

Однако ямы Осокоровки отличает обилие костей и черепов крупных рыб. Подобные ямы в с. Кут имели явно хозяйственное назначение. В одной из ям там тоже были найдены чешуя и кости рыб. Но имели ли такое же назначение описанные ямы в с. Осокоровке, пока не ясно.

Поселение в с. Осокоровке датируется позднеримским временем. Судя по мощности культурного слоя, оно существовало долго. По своим находкам оно близко поселению у овчарни совхоза Приднепровского и в с. Кут, где были прослежены подобные же соотношения керамических групп (небольшое количество лепной керамики и преобладание местной гончарной посуды) и обнаружены фрагменты амфор, аналогичных найденным в с. Осокоровке (рис. 2, *14*).

Правда, следует заметить, что на поселении в с. Кут, одновременного нашему, был больший процент амфорной тары и, пожалуй, несколько меньшее количество обломков лепной керамики.

Такие поселения, как исследованное в с. Осокоровке, являются плодом длительного развития черняховских памятников на территории Нижнего Поднепровья.

Об этом убедительно свидетельствует, с одной стороны, сходство некоторых форм лепной посуды, обнаруженной на поселениях, с керамикой позднескифских городищ Нижнего Днепра, прекращающих свое существование во II—III вв. н. э. и, с другой стороны, что особенно важно, с лепной посудой раннечерняховских поселений. Характерный комплекс такой черняховской лепной керамики II—III вв. дали раскопки поселения в с. Грушевка Апостоловского р-на.

Там лепная посуда из слоя и углубленного в землю жилища вполне сходна с находками из Осокоровки. Оказывается, что лепная керамика более поздних поселений, как и могильников, имея в виду могильник у овчарни совхоза Приднепровского в районе с. Гавриловки, во многом повторяет формы, известные по ранним черняховским памятникам [2]. Эту картину подтверждают и наблюдения над

---

[1] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 313 и сл.

[2] Э. А. Сымонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, № 1, стр. 250—251.

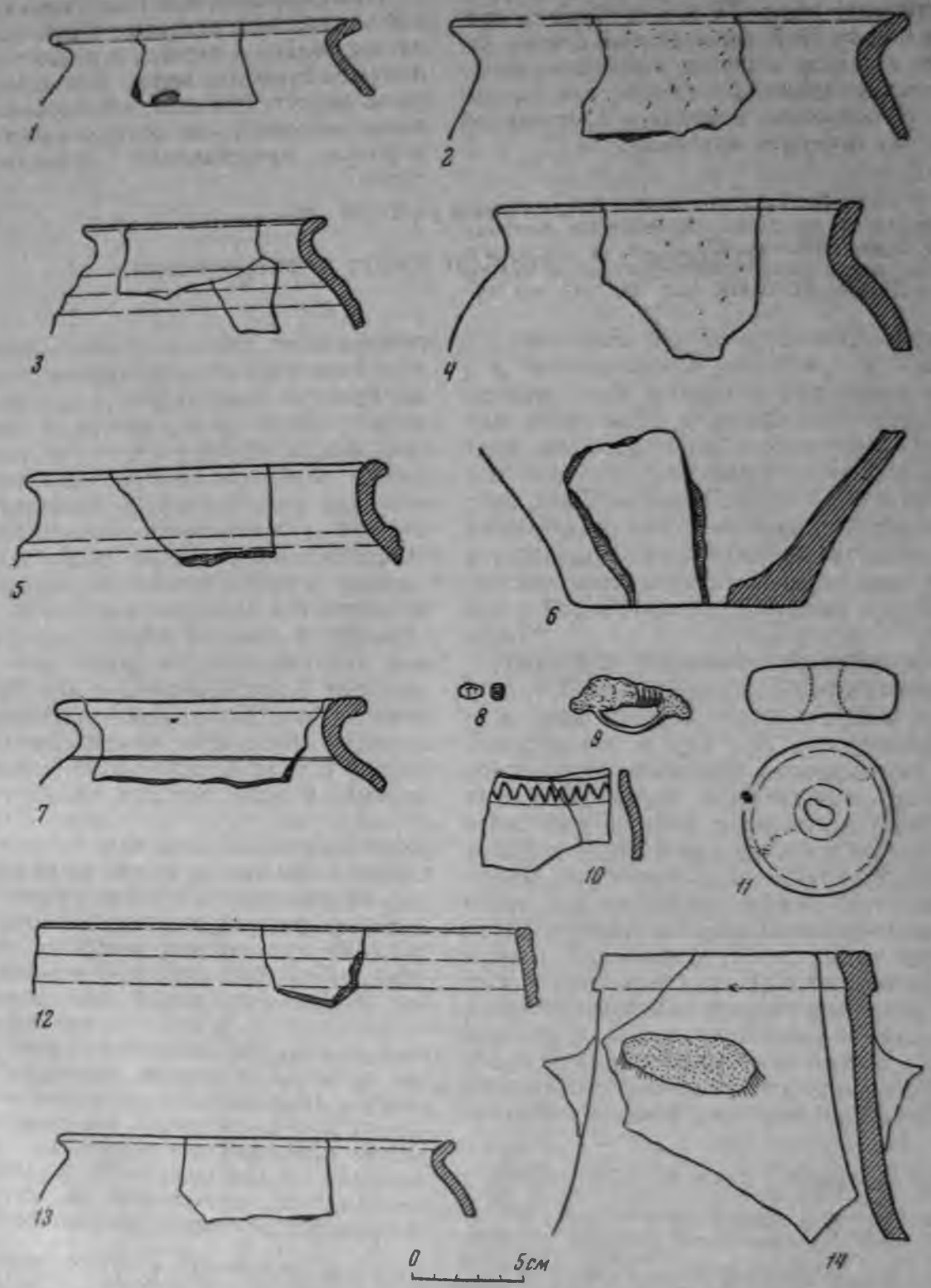

Рис. 2. Находки с поселения Осокоровки.

1,2,5,7,10,12 — 14 — обломки гончарной посуды; *2,4,6* — обломки лепной посуды; *8* — каменная (?) бусина; *9* — бронзовая с железной осью пружина от фибулы, *11* — глиняное пряслице

керамикой из с. Осокоровка. Поселение вряд ли существовало позже IV в. н. э. Судя по срезу стен в шурфе № 7, здесь были и слегка углубленные в землю жилища. Сочетание полуземляночных и наземных построек, как, например, в с. Никольском, говорит о постепенной замене одних построек другими[3].

Нижнеднепровские памятники культуры полей погребений впервые стали широко изучаться только в период, предшествующий разливу Каховского моря. Большинство из них ныне недоступны для исследований, поэтому даже небольшие по объему работы в с. Осокоровка представляют существенный интерес.

---

[3] А. Т. Брайчевська. Поселения черняхівського типу в с. Микольске на Дніпрі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 82—92; Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 19.

М. Ю. Брайчевский

ПОГРЕБЕНИЕ В ГОРКЕ-ПОЛОНКЕ НА ВОЛЫНИ

Территория Южной Волыни представляет для археолога, занимающегося изучением эпохи первых веков н. э., чрезвычайно высокий интерес. Однако памятники названного времени в этом районе до сих пор изучены весьма слабо, вследствие чего волынская группа памятников черняховской культуры пока остается скудно обеспеченной источниками. Интерес имеющегося в нашем распоряжении материала, касающегося данной территории, определяется тем, что в нем находим значительное число памятников первых веков н. э., объединяющих в себе черты, характерные как для черняховской, так и для пшеворской культур, что дает основание достаточно определенно говорить о генетической связи обеих культур, непосредственно смыкающихся друг с другом хронологически, по крайней мере в области лесостепной Волыни.

И если сам по себе южноволынский вариант пшеворской культуры до сих пор остается не вполне ясным в связи с отсутствием на территории Волыни хорошо выраженных памятников с чистым слоем пшеворского типа, то число памятников, носящих смешанный пшеворско-черняховский облик, уже сейчас довольно значительно.

К числу таких памятников смешанного типа относятся, например, известный (хотя до сих пор как следует не опубликованный) могильник в с. Деревянном (Клеванский р-н, Ровенская обл.) [1], могильник в с. Городище (Александрийский р-н, Ровенская обл.), который, к сожалению, не подвергался систематическим археологическим раскопкам [2], поселение в с. Викнины Великие (Великодедеркальский р-н, Тернопольская обл.) [3] и т. д. Пшеворский керамический материал был обнаружен в той или иной мере в комплексах черняховского типа на поселениях в Ягнятине (Ружинский р-н, Житомирская обл.) [4], Пидлужжя (Вербский р-н, Ровенская обл.) [5] и др. К числу таких памятников, имеющих сложный характер и обнаруживших смешение пшеворских и черняховских черт, относится погребение, раскопанное в Горке-Полонке (Луцкий р-н, Волынская обл.) [6].

Берега р. Стыри, в частности в окрестностях г. Луцка, довольно богаты находками I в. н. э. (ряд находок в самом Луцке на усадьбе Лазаркевича и др.) [7]. К сожалению, именно здесь археологические исследования проводились совершенно недостаточно. Большинство известных сегодня материалов было собрано в 1930-х годах перед началом второй мировой войны после основания Луцкого музея, при более или менее случайных обстоятельствах.

Погребение в Горке-Полонке было исследовано А. Прусевич в 1931 г. также при случайных обстоятельствах. Правдоподобно, что оно принадлежало к какому-то могильнику первых веков н. э., и, следовательно, помимо исследованного, там должны были быть и другие погребения, однако раскопки продолжены своевременно не были и ни одно из этих предпола-

---

[1] Материалы хранятся в Луцком областном музее. См. Z. Leski. Prace archeologiczne na Wołyniu. Z otchłani wieków. R. 1936, zesz. 4—5. Poznań, 1936, str. 60—61; Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 221—224.

[2] С. В. Коршенко. Материалы для составления карты распространения культуры полей погребений на территории УССР (рукопись в Архиве ИА АН УССР), ф. 12, № 47.

[3] М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. I. Київ, 1947, стр. 111—122.

[4] Є. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 154—168.

[5] М. Ю. Брайчевський. Розвідка слов'янських пам'яток на Волино-Подільському Прикордонні. АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 402.

[6] Материалы хранятся в Луцком областном музее.

[7] Материалы хранятся в Луцком областном музее.

гаемых погребений не было раскрыто. Материалы раскопок попали в археологический отдел Луцкого музея, где автор имел возможность ознакомиться с ними в 1947 г. Документация раскопок не сохранилась, если не считать записей в Инвентарной описи археологического отдела музея. Никаких публикаций в печати об этом погребении не появлялось.

Рис. 1. Вещи из погребения в Горке-Полонке

1—2 — бронзовые фибулы; *3* — костяной гребешок; *4* — лепная миска

Погребение содержало трупоположение в обычной грунтовой яме. Костяк, принадлежавший женщине, лежал в вытянутом положении; сохранность его оказалась плохой (сохранились более или менее хорошо лишь череп и две кости конечностей). В погребении были найдены следующие вещи.

Миска (инв. № 113), изготовленная без помощи гончарного круга, но довольно аккуратно. Глина плотная, имеет примесь песка. Цвет черепка серый. Формовка в общем тщательная, профиль более или менее ровный и четкий, хотя и не абсолютно. Форма — характерная для мисок пшеворской культуры — приближающаяся к биконической, но с плавным силуэтом; нижняя часть — резко выраженная коническая, верхняя — более прямая; перегиб тулова закруглен, венчик слегка отогнут наружу, дно простое. Орнамент отсутствует. Размеры сосуда: диаметр по верхнему краю венчика — 15,5 см, высота — 9 см (рис. 1,*4*).

Костяной гребешок очень характерного для черняховской культуры типа (инв. № 114). Довольно велик по размерам, изготовлен из семи костяных пластинок, из коих две крайние имеют по шесть зубчиков, а средние — по семь (разница определяется тем, что оба крайние зубчика почти вдвое толще всех остальных). Пластинки, заканчивающиеся зубчиками, соединены вместе двумя поперечными пластинками при помощи маленьких бронзовых гвоздиков (общее количество их — 10). Спинка выгнута, без плечиков, имеет форму, несколько приближающуюся к треугольной, но с закругленной вершиной. Орнамент — в виде прочерченных концентрических кружочков, в общем и целом характерных для изделий черняховской культуры (в том числе и гребней), но образующих не вполне обычную композицию из трех точек и трех концентрических дуг. Сохранность вещи в общем неплохая: уцелели шесть зубчатых пластинок из семи и значительная часть обеих пластинок, образующих спинку. Также сохранилось и большинство зубчиков (все шесть уцелевших пластинок в общей сложности имеют шесть зубьев, обломанных полностью, и два — с обломанными концами). Размеры гребня: длина — 10,8 см (рис. 1, *3*).

Две совершенно одинаковые бронзовые фибулы, характерные для первых веков н. э. (инв. № 116а и 116б), принадлежат к типу трехчастных арбалетных фибул с подвязанной ножкой. Имеют узкую дугообразную изогнутую спинку с пяткой, подогнутой книзу и привязанной к корпусу при помощи тонкой проволочки, дважды обернутой вокруг последнего, и пружину с тетивой и иглой, соединенной с корпусом при помощи стерженька с закругленными (заклепанными) концами. Пружина имеет в одном случае восемь, а в другом — девять завитков. Тетива проходит под корпусом; иглы в обоих случаях вложены в иглодержатели, составляющие непосредственную часть пятки. Сохранность фибул превосходная — уцелели абсолютно все детали. Размеры фибул: длина — 4,2 см, длина пружины (со стержнем) — 2 см (рис. 1, *1—2*). Абсолютное типологическое тождество обеих фибул и их нахождение

в одном погребении не оставляют сомнений, что здесь мы имеем дело с одним гарнитуром изделий, с парой застежек, изготовленных одновременно и для одного лица.

Все четыре предмета (миска, гребень и фибулы) сохранились в фондах Луцкого музея. Однако ими не исчерпывался инвентарь описываемого погребения. Кроме них, здесь были найдены: шесть стеклянных бусин (инв. № 115), из них четыре были многогранными, вытянутыми, темно-синего цвета; одна плоская, круглая небольших размеров, тоже темно-синяя; наконец, последняя — маленькая круглая, коричневого цвета. Сведения об этих бусах имеются только в инвентарной описи археологического отдела Луцкого музея.

Таким образом, вещевой инвентарь, сопровождавший погребение, исследованное в Горке-Полонке, включает в свой состав элементы, характерные для пшеворской (сосуд) и черняховской (гребень и фибулы) культур. Характер этих вещей позволяет датировать погребение приблизительно II в. н. э. и рассматривать его как памятник, отражающий переходный этап от одной культуры, существовавшей на территории Южной Волыни в эпоху около рубежа новой эры, к другой, сложение которой относится как раз ко времени II—III вв. н. э.

Это погребение находит себе место в ряде других памятников Южной Волыни, объединяющих в себе черты как пшеворской, так и черняховской культур, о которых была речь выше (Деревянное, Городище, Викнины Великие, Пидлужжя и т. д.). Многочисленность уже сегодня известных памятников данного типа (при явно недостаточной степени исследованности территории Южной Волыни) свидетельствует об их неслучайном характере. Значение их определяется тем, что они в своей совокупности должны помочь выяснению чрезвычайно важного и далеко еще не решенного вопроса о генезисе черняховской культуры и ее связях с культурными типами, хронологически ей предшествующими.

Южная Волынь — один из тех районов, включение которых в состав древнейшей территории славянских племен у исследователей не вызывает разногласий. Поэтому именно в данном районе можно надеяться в первую очередь выявить памятники, которые помогут окончательно разобраться в характере древнеславянской культуры, в частности, в эпоху первой половины I в. н. э.

И. С. Винокур

ПАМЯТНИКИ ВОЛЫНСКОЙ ГРУППЫ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ У СЕЛ МАРКУШИ И ИВАНКОВЦЫ

Археологический отряд Черновицкого государственного университета, работавший в составе Днестровско-Волынской экспедиции АН СССР [1], в 1959—1961 гг. провел разведовательные и раскопочные работы в юго-западных районах Восточной Волыни. До этого древности культуры полей погребений в указанном районе были изучены очень слабо. Первым объектом исследований отряда стало поселение культуры полей погребений у с. Маркуши, Бердичевского р-на Житомирской обл., открытое местным краеведом Г. Г. Богуном [2]. Оно находится в 1,5 км к югу от села, в урочище Мадьярщина, по обе стороны безымянного ручья, впадающего в р. Гнилопятку (приток р. Гнилопяти), и занимает первую надпойменную террасу, вытянувшись по обоим берегам ручья на 600—800 м при ширине 70—90 м. При обследовании места поселения наибольшая насыщенность находками прослежена в северо-западной части урочища.

Здесь в 1959 г. вскрыта площадь свыше 200 кв. м. В юго-восточной части раскопа на глубине 0,45—0,50 м вырисовались контуры наземного жилища в виде завала глиняной обмазки. Контуры его примерно прямоугольной формы 4×8,5 м (рис. 1; рис. 2, *1*). В северной половине помещения расчищена печь четырехугольной формы, размерами 2×2,2 м. Она была построена на подмазке пола жилища. Основу печи составляли относительно большие куски гранита размерами в среднем 15—20 см. Поверх каменной выкладки была положена глина. По периметру основания печи лежали куски сильно обожженной глины (вероятно, остатки свода). Камни, составлявшие основу печи, также сильно обожжены. Между камнями выкладки при расчистке найдены фрагменты керамики. На уровне основания печи, около юго-западной стороны ее, найдено 22 больших глиняных конусовидных грузила со сквозными отверстиями в верхней части. Высота их 15—16 см и диаметр в основании 9—12 см (рис. 2, *2*). Большинство грузил производит впечатление необожженных и только некоторые имеют признаки обжига. Можно предполагать, что грузила были специально положены у печи; они, вероятно, здесь обсыхали.

В южной части постройки расчищены остатки плохо сохранившейся печи. Выяснить планировку этой печи не удалось. Ее основу также составляли камни, обмазанные глиной. Площадь, занятая остатками печи, 1,5×1,8 м. Рядом с ее остатками обнаружены обломки и одно целое глиняное грузило: конусовидные, пирамидальные и круглые (рис. 3, *5—7*). На площади жилища, кроме керамики, встречены и другие находки. В северной части помещения, на полу, найден римский серебряный денарий, чеканенный при императоре Антонине Пие (рис. 3, *4*). В южной части жилища обнаружен обломок бронзовой фибулы и обломок стеклянного кубка с напаянными нитями (рис. 4, *12, 13*). Неподалеку от остатков жилища, в юго-западной части раскопа, найден обломок глиняного биконического пряслица, обломок и целый экземпляр железного ножа. Несколько севернее, в 2,5 м от указанных предметов, найдено железное долото (рис. 4, *9*). Кроме того, в западной части раскопа зафиксированы поделки из кости: два лощила (?) и обработанный кусок рога оленя с отверстием в торцовой части, по-видимому, являющейся заготовкой рукоятки ножа (рис. 3, *1—3*).

В северной части раскопа, за пределами жилища, обнаружены остатки подковообразной печи и очага округлой формы. Остатки печи оказались на глубине 0,40 м от современной поверхности. Устье ее обращено на восток,

[1] Начальник экспедиции М. А. Тиханова.
[2] В Маркушах отряд работал в составе: И. С. Винокур (начальник отряда), Г. Г. Богун, Н. А. Зимина.

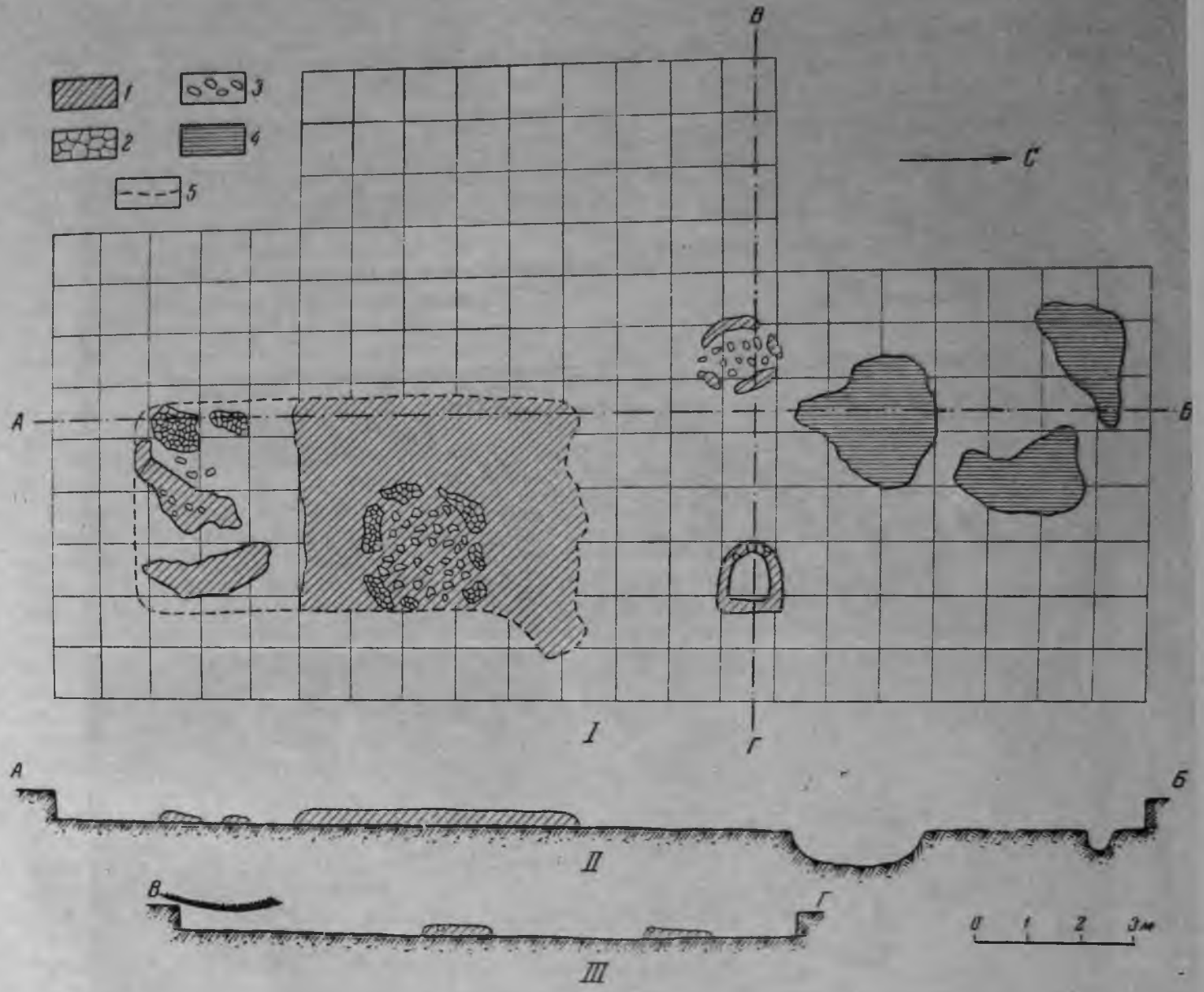

Рис. 1. План (I) и разрезы (II—III) жилого комплекса на поселении Маркуши.

Условные обозначения: *1* — глиняная обмазка; *2* — глиняная обмазка пода; *3* — камни; *4* — ямы; *5* — реконструируемые контуры постройки

Рис. 2. Общий вид раскопов на поселении Маркуши.
1 — общий вид остатков жилища; *2* —скопления глиняных грузил у печи жилища

под сохранился плохо, но все же прослеживался. Контуры печи в плане хорошо очерчиваются по остаткам от основания. Размеры печи 0,8×1 м. Она была возведена на подмазке. Открытый очаг располагался в 3 м западнее подковообразной печи. Он выложен камнем и битой посудой. Форма очага округлая. Размеры его 0,9 × 1,2 м (рис. 1). Севернее печи выявлены три хозяйственные ямы неправильных очертаний. Диаметр ям от 1,8 до 2,3 м. В одной яме вместе с костями животных обнаружены обломки керамики, в другой — только кости животных. В заполнении третьей ямы встречено много керамики и костей животных. В ней же найдена круглая янтарная бусина.

Таким образом, раскопками 1959 г. на поселении у с. Маркуши выявлены остатки наземного жилища с двумя печами, летней печью, очагом и тремя хозяйственными ямами. Керамический материал, собранный как на месте жилища, так и на его периферии, своеобразен. Своеобразие керамики состоит в том, что здесь в определенном процентном отношении выступает гончарная посуда чисто черняховских форм и наряду с ней своеобразная лепная керамика культуры полей погребений. Последняя представлена формами типа Деревянного, Пряжева и других памятников. Процентное соотношение этих двух групп керамики в Маркушах примерно таково: 50—60% черняховской посуды и 40—45% — керамики волынской группы полей погребений (рис. 5, *1—4*). Сосуществование гончарной посуды с лепной вообще характерно для поселений волынской группы культуры полей погребений. На большинстве этих памятников лепная керамика преобладает.

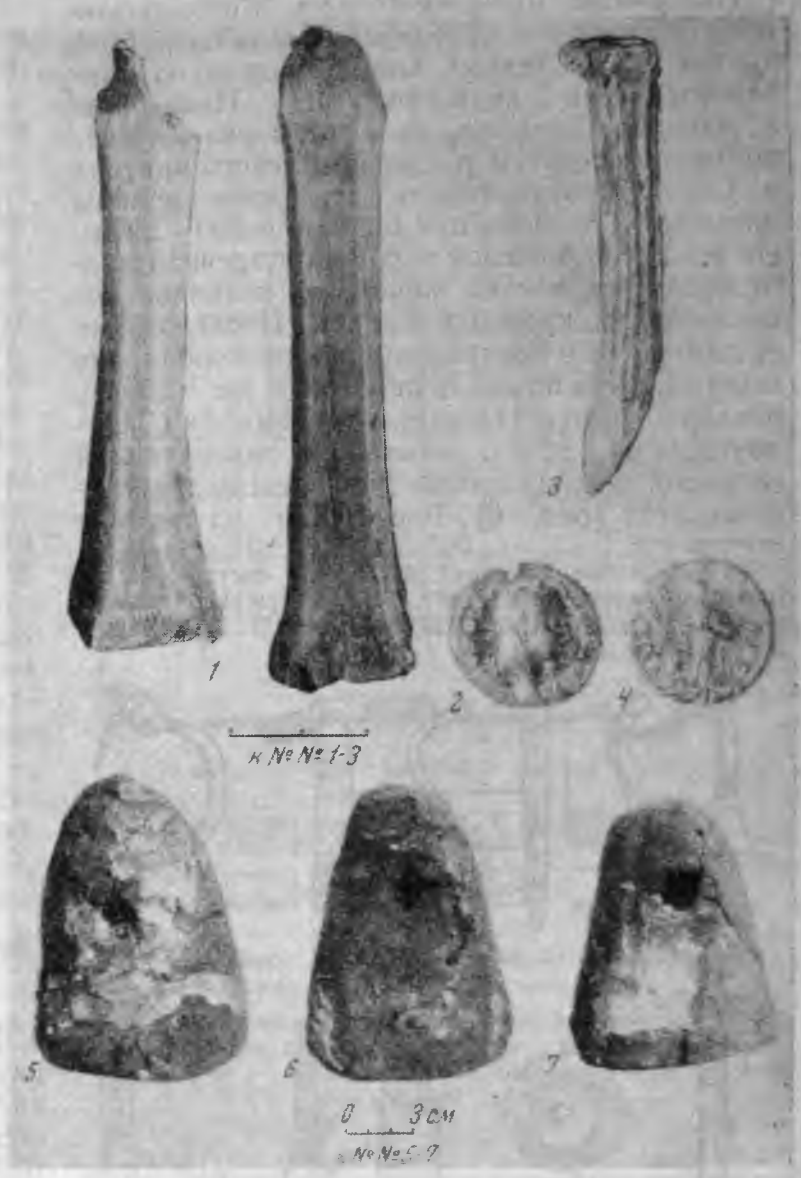

Рис 3. Костяные поделки (*1—3*), серебряная монета (*4*) и глиняные грузила (*5—7*) с поселения Маркуши

Датировка объектов, вскрытых на раскопе в Маркушах, выясняется вполне определенно. Найденная в жилище монета Антонина Пия может служить в какой-то мере указанием на нижнюю хронологическую дату. Бронзовая фибула относится к типам, широко распространенным в III—IV вв. н. э.[3] Приблизительно этим же временем датируется обломок стеклянного кубка с напаянными нитями[4]. Керамический материал укладывается в хронологические рамки III—IV вв., а, может быть, и начала V в. н. э. Видимо, поселение у с. Маркуши могло существовать, судя по указанным находкам, в промежутке от конца II до IV в., а может быть и начала V в. н. э.

* * *

Вторым объектом наших раскопок стало поселение культуры полей погребений у

[3] J. Kovrig. Die Haupttypen der Kaiserzeitlichen Fibeln in Pannonien, Dissertationes Pannonicae, Ser. II, № 4. Budapest, 1937, стр. 129.

[4] H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien, Bd. I, Hamburg, 1951, стр. 62, 67, 78.

с. Иванковцы, Любарского р-на, Житомирской обл., открытое учителем Ново-Любарской школы С. А. Липко[5]. Оно расположено приблизительно в 1 км к западу от с. Иванковцы в урочище Селысько, на южном склоне надпойменной террасы р. Госыры, левого притока р. Случь. Протяженность его вдоль долины примерно 1,5—2 км при ширине в 100—150 м. На всей этой большой площади встречено много керамики, костей животных, глиняной обмазки и обожженных камней. Исследования были начаты в центральной части селища, где была вскрыта площадь свыше 200 кв. м. Здесь обнаружены остатки наземной постройки. Прямоугольный развал обмазки, фиксирующий ее место, ориентирован на северо-запад — юго-восток (рис. 6). Расчисткой на глубине

[5] В Иванковцах отряд работал в составе: И. С. Винокур (начальник отряда), Г. Г. Богун, Н. А. Зимина, С. А. Липко, Л. В. Вакуленко, Э. П. Городецкий, О. М. Приходнюк.

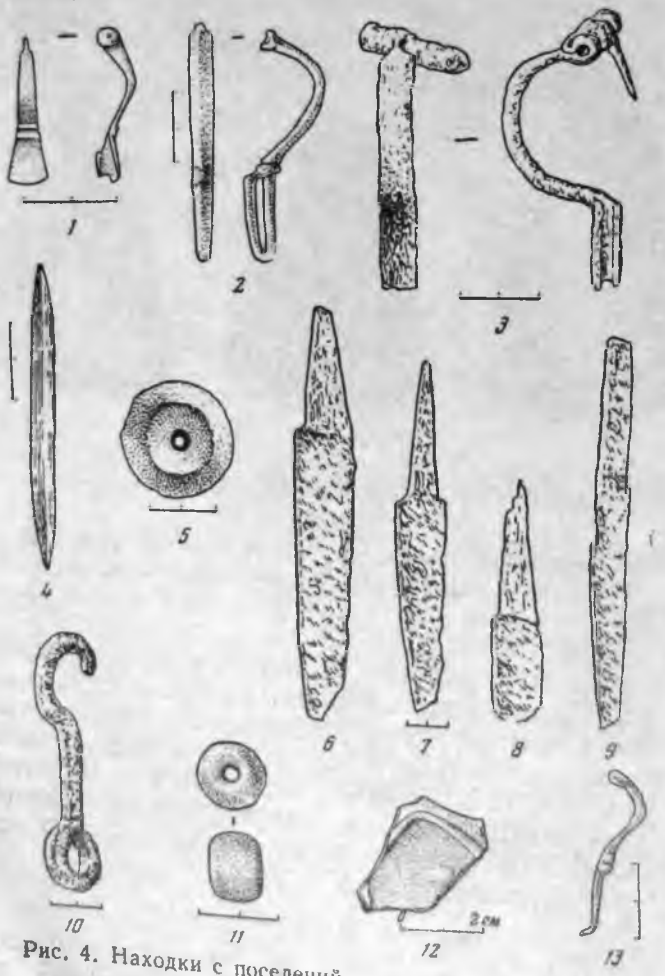

Рис. 4. Находки с поселений у сел. Иванковцы (*1—5*) и Маркуши (*6—13*)

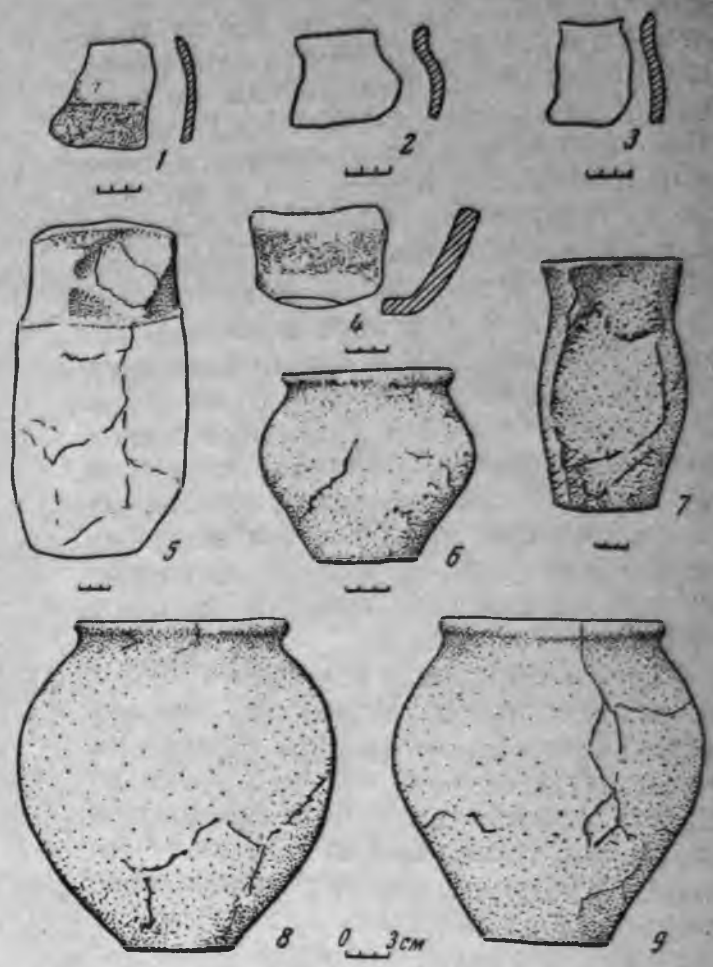

Рис. 5. Керамика с поселений у сел. Маркуши (*1—4*) и Иванковцы (*5—9*)

0,35—0,40 м определены примерные контуры развала глиняной обмазки 5,8×6,4 м. Глиняная обмазка лежала неравномерно. Ближе к стенам она располагалась массивным слоем (0,30—0,35 м), к центру сооружения толщина ее уменьшалась (0,10—0,15 м). В центральной части постройки прослежены остатки стены в виде узкого завала глиняной обмазки, разделявшей помещение на две камеры. Толщина глиняной обмазки здесь так же, как и у внешних стен постройки, составляла 0,30—0,35 м. В первой камере, расположенной в северо-западной части помещения, на глубине 0,40 м расчищен под глинобитной печи овальной формы. Длина сооружения — пода и предпечной ямы — 1,5 м. Печь была сооружена на камнях и обмазана глиной, под сохранился очень хорошо. С юго-восточной стороны к нему примыкает предпечное углубление — 0,20 м глубиной, содержащее в заполнении вкрапления угля. Северо-восточнее печи, на расстоянии 1,4 м от нее, обнаружен нижний круглый камень от жерновов. Он лежал у северной стены поме-

шения, неподалеку от остатков внутренней стены-перегородки. Диаметр жернова 0,60 м; толщина —0,18 м (рис. 6; рис. 7, *1*).

Во второй камере, в северо-восточной части постройки, выявлено интересное сооружение. Два возвышения круглой в плане формы были обмазаны глиной, которая подверглась обжигу (диаметр возвышений 0,60—0,70 м). Возвышения в целом напоминали усеченные конусы с расширенным основанием. Они отстояли друг от друга на 0,7 м (рис. 7, *2*). Высота возвышений —0,35—0,40 м. На стенках конусовидных возвышений хорошо прослеживались следы обмазки и видны отпечатки человеческих пальцев. Перед возвышениями, южнее их, находилось углубление округлой формы, выкопанное в материке и обмазанное глиной кирпичного цвета, также подвергшейся обжигу. Диаметр углубления 1,2 м; глубина —0,35 м. В вертикальном разрезе углубление напоминало широкую глиняную миску. Оно было соединено с возвышениями, вылепленными из глины, канавками и валиками-оортиками. Высота валикообразных бортиков 8—10 см, толщина 7—9 см. Рядом с указанным углублением находилась выгребная яма овальной формы (продольная ось ее —0,9 м, глубина —0,20 м). Основание этой ямы было выложено камнем и подмазано глиной.

На конусовидных глиняных возвышениях, а также в углублении перед ними лежали обломки двух пар круглых каменных жерновов. Они были сдвинуты со своего первоначального места, по-видимому, в момент гибели постройки. Как показали наблюдения, постройка погибла в результате пожара. Об этом говорят зольные прослойки, а также обгорелые конструктивные детали стен и кровли. Возле глиняных конусовидных возвышений выявлены остатки обгорелых столбов относительно небольшого диаметра (0,06—0,08 м), окружавших возвышения. Следы деревянных деталей дают возможность предполагать наличие деревянного настила, покоившегося на столбах и располагавшегося над круглыми в плане конусовидными возвышениями. На деревянном настиле и были, вероятно, помещены две пары круглых каменных жерновов. Перед нами, несомненно, остатки мельничного сооружения [6].

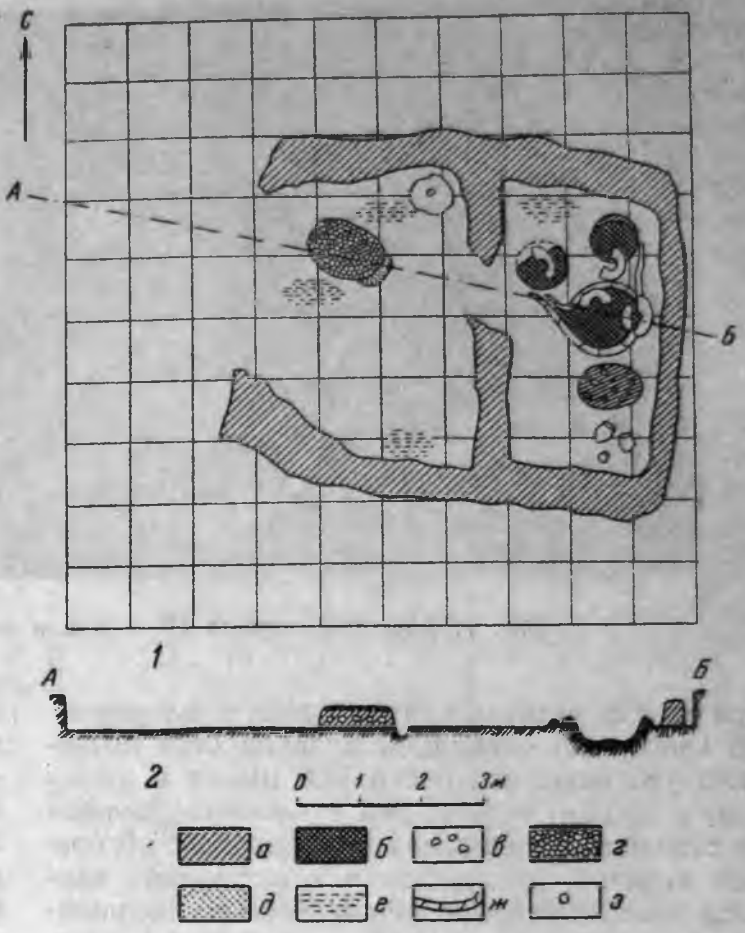

Рис. 6. План (*1*) и разрез (*2*) постройки с мельничным сооружением в с. Иванковцы.

Условные обозначения: *а* — остатки стен наземной постройки; *б* — обожженная глина; *в* — камни; *г* — под печи; *д* — зола; *е* — уголь; *ж* — глиняные бортики, ограничивавшие канавки; *з* — ямки от столбов

В юго-восточном углу камеры с мельничным производственным комплексом, под обвалом стены, выявлено три раздавленных сосуда. Кроме того, в постройке и возле нее найдены железный ножик, орудие, изготовленное из ребра животного, две железные фибулы III—IV вв. н. э. (рис. 4, *2, 3*; рис. 5, *6, 8, 9*).

Остановимся более подробно на конструктивных особенностях всего наземного помещения в целом. Оно располагалось на пологом склоне мыса. Перед тем как возвести стены постройки строители снивелировали площадку. Наблюдения, произведенные при разборке завалов стен постройки, показали, что в восточной части сооружение своим основанием было как бы врезано в материковую глину.

[6] Непосредственных конструктивных аналогий мельничному сооружению из Иванковцев среди материалов культуры полей погребений мы не знаем. Имеются лишь самые общие параллели, см. Є. О. Симонович. Спроба реконструкції млина перших століть нашої ери. Нариси з історії техніки, вип. 6. Київ, 1960, стр. 151—157; Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, № 82, 1960, стр. 303—327.

Рис. 7. Каменный жернов (*1*) и детали основания мельничного сооружения (*2*)

Оно имело четкую прямоугольную планировку. Снятие до основания развала стен позволило уточнить, что постройка имела в длину 7 м, а ширину — 6 м. Эти уточнения сделаны по хорошо сохранившимся остаткам обгорелых столбов, входивших в конструкцию каркаса помещения. Особенно хорошо сохранились остатки опорных угловых столбов восточной стенки. Столбы эти округлые в плане, диаметр их —15—20 см. Кроме того, хорошо прослежены обгорелые столбики меньшего диаметра, составлявшие основу стен. Эти столбики имели диаметр 7—10 см и располагались попарно, четко образуя контуры основы постройки. Расстояние между сдвоенными столбиками 30—40 см, а расстояние между парами столбов 70—90 см. В связи с тем, что глиняная обмазка стен сохранила многочисленные отпечатки деревянных деталей, а также прутьев, лозы конструктивные угловые и стенные столбы получают совершенно определенное истолкование. Это основа каркаса постройки. Угловые столбы скреплялись со стенами переплетением из прутьев, отпечатки которых сохранились на глиняной обмазке стен. После переплетения лозой и прутьями деревянный каркас стен был обмазан с двух сторон глиной, в которую при ее замешивании добавляли сеченую солому и полову. Полом служила утрамбованная поверхность подготовленной площадки.

На втором раскопе, расположенном в 150—160 м к северо-востоку от первого, была исследована площадь свыше 100 кв. м. Здесь также обнаружены остатки наземной постройки прямоугольной формы, размером 3,8×7,5 м (рис. 8, *1*). Сохранился развал глиняной обмазки от стен постройки. Остатки стен прослежены на глубине 0,50—0,60 м особенно четко в южной и юго-восточной частях постройки. Остатков же северо-западной стены почти не сохранилось. У юго-восточной стены постройки, с внешней стороны, лежало три камня размером 0,30—0,35 м. Ширина развала в среднем 0,7—0,8 м. Толщина глиняной обмазки от стен 0,30—0,35 м. На глиняной обмазке хорошо сохранились отпечатки деревянных конструкций. Вся глиняная обмазка на втором раскопе имела кирпичный цвет, вероятно, это результат гибели постройки в огне. О пожаре свидетельствуют также угольно-зольные пятна, прослеживающиеся на всей площади вскрытой постройки. В юго-западном углу помещения была расчищена глинобитная печь прямоугольной формы. Под ее сохранился плохо. Печь была сооружена на подмазке толщиной 0,10—0,15 м. Размеры печи 1,3×0,9 м. У ее развала найдены обломки лепного горшка и глиняное пряслице. Под обвалом стены, неподалеку от печи, обнаружен раздавленный горшок. Он также изготовлен от руки и имеет слегка отогнутый венчик. Размеры горшка: высота —20,5 см, диаметр по верхнему краю венчика —12 см, диаметр дна —9 см. Кроме того, в помещении, а также возле него выявлены обломки гончарной посуды черняховского типа.

За пределами жилища, у его северо-восточной стены, на уровне основания постройки, рас-

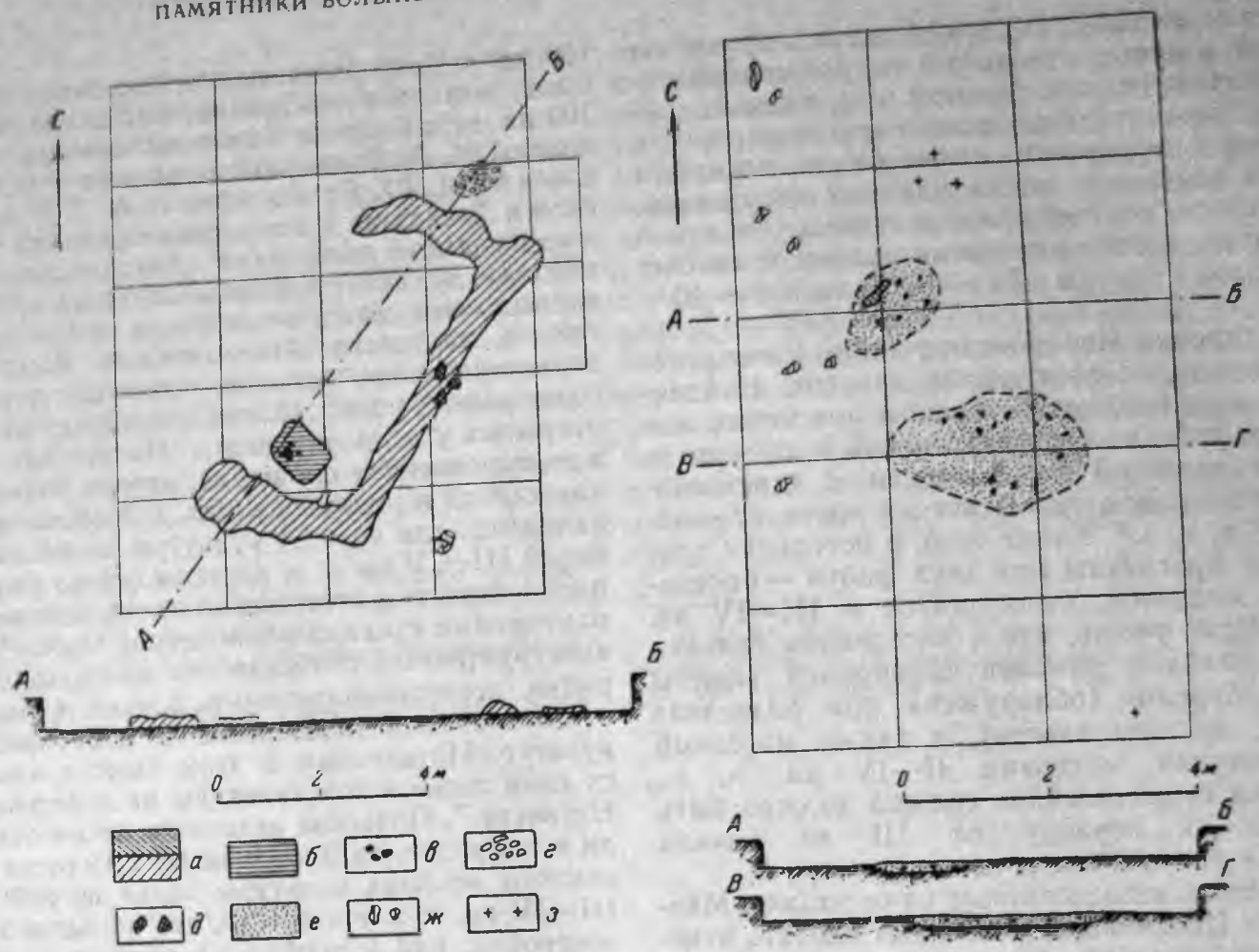

Рис. 8. Остатки жилой постройки и железоделательного производства в с. Иванковцы.

Условные обозначения: *а* — глиняная обмазка; *б* — глиняная обмазка пода; *в* — угли; *г* — керамика; *д* — камни, *е* — зола; *ж* — куски железного шлака; *з* — отдельные находки

чищены остатки очага овальной формы. Он был выложен на глиняной подмазке. Его основание состояло из черепков лепной посуды, аналогичной посуде, собранной в жилище. Размеры очага 1×0,9 м. В юго-западной части раскопа примерно в 1 м от постройки найден раздавленный большой лепной сосуд желто-коричневого цвета со сглаженной поверхностью. В верхней части сосуда имеется едва заметный валик. Размеры сосуда: высота — 37 см, диаметр венчика — 16 см, диаметр дна — 12 см.

На третьем раскопе площадью 60 кв. м обнаружились скопления золы и угля. Пятна на местах скоплений имели неправильные очертания; их площадь 2,8 × 1,8 м и 1,9 × 1,3 м. Толщина зольно-угольных прослоек 0,10—0,15 м. В западной части третьего раскопа найдены железные шлаки, а неподалеку от них, в северной части раскопа — обломок глиняного тигелька, бронзовая деформированная пластинка (возможно, скоба от шкатулки) и деформированный железный ножик. В юго-восточном углу раскопа на глубине 0,6—0,7 м встречена бронзовая пластинчатая фибула [7].

Таким образом, раскопками 1959—1961 гг. на Иванковецком селище обнаружены наземная постройка с мельничным сооружением в одной из ее камер, наземное жилище, а также следы железоделательного производства в виде шлаков и зольно-угольных пятен.

Керамика Иванковецкого поселения — гончарная и лепная. Гончарная посуда серо-черная с шероховатой поверхностью. Лощеной керамики мало. Гончарная посуда представлена большими и средними по размерам горшками с отогнутым краем венчика и мисками небольших размеров. Лепная посуда представлена

[7] O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, Gruppe VI, № 182.

сосудами желто-коричневого цвета, с примесью кварца в тесте, с лощеной и сглаженной поверхностью (миски, горшки) и керамикой, имеющей нарочито ошершавленную поверхность (горшки небольших размеров с вогнутым внутрь венчиком, миски плавных очертаний). Примерное соотношение лепной и гончарной керамики, добытой во время раскопок, таково: гончарной посуды 50—55%, лепной — 40—45%.

Датировка Иванковецкого поселения устанавливается по следующим данным. Найденная в жилищно-хозяйственном комплексе железная фибула с прямоугольной в сечении и высоко поднятой дугой спинки, с пластинчатым приемником указывает на конец IV — начало V в. н. э.[8] Кроме того, с поселения происходят фрагменты еще двух фибул — бронзовой и железной, относящихся к III—IV вв. н. э.[9] Если учесть, что с поселением связана еще и находка римской серебряной монеты Марка Аврелия (обнаружена при разведках 1959 г. на поверхности), а также массовый керамический материал II—IV вв. н. э., то время существования селища должно быть отнесено к периоду от III до начала V в. н. э.

Объекты, исследованные на селищах в Маркушах и Иванковцах, позволяют сделать некоторые наблюдения, касающиеся особенностей памятников волынской группы культуры полей погребений. Здесь, как мы видели, в раскопах оказались остатки наземных сооружений. При сравнении восточноволынских жилищ с постройками других поселений черняховской культуры полей погребений выясняется, что по своим пропорциям они находят аналогии в среднеднепровских[10] и западноволынских[11] памятниках. Вместе с тем, имеются и отличия. На обследованных селищах пока не встречены большие дома типа тех, которые известны, например, в Молдавии и на некоторых поселениях Поднепровья и Южной Волыни. На Будештском селище, в Молдавии, изучены большие патриархальные дома площадью в 66 и 100 кв. м[12]; на Ягнятинском поселении также была выявлена постройка площадью около 100 кв. м[13]; большие наземные жилища исследованы М. А. Тихановой на селище у с. Лепесовки[14]; М. Ю. Брайчевским и А. Т. Брайчевской в Лесках на Днепре также открыты большие наземные постройки[15]. Деталью, которая, кажется, отличает наземные жилища исследованных нами селищ от наземных построек других, в частности более южных поселений поднестровских районов, является техника сооружения пола. Полом наземных жилищ, открытых у с. Маркуши и с. Иванковцы, служит выровненная площадка, иногда подмазанная глиной и утрамбованная. В Молдавии же, например, где селища культуры полей погребений III—IV вв. н. э. изучены сейчас уже неплохо, известны постройки с полом, устланным плитчатыми кусками обожженной глины[16]. По конструктивным особенностям наземные постройки, исследованные нами, близки жилищам этого же типа пшеворской и зарубинецкой культур. Интересным в этом смысле является слой пшеворской культуры на поселении в Незвиске[17]. Польские археологи также открыли в г. Грудке, на Западном Буге, остатки наземного жилища культуры полей погребений III—IV вв. н. э. Интересно, что на месте этой постройки, как и вообще на всем поселении, керамика представлена образцами, включающими элементы местной пшеворской и черняховской культур[18]. Остатки наземных жилищ, аналогичных по конструкции нашим, известны также на зарубинецких поселениях. На селище у с. Великие Дмитровичи[19], на поселе-

---

[8] I. Kovrig. Die Haupttypen der keiserzeitlichen Fibeln in Pannonien. Tabl. XII — 131.

[9] O. Almgren. Указ. соч.

[10] Є. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV. Київ, 1950, стр. 76—88.

[11] М. Ю. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслухові в 1946 р. АП УРСР, т. І. Київ, 1949; стр. 189—205; он же. Селище доби полів поховань у Вікнинах Виликих. Археологія, т. І. Київ, 1947, стр. 111—122.

[12] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху). МИА, № 82, 1960, стр. 305, 311.

[13] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, т. І. Київ, 1949, стр. 164—169.

[14] М. А. Тиханова. Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 93—95.

[15] А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский. Раскопки в с. Леськах близ Черкасс, КСИА АН УССР, вып. 8, Киев, 1959, стр. 48—49.

[16] Э. А. Рикман. Указ. соч., стр. 307.

[17] Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення, Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 2. Київ, 1959, стр. 97.

[18] T. Liana i T. Piętka. Osada z okresu wpływów rzymskich w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów, Wiadomości archeologiczne, t. XXV, zeszyt 4. Warszawa, 1958, str. 373—382.

[19] Е. В. Махно. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье, в 1950 г. МИА, № 70, 1959, стр. 99.

нии Пилипенковой горы, близ Канева[20], на Чаплинском городище, в Белоруссии[21], обнаружены постройки, близкие по конструктивным деталям восточноволынским. Полом жилища тут также служили хорошо утрамбованные земляные площадки.

Лепная керамика из селища близ с. Маркуши и с. Иванковцы находит прямые аналогии в посуде зарубинецкой и пшеворской культур. Родственными этой посуде являются керамические материалы зарубинецких памятников Припятского Полесья. Так, характерные сосуды с бугристой (ошершавленной) поверхностью широко распространены на поселениях Велемичи, Рубель, Отвержичи и др[22]. Археологи, изучающие пшеворские древности, хорошо знают керамику с бугристой, ошершавленной поверхностью. Лепные горшки этой культуры по форме и технике изготовления тождественны горшкам с нарочито ошершавленной поверхностью из материалов волынской группы культуры полей погребений[23].

Рассмотренные материалы из селищ близ с. Маркуши и с. Иванковцы имеют, таким образом, некоторые своеобразные черты. Это своеобразие состоит в основном в поразительном переплетении в них элементов, синхронных пшеворской и зарубинецкой культур при наличии определенного воздействия со стороны более поздней (по отношению к зарубинецким и пшеворским древностям) черняховской культуры.

---

[20] В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ Канева. МИА, № 70, 1959, стр. 114—115.

[21] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 124.

[22] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 225.

[23] B. Kostrzewski. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie, Przegląd archeologiczny, t. VII. Poznań, 1947, стр. 255, рис. 50.

Б. А. Тимощук и И. С. Винокур

ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА БУКОВИНЕ

Памятники культуры полей погребений на Буковине начали изучаться только в последние годы. В результате разведок Черновицкого областного краеведческого музея и Черновицкого государственного университета к настоящему времени на территории Буковины зафиксировано 150 пунктов с памятниками времени культуры полей погребений. Из них 122 относятся к черняховской культуре (рис. 1), а остальные к древностям гето-фракийского круга: липицкой культуре и культуре карпатских курганов. Тем не менее памятники черняховской культуры на Буковине в северной части междуречья Днестра — Прута слабо изучены[1]. Публикуя карту черняховских памятников Украины, Е. В. Махно указывает на необходимость проверки на Буковине принадлежности многих пунктов к черняховской культуре[2]. Исследование памятников черняховской культуры на этой территории, их картографирование и сопоставление с древностями предшествующего этапа должно в будущем помочь выяснению взаимоотношений липицкой и черняховской культур, взаимосвязей памятников черняховского типа и культуры карпатских курганов.

Поселения черняховской культуры Буковины по своему положению на местности повторяют в целом памятники этого же типа Правобережья Украины. Селища занимают открытые солнцу южные и юго-восточные склоны первых надпойменных террас. Размеры поселений довольно значительны. Культурные слои их насыщены обломками гончарной керамики, глиняной обмазки, обожженными камнями, костями животных и т. п. В настоящей статье публикуется разведочный и раскопочный материал с памятников этой культуры, причем пункты, уже отмеченные Е. В. Махно[3], нами специально описываться не будут.

Остановимся прежде всего на результатах раскопок селища у с. Кисилев Кицманского р-на Черновицкой обл. Оно расположено в 2,5 км к югу-западу от села, в урочище Малярка, на пологом склоне левого берега первой надпойменной террасы безымянного ручья — одного из небольших притоков р. Совицы (левого притока р. Прут). Судя по распространению керамики, поселение занимало площадь приблизительно 1000—1200 м в длину и 100—120 м в ширину. Раскопками установлено, что слой чернозема на этой площади на глубине 0,45—0,50 м переходит постепенно в материковую глину. Наибольшая насыщенность культурного слоя различными находками отмечена на глубине 0,35—0,60 м. На глубине 0,60—0,70 м находок становится значительно меньше, а на глубине 0,80—0,90 м они встречаются уже лишь в заполнениях древних углублений. Раскопками выявлен также культурный слой фракийского гальштата. Этот слой подстилал слой черняховской культуры. Он начинался приблизительно на глубине 0,75—0,80 м и исчезал на глубине 0,90—0,91 м. Таким образом, между черняховским слоем (мощность его в среднем 0,30 м) и слоем культуры фракийского гальштата (мощностью в 0,20—0,25 м) лежал стерильный слой толщиной 0,10—0,12 м.

Раскопками в Кисилеве изучена площадь около 500 кв. м, на которой вскрыты остатки четырех наземных жилищ и хозяйственные сооружения. На раскопе I, заложенном в южной части поселения, выявлены остатки наземного жилища № 1 в виде завала глиняной обмазки от стен постройки. Площадь помещения при-

[1] В отличие от южных районов этого междуречья, где памятники черняховского типа изучены лучше. См. Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 57—173.

[2] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960, стр. 14.

[3] Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 63—66.

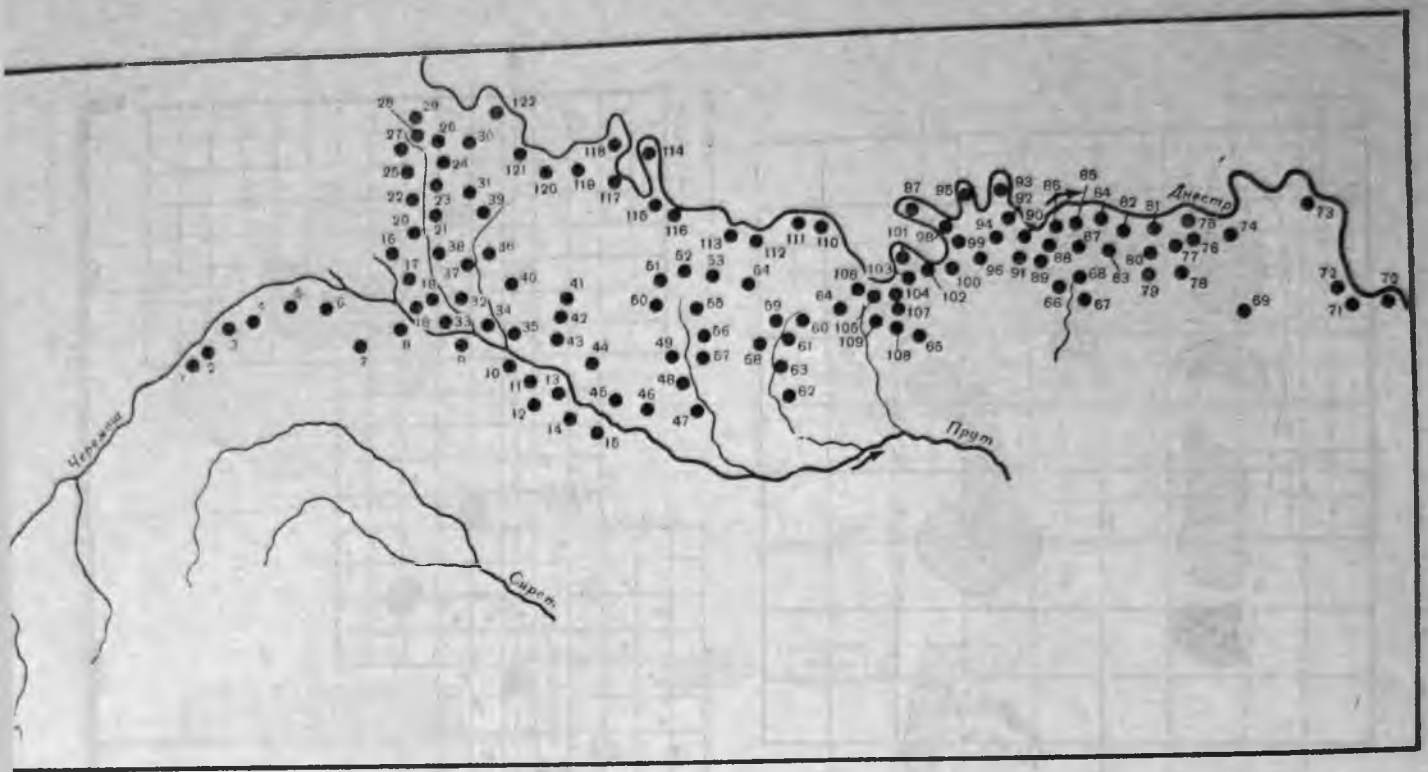

Рис. 1. Схематический план размещения памятников черняховской культуры на территории Черновицкой области.

а — границы области; *б* — археологический памятник черняховской культуры

1 — Испас; *2* — Милиево; *3* — Корытное; *4* — Карапчив; *5* — Вашковцы-Монастырец; *6* — Вашковцы — Аннина гора; 7 — Нижние Становцы; *8* — Зеленив; *9* — Бурдей; *10* — Била; *11* — Черновцы-Роша; *12* — Черновцы-Градино. 13 — Черновцы—Русская улица; *14* — Острица—Центр; *15* — Острица-Трава; *16* — Оршовцы; *17* — Пядыковцы; *18* — Ревакоцы; *19* — Дубовцы; *20 — 21* — Иванковцы; *22, 23* — Хливыще; *24* — Ставчаны; *25* — Мэлятинцы; *26* — Кисилев; *27, 28, 29* — Боровцы; *30* — Кадубовцы; *31* — Довидовцы; *32, 33* — Шипинцы; *34* — Лужаны; *35* — Новосилка; *36, 37* — Кицмань; *38* — Ошыхлибы; *39* — Веренчанка; *40* — Витиловка; *41* — Задубровка; *42, 43* — Рогизна; *44* — Острица; *45* — Бояны; *46* — Припрутье; *47, 48* — Слобода; *49* — Рингач; *50, 51* — Колинковцы; *52* — Бочковцы; *53* — Шиловцы; *54* — Клишковцы; *55* — Санковцы; *56,57* — Шишковцы; *58* — Ставчаны; *59* — Долиняны; *60, 61* — Круглик; *62* — Щербинцы; *63* — Жиловка; *64, 65* — Каплевка; *66, 67, 68* — Бузовица; *69* — Гвоздовцы; *70, 71, 72* — Волошково; *73* — Ломачинцы; *74* — Кулешовка; *75, 76, 77* — Кормань; *78* — Шебутинцы; *79, 80* — Селище; *81* — Молодово; *82, 83, 84* — Комаров; *85, 86, 87* — Днестровка; *88, 89, 90, 91* — Бабино; *92, 93, 94* — Грушевцы; *95* — Макаровка; *96* — Ленковцы; *97, 98, 99* — Вороновица; *100* — Коновка; *101, 102, 103* — Бырнове; *104, 105, 106, 107* — Оселивка; *108—109* — Ливинцы; *110* — Атаки; *111* — Пригородок; *112, 113* — Рукшин; *114, 115, 116* — Пригородок; *117* — Онут; *118* — Семушин; *119* — Черный Поток; *120* — Погореловка; *121* — Василев; *122* — Репужинцы

мерно 4,8 × 3,2 м (рис. 2, *1*). В южной части постройки расчищены остатки пода печи. Печь имела в плане округлую форму, размеры ее 1,2 × 1,3 м. Под сохранился только частично, но контуры печи определяются по уплотненной обожженной глиняной подмазке, угольках, обожженной земле. Основание печи сложено из черепков черняховской посуды и камней. В северной части жилища на уровне древней поверхности пола были расчищены вместе с вкраплениями угольков и золы плохо сохранившиеся остатки пода второй печи. Размеры этой печи примерно такие же, как и у первой. На площади постройки собраны обломки типичной черняховской керамики, а также кости животных. В юго-западном углу раскопа в границах жилища, на глубине 0,60—0,65 м выявлена яма времени культуры фракийского гальштата. Она имела в плане неправильные очертания и размеры 1,1 × 0,3 м. Глубина ямы от древней поверхности — 0,35 м. В заполнении ее найдены обломки керамики культуры фракийского гальштата и кости животных.

В 25 м севернее раскопа I, на ровной площадке надпойменной террасы, был разбит раскоп II. На площади этого раскопа обнаружены остатки двух наземных построек (рис. 2, *2*). Наземное жилище № 2 вскрыто в южной половине этого раскопа. Оно занимает приблизительно площадь 6,2 × 8,4 м. В северо-восточной части помещения на глубине 0,40—0,45 м расчищен очаг. Он имел прямоугольную форму и был выложен камнем — плитняком. Размеры очага 1 × 0,8 м. В южной части жилища № 2

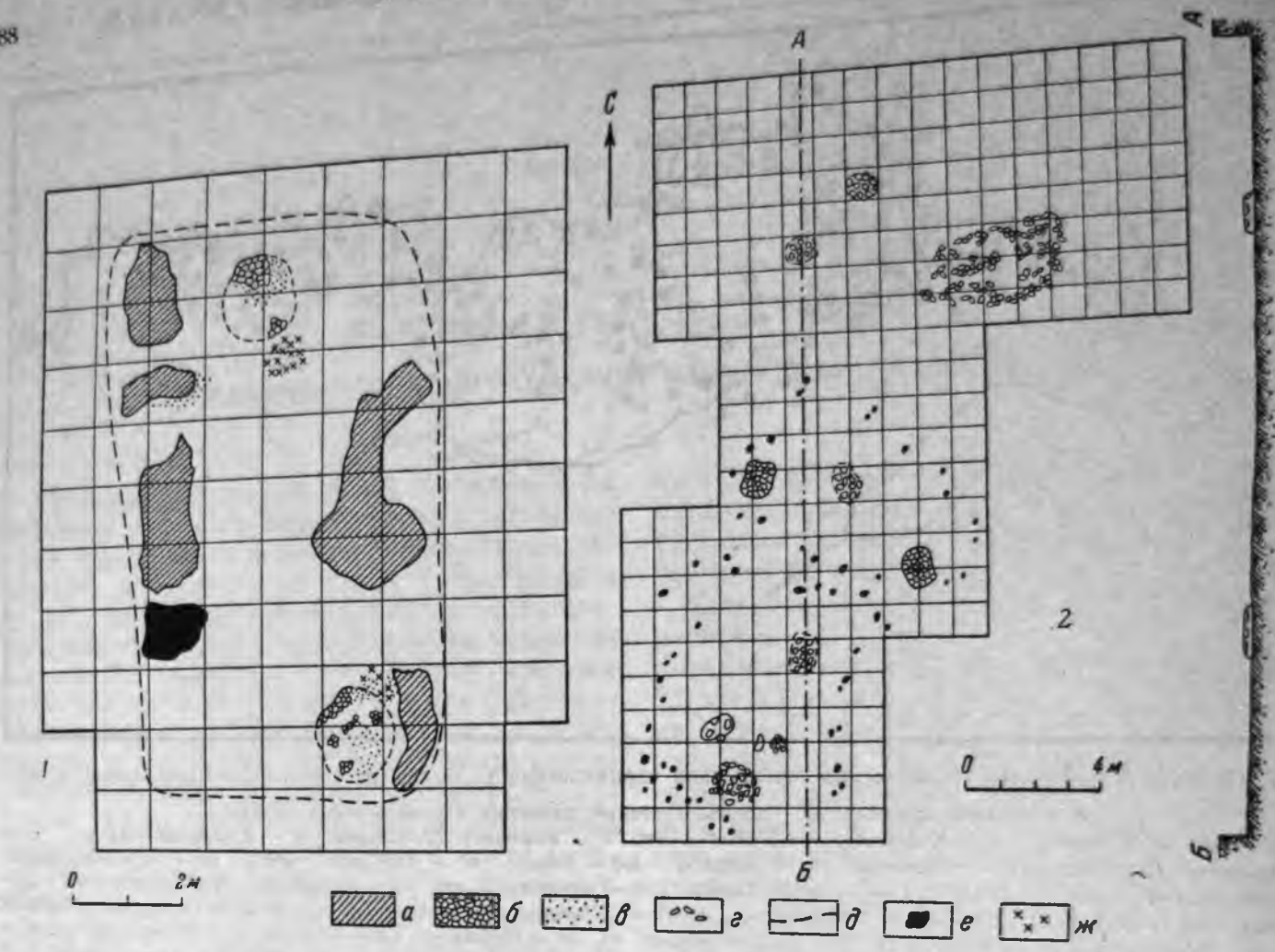

Рис. 2. Остатки жилищ на площади раскопов I и II в Кисилеве.

1 — план раскопа I с остатками жилища № 1; *2* — план и разрез раскопа II с остатками жилищ № 2 и 3. Условные обозначения: *а* — глиняная обмазка; *б* — остатки пода; *в* — уголь; *г* — камни; *д* — предполагаемые контуры постройки; *е* — ямы; *ж* — кости животных

выявлено скопление камней. При их расчистке обнаружен раздавленный серолощеный сосуд гончарной работы. В этом же районе найдено лощило, изготовленное из ребра животного. В центральной части жилища найдены также обломки гончарной серолощеной керамики со штампованным орнаментом. Зачисткой всей площади постройки на глубине 0,50 — 0,55 м выявлены ямки от столбов, в расположении которых улавливается определенная система. Ямки оконтуривают площадь помещения. Остатки жилища № 3 находились в северной части раскопа II. Площадь его 6,3 × 3,2 м. В северо-западной части постройки, на глубине 0,50—0,55 м, были обнаружены остатки плохо сохранившейся глинобитной печи прямоугольной формы (1,3 × 1,1 м). Под сохранился только частично. Основу печи (по ее периметру) составляли камни, лежавшие на глиняной подмазке, обожженной до кирпичного цвета. Восточнее печи, в 1,8 м от нее, на этой же глубине оказались остатки очага, выложенного камнем. Размеры его 0,9 × 0,8 м. А в 2,3 м юго-восточнее очага, на той же глубине, зафиксированы остатки другой глинобитной печи с округлыми очертаниями. Размеры этой печи 1,2 × 0,9 м. Рядом с нею на уровне пола найдены обломки черняховской керамики, кости животных, а также коническое глиняное пряслице. Зачисткой на площади жилища № 3 также выявлены ямки от столбов, оконтуривающих его площадь. Наблюдения показали, что это жилище залегало своим основанием несколько глубже по сравнению с жилищем № 2. Основание жилища № 3 находилось на глубине 0,70—0,75 м от современного уровня и на 0,20—0,25 м — от древней поверхности.

Жилища № 2 и 3, по всей вероятности, представляют собой два разновременных комплекса в пределах одного исторического перио-

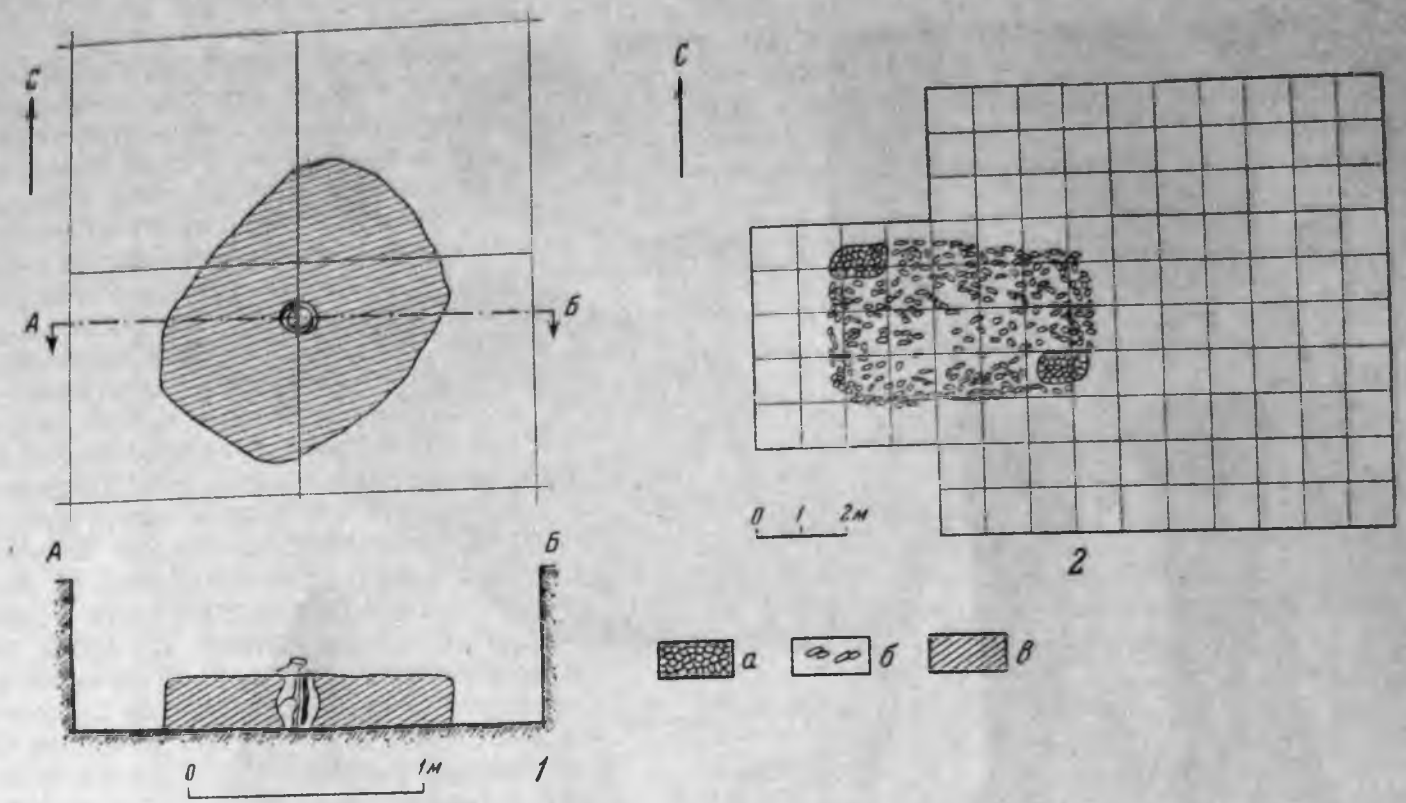

Рис. 3. Остатки жилища на площади раскопа III и разрез глинобитной печи из раскопа II.

1 — план и разрез глинобитной печи с горшком (из жилища № 3), содержащим обломок косы;
2 — план раскопа III с остатками постройки № 4.
Условные обозначения: *а* — развал глины на месте печи; *б* — глиняная обмазка; *в* — остатки глинобитной печи

да. Однако в связи с однородностью находок, надо полагать, что промежуток времени, разделявший их, был небольшим, и какой-то период они могли существовать одновременно. При исследовании жилища № 3 прослежена интересная деталь. В основании второй печи (округлой формы) этого помещения был найден серый нелощеный кухонный горшок (рис. 3, *1*; рис. 4, *10*). Поверх него лежали обломки небольшой миски. Черепки от миски перекрывали нижний горшок. Внутри горшка оказался обломок железной косы. Вероятно, перед нами деталь культового характера, связанная с представлениями носителей черняховской культуры о своем хозяйственном благополучии (рис. 4, 7). За пределами жилища № 3, в 3,5 м к северу от него, обнаружено два очага, выложенные камнем. Очаги имели округлую форму, размеры их 1,2 × 1,3 м. Указанные очаги находились на уровне основания постройки № 3 и, вероятно, синхронны с ней. Находки, связанные с очагами, говорят об их производственном назначении. В районе очагов найдены бронзолитейные шлаки, а неподалеку от одного из очагов лежала литейная формочка из песчаника. Северо-восточнее жилища № 3, в 2,5 м от него, обнаружен развал глиняной обмазки в плане неправильной формы. Площадь, занятая развалом, 2,5 × 3,8 м. Можно предполагать, что это остатки какой-то легкой небольшой хозяйственной постройки. Таким образом, на раскопе II выявлены остатки двух жилищ и примыкавших к ним хозяйственной постройки и двух очагов производственного (вероятно, бронзолитейного) назначения.

На раскопе III, заложенном в 150—160 м к востоку от раскопа II, вскрыты остатки наземного жилища № 4. Приблизительная площадь этой постройки 4,3 × 6,5 м была оконтурена развалом глиняной обмазки. В северо-западном и юго-восточном углах помещения расчищены остатки двух глинобитных печей в плане прямоугольной формы. Размеры печей: № 1 — 0,9 × 1,2 м; № 2 — 0,8 × 1 м. Поды их сохранились плохо. Среди обломков зафиксированы куски сводчатой части печей с отпечатками лозы и прутьев (рис. 3, *2*). На месте жилища № 4, кроме керамики, найдены: обломок глиняного конического грузила от ткацкого станка, обломки зашлифованных костей

Рис. 4. Находки на селище Кисилев.

1 — литейная форма из песчаника; *2* — глиняное пряслице; *3* — костяные поделки; *5* — обломок орнаментированного серолощеного гончарного сосуда; *6* — обломок железной косы (?); *7* — костяной штамп (?); *8* — гончарный серолощеный сосуд; *9* — костяная игла; *10* — гончарный горшок с шероховатой поверхностью

животных с просверленными отверстиями, костяная игла (кончик ее чуть обломан). Игла, судя по устройству, служила для сшивания кожи. Длина иглы 9 см. В верхней части она срезана, и в месте среза, на торце иглы, просверлено отверстие, идущее наклонно и выходящее на ее боковую поверхность. Кроме того, имеются четыре бугорка, специально предназначенные для ограничения движения иглы при сшивании кожи.

Инвентарь поселения представлен прежде всего массовой гончарной посудой черняховского типа. По технике изготовления керамика делится на две группы: а) изготовленная из хорошо отмученной глины, с лощеной поверхностью; б) посуда, в тесте которой много песка, с шершавой поверхностью. Лощеная керамика представлена горшками с отогнутым венчиком, на кольцевых и плитчатых подставках, мисками с отогнутым венчиком, на кольцевых подставках. К этой же группе примыкают найденные в обломках сосуды со штампованным орнаментом. Последние имеют очень хорошее лощение. Орнамент этой посуды в большинстве своем выполнен зубчатыми и циркульными штампами. Несколько фрагментов этой серолощеной керамики со штампованным орнаментом с раскопа II дают возможность восстановить облик сосуда с вытянутыми пропорциями тулова типа тех, которые были обнаружены, например, на могильнике в Леуне [4].

Ко второй группе относится кухонная посуда (в основном горшки), с серой шероховатой поверхностью. Этой же группе принадлежат большие сосуды для хранения зерна и других хозяйственных продуктов. Пифосовидные сосуды имеют, как правило, широкий горизонтальный венчик, украшенный волнистым орнаментом. Вообще сосуды с волнистой орнаментацией достаточно хорошо представлены в Кисилеве (рис. 5, *5, 6*). Амфорная тара состоит из фрагментов привозной северопричерноморской посуды (реберчатые ручки, обломки стенок, полые кольцевые ножки). Типы этих амфор хорошо датируются III—IV вв. н. э. [5]

Из железных предметов Кисилевского селища значительный интерес представляет обломок косы, найденный в жилище № 3, длиной 11 см, шириной 2,8 см. Коса была относительно небольших размеров (длина примерно

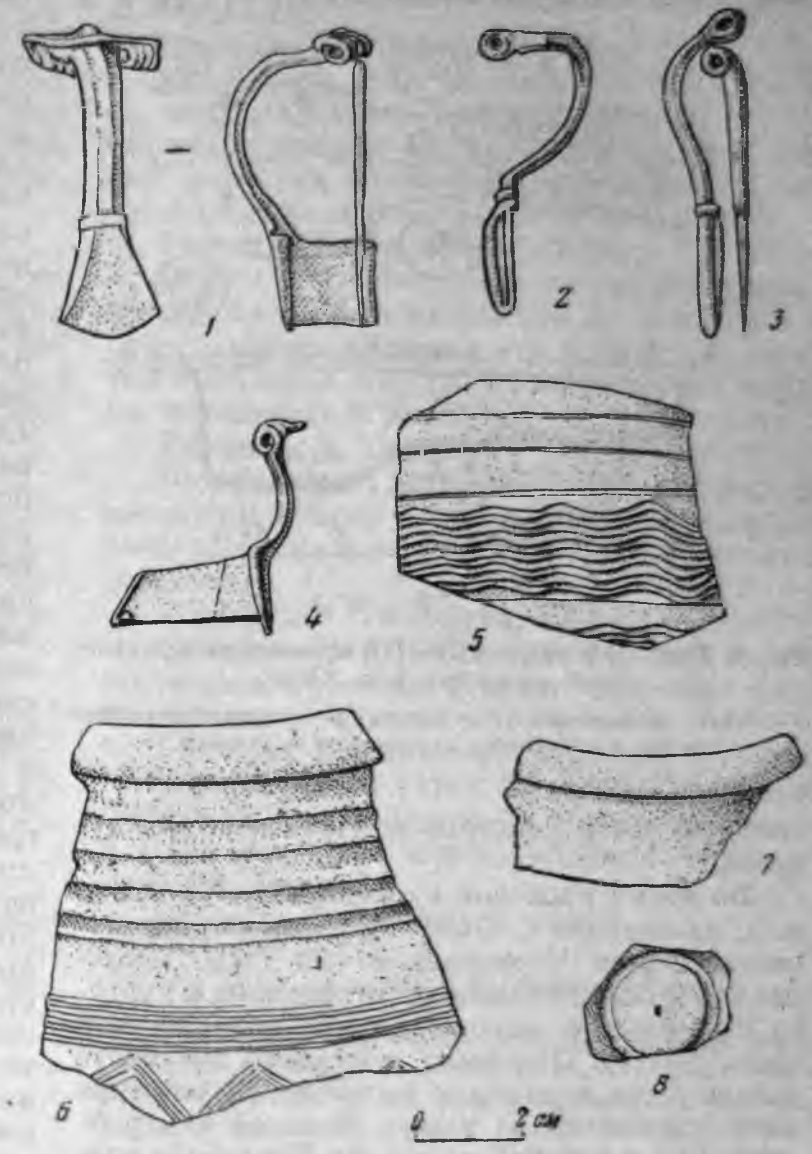

Рис. 5. Находки фибул (*1—4*) и керамики (*5—8*) с территории Черновицкой области.

1 — Митков; *2* — Черновцы; *3* — Вороновица; *4* — Рогизна; *5—8* — Кисилев

22—23 см). На пятке косы сохранилось железное кольцо, служившее для скрепления ее с деревянной рукоятью (рис. 4, *6*). Находки железных кос на черняховских селищах пока довольно редки. Кроме находки из Кисилева, нам известно лишь о косе, обнаруженной М. А. Тихановой на селище III—IV вв. н. э. в Лепесовке. Интересна и литейная формочка из Кисилева, служившая, по-видимому, для от-

[4] W. Schulz. Leuna ein germanischer Bestattungsplatz der spätromischen Kaiserzeit. Berlin, 1953, табл. I, *1*, табл. XXI, 3.

[5] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 118—122.

ливки ювелирных украшений. Она изготовлена из песчаника, размеры ее 3,9 × 3,3 × 1,5 см (рис. 4, *1*). Таким образом, раскопки, проведенные на черняховском поселении у с. Кисилев, дали материал, характеризующий основные черты культуры населения III—IV вв. н. э.

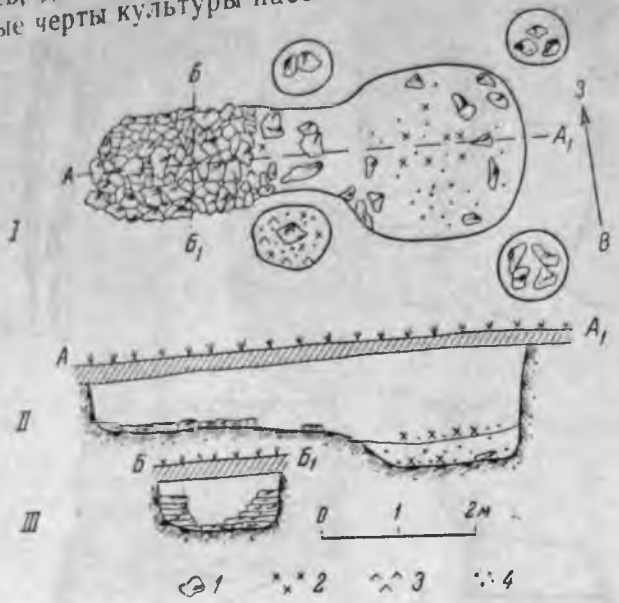

Рис. 6. План (I) и разрезы (II—III) крематория черняховской культуры у с. Окно.

Условные обозначения: *1* — камни; *2* — кальцинированные кости; *3* — обломки керамики; *4* — угольки

северной части Днестровско-Прутского междуречья [6].

Во время раскопок кургана VII—VI вв. до н. э. на окраине с. Окно — Буковины, Заставновского р-на Черновицкой обл. было исследовано и более позднее по отношению к кургану сооружение, относящееся к черняховской культуре (?). Оно было построено на месте упомянутого кургана и состояло из остатков печи, сложенной из камня, большой (выгребной) ямы и четырех малых ям. Печь была сложена из каменных плит размером 0,20 × 0,40 м (рис. 6).

В основе она имела прямоугольную каменную площадку, залегавшую на глубине 0,30—0,40 м от современного уровня распаханной насыпи кургана. Размеры площадки 2,2 × 1,4 м. Свод печи также был выложен из камня, но установить его форму не удалось. Лишь частично на высоту до 0,40 м сохранились боковые стенки свода шириной 0,30 м. Они сложены из плитняка, без раствора. Кладка вплотную прилегает к стенкам ямы, в которой находилась печь. Поверхность дна печи устроена под уклон в сторону большой ямы, расположенной на север от печи. Преобладающее большинство камней, из которых сложена печь, имеют следы сильного действия огня. На дне печи, в щелях между каменными плитами, обнаружены древесный уголь и небольшое количество кальцинированных костей, обожженный кусочек человеческого черепа, кусочки ошлаковавшихся железных предметов, обломки сероглиняной керамики черняховской культуры со следами повторного действия огня. Эти находки указывают на то, что печь служила для сожжения покойников. На расстоянии 1 м от печи находилась большая яма. В плане она округла (диаметр ее дна — 2,2 м). Глубина ямы от современного уровня — 1,5 м. Дно плоское, утрамбованное, немного углубленное в противоположную от печи сторону. На дне ямы найдено несколько втоптанных в землю кусочков кальцинированных костей, обожженный зуб человека, много древесного угля, несколько обломков сероглиняной гончарной посуды черняховского типа. Можно предположить, что исследованное сооружение дважды использовалось в древности. Именно в промежуток времени, когда печь не функционировала, на дне выгребной ямы образовался стерильный слой земли толщиной до 0,30 м. Он и служил дном ямы во время второго периода использования печи. Тогда в землю снова были втоптаны отдельные кусочки пережженных человеческих костей, угольки и т. п. Очевидно, остатки сожжения выгребались в яму и тут их собирали для захоронения в другом месте. Собранные во время раскопок сооружения обломки сероглиняной гончарной керамики черняховского типа дают основание считать его остатками крематория черняховской культуры. Вокруг выгребной ямы в определенном порядке располагались четыре меньших: диаметром до 1 м и глубиной на 1,5—2 м от современного уровня. В этих ямах также найдены обломки черняховской керамики, угольки, обожженные камни. Малые ямы одновременны крематорию и, очевидно, имели ритуальное назначение.

Материалы раскопок ниже дополняются описанием памятников черняховской культуры, выявленных разведками последних лет [7].

[6] Много общего у материалов Кисилевского селища с памятниками черняховской культуры на территории Молдавии. См. Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 57—159.

[7] Памятники для удобства пользования материалом описываются по районам Черновицкой обл. В скобках дается номер пункта на прилагаемой карте (рис. 1).

Вашковецкий район

Вашковцы (5,6). Поселение № 1 в урочище Монастырец, на мысу, образованном р. Вербивцина и долиной р. Черемош. Собраны обломки лепной и гончарной посуды, куски глиняной обмазки. У обрыва дороги расчищены остатки печи, которая была сложена из камней. Поселение № 2 в урочище Аннина Гора, на левом берегу р. Руда. Собраны обломки лепной и гончарной посуды с ошершавленной и лощеной поверхностью, куски глиняной обмазки, пережженные камни.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Зеленив (8). Поселение в центре села на левом берегу р. Брусница. Собраны обломки лепной и гончарной посуды. Среди них есть обломки сосудов для хранения зерна, амфор, цедилок. На поверхности много пережженных камней и костей.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Корытное (3). Поселение в урочище Золотая гора, на запад от села, по мысу в долине р. Черемош. Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, а также амфорной керамики.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Карапчив (4). Последние на левом берегу р. Глибочек, в урочище Кринички, на северо-восток от села. На поверхности собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, железные шлаки.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Нижние Становцы (7). Поселение в центре села, на южном склоне правого берега р. Бережница. Собраны обломки сероглиняной гончарной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1960 г.

Вижницкий район

Испас (1). Поселение в урочище Долишний Кут, в северной окрестности села, на второй террасе р. Черемош. Собраны обломки сероглиняной посуды (среди них экземпляры с ошершавленной поверхностью).

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Милиево (2). Поселение на левом берегу р. Корытница, у дороги с. Милиево — с. Кибаки. На южном склоне собраны обломки черняховской посуды и глиняная обмазка с отпечатками дерева.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Заставновский район

Веренчанка (39). Поселение на левом берегу р. Совица, в урочище Новоселица (восточная часть села). Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, куски глиняной обмазки.

Разведки Б. Тимощука, 1952 г.

Кадубовцы (30). Поселение в 3 км на юг от села, на берегу озера, в урочище Кадуб. Собраны обломки сероглиняной посуды, жернов, железная пряжка. Во многих местах значительное скопление глиняной обмазки.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Онут (117). Поселение на первой террасе берега Днестра, в километре от села вниз по реке. Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, куски глиняной обмазки, биконическое пряслице.

Разведки Б. Тимощука, 1961 г.

Погореловка (120). Поселение на обоих берегах ручья Чагор в 2 км на запад от села. Собраны обломки сероглиняной посуды, каменные жернова.

Разведки Б. Тимощука, 1961 г.

Самушин (118). Поселение в южной окрестности села, в урочище Долина. Собраны обломки керамики черняховского времени.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Черный Поток (119). Поселение на правом берегу р. Белый Поток, у дороги с. Окно — с. Баламутовка. Собраны обломки черняховской керамики.

Разведки Б. Тимощука, 1960 г.

Кицманский район

Дубовцы (19). Поселение в 3 км на север от села, в урочище Ишков. На левом берегу ручья собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Лужаны (34). Поселение в 2 км на восток от села, в урочище Селище. Собраны обломки гончарной и шероховатой посуды, железные шлаки, обломок каменного жернова.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Оршовцы (16). Поселение на восточной окраине села, в урочище Гребля. Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Пядыковцы (17). Поселение в урочище Гора, в 3 км на север от села. На левом берегу высохшего ручья собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, пряслице

из обломка амфоры, обломки сосудов для хранения зерна.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Реваковцы (18). Поселение в урочище Гора, в 3 км на север от села вдоль высохшего ручья, на его левом берегу, на протяжении 1 км, встречаются обломки лепной, гончарной шехороватой и лощеной посуды, следы распаханных жилищ (скопления глиняной обмазки), керамические шлаки.

Разведки Б. Тимощука, 1953 г.

Новоселицкий район

Жиловка (63). Поселение в центре села. На берегу ручья собраны обломки сероглиняной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1957 г.

Рингач (49). Поселение на правом берегу р. Рингач, в 2 км от села вниз по реке. Собраны обломки черняховской посуды.

Разведки И. Винокура и Б. Тимощука, 1958 г.

Шишковцы (56, 57). Поселение № 1 на левом берегу ручья в северной окрестности села, возле хозяйственного двора колхоза. Собраны обломки черняховской керамики, железные шлаки и куски глиняной обмазки. Поселение № 2 на правом берегу ручья, в южной части села. Во многих местах выступают распаханные жилища. Здесь собраны обломки черняховской посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1961 г.

Щербинцы (62). Поселение на правом берегу р. Щербинка, возле моста. При постройке ванного корпуса водолечебницы на глубине 0,5 м обнаружены остатки глинобитных печей и собрана черняховская керамика.

Разведки Б. Тимощука, 1961 г.

Садгорский район

Бояны (45). Поселение на правом берегу р. Гекеу в 2 км на северо-запад от села. На южном склоне собраны обломки гончарной черняховской посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Задубровка (41). Поселение на левом берегу р. Задубровка, в центре села. Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Припрутье (46). Поселение на левом берегу р. Руда в урочище Гирла. Собраны обломки черняховской керамики. Во многих местах выступают скопления глиняной обмазки.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Рогизна (42, 43). Поселение № 1 на левом берегу р. Задубровка, возле пруда. Собраны обломки черняховской и липицкой посуды. Найдена бронзовая фибула (рис. 5, 4). Поселение № 2 на левом берегу р. Шубранец, на территории совхоза «Рогизнянский». Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, фрагменты амфор, железные шлаки.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Слобода (47, 48). Поселение № 1 на правом берегу р. Ракитна, в урочище Стинка. Собраны обломки лепной и гончарной посуды, керамические шлаки, куски глинобитной обмазки. Поселение № 2 на левом берегу р. Ракитна, в урочище Кут. Собраны обломки черняховской посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1955 г.

Сокирянский район

Гвоздовцы (69). Поселение на правом берегу ручья, в 3 км на юг от села, в урочище Студенная криница. Собраны обломки гончарной керамики и железные шлаки.

Разведки Б. Тимощука, 1961 г.

Хотинский район

Бочковцы (52). Поселение на левом берегу ручья, в 3 км на юг от села. Собрана керамика черняховского типа.

Разведки И. Винокура и Б. Тимощука, 1958 г.

Долиняны (59). Поселение на юго-восток от села, в урочище Долина. Собраны обломки сероглощеной керамики.

Разведки Б. Тимощука, 1957 г.

Клишковцы (54). Поселение на правом берегу ручья, в урочище Малинский Яр. На поверхности выступают остатки распаханных жилищ. Собрана лепная и гончарная посуда черняховского типа.

Разведки Б. Тимощука, 1957 г.

Колинковцы (50, 51). Поселение № 1 на левом берегу ручья, в 3 км на восток от села, в урочище Кордон. На поверхности выступают остатки 25 распаханных жилищ. Собраны обломки лепной и гончарной посуды. Поселение № 2 на берегу пруда, в 2 км на восток от села, в урочище Серетур. Собраны обломки сероглиняной, лощеной посуды.

Разведки И. Винокура и Б. Тимощука, 1958 г.

Круглик (60, 61). Поселение № 1 в центре села, на правом берегу р. Щербинцы. Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды, фрагменты амфор. Поселение № 2, в северо-западной части села, на левом берегу ручья. На поверхности выступают остатки распаханных жилищ. Собраны обломки черняховской посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1957 г.

Санковцы (55). Поселение на левом берегу ручья, в северо-восточной части села, в урочище Цвинтарь. Собраны обломки черняховской керамики. В обрыве дороги Санковцы — Клишковцы расчищены две хозяйственные ямы и печь-каменка.

Разведки И. Винокура и Б. Тимощука, 1958 г.

Ставчаны (58). Поселение на левом берегу ручья, в 6 км от села, в урочище Борич. Собраны обломки сероглиняной посуды.

Разведки И. Винокура и Б. Тимощука, 1950 г.

Шиловцы (53). Поселение на правом берегу ручья, в 1 км на юг от села. На поверхности выступают остатки распаханных жилищ. Собраны обломки черняховской посуды.

Разведки И. Винокура и Б. Тимощука, 1958 г.

Черновицкий район

Бурдей (9). Поселение в центре села, на правом берегу Прута. В подножье холма раскопаны остатки глинобитной печи и собраны обломки сероглиняной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1948 г.

Острица (14, 15). Поселение № 1 в центре села, в урочище Селища, на правом берегу р. Дерелуй. Собраны обломки черняховской керамики. Поселение № 2, в 1 км на восток от села, на левом берегу ручья, в урочище Трава. Собраны обломки гончарной шероховатой и лощеной посуды.

Разведки Б. Тимощука, 1961 г.[8]

---

[8] Описание остальных пунктов, обозначенных на нашей карте, см. Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 1960, № 82, стр. 63—66.

Г. И. Смирнова

ПОСЕЛЕНИЕ У С. НЕЗВИСКО В ПЕРВЫЕ ВЕКА НОВОЙ ЭРЫ

Поселение находится на первой надпойменной террасе правого берега Днестра, на окраине с. Незвиско Обертинского р-на Ивано-Франковской обл. Оно занимает мыс, образованный Днестром и впадающим в него ручьем, называемым Поток. Во время весенних разливов поселение ежегодно разрушается, в результате чего приблизительно четвертая часть его в настоящее время уничтожена.

Исследование поселения впервые было начато Л. Козловским в 1926 г. Лепная керамика из верхних слоев поселения Л. Козловским вначале была ошибочно отнесена к высоцкой культуре, а керамика, изготовленная на круге,— к эпохе римских провинций [1]. Позднее эта ошибка была исправлена М. Ю. Смишко, который лепную и гончарную керамику из верхних слоев Незвиско объединил в одну группу и отнес ее к липицкой культуре [2]. Благодаря этому, до 1951 г., когда были возобновлены работы в Незвиско, поселение было известно как памятник липицкой и трипольской культур. Раскопками 1951 и 1953 гг., производившимися экспедицией Института общественных наук АН УССР под руководством М. Ю. Смишко и Е. К. Черныш, на поселении было выявлено несколько горизонтов, в том числе в верхнем слое, наряду с материалом липицкой культуры, обнаружена группа находок XII—XIII вв. [3] С целью дальнейшего изучения стратиграфии многослойного поселения у с. Незвиско в 1954 г. этот памятник исследовался экспедицией Государственного Эрмитажа и Института общественных наук [4]. Тем же коллективом работы на поселении были продолжены в 1956—1957 гг. [5]

Раскопки последних лет позволили уточнить данные стратиграфии и количество культурных слоев на поселении, а также более четко разобраться в слоях первой половины I в. н. э., выделив в них три горизонта — липицкой, черняховской и пшеворской культур. В целом на поселении в слое мощностью 3,5 м выявлено десять культурных напластований, которые залегали в следующем порядке, если считать снизу вверх: горизонты культуры линейно-ленточной керамики, трипольской культуры (этапы BI и BII), эпохи бронзы, раннего железа, липицкой, черняховской и пшеворской культур, раннеславянский (VII—IX вв.) и средневековый (XII—XIII вв.). Интересующие нас горизонты I—IV вв. н. э. так же, как вышележащие слои, состоят из чернозема с включением мелких вкраплений обмазки и угля. В ряде случаев жилые и хозяйственные комплексы этого периода углублены значительно ниже в слой темно-желтого суглинка, подстилающего чернозем. Мощность культурного слоя с находками I—IV вв. в среднем достигает 50—70 см. Эти находки встречаются в основном на глубине 0,6—1,3 м. При этом отчетливо выраженная граница между всеми культурными горизонтами, различаемыми в черноземе, здесь не прослеживалась. Правда, отмечено преобладание в верхних слоях чернозема раннеславянских находок, а в нижних слоях — липицких.

---

[1] L. Kozłowski. Chaty kultury Czechy — Wysoczko, odkryte w Nieźwiskach w pow. horodieńskim, Księga pamiątkowa ku czci W. Demetrykiewicza. Poznań, 1930, стр. 206—223.

[2] M. Smiszko. Osady kultury lipickiej. Lwów, 1934.

[3] Е. К. Черныш. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 48.

[4] Г. И. Смирнова. Работы Западноукраинской экспедиции в 1954 г., КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 101—108.

[5] В 1954, 1956—1957 гг. исследования верхних слоев поселения проводились Г. И. Смирновой, а нижних — Е. К. Черныш. Материалы из верхних горизонтов поступили на хранение в Государственный Эрмитаж.

ЛИПИЦКИЙ ГОРИЗОНТ

В 1954, 1956—1957 гг. на площади 740 кв. м было вскрыто два полуземляночных жилища — № 2 и № 16 и несколько ям (№ 17, 30, 42), которые по характеру найденного в них материала следует отнести к липицкой культуре[6] (рис. 1, 2).

Жилище № 2 — прямоугольное в плане помещение, углубленное в землю не менее, чем на 70 см. Размеры его 2,4 × 4 м, ориентировано оно длинными сторонами по линии восток — запад. Южная половина жилища № 2 оказалась срезанной жилищем № 1, в результате чего его южная и восточная стенки сохранились не полностью, только на высоту 25—35 см. Западную стенку проследить не удалось, так как западный конец жилища попал в бровку, оставленную между раскопами 1953 и 1954 гг. В земляном полу жилища № 2 вдоль южной и восточной стенок зачищено 13 ямок небольшого диаметра (4—15 см). Следов отчетливо выраженного очага в жилище не обнаружено. Заполнение жилища составляла плотная черная земля с включением угля и мелких вкраплений обмазки. В нем найдены обломки лепных и гончарных сосудов, глиняное пряслице, сделанное из дна кругового сосуда (рис. 3, *1—7, 9, 10*), большие грузила из зеленой глины, створки раковин и кости домашних животных. Среди керамики наибольший процент составляют обломки лепных горшков, украшенных валиком по тулову (рис. 3, *5, 6*). В группу гончарной посуды входят обломки сосудов на высокой полой ножке и кувшинов с двумя ручками. Обе группы керамики из жилища № 2 типичны для липицкой культуры.

Жилище № 16 — прямоугольная в плане полуземлянка, ориентированная с востока на запад (рис. 2, *2*). Стенки жилища пологие, сохранились на высоту 80 см. С северной и восточной сторон жилища, на 30 см ниже его края, имеются приступки шириной 20—40 см, конструктивное назначение которых не совсем ясно. В восточном приступке зачищена яма от столба, других ям в жилище не выявлено. О размерах полуземлянки можно говорить лишь приблизительно, так как ее западный край уходит в бровку, оставленную между старым и новым раскопами. Если исходить из того, что ширина жилища 3,7 м, известная длина 3,9 м, а ширина бровки 0,5 м, то его площадь вместе с приступками будет не более 16 кв. м. В жилище № 16 прослежено три жилых горизонта[7]. Появление лёссовидных прослоек в заполнении полуземлянки № 16 следует, очевидно, связывать с частыми наводнениями на липицком поселении во время весенних разливов Днестра. Кстати, в полевом дневнике за 1954 г. имеется также указание на наличие следов подобного намыва в заполнении липицкой полуземлянки № 2. Явно выраженного очага в жилище № 16 не обнаружено. Небольшие скопления золы и угля отмечены только на первоначальном полу жилища вблизи северной стенки. В заполнении жилища № 16 находок оказалось значительно больше, чем в жилище № 2. Здесь найдены глиняные пряслица разных форм, обломок оселка, железный нож с черешком, шестичастная трубчатая буса из стекла и много обломков керамики (рис. 3. *13—24*; рис. 4, *1—3, 5, 6, 8, 12—14, 16—19*). Особо следует отметить находку в жилище № 16 датирующих вещей. Это обломки светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных широкогорлых амфор (рис. 4, *8, 19*). Характеристика этих находок так же, как и всей керамики из жилища № 16, будет дана ниже при общем анализе керамического материала из липицкого горизонта. В заполнении жилищ найдено большое количество костей домашних животных, главным образом коровы и свиньи. Незначительное место занимают кости козы и лошади. Дикая фауна представлена костями оленя, кабана, медведя и зайца. Заканчивая характеристику жилых комплексов липицкого горизонта, необходимо отметить, что открытые нами жилища оказались однотипными по своей конструкции. Одинаковым для них является прямоугольная форма при ориентировке восток — запад, сравнительно большая глубина (не менее 70—80 см), отсутствие следов отчетливо выраженного очага и каких-либо остатков наземных конструкций. Интересна и такая деталь, как отсутствие возле жилища сеней, следы которых в виде регулярно расположенных ям от столбов были открыты Л. Козловским в Незвиско возле липицких полуземлянок. В Незвиско по раскопкам Л. Козловского известны четыре жилые постройки, три

[6] Для жилищ и ям верхних слоев поселения была принята единая нумерация. Жилища № 4—6, 8, 10—15 являются более поздними и относятся к раннеславянской культуре.

[7] Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення. Сб. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 2. Київ, 1959, рис. 3, разрез II.

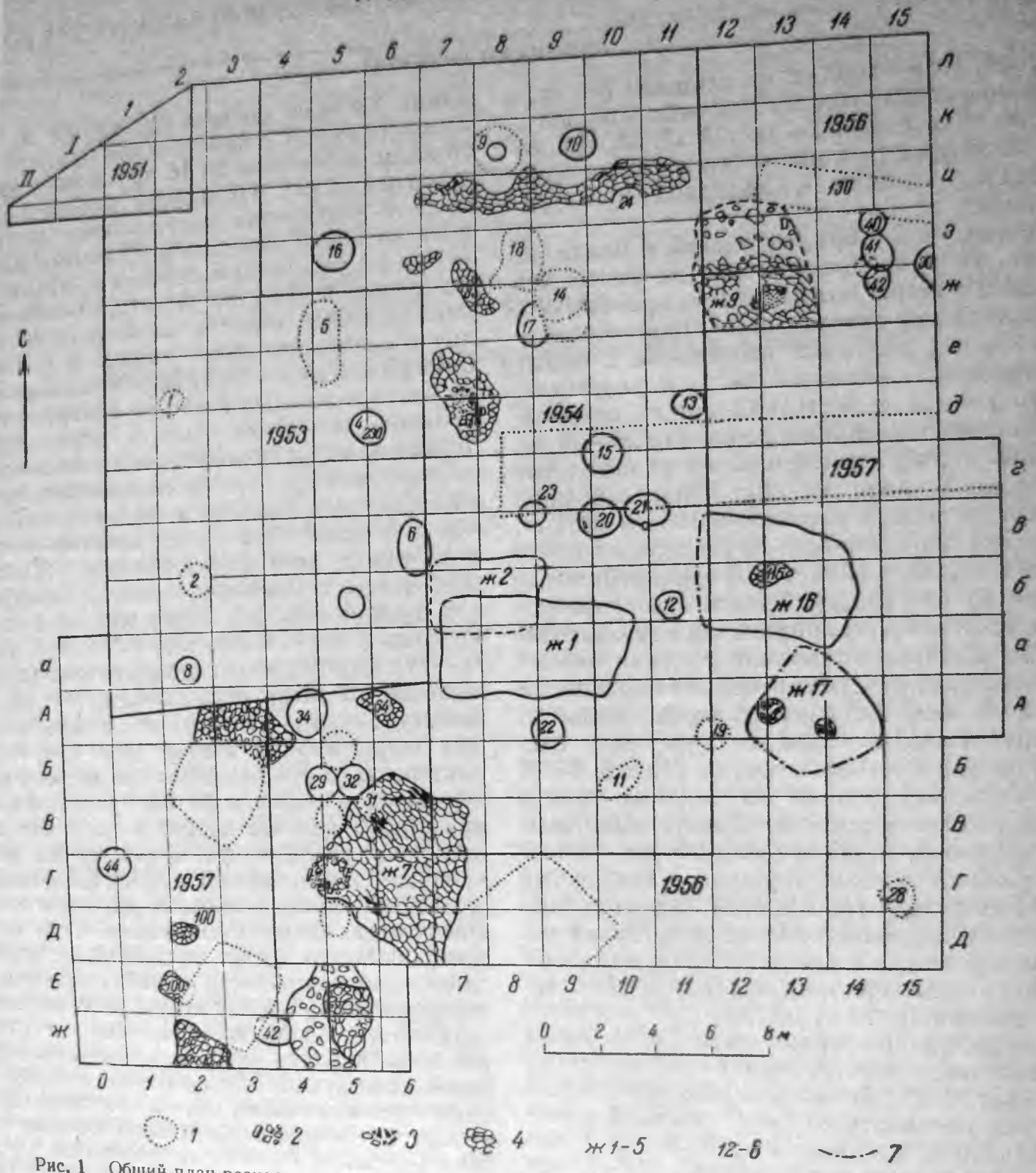

Рис. 1 Общий план раскопов на поселении у с. Незвиско с жилищами и ямами в слоях первых веков новой эры.

1 — контуры поздних углублений; *2* — камни; *3* — очаги; *4* — обмазка; *5* — нумерация жилищ; *6* — нумерация ям; *7* — восстановленные контуры углублений

из которых (I, II и III) в основных чертах сходны с исследованными нами жилищами[8]. Вызывает, правда, сомнение синхронность двух углублений в жилище I. Не имеем ли мы здесь дело с двумя жилищами, принадлежащими разным горизонтам? Однако правильный ответ на этот вопрос можно было бы дать только при знакомстве с материалами из этих углублений, что в настоящее время уже невозможно. Принадлежность к липицкому горизонту жилища IV сомнительна[9]. Полуземлянка IV рез-

[8] L. Kozlowski. Указ. соч., стр. 208—218, рис. 2—4.

[9] Там же, стр. 216—218, рис. 5.

ко отличается от липицких жилищ как по форме, так и по ориентировке. Четырехугольная форма и ориентировка углами по странам света характерна для жилищ раннеславянского горизонта в Незвиско [10], к которому, возможно, и относится жилище IV. О том, что раскопками 1926 г. были открыты раннеславянские комплексы в Незвиско, свидетельствует и керамика, ошибочно включенная М. Ю. Смишко в группу липицких находок [11].

Значительную часть находок из липицкого горизонта образует керамика. Лепная и гончарная посуда встречается в одном комплексе, при этом последняя составляет 5—10% от общего количества найденных обломков. Лепную керамику можно разделить на две группы — грубую и гладкостенную. Основными видами грубой посуды, содержащей в тесте примесь шамота, реже шамота и дресвы, являются тюльпановидной формы горшки, декорированные расчлененным валиком или вдавлинами пальцем у основания шейки (рис. 3, *5—6, 14—15, 17;* рис. 4, *13, 21*). Довольно часто на тулове сосудов этого вида имеются выступы — шишечки. Другим видом грубой посуды являются горшки с прямой непрофилированной шейкой и округлыми боками (рис. 3, *18*). Орнаментация на них такая же, как и на тюльпановидных сосудах — шишечки и, может быть, валик. В группу лепной грубой посуды входят также конические миски, снабженные ручками, и ряд других мелких сосудов, форму которых из-за фрагментарности восстановить сложно (рис. 3, *11;* рис. 5, *4*).

Липицкая гладкостенная посуда изготовлена из хорошо промешанного теста. Поверхность сосудов заглажена и залощена. Преобладает керамика желтых и коричневых оттенков. Любопытна еще одна деталь — вся лощеная посуда в изломе имеет темную полосу из-за недостаточного обжига. Ведущими видами гладкостенной посуды являются большие миски с высоким, слегка загнутым внутрь краем (рис. 3, *13*), и чаши на конической подставке, представляющие простейший вариант сделанных на круге чаш на высокой ножке (рис. 3, *23, 24*). Меньший процент составляют лощеные горшки биконической формы с горизонтально срезанным краем венчика.

В группу гончарной липицкой керамики входят чаши на полой высокой ножке с круглой подставкой, кувшины и профилированные горшки (рис. 3, *1—4, 8, 9, 12, 16, 19, 20, 22*; рис. 4, *1—5, 7, 9, 11, 20*). Два последних вида посуды нередко украшены пролощенным

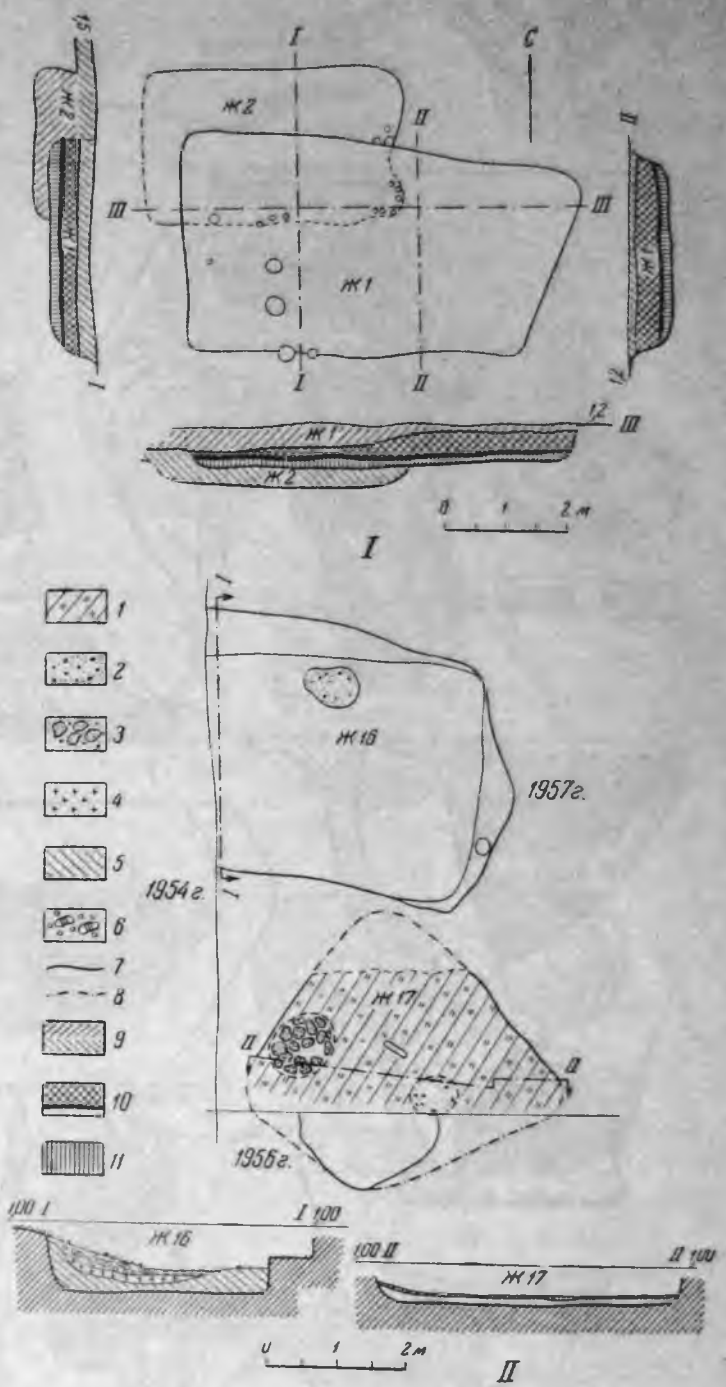

Рис. 2. Планы и разрезы жилищ.

I — план и разрез жилищ № 1 (пшеворское) и № 2 (липицкое); *II* — план и разрез жилищ № 16 (липицкое) и № 17 (черняховское)

Условные обозначения: *1* — остатки пола; *2* — угли, зола; *3* — пережженная глина, уголь, зола; *4* — песок; *5* — лёссовидный суглинок; *6* — обмазка; *7* — контуры жилищ; *8* — восстановленные контуры жилищ; *9* — чернозем с культурными включениями; *10* — слой пережженной глины и песка; *11* — темно-коричневая земля

[10] Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. РА LI, 1960, стр. 222—239.

[11] M. Smiszko. Osady..., рис. 11, табл. I, *12*, II, *1—4*.

Рис. 3. Находки липицкой культуры.

1—4, 8, 9, 12, 16, 19, 20, 22 — гончарная посуда; 5, 6, 11, 13—15, 17—18, 21, 23 24 — лепная посуда; 7 — пряслице; 10 — обломок дуршлага; 1—7, 9—10 — из жилища № 2; 8, 11, 12 — из культурного слоя; 13—24 — из жилища № 16

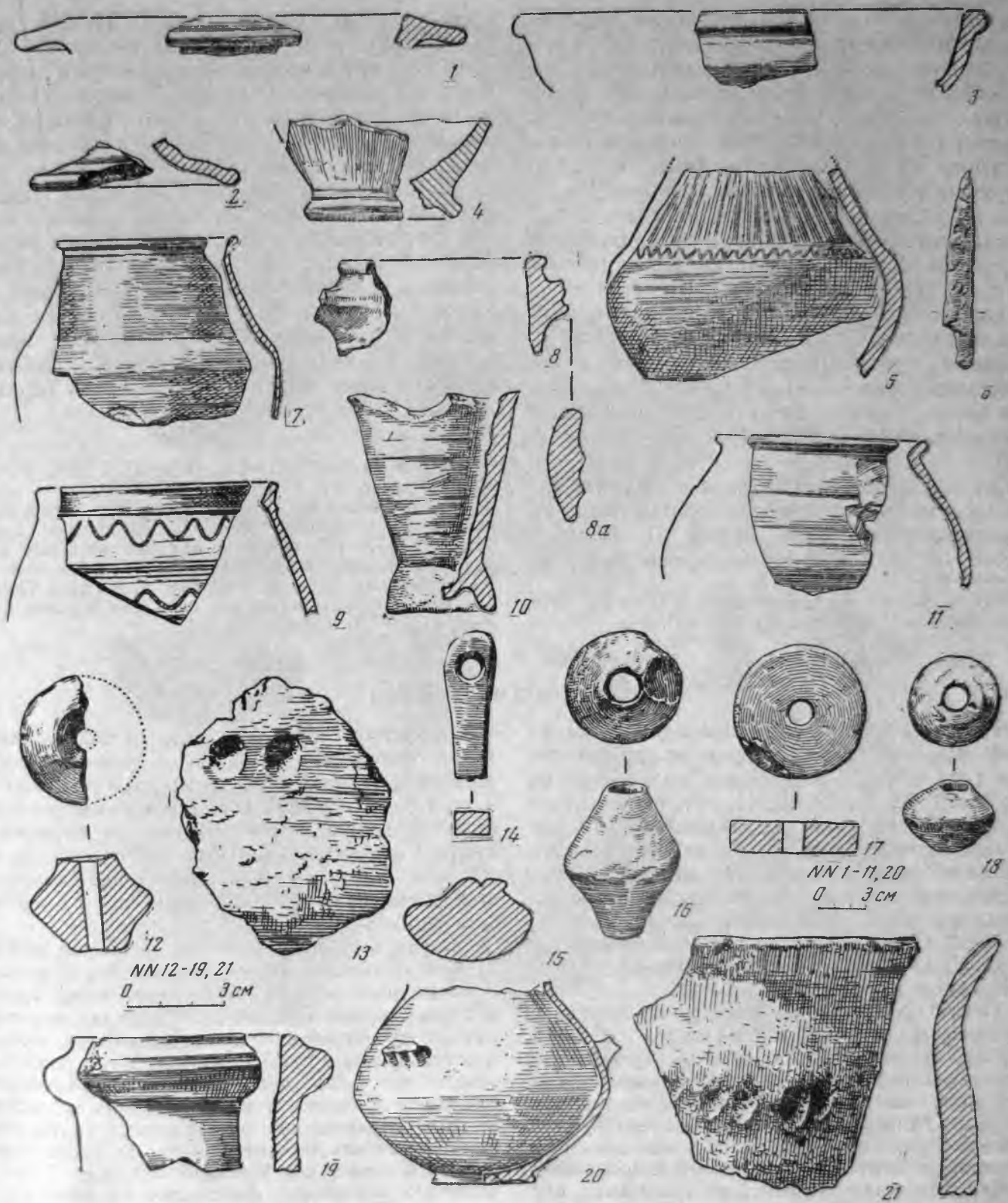

Рис. 4. Находки липицкой культуры.

1—5, 7, 9, 11 — гончарная посуда; *6* — железный нож; *8, 10, 15, 19* — обломки амфор; *12, 16, 17, 18* — пряслица; *13, 21* — лепная посуда; *14* — оселок; *20* — гончарный сосуд; *1—3, 5, 6, 8, 12—14, 16—19* — из жилища № 16; *4, 7, 9—11, 15, 20, 21* — из культурного слоя

орнаментом в виде волны или косой решетки, а также рядами параллельных вертикальных либо горизонтально пролощенных линий. Цвет этих сосудов серый, реже черный. Кувшины бытуют двух видов: 1) небольшие кувшины с двумя ручками и с пологими начинающимися от самого края плечиками (рис. 3, *1, 8*); 2) кувшины с одной ручкой, для них характерны округлые бока, высокое, иногда цилиндрическое горло с утолщенным расширяющимся краем и выразительными днищами (рис. 3, *16, 19, 22*; рис. 4, *20*; рис. 5, *1*). Чаши на высокой ножке отмечены нескольких видов. Чаще всего встречаются чаши с горизонтально сформованным краем (рис. 3, *12*; рис. *4, 1—2*). Несколькими экземплярами представлены чаши с вертикальным, либо слегка отогнутым наружу краем на поддоне (рис. 3, *2, 9*; рис. 4, *1—3*).

Как в жилище № 16, так и в слое в большом количестве встречаются фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. [12] (рис. 4, *15, 19*) и обломки красноглиняных широкогорлых амфор конца II—III вв. н. э. (рис. 4, *8*). К более ранним импортам (I в. н. э.) относится ножка светлоглиняной амфоры в форме довольно широкого и низкого поддона [14] (рис. 4, *10*). Из липицкого горизонта, возможно, происходит серебряная монета-подвеска Антонина Пия (138—161 гг.).

На основании привозной керамики, найденной, как отмечалось выше, не только в слое, где допустимо смешивание находок из разных горизонтов, но также и в жилище, липицкий горизонт в Незвиско считаем возможным датировать I — началом III в. н. э. Такая датировка не противоречит общепринятой хронологии липицких памятников, широкие аналогии которым дают материалы липицкого горизонта в Незвиско [15].

[12] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 117—118, табл. XXXVII, *91а*.

[13] Там же, стр. 111—112, табл. XXX, *72б*.

[14] Там же, стр. 110, табл. XXVIII, *64а*.

[15] M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu opeki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów, 1932, стр. 111—117, табл. VI—XIV; он же. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, II, Київ, 1948, стр. 104—106; табл. II; В. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961, стр. 9—20, табл. I—III.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ ГОРИЗОНТ

На исследованной нами площади (740 кв. м) было вскрыто одно жилище полуземляночного типа (№ 17) и большое количество ям (15, 16, 21, 22, 31, 32, 40, 41, 44), относящихся к черняховской культуре. Жилище № 17 выявить полностью не удалось, так как часть его попала в бровку, оставленную между новым и старым раскопами, а часть была разрушена при сооружении раннеславянской полуземлянки № 12. Однако в целом план постройки жилища № 17 и его основные особенности удалось изучить (рис. 2, *2*).

Полуземлянка № 17 ориентирована углами по странам света. Площадь ее около 10 кв. м, глубина не менее 30 см. Вблизи от центра на первоначально сильно утрамбованном земляном полу жилища обнаружены следы разрушенного глинобитного очага. Остатки второго глинобитного очага зачищены в западном углу постройки. Этот очаг связывался с прослойкой угля и золы, находившейся на 10 см выше первоначального пола жилища. Жилище № 17 было бедно находками. В нем найдено незначительное количество обломков сосудов, изготовленных на гончарном круге (рис. 5, *11—12*; рис. 6, *1, 2, 5—6*) и глиняное слегка сплюснутое сферическое пряслице. Черняховские ямы — округлые в плане, цилиндрические в разрезе, диаметр их колеблется в пределах от 1 до 1,35 м, глубина 1—1,3 м. В ямах находилась керамика, изготовленная на гончарном круге, и кости животных. В одной из ям (№ 16) вместе с керамикой черняховского типа найдена бронзовая фибула с высоким приемником (рис. 5, *10*).

Среди напластований первых веков нашей эры черняховский горизонт является наиболее насыщенным культурными остатками, среди которых, кроме большого количества керамических фрагментов и костей животных, встречаются фибулы, глиняные пряслица, отдельные части односторонних составных гребней, костяные проколки и другие изделия из кости.

Всю керамику из черняховского горизонта можно разбить на две группы: 1) сделанную на круге лощеную и нелощеную посуду; 2) импортную керамику, состоящую из многочисленных обломков позднеримских амфор. Лощеная столовая посуда — серая, реже черная или коричневая по цвету — представлена различными типами мисок, чаш, горшков, кувшинов и кубков (рис. 5, *13*; рис. 6, *1, 2, 4, 6, 9, 11*,

Рис. 5. Находки с поселения.

1—7, 11—17 — керамика; *8* — спинка костяного гребня; ***9, 10*** — **фибулы;**
1, 4 — липицкий горизонт; *2, 3, 5—7, 9, 15, 16* — шеворекий горизонт; *8, 10—14, 17* — черняховский горизонт

12, 15, 17—24). Она богато украшена рельефными полосками, а также пролощенным орнаментом в виде волны, косой решетки, коротких параллельных линий, расположенных горизонтальными или вертикальными рядами, а иногда и наклонно, под углом друг к другу. Кроме того, изредка на поселении встречаются обломки сосудов, может быть, кубков, черного цвета типа terra nigra, украшенных сложным узором, нанесенным различного вида штампом (рис. 5, *11—12, 14, 17*). Столовой посудой жители поселения, видимо, особенно дорожили, о чем свидетельствуют находки большого количества лощеных сосудов со следами починки. Наиболее распространенным видом лощеной посуды являются разнообразные по форме миски. Довольно большую группу образуют миски с краями, слегка отогнутыми наружу (рис. 6, *9, 18, 20*). Как правило, они сильно сужаются ко дну. Входящие в состав этой группы миски отличаются друг от друга по характеру перехода плечиков в стенки. У одних мисок переход плечиков в стенки — плавный (рис. 6, *9, 20*), у других мисок на месте перехода имеется острый перегиб, подчеркнутый рельефной полоской (рис. 6, *18*). Дно имеет кольцевой поддон. Многочисленны миски и другого типа, имеющие прямые, либо слегка наклонные внутрь плечики и острый перегиб на месте перехода плечиков в стенки (рис. 6, *21—22, 24*). Миски этого типа по плечикам довольно часто украшены рельефными полосками, углубленными линиями и пролощенным орнаментом. Третий вид мисок — большие глубокие сосуды с округлыми боками, представляющие собой нечто среднее между мисками и горшками (рис. 6, *15*). Они орнаментированы рельефными полосками по плечикам. Лощеные горшки разнообразны по форме. Наиболее распространены горшки с профилированным краем, короткой шейкой и сильно раздутыми боками (рис. 5, *13*; рис. 6, *19, 23*). Среди них преобладают сосуды с горизонтальными венчиками. Немногочисленную группу образуют горшки с удлиненной шейкой, плавно переходящей в бока (рис. 6, *17*). Форму кувшинов, встречающихся в черняховском горизонте, восстановить трудно, так как обломки сосудов (ручки, стенки, венчики), находимые в культурном слое, слишком фрагментарны (рис. 6, *12*). В черняховском горизонте найдено большое количество лощеных тонкостенных биконических сосудиков чашеобразной формы. Для них характерны небольшой диаметр венчика, как правило, утолщенного или отогнутого наружу, и высокие плечики, отделенные от тулова углубленной полоской, либо валиком. В группу нелощеной керамики, изготовленной из теста, содержащего примеси крупнозернистого песка, входят сосуды кухонного назначения и сосуды для хранения запасов. Кухонная посуда представлена большим количеством горшков, различных по профилю венчика, сохранившихся, к сожалению, фрагментарно. Горшки имеют отогнутый наружу профилированный венчик, короткую шейку, сильно раздутые бока и днища на подставочной плитке (рис. 6, *3, 5, 7—8, 10, 13*). У некоторых экземпляров на границе перехода шейки в тулово имеется рельефная полоска (рис. 6, *8*). Край венчика бывает или закругленным или тре-угольным, или срезанным горизонтально. В значительном количестве на поселении найдены обломки пифосов, служивших для хранения запасов. Это большие толстостенные сосуды (рис. 6, *14, 16*). По горизонтальному краю венчика и по тулову нанесен орнамент в виде многорядной волны.

Керамический комплекс черняховского горизонта находит полные аналогии среди черняховских памятников Верхнего и Среднего Поднестровья [16]. Правда, в Незвиско черняховский горизонт не дает лепной посуды, которая встречается на других днестровских поселениях. Мы в своих заключениях относительно состава черняховского керамического комплекса опираемся на материалы, происходящие из ям и жилищ, где лепная посуда отсутствовала. В данном случае материалы из культурного слоя во внимание не принимаются, так как на многослойном поселении, каким является Незвиско, возможно попадание находок из одного горизонта в другой. Лепная посуда, находимая на черняховских поселениях Поднестровья и Волыни, также встречается на поселении Незвиско, но здесь она связывается в основном не с черняховским, а с пшеворским комплексом, описание которого будет дано ниже [17].

[16] L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 94—104, табл. XXVI; M. Смішко. Доба полів поховань..., стр. 110—113, табл. III; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 178—186, рис. 6—8; В. Баран. Поселения..., стр. 47—64, табл. IX—XII.

[17] Дополнительная проработка керамического материала из культурного слоя поселения при учете особенностей лепной керамики из черняховских жилищ в Черепине, Рашеве II и Бовшеве позволяет нам выделить группу сделанной от руки посуды, отнеся ее к черняховским комплексам Незвиского поселения. В основном эта группа состоит из грубых горшков удлиненных

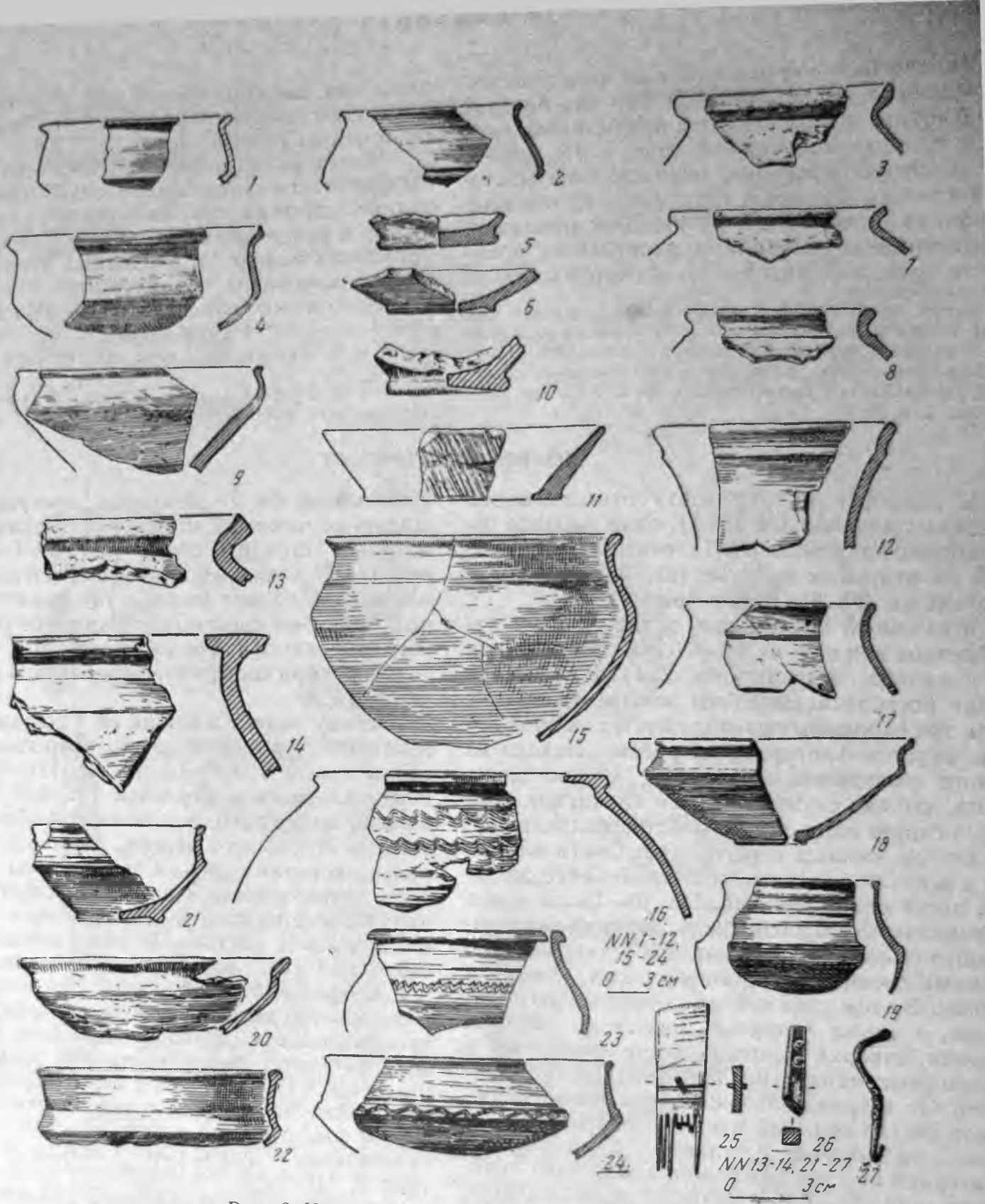

Рис. 6. Находки черняховской культуры.

1, 2, 4, 6, 9, 11, 12, 15, 17 — 24 — лощеная посуда; *3, 5, 7, 8, 10, 13, 14, 16* — нелощеная посуда; *25* — часть гребня; *26* — обломок костяной подвески; *27* — обломок бронзовой фибулы; *1, 2, 5, 6* — из жилища № 17; *3, 4, 7, 9, 10, 12, 14, 15, 17—31* — из культурного слоя; *8, 16* — из ямы № 44; *11, 13* — из ямы № 32

Мелкий бытовой инвентарь из черняховского горизонта немногочислен — это две бронзовые фибулы, одна с высоким приемником, другая с подвязанной ножкой (рис. 5, *10*; рис. 6, *27*), костяные проколки, обломок многочастого костяного гребня с остатками бронзового штифтика и обломком дуговидной накладки, украшенной двумя рядами циркульного орнамента (рис. 5, *8*; рис. 6, *25*). Из черняховского горизонта, видимо, происходит обломок пирамидальной костяной подвески с циркульным орнаментом (рис. 6, *26*).

Из импортных изделий на поселении найдены фрагменты стеклянных сосудов и многочисленные обломки светлоглиняных узкогорлых амфор с реберчатыми ручками. Судя по типам привозных амфор [18] и найденных фибул [19], время существования черняховского горизонта в Незвиско можно определить III—IV вв.

пропорций со слегка отогнутым краем венчика (см. В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вып. 3, Київ, 1961, стр. 78—81, рис. 2; 4, *1—4*).

[18] И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 118. табл. XXXVIII, *94 а—б*.

[19] А. І. Фурманьска. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 82—88.

ПШЕВОРСКИЙ ГОРИЗОНТ

К пшеворскому горизонту относятся два наземных жилища (№ 7 и 9), одно жилище полуземляночного типа (№ 1), очаг, расположенный на открытом воздухе (кв. А/5—6), и несколько ям (№ 20, 29, 35) (рис. 1).

Жилище № 1 площадью около 22 кв. м, углубленное в землю на 50—70 см, ориентировано с востока на запад (рис. 2, *1*). В западном конце постройки выявлены четыре столбовые ямы, три из которых расположены по одной линии, параллельно западной стенке. Исходя из такого расположения столбов, можно допустить, что они служили не для крепления крыши, а скорее всего для устройства находившейся внутри жилища перегородки. Очага или печи в жилище не оказалось. Заполнение жилища носит следы пожара. На 10—15 см выше первоначального пола была обнаружена прослойка сгоревших органических остатков, перекрытых слоем перегоревшего песка, кремня и глины. В этом слое найдено очень много керамики, а также глиняные пряслица, обломок оселка, створки раковин, кости животных и кремневые отщепы. Весь этот материал пережжен. От вторичного обжига керамика приобрела светло-красный цвет, а кремень расслоился на мелкие пластинки. Керамический материал из слоя пожарища аналогичен керамике, найденной при зачистке пола жилища. В основном эта лепная посуда различных форм. Гончарная керамика составляет не более 1—2% от общего числа находок (рис. 5, *2—3*; рис. 7, *1—7, 11, 12, 14, 16*). Отсюда же происходят обломки позднеримских сосудов — узкогорлых амфор и светлоглиняного кувшина (рис. *7, 8, 15*). Кроме античной посуды, датирующим материалом для жилища № 1 является серебряная фибула с двойной пружиной (рис. 5, *9*).

Жилище № 7 — наземная постройка площадью не менее 24 кв. м, ориентированная углами по странам света (кв. В—Г—Д/5—7, рис. 1). Не исключено, что действительные размеры жилища еще больше, так как его восточный край был срезан при постройке современного каменного погреба, а северный частично разрушен при сооружении славянской полуземлянки № 10.

Основу пола в жилище № 7 составляли деревянные плахи или доски, покрытые сверху слоем глины толщиной 10 см. Их отпечатки сохранились на внутренней стороне обмазки пола и, кроме того, под обмазкой обнаружены остатки сгоревшего дерева, лежавшего параллельно коротким стенам дома. Стены жилища были глинобитными, о чем свидетельствуют обнаруженные на полу куски обмазки с отпечатками лозы и прутьев. В полу зачищены две столбовые ямы, расположенные по центральной продольной оси жилища. Эти столбы, вероятно, поддерживали крышу, которая, судя по их расположению, должна была быть двускатной. В западном углу постройки размещался очаг (1,4 × 1,4 м). Стенки очага образуют поставленные на ребро каменные плиты высотой 20—40 см. Под выложен плоским речным галечником, покрытым сверху глиной (рис. 8, *1*).

Очаг в процессе пользования ремонтировался, о чем свидетельствует второй горизонт пода, который так же, как и первый, состоит из галечника, обмазанного сверху глиной. Жилище № 7 погибло от пожара, следами которого является пережженный керамический материал, в большом количестве найденный на полу вместе с остатками обгоревших глинобитных стен, рухнувших внутрь постройки. Керамический

Рис. 7. Находки пшеворской культуры.

1 — гончарная керамика; *2, 5, 7, 12, 16* — лепная грубая керамика; *3, 4, 6, 14, 18, 19* — лепная чернолощеная посуда; *8* — горло амфоры; *9, 10* — пряслица; *13* — железный наконечник копья; *15* — ручка амфоры, в разрезе; *17* — оселок; *1—12, 14—17* — из жилища № 1; *13, 16* — из культурного слоя; *19* — из ямы № 35

Рис. 8. Остатки очагов пшеворского времени.

1 — очаг в жилище № 7; *2* — очаг в квадрате А/5—6 в процессе разборки

материал в основном состоит из обломков лепных нелощеных сосудов, аналогичных лепной керамике из полуземлянки № 1. Гончарная посуда составляет незначительной процент (рис. 5, *6*). Здесь же найдены невыразительные обломки светлоглиняных амфор.

Жилище № 9 выявлено лишь частично (на кв. Ж/12—13, 3/12), так как южный его конец уходит под нераскопанный участок поселения (рис. 1). Жилище сохранилось в виде остатков глинобитного пола с очагом такой же конструкции, как и очаг в жилище № 7. Стенки очага образуют поставленные на ребро каменные плиты, а под состоит из двух горизонтов галечника, каждый из которых перекрыт сверху слоем обожженной глины. На полу встречена ле ная керамика, аналогичная лепной посуде жилища № 7 и полуземлянки № 1 (рис. *15—16*). Здесь же найдено глиняное пряслиц биконической формы.

Глинобитный очаг в кв. А/5—6 близок п конструкции к очагам из пшеворских жили № 7 и 9. От этого очага сохранился только пол который первоначально был сложен из плоски каменных плиток, покрытых сверху слоем гли ны (рис. 8, *2*). Второй горизонт пода состои из положенного в один слой галечника, также обмазанного глиной. Вокруг очага найдена ке рамика пшеворского типа, поэтому не вызы вает сомнений его принадлежность к пшевор-

скому горизонту. Жилище, в котором находился этот очаг, не удалось найти. Скорее всего он был устроен на открытом воздухе, поблизости от жилой постройки, какой могло быть как жилище № 7, так и полуземлянка № 1.

На ряде участков поселения зачищены остатки глинобитных полов и вымосток, которые по глубине залегания следует отнести к первым векам н. э. Однако в большинстве случаев из-за отсутствия материалов не удается установить, к какому из горизонтов первых вв. н. э. они принадлежат. К пшеворскому горизонту, без сомнения, относятся остатки глинобитной вымостки на кв. б/12—13 над липицким жилищем № 16 (рис. 1). Здесь была найдена типичная для пшеворской культуры керамика, в том числе обломки лощеной чаши на подставке с тремя ручками (рис. 7, *18*).

Комплекс находок из пшеворского горизонта состоит из лепной, либо сделанной на круге керамики. Среди лепной посуды, составляющей 95% всех керамических находок, преобладают обломки грубых толстостенных сосудов темно-серого или желто-серого цвета. Основными видами лепной посуды, изготовленной из теста с примесью шамота, являются широкогорлые горшки биконической формы. Они имеют прямую, либо слегка профилированную шейку со слабо отогнутым венчиком и округлые бока [20]. По характеру обработки наружной поверхности различаются два вида горшков. Горшки первого вида имеют сглаженную поверхность (рис. 5, *2—3*). Сглаживание в большинстве случаев встречается только на верхней и придонной части сосуда, в то время как бока орнаментированы защипами, сделанными ногтем (рис. 5, *15—16*; рис. 7, *16*). Изредка на горшках первого типа встречается орнамент в виде полукруглых налепов (рис. 5, *3*). Горшки другого вида не имеют сглаживания, поверхность их, за исключением верхней и придонной части, ошершавлена, либо так же, как у горшков первого вида, орнаментирована защипами или вертикальными бороздками (рис. 7, *5, 11*). Кроме того, изредка встречаются обломки нелощеных горшков с прочерченным орнаментом в виде параллельных линий и клетки (рис. 7, 7). В группу лепной керамики грубой фактуры входят также небольшие конические миски с лепестковидным краем, аналогичные мискам из Черепина [21], конические крышки (рис. 7, *2*) и сосуды с ручками, форму которых из-за фрагментарности восстановить трудно (рис. 7, *12*). По формам и приемам орнаментации (защипы, бороздки, штриховка «в клетку») основные виды лепной посуды из Незвиско находят себе широкие аналогии на территории Польши среди позднепшеворских памятников, датируемых III—IV вв. В этот период в пшеворской культуре постепенно выходит из употребления лощеная остроребер-ная посуда, место которой занимают менее тщательно изготовленные лощеные сосуды округлых форм и грубая посуда с храповатой поверхностью, украшенная часто защипами либо бороздками [22]. Не находит себе аналогий в пшеворской культуре Польши только один вид орнаментации грубой посуды — полукруглый налеп. Единичные сосуды с таким орнаментом встречаются на синхронных Незвиско поселениях у сел Черепин [23] и Рипнев II [24]. В целом же более широкие аналогии этому виду орнамента дают памятники зарубинецко-корчеватовского типа [25].

Лепная керамика из пшеворского горизонта представлена не только грубой, но также и лощеной посудой. Гладкостенной керамики встречено значительно меньше, чем грубой, при этом она отличается низким качеством лощения и почти полным отсутствием чернолощеной посуды, характерной для классических пшеворских комплексов. На поселении преобладают лощеные сосуды серого, реже темно-желтого цвета, которые по формам и характеру орнаментации находят полные аналогии среди пшеворской керамики. На поселении часто

[20] Аналогии см. Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень... рис. 7, *1, 3, 6—9*.

[21] В. Д. Баран. Поселення..., стр. 53, табл. VII, *9—13*.

[22] B. Kostrzewski. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie. PrzA, VII, 2, 1947, стр. 192—291, рис. 18, *3*; 23, *2*; 29, *7*; 32, *1*; 34, *3*; 39, *3*; J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 246—249, рис. 614, 625, 723, 728; K. Dąbrowski. Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na stanowisku w Piwonicach, pow. Kalisz. MS, IV, 1958; tabl. XIII. *11*; XV, *21, 24*; K. Dąbrowski, R. Kozłowska. Dwie osady z okresów późnolatenskiego i rzymskiego we wsi Piwonice, pow. Kalisz, MS, V, 1959, tabl. X, *1, 2, 4—7*; XIV. 8.

[23—24] В. Д. Баран. Поселення..., стр. 52, табл. VI, 10; он же. Розкопки на поселенні I тис. н. е. в с. Ріневі (Рінів II) Львівської обл. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. II. Київ, 1959, стр. 111, табл. 1, 2.

[25] В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, рис. 6, *2, 3*; И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, № 70, табл. V, *94, 96, 102, 103*.

встречаются типичные для пшеворской культуры[26] биконические остроребериые чаши на полой подставке (рис. 5, *5*; рис. 7, *4*). Цвет их либо черный, либо темно-желтый, качество лощения этих сосудов наиболее высокое по сравнению с остальной гладкостенной посудой, орнамент встречается в виде исключения. Найден только один обломок чернолощеной чаши с прочерченным орнаментом в виде остроугольного зигзага.

Разновидностью этих сосудов является чаша с тремя ручками, украшенная в верхней части прочерченным орнаментом в виде двух рядов заштрихованных треугольников, соединенных углами (рис. 7, *18*). В отличие от остроребериых чаш на подставке эта чаша, аналогии которой также хорошо известны в пшеворских комплексах[27], имеет плавный переход стенок в бока.

В Незвиско встречаются широко распространенные в пшеворской культуре[28] биконические чаши на утолщенном поддоне, иногда слегка вогнутом внутрь. От сосудов этого типа сохранились только обломки; так, в жилище № 1 найдено несколько поддонов[29] и венчиков, близких по профилю чашам на полой подставке. Многочисленную группу лощеной керамики образуют разнообразные по виду миски и чашечки. Среди них встречаются как остроребериые профилированные сосуды (рис. 7, *3, 6, 14*), так и сосуды с плавным переходом стенок в бока (рис. 7, *19*). Орнаментация на этих сосудах обычно отсутствует. Найдено лишь несколько обломков чернолощеных чашечек, украшенных каннелюрами по дну и пролощенными линиями на плечиках (рис. 7, *6*). Такого рода орнаментация и все перечисленные выше виды столовой посуды (миски, чашечки, кубки) также характерны для пшеворской культуры[30]. Таким образом, из приведенных аналогий следует, что вся гладкостенная столовая посуда, подобно кухонной, с которой встречается она в одном комплексе, имеет типичный для пшеворской культуры облик. Ее следует сопоставлять не с ранними, а с поздними комплексами пшеворской культуры, такими, как, например, могильники в Конине[31] и в Лахмировицах[32], с поздними комплексами на поселении в Пивонице[33] и многими другими.

В пшеворских жилищах, кроме лепной посуды, найдена лощеная тонкостенная керамика, изготовленная на круге. Сделана она в обычной для черняховской лощеной посуды технике и в общем близка ей по формам. Из целых сосудов, происходящих из пшеворских комплексов, следует указать на находку серолощеного кувшинчика с цилиндрической шейкой и округлыми боками (рис. 5, *7*). Принадлежность кувшинчика к пшеворскому горизонту подтверждается условиями находки. Он был найден вместе с типичным для пшеворского горизонта горшком, отбитый край которого обнаружен в пшеворском жилище № 1 (рис. 5, *2*). Несколько одинаковых горшков найдено в разбитом виде на полу жилища № 7. Эти горшки имеют короткую шейку, слегка отогнутую наружу, и округлые бока. Орнаментированы они рельефными полосками (рис. 5, *6*). Любопытно, что у горшков этого вида днище не имеет кольцевидного поддона, характерного для гончарной посуды липицкого и черняховского горизонтов. По внешнему облику и технике исполнения эти горшки несколько отличаются от черняховских прототипов, являясь как бы грубым местным подражанием черняховской посуде. Не случайно поэтому, что более близкие аналогии им находятся не в черняховских, а в пшеворских комплексах[34]. На полу пшеворских жилищ в небольшом количестве встречались мелкие обломки гончарных сосудов, форму которых из-за фрагментарности восстановить трудно. Не исключено, что некоторые

---

[26] B. Zielonka. Cmentarzysko z okresu cesarstwa rzymskiego w Lachmirowicach w pow. Inowroclawskim. PrzA, IX, z. 2—3, 1951—1952; стр. 380, рис. 15, *4, 5*; рис. 18, *1, 2*; J. Dąbrowska. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Osiecku pow. Garwolin, MS, IV, 1958, стр. 282—283; LXXXVIII, *11*; LXXXIX, *5*; K. Dąbrowski, R. Kozłowska. Указ. соч., табл. V, *3, 13*.

[27] B. Kostrzewski. Указ. соч., str. 140; B. Zielonka. Указ. соч., str. 380—381, rysch 3; 9; 15, *3*; 21, *2*; K. Dąbrowski. Указ. соч., tabl. XXXIX, 7; B. Barankiewicz. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Grodzisku Mazowieckim. MS, V, 1959, стр. 217—221, tabl. IV, *3*.

[28] B. Kostrzewski. Указ. соч., рис. 34, *11*; 59, *2*; 72, *2*; K. Dąbrowski. Указ. соч., tabl. XXI, *10*; XXXIV, *17*; B. Barankiewicz. Указ. соч., табл. II, *1*; IV, *8*; М. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, I, 1947, табл. I, 3, 4.

[29] Г. И. Смирнова. Підсумки досліджень..., рис. 7, *5*.

[30] L. Kozłowski, Zarys..., стр. 87, tabl. XXIV, *5*; B. Zielonka. Указ. соч., стр. 380—381; рис. 16, *2, 3*; 18, *5, 6*; J. Dąbrowska. Указ. соч., стр. 282—286, tabl. LXXXVI, *10*; LXXXIX, *4, 8*; XCIII, *5, 6*.

[31] B. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 192—291.

[32] B. Zielonka. Указ. соч., стр. 353—386.

[33] K. Dąbrowski. Указ. соч., стр. 7—88.

[34] M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu..., стр. 76, табл. I, *12*.

из этих фрагментов попали в жилище из более ранних горизонтов первых веков новой эры, например, в жилище № 1 из частично разрушенной им липицкой полуземлянки № 2 (рис. 7, *1* ср. с рис. 3, *3*).

Последнюю сравнительно немногочисленную группу керамики из пшеворского горизонта образуют фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор и светло-желтого кувшина (рис. 7, *8, 15*). Фрагменты этих сосудов (венчики, стенки, днища, ручки) найдены на полу и в заполнении жилищ № 1 и 7. Судя по аналогиям, время их определяется III—IV вв.[35]

Мелкий бытовой инвентарь из пшеворских жилищ представлен оселками (рис. 7, *17*), глиняными пряслицами, преимущественно биконических форм (рис. 7, *9, 10*), грузилами, отдельными поделками из кости и одной серебряной фибулой с двойной пружиной, украшенной по спинке ободками с насечками. Головка и концы пружины орнаментированы утолщениями и двумя рядами ободков с насечками (рис. 5, *9*). На основании многочисленных аналогий[36] к числу пшеворских находок следует отнести найденный в культурном слое поселения небольшой железный наконечник копья с втулкой (рис. 7, *13*). Из группы мелкого инвентаря для уточнения абсолютной хронологии пшеворского горизонта наибольший интерес представляет серебряная фибула с двойной пружинной системой. Эта фибула, будучи найденной в стенке жилища № 1, определяет начальную дату жилища и вместе с этим нижнюю хронологическую границу пшеворского горизонта в целом. Появление серебряных фибул такого типа в области Верхнего Поднестровья относят к концу III в. н. э.[37], а на территории Польши к началу IV в. н. э.[38] Исходя из этого, пшеворский горизонт в Незвиско следует датировать временем не ранее конца III—IV вв. н. э. Весь комплекс находок этого горизонта на основании приведенных аналогий не противоречит такой датировке. Как показал сравнительный анализ, керамический материал из пшеворского горизонта по технологическим приемам, характеру орнаментации, а также по процентному соотношению столовой и кухонной посуды имеет облик, типичный для позднепшеворских памятников.

В связи с датировкой пшеворских комплексов концом III—IV вв. возникает вопрос о хронологическом соотношении пшеворского и черняховского горизонтов на поселении, поскольку последний, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, можно тоже датировать III—IV вв. При отсутствии пока каких-либо данных о хронологических рамках черняховского горизонта правильный ответ на этот вопрос могут дать только наблюдения над стратиграфией культурных слоев на поселении.

Установлено, что в двух случаях на исследованных участках поселения пшеворские комплексы перекрыли жилища липицкого горизонта (полуземлянка № 1 над липицкой полуземлянкой № 2 и остатки пшеворской глинобитной вымостки над липицкой полуземлянкой № 16) и в одном случае пшеворское жилище № 7 перекрыло ямы № 31 и 32 с черняховским материалом в заполнении (рис. 1, 2). В каждой из этих ям, наряду с обломками лощеных гончарных сосудов, принадлежность которых к липицкой или черняховской культурам из-за фрагментарности материала трудно установить, найдены обломки нелощеных грубых гончарных сосудов, характерных только для черняховских комплексов поселения в Незвиско (рис. 6, *11, 13*). Благодаря этому принадлежность ям к черняховскому горизонту не вызывает сомнений. Если же учесть и данные стратиграфии относительно перекрывания ям пшеворским жилищем № 7, то мы вправе сделать вывод, что в Незвиско пшеворское поселение возникло позже черняховского. Время появления носителей пшеворской культуры в Незвиско следует определять самым концом III в., скорее даже IV в.

Сделанные нами на материалах Незвиско выводы находятся в полном противоречии с существующими в науке представлениями о времени бытования пшеворских памятников в западных областях Украины и о хронологической последовательности на этой территории пшеворской и черняховской культур[39]. Принято считать, что в западных областях Украины по-

---

[35] И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 117—118, 122, табл. XXXVII, *91в*; табл. XLI, *105а, б*.

[36] M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu..., стр. 81, табл. IV, *26*; B. Zielonka. Указ. соч., рис. 12, *6*; 16, *8*.

[37] М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 77—78, рис. 24, *5*. Э. А. Симонович. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 31, рис. 9, *5, 6*.

[38] J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 251—252, рис. 738.

[39] M. Śmiszko. Kultury wszesnego okresu..., стр. 105—111; L. Kozłowski. Zarys..., стр. 87—89, 94—100; М. Смішко. Доба полів поховань..., стр. 109—113.

сле исчезновения памятников пшеворской культуры к концу III в. появляются памятники черняховского типа. По материалам Незвиско получается обратная картина. Исходя из поздней датировки пшеворского горизонта в Незвиско, в правильности которой не приходится сомневаться, так как для этого имеются твердые основания, нам кажется, что следует внести поправки в существующую датировку пшеворских комплексов Верхнего Поднестровья, передвинув верхнюю хронологическую границу с конца III в. в IV в. Будет ли это середина IV в. или его конец — в настоящее время решить трудно. Стратиграфическое соотношение черняховского и пшеворского горизонтов также не вызывает у нас сомнений, но пока мы воздерживаемся отстаивать это со всей категоричностью. Ввиду слишком большого несоответствия полученных раскопками данных с установившейся точкой зрения о последовательности появления черняховской и пшеворской культур в Верхнем Поднестровье следует пока проявить должную осторожность. Для проверки правильности наших наблюдений над стратиграфией пшеворского и черняховского горизонтов необходимо провести дополнительные исследования, обратив при этом серьезное внимание на характер археологического материала в культурном слое под пшеворскими хозяйственно-бытовыми сооружениями и в их заполнении.

Раскопки последних лет многослойного поселения у с. Незвиско дали ряд новых интересных данных для изучения истории Верхнего Поднестровья в различные исторические периоды от неолита до раннего средневековья, в том числе в первой половине I тысячелетия н. э. Раскопками получен богатый материал для всестороннего изучения поселений, оставленных жившими здесь посменно племенами в первые века новой эры, в частности, для сопоставления материальной культуры этих поселений. Выявлены существенные различия между ними как в приемах домостроительства, так и в хозяйственном инвентаре. Так, липицкие глубокие полуземлянки по своей прямоугольной форме, по ориентировке восток — запад, а также по отсутствию следов четко выраженного очага существенно отличаются от менее глубоких полуземлянок черняховского горизонта, четырехугольных в плане, с ориентировкой углами по странам света, с остатками глинобитных очагов (рис. 2). Лощеная гончарная посуда черняховского типа по формам ничего общего не имеет с аналогичной ей по технологическим приемам изготовления и характеру орнаментации липицкой посудой (рис. 3, 4 ср. с рис. 6). Характерные для липицкой культуры чаши на высокой подставке, кувшинчики с двумя ручками, начинающимися от края, и некоторые другие виды гончарной посуды не встречаются в черняховских керамических комплексах. Вместе с тем черняховский горизонт дает неизвестную в липицком слое кухонную гончарную посуду, которая в липицких комплексах представлена лепными горшками своеобразных форм. Самостоятельную группу, не имеющую себе прототипов в более ранних горизонтах поселения, образует лепная посуда из пшеворских жилищ. Гончарная керамика из этих же жилищ по технологическим приемам и формам близка черняховской керамике, но в пшеворских комплексах поселения она не является определяющей. Пшеворские жилые постройки на поселении (наземные глинобитные дома со своеобразно устроенными из камня и глины очагами и полуземлянка, менее глубокая по сравнению с липицкой полуземлянкой) также имеют мало общего с жилищами двух других горизонтов первых веков новой эры на поселении.

Все это приводит к заключению, что в Незвиско в первые века новой эры существовали три разновременных поселения, сменившие друг друга и принадлежавшие к трем разным культурам — липицкой, черняховской и пшеворской.

Решение вопроса об этническом лице этих племен возможно на более широком материале с привлечением различного вида источников, в том числе и письменных. Здесь только отметим, что при определении этнической принадлежности черняховской и пшеворской культур необходимо учитывать более поздние материалы из Незвиско, относящиеся ко второй половине I тысячелетия н. э. Здесь на месте поселений первых веков новой эры в конце VI — начале VII вв. возникает поселение славянской культуры, в наиболее ранних жилищах которого найдена керамика пражского типа[40]. Это поселение дает устойчивый тип жилища в виде четырехугольных в плане полуземлянок с печью-каменкой в одном из углов и своеобразный по облику комплекс лепной посуды, не имеющей себе прототипов среди керамики черняховского и пшеворского горизонтов в Незвиско. Жилища раннеславянского поселения также существенно отличаются от жилых построек предшествующих горизонтов.

---

[40] Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение..., стр. 222—238.

В. Д. Баран

ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАССЕЙНА ЗАПАДНОГО БУГА

(раскопки 1957—1960 гг.)

Археологические исследования памятников черняховской культуры в бассейне Западного Буга начались в конце 90-х годов прошлого столетия раскопками довольно большого и очень интересно поселение у с. Неслухов Львовской обл. К сожалению, публикуя материалы из Неслухова, автор раскопок К. Гадачек ограничился лишь описанием вскрытых им объектов, без указания на обнаруженные в них находки, что не дает полного представления о характере памятника. В 1946 г. на том же поселении провел небольшие разведочные раскопки М. Ю. Смишко, но и эти исследования не смогли существенно пополнить наши сведения о памятниках черняховской культуры в Западном Побужье. Стационарные исследования памятников этого времени в верховьях Западного Буга начались в 1957 г., когда были проведены разведочные работы отделом археологии Института общественных наук АН УССР. В 1958 г. экспедиция Ленинградского отделения ИА АН СССР под руководством И. И. Ляпушкина открыла несколько новых поселений культуры полей погребений. В частности четыре поселения, отдаленные друг от друга на 1—1,5 км, выявлены на берегах притока Западного Буга — маленькой речки Рудки между селами Рипнев — Ракобуты [1]. Три памятника в 1957—1961 гг. подверглись археологическим раскопкам, на четвертом проведена лишь небольшая шурфовка.

Предметом нашей статьи является публикация материалов из двух поселений, исследованных в 1957—1960 гг., одно из которых находится у с. Рипнев, а второе у с. Ракобуты Каменско-Бужского р-на Львовской обл.

[1] Поселение у с. Ракобуты открыто И. И. Ляпушкиным, три поселения у с. Рипнев выявлены автором.

ПОСЕЛЕНИЕ РИПНЕВ II

Поселение расположено на восточной окраине села, на южном склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Рудки в урочище Горохов (рис. 1). В западной части оно прорезано полевой дорогой Рипнев — Ракобуты, с юга и востока его обрамляет долина речки, на севере оно граничит с урочищем Копальни. Площадь поселения довольно большая: около 1 км в длину и 180—200 м в ширину. Никаких построек на площади поселения сейчас нет, но 20—30 лет тому назад у дороги стоял один двор. Сейчас это место можно узнать по западине от колодца. В западной части поселения заложено три раскопа общей площадью 2481 кв. м. Два из них ближе к центру, а третий на площадке за дорогой, на самой западной окраине поселения.

Культурный слой в основном хорошей сохранности, но в некоторых местах глубокой вспашкой разрушены пласты обожженной глины, отчего на поверхности остались коричневые пятна. Мощность культурного слоя на территории, где не было углубленных в землю построек, составляла около 0,5 м, в некоторых местах 0,6—0,8 м. Поселение многослойное. Во всех раскопах, кроме жилищ и хозяйственных построек с керамикой и другими вещами черняховской культуры, обнаружены раннеславянские жилища начала второй половины I тысячелетия н. э., характеризуемые наличием исключительно лепной посуды [2]; в некоторых местах встречались отдельные фрагменты, а иногда и скопления керамики раннежелезного

[2] В. Д. Баран. Раннеславянское поселение у с. Рипнев (Рипнев II) на Западном Буге. МИА, № 108, 1962, стр. 350—364.

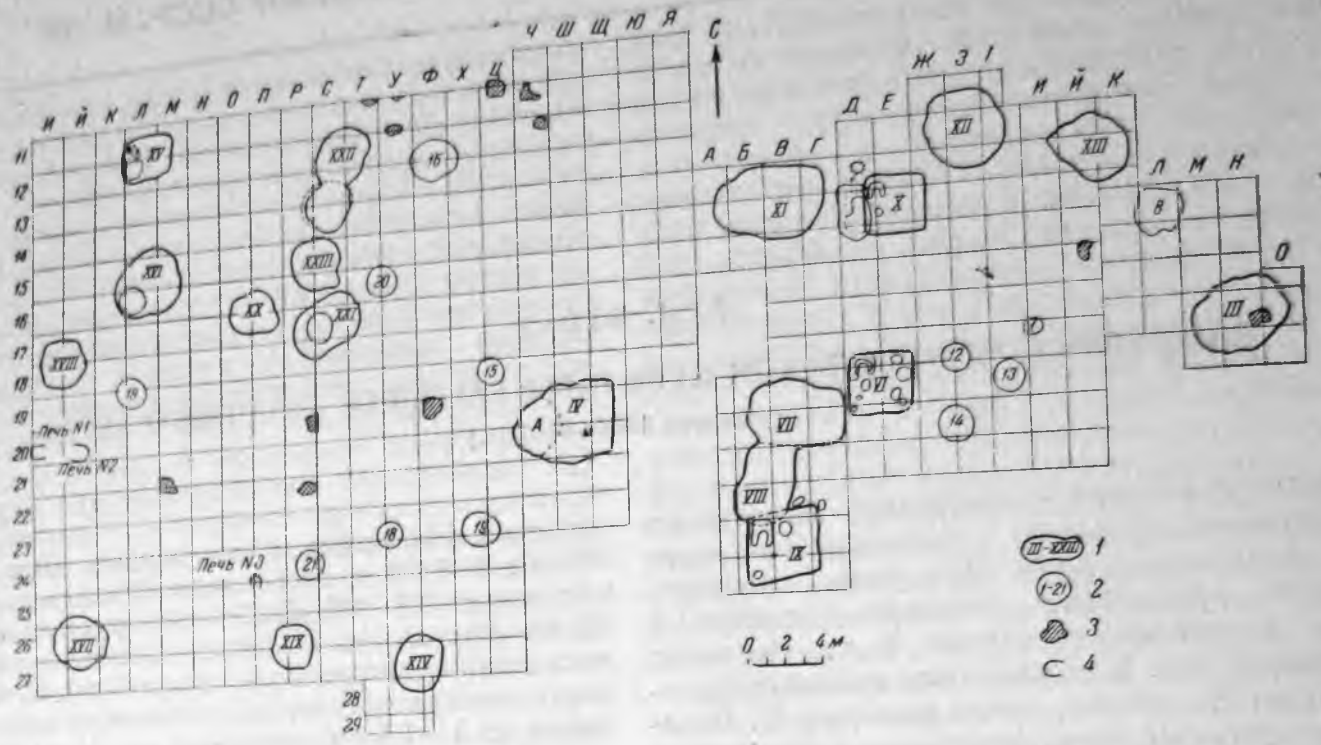

Рис. 1. План раскопа II на поселении Рипнев II.
1 — контуры жилищ; *2* — контуры ям; *3* — очаги; *4* — печи

времени, в раскопе III обнаружено одно погребение с трупоположением культуры шнуровой керамики[3]. Какой-либо закономерности в расположении разновременных культурных остатков в слое вне жилых и хозяйственных сооружений не наблюдалось, поэтому расчленить его стратиграфически невозможно. В раскопе II в двух случаях раннеславянские жилища перекрывали постройки черняховской культуры с хорошо выраженной стратиграфией, что является неоспоримым доказательством их разновременности.

Прежде чем перейти к характеристике вскрытых сооружений и культурных остатков черняховской культуры, которым посвящена настоящая работа, остановимся на вопросе планирования поселения в черняховское время. В раскопах I и III, площадь которых небольшая (соответственно 306 и 404 кв. м), трудно заметить какую-то определенную систему в расположении построек. Можно лишь отметить, что в отдельных случаях рядом с жилищем располагаются одна или две хозяйственные ямы, относящиеся по всей вероятности к одному хозяйственному комплексу.

Другая картина наблюдается в раскопе II, площадь которого значительно больше (1812 кв. м). Несмотря на то, что остатки жилищ и других сооружений на поселении черняховской культуры не являются одновременными, в их расположении наблюдается известный порядок. Жилища и хозяйственные ямы расположены двумя более или менее параллельными рядами, идущими вдоль речного склона с юго-запада на северо-восток (рис. 1). Между рядами построек есть свободная площадь, на которой расположены печи и очаги, не связанные с жилищами. Так, в западной части раскопа обнаружены три глиняные печи и четыре очага. Один очаг такого же типа находится в восточной части раскопа. Кроме того, шесть таких же очагов расположены несколько севернее верхнего (северного) ряда построек, т. е. вынесены на окраину поселения. В раскопе II открыта гончарная печь. Она расположена возле жилища XI и не выходит за пределы северного ряда построек.

Описание остатков вскрытых на поселении сооружений мы дадим по отдельным раскопам. В процессе полевых исследований поселения нами установлена общая нумерация для сооружений, вскрытых в раскопах I и II. Жилища и ямы, выявленные в раскопе III, имеют отдельную нумерацию, и чтобы избежать дублирования, номера построек дополнены литерой «а».

[3] В. Д. Баран. Поховання культури шнурової кераміки в с. Рішнів, Львівської області. МДАПВ, вип. 2. Київ, 1961, стр. 151—153.

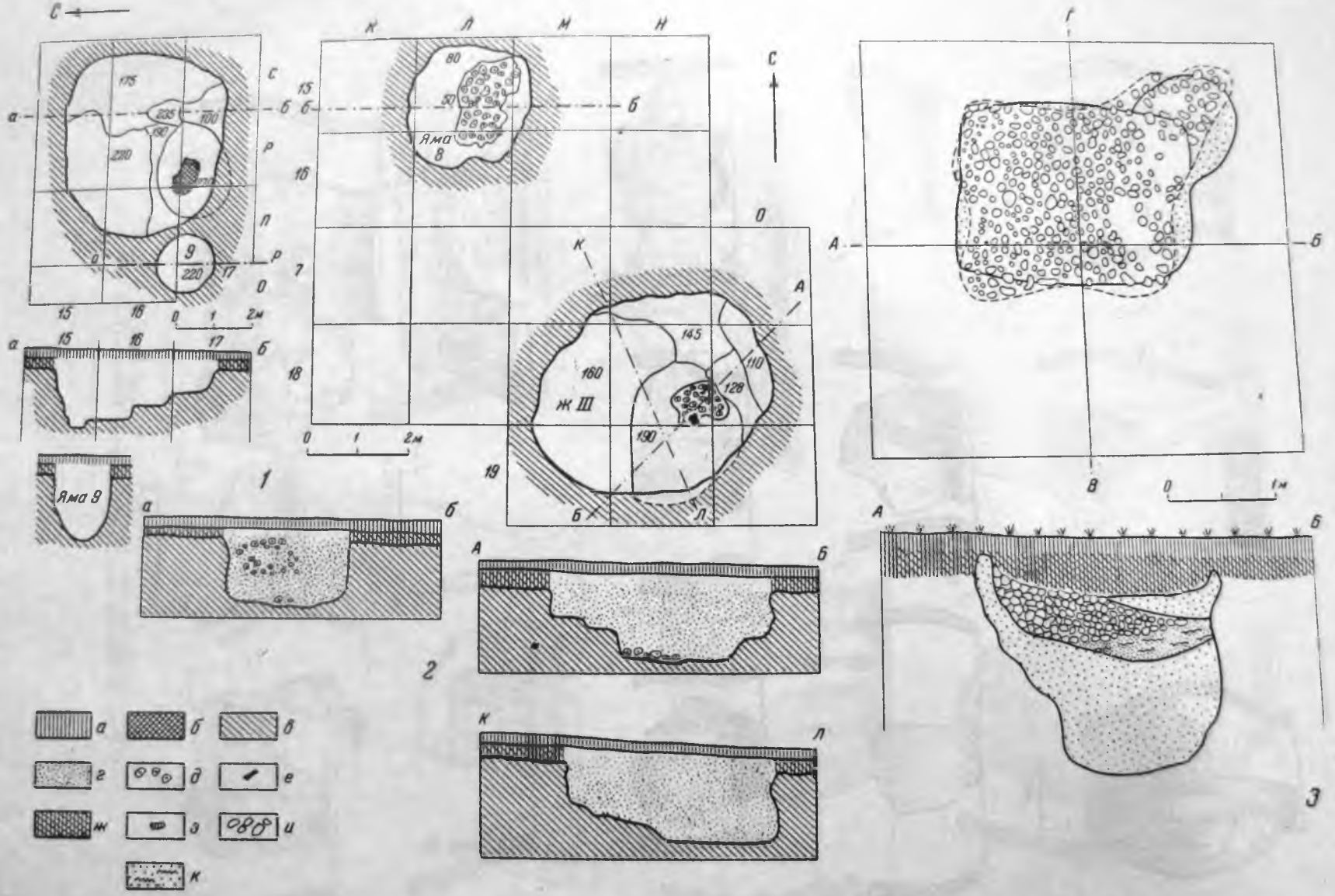

Рис. 2. Планы и разрезы жилищ и ям поселения Рипнев II

1 — план жилища № II и его разрез по линии АБ и план и разрез ямы 9; *2* — план жилища № III и его разрезы по линиям АБ и КЛ и план и разрез ямы 8; *3* — план и разрез ямы 3.

Условные обозначения: *а* — чернозем; *б* — переходный слой; *в* — глина; *г* — гумусированное заполнение ям; *д* — глиняная обмазка; *е* — кости; *ж* — зола; *з* — уголь; *и* — куски обожженной глины; *к* — сажистая прослойка

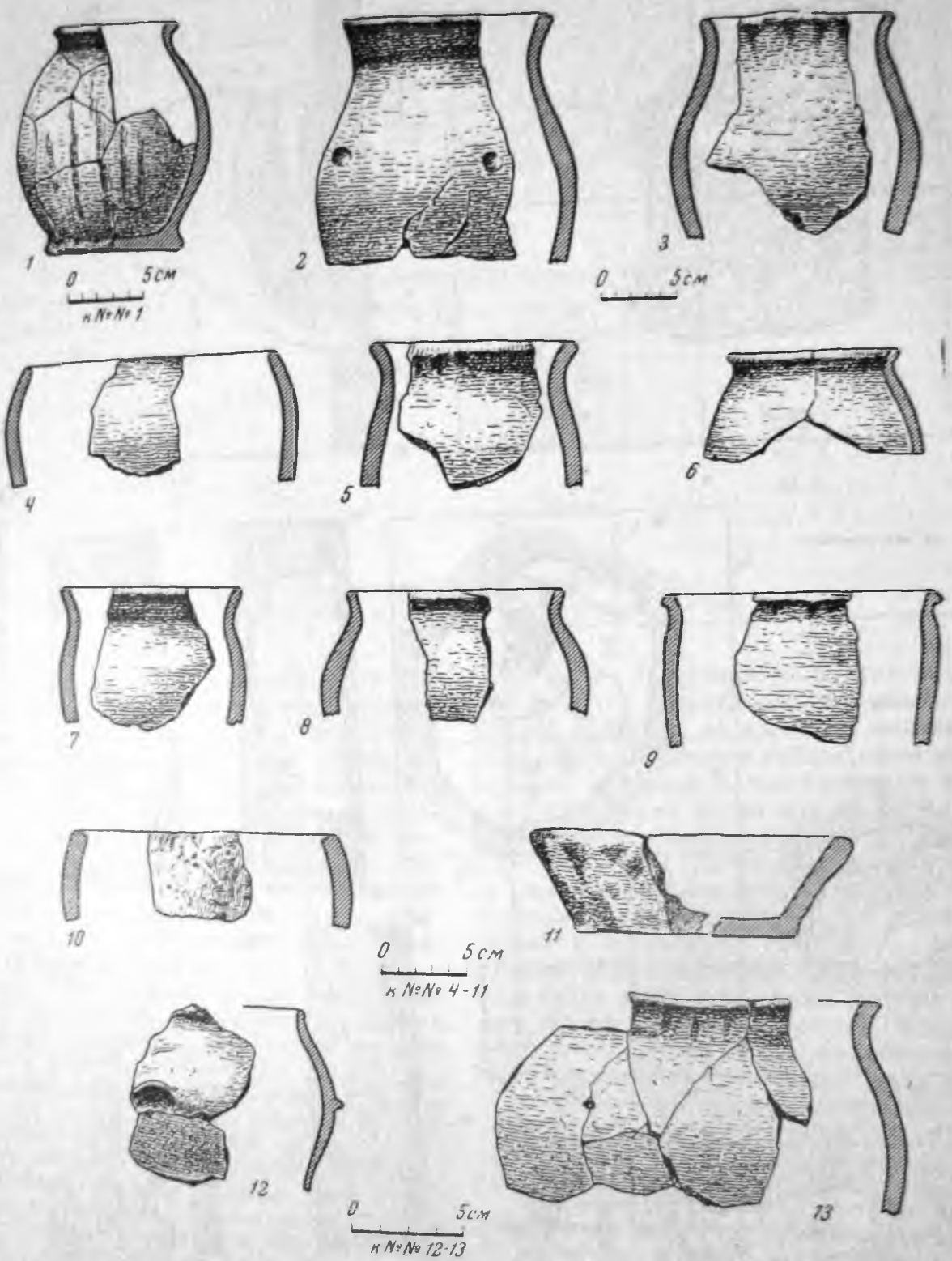

Рис. 3. Лепная посуда с поселения Рипнев II (*1—13*).

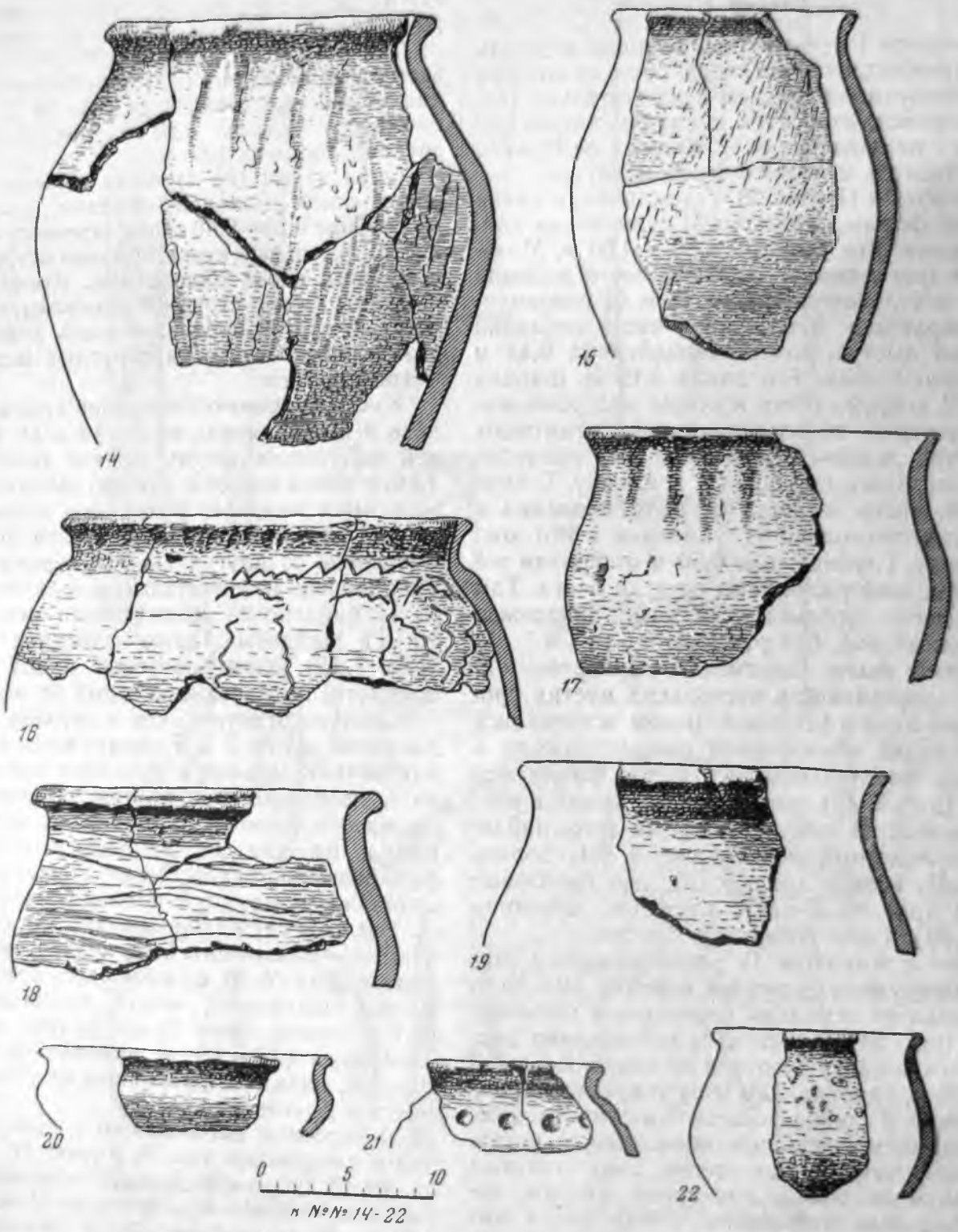

Рис. 3. Лепная посуда с поселения Рипнев II (*14—22*)

Раскоп I

В раскопе I открыто два жилища и девять хозяйственных ям — погребов. Одно из жилищ, характеризуемое наличием исключительно лепной керамики, относится к началу второй половины I тысячелетия н. э. Жилище № II и все ямы относятся к черняховской культуре.

Жилище № II (рис. 2) — землянка, в плане овальной формы, с несколько суженными книзу стенками. Его размеры 4,50 × 4,90 м. Материковый пол в северо-западной части жилища ровный и углубленный на 2,20 м от современной поверхности. В восточной части землянки расчищен выступ, возвышающийся на 0,45 м над уровнем пола. Его длина 3,12 м, ширина 1,60 м. В южной стенке жилища над упомянутым выступом, использовавшимся, возможно, в качестве лежанки, вырезаны два выступа-ступеньки. Здесь был вход в землянку. В юго-западной части жилища открыта овальная в плане яма, несколько углубленная в его южную стенку. Глубина ямы 0,50 м от уровня пола. На дне ямы расчищены остатки очага. Там найден пепел, угольки и местами прослежен обожженный под. Его размеры 0,6 × 1 м.

Жилище было заполнено гумусированной землей, прорезанной в нескольких местах прослойками золы и угольков. В нем встречались мелкие куски обожженной глины, а также в довольно значительном количестве фрагменты лепной (рис. 3, *12*), гончарной керамики и кости животных. В землянке, кроме того, найдены три железных ножа (рис. 4, *10*), долото (рис. 4, *5*), кольцо (рис. 5, *10*), две бронзовые фибулы (рис. 6, *17—18*), костяная пластина (рис. 5, *35*) и два точильных бруска.

Рядом с жилищем II с юго-восточной стороны обнаружена округлая в плане яма № 9, отделенная от землянки перемычкой шириной 0,40 м (рис. 2). Стенки ямы по середине расширяются, а книзу сходятся на конус. Диаметр ямы 1,50 м, глубина 2,20 м от современной поверхности. В нижней части ямы на стенках прослеживались красные обожженные пятна. В гумусированном заполнении ямы найдены фрагменты лепной и гончарной посуды, несколько кусков обожженной глины, кости животных. По всей вероятности, яма № 9 и жилище № II относятся к одному хозяйственному комплексу.

Кроме описанной ямы, в раскопе I выявлено еще 8 ям, одна из которых № 6 открыта лишь частично. Большинство ям (№ 2, 4, 7, 10, 11) имели округлую или овальную в плане форму и расширяющиеся или несколько суженные книзу стенки. Их диаметр колеблется от 0,80 до 2,90 м, глубина 1,03—2,35 м от современной поверхности. Наибольшее расширение стенок прослежено в яме № 7. Верхний диаметр составлял 0,80 м, нижний 0,50 м, а средний достигал 1,60 м.

Одна из ям (№ 4) была перекрыта слоем обожженной глиняной обмазки, залегающем на глубине 0,25—0,40 м от современной поверхности; отдельные куски обмазки встречались и в нижних слоях заполнения. Куски обмазки имели с одной стороны сглаженную поверхность, с другой прослеживались довольно выразительные отпечатки округлых жердей диаметром до 5 см.

Куски хорошо обожженной глины встречались и в заполнении ям № 10 и 11. В последней они имели форму плиток толщиной 2—4 см, с одной стороны хорошо заглаженных. Во всех ямах найдены фрагменты лепной и гончарной керамики культуры полей погребений. В отличие от других ям, где керамика выступала в очень незначительном количестве, в яме № 11 найдено ее сравнительно много. В яме № 11 найдены также глиняное пряслице (рис. 7, *22*), один бронзовый и два железных предмета, назначение которых не ясно.

Следует отметить, что в верхних слоях заполнения ям № 2 и 5 обнаружены кремневый наконечник стрелки и фрагмент ножа, пластина и несколько фрагментов керамики раннежелезного времени. В нижних слоях заполнения и на дне ям найдены исключительно фрагменты черняховской керамики, что и определяет их культурную принадлежность.

Все ямы служили, очевидно, погребами для хранения различного вида хозяйственных продуктов. Яма № 10, нижняя часть которой была хорошо обожжена, могла использоваться и для хранения зерна. Среди других ям своими размерами (2,5×2,9 м) выделялась яма № 2, которая, наряду с функциями кладовой, могла иметь и другое назначение.

Интересные наблюдения удалось сделать при исследовании ямы № 3 (рис. 2). Она имела четырехугольную форму, несколько суженные книзу стенки и ровное дно. Размеры ямы 2,30 × 1,80 м, глубина 2,50 м от современной поверхности. Яма была перекрыта сплошным слоем глиняной обмазки толщиной 0,20—0,60 м, контуры которого приблизительно совпадали с контурами ямы и лишь в нескольких местах слой обмазки несколько выходил за ее пределы. В центре слой обмазки линзообразно

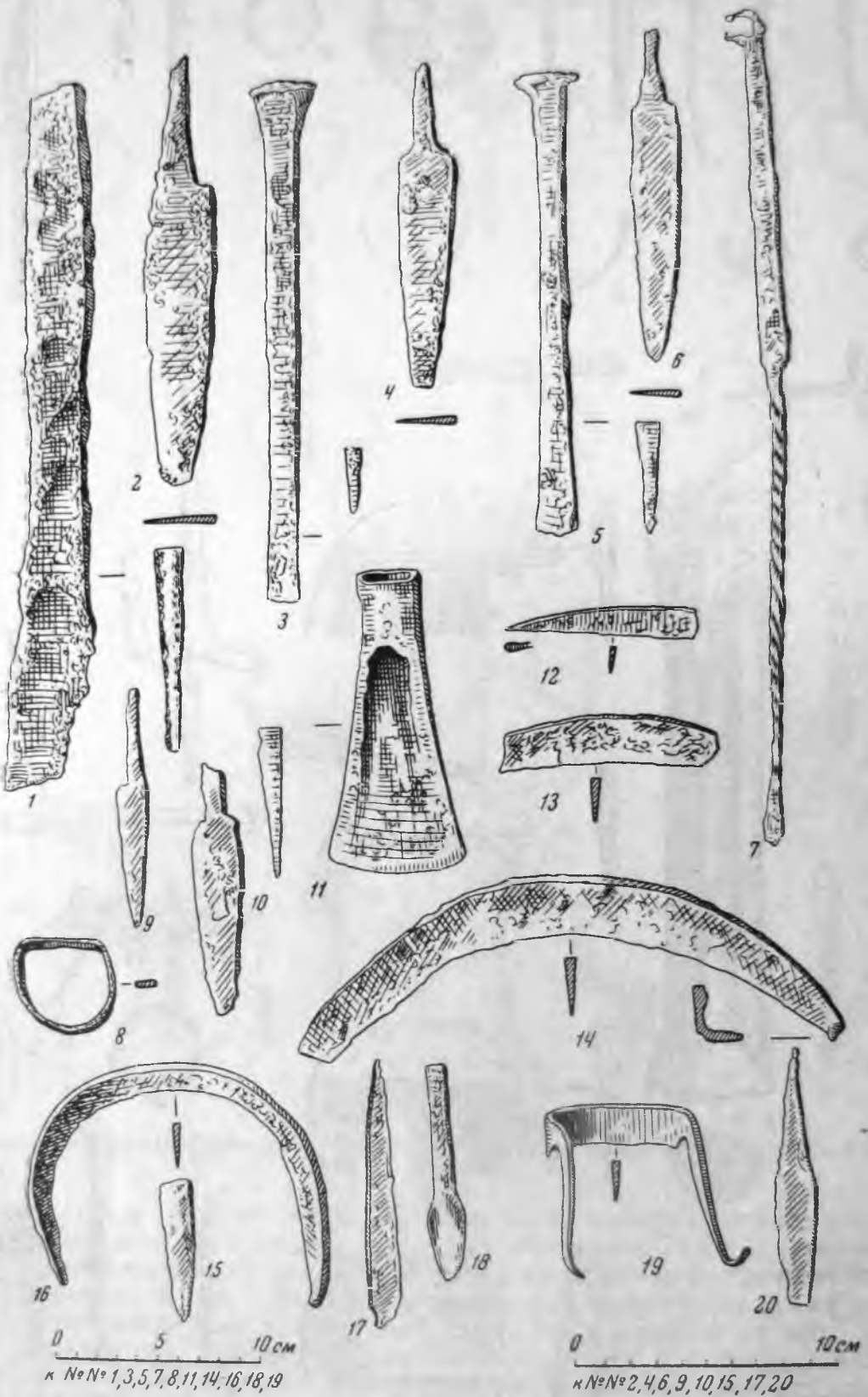

Рис. 4. Вещи из железа с поселения Рипнев II.

1 — плужный нож (чересло); *2, 4, 6, 9, 10, 15, 17, 20* — ножи; *3, 5* — долота; *7* — рогач (ухват)?; *8* — кольцо для крепления косы; *11* — тесло; *12—14* — серпы; *16, 19* — скобели; *18* — сверло

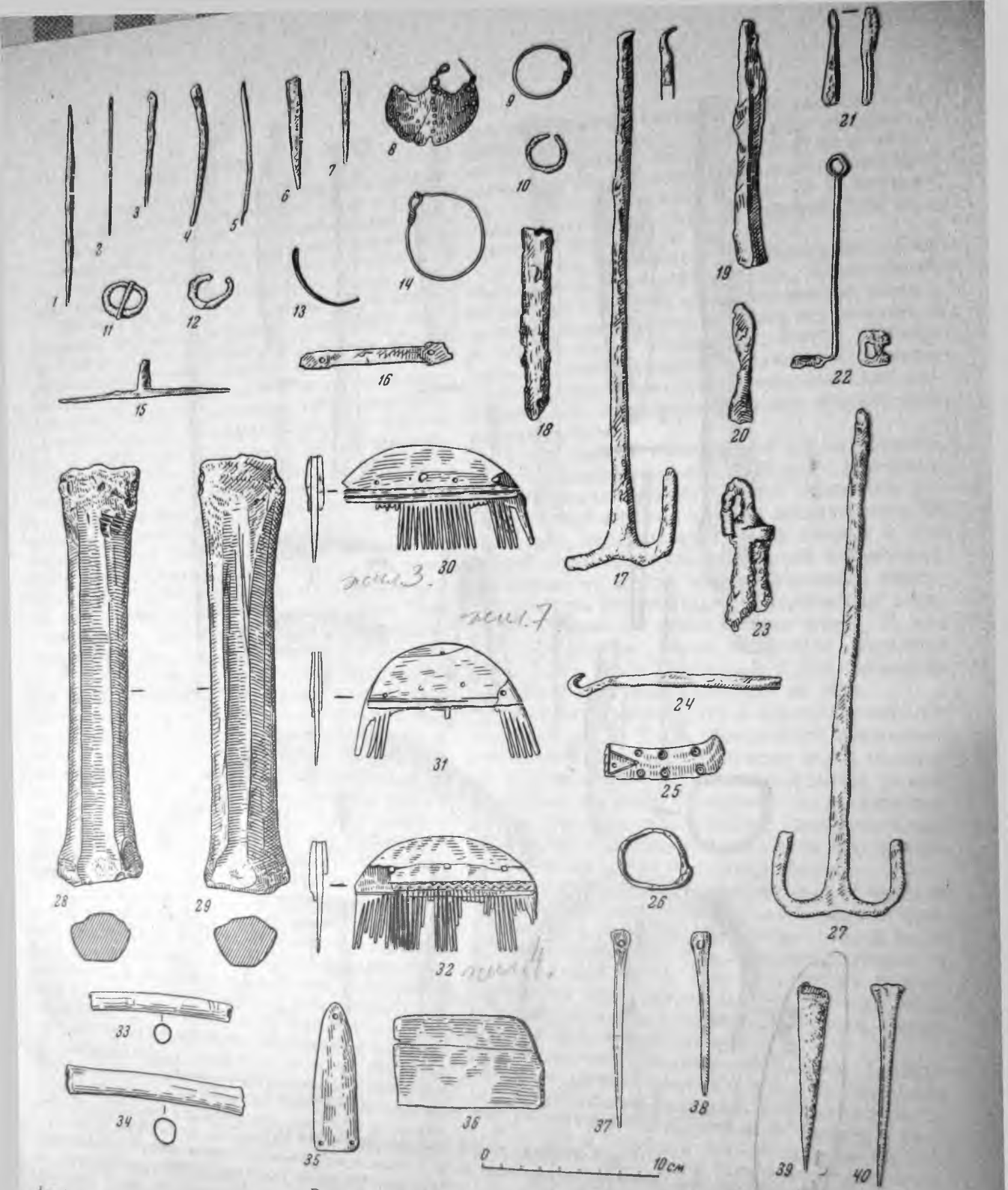

Рис. 5. Вещи с поселения Рипнев II.

1 — шило; *2* — бронзовая игла; *3—7* — гвозди; *8* — лунница; *9, 10, 12, 14* — кольца; *11* — пряжка; *13* — часть браслета; *15, 16, 26* — железные вещи неясного назначения; *17, 22, 27* — ключи; *18* — оковка тыльного конца копья; *19* — наконечник копья; *20, 21* — наконечники стрел; *23* — трубчатый замок; *24* — обломок удил (?); *25* — бронзовая пластина; *28—29* — обработанные кости (коньки?); *30, 31, 32* — гребни; *33, 34* — костяные трубочки; *35, 36* — костяные пластины; *37, 38* — иглы; *39, 40* — проколки

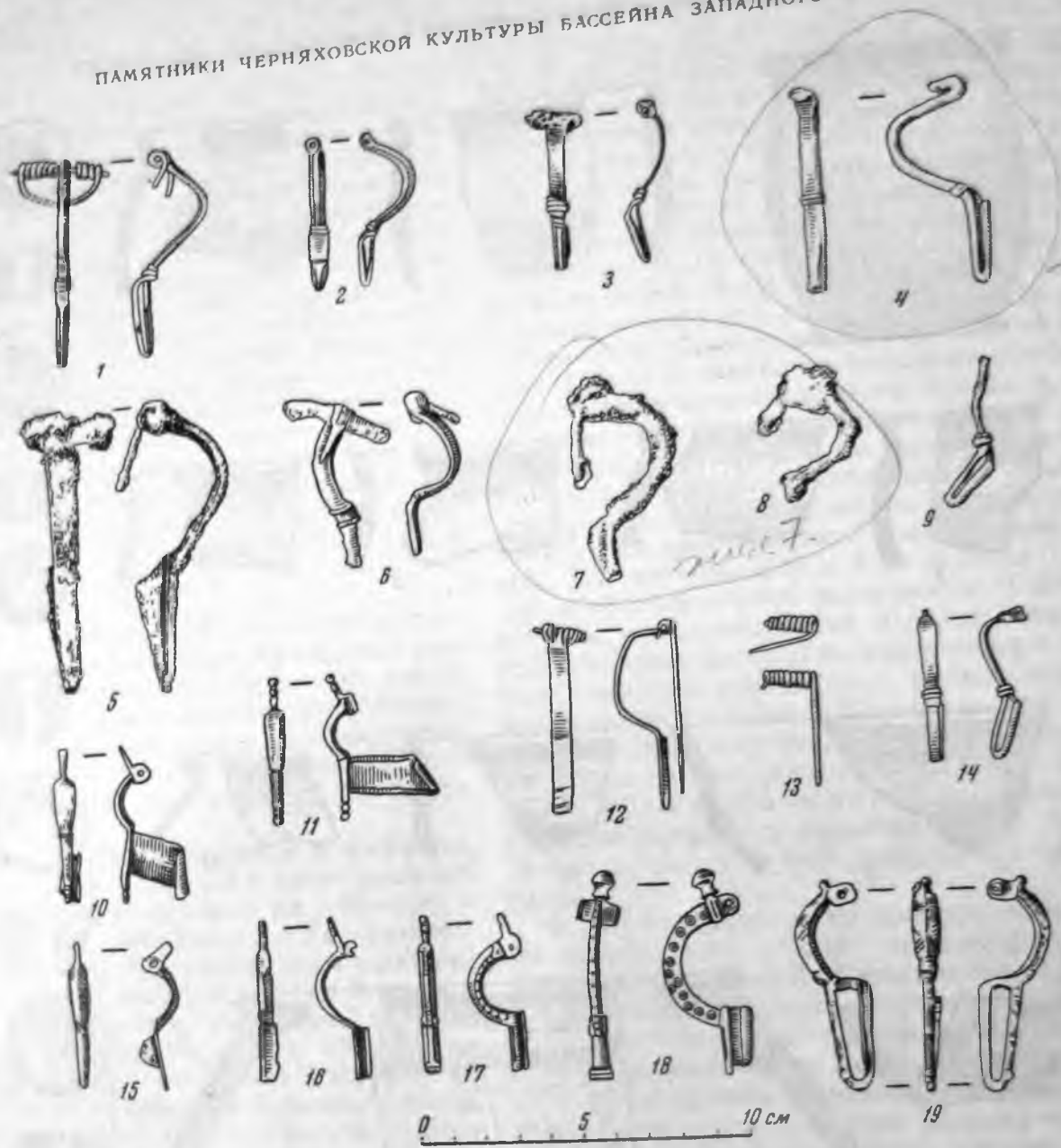

Рис. 6. Железные и бронзовые фибулы с поселения Рашнев II (*1—13, 15—19*) и с поселения Ракобуты (*14*)

опускался в заполнение ямы до горизонта 0,60 м от современной поверхности, его края оставались приблизительно на уровне древней поверхности, т. е. на 0,40—0,45 м выше. Куски обмазки имели одну ровную сторону, часто заглаженную, другая сторона была прорезана отпечатками округлых жердей диаметром 5—6 см. Вся обмазка была хорошо обожжена и имела коричневый цвет, иногда переходящий в красный. Под слоем обмазки на гумусированном заполнении ямы залегала сажистая прослойка, повторяющая контуры слоя обмазки как в плане, так и в профиле. При расчистке стенок обнаружилось, что верхняя часть восточной стенки ямы обожжена до красного цвета. Поскольку никаких следов обжига нижней части упомянутой стенки, а также пола и стенок не прослежено, возникает вопрос, как и зачем надо было обжигать верхнюю часть одной из стенок хозяйственной ямы-погреба. Нам кажется, что специально этого никто не делал, так как в этом не было никакой надобности. По-видимому, обжиг верхней части стенки ямы надо увязывать со слоем сильно обожженной глиняной обмазки. К этому нас склоняет и то обстоятельство, что именно у восточной стенки слой обмазки был наиболее толстым (0,60 м) и наиболее обожжен-

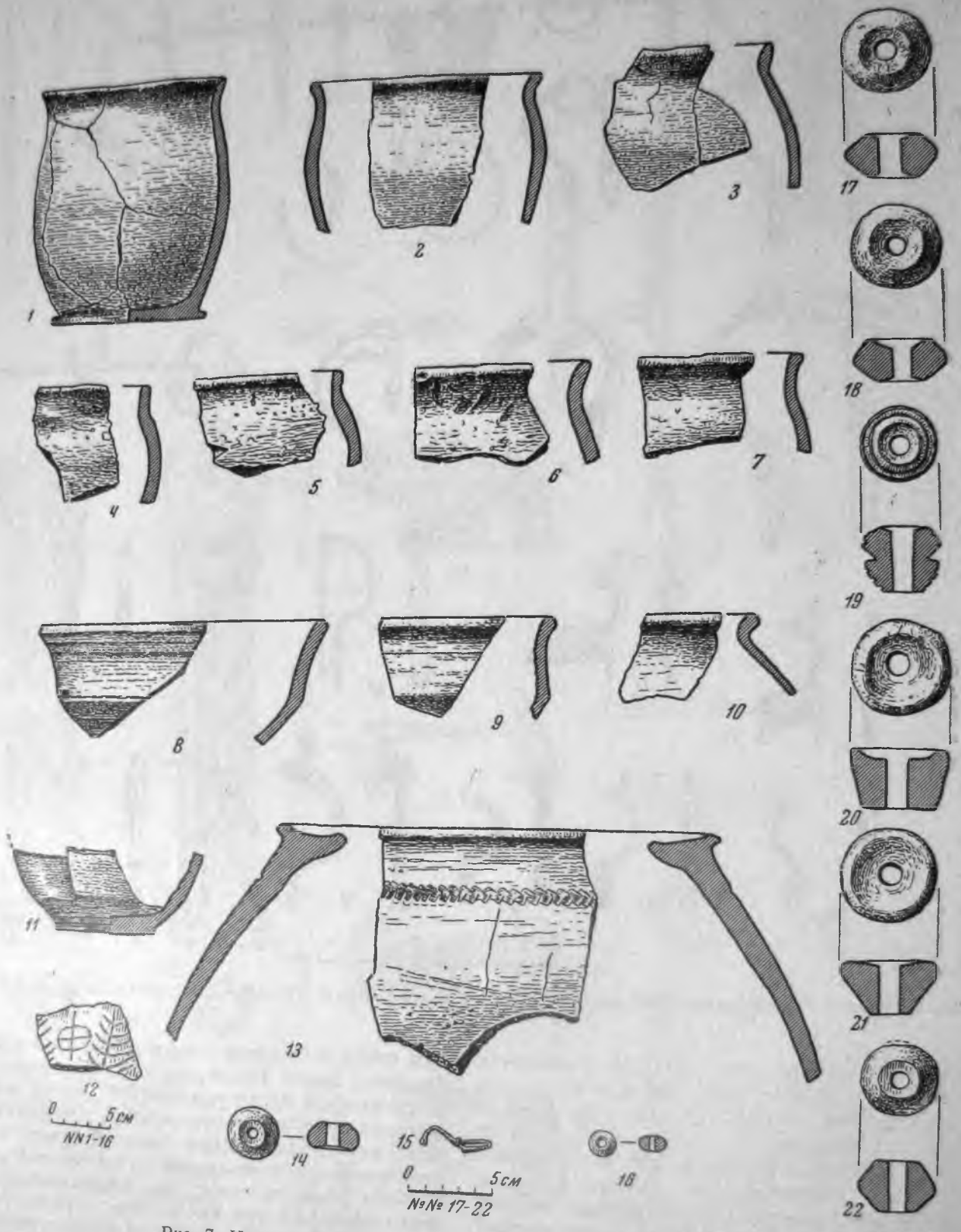

Рис. 7. Находки с поселений Ракобуты (*1—16*) и Рипнев II (*17—22*).

1 — 7 — лепная посуда; *8—13* — гончарная посуда; *14, 19* — пряслица из мергельного мела; *15* — бронзовая фибула; *16* — стеклянная бусина; *17, 18, 20, 22* — глиняные пряслица

ным. Только во время обжига глиняной обмазки мог произойти обжиг верхней части восточной стенки ямы, а это в свою очередь обязывает нас рассматривать яму и перекрывающий ее слой обмазки как единое конструктивное целое. По-видимому, слой глиняной обмазки является собой остатки рухнувшего перекрытия ямы. Предположение о наличии глиняных перекрытий над ямами-погребами подтверждается наблюдениями и над другими объектами, о которых речь будет ниже. В заполнении ямы № 3 найдены обломки лепной и гончарной керамики, часть железного предмета (шила?) и фрагмент бронзового браслета (рис. 5, *7, 13*). Один гончарный горшок, изготовленный из отмученной глины, удалось собрать (рис. 8, *3*).

Раскоп II

Раскоп II заложен в 20 м к западу от раскопа I. На вскрытой площади обнаружены ямы от семи жилищ-землянок с остатками разрушенных очагов, девять больших углубленных сооружений, в которых очагов не обнаружено, 2 хозяйственных ям-погребов, 3 печи и 11 очагов, расположенных вне жилищ, 1 гончарная печь [4].

Жилище № III расположено в восточной части раскопа. Это землянка в плане овальной формы, углубленная в землю на 1,60—1,90 м от современной поверхности. Ее размеры × 4,70 м (рис. 2). Стенки вырезаны в материке, отвесные, пол довольно ровный. В юго-восточной части жилища расчищено широкое углубление, уходящее в стенку, образующее нишу. Его глубина до уровня пола 0,30 м. В восточной части землянки выявлены сделанные в материке выступы-ступеньки. Здесь был вход в жилище. Высота выступов-ступенек 5—18 см. Самый нижний выступ (довольно большой) мог использоваться и в качестве лавки. На дне жилища у входа находился очаг размером 1 × 0,70 м. Заполнение жилища состояло из гумусированной земли, иногда прорезанной прослойками золы и угольков. В нем найдены фрагменты лепной (рис. 3, *7*) и гончарной керамики, кости животных, железный нож, костяной гребень и проколка (рис. 5, *30, 39*). В юго-западной части жилище было перекрыто двумя небольшими по своим размерам скоплениями обожженной глиняной обмазки, залегающими на глубине 0,50 м от современной поверхности, являющимися, по-видимому, остатками какого-то более позднего полностью разрушенного наземного сооружения.

Жилище № IV расположено на одной линии с жилищем № III, приблизительно в 30 м к западу от него (см. рис. 1). В процессе расчистки культурного слоя над жилищем на глубине 0,20—0,40 м найдено несколько фрагментов керамики времени раннего железа, а также один раздавленный раннеславянский лепной сосуд, украшенный по краю венчика и плечикам пальцевыми вдавлениями. Жилище углублено в землю, в плане оно четырехугольное. Стенки книзу сужены, пол довольно ровный. Его размеры 4,60 × 4 м, глубина 1,80—1,92 м от современной поверхности. В юго-восточном, северо-восточном и северо-западном углах жилища расчищены вырезанные в материке выступы-«прилавки», возвышающиеся над уровнем пола на 0,45—0,55 м. Еще один выступ был приблизительно в центре землянки. Форма его овальная, размеры 0,60 × 1,20 м, высота 0,35 м от уровня пола. Назначение этих выступов определить довольно трудно. Можно предполагать, что они использовались как лавки.

В юго-западной части жилища обнаружены остатки печи в виде скопления сильно обожженной глиняной обмазки и больших кусков смещенного, вылепленного из глины пода, толщиной 5,50—9 см. Конструкцию печи восстановить невозможно. Землянка была заполнена гумусированной землей и прослойками золы. В частности, довольно большое зольное пятно (1 × 1,20 м) обнаружено в южной части жилища на глубине 0,90—1,19 м от современной поверхности. В заполнении жилища встречались куски обожженной глины, найдено значительное количество лепной (рис. 3, *2, 8, 10, 18*) и несколько меньшее гончарной керамики (рис. 9, *14—15*; рис. 10, *14*), кости животных. Кроме того, из заполнения жилища происходят железный нож, костяной гребень (рис. 5, *32*) и глиняное пряслице. На краю жилища найдена железная фибула с подвязанной ножкой (рис. 6, *4*).

Западная часть жилища была разрушена более поздней ямой «А» тоже черняховского времени (см. рис. 1). Форма ямы овальная, стенки книзу сужены. Ее диаметр 3,20 м, глубина 2,26 м от современной поверхности.

[4] Следует отметить, что большие углубленные сооружения по размерам, внутреннему устройству и характеру находок не отличаются от жилищ-землянок, поэтому мы их будем называть условно жилищами, хотя не исключено, что некоторые из них могли использоваться только для хозяйственных нужд. В раскопе II, кроме того, открыты жилища начала второй половины I тысячелетия н. э. (№ VI, IX, X, XV).

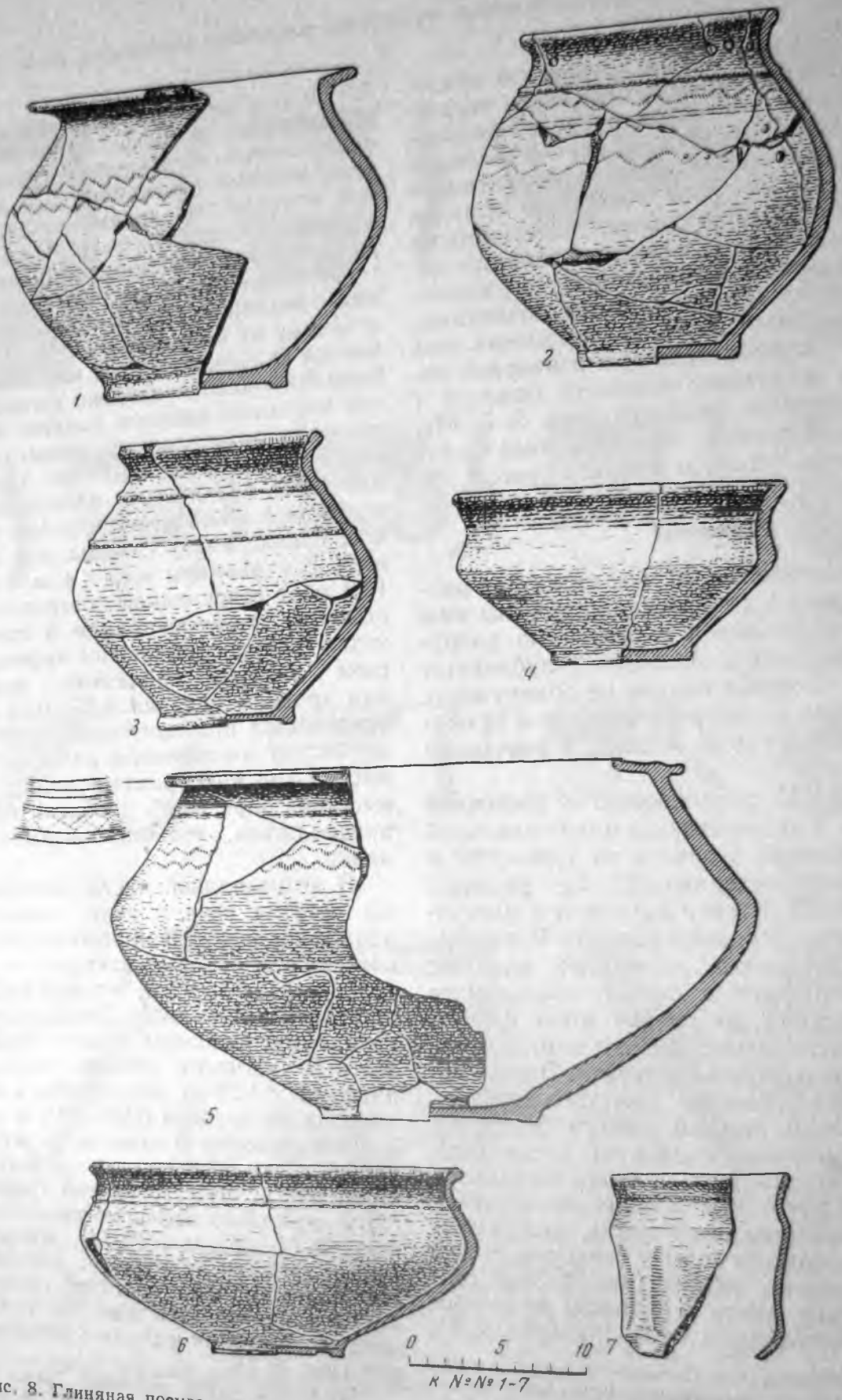

Рис. 8. Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, с поселения Рипнев II (*1—7*).

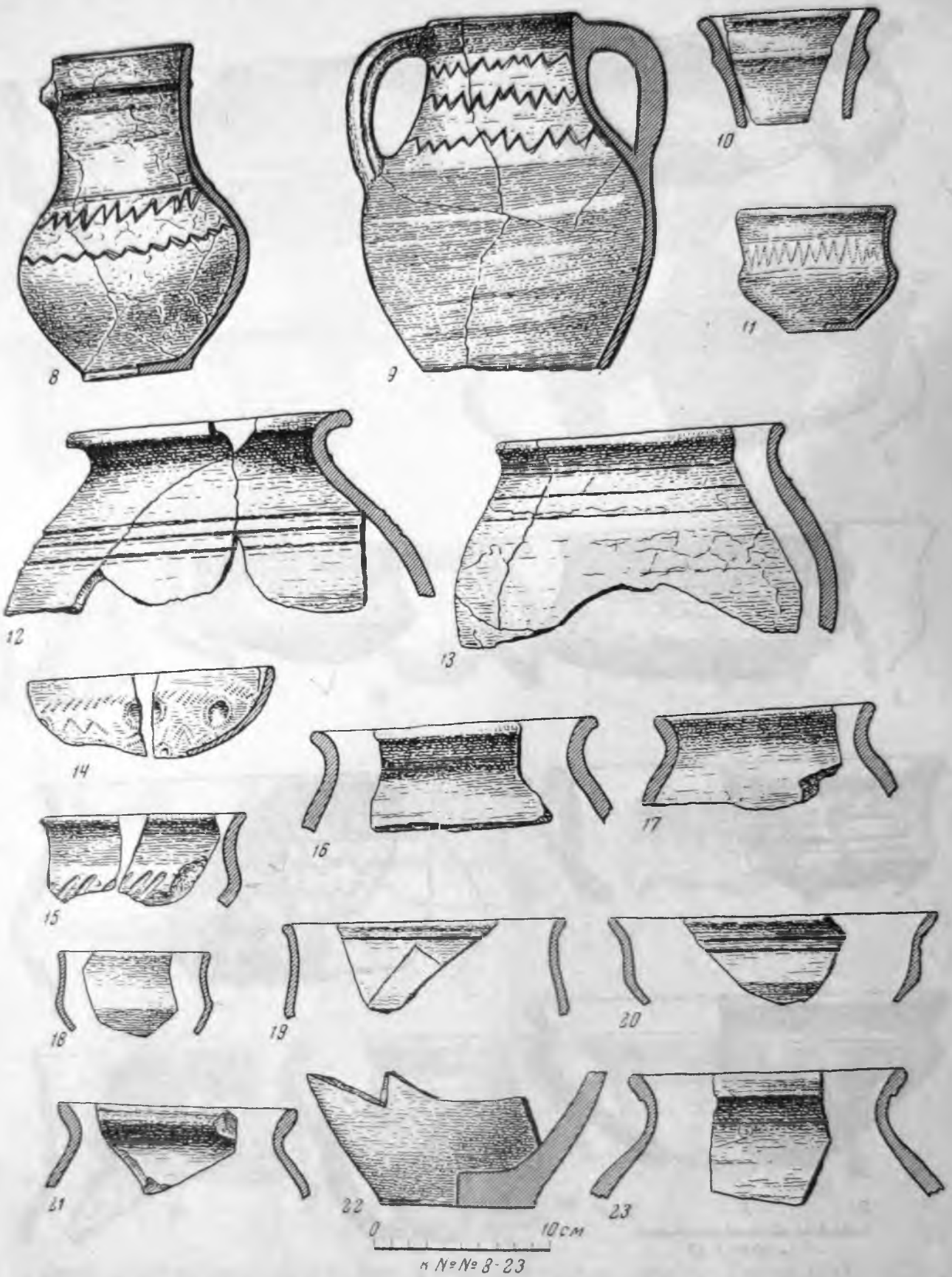

Рис. 8. Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, с поселения Рипнев II (*8—23*)

Рис. 9. Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, с поселения Рипнев II (*1—12*)

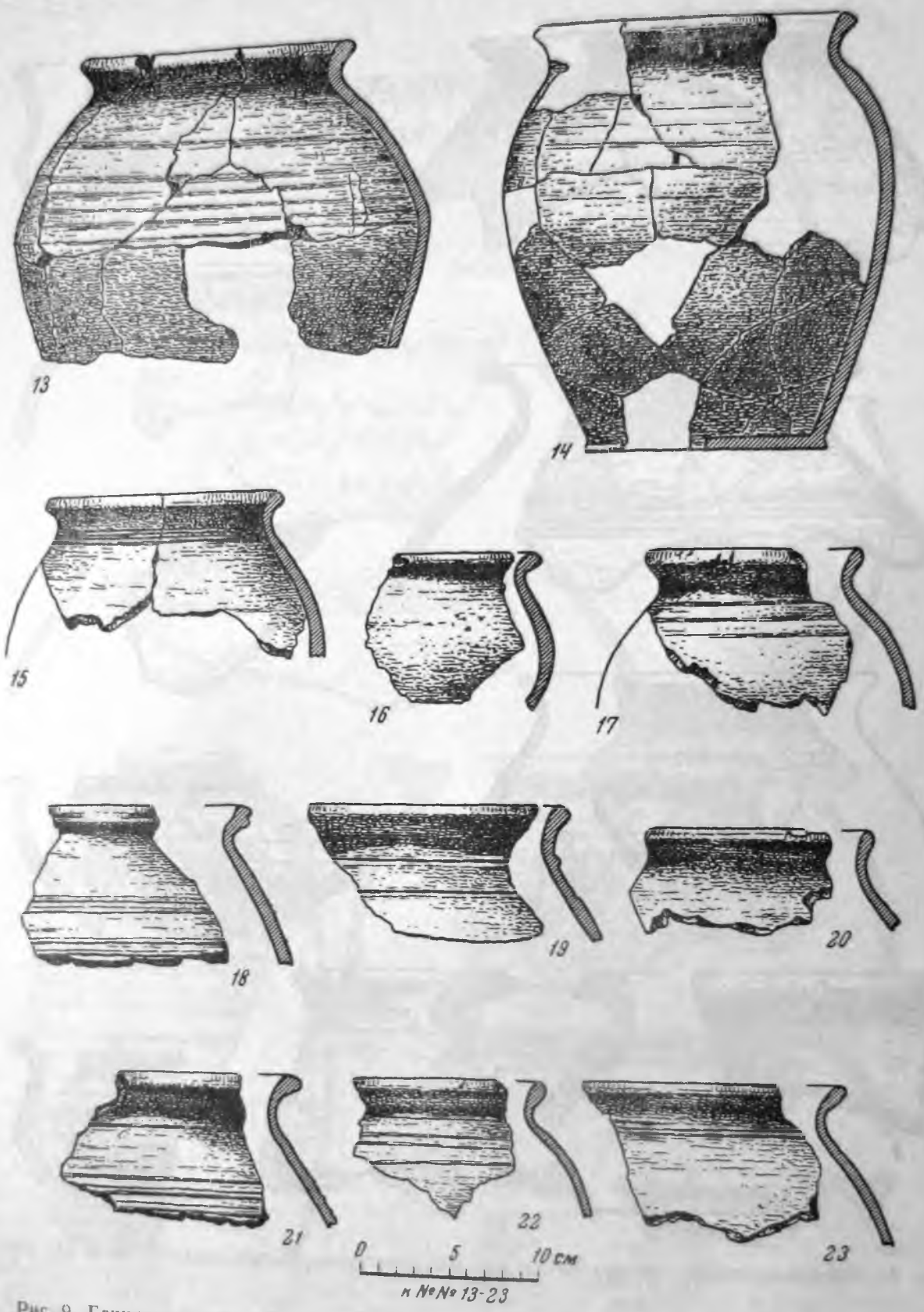

Рис. 9. Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, с поселения Рипнев II (*13—23*)

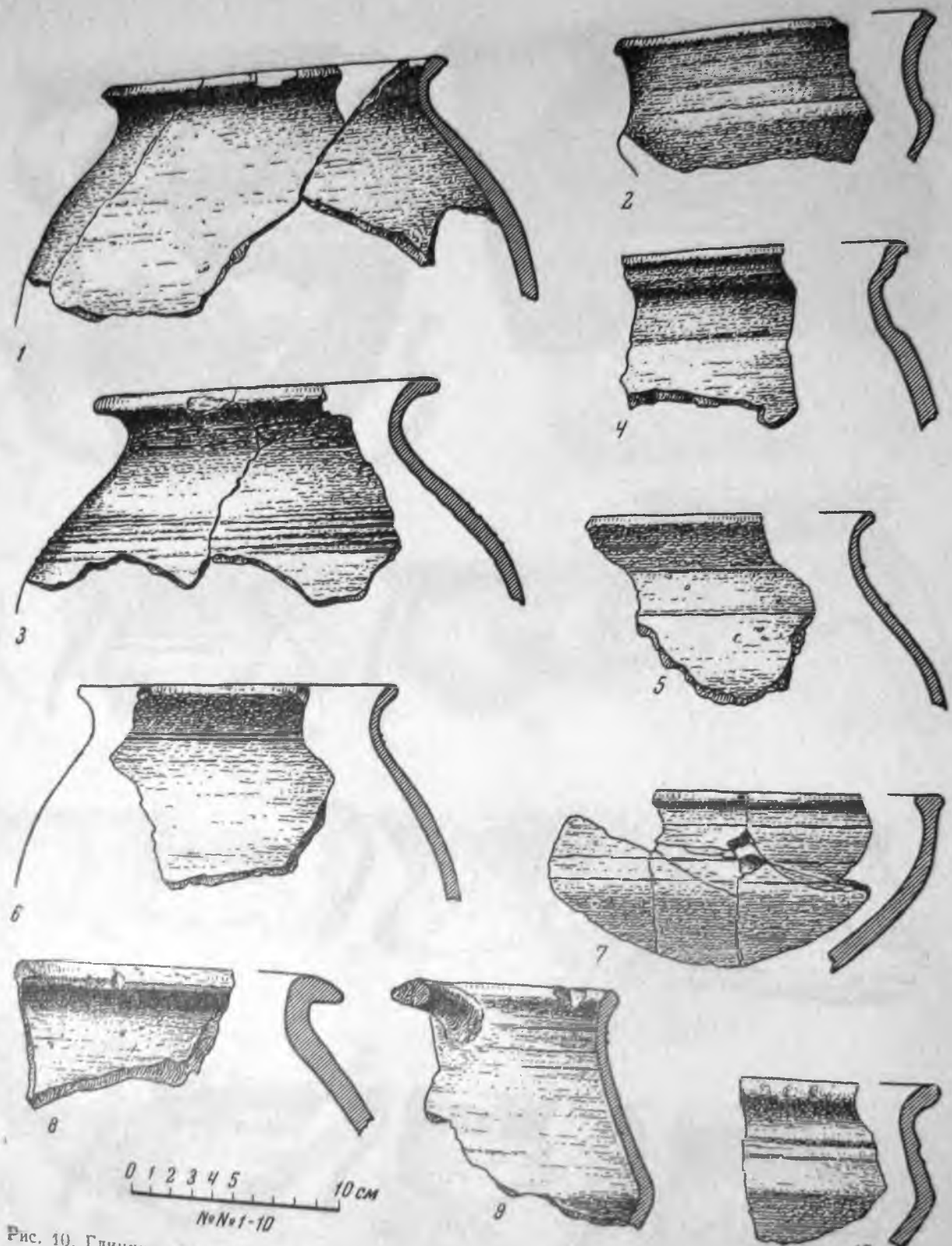

Рис. 10. Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, с поселения Рипнев II (*1—10*)

Рис. 10. Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, с поселения Рипнев II (11—19)

Гумусированная земля, заполняющая яму, на глубине 0,74—1,28 м от современной поверхности была прорезана линзообразной прослойкой обожженной глиняной обмазки, толщиной 10—20 см, контуры которой приблизительно совпадали с контурами ямы. На кусках обмазки хорошо сохранились отпечатки дерева диаметром 3—5 см. Керамический материал ямы ничем не отличается от посуды жилища (рис. 10, *7*). Бронзовая фибула, найденная в яме под слоем обмазки, тоже относится к типу подвязных (рис. 6, *1*). В яме найдены также железный нож, часть пряслица, изготовленного из песчанистой гальки, и маленький бронзовый слиток.

Жилище № VII[5] находится в 7,20 м к востоку от жилища IV (рис. 1). Это землянка овальной в плане формы, вытянутая с востока на запад. Стенки книзу сужены, полом служил материк. Ее размеры 5,40 × 3,60 м, глубина 2,40 м от современной поверхности. Жилище в западной части несколько шире, чем в восточной. В восточной части жилища был вырезанный в материке выступ, возвышающийся над уровнем пола на 0,55 м. Судя по размерам (2,10 × 2,60 м), его могли использовать в качестве лежанки. Небольшой выступ-«прилавок», возвышающийся на 0,47 м над уровнем пола, расчищен у западной стенки жилища. Его ширина около 0,80 м. В центральной части землянки, на глубине 1,85 м от современной поверхности, обнаружено скопление сильно обожженной глиняной обмазки и несколько кусков пода, возможно, это остатки разрушенной печи. Южная часть жилища была разрушена более поздней постройкой № VIII. Жилище № VII было заполнено гумусированной землей, перемешанной в верхней части с золой и обожженной глиной; в нижней части землянки гумусированная земля была более плотной и отличалась темным цветом. В некоторых местах в нижней части жилища темная земля была перемешана с желтой глиной. Фрагменты керамики, кости животных и другие предметы встречались главным образом в заполнении верхней части жилища. В нижнем слое заполнения и на полу находок почти не было. Кроме лепной и гончарной керамики (рис. 3, *6, 19, 22*; рис. 9, *6, 9, 12*; рис. 10, *3—4*) в землянке найдены: монета императора Адриана (117—138 г. н. э.), две железные фибулы подвязной конструкции (рис. 6, *7—8*), костяной гребень с дугообразной спинкой (рис. 5, *31*) и два точильных бруска.

Жилище № VIII находилось южнее жилища № VII и северной частью врезалось в его заполнение (рис. 1). В южной части жилище № VIII перекрывалось раннеславянской полуземлянкой № IX. Жилище № VIII являлось землянкой овальной формы, вытянутой с юга на север. Его размеры 4,40 × 3,20 м, глубина 1,90—2,10 м от современной поверхности. Стенки книзу несколько сужены, материковый пол неровный. Следов печи или очага не обнаружено. В гумусированной земле, заполнявшей землянку, прослежены невыразительные прослойки мелкой обожженной глиняной обмазки и найдено незначительное количество лепной и гончарной керамики (рис. 3, *21*; рис. 9, *7—11, 23*), а также железная скоба, якореобразный ключ (рис. 5, *17*), часть серпа (рис. 4, *12*), наконечник стрелы (рис. 5, *21*) и две сглаженные с одной стороны кости животных — коньки (?) (рис. 5, *28—29*).

Жилище № XI находилось в 8 м к северу от жилища № VII (рис. 1). Оно углублено в землю. Форма его овальная. Стенки книзу сужены. Пол материковый. Размеры жилища 4,25 × × 6 м, глубина 2,38—2,70 м от современной поверхности (рис. 11, *1*). У южной стенки землянки обнаружены вырезанные в материке 4 выступа-ступеньки. Здесь был вход. Нижний выступ возвышается над уровнем пола на 0,70 м, высота всех прочих ступенек 0,18—0,40 м. Верхняя часть жилища заполнена гумусированной землей. В нижней части гумусированная земля, начиная с глубины 1,28—1,30 м от современной поверхности, прорезана четырьмя линзообразными прослойками обожженной глиняной обмазки и желтой необожженной глины, которые отчетливо прослеживались в оставленной бровке. На кусках обмазки были отпечатки жердей. Мы предполагаем, что это остатки рухнувшего перекрытия жилища. Обращает на себя внимание наличие глиняных прослоек лишь в северной части землянки и отсутствие их в южной части жилища, т. е. над ступеньками. В жилище найдено очень незначительное количество керамики (рис. 10, *10*), в том числе часть большой импортной амфоры на глубине 1,78 м от современной поверхности (рис. 10, *15*), а также фрагмент железного ножа.

Жилище № XII располагалось в 6,20 м к западу от жилища № XI (рис. 1). Это землянка в плане овальной формы с несколько суженными книзу стенками и ровным полом. Его

[5] Постройка V открыта лишь частично, потому ее описание не приводится.

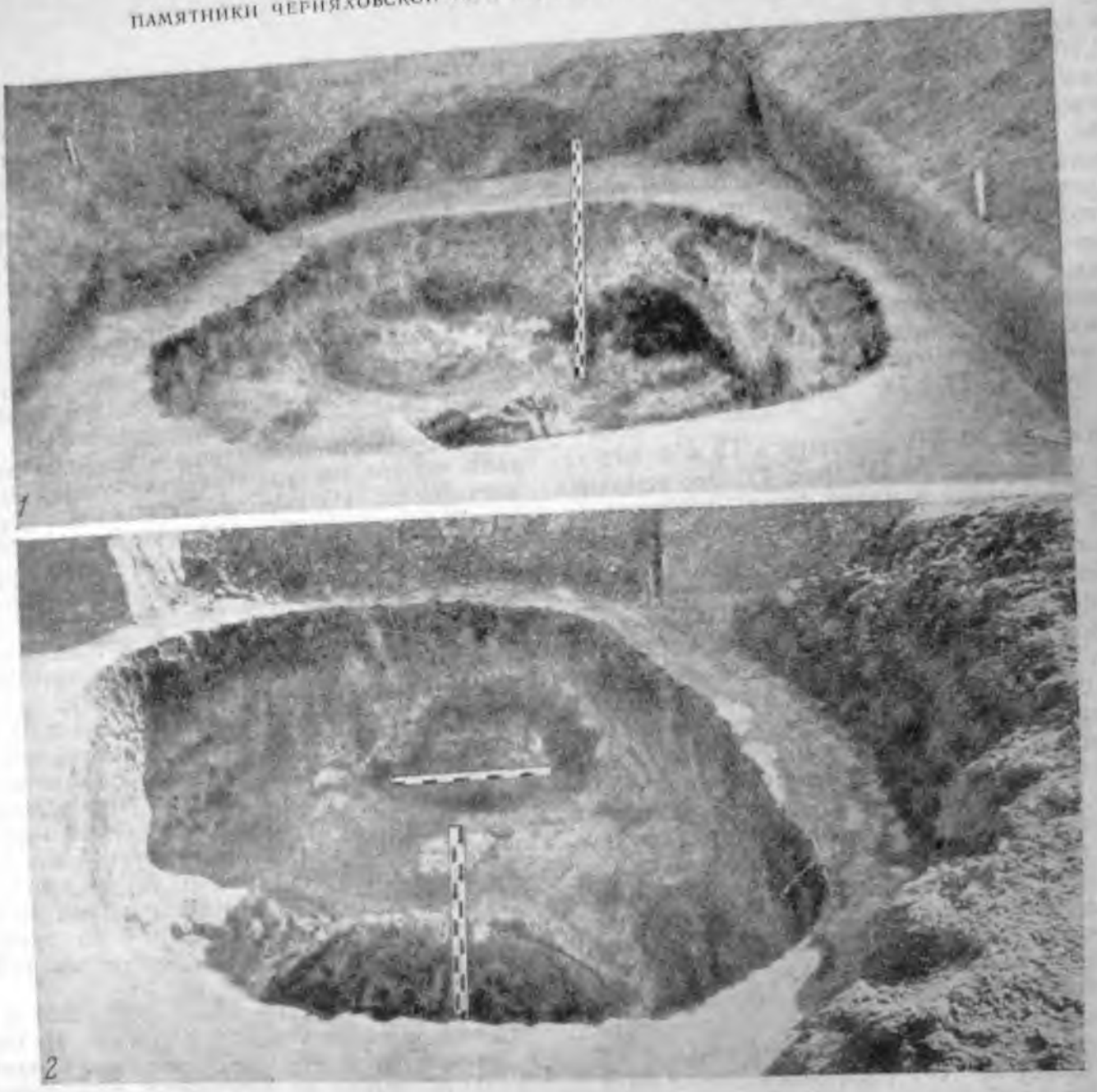

Рис. 11. Жилища на поселении Рипнев II.

1 — жилище № XI — вид с востока; *2* — жилище № XXI — вид с юго-запада

размеры 4,70 × 4,52 м, глубина 2,35—2,40 м от современной поверхности. В северной части жилища расчищены 4 вырезанные в материковой стене выступа-ступеньки, показывающие место входа. Их высота 18—27 см. Гумусированное заполнение жилища содержало прослойки золы и угольков. В заполнении на разных глубинах встречались куски обожженной глины. Керамический материал состоит из фрагментов лепных (рис. 3, *5*) и гончарных сосудов (рис. 9, *1*). Кроме того, в жилище найдены кости животных, а также железный нож (рис. 4, *2*) и бронзовая игла (рис. 5, *2*).

Жилище № XIII находилось в 2,20 м к востоку от жилища № XII (рис. 1). Оно углублено в землю. Форма его неправильная, стенки книзу несколько сужены, пол материковый. Размеры жилища 4,38 × 3,75 м, глубина 2,27—2,54 м от современной поверхности. В центральной части землянки у южной стенки открыты два выступа-ступеньки. Нижний выступ размером 0,90 × 0,90 м возвышался над уров-

нем пола на 0,50 м, второй размером 0,60 × × 1,10 м находился на 0,42 м выше уровня первого. Еще один выступ-прилавок расчищен у северо-восточной части землянки. Его размеры 2,50 × 0,66 м, высота 0,37—0,42 м от уровня пола. Жилище было заполнено темной гумусированной землей, насыщенной золой, и угольками. В процессе расчистки жилища обнаружены фрагменты лепной и гончарной посуды, кости животных, а также найдены железное тесло, сверло, висячий замок, ключ, пряжка, гвоздь, пряслице, сделанное на токарном станке из мергелистого мела, и приколка (рис. 4, *11*, *18*; рис. 5, *6*, *11*, *22*, *23*; рис. 7, *19*).

Жилище № XIV открыто в 12 м к юго-западу от жилища № IV (рис. 1). Это землянка четырехугольной в плане формы с закругленными углами, суженными книзу стенками и ровным полом. Размеры жилища 3,40 × 3,04 м, глубина 2,13—2,47 м от современной поверхности (рис. 12). Верхняя часть землянки до горизонта 1,23—1,49 м от современной поверхности заполнена гумусированной землей темного цвета. Ниже этого горизонта и до пола в заполнении прослеживались линзообразные прослойки обожженной глины с отпечатками жердей и включениями фрагментов лепной посуды, а также золистые и угольные прослойки, представляющие безусловно остатки рухнувшего перекрытия (рис. 12, см. разрезы). В заполнении жилища найдены фрагменты лепной и гончарной посуды, кости животных, часть железного серпа и заглаженная с одной стороны кость-копье (?). В нижней части ямы под обмазкой обнаружены довольно большие фрагменты смешанного пода, свидетельствующие о бывшем в землянке очаге или печи.

Жилище № XVI расположено в 24,80 м к северо-западу от жилища № XIV. Оно углублено в землю. Форма его овальная, стенки несколько суженны книзу (рис. 1), пол ровный, утрамбованный. Размеры 4,10 × 4,18 м, глубина 1,76 м от современной поверхности (рис. 12). В северо-восточной части землянки расчищен вырезанный в материке выступ-прилавок высотой 0,28 м от уровня пола. Длина его 2,40 м, ширина 0,30 м. В юго-восточной части жилища обнаружены еще два выступа-ступеньки. Нижний выступ возвышался над уровнем пола на 0,35 м, верхний над уровнем нижнего на 0,55 м. В юго-западном углу открыта округлая в плане яма. Ее стенки книзу суженны, дно узкое. Диаметр 1,75 м, глубина 1,60 м от уровня пола жилища. Выразительных следов печи или очага не обнаружено, но поскольку в землянке найдено несколько кусков глиняного пода, можно предполагать, что она была разрушена. Гумусированное заполнение жилища содержало сравнительно много лепной (рис. 3, *4*) и гончарной керамики (рис. 10, *8*), кости животных и куски обожженной глины.

Жилище № XVII располагалось в 18 м к западу от жилища № XIV (рис. 1). Это землянка овальной в плане формы с несколько суженными книзу стенками и ровным материковым полом. Размеры 3,45 × 3,12 м, глубина 2,37 м от современной поверхности (рис. 12). В западной стенке жилища в материке вырезаны четыре выступа-ступеньки, указывающие место входа. Их высота 0,21—0,50 м, размеры колеблются от 0,20 × 0,50 м до 0,20 × 1,20 м. В пределах жилища, приблизительно на уровне древней поверхности, расчищен тонкий слой обожженной глиняной обмазки. Кроме того, прослойки, а также отдельные куски обмазки обнаружены на разных глубинах в гумусированной земле, заполнявшей землянку; сплошной слой обожженной глины залегал и на полу. Куски глиняной обмазки с одной стороны заглаженные, с противоположной с отпечатками жердей диаметром 2—7 см. В заполнении жилища найдено небольшое количество фрагментов лепной и гончарной посуды, кости животных, часть удил (рис. 5, *24*) и костяная трубка (рис. 5, *33*). На полу землянки расчищен совершенно разрушенный и смещенный очаг. От него сохранились куски глиняного обожженного пода.

Жилище № XVIII находилось в 3,20 м к юго-западу от жилища № XVI (рис. 1). Оно было углублено в землю. Форма его в плане овальная, стенки книзу суженны, материковый пол ровный. Размеры 2,94 × 2,85 м, глубина 1,75 — 1,90 м от современной поверхности (рис. 12). У западной стенки жилища расчищены два выступа-ступеньки. Здесь был вход. Нижний выступ возвышался на 0,37 м над уровнем пола, верхний на 0,15 м выше уровня первого. В нижней части заполнения жилища и в его западной части на полу расчищено скопление сильно обожженной глиняной обмазки и найдены куски глиняного разрушенного пода. Можно предполагать, что в жилище была печь, специально разрушенная перед тем, как его забросили. В гумусированном заполнении жилища, кроме небольшого количества обломков лепной и гончарной керамики (рис. 3, *14*), ничего больше не найдено.

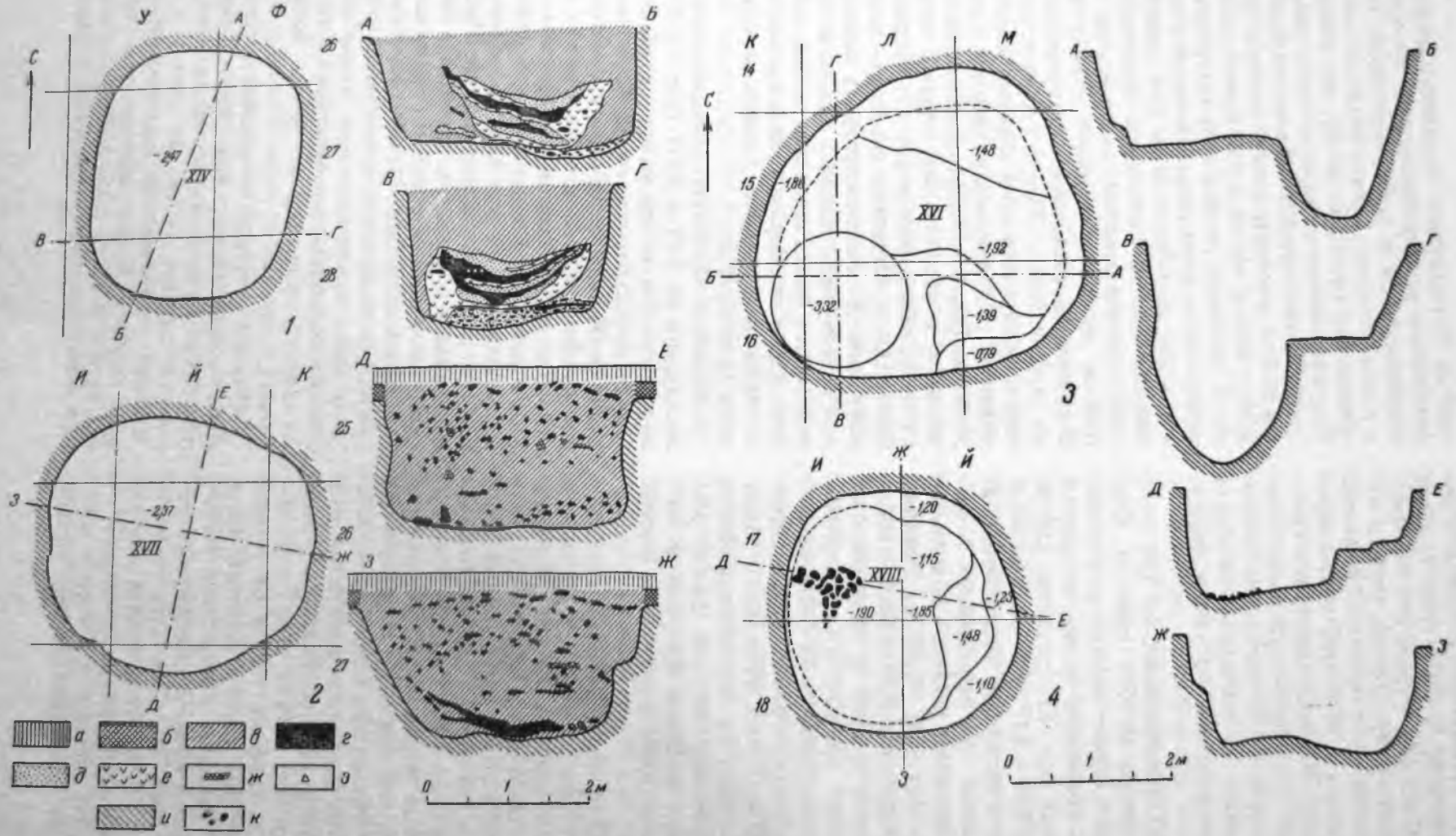

Рис. 12. Планы и разрезы жилищ поселения Рипнев II.

1 — план жилища № XIV и его разрезы по линиям АБ и ВГ; *2* — план жилища № XVII и его разрезы по линиям ДЕ и ЖЗ; *3* — план жилища № XVI и его разрезы по линиям АБ и ВГ; *4* — план жилища № XVIII и его разрезы по линиям ДЕ и ЖЗ.

Условные обозначения: *а* — чернозем; *б* — переходной слой; *в* — гумусированное заполнение; *г* — обожженная глина; *д* — зола; *е* — углистая прослойка; *ж* — обугленное дерево; *з* — обломки посуды; *и* — глина; *к* — остатки пода

Жилище № XIX находилось в 1,80 м к северо-западу от жилища № XIV (рис. 1). Оно было углублено в землю. Форма его четырехугольная с закругленными углами, стенки отвесные, материковый пол ровный. Размеры 2,45 × 2,60 м, глубина 1,22 — 1,43 м от современной поверхности. Жилище заполнено гумусированной землей с прослойками золы. Следов очага не обнаружено. В постройке найдены обломки лепных и гончарных сосудов (рис. 9, *13*), кости животных, а также железное шило.

Жилище № XX расположено в 3,60 м к юго-западу от жилища № XVI (рис. 1). Оно углублено в землю и имеет овальную в плане форму, несколько суженные книзу стенки и ровный материковый пол. Его размеры 3,20 × × 2,40 м, глубина 2,02—2,17 м от современной поверхности. В юго-западной части жилища, в стенке, обнаружены три вырезанные в материке выступа-ступеньки. Здесь находился вход. Высота ступенек 0,22—0,80 м. Верхняя часть жилища до горизонта 0,70 м была заполнена гумусированной землей и включениями обожженных кусков глины. На указанном уровне расчищен сплошной слой обожженной глиняной обмазки, линзообразно опускающейся до глубины 1,50 м. Куски обмазки, с одной стороны заглаженные, на противоположной стороне имели отпечатки жердей, диаметром 3—4 см. В землянке найдены фрагменты лепной и гончарной керамики и несколько костей животных.

Жилище № XXI открыто в 0,84 м к востоку от жилища № XX (рис. 1). Оно углублено в землю. Форма его в плане овальная. Жилище вытянуто с северо-востока на юго-запад, стенки отвесные, материковый пол ровный. Размеры 3,15 × 4,40 м, глубина 1,75—1,86 м от современной поверхности (рис. 11, *2*). У северной и южной стенок жилища расчищены два выступа-ступеньки, вырезанные в материке (по одному у каждой стенки), высотой 0,32—0,42 м от уровня пола. Они несколько выступают над ямой, сооруженной в западной части жилища. Яма в плане округлая, стенки книзу сужены. Ее диаметр 1,75 м, глубина 1,44 м от уровня пола. В юго-восточной стенке жилища была небольшая ниша. Жилище и яма были заполнены гумусированной почвой, содержащей обломки керамики (рис. 10, *5*) и кости животных. На глубине 0,7 м от современной поверхности найден фрагмент стеклянного сосуда.

Жилище № XXII находится в 3,60 м к северу от жилища № XXI (рис. 1). Оно, в отличие от предыдущих, является двухкамерной постройкой земляночного типа. Камеры (ямы) соединены между собой переходом. Форма их в плане овальная, стенки отвесные, как бы выпуклые или суженные книзу, пол материковый. Размеры северной камеры (ямы «а») 2,86 × × 3,50 м, глубина 2,90—3 м от современной поверхности, размеры южной камеры (ямы «б») 2,70 × 2,82 м, глубина 2,27 м от этого же уровня. У западной стенки ямы «а» расчищен материковый выступ, возвышающийся над уровнем пола на 0,55—0,78 м. Его длина 2,40 м, ширина 1,30 м. Небольшой материковый выступ, возвышающийся над уровнем пола на 0,54 м, расчищен у южной стенки ямы «б». В гумусированном слое, заполняющем яму «а» на глубине 0,98—1,73 м от современной поверхности, обнаружен слой обожженной глиняной обмазки с отпечатками жердей, диаметром 3—5 см. Такой же слой обожженной глиняной обмазки, с отпечатками жердей, залегающий на полу, обнаружен в яме «б». Толщина слоя 0,30—0,60 м. Остатков очага или печи не обнаружено. В обеих камерах на разных глубинах встречались обломки лепной и гончарной керамики и кости животных, в яме «а» на глубине 1,90 м от современной поверхности найдена бронзовая фибула с высоким держателем иглы (рис. 6, *11*).

Жилище № XXIII располагалось между жилищами № XXI и XXII (рис. 1). Их разделяли лишь узкие перемычки шириной до 0,20 м. Оно было углублено в землю. Форма жилища в плане овальная, стенки отвесные, материковый пол ровный. У юго-восточной стенки жилища открыты три сползших выступа-ступеньки. Здесь был вход. Высота ступенек 0,20—0,47 м. Размеры жилища 3 × 3,30 м, глубина 2,05—2,37 м от современной поверхности. На глубине 0,20—0,33 м жилище частично было перекрыто слоем обожженной глины с отпечатками жердей, диаметром 2,50—4,50 см, залегающем на гумусированной земле, заполнявшей яму. В жилище найдено сравнительно много обломков лепной и гончарной керамики (рис. 3, *16*; рис. 9, *16, 19, 21*; рис. 10, *6, 9*) и костей животных.

Наряду с остатками жилищ в раскопе II выявлены 12 ям-погребов. Иногда они расположены вблизи отдельных жилищ, но в большинстве случаев их трудно отнести к определенному хозяйственному комплексу. Обычно ямы имели в плане округлую или овальную форму. Их диаметр 1,35—2,60 м, глубина 1,60—3,58 м от современной поверхности. Лишь одна

яма (№ 1) небольшая. Ее диаметр 0,90 м, глубина 1,05 м от современной поверхности. Значительной глубиной (2,85—3,58 м) отличаются ямы № 14, 15, 18, 19.

Несколько ям (№ 8, 16, 20, 21) частично перекрывались слоем обожженной глины.

Яма № 8 в плане овальная, стенки отвесные, диаметр около 2,60 м, глубина 1,60 м от современной поверхности. В восточной части ямы на глубине 0,20—0,40 м расчищен слой обожженной глиняной обмазки, залегавший на гумусированной земле. Довольно часто обмазка встречалась на разных глубинах в заполнении ямы. Куски обмазки с одной стороны сглаженные, с противоположной имеют отпечатки округлых жердей диаметром до 3 см.

Яма № 16 в плане овальная, стенки несколько книзу сужены, дно ровное. Размеры 2,42 × 2,55 м, глубина 1,96 м от современной поверхности. В восточной части ямы открыты два вырезанных в материковой стенке выступа-ступеньки. Здесь был вход. Верхняя часть ямы заполнена гумусированным слоем. Начиная с горизонта 0,76 м от современной поверхности и до уровня пола, западная часть ямы была перекрыта слоем обожженной глины. На кусках обмазки хорошо сохранились отпечатки жердей диаметром 3—5 см. Кроме обломков керамики, на дне ямы найдено железное чересло (рис. 4, *1*).

Яма № 20 в плане округлая, стенки книзу сужены, диаметр 1,75 м, глубина 2,15 м от современной поверхности. На уровне 0,30—0,40 м яма была перекрыта слоем обожженной глины, который имел приблизительно одинаковые с ней очертания, но несколько меньших размеров. На обмазке отчетливо видны отпечатки жердей диаметром до 3 см.

Яма № 21 в плане округлая, стенки книзу сужены, диаметр 1,70 м, глубина 2,04 м от современной поверхности. Верхняя часть ямы до горизонта 1,30 м от современной поверхности была заполнена гумусированной землей с включением значительного количества кусков обожженной глины. На указанном горизонте расчищен сплошной завал обожженной глины в профиле линзообразной формы, залегавшей на гумусированной земле. На обмазке хорошо прослеживаются отпечатки жердей толщиной до 2 см.

В заполнении всех ям выявлены обломки лепной и гончарной керамики. В яме № 13 найдено железное долото (рис. 4, *3*). В яме № 15 на горизонте 1,50—1,68 м от современной поверхности обнаружены кости оленя, залегавшие приблизительно в анатомическом порядке. Надо полагать, что в яму была сброшена часть туши оленя. В яме № 14 выявлены залегавшие приблизительно в анатомическом порядке кости овцы или козы.

Открытые в раскопе II ямы-погреба использовались для хранения различных продуктов. Наиболее глубокие ямы, возможно, были предназначены для хранения мяса, являясь как бы естественными холодильниками. Нам кажется, что находки костей оленя и овцы или козы в ямах № 14 и 15, являющихся наиболее глубокими, нельзя считать случайностью. Некоторые ямы, нижняя часть которых была обожжена, могли использоваться для хранения зерна.

В 1,60 м к востоку от жилища № XI была обнаружена гончарная печь (рис. 1). Она состояла из двух частей: самой печи и предпечной ямы, в которую выходило отверстие канала нижней камеры печи (рис. 13). Яма имела в плане четырехугольную форму с закругленными углами, суженные книзу стенки и материковый пол. У северной и частично западной стенок ямы был вырезан в материке выступ-«прилавок» шириной 0,30 м, возвышающийся над уровнем пола на 0,20—0,25 м. В северной довольно пологой стенке ямы, на высоте 0,50—0,52 м от уровня пола, расчищено отверстие канала, выходящего из нижней камеры печи. В восточной части яма была перекрыта раннеславянским жилищем начала второй половины I тысячелетия н. э. Яму заполняла гумусированная земля с включениями мелких кусков обожженной глиняной обмазки и фрагментов гончарной керамики (рис. 9, *21*). На борту ямы найдена бронзовая фибула провинциально-римского типа (рис. 6, *16*). Надо отметить, что в яме найден также один фрагмент лепного сосуда и несколько костей животных. В отличие от большинства землянок и хозяйственных ям, в которых керамика выступала главным образом в заполнении, здесь обломки сосудов находились на полу. Размеры ямы 3,34 × 1,85 м, глубина 1,92—2,04 м от современной поверхности.

Печь двухярусная. Частично сохранившийся купол печи открыт на глубине 0,34—0,47 м от современной поверхности. Он был обмазан глиной буроватого цвета толщиной до 2 см. Очевидно, во время загрузки и разгрузки печи его ломали. Печь в плане округлая, стенки обмазаны глиной, сильно обожжены и книзу расширены. Их толщина в верхней

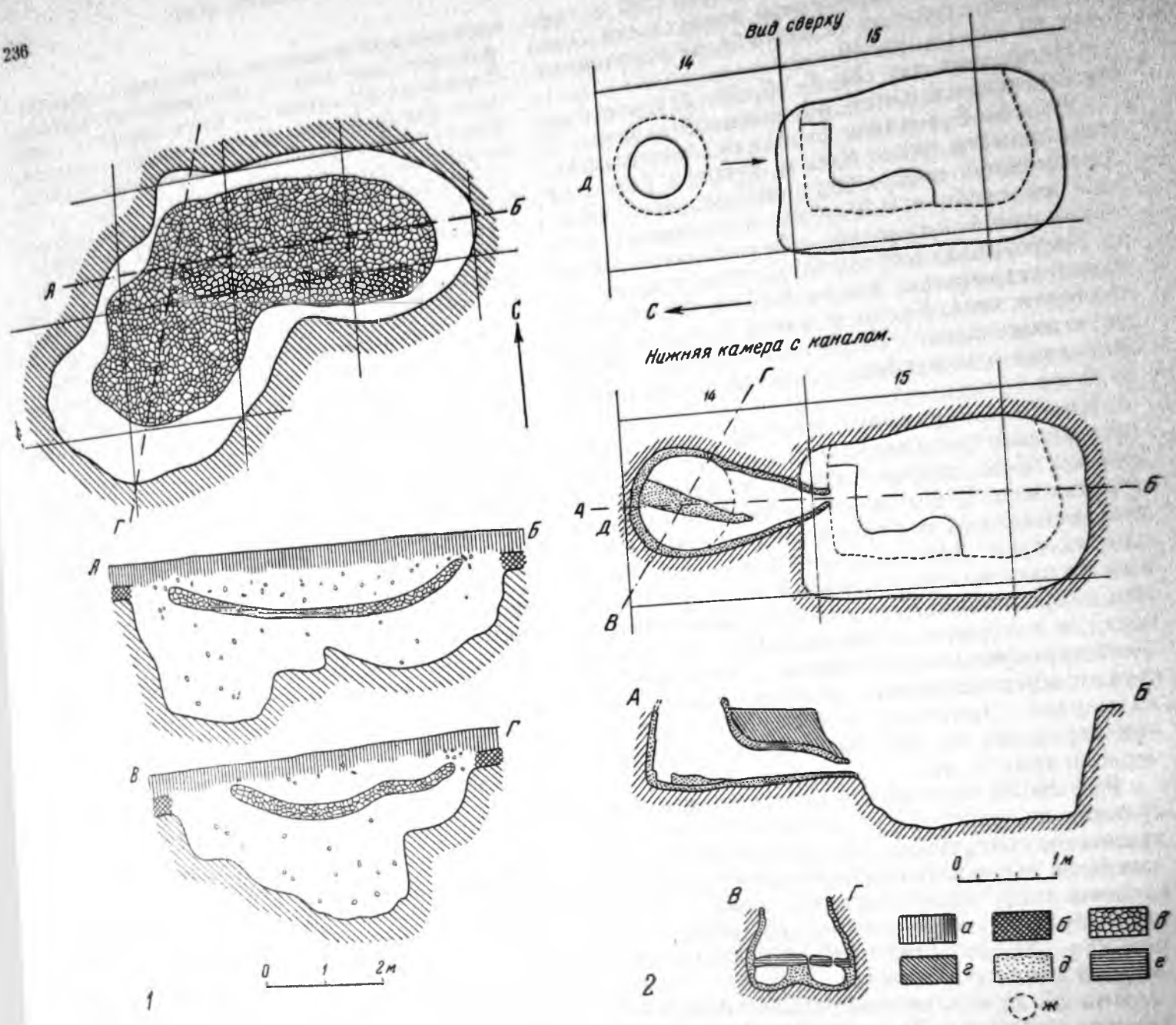

Рис. 13. Планы и разрезы жилища и гончарной печи с поселения Рипнев II.

1 — план жилища № VIIIa и продольный и поперечный разрезы; *2* — планы гончарной печи на разных уровнях и ее разрезы по линиям АБ и ВГ

Условные обозначения: *а* — чернозем; *б* — переходный слой; *в* — обожженная глина; *г* — глина; *д* — обожженные стены и подпорный столб гончарной печи; *е* — глиняная перегородка в гончарной печи (под); *ж* — контуры перегородки в гончарной печи (под)

части печи 2 см в нижней части у пода (горизонтальной перегородки) 4 см. Верхний и нижний ярусы разделяла горизонтальная перегородка, сделанная из глины на деревянном каркасе. Ее толщина 10—11 см. На нижней поверхности перегородки хорошо сохранились отпечатки выгоревших впоследствии деревянных жердей, толщиной 3—3,50 см, на которые во время сооружения печи накладывалась сырая глина. Верхняя сторона перегородки была гладкая и обожженная до беловатого цвета, в некоторых местах покрыта зеленоватой стекловидной массой. Нижняя сторона перегородки обожжена слабее. Форма перегородки

(пода) округлая, размеры 1 × 1,04 м. В ней по кругу, а также в центре имелись сквозные отверстия (продухи), диаметром 4—5 см (рис. 13). В лучше сохранившейся части череня выявлено 4 отверстия. Всех отверстий было, по-видимому, не больше 10. Внутренние размеры верхнего яруса: устья печи 0,50 × 0,60 м, пода 1 × 1,04 м, высота сохранившихся стенок 0,55—0,60 м от уровня пода.

Форма нижнего яруса не полностью отвечала форме верхнего, так как в юго-западной части было отверстие канала, который выходил в описанную выше яму. Ширина нижней камеры 1,04 м, длина вместе с каналом 2,10 м, высота 0,21—0,22 м. Длина самого канала 1,10 м, размеры отверстия в стенке ямы 8 × × 10 см, наибольшая высота канала 0,39 м, наибольшая ширина 0,55 м. Стенки нижней камеры канала в верхней части подмазаны глиной толщиной 4—8 см и обожжены, внизу был прокаленный материк. В нижнем ярусе стенки несколько толще, чем в верхнем, с выступом для поддержки глиняной перегородки. Центральная часть пода (перегородки) опиралась на подпорную стенку («козел»), вырезанную в материке. Перегородка разделяла нижнюю камеру на две части и частично (на 0,22 м) заходила в канал. Длина подпорной стенки 1,22 м, наибольшая ширина 0,20 м, высота 0,20—0,22 м. Подпорная стенка сужается в направлении канала и сходит на нет.

В промежутке между обжигательной камерой печи и ямой, над каналом, была хорошо утрамбованная глина, которая по цвету почти не отличалась от материка.

Верхний ярус печи был заполнен гумусированной землей, насыщенной золой. Очень слабая прослойка золы была расчищена на поверхности перегородки. Там обнаружена гончарная посуда, характерная для черняховской культуры. Нужно отметить, что все сосуды имели потрескавшуюся поверхность и являлись остатками производственного брака. Некоторые из них удалось склеить. Посуда, обжигавшаяся в данной печи, изготовлена из отмученной глины с примесью песка. Ассортимент посуды небогатый. Это небольшие по размеру миски, иногда по технике изготовления, тесту и орнаментации напоминающие сосуды типа «terra nigra», кувшины с одной и двумя ручками и горшки, последние в большинстве со значительными примесями песка в тесте (рис. 8, *8—23*).

Нижняя камера печи была заполнена темным гумусированным слоем без каких-либо находок. Не обнаружено также ни следов золы, ни угольков.

Гончарное производство в период черняховской культуры было довольно развито. В верхнем Побужье гончарные печи были выявлены на поселении черняховской культуры у с. Неслухов [6], расположенном в 9 км от Рипнева. В Поднестровье гончарные горны открыты на поселениях у Луки-Врублевецкой и Будешт [7]. Гончарные печи известны и в Поднепровье [8]. Территориально довольно близки Рипневу и поселения первой половины I тысячелетия н. э. из Повисленья, на которых выявлены гончарные печи [9].

Если сравнить гончарную печь из Рипнева II с гончарными горнами из указанных памятников, то по своему устройству (двухъярусная конструкция) она к ним очень близка, но имеет и свои отличия. Так, канал исследованной нами печи кончался очень узким отверстием (8 × 10 см), потому трудно себе представить, чтобы он мог служить топкой. Против этого свидетельствует и отсутствие каких-либо следов золы и угольков в канале, а также в яме у его отверстия. Не маловажным является и то обстоятельство, что горизонтальная перегородка с продухами была больше обожжена с верхней стороны, т. е. со стороны обжигательной камеры, и слабее с нижней, т. е. со стороны предполагаемой топки. Оставляя вопрос о технологии обжига посуды в печи открытым, мы считаем себя вправе выдвинуть предположение о том, что в данном случае в верхней камере и топили и обжигали посуду. Канал мог использоваться для нагнетания воздуха, поступающего через продухи в верхнюю камеру. Большая поперечная яма с «прилавком», возможно, являла собой производственное помещение, в котором стоял гончарный круг. Следует отметить, что Т. Рейман, исследуя гончарные печи в Тропишове, тоже обратил внимание на узкое отверстие канала в одном из гончарных горнов. Он выдвинул пред-

---

[6] K. Hadaczek. Z badań archeologicznych w dorzeczu Bugu. Teka konserwatorska. Lwów, 1892, стр. 48—49.

[7] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 181; Э. А. Рикман. Раскопки у с. Будешты. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 197—217.

[8] Нариси стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957, стр. 335.

[9] T. Reyman. Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnym dorzeczu Wisły. Wiadomości archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936, стр. 163—169.

положение о том, что в таком отверстии могли топить только тонкими палками, чтобы не разрушить его стенок [10]. Допустимо ли предположение о сооружении в гончарном горне такой топки, размеры которой позволяют использовать для обжига посуды лишь хворост? Ведь посуда из горнов в Тропинове прекрасно обожжена. Возможно, в этом случае, как и в Рипневе, дымоход имел другое назначение.

В раскопе II между рядами жилищ открыто несколько глиняных печей и очагов (рис. 1). Две печи располагались в 3,40 м к югу от жилища XVIII.

Печь № 1, вырезанная в материке, выявлена на глубине 0,40 м от поверхности. Форма ее четырехугольная, топка устьем обращена к востоку. Внутренние размеры печи 0,82 × × 1,08 м. Стенки, подмазанные глиной, сохранились на высоту 10—24 см от уровня пода, свод не сохранился. На поду печи найден один фрагмент гончарного сосуда.

Печь № 2, четырехугольная в плане, располагалась на одной линии с печью № 1, в 1,40 м к востоку от нее, и повернута к ней устьем. Внутренние размеры 1,05 × 1,10 м, стенки сохранились на высоту 10—20 см от уровня пода. Последний был подмазан глиной с включением камней. Его толщина, как и стенок, 2—3 см. На поду печи обнаружено несколько мелких фрагментов гончарной керамики.

Остатки еще одной разрушенной печи № 3 обнаружены в квадрате 24—25, О — П. В отличие от предыдущих она была обмазана на поверхности глиной. Печь в плане имеет подковообразную форму. Внутренние размеры 0,54 × 0,64 м.

Очаги расположены группами. Они были сооружены из камней, обмазанных слоем глины. Размеры очагов колеблются от 0,50 × × 0,80 м до 1,20 × 1,20 м. На одном из очагов расчищен раздавленный горшок (рис. 8, *2*), на двух других очагах найдены железный рогач (рис. 4, 7) и часть глиняного тигля, на поверхности которого прослеживаются довольно четко частицы меди. Находка тигля позволяет думать, что, кроме бытового, очаги могли иметь и производственное назначение.

Раскоп III

Раскоп III расположен на западной окраине поселения в 260 м к западу от раскопа II. На открытой площади в 404 кв. м выявлены одно раннеславянское жилище (№ V) начала второй половины I тысячелетия н. э., десять углубленных построек черняховской культуры и одно погребение культуры шнуровой керамики. При разборке культурного слоя встречались отдельные фрагменты керамики времени раннего железа.

Среди построек черняховской культуры есть два жилища с очагами (№ III и VI); два больших углубленных сооружения, в которых следов печи или очага не обнаружено, но по своим размерам и характеру находок они не отличаются от жилищ-землянок; три довольно большие по размерам хозяйственные постройки и четыре ямы-погреба.

Хозяйственная постройка № Iа расположена в западной части раскопа. Она была углублена в землю. Форма ее в плане овальная, стенки несколько книзу сужены, материковый пол неровный. Размеры 2,80 × 2,60 м, глубина 1,60 × 1,90 м от современной поверхности. Она заполнена гумусированной землей, в которой на разных глубинах встречались отдельные куски обожженной глиняной обмазки, обломки лепной и гончарной посуды (рис. 8, *5*), кости животных. Кроме того, на глубине 0,75 м от современной поверхности найдена бронзовая фибула с подвязной ножкой (рис. 6, *2*).

Хозяйственная постройка № IIа находилась на 2 м к северо-востоку от постройки № Iа. Она имела в плане неправильную форму, суженные книзу стенки и неровный пол. Северная часть ее углублена в землю на 1 м от современной поверхности, южная на 1,97 м от этого уровня. Длина постройки 3,45 м, ширина 1,35—2,30 м. Она была заполнена гумусированной землей. В центральной части, на глубине 1,40—1,65 м от современной поверхности, расчищено скопление обожженной глиняной обмазки, залегавшей на гумусированной земле. Отпечатки дерева на кусках обмазки не прослежены. Возможно, обмазка попала в яму случайно. В заполнении ямы найдены в незначительном количестве обломки лепной и гончарной посуды и кости животных.

Жилище № IIIа расположено в 0,80 м к востоку от постройки № IIа и было углублено в землю. Оно имело в плане не совсем выдержанную четырехугольную форму, отвесные стенки и довольно ровный пол. Размеры 3,08 × 2,90 м, глубина 2,17—2,29 м от современной поверхности. В северо-западном углу жилища расчищены, вырезанные в материке, два выступа-ступеньки, указывающие на наличие здесь входа. Высота выступов 0,30—0,47 м.

[10] T. Reyman. Указ. соч., стр. 166.

В юго-западной части жилища на полу был очаг. Форма его неправильная, размеры 0,90 × 0,65 м. На очаге обнаружены фрагменты лепного раздавленного сосуда. Жилище заполнено гумусированной землей, местами с включениями золы и угольков. В отличие от других объектов, в жилище преобладала лепная керамика. Из гончарной посуды заслуживает внимания небольшой сосуд с вертикальными овальными углублениями по тулову (рис. 8, 7). Кроме того, в заполнении жилища найден железный нож (рис. 4, *6*).

Жилище № IVа находилось в 3,60 м к юго-востоку от жилища № IIIа. Это — полуземлянка вытянутой овальной формы с ориентацией восток — запад. Ее размеры 4,46 × 2,90 м, глубина 1,05—1,40 м от современной поверхности. Стенки, вырезанные в материке, сохранились на 0,50—0,70 м от уровня пола. В юго-западной части жилища обнаружена яма от столба. Ее диаметр 0,30 м, глубина 0,20 м.

В западной части полуземлянки находилась яма. Она имела в плане овальную форму и суженные книзу стенки, плавно переходящие в дно. В западной стенке ямы были вырезаны в материке выступы-ступеньки для входа. Диаметр ямы 2 м, глубина 1,40 м от уровня пола. Дно ямы обожжено. Заполнение жилища и ямы состояло из гумусированной земли, несколько более темной, чем в других ямах. Кроме небольшого количества керамики и костей животных, в жилище найдены две фибулы с подвязной ножкой (рис. 6, *3, 5*), железный нож (рис. 4, *4*), втульчатый наконечник стрелы (рис. 5, *20*) и проволочное кольцо. Среди керамики следует отметить фрагмент горла импортной амфоры.

Жилище № VIа расположено в 4 м к северо-востоку от жилища № IVа. Оно было углублено в землю. Форма его неправильная, стенки книзу сужены. В центральной части открыт вырезанный в материке выступ, разделявший его на две части. На нем расчищены остатки очага неправильной формы размером 0,60 × 1,10 м. Длина жилища 4,30 м, ширина в восточной части 2,75, западной 2,30 м, глубина 1,90—2,20 м от современной поверхности. Заполнение жилища состояло из темной гумусированной земли с прослойками золы, угольков и мелких кусков глиняной обмазки. Прослойка золы расчищена в юго-восточной части жилища на глубине 1,40 м от современной поверхности. В отличие от других жилищ керамический комплекс землянки состоял из фрагментов лепной посуды (рис. 3, *4*) и гончарной керамики, изготовленной из хорошо отмученной глины. Гончарная посуда с шершавой поверхностью представлена лишь двумя фрагментами горшка. В жилище найдены также фрагменты тонкой бронзовой пластинки и две костяные иголки (рис. 5, *37—38*).

Хозяйственная постройка № VIIа располагалась в 0,80 м к югу от жилища № VIа. Она углублена в землю. Форма ее в плане овальная, стенки отвесные, в некоторых местах выпуклые, пол неровный. Размеры 3,15 × 3,10 м, глубина 1,90—2,14 м от современной поверхности. Вдоль южной стенки расчищен вырезанный в материке выступ, возвышавшийся над уровнем пола на 0,40—0,50 м. Его ширина 0,90—1 м. Яма заполнена гумусированным слоем, в котором, кроме керамики и костей животных, встречены куски обожженной глиняной обмазки. Судя по тому, что керамика в основном представлена фрагментами больших пифосообразных сосудов с массивным горизонтальным венчиком, которые, как правило, использовались для хранения зерна (рис. 10, 11, 13), можно предполагать, что постройка была предназначена для хранения припасов.

Жилище № VIIIа располагалось рядом с постройкой № VIIа (рис. 13). Их разделяла лишь перемычка шириной 0,20 м. Оно было углублено в землю. Форма жилища неправильная, стенки книзу сужены, материковый пол неровный. Западная стенка жилища особенно пологая. В ней вырезаны выступы, служившие, возможно, ступеньками для выхода. Площадь жилища 24 кв. м, глубина 2—2,60 м от современной поверхности. Наиболее углублена центральная часть жилища.

На глубине 0,40—1,05 м от современной поверхности жилище перекрывалось сплошным слоем хорошо обожженной глиняной обмазки толщиной 0,15—0,20 м. Ориентация и контуры обмазки полностью совпадают с контурами ямы. За пределы ямы обмазка не выходила. Слой обмазки линзообразно залегал на гумусированной земле, занимая несколько меньшую площадь, чем яма. Нет сомнения, что слой глиняной обмазки и яма представляют собой одно сооружение и конструктивно между собой связаны. В данном случае факт совпадения контуров ямы и слоя обмазки является важным, поскольку яма настолько неправильная, что трудно себе представить, чтобы совпадение ее контуров с контурами слоя обмазки было случайным. Слой обмазки состоял из довольно больших, хорошо обо-

жженных кусков глины, перемешанной с половой и соломой. С верхней стороны куски обмазки были заглажены, с нижней имели отпечатки жердей диаметром 5—7 см. Гумусированная земля, заполняющая яму ниже горизонта залегания глиняной обмазки, была в некоторых местах насыщена золой и имела сероватый цвет. При расчистке жилища обнаружены обломки лепной и гончарной посуды (рис. 3, *3*). Встречены куски обожженной глины и кости животных, а также фрагмент стенки импортной амфоры и бронзовая пластинка, украшенная циркульным орнаментом (рис. 5, *25*).

В данном раскопе исследованы еще три хозяйственные ямы — погреба. Они имели овальную форму, близкую к кругу, и расширяющиеся или суженные книзу стенки. Их диаметр 1,52—1,68 м, глубина 1,37—1,50 м от современной поверхности. Ямы были заполнены гумусированной землей. Количество найденной в них керамики очень незначительно. В одной из ям (№ 1), кроме нескольких обломков посуды, оказался железный серп (рис. 4, *14*).

* * *

Выявленные на поселении остатки жилищ и хозяйственных ям не позволяют дать их полную реконструкцию, поэтому мы ограничимся лишь краткой обобщенной характеристикой. Почти все жилища на раскопанной площади (девятнадцать из двадцати одного) — это глубокие землянки. От них сохранились вырезанные в материке ямы, глубина которых колеблется от 1,76 до 3 м от современной поверхности. Лишь два жилища — жилище № XIX (раскоп II) и жилище № IVa (раскоп III), судя по глубине, не превышающей 1,43 м от современной поверхности, можно считать полуземлянками. Форма жилищ в плане в подавляющем большинстве овальная, иногда четырехугольная с закругленными углами или неправильная. Размеры жилищ 3,12—4,52 × × 3,08—6 м. Но несколько землянок имели несколько меньшую площадь: 2,40—2,90 × 2,60—4,46 м. Стенки жилищ отвесные или книзу суженные. Пол ровный, сделанный на утрамбованном материке.

В двенадцати жилищах прослежены вырезанные в материке ступеньки там, где помещался вход. Иногда самая нижняя ступенька образовывала «прилавок» или лежанку.

В трех жилищах обнаружены ямы. Очевидно, они в свое время были перекрыты на уровне пола деревянным настилом, который не сохранился.

В пяти жилищах — № II (раскоп I), № III, XVIII (раскоп II), № IIIa, IVa (раскоп III) обнаружены остатки очагов, в одном — № IV (раскоп II) — остатки очень разрушенной глиняной печи. Они обычно размещены у входа в землянку. Еще в четырех жилищах — № VII, XIV, XVI, XVII (раскоп II) — предполагается существование очагов на основании находок на их полу и в нижних слоях заполнения остатков глиняных частей пода. В одиннадцати больших углубленных сооружениях следов очага или печи не обнаружено. Открытые вне жилищ 11 очагов и 3 печи на площади, свободной от построек, по-видимому, имеют какое-то отношение к данным землянкам. Летние печи и очаги, построенные на открытом воздухе, на наш взгляд, объясняют существование землянок, не имеющих внутреннего отопления.

Большие постройки земляночного или полуземляночного типа без очагов известны и на других поселениях черняховской культуры. Так, на поселении в Никольском на Днепре, как и в Рипневе, в двух случаях печи находились вне жилищ [11].

Вопрос о характере наземной части большинства жилищ и хозяйственных ям-погребов остается открытым, так как у них не обнаружено ни столбовых ям, ни остатков кровли.

Отдельного рассмотрения требуют жилища и ямы, в которых на разных уровнях от поверхности расчищен слой обожженной глины. Такие постройки на поселениях черняховской культуры в верховьях Западного Буга выявлены не впервые. Они известны по поселениям в Неслухове [12] и Ракобутах [13]. Общим для них является наличие в верхних слоях заполнения, приблизительно на уровне древней поверхности, на полу или в нижних слоях заполнения, сплошного слоя обожженной глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций, размеры которого всегда несколько уступают размерам ямы, но контуры их в об-

[11] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, № 82, 1960, стр. 159—160.

[12] K. Hadaczek. Grabarka Niesłuchowska. Teka konserwatorska. Lwów, 1892, стр. 74—77; М. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду полів поховань в Неслухові в 1946 г. АП УРСР, т. I. Київ, 1949, стр. 193—194.

[13] В. Д. Баран. Поселення I тисячоліття н. е. в с. Ракобути на Західному Бузі. МДАПВ, 1962, вип. 4. Київ, стр. 80—91.

щем совпадают. При исследовании в Рипневе установлено, что в двух жилищах слой обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций залегал на полу, в трех жилищах и двух ямах-погребах в заполнении нижней части постройки, еще в двух жилищах и четырех ямах-погребах над заполнением материковой части ямы, приблизительно на уровне древней поверхности. Кроме того, в одном случае сплошной слой обожженной глины, но довольно слабый, залегал на полу, а гумусированное заполнение жилища было насыщено кусками глиняной обмазки.

Возникает вопрос, как рассматривать такие сооружения. Был ли здесь один объект или мы имеем дело с двумя разновременными постройками, перекрывающими друг друга. В отношении сооружений, в которых слой глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций залегает на полу и в нижней части их заполнения, вторая возможность исключается. Мы полагаем, что это остатки рухнувшей кровли. Это, по-видимому, относится и к сооружениям, в которых слой обожженной глины залегает в верхней части ямы и совпадает с ее контурами. Часто ямы имеют очень неправильные очертания, поэтому совпадение их формы со слоем обожженной глины не могло быть случайным и вызвано конструктивными особенностями. Кроме того, характерно, что слой обожженной глиняной обмазки по своему характеру не отличается от слоя обожженной глины тех сооружений, в которых он залегал на дне ямы или в нижних слоях заполнения. Но все же остается непонятным, почему не во всех жилищах и ямах-погребах слой обожженной глины, если его считать остатками кровли, рушился на пол. Это можно объяснить лишь тем, что крыша над этими постройками сохранялась еще довольно длительное время после того, как они были покинуты. За это время углубленная часть постройки заполнялась землей и другими отбросами. Такое явление, например, наблюдалось нами при исследовании трех раннеславянских горнов на поселении Рипнев III, в которых пространство между рухнувшим куполом и подом было заполнено гумусированной землей, выходящей за пределы углубленной части печи.

Попытки объяснить наличие над углубленными сооружениями или в их заполнении слоя обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций делались и раньше. Такие сооружения иногда объяснялись как остатки наземной постройки-жилища, перекрывающие подпольную яму. В отдельных случаях это предположение могло соответствовать действительности. Но на Рипневском поселении, а также поселении в Ракобутах признаков, свидетельствующих о наличии наземных жилищ над большими углубленными сооружениями, не обнаружено. Тем более их нельзя предполагать над ямами-погребами, в пределах которых слой обожженной глины очень небольшой и соответствует размерам ям. В некоторых больших ямах (жилища № XIV и XVII) найдены под слоем обожженной глины на полу следы очагов, убедительно доказывающие, что именно нижняя часть постройки — яма — была жилищем. Таким образом, предположение о том, что глиняная обмазка представляла собой остатки кровли, является наиболее приемлемым. Судя по отпечаткам деревянных конструкций на кусках обожженной глины, крыша имела деревянный каркас, сооруженный из продольных и поперечных слег, толщиной от 2 до 7 см. Он опирался на края ям-жилищ, а вверху слеги связывались с перекладом, проходившим вдоль всей ямы. Возможно, перекладопирался на один или два столба, но для подтверждения этого предположения на поселении в Рипневе нет данных. В аналогичном жилище, открытом в Ракобутах, выявлена в полу жилища одна яма от подпорного столба [14]. На каркас накладывались специально изготовленные из глины с примесью перетертой соломы и половы вальки и сверху заглаживались. Возможно, когда такая кровля подсыхала, на нее клали камыш или солому, а сверху все это еще раз засыпали глиной и землей, о чем свидетельствуют грязные глинистые пятна, прослеживаемые в заполнении некоторых ям, вместе с обожженной глиняной обмазкой. Форма крыши, по-видимому, была трех- или двухскатной, близкой к современной кровле, над хозяйственными ямами-погребами. Можно предполагать, что в связи с большей глубиной ямы кровля была невысокой. Углубленные жилища, которые могут служить аналогиями для землянок Рипневского поселения, открыты как на поселениях, расположенных в верховьях Западного Буга, так и на поселениях черняховской культуры в бассейне Верхнего и Среднего Днестра [15], а также в Поднеп-

[14] В. Д. Баран. Поселення I тисячоліття в с. Ракобути над Західному Бузі, стр. 84.

[15] М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 168—194; В. Д. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин, Київ, 1961, стр. 45—49.

ровье [16]. Особенностью Рипневского поселения можно считать полное отсутствие жилищ наземного типа.

* * *

Наиболее массовым материалом, собранным в культурном слое, является керамика. По технике изготовления она легко подразделяется на две большие группы: лепная посуда и посуда, изготовленная на гончарном круге. Гончарная керамика по количеству преобладает над лепной, но в отдельных жилищах (жилище № IIIа — раскоп III) она по количеству не уступает гончарной.

Лепная керамика представлена горшками и небольшим количеством обломков мисок. Горшки изготовлены из глины со значительными примесями шамота, иногда и дресвы. Поверхность их неровная, бугристая, обжиг в большинстве слабый. Некоторые сосуды имеют в верхней части несколько заглаженную поверхность. Цвет их темно-коричневый, желтоватый или бурый, причем не одинаковый в разных частях сосуда, что говорит о неравномерности обжига. Как правило, сосуды имеют толстые стенки, в особенности в нижней части.

По особенностям профилировки сосудов их можно подразделить на несколько типов. К первому, наиболее распространенному типу, относятся горшки с отогнутым наружу, часто утолщенным венчиком, хорошо выраженными плечиками, выпуклыми стенками и плоским дном с несколько выделенным краем. Диаметр их горла заметно меньше высоты сосуда и наибольшей выпуклости стенок (рис. 3, *1, 5—8, 16—19, 21*). В основном это горшки средних размеров, но встречаются и довольно большие сосуды. В одном случае сосуд (диаметр горла 22,5 см) орнаментирован по плечикам, причем только в одной части сосуда, углубленными горизонтальными и вертикальными зигзагообразными линиями (рис. 3, *16*). Близкий по характеру орнамента, но отличный по размерам и форме лепной сосуд известен из раннеславянского поселения у с. Незвиско [17]. Еще один небольшой сосуд (диаметр горла 9,5 см) орнаментирован по плечикам пальцевыми вдавлениями (рис. 3, *21*). Следует отметить, что такой способ украшения лепных сосудов черняховской культуры встречается очень редко. Он более характерный для раннеславянской керамики начала второй половины I тысячелетия н. э.

Второй тип составляют сосуды с несколько выпуклыми стенками, но более вытянутых пропорций. Они имеют немного отогнутый наружу венчик с довольно узким раструбом, слабо выраженные плечики и стройный высокий корпус (рис. 3, *2—3, 15*). Один горшок орнаментирован выше наибольшей выпуклости стенок пальцевыми вдавлениями (рис. 3, *2*).

К третьему типу относятся небольшие широкогорлые горшки, у которых диаметр горла превышает или равен максимальной выпуклости стенок. Венчик низкий, утолщенный, отогнутый наружу, плечики выражены слабо (рис. 3, *9*).

Четвертый тип представлен небольшими по размеру сосудами с загнутым внутрь краем венчика и выпуклым туловом, постепенно сходящим ко дну на конус (рис. 3, *4, 10*). Некоторые из них имеют в верхней части сглаженную поверхность, а в нижней — специально ошершавленную (рис. 3, *4*).

Кроме этих основных типов, имеются горшки, воспроизводящие формы гончарной посуды (рис. 3, *14, 18, 22*).

На поселении найдены также обломки мисок с суженными книзу стенками, напоминающие широко раскрытые чаши (рис. 3, *11*). Дно у них плоское или на кольцевой ножке. Одна миска отличается от остальных тем, что она сделана по образцу гончарных, из более хорошего теста с мелкими примесями и заглаженной поверхностью. Она имеет утолщенный, несколько отогнутый наружу венчик, высокие плечики и суженные ко дну стенки, диаметр горла 16 см (рис. 3, *20*). Интересную находку представляет фрагмент лепного сосуда, найденного в жилище № XXIII на глубине 2,3 м, на котором имеются довольно выразительные следы какой-то надписи (?) (рис. 14). Аналогии для группы лепной керамики мы находим как в Поднестровье [18], так и в Поднепровье [19].

---

[16] А. Т. Брайчевская. Указ. соч., стр. 150—162; Э. А. Сымонович. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 86.

[17] Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення. МДАПВ, вип. 2. 1959. Київ, рис. 10, *2*.

[18] В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у міжріччі Дністра і Західного Бугу. МДАПВ, вип. 3. Київ. 1961, стр. 77—88.

[19] Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 68, 1958, стр. 14—19.

Гончарная керамика по составу теста и технике изготовления подразделяется на три подгруппы: 1 — посуда с гладкой лощеной поверхностью, изготовленная из отмученной глины; 2 — посуда с шершавой поверхностью и значительными примесями песка в тесте; 3 — посуда с незначительными примесями песка и более гладкой поверхностью, чем керамика предыдущей подгруппы.

Керамика первой подгруппы — это высококачественная столовая посуда. Она изготовлена из хорошо отмученной глины без примесей. Поверхность гладкая, лощеная, серого, темного, очень редко коричневого цвета, обжиг хороший. Основные формы: миски, горшки, кувшины; встречаются маленькие чарки.

По количеству первое место занимают миски. Они имеют несколько отогнутый наружу утолщенный венчик. Более или менее резкий перегиб тулова и дно на кольцевой ножке или плоское. Плечики их иногда украшает горизонтальный валик (рис. 8, *4, 6*; рис. 9, *1—6, 8, 10*). Размеры мисок, которые удалось собрать полностью: высота 9,8—11,2 см, диаметр горла 17,3—21,3 см, дна 7,5—7,7 см. Одна миска с широким горизонтальным венчиком имеет несколько большие размеры — ее высота 20 см, диаметр горла 22 см, дна 12,50 см (рис. 8, *5*). Кроме того, в гончарной печи найдены две маленькие мисочки. Одна из них сохранилась полностью. Ее высота 7 см, диаметр горла 8,20 см, дна 3,90 см (рис. 10, *4*). Особого внимания заслуживают находки обломков двух мисок с тремя ручками, так как миски этого типа в памятниках черняховской культуры в междуречье Днестра и Западного Буга встречаются очень редко. Некоторые миски орнаментированы горизонтальными зигзагообразными пролощенными линиями, гладким валиком, косыми каннелюрами по перегибу тулова, косыми пролощенными линиями (миска с ручками). Особенно богатый орнамент в виде овальных углублений, обрамленных пунктирными линиями, а также отпечатков зубчатого чекана самых различных сочетаний нанесен по всему тулову небольшой миски, найденной в гончарной печи. Миска имеет темный цвет и по технике изготовления напоминает посуду типа «terra nigra» (рис. 8, *14*). Заслуживает внимания нижняя часть миски, украшенная пролощенными вертикальными полосами. Между этих полос нанесены вертикальные зигзагообразные пролощенные линии.

Горшки из хорошо отмученной глины употреблялись в значительно меньшем количестве,

Рис. 14. Фрагмент лепного сосуда с надписью (?) с поселения Рипнев II

чем миски. Они имеют отогнутый наружу венчик, часто утолщенный, а в двух случаях — широкий почти горизонтальный венчик, выпуклые стенки и дно на кольцевом поддоне. Размеры горшков небольшие: высота 16,60—19,20 см, диаметр горла 11,50—16 см, дна 8—11 см (рис. 8, *1—3*). Некоторые горшки орнаментированы гладкими валиками, горизонтальными зигзагообразными лощеными линиями, решеткой из пролощенных линий, полосой вертикальных, нанесенных штампом коротких каннелюр.

В гончарной печи найдены два кувшина, один из которых имеет две, второй одну ручку. Несколько обломков кувшинов найдены и в других объектах на поселении. Оба упомянутые кувшина орнаментированы горизонтальными зигзагообразными линиями (рис. 8, *8—9*).

Нижняя часть небольшой чарки украшена горизонтальными каннелюрами и косыми пунктирными линиями (рис. 9, *11*). Аналогичный кубок был найден в одном из погребений на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского Ново-Воронцовского р-на Херсонской обл. [20]

Вторая подгруппа гончарной посуды по количеству несколько больше, чем первая. Она изготовлена из глины со значительными примесями песка, иногда и дресвы. Поверхность шершавая, серого, темно-серого, иногда коричневого цвета, обжиг хороший. Преобладающее количество посуды данной подгруппы составляют горшки. Они имеют отогнутый наружу

[20] Э. А. Симонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, № 82, 1960, стр. 201, рис. 10.

венчик, профилированную шейку, выпуклое тулово и плоское дно (рис. 9, *14—18, 20—23*; рис. 10, *1, 3—6, 14*). Один сосуд, найденный в жилище № XIX, имеет биконическую форму и ребристый перегиб тулова (рис. 9, *13*). Сосуды часто орнаментированы по плечикам одной, двумя или несколькими горизонтальными линиями (рис. 9, *17—18, 21—22*; рис. 10, *3, 5*). Один сосуд украшен прямой и зигзагообразной горизонтальной линией.

Вторую форму представляют пифосообразные сосуды, используемые для хранения продуктов. Это большие толстостенные, хорошо обожженные сосуды с горизонтальным широким венчиком, выпуклым туловом, особенно в верхней части сосуда, и днищем на плоском поддоне (диаметр горла 19,5—28 см; рис. 10, *11—13, 16—19*). Они орнаментированы по плечикам двумя или тремя горизонтальными врезанными волнистыми линиями, иногда многорядной волной. В одном случае между двумя волнистыми линиями нанесены вертикальные ряды отпечатков чекана (рис. 10, *11*). К данной подгруппе относятся также три миски и кувшин с одной ручкой (рис. 10, *9*). Миски по форме не отличаются от мисок, изготовленных из отмученной глины (рис. 10, *2, 10*). Третья миска имеет несколько вогнутый внутрь венчик и по форме напоминает миски эпохи раннего железа (рис. 10, *7*).

Третья, очень не значительная по количеству подгруппа гончарной керамики, отличается от предыдущей более чистым, лишь с незначительными примесями мелкозернистого песка, составом глины и более гладкой поверхностью. Цвет посуды темно-серый и черный, обжиг хороший. Она состоит из обломков круглобоких горшков с отогнутым наружу утолщенным венчиком (рис. 9, *19*), нескольких биконических мисок и нескольких обломков кувшинов с одной ручкой. Одна миска по плечикам орнаментирована двумя пролощенными зигзагообразными линиями (рис. 9, *9*). В данной подгруппе заслуживает внимания небольшой сосуд с отогнутым наружу венчиком и профилированным бочком. Сосуд по тулову имеет вертикальные овальные углубления (рис. 8, *7*). Сосуды с аналогичными овалами в междуречье Днестра и Западного Буга встречаются очень редко. Один близкий к нашему сосуд найден на поселении в Романовом селе, Тернопольской обл. [21]

[21] H. Cehak-Holubowiczowa. Próbne wykopaliska w powiecie Zbaraskim. Wiadomości archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936, стр. 65, рис. 12.

Гончарная посуда имеет широкие аналогии среди материалов других синхронных памятников верховьев Западного Буга [22], Поднестровья [23] и Поднепровья [24].

Кроме керамики местного производства, на Рипневском поселении найдено несколько фрагментов стенок и ручки импортных амфор и стеклянных сосудов. Одну амфору из жилища № XI частично удалось собрать. Она изготовлена из отмученной глины, поверхность рифленая, коричневого цвета, обжиг хороший. Амфора имеет утолщенный венчик, низкую шейку и почти прямой, суженный в нижней части корпус. Ручки амфоры небольшие, овальные в сечении. Диаметр горла 8,50 см (рис. 10, *15*). Довольно близкая амфора найдена на могильнике III—IV вв. н. э. на территории Румынии в Извоаре [25].

Кроме посуды, на Рипневском поселении найдены и другие изделия, изготовленные из глины. К ним относятся пряслица (6 шт.) и конические блоки — грузила. Пряслица изготовлены из глины с незначительными примесями дресвы и хорошо обожжены. Они имеют вид усеченного конуса, форму биконическую или близкую к цилиндру. Цвет бурый или желтоватый (рис. 7, *17—22*). Интересно пряслице, изготовленное из мергельного мела на токарном станке, найденное в жилище № XIII. Оно сделано в виде как бы двух соединенных пряслиц, одно из которых имеет уплощенную биконическую форму, а второе форму усеченного конуса. На поверхности пряслица сохранились остатки черной краски. Его высота 2,80 см, наибольшая ширина 3,30 см, диаметр отверстия 0,90 см (рис. 7, *19*).

* * *

Вместе с керамикой при разборке культурного слоя обнаружены изделия из железа, бронзы, кости и камня.

Значительную группу находок составляют изделия из железа. Железо, по-видимому, было местного происхождения. На поселении найдены обломки криц и железные шлаки. Само название речки Рудки также указывает на наличие местной болотной руды. Из железа делались орудия труда и некоторые предметы быта. Особого внимания из числа этих

[22] М. Смішко. Указ. соч., стр. 202—203.

[23] В. Д. Баран. Указ. соч., стр 53—60.

[24] А. Т. Брайчевская. Указ. соч., стр. 148—191; Є. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV. Київ, 1950, стр. 62—63.

[25] R. Vulpe. Izvoare. Bucureşti, 1957, рис. 315, 2.

вещей заслуживает плужный нож (чересло). Находки такого типа орудий, свидетельствующих о наличии пашенного земледелия с применением плуга, на поселениях черняховской культуры очень редки. До сего времени были известны лишь два плужных ножа, которые предположительно увязывались с памятниками черняховской культуры. Один из них найден с вещами так называемого клада у с. Коровинцы Сумской обл. [26], второй в Поднестровье у с. Грицивци Тернопольской обл. как подъемный материал [27]. Чересло из Рипнева найдено на полу хозяйственной ямы № 16, на глубине 1,90 м от современной поверхности вместе с керамикой, характерной для памятников черняховской культуры, поэтому его культурная принадлежность не вызывает сомнения. Оно представляет собой массивный нож с острым лезвием и длинным массивным черном. Черен ножа прямоугольный в сечении. Его ширина 2,70—3,30 см, толщина 1,70 см, длина 22 см. Конец лезвия обломан, его максимальная ширина 3,80 см (рис. 4, *1*).

Орудия сельского хозяйства представлены тремя экземплярами серпов и двумя кольцами для крепления косы (рис. 4, *8*). Два серпа найдены в виде небольших обломков, третий в значительной части сохранился (рис. 4, *12—14*), форма их дугообразная. Длина наиболее сохранившегося серпа около 28,50 см, максимальная ширина лезвия 2,60 см. На тыльной стороне его имеется загнутая вбок пята, с помощью которой он крепился в рукоятке. Обращает на себя внимание архаичный облик серпа. Наиболее близкой аналогией для него является один из серпов Чаплинского городища [28]. Серп, найденный на поселении культуры полей погребений черняховского типа в Викнинах Великих Тернопольской обл., отличается от нашего своей формой и наличием прямого черена для крепления рукоятки [29].

Видное место среди железных изделий занимают деревообделочные орудия: два долота, тесло, сверло и два скобеля. Долота имеют форму, близкую к современной. Они представляют собой цельный четырехгранный, в одном случае вверху несколько закругленный стержень с клиновидным лезвием на одном конце и четырехугольным или овальным обухом на другом. Их длина 22,50—25,50 см, ширина лезвия 1,50—1,80 см (рис. 4, *3, 5*). В Поднестровье железное долото найдено на поселении в Будештах (Молдавия) [30].

Тесло, как и сверло, найдено в жилище № XIII, принадлежавшем, по-видимому, плотнику. Тесло имеет довольно широкое клиновидное лезвие и вертикальную четырехугольную втулку наподобие кельта. Его длина 14 см, ширина лезвия 6,5 см, размеры втулки 2 × 2,50 см (рис. 4, *11*). Следует отметить, что тесла с вертикальной втулкой бытовали еще и в древнерусский период [31]. Сверло имеет перовидное лезвие и выпуклый в верхней части, несколько расплющенный стержень. Его длина 10,50 см, максимальная ширина лезвия 1,70 см (рис. 4, *18*). Совершенно аналогичное сверло найдено нами в 1961 г. на поселении черняховской культуры Рипнев IV, расположенном в 1,50 км от Рипнева II [32].

Скобели найдены в заполнении жилищ № XIII и XI. Они имеют ножевидные лезвия и по два черенка для крепления рукояток. У одного из них концы черенков загнуты в стороны. Это сделано безусловно для того, чтобы с них не соскальзывали рукоятки (рис. 4, *16, 19*). Скобели довольно часто встречаются на поселениях черняховской культуры. В Поднестровье железный скобель найден на поселении в Будештах, в Молдавии [33].

При раскопках поселений черняховской культуры довольно частыми находками являются ножи. На поселении в Рипневе II их найдено 15 экземпляров, представленных в большинстве обломками. Лучше сохранилось лишь несколько штук. Их длина около 9,50—18 см, ширина лезвия 1,20—3 см (рис. 4, *2, 4, 6, 9, 10, 15, 17, 20*). Они имеют прямую или несколько дугообразную спинку и клиновидное в сечении лезвие. Переход от лезвия к черенку выражен в виде уступа со стороны спинки или лезвия, в некоторых экземплярах как со стороны спинки, так и лезвия. В двух случаях уступы мало

[26] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, рис. 5б.

[27] В. П. Савич. Нові пам'ятки доби полів поховань на території Львівської і Тернопольської областей. МДАПВ, вип. 2. Київ, 1959, табл. 1, *10*.

[28] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, стр. 140, рис. 13, *6*.

[29] М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. 1. Київ, 1947, стр. 120.

[30] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, № 82, 1960, рис. 17, *1*.

[31] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 111.

[32] Материалы отдела археологии Института общественных наук АН УССР во Львове (раскопки автора).

[33] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища, рис. 19, *1*.

заметны. Аналогичные ножи в Поднестровье найдены на поселении в Черепине, в Поднепровье на могильнике у совхоза Приднепровского [34] и многих других памятниках.

Двумя находками представлены наконечники стрел. Один из них втульчатый, другой черенковый, но оба имеют листовидную форму (рис. 5, *20—21*). Оружие представлено еще втульчатым наконечником и оковкой тыльного конца копий. Наконечник копья имеет листовидную форму. Его длина около 13,20 см (рис. 5, *19*). Предметы вооружения на памятниках черняховской культуры встречаются довольно редко. Близкую аналогию для втульчатого наконечника стрелы представляет наконечник стрелы с поселения в Неслухове [35]. Аналогии для наконечника копья в Верхнем Побужье мы находим в могильниках пшеворской культуры [36].

Из железа были изготовлены три ключа и замок. Два из них имеют якоревидную форму (рис. 5, *17, 27*). Они широко известны в первой половине I тысячелетия н. э. на территории юго-восточной и центральной Европы. Более редкой находкой на памятниках черняховской культуры являются трубчатые замки. Один такой замок цилиндрической формы и ключ к нему найдены в жилище № XIII (рис. 5, *22—23*). Ключ в виде железной удлиненной пластинки, один конец которой загнут в круглую петлю, а на другом имеется бородка, поставленная под прямым углом к стержню. Она имеет два фигурных прореза в виде прямоугольника и выемки.

Из единичных находок железных изделий следует отметить шило, овальную пряжку с подвижным язычком, часть удил и небольшое проволочное кольцо (рис. 5, *1, 10, 11, 24*). На одном из очагов, расположенном вне построек, найден частично сохранившийся глиняный тигель, а рядом с ним железный рогач (ухват). Он представляет собою довольно длинный железный стержень, имеющий на одном конце две губы, поставленные к нему под углом. По всей вероятности, он использовался для посадки в огонь и выемки тиглей, сохранился не полностью. Длина сохранившейся части 39,70 см (рис. 4, *7*). Аналогичный предмет найден на поселении первой половины I тысячелетия н. э. у с. Комарово Черновицкой обл. [37]

В числе находок, изготовленных из железа, имеется также шесть фибул с подвязанной ножкой, несколько гвоздей и ряд дефектных вещей неясного назначения. В размещении железных вещей никакой закономерности не прослеживается. Они находились и в культурном слое вне построек и в жилых и хозяйственных сооружениях. Всего на поселении за четыре года раскопок найдено 20 фибул, из них 14 бронзовых и 6 железных. 16 фибул сохранились довольно хорошо, а 4 представлены обломками спинки или пружинного аппарата. Арбалетные фибулы подвязной конструкции представлены 6 железными и 3 бронзовыми экземплярами (рис. 6, *1—9*). Фибулы этого типа имеют полукруглую, плоскую, граненую или круглую в сечении дужку, переходящую внизу в несколько суженную ножку. Последняя подогнута и образует приемник. На верху дужки имеется головка с отверстием, а в отдельных железных фибулах крючок для стержня пружинного аппарата. Длина сохранившихся фибул колеблется от 5,30 до 9,40 см. Некоторые бронзовые фибулы орнаментированы фасетками и нарезами. Фибулы подвязной конструкции чаще, чем какие-либо другие типы фибул, встречаются среди археологического материала черняховской культуры [38]. В жилище № XXII найдена бронзовая фибула с высоким держателем иглы. Дужка профилированная, в сечении полукруглая, ножка несколько книзу сужена. На переходе дужки в ножку и на конце ножки фибула орнаментирована горизонтальными гладкими валиками. В верхней части дужки имеется головка с отверстием для стержня пружины. Длина фибулы 5 см (рис. 6, *11*). Еще две такие же фибулы были найдены в культурном слое вне жилищных и хозяйственных построек, в одной из них обломанный держатель иглы (рис. 6, *10* и *15*).

Аналогичные фибулы найдены на поселении в Неслухове [39], в Поднестровье они известны из Черепина [40], Луки Врублевецкой [41]

---

[34] Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у Овчарни совхоза Приднепровского, табл. XI, *4, 6, 8, 9*.

[35] K. Hadaczek. Grabarka Niesłuchowska, Teka konserwatorska, tabl. I, *2*.

[36] М. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР, Археологія, т. II. Київ, 1948, табл. I, *9*.

[37] Материалы отдела археологии Института общественных наук АН УССР (раскопки М. Ю. Смишко).

[38] А. І. Фурманьска. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 76—85.

[39] K. Hadaczek. Grabarka Niesłuchowska, табл. I, *1*.

[40] В. Д. Баран. Поселення перших століть н. е. в с. Черепині, табл. XVII, *9*.

[41] Э. А. Сымонович. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, 1955, М., рис. *8—16—18*.

и других памятников черняховской культуры.

К третьему типу относится фибула с плоским держателем иглы, сделанным из бронзовой пластины. Дужка профилированная, ножка прямая, орнаментированная двумя врезными горизонтальными линиями, длина 5,40 см (рис. 6, *12*). Наиболее близкие аналогии находим в Псарах [42], Неслухове [43] и Черепине [44].

Две фибулы, обнаруженные в жилище № 11, относятся к провинциально-римскому типу. Они имеют довольно массивную лукообразную дужку, на верхнем конце которой имеется головка с шипом и отверстием для стержня пружины, а также в одном случае щиток, орнаментированный врезными вертикальными линиями и насечками. В одной из фибул дужка в сечении восьмигранная и орнаментирована нарезками в виде углов, у второй плоская с четырьмя гранями, украшенная очковым орнаментом, исполненным при помощи штампа. Горизонтальными врезными линиями и нарезами орнаментированы и ножки фибул.

Еще одна такая же фибула найдена на борту припечной ямы у гончарного горна (рис. 6, *16*). В отличие от предыдущих она имеет трехгранную в сечении дужку и лишена орнамента.

Фибулы этого типа на территории лесостепи УССР встречаются очень редко. Территориально наиболее близкой аналогией для рипневских фибул является фибула, найденная нами в последние годы при раскопках поселения второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Бовшева (Бовшев II) Галичского р-на Ивано-Франковской обл. [45] Близкая к нашим фибула известна по публикации Т. Пентки-Домбровской из фондов Варшавского государственного археологического музея. Она найдена где-то в окрестностях с. Вербычна бывшего Каменец-Подольского Повета [46]. Еще одна фибула того же типа из окрестностей Канева имелась в собраниях Музея Дзедушицких во Львове [47].

Наибольшее количество фибул провинциально-римского типа с лукообразной дужкой и шипом на верху головки известно с территории Центральной Европы, на севере они встречаются в Прибалтике, заходя в Скандинавию, на юге — в Подунавье [48].

Отдельного рассмотрения требует бронзовая с позолотой фибула византийского типа (рис. 6, *19*), найденная в пахотном слое над жилищем № XI на глубине 0,20 м от поверхности. Она имеет профилированную полукруглую дужку с продольным ребром и суженную ножку. Держатель иглы несколько напоминает держатели фибул подвязной конструкции, но в отличие от них он не подвязан к спинке проволочкой, а отлит вместе с корпусом фибулы. Верхняя часть дужки кончается головкой с отверстием для стержня пружинного аппарата. На головке имеется овальный шип. Спинка фибулы с внешней стороны украшена горизонтальными насечками, а также косыми насечками в виде углов и гладкими поперечными валиками. Аналогичные фибулы известны главным образом из среднего и нижнего Подунавья [49]. Одна фибула, очень близкая к нашей, известна нам из окрестностей Городницы Ивано-Франковской обл. [50]

Кроме фибул, в состав вещей из бронзы входят лунница, сделанная из тонкой жести, орнаментированная наколами (рис. 5, *8*), игла (рис. 5), пластина, украшенная циркульным орнаментом (рис. 5, *25*), фрагмент браслета (рис. 5, *13*) и некоторые другие изделия, назначение которых неясно. В культурном слое вне жилищ найдено также одно проволочное серебряное кольцо (рис. 5, *9*).

Отдельную группу составляют предметы, сделанные из кости. К ним относятся три греб-

---

[42] K. Hadaczek. Kultury dorzecza Dniestru. Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, t. XII. Kraków, 1912, tabl. X.

[43] K. Hadaczek. Grabarka Niesluchowska. tabl. I, 2.

[44] В. Д. Баран. Поселення перших століть н. е. в с. Черепині, табл. XVII, *8*.

[45] Материалы отдела археологии Института общественных наук АН УССР (раскопки автора в 1963 г.).

[46] T. Piętka-Dąbrowska. Przyczynki do znajomości okreu od I do VI w. n. e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu., tabl. XXVII, 1961, стр. 221—224, tabl. XLVII, *13*.

[47] С фотографией фибулы меня любезно познакомил М. Ю. Смишко, за что приношу ему искреннюю благодарность.

[48] E. Meyer. Die Bügelknopffibel, Arbets- und Forschungsberichte zur sächsischen. Bodendenkmalpflegs, Bd. 8. Leipzig, 1960, стр. 247; K. Sagi. Die Spätrömische Bevölkerung der Umgebung von Kösthely. Acta archeologica, t. XII. Budapest, 1960, стр. 249—256, рис. 64, *2*.

[49] Christian Pescheck. Zur Südausbreitung der Fibel mit umgeschlagenen Fus. Praehistorische Zeit schrift. Bd. XXXIV/V. 1949/50, II Halfte. Berlin, 1953, стр. 265—266; D. Csallány. Der gepidische Grabfund von Szentes-Nagyhegy und seine archeologischen Beziehungen. Archaeologiai értesitő, сер. III, вып. 1—3, 1941, стр. 143—161; D. Tudor. Sucidava III. Dacia XI—XII, 1948; стр. 196—197, 41, *13—15*, *50*.

[50] С фотографией фибулы меня любезно ознакомил М. Ю. Смишко.

ния с дугообразной спинкой, пластина с тремя отверстиями, две иглы, три конька, две проколки и две трубочки (рис. 5, *28—40*). Наиболее совершенными изделиями из кости являются гребни. Они сделаны из отдельных пластин, соединенных между собою железными или бронзовыми заклепками. Их ширина 8,30—8,50 см, высота 5,30—5—6 см (рис. 5, *30—32*). Гребни с дугообразными спинками являются довольно распространенными находками в памятниках первой половины I тысячелетия н. э. на территории Восточной и Центральной Европы. Наконец, следует упомянуть предметы из камня, представленные на поселении несколькими экземплярами точильных камней.

* * *

При определении времени существования поселения черняховской культуры у с. Рипнев II необходимо учесть в первую очередь такие хорошо датированные вещи, как фибулы, железные якореобразные ключи, пряжки, костяные гребни, импортную посуду. Правда, часть из них (якореобразные ключи и гребни) имеют довольно широкий хронологический диапазон. На территории в междуречье Днестра и верховьев Западного Буга они появляются уже в I—II вв. н. э. в памятниках липицкой культуры [51] и продолжают бытовать в черняховское время вплоть до конца IV, а возможно, и начала V в. н. э.

Относительно более точным датирующим материалом являются фибулы, а также импортные античные находки. Наиболее ранними в отложениях черняховской культуры на Рипневском поселении являются фибулы с подвязной ножкой (рис. 6, *1—9*). Фибулы этого типа на территории Верхнего Поднестровья и верховья Западного Буга датируются III — началом IV в. н. э.[52] К этому же времени относятся и фибулы с высоким держателем иглы [53] (рис. 6, *10—11, 15*). К III—IV вв. н. э. относятся узкогорлые амфоры с реберчатыми ручками, а также бронзовая арбалетная фибула с плоским держателем иглы, сделанным из загнутого края ножки. Узкогорлые амфоры довольно часто встречаются в памятниках черняховской культуры Верхнего Поднестровья. На поселении в Черепине они выступают в одних комплексах с предметами, относящимися к III—IV вв. н. э., т. е. в Верхнем Поднестровье они бытуют несколько дольше, чем в Причерноморье, где они датируются обыкновенно II—III вв. н. э. Безусловно, на территории Верхнего Побужья, не имеющего непосредственной водной связи с причерноморскими городами, амфорную тару нельзя датировать более ранним временем, чем в Поднестровье.

Одну амфору, найденную в жилище № XI (рис. 10, *15*), можно датировать не ранее IV в. н. э. Такую датировку подтверждает совместная находка аналогичной амфоры с фибулой с ромбической ножкой в погребении VIII на могильнике в Извоаре (Румыния) [54].

Более поздней, чем фибулы с подвязной ножкой, является фибула с плоским держателем иглы (рис. 6, *12*), поэтому ее можно отнести к концу III—IV в. н. э. IV в. н. э. датирует аналогичную фибулу, найденную на могильнике в Псарах, К. Гадачек [55]. А. П. Калитинский, ссылаясь на Альмгрена, также считает эти фибулы более поздними, чем фибулы с подвязным приемником [56].

Наиболее поздними на Рипневском поселении являются три фибулы провинциально-римского типа (рис. 6, *16—18*) и фибула ранневизантийского типа (рис. 6, *19*).

Фибулы провинциально-римского типа с лукообразной дужкой и шипом на головке на территории Центральной Европы выступают главным образом в IV — начале V в., что подтверждается совместными их находками в погребениях с монетами и другими хорошо датированными вещами [57]. По мнению Э. Мейера, они на данной территории доживают до VI в [58] Б. Шмидт фибулу из Зеебурга (крайс Айслебен), являющуюся почти точной аналогией нашей (рис. 6, *18*), датирует в пределах 450—525 гг.[59] К этому времени он относит и аналогичные фибулы из Мекленбурга [60].

Очень важными для определения времени бытования фибул этого типа являются материалы богатого погребения, открытого в Блучи-

---

[51] M. Smiszko. Kultury wczezesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów, 1932, стр. 174—175.

[52] В. Д. Баран. Поселения перших століть н. е. в с. Черепини, стр. 76.

[53] Там же, стр. 78; O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 98.

[54] Radu Vulpe. Izvoare, стр. 306, рис. 327.

[55] K. Hadaczek. Kultury dorzecza Dniestru, стр 29.

[56] А. П. Калитинский. О некоторых формах фибул из Южной России. Seminarium Kondakowianum, т. I, Прага, 1927, стр. 207.

[57] E. Meyer. Die Bügelknopffibel, стр. 236—246.

[58] Там же.

[59] B. Schmidt. Die spöte Völkerwanderungszeit in Mittel Deutschland. Halle, 1961, стр. 9.

[60] Там же, рис. 24.

нах, в южном предгорье Карпат на территории Чехословакии. В этом погребении интересующая нас фибула найдена вместе с римским мечом, браслетом с несколько утолщенными концами, пряжками и другими вещами, позволяющими датировать погребение второй половиной V в.[61] И. Вернер придерживается мнения, что датировку погребения можно даже ограничить временем от 450 до 480 гг.[62]

Суммируя известные нам данные, относящиеся к датировке фибул провинциально-римского типа с лукообразной дужкой и шипом на головке, следует все же отметить, что никому из исследователей не удалось хорошо доказать их бытования в VI в. Это замечание относится и к фибулам из Зеебурга и Мекленбурга. Наиболее серьезные основания для датировки фибул этого типа второй половиной V в. дают материалы погребения в Блучинах.

Определяя время бытования рипневских фибул, следует учесть, что они найдены на территории, расположенной на значительном расстоянии от главных центров их изготовления. Это позволяет появление их в верховье Западного Буга увязывать с несколько более поздним временем, чем на территории Центральной Европы, и датировать не ранее V в. н. э. Наша датировка подтверждается, в частности, материалами погребения в г. Блучинах, расположенном хотя и за Карпатами, но относительно на незначительном расстоянии. Следует отметить, что фибула из Блучинского погребения близка к рипневской (рис. 24, *18*) не только размером и своими конструктивными особенностями, но и наличием элементов очкообразного орнамента.

Фибулы византийского типа, являющиеся аналогией к рипневской (рис. 6, *19*), выступают главным образом в Подунавье в комплексах V — VII вв. н. э. Так, несколько экземпляров фибул этого типа найдено в ранневизантийском слое V—VII вв. н. э. в Сучидаве[63]. В Венгрии такие же фибулы известны из гепидского могильника в Ходмезёвашерхей-Кишхомок, датирующегося в пределах около 580—620 гг. н. э.[64] Фибулы византийского типа обнаружены также при раскопках крепости середины I тысячелетия н. э. в Садовско-Кале в северной Болгарии, которая существовала еще в VI в., а также в южной Болгарии, в окрестностях Брезигова вместе с монетами, относящимися к 518—565 гг.[65]

Приведенные данные свидетельствуют о том, что фибулы византийского типа с подогнутой ножкой, вылитой вместе с корпусом, появляются в V в. н. э. и находятся в употреблении на протяжении всего VI в., доживая до VII в. н. э.

Прежде чем перейти к определению времени нашей фибулы (рис. 6, *19*), надо выяснить ее культурную принадлежность, так как на рипневском поселении, кроме памятников черняховской культуры, открыты и более поздние славянские жилища с лепной керамикой. На этот вопрос не дают ответа условия ее залегания, поскольку она найдена в пахотном слое, его не может решить и датировка фибул этого типа, так как их хронологический диапазон очень широкий. Остается лишь одна возможность — проследить, с какими материалами выступают аналогичные фибулы на других памятниках.

В этом отношении большого внимания заслуживают материалы погребения № 336 из окрестностей Канникегарда на острове Борнхольм, в котором такая же фибула найдена вместе с фибулами с подвязным и высоким приемниками[66].

О. Альмгрен, а за ним и Е. Мейер, исходя из профилировки спинки фибулы, относят ее к типу провинциальноримских фибул с лукообразной дужкой и шипом на верху головки[67].

О. Альмгрен считает, что она, как и фибула с лукообразной дужкой, представляет собой дальнейшее развитие фибул с подвязным приемником, и датирует ее IV в. н. э.[68] Конечно, его датировка, основанная в данном случае исключительно на типологии фибул, сейчас нуждается в поправке. Но для нас очень важно то обстоятельство, что фибула с подогнутым приемником, отлитым вместе с корпусом, и фибулы с подвязным и высоким приемником найдены вместе в закрытом комплексе, что является неопровержимым доказательством того, что они на определенном отрезке времени сосуществовали. Следует отметить, что и в Сучидаве, кроме интересующих нас фибул византийского

[61] K. Tihelka. Knížeci hrob z obdobi stěhovani národu u Blučiny, okr. Brno-Venkov. Památky archeologické, roč. 54/2, 1963, стр. 467—494.
[62] Там же, стр. 494.
[63] D. Tudor. Sucidava, Dacia, t. VII—VIII, 1937—1940, стр. 372—373.
[64] D. Csallány. Der gepidische Grabfund, стр. 143—161.
[65] Christian Peschek. Указ. соч., стр. 265.
[66] O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 230.
[67] Там же, стр. 85—89. E. Meyer. Указ. соч., стр. 285.
[68] O. Almgren. Указ. соч., стр. 85—89.

типа, также имеются фибулы с лукообразной дужкой.

Все это позволяет рипневскую фибулу отнести к черняховскому комплексу и датировать ее не ранее, чем второй половиной V в. н. э., т. е. тем наиболее вероятным временем, когда она могла бытовать вместе с другими фибулами, имеющимися в комплексе, в частности, с типологически близкими фибулами с лукообразной дужкой.

Таким образом, слой черняховской культуры у с. Рипнев II можно твердо датировать III — второй половиной V в. н. э.

Однако, определяя хронологию поселения черняховской культуры в целом, необходимо учесть еще одну важную для датировки находку — римскую бронзовую монету Адриана (117—138 гг. н. э.), найденную в культурном слое на глубине 0,46 м от поверхности в пределах жилища № VII. Она не только не противоречит нашей датировке, но дает основание нижнюю хронологическую границу поселения отнести на конец II — начало III в. н. э. и тем самым несколько раздвинуть его хронологические рамки.

ПОСЕЛЕНИЕ У С. РАКОБУТЫ

Поселение расположено в урочище Купецке, на плато, над поймой Западного Буга, в устье реки Рудки. На северном крае урочища проходит дорога Ракобуты — Купче, с юга и запада его обрамляет долина реки.

В северо-западной части поселение прорезано несколькими силосными траншеями, в восточной — культурный слой разрушен двумя колхозными постройками.

В 1958 г. И. И. Ляпушкин провел шурфовку поселения и выявил остатки одного четырехугольного сооружения полуземляночного типа, принадлежащего к черняховской культуре [*]. Еще одна яма, по-видимому, того же времени была обнаружена в стенке одной из силосных траншей.

В 1959—1960 гг. на этом поселении были проведены небольшие раскопки Западнобугской экспедицией Института общественных наук АН УССР.

В первый год раскопок была заложена траншея размером 2 × 22 м на северной окраине поселения. Культурный слой залегает на глубине 0,20—0,50 м. Кроме очень незначительного количества керамики черняховской культуры, в траншее найдено несколько обломков посуды эпохи раннего железа. Единственным объектом, обнаруженным в траншее, была яма, в заполнении которой найдено несколько обломков гончарной керамики черняховской культуры. Форма ямы круглая, стенки отвесные, дно ровное. Диаметр 1,40 м, глубина 0,86 м от современной поверхности. На борту ямы расчищена ямка от столба диаметром 0,30 м, углубленная в материк на 0,17 м.

В 1960 г. заложены два небольших раскопа. Раскоп I размером 58 кв. м заложен на северо-западной окраине поселения с целью исследования остатков двух углубленных сооружений черняховской культуры, верхняя часть которых была разрушена при выкапывании силосных траншей до глубины 0,80 м от современной поверхности. Поскольку постройки были довольно глубокие, они в значительной части сохранились.

Одна из них (яма № 1) имела овальную форму, суженные книзу стенки и ровное дно. Ее размеры 2,40 × 2,60 м, глубина 1,80 м от современной поверхности. В восточной части она врезалась в заполнение углубленной постройки № II. Яма была заполнена гумусированным слоем. В ней найдено значительное количество лепной и несколько меньшее гончарной керамики, кости животных и одно пряслице, изготовленное из мела на токарном станке.

Постройка № II расположена восточнее ямы № 1. Ее западная стенка была разрушена ямой. Форма постройки овальная, стенки книзу сужены, пол сделан на утрамбованном материке. Размеры постройки 2,60 × 4,20 м, глубина 1,50—1,70 м от современной поверхности. В северной материковой стенке ее был вырезан небольшой выступ-ступенька, возвышающаяся над уровнем пола на 0,25 м, длиной — 1 м, шириной около 0,38 м. В северо-восточной части постройки расчищена яма. Форма ее неправильная, стенки книзу сужены, дно неровное. Размеры ямы около 1,40 × × 1,80 м, глубина 0,25—0,40 м от уровня пола. В гумусированном заполнении постройки № II и ямы найдены фрагменты лепной и гончарной керамики черняховской культуры, бронзовая фибула с подвязным приемником и кости животных. Один лепной банковидный сосуд удалось собрать (рис. 7, *1*). Судя по размерам,

[*] В раскопках принимал участие автор.

постройка могла использоваться в качестве жилища, но отсутствие очага указывает на возможность ее использования лишь для хозяйственных нужд.

В 12 м восточнее силосных траншей заложен раскоп II, общей площадью 266 кв. м. В культурном слое, залегающем на глубине от 0,20 до 0,50 м, встречались фрагменты славянской керамики VII — VIII вв. н. э., обломки посуды черняховской культуры, а также эпохи раннего железа. Кроме того, найдены два фрагмента керамики комаровской культуры.

В процессе раскопок выявлены три ямы (№ 3—5) второй половины I тысячелетия н. э., а также яма и постройка, относящиеся к черняховской культуре (№ 6 и VII). Яма № 6 расположена в западной части раскопа. Форма ее овальная, стенки несколько книзу сужены, дно ровное. Ее размеры 2,40 × 2,80 м, глубина 1,35 м от современной поверхности. У восточной стенки ямы расчищен выступ-ступенька размером 0,60 × 1 м, возвышающаяся на 0,35 м над уровнем пола. В гумусированном заполнении ямы найдено несколько фрагментов керамики и кости животных. На дне ямы находок не было. Яма, по-видимому, имела хозяйственное назначение.

Постройка № VII выявлена в северной части раскопа (рис. 15). Это полуземлянка овальной формы с суженными книзу стенками и довольно ровным полом. Длина ее 5 м, ширина в западной части 2,63 м, в восточной 2,78 м, глубина 1,19—1,35 м от современной поверхности. Приблизительно посередине постройки у южной и северной стенок расчищены два вырезанных в материке выступа, возвышавшиеся на 0,12—0,22 м от уровня пола. В восточной части постройки обнаружена яма от столба. Ее диаметр 0,35 м, глубина 0,25 м от уровня пола. На глубине 0,45—0,70 м от современной поверхности постройка была перекрыта сплошным слоем хорошо обожженной глиняной обмазки толщиной от 0,15 до 0,30 м. Ориентировка и контуры слоя обмазки полностью совпадали с контурами ямы, но размеры слоя несколько меньше размеров ямы (длина 4,80, ширина 1,50 м). Слой обмазки в форме линзы залегал на гумусированном заполнении ямы. Обмазка сверху имела ровную, несколько заглаженную, поверхность, а снизу была прорезана отпечатками дерева, диаметром 3—7,5 см. Кроме того, приблизительно по середине слоя обмазки, вдоль постройки, лежали куски обмазки, выделяющиеся среди других несколько большими размерами, имеющие отпечатки деревянной плахи, диаметром около 11 см. Причем отпечатки направлены по линии восток — запад, т. е. также вдоль постройки. Исходя из того, что слой глиняной обмазки залегает над заполнением ямы, не выходя за ее пределы, а контуры их полностью совпадают, можно предполагать, что он представляет собой ее рухнувшее перекрытие, наподобие перекрытия землянок, обнаруженных на поселении в Рипневе. Отпечатки слег и продольного переклада указывают на то, что глиняные вальки укладывали на деревянный каркас, сооруженный над ямой. Каркас, по-видимому, имел двухскатную форму. Внизу его опорой были борта ямы, а вверху слеги связывались более толстым продольным перекладом. В восточной, более широкой части ямы крыша опиралась на столб, вкопанный в пол полуземлянки.

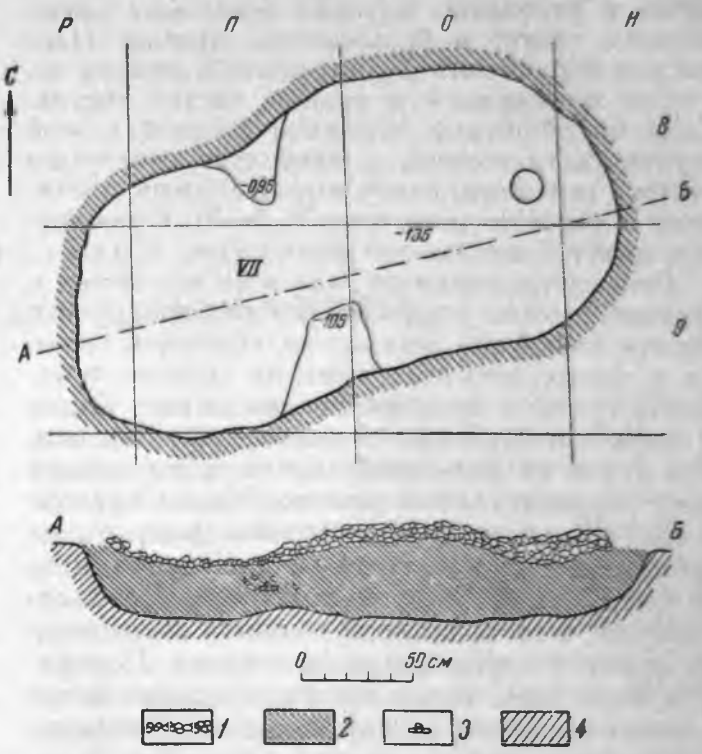

Рис. 15. План постройки VII и ее разрез по линии АБ с поселения Ракобуты.

Условные обозначения: *1* — обожженная глина; *2* — гумусированное заполнение ямы; *3* — уголь; *4* — глина

В процессе расчистки углубленных построек обнаружено значительное количество лепной и гончарной керамики, причем по количеству заметно преобладает лепная посуда. Лепная керамика изготовлена из глины со значительными примесями шамота, иногда дресвы

и песка. Поверхность неровная, бугристая и лишь в отдельных случаях несколько заглаженная, обжиг в большинстве слабый. Цвет посуды коричневый или буроватый, причем часто не одинаковый в разных частях сосуда. Судя по обломкам, основной формой в этой группе были горшки с несколько отогнутым наружу венчиком, слабо выраженными плечиками и плоским дном (рис. 7, *2—7*). Один горшок имеет банковидную форму (рис. 7, *1*).

Гончарную керамику, как и на поселении в Рипневе, можно разделить на три подгруппы. Первая подгруппа состоит из обломков горшков и мисок, изготовленных из хорошо отмученной глины с лощеной поверхностью. Горшки имеют утолщенные отогнутые наружу венчики и дно на кольцевой ножке, один горшок имеет горизонтальный венчик. Миски биконические, открытые, с характерным заломом на переходе плечиков в тулово и кольцевой ножкой (рис. 7, *8, 9*). Вторую подгруппу составляет посуда, в тесте которой имеются значительные примеси крупнозернистого песка. Поверхность шершавая, темно-серого, в одном случае желтоватого цвета, обжиг хороший. Основная форма — горшки, кроме того, имеются большие пифосообразные сосуды с горизонтальным венчиком (рис. 7, *10, 13*). К третьей подгруппе относятся горшкообразные сосуды с незначительными примесями мелкозернистого песка. Поверхность их гладкая, цвет темный. Некоторые сосуды орнаментированы лощеными горизонтальными и вертикальными зигзагообразными линиями. На одном из фрагментов имеется орнамент в виде елки и овального круга, разделенного на четыре сектора двумя прямыми линиями (рис. 7, *12*). Среди керамики выделяется нижняя часть сосуда с вертикальными овальными углублениями (рис. 7, *11*).

В целом керамика из Ракобут не отличается от посуды поселения у с. Рипнев II. Обращает на себя внимание несколько больший процент лепной посуды.

Кроме керамики, на поселении найдены бронзовая арбалетная фибула с подвязным приемником (рис. 6, *14*), пряслице и стеклянная бусина.

Особого внимания заслуживает пряслице, найденное в яме № 1. Оно изготовлено на токарном станке из мергельного мела и имеет форму усеченного конуса (рис. 7, *14*). Еще одно изготовленное на токарном станке пряслице найдено на поселении Рипнев II (рис. 7, *19*). До сих пор на территории Верхнего Побужья наиболее ранними пряслицами, изготовленными на токарном станке, считались пряслица славянского городища VI—VII вв. н. э. у с. Зимно [70].

Бусина найдена в культурном слое вне построек. Она изготовлена из фиолетового стекла и имеет округло-уплощенную форму. В центре бусины имеется отверстие, диаметром 4 мм (рис. 7, *16*). Такие бусины известны из погребения черняховской культуры в с. Ромош Львовской обл. [71], поселений у сел Викины Великие [72], Черепин [73] и др. Находки стеклянных изделий в междуречье Днестра и верховьях Западного Буга в черняховское время являются довольно частыми. Возможно, это связано с наличием у с. Комарово на Среднем Днестре провинциально-римской стеклодельной мастерской, открытой в последние годы М. Ю. Смишко.

Рассмотрение материала поселения в Ракобутах позволяет отнести его к III—IV вв. н. э. Такая датировка подтверждается находкой фибулы подвязной конструкции и костяного гребня с дугообразной спинкой [74]. Следует отметить, что типы построек поселения в Ракобутах и найденный в них материал имеет аналогии на поселении в Рипневе II, что свидетельствует об их синхронности.

Материалы из рипневского и ракобутского поселений подтверждают высказанное нами ранее мнение о принадлежности памятников черняховской культуры верховьев Западного Буга и Верхнего Поднестровья к одной локальной группе.

---

[70] Материалы отдела археологии Института общественных наук АН УССР (раскопки В. В. Аулиха).

[71] Там же.

[72] М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікинах Великих, стр. 118.

[73] В. Д. Баран. Поселення перших століть н. е. біля с. Черепин, стр. 74.

[74] Гребень найден во время раскопок И. И. Ляпушкина.

Э. А. Рикман

ЧЕРНЯХОВСКОЕ СЕЛИЩЕ У С. БАЛАБАНЕШТЫ

Изучая микрорайон с памятниками черняховской культуры вокруг центра, за который приняты могильник и селище у с. Будешты, мы провели исследование селища в 0,50 км к западу от с. Балабанешты [1] Бульбокского р-на Молдавской ССР, расположенного в 10 км к северо-востоку от с. Будешты.

Селище занимает площадь шириной около 200 м и длиной около 1 км на пологом склоне всхолмления, тянущегося вдоль дороги Вадулуй — Воды — Чимишены. У подножья всхолмления, на котором оно расположено, протекает ручей, впадающий севернее селища в р. Днестр. Территория селища рассекается в направлении с запада на восток несколькими балками и оврагами. Интересно, что между двумя оврагами имеется соединительный ров (быть может, подправленный овраг), который, возможно, в древности использовали в качестве укрепления.

Раскопки разведывательного характера были предприняты в северо-восточной и юго-восточной части селища. Вскрыто 93 кв. м. Толщина культурного слоя до 1,40 м. Максимальная толщина культурного слоя отмечена в северо-восточной оконечности селища (раскопы I—III), где де глубины 0,60—0,80 м преобладает черняховская керамика и встречаются отдельные средневековые черепки. Ниже этого слоя залегает преимущественно керамика начала I тысячелетия до н. э., относящаяся к фракийскому гальштату. В юго-восточном районе селища (раскопы IV и V) найдена только черняховская керамика.

Таким образом, селище эпохи фракийского гальштата [2] подстилало поселение черняховского типа в северо-восточной оконечности последнего. От начала I тысячелетия до н. э. сохранились ямы-хранилища грушевидной и цилиндрической формы, остатки пода глиняного очага, сооруженного на основе из камней. Керамика, найденная здесь при раскопках, в основном относится к культуре фракийского гальштата: типичные черно- и серолощеные миски с загнутыми внутрь краями, некоторые из которых украшены продольными каннелюрами, стенки крупных горшков с прямыми налепами и вдавлениями, а также стенки с округленными налепами, сосуды с коническими выпуклостями и упорами, ручки от различных сосудов. Интересен фрагмент стенки, орнаментированный зубчатыми наколами, и обломок с геометрическими нарезными узорами. Большая часть керамики лощеная. Весь этот материал относится к IX—VIII вв. до н. э. К этой же эпохе относится, по-видимому, каменный полированный молот.

Остатки наземных жилищ черняховской эпохи обнаружены в юго-восточном районе селища, в виде скоплений обломков обожженной глиняной обмазки от стен [3] и обломков необработанных известняковых камней. На глиняной обмазке имеются отпечатки соломы и прутьев каркаса стен. Диаметры отпечатков прутьев 2—5 см. Цвет обмазки красный, оранжевый, серый. Имеются обломки с плоскими поверхностями. В комплекс наземного жилища входила несомненно цилиндрическая яма-хранилище, глубиной 0,90 м от уровня дневной поверхности, диаметром 1,10 м. Кроме того, найдены развалины очага из плитчатых камней, потрескавшихся от огня (раскоп III). Камни были

[1] Селище открыл Н. А. Кетрару. Работу вел отряд Молдавской археологической экспедиции ИИ АН МССР и ИА АН СССР, которым руководил автор. Сотрудники: Н. А. Кетрару, Г. Ф. Никитина, Г. Д. Скорцеску.

[2] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1959, стр. 52. В определении этого материала участвовала А. И. Мелюкова.

[3] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху). МИА, № 82, 1960, стр. 303—327.

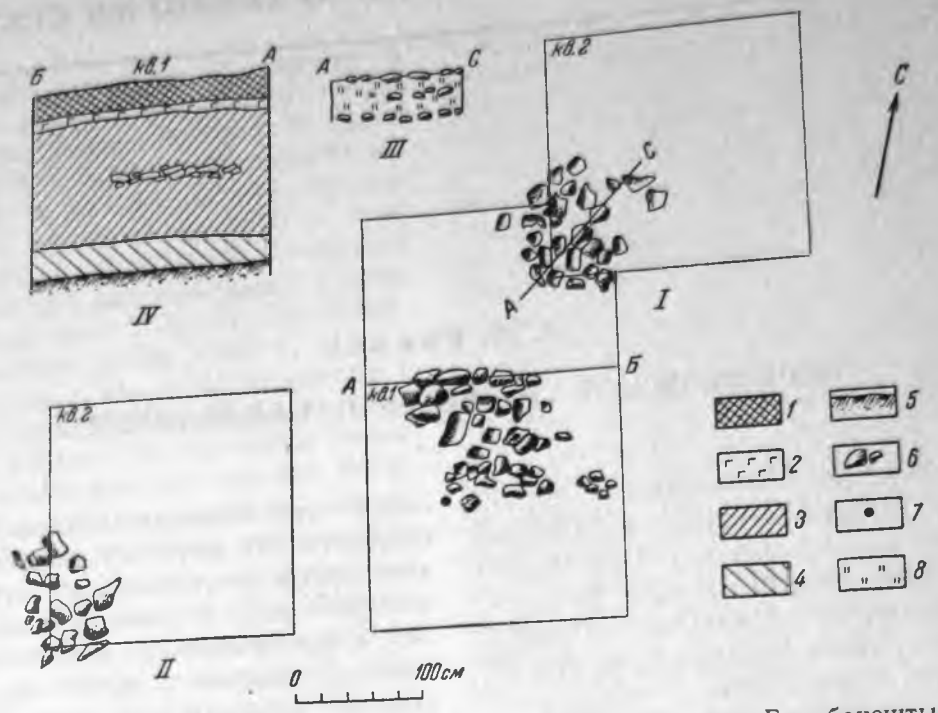

Рис. 1. Очаг II—IV вв. н. э., обнаруженный на селище Балабанешты.

I — план траншеи; *II* — план квадрата 2 (вторая стадия расчистки каменного очага); *III* — профиль по линии АС; *IV* — профиль квадрата 1 по линии БА

Условные обозначения: *1* — наносный слой; *2* — гумус; *3* — культурный слой; *4* — предматериковый слой; *5* — материк; *6* — камни; *7* — находка бронзового стержня; *8* — обожженная глина

уложены на слое глины. Перед очагом прослежены остатки предочажной вымостки из камней (рис. 1).

Керамика в юго-восточном районе селища, где зафиксирован наиболее полно сохранившийся черняховский слой, представлена находками красных гладких сосудов (9 шт.), красных шероховатых (34 шт.), серых гладких (80 шт.), серых шероховатых (34 шт.), лепных сосудов (21 шт.).

По соотношению керамики разных типов на селище Балабанешты наблюдается картина, типичная для черняховских селищ Молдавии. Преобладает керамика серая шероховатая с грубыми примесями. Довольно высок процент лепной посуды — 11,8%.

Керамический материал селища у с. Балабанешты не отличается существенными особенностями от посуды других селищ первых веков новой эры Днестровско-Прутского междуречья. Формы сосудов следующие: горшки, миски, трехручные вазы. Особый интерес представляет серолощеный двуручный выпуклобокий крупный кувшин на кольцевом днище. Подобные кувшины довольно широко распространены на черняховских памятниках (селище Делакеу, могильники: Будештский [4] и у балки Дубовой в селе Ново-Александровка [5]. Эти черняховские кувшины восходят по форме к краснолаковым импортным римским двуручным сосудикам, известным, например, среди материалов сарматского Боканского могильника II—III вв. н. э. (раскопки Г. Б. Федорова) [6]. Эти кувшины интересны тем, что по ним отчетливо выделяется черняховская традиция в салтово-маяцких памятниках (рис. 2, *1*). Аналогичные сосуды найдены в могильнике Новый Пазар, раскопанном в Болгарии [7].

Среди керамики первых веков новой эры небольшим числом представлена лепная посуда, отдельные образцы которой украшены

---

[4] Э. А. Рикман. Раскопки у с. Будешты (к вопросу о населении Днестровско-Прутского междуречья в первых веках новой эры). Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, рис. 9.

[5] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, № 82, 1960, табл. III, *9*, *11*.

[6] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Известия Молдавского филиала Академии наук СССР № 4 (31). Кишинев, 1956, рис. 9.

[7] Ст. Станчев и Ст. Иванов. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958, табл. XV.

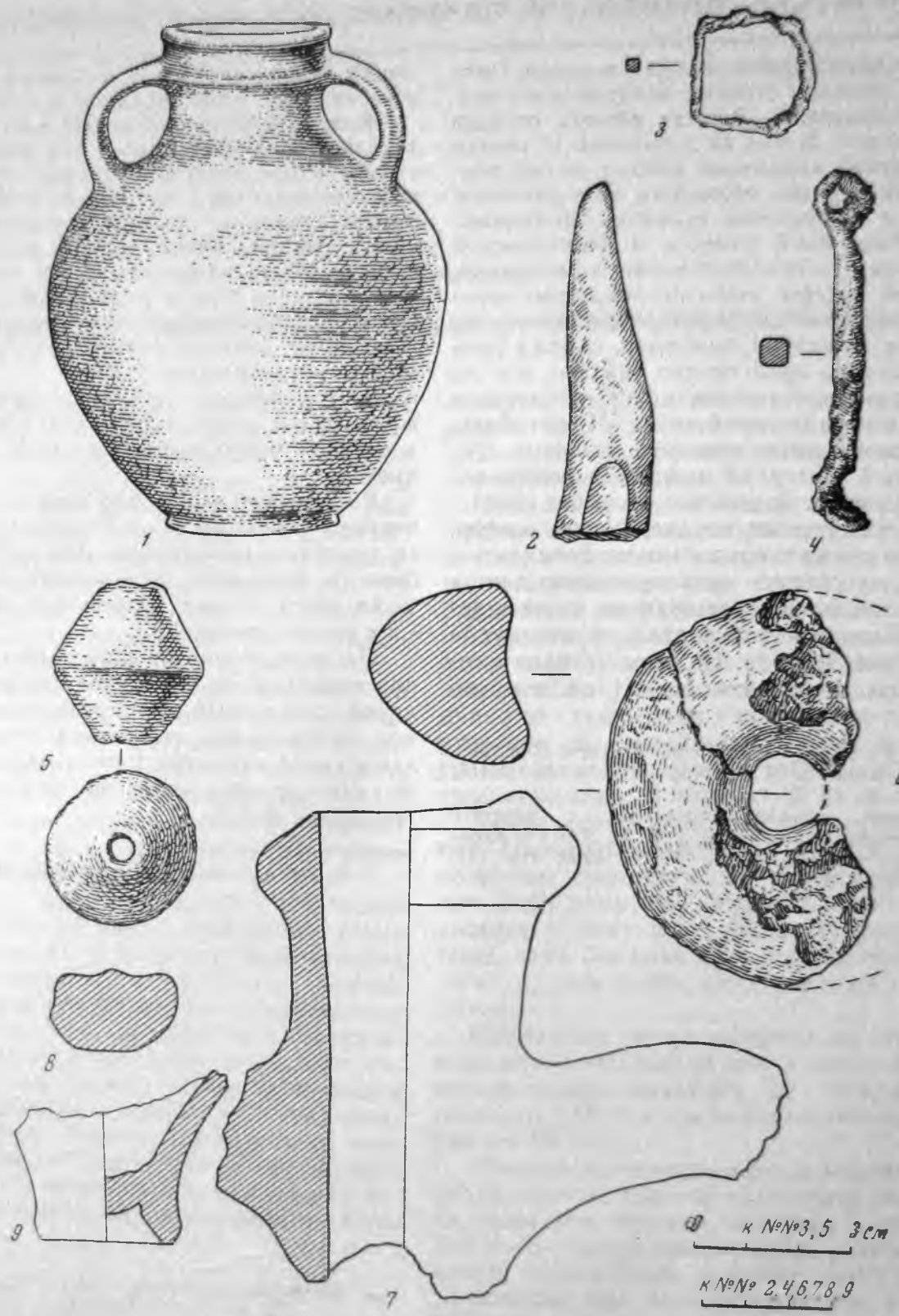

Рис. 2. Находки на селище Балабанешты.

1 — серолощеный кувшин; *2* — рог с надрезом; *3* — железная пряжка; *4* — обломок железных удил (?); *5* — глиняное пряслице; *6* — глиняное рыболовное грузило; *7* — горло светлоглиняной амфоры; *8* — разрез ручки светлоглиняной амфоры; *9* — ножка светлоглиняной амфоры

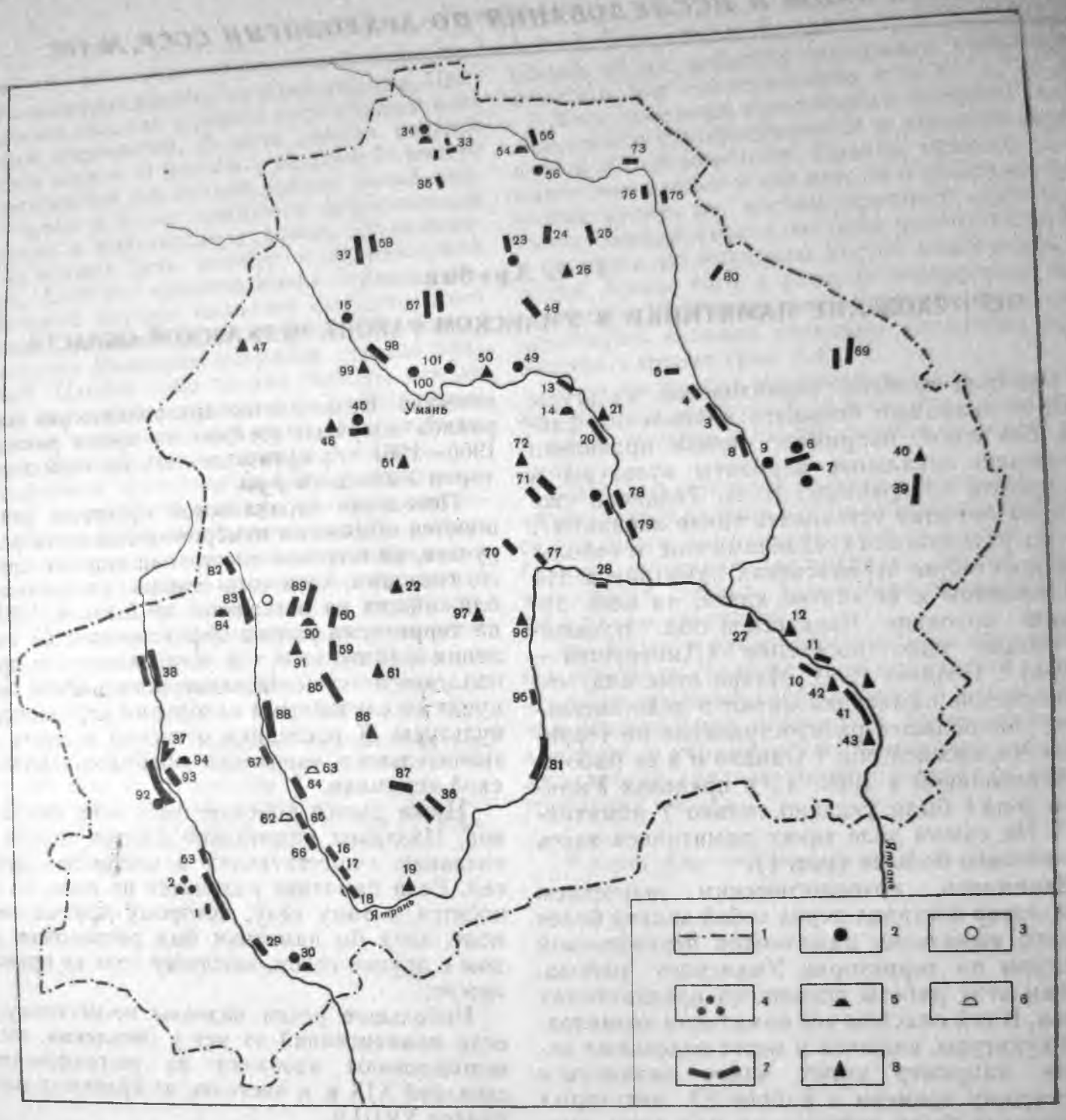

Рис. 1. Схематический план размещения черняховских памятников в Уманском районе Черкасской области.

Условные обозначения: *1* — границы Уманского района на 1962 г.; *2* — схематические контуры современных сел и г. Умани; *3* — отдельные находки римских монет; *4* — находка боспорской монеты; *5* — клады римских монет; *6* — черняховские могильники; *7* — предполагаемые могильники; *8* — черняховские поселения; *9* — случайные находки

случае, если памятник не расположен на той же реке, что и предыдущий.

Памятники г. Умани описаны после описания всех черняховских памятников, расположенных на территории Уманского р-на. В конце описания памятника, уже известного в археологической литературе, дается ссылка на литературу (список ее дан в приложении); первое число после двоеточия или точки с запятой указывает номер труда по списку литературы, а следующее число после запятой — страницы, например: Лит.: 4, стр. 496.

На приложенной карте номера соответствуют номерам в описании памятников.

1. **Антоновка** (Синица — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1920 г. П. Куринным. Обследовано в 1961 г. Находится на правом берегу р. Синицы на огородах над прудом. Длина селища доходит до 1,5 км. Из собранных обломков керамики (исключительно гончарных) шероховатые составляют 30%.

Лит.: 5, стр. 411; 12, стр. 59.

2. **Антоновка** (бассейн р. Синицы). Клад римских серебряных денариев преимущественно времени Марка Аврелия, найден в 1929 г. 370 денариев было передано в Уманский краеведческий музей. Во время войны они были увезены гитлеровцами в Германию.

Лит.: 4, стр. 195; 5, стр. 411; 12, стр. 59.

3. **Аполянка** (Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу р. Ревухи. Пятна глиняной обмазки и обломков керамики встречаются на поле между Бабанкой и Аполянкой на протяжении 1 км и продолжаются на огородах с. Аполянки. Из собранных исключительно гончарных обломков керамики большинство с гладкой поверхностью и лишь один лощеный. Среди подъемного материала имеется обломок неизвестного предмета из глины; он имеет вид части кольца с канавкой на поверхности, как у блока.

4. **Аполянка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится в селе на огородах на правом берегу р. Ревухи. Длина около 500 м, ширина — 200 м. Все собранные обломки глиняной посуды гончарные, с гладкой поверхностью.

5. **Аполянка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на поле севернее села, на правом берегу р. Ревухи у с. Добровод. Тут три балки сливаются в одну и на мысе, образованном двумя балками (ближе к Аполянке), на вспаханном поле встречаются обломки гончарной посуды и глиняная обмазка на небольшом участке протяженностью до 300 м.

6. **Бабанка** (Бутовая — Ревуха — Ятрань — Ю. Буг). Поселение, обнаружено историком местной школы И. И. Руденко в 1960 г. Обследовано автором в 1960—1961 гг. Находится на правом берегу р. Бутовой, левого притока р. Ревухи. Общая длина около 0,8 км. 25% собранных обломков керамики покрыто лощением.

7. **Бабанка.** Могильник (?) обнаружен на левом высоком берегу р. Бутовой в 1960 г. против поселения (№ 6). Здесь в молодом колхозном саду, на поверхности земли встречается много обломков гончарной черняховской керамики (рис. 2, *18, 22, 23, 24, 27, 28*). Найдены римские монеты: одна — денарий Фаустины Младшей, весом 2,96 г, а вторая — денарий Септимия Севера, весом 2,76 г (рис. 2, *13*). Монеты сохраняются в школе.

8. **Бабанка** (Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. на правом берегу р. Ревухи, на огородах северо-западной части села. Длина селища около 0,70 км, ширина до 250 м. Из поднятых 16 обломков керамики —9 с гладкой и лощеной поверхностью.

9. **Бабанка.** Случайная находка. В литературе имеются сведения о находках в Бабанке медных римских монет и двух серебряных денариев Антонина Пия. Однако точного места находок не указано. На карте оно дано условно.

Лит.: 4, стр. 190.

10. **Вильшана Слободка** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на поле на правом берегу р. Ятрани против с. Вильшанки. Длина поселения прослежена на расстоянии до 400 м. На вспаханном поле встречаются пятна со скоплениями обломков посуды и глиняной обмазки. Лощеные обломки керамики попадаются изредка. Найден кусочек меди.

11. **Вильшанка** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено и обследовано в 1961 г. Находится в селе на огородах на левом берегу р. Ятрани. Длина селища около 1 км. Среди собранных обломков керамики лощеных нет (рис. 2, *19*).

12. **Вильшанка.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. на левом берегу р. Ятрани на поле между селами Вильшанкой и Дубовой. Тут попадаются обломки черняховской керамики. Они идут полосой, размерами 200×50 м. Из собранных обломков керамики 25% с лощеной поверхностью. По-видимому, обнаруженный памятник является могильником.

13. **Гереженовка** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу р. Уманки, на огородах, в северо-западной части села. Длина селища около 0,8 км, при ширине до 150 м. Из собранных 23 обломков глиняной посуды — 1 лепной, 8 — с гладкой поверхностью (в том числе 3 лощеные). Встречается железный шлак.

14. **Гереженовка.** Могильник (?), обнаружен в 1961 г. на поле у южной окраины села. Находится на высоком левом берегу балки, впадающей в излучину р. Уманки между селами Гереженовкой и Гродзевым. Тут встречаются в относительно большом количестве обломки черняховской керамики. Из 41 обломка керамики — 39 гончарных и 2 — лепных (рис. 2, *17*).

15. **Городецкое** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на левом берегу р. Уманки западнее устья впадающей в нее р. Александровки. Длина немногим более 350 м. Среди 25 собранных обломков — один от лепного сосуда.

16. **Городница** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на левом берегу р. Ятрани в центральной части села. Размеры —400×200 м. Обломки керамики принадлежат сосудам, изготовленным на гончарном круге.

17. **Городница.** Поселение, обнаружено в 1961 г. Начинается через 350—400 м южнее поселения № 16 на левом берегу р. Ятрани. Большинство обломков керамики с шероховатой поверхностью, 20% — лощеные.

18. **Городница.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на огородах восточной окраины села, на левом берегу р. Ятрани. Протяженность свыше 300 м.

19. **Городница.** Случайная находка, обнаруженная в 1961 г. на поле, на левом берегу р. Ятрани, в 1 км западнее автострады Киев — Одесса. Встречены отдельные обломки черняховской керамики.

20. **Гродзево** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу р. Уманки в селе, на огородах. Общая длина поселения около 2 км. Из 22 поднятых обломков гончарной керамики —15 с шероховатой поверхностью. Найден железный шлак.

21. **Гродзево.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. на левом берегу р. Уманки у самого конца северо-восточной окраины села. Тут изредка встречались обломки гончарной сероглиняной посуды.

22. **Громы** (Журбинка — Янтарь — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка, хранящаяся в фондах УКМ, сероглиняный лощеный гончарный обломок (фонд № 429—2), найденный еще в первые годы существования музея. Обследование места находки в 1963 г. привело к обнаружению черняховского поселения.

23. **Дмитрушки** (М. Дмитрушка — Дмитрушка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение обнаружено в 1923 г. П. Куринным на берегу северного пруда. Во время разведок в 1960 г. обломков черняховской посуды не найдено.

Лит.: 4, стр. 496; 5, стр. 411; 7, стр. 192; 9, стр. 10; 12, стр. 60; 18, стр. 170 — на карте — поселение 26а.

24. **Дмитрушки** (Дмитрушка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1960 г. Оно находится сразу за восточной окраиной села на поле (урочище Левады Рыжего). Встречаются обломки гончарной и лепной посуды и обломки железного шлака.

25. **Дмитрушки.** Поселение, обнаружено в 1960 г. в 2,5 км восточнее села на поле, на мысе при верховьи балки, впадающей в р. Дмитрушку. Длина поселения около 400 м. Собраны обломки гончарной черняховской керамики и обмазки.

26. **Дмитрушки.** Случайная находка, обнаружена в 1960 г. западнее поселения № 25 на левом берегу р. Дмитрушки. Лишь изредка попадались обломки черняховской керамики[7]. Не исключено, что в дальнейшем разведки обнаружат здесь могильник, относящийся к поселению № 25.

27. **Дубовая** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение (?), обнаружено в 1961 г. Расположено на правом берегу р. Ятрани на огородах северо-западной части села вдоль берега водохранилища Дубовской ГЭС, начиная от плотины. Здесь изредка попадались обломки гончарной черняховской посуды.

28. **Заячковка** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. на правом берегу р. Ятрани, на огородах северо-восточной части села. На нем, немного восточнее,

---

[7] Тут не приводятся сведения о поселении у с. Дмитрушки, указанном в работе Е. В. Махно (Лит.: 12, стр. 60), так как это поселение в действительности находится на поле с. Пиковца и описывается здесь под № 48.

Рис. 2. Глиняные (*1—4, 10, 14—29*), стеклянные (*5*), костяные (*6*), янтарные (?) (*7*), железные (*8—9*) и серебряные (*11—13*) предметы с памятников черняховской культуры в районе г. Умани.

1,2,3,4,5,10,29 — Рыжавка (№ 62, 63); *6* — Пиковец (№ 48); *7* — Пугачевка (№ 54); *8* — Ропотуха (№ 59); *9* — Свинарка (№ 69); *11, 26* — Юрковка (№ 92); *12* — Полянецкое (№ 52); *13, 18, 22, 23, 24, 27, 28* — Бабанка (№ 7); *14* — Ст. Бабаны (№ 75); *15* — Томашевка (№ 84); *16, 20* — Собковка (№ 71); *17* — Гереженовка (№ 14); *19* — Вильшанка (№ 11); *21* — Кочубсевка (№ 32); *25* — Танское (№ 80); *29* — Умань (№ 98)

расположено известное в литературе трипольское поселение у с. Сушковки [8]. Обломки гончарной посуды прослежены на протяжении до 0,50 км вдоль берега при ширине полосы находок в 150 м.

29. **Колодистое** (Синица — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1926 г. П. Куринным. Обследовано в 1961 г. Находится на надпойменной террасе на левом берегу р. Синицы. Удалось найти лишь отдельные черепки черняховской керамики. У В. Антоновича есть сведения о находке в селе римской монеты Коммода.

Лит.: 1, стр. 131; 4, стр. 195; 6, стр. 64.

30. **Колодистое.** Могильник (?), обнаружен в 1926 г. П. Куринным вблизи села, на мысе между балок, возле двух курганов. Тут были найдены обломки черняховской керамики. Н. Беляшевский и В. Ляскоронский приводят сведения о находках у кургана в с. Колодистом римских денариев и квинариев Коммода.

Лит.: 2, стр. 112; 3, стр. 93—101; 4, стр. 195; 6, стр. 64.

31. **Кочубеевка** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Оно находится на поле в урочище Степок, на левом берегу р. Уманки. На отлогом берегу попадаются обломки сероглиняной гончарной посуды на протяжении до 2 км. Из собранных 15 обломков керамики только 1 лощеный.

32. **Кочубеевка** (Александровка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. севернее Александровского водохранилища на правом берегу р. Александровки. Протяженность его около 1 км. Среди 15 собранных обломков керамики 4 с лощеной поверхностью (рис. 2, *21*).

На противоположном, восточном берегу пруда, но на полях с. Родниковки, также обнаружены следы поселения, учитываемого отдельно (№ 58), так как оно находится за широкой речной долиной.

33. **Краснополка** (Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено и обследовано в 1961 г. Оно находится на поле сразу же за центральной частью южной окраины села на развилке ручья, впадающего в селе в р. Ревуху. На возвышенном плато следы трипольского поселения, а ближе к ручью — следы черняховского. Общая длина поселения около 1 км.

34. **Краснополка.** Случайная находка. В 1957 г. колхозник П. Семенюк обнаружил на своем огороде погребение. В этом погребении найдены небольшой лепной горшок и грузило [9]. Из литературы в Краснополке известна находка римского денария Марка Аврелия.

Лит.: 4, стр. 196.

35. **Краснополка.** Поселение, обнаруженное в 1927 г. П. Куринным в местности, названной им Черной Балкой. Под этим названием памятник и вошел в археологическую литературу. Но разыскать место лишь по одному названию не удалось. Длина селища около 0,60 км. Вне всякого сомнения, что это и есть поселение, обнаруженное П. Куринным. От поселения № 23 оно находится на расстоянии свыше 0,50 км. Среди 27 собранных обломков керамики — 5 лепных и лишь один с лощением, остальные все с шероховатой поверхностью.

Лит.: 4, стр. 412; 7, стр. 192; 12, стр. 60.

36. **Ладыжинка** (Ропотушка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г., находится на огородах северной окраины села на обоих берегах р. Ропотушки. Длина около 0,70 км. Из поднятых 45 обломков керамики — 9 лощеных и 16 — с гладкой поверхностью, один обломок от лепного сосуда. Встречаются фрагменты амфор.

37. **Любашевка** (Синица — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на огородах юго-восточной части села на левом берегу р. Синицы. Длина селища около 0,50 км. Из собранных 17 обломков гончарных сосудов — у 2 лощеная поверхность.

38. **Максимовка** (Синица — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. [10] Поселение находится на берегах р. Синицы. На поле у балки обломки посуды попадаются на расстоянии до 400 м от берега Синицы, возможно, в этом месте был черняховский могильник. Среди 18 собранных обломков керамики — 3 лощеные.

39. **Оксанина** (Небелевка — Янтрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу р. Небелевки, левого притока р. Ятрани, у дороги Умань — Торговица. Общая протяженность поселения около 2 км. В числе 31 собранных обломков керамики 2 лепных.

---

[8] В. Козловська. Розкопи біля с. Сушківки на Гуманщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 45—47.

[9] Находки хранятся в фондах УКМ (№ 5206 5643).

[10] В фондах УКМ и до этого хранились обломки черноглиняной керамики из с. Максимовки (фонд № 429—6), но без точного места находки и без указания лица, доставившего их в музей.

40. **Оксанина.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. Приблизительно в 350 м от моста дороги Умань — Торговица, на правом берегу реки, недалеко от мыса, встречаются отдельные обломки черняховской керамики.

41. **Островец** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. на правом берегу р. Ятрани на огородах на всем протяжении села, до 1,5 км. Из собранных 6 обломков 3 лощеных, причем один обломок от лепного сосуда.

42. **Островец.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. На поле за северо-западной окраиной села, на левом берегу балки, впадающей с запада в р. Ятрань. Поднято два серо-глиняных обломка керамики, из которых один лепной.

43. **Островец.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. На поле за южной окраиной села, на правом берегу р. Ятрани, недалеко от балки, отделяющей село от поля. Тут изредка встречаются обломки черняховской керамики.

44. **Островец.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. на левом берегу р. Ятрани, севернее устья р. Небелевки. Здесь встречаются обломки черняховской керамики. На противоположном берегу Ятрани расположено поселение № 41.

45. **Паланка** (Паланка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на поле, на правом берегу р. Паланки, по-соседству с IV производственным участком Уманского сельскохозяйственного института. Обнаружены находки гончарной и лепной посуды; по мере приближения к полю института количество гончарных обломков увеличивается и лепные исчезают. Среди 65 собранных обломков керамики 7 лощеных. Найден фрагмент донышка стеклянного сосуда, побывавшего в огне. Встречаются куски кричного железа.

46. **Паланка.** Случайная находка, обнаружена на расстоянии около 400 м западнее поселения № 45, на левом берегу р. Паланки, против впадения в нее р. Кочержинки. Тут найдено несколько обломков черняховской гончарной керамики, а также обломки лепных сосудов.

47. **Паланка** (Хуторная — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка, обнаружена в 1961 г. у самого верховья р. Хуторной, впадающей в с. Городецком в р. Уманку с запада. На левом берегу этого ручья, на мысе слабо выраженной балки, изредка встречаются обломки гончарной черняховской керамики.

48. **Пиковец** (М. Дмитрушка — Дмитрушка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1923 г. П. Куринным. В археологической литературе известно, что оно находится южнее с. Дмитрушек. Однако и теперь и раньше поле принадлежало с. Пиковцу. Поселение расположено на правом берегу р. М. Дмитрушки, в 300 м восточнее окраины Белогрудовского леса. Обследовано автором в 1960—1961 гг. Длина свыше 1 км, ширина около 250 м. Изредка встречаются обломки лепной керамики. Часто попадаются обломки гончарных толстостенных хозяйственных сосудов и черепки лощеной столовой посуды. Найден обломок бронзовой бляшки и костяная подвеска (рис. 2, *6*), а также обломки амфор и куски железного шлака.

Лит.: 7, стр. 193; 12, стр. 60.

49. **Пиковец** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Римская монета — денарий Марка Аврелия, как известно из литературы, найдена в с. Пиковце, но точное место находки неизвестно.

Лит.: 4, стр. 196.

50. **Пиковец.** Случайная находка, обнаружена в 1960 г. западнее села у вершины Гонтова Яра, который подходит к левому берегу р. Уманки. Здесь дождевыми водами вымывается много железного шлака и встречаются обломки черняховской посуды. Тут же, на левом берегу р. Уманки, начиная от устья Гонтова Яра и до с. Пиковца, находятся также следы поселения ранних славян и периода Киевской Руси, с которым также может быть связан железный шлак.

51. **Полянецкое** (Полянка — Паланка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка [11]. В 20-х годах в УКМ доставлена ручка амфоры, найденной у дороги Умань — Полянецкое, при въезде в село. В 1960—1963 гг. тут произведены разведки. В 1963 г. здесь найдены обломки черняховской посуды.

Лит.: 8, стр. 8.

52. **Полянецкое.** Римская монета — денарий Антонина Пия, найдена в 1951 г. учеником местной школы П. М. Бондарем (рис. 2, *12*). В 1961 г. при участии П. М. Бондаря было обследовано место находки денария у северо-западной окраины села, но ни одного обломка черняховской посуды здесь не удалось найти.

Лит.: 4, стр. 196.

[11] Хранится в фондах УКМ (фонд № 429—14).

53. **Посуховка** (Синица — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу р. Синицы, на огородах в юго-западной части села со стороны с. Антоновки.

54. **Пугачевка** (б. Ксендзовка) (Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Могильник (?), обнаружен в 1960 г. на поле на правом берегу р. Ревухи северо-западнее села в урочище Козий Яр. В 1961 г. памятник был дополнительно обследован после сообщения колхозника М. С. Середы о его археологических находках. Среди них была янтарная (?) бусина с инкрустированными в ее 4 ребра кусочками бронзы (рис. 2, *7*) и глиняный кружочек, возможно, жетон-шашка. Из собранных 31 обломков керамики оказалось 2 лепных, 14 — с гладкой и 9 — с лощеной поверхностью.

55. **Пугачевка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. при содействии колхозника М. С. Середы. Находится на левом берегу р. Ревухи, почти напротив памятника № 54. На поверхности земли много обломков посуды, глиняной обмазки и камней. Прослеживается на протяжении до 0,7 км при ширине до 200 м. Из собранных 23 обломков керамики — 2 лощеных и 12 с гладкой поверхностью.

56. **Пугачевка.** Римская монета императора Нервы была найдена на территории с. Пугачевки, но точное место находки не указано.

Лит.: 4, стр. 196; 9, стр. 11.

57. **Родниковка** (Каменка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1960 г. Дополнительно обследовано в 1961 г. Находится в селе на огородах, на обоих берегах р. Каменки. На правом берегу длина поселения прослежена на расстоянии до 1 км, а на левом, более возвышенном, до 0,5 км (тут же следы трипольской культуры). Из 56 собранных обломков керамики 5 лощеных. Встречается железный шлак.

58. **Родниковка** (Александровка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на поле на левом берегу р. Александровки. Длина до 0,70 км. На свежевспаханном поле отчетливо видны пятна — следы жилищ (?) с большим количеством обломков глиняной посуды и обмазки (размером 22 × 20 м). Виднеется два ряда пятен. Из 13 собранных обломков керамики 2 лощеных и 4 с гладкой поверхностью. В северной части поселения за небольшой лощиной встречаются обломки черняховских сосудов.

59. **Ропотуха** (Долинный — Ропотушка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1960 г. местным учителем И. Г. Левченко. Тогда же было обследовано автором. Расположено на поле, на левом берегу ручья Долинного, правого притока р. Ропотушки, приблизительно в 1,5 км от с. Фурманки. На поверхности земли видны пятна с большим количеством обломков глиняной посуды, пережженной глины и камней. Встречается железный шлак. На поселении найдено железное тесло. Размеры: ширина лезвия — 5 см, длина от лезвия к отверстию — 15 см, ширина у отверстия — 3,5 см и толщина отверстия — 2,2 см (рис. 2, *8*).

60. **Ропотуха.** Поселение, обнаружено в 1960 г. при участии директора местной школы М. А. Полищука. Оно находится в верховье ручья Долинного, где он делится на три рукава, образуя развилку (урочище Вила). Встречаются обломки сосудов и глиняной обмазки, а также куски железного шлака.

61. **Ропотуха** (Ропотушка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка. В 1961 г. произведено обследование огородов, не давшее результатов. По словам колхозника П. Ф. Кучерука, в юго-западной части села на огородах встречается в большом количестве железный шлак и реже толстостенные сероглиняные черепки.

62. **Рыжавка** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Могильник, обнаружен в 1952 г. Находится на правом берегу р. Ятрани в центре села, севернее шоссе Ладыжинка — Колодистое и подходит к берегу балки, впадающей в р. Ятрань приблизительно в 350 м от упомянутого шоссе. Колхозница Ю. Драчук в 1952 г. копала погреб и на глубине около 2 м обнаружила погребение, ориентированное головой на север. По сторонам костяка стояло 6 глиняных сосудов, из которых 4 с гладкой и лощеной поверхностью и 2 сосуда с шероховатой (рис. 2, *3*, *4*). В числе сосудов была ваза темно-серого цвета с лощеной поверхностью; ваза одноручная (рис. 2, *1*). Размеры вазы: высота — 28 см, наибольший диаметр — 29 см, диаметр горловины — 27 см. Обстоятельства погребения на месте не были обследованы и записаны уже со слов. Территория могильника занята усадьбами и огородами колхозников.

63. **Рыжавка.** Могильник, ставший известным по доставленным в УКМ находкам посуды. Обследование произведено в 1961 г. Находится сразу же за северо-восточной окраиной села у глубокой балки под названием Козовый Яр, выходящей к р. Ятрань с востока. Могильник разрушен частично глинищем на площади 50 × 60 м. В этом могильнике колхозники выка-

пывают целые сосуды, стеклянные бусы, бронзовые фибулы, глиняные пряслица и т. п. Колхозник А. Заец, усадьба которого находится рядом с могильником, передал в УКМ два лепных горшочка, со вставленными в донышки кусочками стекла, и хорошо сохранившийся костяной гребень, составленный из 8 пластинок, скрепленных бронзовыми гвоздиками [12].

В местной школе хранится несколько сосудов, найденных на могильниках № 62 и № 63 (рис. 2, *2*), глиняные пряслица, бронзовые фибулы и несколько зеленых стеклянных бусин каплевидной формы (рис. 2, *5*) Школой нам передан миниатюрный лепной черноглиняный сосудик. Он снизу доверху орнаментирован круглыми ямками и углубленными линиями, заполненными белой пастой (?). Если посмотреть на сосудик со стороны дна, то белые ямки образуют изображение пятиконечной звезды. Высота его и диаметр края по 5 см (рис. 2, *10*).

Лит.: 15, стр. 69—72.

64. **Рыжавка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится в селе, на левом берегу р. Ятрани, севернее шоссе Ладыжинка — Колодистое, по направлению к могильнику в урочище Козовый Яр. Прослежено на расстоянии до 0,80 км. Собраны обломки исключительно гончарной посуды. Из поднятых 13 обломков керамики —3 лощеных.

65. **Рыжавка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на правом берегу р. Ятрани в юго-западной части села, на огородах, немного ниже усадьбы школы и сельсовета. В относительно большом количестве здесь встречались обломки глиняной посуды, на протяжении до 1 км. Из собранных обломков керамики 5 лощеных, а остальные 7— шероховатые.

66. **Рыжавка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. при участии местного учителя А. И. Сисецкого. Оно находится на поле за юго-западной окраиной села, на правом берегу р. Ятрани. Длина его в сторону с. Городницы около 0,80 км (заканчивается у урочища Вила). Собрано 17 обломков керамики, из которых 16 с шероховатой поверхностью. Встречается в большом количестве глиняная обмазка.

67. **Рыжавка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу р. Ятрани, на огородах, на северо-западной окраине села, в поселке под названием Вызначок. Особенно много обломков сероглиняной гончарной посуды встречается на усадьбе летних колхозных яслей. Поселение прослежено на расстоянии около 0,60 км. Из собранных обломков керамики одна с лощеной и одна с гладкой поверхностью, остальные шероховатые.

68. **Свинарка** (Свинарка — Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. на правом берегу р. Свинарки на огородах колхозников. Начинается от плотины пруда, через которую проходит дорога на левый берег реки. Из собранных 14 обломков керамики — все гончарные, из них —5 лощеных и 1— с гладкой поверхностью.

69. **Свинарка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. Небольшая его часть находится на крайних огородах северо-восточной окраины села, на правом берегу р. Свинарки, которая здесь раздваивается. Следы поселения прослежены по обоим берегам, но основная часть населения находится на поле. Там было очень много обломков керамики и найден железный наральник, сильно коррозированный (рис. 2, *9*). Тут же лежал большой обломок каменного жернова. Из 23 поднятых на поселении обломков керамики —4 лощеных, 6— с гладкой поверхностью.

70. **Собковка** (Собковка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на правом берегу ручья Собковки, начинаясь в 1 км от северо-западной окраины с. Степковки. Обломки сосудов тут попадаются в небольшом количестве, но сразу обращает внимание множество больших кусков кричного железа и шлака. В УКМ еще несколько лет тому назад отсюда была доставлена чушка весом до 30 кг [13].

Из поднятых на поселении 24 обломков глиняной посуды 3 лепные, с шероховатой поверхностью 21.

71. **Собковка** (Сушковка — Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Оно находится на поле по обоим берегам р. Сушковки, по сторонам дороги, ведущей из села к шоссе Умань — Сушковка. Длина поселения около 1 км. Особенно много обломков посуды и обмазки на левом берегу, северо-западнее дороги. Из поднятых 30 обломков керамики 24 шероховатых, 5 с гладкой и 1 с лощеной поверхностью (рис. 2, *16*). На одном черепке светло-желтого цвета частично сохранившаяся надпись (?) рельефными «буквами» (рис. 2, *20*). При длине обломка в 7 см не заметна кривизна стенки

[12] Э. А. Сымонович. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской области. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 70—72.

[13] Фонды УКМ № 5680.

сосуда. На правом берегу р. Сушковки встречаются куски кричного железа, и тут же найден обломок каменного жернова.

72. **Собковка.** Случайная находка обнаружена на расстоянии 0,50 км от поселения № 71 на левом берегу р. Сушковки у ее верховья. Здесь балки образуют мыс и на нем изредка встречаются отдельные обломки черняховской керамики.

73. **Старые Бабаны** (Подкаменная — Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, на следы которого указывали обломки посуды, доставленные в УКМ в 1952 г.[14] Частично обследовано в 1961 г. Находится в селе на огородах на левом берегу р. Подкаменной у ее устья на усадьбе Н. Г. Ткалича.

74. **Старые Бабаны.** Поселение, следы которого найдены при содействии колхозника Н. Г. Ткалича. Обследовано в 1961 г. Находится на правом берегу р. Подкаменной, в урочище Ваканец. На отлогом берегу обнаруживаются пятна с обломками глиняной посуды и обмазки. Поселение прослеживается на расстоянии около 0,50 км вдоль берега при ширине до 250 м. Из собранных 60 обломков глиняной посуды — 9 лепных. Встречается железный шлак.

75. **Старые Бабаны** (Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. при участии ученика В. Полищука. Оно находится на поле в урочище Хрущовка на левом берегу р. Ревухи. На поле ясно видны пятна со множеством обломков посуды, глиняной обмазки, камней и т. п. Здесь же, на месте одного жилища, поднят обломок глиняного грузила, два биконических и одно 14-гранное пряслице (рис. 2, *14*) и глиняная бусина. Из 34 собранных глиняных гончарных обломков керамики 13 с лощением и 7 с гладкой поверхностью. Встречаются обломки амфор. Найден точильный брусок. Часто встречается железный шлак.

76. **Старые Бабаны.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на правом берегу р. Ревухи, против поселения № 75. Эти поселения разделяет широкая речная долина, и поэтому они учтены раздельно. На поверхности земли, начиная от крайней избы на берегу р. Ревухи и по направлению к излучине, у села встречаются в небольшом количестве обломки глиняной посуды и обмазка. Из поднятых 12 обломков керамики 4 лепных, 3 гончарных с плохим лощением, остальные — шероховатые. Поселение обследовано частично, на протяжении около 350 м.

[14] Фонды УКМ № 844—860.

77. **Степковка** (Собковка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. в селе, на огородах, на левом берегу р. Собковки, недалеко от ее устья. Длина его около 0,50 км, при ширине около 100 м. Собрано 22 гончарных обломка керамики, из которых 7 с лощением. Встречается железный шлак.

78. **Сушковка** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на обоих берегах р. Уманки, начиная с северной окраины села. Из собранных 16 гончарных обломков керамики 4 с гладкой поверхностью.

В фондах Киевского государственного исторического музея хранятся, как известно по публикации, происходящие из с. Сушковки случайные находки — серолощеная миска и кувшин. Возможно, что эти находки происходят из необнаруженного еще здесь могильника. По данным В. Г. Ляскоронского, в с. Сушковке найдены римские монеты и среди них денарий Коммода.

Лит.: 4, стр. 190; 12, стр. 54.

79. **Сушковка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на левом берегу р. Уманки. Находится в селе, ниже поселения № 78 приблизительно в 0,50 км от него. Прослежено на площади 0,50 км. Собрано 12 гончарных обломков керамики, среди которых 3 лощеных.

80. **Танское** (Куцая — Ревуха — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г.; в УКМ уже имелись обломки из с. Танского[15], но характер памятника не был известен. Находится на поле, на правом берегу р. Куцой, у ее верховьев. Колхозники при рытье ямы на берегу, на глубине около 50 см, нашли обломок большого хозяйственного горшка. Из собранных 20 гончарных обломков керамики 3 лощеных, 10 — с гладкой поверхностью (рис. 2, *25*).

81. **Текуча** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на левом берегу р. Ятрани, на огородах, на всем протяжении села, т. е. не менее 1,5 км. Из собранных 29 гончарных обломков керамики 15 с лощеной и гладкой поверхностью.

82. **Томашевка** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится за селом, на правом берегу р. Ятрани, вблизи ее истока. Обломки посуды и глиняная обмазка найдены на протяжении около 400 м. Среди собранных 14 гончарных обломков ке-

[15] Фонды УКМ № 5581.

рамики один лощеный и один — обломок ручки амфоры.

83. **Томашевка.** Поселение, обнаружено в 1925 г. П. Куриным. Обследовано в 1961 г. Установлено, что раскопки производились на усадьбе С. П. Коренного, где было обнаружено черняховское погребение (раскоп VI). Следы поселения прослежены восточнее этого места на правом берегу р. Ятрани. Длина поселения свыше 1 км. Из собранных 12 обломков гончарной посуды 5 с лощеной поверхностью, 7 шероховатые.

В УКМ хранится боспорский статер Тейрана, чеканки 279 г., найденный в с. Томашевке колхозником Музыкой у себя на огороде.

Лит.: 4, стр. 195; 10, стр. 58; 12, стр. 59; 13, стр. 13; 14, стр. 63.

84. **Томашевка.** Могильник, обнаружен в 1961 г. на левом берегу глубокого яра, впадающего с северо-востока в Ятрань. Могильник находится на поле у юго-западной окраины села, где часто встречаются обломки гончарной посуды. Среди собранных 29 обломков черняховской керамики — 1 лепной, 7 — лощеных, 11 — с гладкой поверхностью. Здесь же найдено глиняное биконическое пряслице (рис. 2, *15*).

85. **Фурманка** (Долинный — Ропотушка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1960 г. Находится на правом берегу ручья Долинного, впадающего в селе в р. Ропотушку. Поселение расположено частично в селе на огородах и частично на поле, до урочища Лысая Гора. Особенно отчетливо видны пятна обломков и глиняной обмазки на поле, идущие полосой шириною в 200 м. Длина поселения около 1 км. Из собранных 29 обломков гончарных сосудов 20 с гладкой и лощеной поверхностью. Встречаются куски кричного железа.

86. **Фурманка** (Ропотушка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка, обнаружена в 1961 г. При обследовании села на огородах юго-западной окраины на правом берегу р. Ропотушки встречались изредка обломки черняховской посуды. Это место находится на расстоянии до 0,70 км от поселения № 85.

87. **Фурманка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на поле у северо-западной окраины с. Падыжинки. Тут с северо-запада в р. Ропотушку впадает ручей, протекающий по балке. Обломки посуды и глиняная обмазка встречаются на берегу р. Ропотушки, севернее устья балки и дальше по балке на протяжении свыше 1 км. Из собранных 37 обломков глиняной посуды 11 лепных, 13 с гладкой и лощеной поверхностью. На поселении часто попадается железный шлак.

88. **Черповоды** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. Находится на левом берегу р. Ятрани, на огородах южной окраины села. Длина поселения около 1 км. Среди собранных 10 обломков гончарной посуды половина с гладкой и лощеной поверхностью.

89. **Черповоды** (Черповодка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1960 г. учителем местной школы Н. С. Ткачуком при помощи колхозника А. Г. Мартынюка. Обследовано в 1961 г. Находится на поле севернее с. Черповод на расстоянии около 3 км, в урочище Попов хутор. Обломки посуды, глиняной обмазки, кости животных встречались на обоих берегах. Из собранных 26 гончарных обломков керамики 13 с гладкой и лощеной поверхностью, остальные — шероховатые.

90. **Черповоды.** Могильник (?). На юго-восточном краю поселения № 89 (на левом берегу) в 50 м два слабо заметных возвышения — следы двух курганов, давно распаханных. Вокруг них встречаются обломки черняховской керамики.

91. **Черповоды.** Случайная находка. На поле, на левом высоком берегу р. Черповодки, против конца северо-западной окраины села, колхозник И. М. Метельский указал на большое скопление железного шлака. Изредка тут встречались обломки черняховской керамики и глиняной обмазки. Ближайшие черняховские памятники (№ 87 и 88) приблизительно в 3 км.

92. **Юрковка** (Синица — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1961 г. после поступления в УКМ римского серебряного денария Фаустины Старшей. Вес монеты 3,15 г (рис. 2, *11*). Она найдена на огороде колхозницей Д. А. Зозулей в 1960 г. На этом огороде найден обломок неизвестного глиняного предмета в виде кольца с канавкой, как у блока (рис. 2, *26*), и обломок горлышка стеклянного сосуда, побывавшего в огне. Поселение находится в селе на правом берегу р. Синицы. Начинается оно почти сразу от дороги Умань — Юрковка и идет вниз по течению реки до устья балки Попов Став. Длина около 1,5 км. На поселении собран 21 обломок глиняных гончарных сосудов, из них 2 с лощеной и 5 с гладкой поверхностью.

93. **Юрковка.** Поселение, обнаружено в 1961 г. на левом берегу р. Синицы, на огородах. Начинается оно у каменного карьера, у плоти-

ны пруда. Длина поселения около 0,80 км. Из собранных 16 гончарных обломков керамики — 7 лощеных и 4 с гладкой поверхностью.

94. **Юрковка**. Могильник (?), обнаружен в 1961 г. Располагался он на высоком берегу балки, за которой находится с. Любашевка. Среди небольшого количества обломков трипольской керамики встречается и черняховская посуда.

95. **Ятрановка** (Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, с которого были доставлены в УКМ обломки посуды учителем И. Г. Левченко в 1954 г. Обследовано в 1961 г. Находится на поле на левом берегу р. Ятрани. Начинается у устья правого берега р. Шаринки. Пятна из обломков глиняной посуды и глиняной обмазки, а также камней отчетливо видны на поле. Они расположены на полосе шириной до 150 м и тянутся на расстояние около 400 м. Из 31 собранного обломка гончарной посуды 4 лощеных, 15 с гладкой поверхностью. Тут же найден обломок каменного жернова. Есть обломки трипольской посуды.

96. **Ятрановка.** Случайная находка, обнаружена в 1961 г. Находится у самого центра села, недалеко от устья р. Псяровки, впадающей в р. Ятрань с северо-запада. Среди поднятых гончарных черняховских обломков керамики 1 ручка амфоры, 3— лощеных и 3 обломка — с гладкой поверхностью. Найдены куски железного шлака.

97. **Ятрановка** (Журбинка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Случайная находка, обнаружена в 1961 г. На расстоянии около 1,5 км от северо-западной окраины с. Ятрановки на поле, на правом берегу р. Журбинки, попадаются единичные обломки черняховской керамики.

98. **Умань** (Уманка — Ятрань — Синюха — Ю. Буг). Поселение, обнаружено в 1960 г. Находится на надпойменной террасе, на правом берегу р. Уманки. Начинается от устья Сухого Яра и доходит до зданий уманского кирпичного завода «Стройматериал». Длина поселения около 0,80 км, при ширине около 150 м. При вспашке земли отчетливо видны три ряда пятен, отмеченных скоплениями обломков глиняной посуды, обмазки и камней, побывавших в огне. Нередко встречается здесь также железный шлак. Собрано было 265 обломков керамики, из которых оказалось: лепных — 9, шероховатых гончарных — 144, лощеных — 39, с гладкой поверхностью —73, в том числе 3— мажущихся (рис. 2, *29*). Орнаментированных обломков найдено 19 экз., имеется 8 обломков амфор.

По-видимому, могильник, относящийся к поселению, находится у устья Сухого Яра, так как здесь на высоком берегу встречаются обломки глиняной посуды, но обмазка не обнаруживается.

99. **Г. Умань.** Случайная находка. На противоположном правом берегу против поселения № 98, за широкой речной долиной, на участке Уманского педагогического института, в саду, изредка встречаются обломки черняховской керамики.

100. **Г. Умань.** Погребение, обнаружено в 1809 г. В нем был золотой ауреус Магнии Урбики (жены императора Карина, 283—285 гг.). Точное место находки на территории города не известно.

Лит.: 3, стр. 93—101; 4, стр. 196; 18, стр. 216; 15.

101. **Г. Умань**. Римская монета. Согласно сведениям В. Г. Ляскоронского, в Новой Умани — предместьи города — были найдены серебряные монеты Антонина Пия. Это предместье находится на высоком скалистом берегу при впадении р. Каменки в р. Уманку [16].

Лит.: 4, стр. 196 (№ 993).

---

[16] По разведкам автора, продолженным в 1962—1963 гг. на территории Уманского района, описанной в этой статье (т. е. в границах до 1963 г.), обнаружено еще 15 новых черняховских поселений, а именно: Гереженовка, Дмитрушки, Доброводы, Краснополка — 2, Ладыжинка — 2, Родниковка — 2, Рыжавка, Танское —2, г. Умань — два в городе и одно в черте города.

В большом количестве памятники черняховской культуры есть и на территории соседних районов с Уманским; в Христиновском — автором обнаружено 32 памятника, в Жашковском (на территории бывш. Маньковского) — 36. Не менее 60 пунктов черняховской культуры на Уманщине, часть которых упоминается в настоящей статье, было открыто или обследовано краеведом В. А. Стефановичем, что подтверждено заведующим фондами УКМ, где хранятся собранные на этих поселениях и могильниках материалы. *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.
2. Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889.
3. М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території УРСР. Археологія, т. III. Київ, 1950.
4. М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959.
5. С. В. Коршенко. Материалы для составления карты распространения культуры полей погребений на территории УССР. Архив Института археологии УССР (рукопись). Киев, 1941.
6. П. П. Курінний Археологічна розвідка в околицях с. Колодистого над р. Синицею на Гуманщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927.
7. П. П. Курінний. Білогрудівські кам'яні стели. Записки ВУАК, т. I. Київ, 1930.
8. П. Курінний. З минулого Уманщини. Умань, 1918.
9. П. Курінний. Покажчик історичного музею Уманщини в року 1918. Умань, 1919.
10. П. П. Курінний. Розкопи біля с. Томашівки. Коротке звідомлення ВУАК за 1925 рік. Київ, 1926.
11. П. Курінний. Розкопи біля с. Томашівки на Гуманщині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік. Київ, 1927.
12. Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960.
13. М. Я. Рудиньский. Археологічні досліди року 1926. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927.
14. А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948.
15. Э. А. Сымонович. Инкрустированные стеклом изделия из Черкассой области. КСИА АН СССР, вып. 90, 1962.
16. М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, № 4.
17. E. Rulikowski. Humań. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych kvajów słowiańskich, III. Warszawa, 1882.

Э. А. Сымонович

ОРНАМЕНТАЦИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КЕРАМИКИ

Во многих трудах советских археологов и этнографов исследованию орнаментации отводится важное место при определении этнической принадлежности древних народов.

Наша работа посвящена орнаментам керамики культуры полей погребений черняховского типа II—V вв. н. э., распространенной главным образом в украинской лесостепи и степи. Керамика черняховской культуры разнообразно и богато украшена. Бо́льшая часть известной нам посуды с черняховских памятников изготовлена на гончарном круге. Круг в эту эпоху только что появляется на южно-русских землях. Он был заимствован у соседних народов. Для разработки нашей темы, как нам кажется, не столь существенно, распространился ли он из античных городов Причерноморья, или же в этом процессе сыграли главную роль кельты или гето-дакийские племена (липицкая культура). Важно, что вместе с техническими навыками изготовления глиняной посуды на круге появляются и определенные способы ее орнаментации. Последнее обстоятельство в значительной степени снижает ценность орнаментики как источника для этногенетических построений. Тем не менее для определения направления культурных связей районов, где распространены черняховские памятники, и установления культурного единства или различий этих памятников значения орнаментации на гончарных сосудах нельзя переоценить. Различные авторы, говоря об орнаментации как о характерном показателе этнической принадлежности, имели в виду прежде всего украшения лепных сосудов. При рассмотрении мотивов и способов орнаментации на гончарных сосудах черняховской эпохи украшения на местной лепной керамике должны явиться известным коррективом, помогающим осмыслить происхождение некоторых «гончарных» орнаментов, и содействовать в поисках этнокультурных истоков памятников черняховского типа.

Обычай украшать одежду, вещи никогда не вызывался в древности только эстетической потребностью. Еще В. Стасов замечал, что «у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии»[1]. Характерно, что в древних языках слова, обозначающие «украшать — орнаментировать» (от латинского ornare), не соответствовали современному их значению. В интереснейшей работе К. Коомарасвами Ананда отмечено, что понятие «украшать» было связано с понятием практической полезности. Польза понимается, естественно, не только в узко практическом смысле. В санскрите и других древних языках, когда говорилось «сделано с искусством», подразумевалось — сделано с трудом. Искусство трактовалось как искусство работы, а не как слово, имеющее только эстетическое значение. Также в латинском и древнеанглийском языках слово «украшать» было связано прежде всего с понятием необходимости и только затем подразумевало «украшать» в современном смысле слова. Следовательно, древнее «ornare» надо было понимать в смысле необходимого завершения какого-то труда[2]. Таким образом, украшение тела татуировкой, ношение бус и подвесок, покрытие узорами вещей бытового назначения в древности всегда являлось определенным смысловым действием, что, конечно, не исключало эстетического момента в орнаментации. Такой подход помогает понять, почему еще с неолитической эпохи сосуды иногда сплошь покрывали узорами.

Подобное восприятие понятия «орнаментировать» отнюдь не подразумевает обязательно-

[1] В. Стасов. Русский народный орнамент, вып. 1. СПб., 1872, стр. XVI.

[2] Coomaraswamy Ananda K. Ornament. The Art Bulleten, v. XXI, 1939, № 4, стр. 375—382.

го культового значения или происхождения всякого орнамента. Украшение вещи, сосуда, лица и тела человека считалось необходимостью, так как без этого неодушевленный или одушевленный предмет не мог, по понятию древних, по-настоящему успешно выполнять свои функции. Завершающее действие орнаментации, как бы определяющей законченность производственного процесса, устанавливало качество предмета, его пригодность.

Такое отношение к орнаментации характерно и для древнерусского ремесленника. Н. Н. Соболев замечает в связи с этим, что в русском народном искусстве орнамент никогда не был самоцелью, а был теснейшим образом связан с предметом, который он должен был украсить [3]. М. Н. Каменская, анализируя основные особенности русского народного творчества, отмечает практический смысл декоративно-прикладного искусства и обычную согласованность назначения вещи с ее художественным оформлением [4].

Вероятно, в период, который является предметом нашего внимания, многие первоначальные значения орнаментальных мотивов утратились и развилось чисто эстетическое восприятие формы и орнамента вещи. Тем интереснее из-под позднейших наслоений извлечь древнейшую семантику ряда орнаментов и попытаться объяснить значение характерных мотивов, исходя из материальных условий жизни общества, данных письменных источников о верованиях, а также руководствуясь этнографическими параллелями.

Работа построена на опубликованных и неопубликованных материалах фондов различных собраний и музеев Украины и РСФСР, на материалах раскопок автора и работы украинских специалистов, занимающихся памятниками культуры полей погребений [5]. Составленная картотека включает около 1780 образцов черняховской орнаментации, происходящих примерно с 225 пунктов Украины и Молдавии [6]. В нее входят, в частности, большие комплексы орнаментов посуды с памятников Западной Украины и Подолии (Неслухов, Лука-Врублевецкая), степной Украины (Каменка-Днепровская и могильник у овчарни совхоза Приднепровского), Молдавии (Малаешты, Будешты), центральной Правобережной Украины (Черняхов, Маслово, Лески, Ломоватое), материалы Надпорожья и Левобережной Украины (Лохвица, Ново-Липовское и др.), а также некоторых позднеримских поселений Причерноморья [7].

Использование материалов Архива Киевского института археологии АН УССР и фондов Киевского исторического музея существенно пополнило нашу коллекцию орнаментов.

Целью работы было классифицировать орнаменты посуды черняховской культуры, локализовать их во времени и, по возможности, выделить локальные варианты, связать с узорами на посуде других культур и выяснить, с какими из них прослеживается наибольшее сходство. В связи с этим мы преследовали цель получить дополнительные данные для выяснения истоков черняховской культуры и ее последующих судеб. Изучение технологических приемов нанесения орнаментации на посуду, по нашему мнению, должно было показать высокий уровень развития гончарного ремесленного производства II—V вв. н. э. в черноземной украинской лесостепи.

К сожалению, составленную коллекцию нельзя назвать исчерпывающей. Во многих небольших районных музеях археологические материалы оказались для нас недоступными. Надеемся, что первая попытка акцентировать внимание на вопросах орнаментации черняховской керамики даст свои положительные результаты и позволит создать в дальнейшем как полный свод черняховских орнаментов, так и исследование, охватывающее их всесторонне. Кроме того, исследование об орнаментике керамики черняховской культуры необ-

---

[3] Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 3.

[4] М. Н. Каменская. Основные особенности русского народного искусства. Сб. «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 4.

[5] Пользуюсь случаем принести благодарность М. Ю. Смишко, В. Д. Барану, М. Ю. и А. Т. Брайчевским, Е. В. Махно, Э. А. Рикману, предоставившим мне возможность проработать, зарисовать или сфотографировать материалы из своих раскопок. Небольшие, но важные и неопубликованные коллекции были предоставлены мне для ознакомления И. И. Ляпушкиным, М. К. Каргером, Н. Н. Погребовой, А. И. Мелюковой, Г. П. Сергеевым, В. П. Савичем, Н. Г. Елагиной, В. П. Петровым. Всем им я приношу мою глубокую благодарность.

[6] Число карточек не соответствует сумме образцов всех орнаментов разных типов. При подсчетах определенного типа орнамента фрагмент, украшенный сложным узором, мог фигурировать дважды и трижды.

[7] В работе использованы немногочисленные материалы причерноморских памятников, черняховская принадлежность которых вызывает сомнения, как например, Капустино, Киселево, Коблево, Кошары, Пересадовка и т. п.

ходимо будет расширить материалами зарубежных памятников, например Румынии и Польши. Также должен быть расширен сравнительный материал, включающий орнаментацию керамики культур, близких по времени черняховской.

КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ ОРНАМЕНТОВ

Приступая к классификации орнаментов черняховской керамики, мы по сути дела вступаем в нетронутую область, так как специально этой темой ни советские, ни зарубежные исследователи не занимались.

Классификация орнаментов на сосудах из Черняховского могильника в рукописи С. В. Коршенко, хранящейся в Институте археологии АН УССР, должна быть отвергнута, как очень неудобная, неполная и просто неверная. Вот она:

I. Орнамент путем нанесения изображений:

а) пунктирными линиями;

б) проведением мягких вдавленных линий и вдавленных изображений выпуклым штампом;

в) проведением каким-то тупым орудием блестящих лощеных линий.

II. Украшение путем дополнительной профилировки сосуда:

а) путем отвесного обрезывания ребра бока или отделки верхней части сосуда в виде отдельных плоских граней;

б) путем отделки ребра бока в виде косых выпуклых ребер [8].

При рассмотрении этой классификации возникает много вопросов. Что, к примеру, понимать под первой группой орнаментации «путем нанесения изображений», когда соединены разные по технике орнаменты? Не учтены наиболее распространенные типы орнаментации — валиками и врезанными линиями и пр. На этом опыте распределения орнаментов по группам, может быть, не следовало бы останавливаться, если бы он не был первым и если бы нам не казалось вполне закономерным выделение в особую группу сосудов с дополнительной профилировкой. Некоторые советские ученые в своих исследованиях попутно останавливались на орнаментации черняховских сосудов. Так, Е. В. Махно была сделана попытка связать орнаментацию керамики с узорами металлических вещей [9]. М. А. Тиханова, акцентируя внимание на различиях памятников черняховской культуры, отмечала, что, кроме всего прочего, они проявляются «в любви к определенным украшениям и орнаментам...» [10]

Еще раньше, в моей диссертационной работе в 1949 г. и в статье, посвященной глиняной таре для хранения запасов на черняховских поселениях, была сделана попытка на основе изучения некоторых видов орнаментов выделить локальные группы черняховской керамики. В частности, была показана специфика орнаментов на сосудах Побужья и Приднестровья [11]. Новые находки из этих областей подтвердили сделанные наблюдения. Уже сейчас можно утверждать, что некоторые узоры на керамике действительно присущи определенным районам. Правда, на этом основании еще нельзя говорить о существенных различиях в памятниках черняховской культуры отдельных районов, которые бы могли служить показателем этнической неоднородности населения, оставившего эти памятники.

Обычная для искусствоведческих работ классификация орнаментов по сюжетам и мотивам, пренебрегающая подчас техникой их исполнения, представляется нам в данном случае неприемлемой. Здесь, кстати заметим, сюжетная орнаментация совершенно не характерна для памятников черняховской культуры. Так, натянутой представляется нам из-за отсутствия аналогичных примеров попытка М. А. Тихановой усмотреть в отпечатках штампа на сосуде из Черняхова изображения конских голов [12].

Еще менее обоснованной кажется нам попытка М. Ю. Брайчевского отнести к памят-

[8] С. В. Коршенко. Черняхівський могильник. Рукопись. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 48.

[9] Е. В. Махно. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 148—151.

[10] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 170.

[11] Э. А. Сымонович. Поселение в Луке-Врублевецкой и археологические памятники Подолии I тысячелетия н. э. Л., 1949, канд. дисс. Рукопись, Архив ИА АН СССР, НАрх — 934; он же. Про культуру полів поховань на Поділлі (в звязку з розкопками в с. Луці-Врублівецкі). Археологія, т. V. Київ, 1951, стр. 113; он же. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 263. 269, см. также карту — рис. 1.

[12] М. А. Тиханова. Борочицкий клад. СА, XXV, 1956, стр. 310—311.

никам черняховской культуры сосуд неизвестного происхождения (из района Богуслава — раскопки археолога Дроздова?), хранящийся в фондах Белоцерковского краеведческого музея [13]. На этом интереснейшем сосуде процарапано, по-видимому, в самом деле изображение человека. Однако форма сосуда (кубка ?), снабженного отверстием в нижней части, где сохранились следы ручки, не присуща памятникам черняховского типа. Грубая техника изготовления, толстые стенки, большая примесь песка и покрытие серой глазурью не дают оснований считать его произведением ремесленников, создававших керамику культуры полей погребений II—V вв. н. э.

В то же время трудно допустить полное отсутствие в орнаментации посуды черняховской культуры каких-то следов стилизованных или преднамеренно зашифрованных изображений, связанных с верованиями или окружающей действительностью [14], хотя несомненно, что реалистически или даже схематически трактованные сюжетные изображения (зооморфные, антропоморфные или даже растительные мотивы) в целом чужды стилю орнаментации исследуемой керамики.

В основу распределения черняховских орнаментов нами положен принцип техники их исполнения. Каждый принципиально новый способ орнаментации требует новых достижений и развития производительных сил. Хотя в ряде случаев разные способы нанесения орнаментов соединяются на сосудах, но это еще не значит, что они возникли одновременно и не в разных культурных областях. Внутри определенного по технике орнамента выделены, во-первых, характерные мотивы и, во-вторых, мотивы, являющиеся исключением из правила. При такой последовательности описания представляется возможным легко сопоставить ведущие мотивы, одинаковые по типу, но выполненные в разной технике.

По технике изготовления нами выделены четыре основные группы орнаментов, внутри которых узоры распределены по характеру изображения:

I. Пластичные орнаменты

1. Вдавленные и прочерченные узоры:
   а) одиночные прямые врезанные линии и желобки;
   б) ряды прямых врезанных линий и желобков;
   в) отдельные врезанные волнистые линии;
   г) многорядные прямые врезанные полосы, прочерченные гребенкой;
   д) многорядные врезанные волнистые полосы, прочерченные гребенкой;
   е) вдавления и насечки;
   ж) штриховка, щербины и другие способы сделать поверхность шероховатой.
2. Выпуклые узоры:
   а) уступы, расчленяющие поверхность;
   б) отдельные валики;
   в) ряды параллельных валиков и рифление;
   г) орнамент фигурными налепами и выпуклостями.

II. Лощеный орнамент:
   а) полосчатое лощение;
   б) зигзагообразный орнамент и его дериваты;
   в) сетчатый орнамент;
   г) орнамент параллельными угловатыми линиями;
   д) орнамент косонаправленными и вертикальными параллельными линиями;
   е) елочный орнамент;
   ж) лощеная орнаментация дна сосуда;
   з) орнамент округлыми и овальными лощеными ямками.

III. Чеканно-штампованный орнамент:
   а) чеканный орнамент наколами гребенки и зубчатым колесиком;
   б) штампованный углубленный орнамент.

IV. Украшения дополнительной профилировкой:
   а) обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр;
   б) обработка овальными срезами грани тулова;
   в) обработка косыми каннелюрами грани тулова;
   г) фигурная обработка ручек сосудов.

V. Единичные образцы орнаментов, выполненные в разной технике.

Прежде чем перейти к описанию орнаментов заметим, что процент орнаментированной посуды в черняховских памятниках не столь уж велик по отношению к общему количеству керамики. Но, несомненно, что на могильниках он во все периоды существования черняховской культуры выше, чем на поселениях.

---

[13] М. Ю. Брайчевский. Материалы культуры полей погребений из Среднего Поросья. СА, 1959, № 4, стр. 233, рис. 3, *а—в*.

[14] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 138, рис. 17, *1*; М. Ю. Брайчевський. Зображення коня з с. Черепин в Середньому Поросі. Археологія, т. XII. Київ, 1961, стр. 183—184.

Объясняется это, видно, тем, что в могилы клали нередко богато украшенную столовую посуду и, справляя на древних кладбищах тризну, разбивали сосуды для еды и в особенности для питья: кувшины, большие миски наподобие кратéров, снабженные тремя ручками, предназначенные для жидкости, или миски и кубки, нередко покрытые узорами.

Подсчеты Е. В. Махно на материалах Черняховского могильника дали следующие соотношения: орнаментированные горшки — 7,7% от общего числа (137 шт.); украшенные миски — 33% от общего числа (114 шт.); кувшины орнаментированы все, кроме одного, всего их 24; кубки также орнаментированы — всего их 5 шт. [15]

Аналогичные подсчеты на материалах могильника у овчарни совхоза Приднепровского дают примерно такие же соотношения, но процент орнаментированных горшков на Нижнем Днепре несколько больший. Орнаментированных горшков — 30%, всего 46 шт. [16] Орнаментированных мисок — 44%, всего 52 шт. Орнаментированных кувшинов — 90%, всего 11 шт. Орнаментированных кубков — 81%, всего 11 шт. В целом на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского орнаментировано немного менее половины всех сосудов. На поселениях труднее выявить соотношения орнаментированной и неорнаментированной посуды, так как материал большей частью фрагментированный. Все же показательно, например, что на поселении в Луке-Врублевецкой за три сезона раскопок был найден всего 71 фрагмент, покрытый лощеным узором, и 17 фрагментов со штампованным и чеканным орнаментом. В то же время о степени насыщенности слоя на этом поселении можно судить по подсчетам, например, на одном из участков (Р—1, кв. 2—5, Л—Н) площадью 12 кв. м, где на глубине 3 штыка было найдено 182 фрагмента керамики, а на глубине 4 штыка — 109 фрагментов.

В Журавке ольшанской (на Поросье) из 5611 фрагментов керамики (раскопки 1959 г.), происходящих с поселения из раскопов площадью около 1200 кв. м, только 190 обломков оказались покрытыми разными узорами [17]. Как и на поселении в Луке-Врублевецкой, насыщенность слоя керамикой в Журавке была значительной. На десятиметровом квадрате во втором и третьем штыках количество обломков посуды колебалось между двумя и пятью сотнями.

Приведенные подсчеты показывают, что число орнаментированной керамики, даже на могильниках, обычно не составляет четвертой доли по отношению ко всей найденной [18]. На поселениях процент ее измеряется вообще однозначными цифрами.

Украшали только некоторые сосуды черняховской культуры, но среди них встречаются явно культовые сосуды с орнаментом, имеющим определенный смысл, характерная парадная посуда и пр. Это обстоятельство показывает, что приведенная справка о сравнительно небольшой численности подобных образцов на могильниках и поселениях отнюдь не снижает значения орнаментации как исторического источника.

Ниже дается описание орнаментов черняховской керамики по выделенным группам.

Пластичные орнаменты

Термин пластичный орнамент нами применен для тех рельефных узоров, которые характеризуются вдавлениями или выпуклостями, расчленяющими поверхность сосуда. Этот орнамент связан главным образом с нанесением углублений режущими и колющими орудиями или же выполнен путем покрытия поверхности декоративными уступами, выпуклостями и валиками. Принятый термин условно обособляет описываемые ниже узоры от чеканно-штампованных, лощеных и прочих видов орнаментации черняховской посуды.

В эту группу включены сосуды, украшенные врезанными однорядными и многорядными, прямыми и волнистыми линиями, валиками, вдавлениями и насечками, а также различными способами ошершавливания поверхности. Такие способы орнаментации черняховской посуды наиболее распространены. Они присущи всем формам черняховской посуды. Чтобы конкретизировать связь основных видов пластичной орнаментации с опреде-

[15] Є. В. Махно. Пам'ятки культури полів похован в міжиріччі Рось — Тетерів. Київ, 1949, канд. дисс. Рукопись, ИА АН СССР, НАрх. 933.

[16] Подсчитывались только сосуды, формы которых определенно восстанавливались, причем учитывалась также лепная посуда.

[17] При подсчете общего количества фрагментов керамики оказались включенными и обломки керамики раннескифского времени, в небольшом числе встречавшихся в нижних пластах поселения.

[18] Ср., например, подсчеты орнаментированной керамики из большого венедского могильника под Варшавой (в Виланове), где число орнаментированных сосудов составило приблизительно 18%; см. Materiały starożytne, t. II. Warszawa, 1957, стр. 127.

Рис. 1. Керамика с врезанными и прочерченными узорами.

1 — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Белоцерковского краеведческого музея); *2* — Неслухов, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *3*, *5* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *4* — Рипнев, Западная Украина (раскопки В. Д. Барана); *6* — Каменка-Днепровская, Нижний Днепр (раскопки Э. А. Сымоновича)

ленными формами сосудов, мы предпосылаем описанию каждого вида орнамента замечания, указывающие, на каких именно сосудах они встречаются, а в заключении раздела указываем, с какими другими типами орнаментации сочетаются описанные узоры.

Вдавленные и прочерченные узоры (рис. 1—6)

а) Одиночные врезанные линии и желобки. Орнамент в виде врезанной линии или желобка редко играет самостоятельную роль. Он обычно сочетается с другими элементами орнаментации и встречается на горшках, сосудах для хранения запасов, мисках, в том числе и трехручных, на кувшинах и кубках.

Прямой линией, прочерченной какой-то палочкой шириной от 1 до 3 мм, обычно украшены плечики сероглиняных горшков с шероховатой поверхностью (Березовка, Делакеу, Кишинев, Кринички, Ломоватое — 2, Малаешты (мог.) [19], Мана, Осокоровка, Ромашки, Ягнятин (рис. 1,*1*).

Меньше известно случаев, когда таким образом, тоже по плечикам, украшены сосуды для хранения запасов (Кринички, Лука-Врублевецкая, Лукашевка-Пачино). Кроме того,

[19] Сокращения — пос. или мог. означают, с поселения или могильника происходит данный образец орнамента.

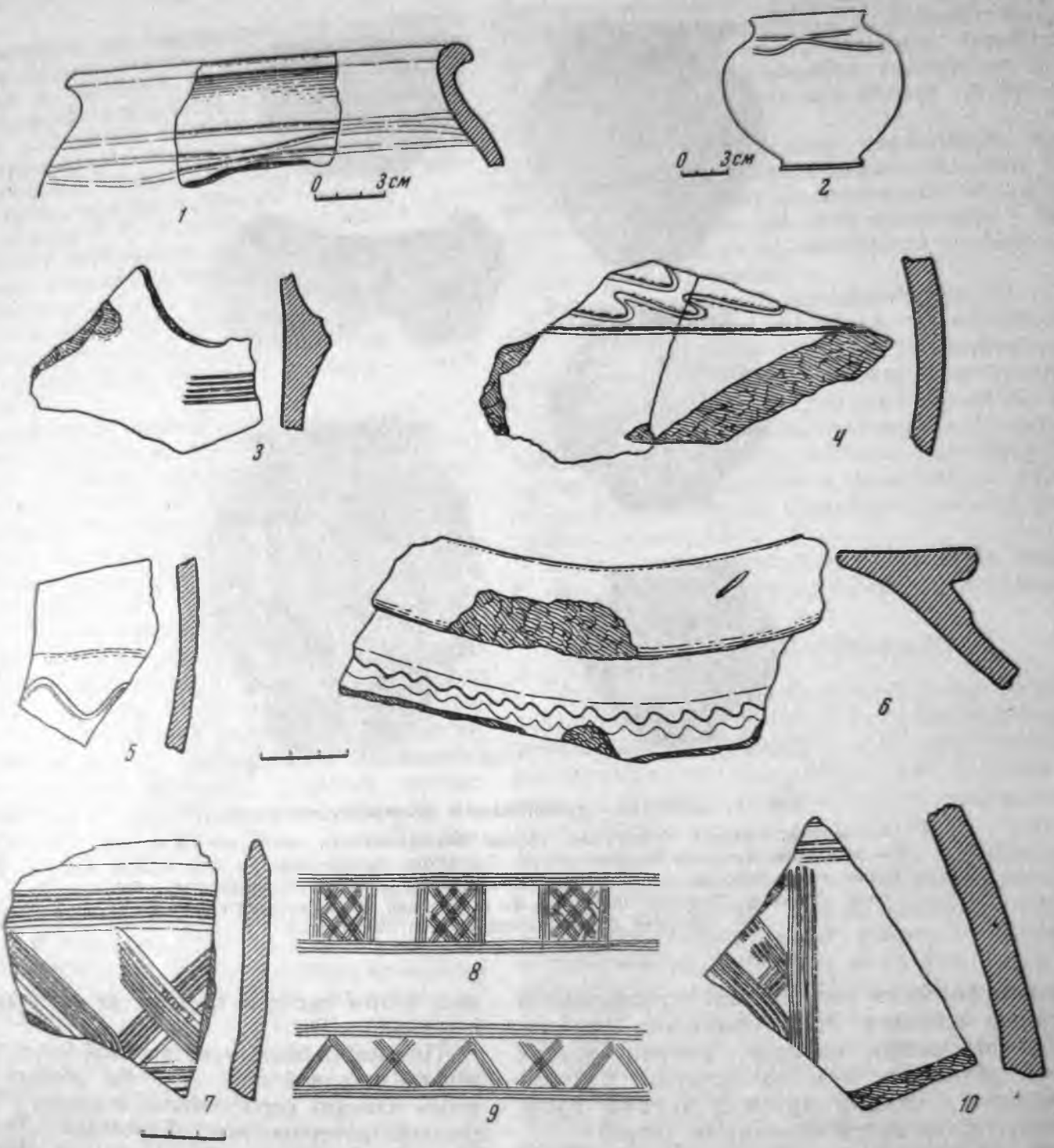

Рис. 2. Керамика с врезанными и прочерченными узорами.

1 — Кринички, Побужье (фонды Эрмитажа, раскопки С. С. Гамченко); *2* — Лукашевка, Молдавия (раскопки Э. А. Рикмана); *3, 8, 10* — Вороновицы, Среднее Поднестровье (сборы экспедиции С. Н. Бибикова); *4—7, 9* — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднестровье (раскопки С. Н. Бибикова)

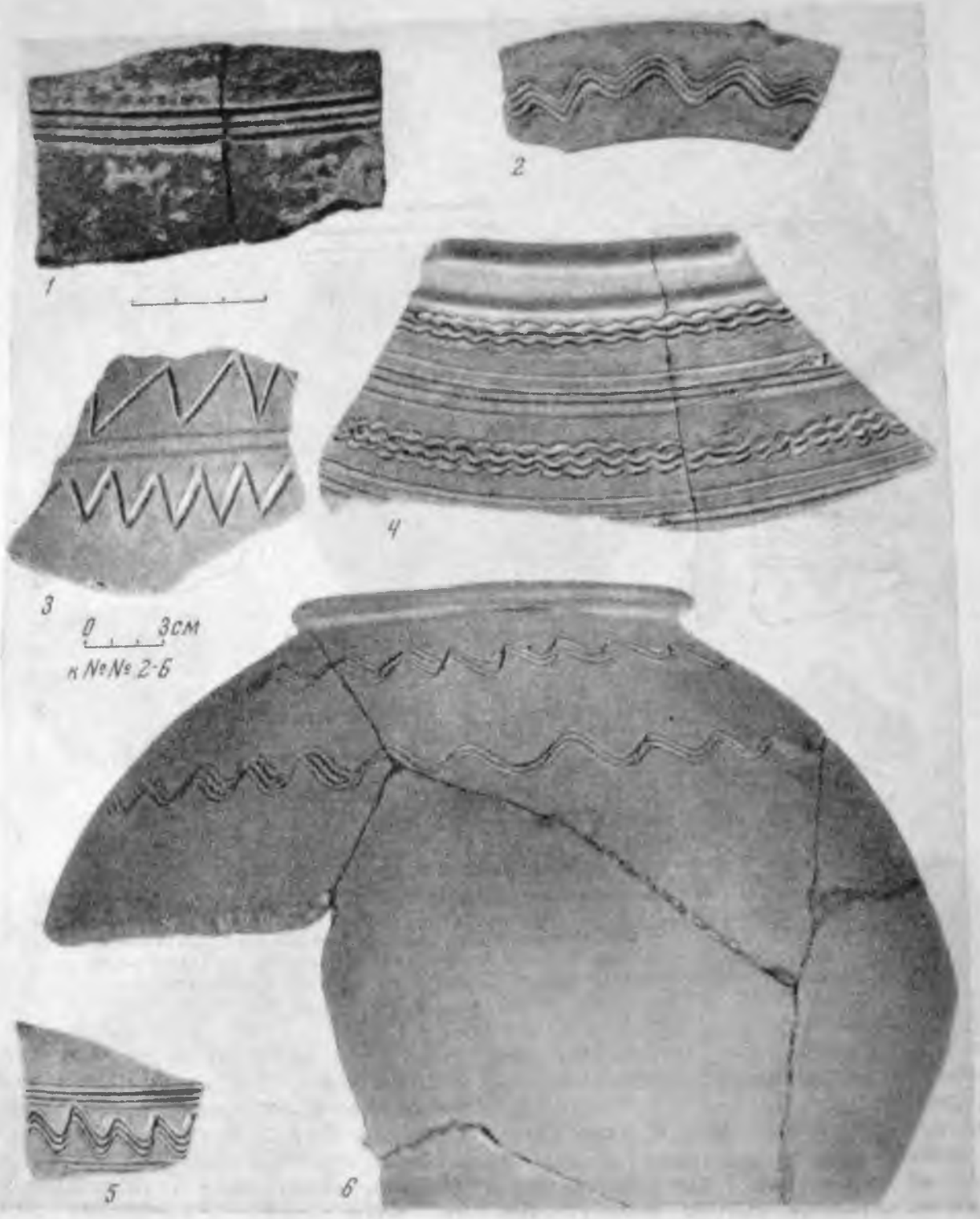

Рис. 3. Керамика с врезанными и прочерченными узорами.

1 — напротив с. Саломыя, Побужье (сборы отряда Э. А. Сымоновича); *2* — Неслухов, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *3—5* — Комаров, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *6* — Черепин, Западная Украина (раскопки В. Д. Барана)

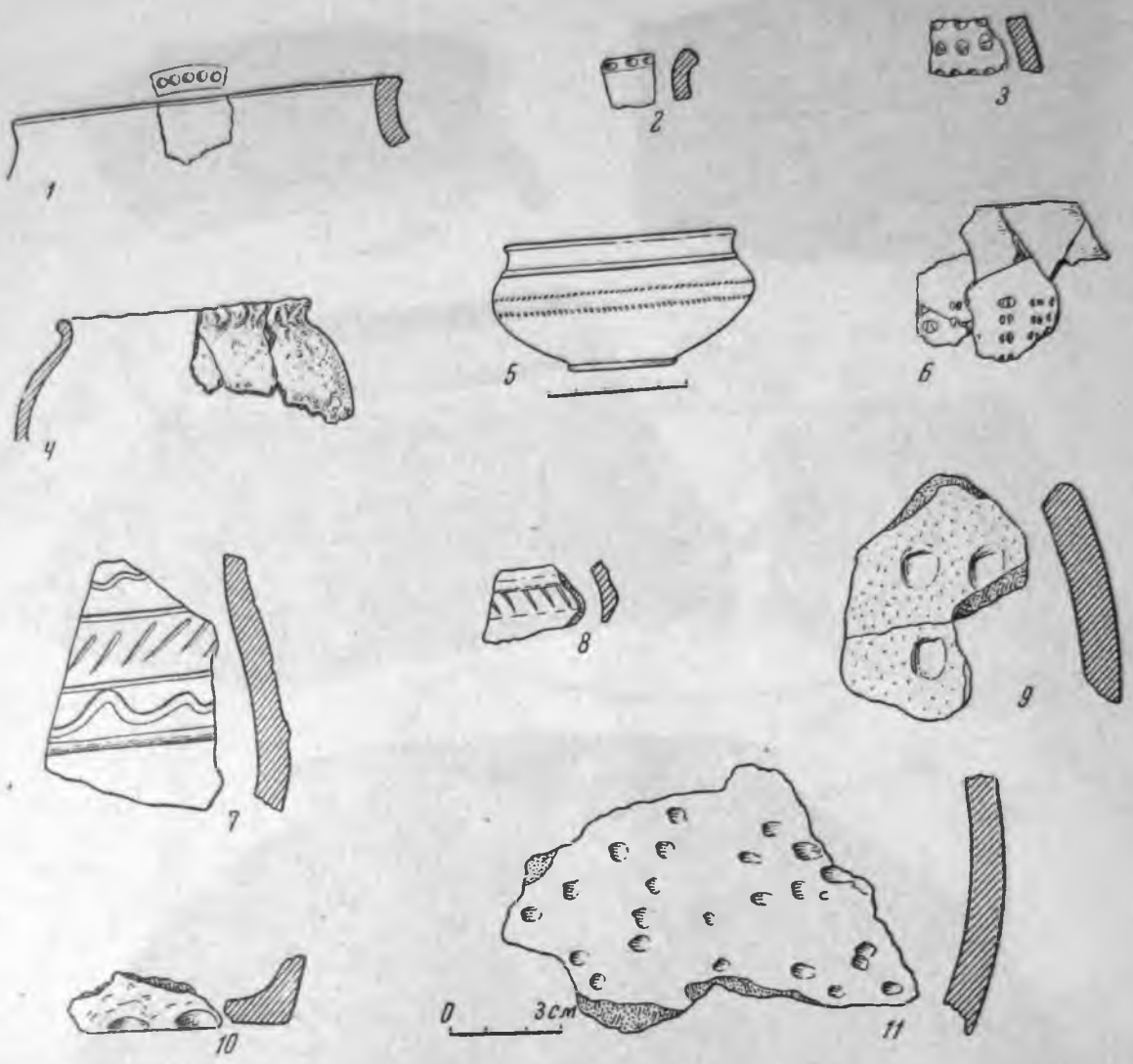

Рис. 4. Керамика с врезанными и прочерченными узорами.

1, 10 — Ломоватое — 1, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *2, 3* — Лески, Среднее Поднепровье (раскопки М. Ю. и А. Т. Брайчевских); *4* — Кантемировка, Левобережное Поднепровье (раскопки Е. В. Махно); *5* — быв. Великая Мукша, Среднее Поднепровье (сборы экспедиции С. Н. Бибикова); *6* — Викнины Великие, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *7, 11* — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднестровье (раскопки С. Н. Бибикова)

простые прямые врезанные линии изредка встречаются на венчиках пифосообразных сосудов (Кринички).

Врезанная линия на мисках наносилась или на плечике или на венчике. На тулове биконических мисок (рис. 1, *2*) обычно она проведена на середине высоты плечика или над перегибом тулова (Вербки, Лука-Врублевецкая, Мирополье, Неслухов). Таким образом, например, украшена одна лепная миска из Станиславовки. Иногда у мисок эта линия не имеет резких граней и образует лощеный желобок. В большинстве случаев отдельно проведенная врезанная линия или желобок вместе с валиком очерчивает на миске зону лощеного или чеканно-штампованного орнамента. Кроме того, неоднократно отмечены на плечиках столовой посуды широкие пролощенные желобки (Жуковцы, Каменка-Молдавская, Ломоватое—1, Новоселка-Костюкова, Осокоровка). Различными желобками украшены венчики широкогорлых, обычно трехручных, мисок (Звенигородка — в ее районе, Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского). Лощеными желобками часто украшены кубки как лепные, так и гончарные. Желобок как бы подчеркивает венчик сосуда или же опоясывает его тулово ниже

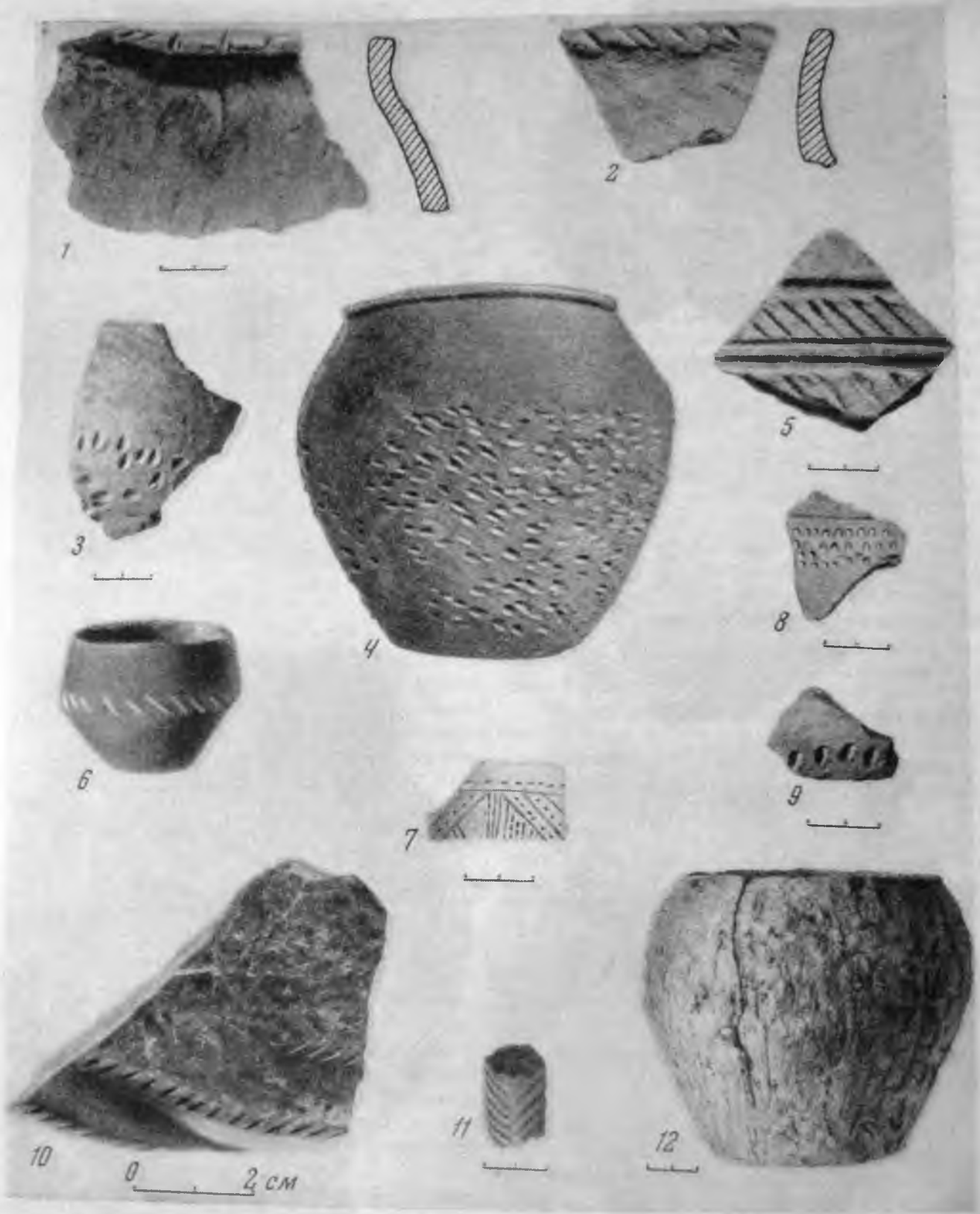

Рис. 5. Керамика с врезанными и прочерченными узорами.

1,3,4 — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *2* — Моринцы, Среднее Поднепровье (сборы экспедиции Э. А. Сымоновича); *5* — быв. хутор Курочкин, Левобережное Поднепровье (фонды Курского краеведческого музея); *6* — Данилова Балка, Побужье (раскопки Э. А. Сымоновича); *7* — Сухостав, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *8* — Незвиско, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *9* — Мацковцы, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *10* — Синицивка, Побужье (сборы отряда Э. А. Сымоновича); *11* — Кантемировка, Левобережное Поднепровье (раскопки Е. В. Махно); *12* — овчария совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича)

Рис. 6. Керамика с различно обработанными поверхностями.

1, 4 — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *2* — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *3* — Чимерполь, Побужье (сборы отряда Э. А. Сымоновича); *5* — Новотроицкое, Левобережное Поднепровье (сборы экспедиции Н. Н. Липушкина); *6, 7* — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Белоцерковского краеведческого музея)

(Августиновка, Деревянное, Каменка-Днепровская, Малаешты (мог.), Никополь, Новоалександровка, овчарня совхоза Приднепровского, Ромашки, Рудки, Черняхов).

б) Ряды прямых врезанных линий и желобков. Нет нужды отмечать, что этот способ орнаментации, только количеством линий отличающийся от предыдущего, связан с теми же формами сосудов. В эту группу включена керамика, орнаментированная врезанными линиями и желобками, расположенными по два, по три в ряд и более, а также керамика с врезанными пересекающимися прямыми линиями, которые образуют узор или знак на дне или стенке сосуда.

В качестве основного мотива орнамент из рядов горизонтальных линий, иногда следующих по спирали вокруг сосуда, гораздо более распространен, чем орнамент в виде одиночной врезанной линии (рис. 1, *3*, *5*). Двумя или тремя рядами врезанных линий обычно украшены плечики горшков для варки пищи (Анастасьевка, Будешты (мог.,) Быстрик, Вила Ярузская, Данилова Балка, Дубиново, Дебяславцы—1, Дедовщина, Делакеу, Журавка ольшанская, Калиновка — 1, Квитки, Комаров, Комрат, Костянец, Красный Поселок, Кринички, Кут, Лески, Ломоватое—1, Ломоватое—2, Лука-Врублевецкая, Лукашевка-Пачино, Марьяновка, Маслово, Негин, Неслухов, Николаевка, Ново-Кондаково, Ново-Липовское, Новоселка-Костюкова, овчарня совхоза Приднепровского, Осокоровка, Переяславль-Хмельницкий, Рипнев, Ромашки, Росава, Троцки, Синицивка-Сабатиновка, Солончены, Средние Жоры, Сумы, Червона Слобода, Чернолесск, Черепин, Ягнятин). Изредка число линий на плечиках достигает шести или восьми (Комаров). Иногда они наносились также и по середине тулова (Маслово, Овчарня совхоза Приднепровского, Сумы) или же у дна сосуда (Неслухов). Известен орнамент врезанными линиями и на лепных сосудах (Новоселка-Костюкова). На отдельных образцах керамики горизонтально идущие линии сочетаются с проведенными наклонно (Викнины Великие [20]).

Следует заметить, что врезанные линии идут не всегда параллельно, а как бы волнисто (Кринички), напоминая тем орнаментацию далее описываемой группы (рис. 2, *1*).

Как исключение из общего правила украшения черняховской керамики врезанными линиями отметим чрезвычайно интересный горшок из Луки-Врублевецкой. На нем прочерченные врезанные линии по плечикам сочетаются с вертикальными, сплошь покрывающими тулово сосуда врезами, расположенными под ним. Такой способ украшения типичен для кельтской керамики.

Орнаментированы врезанными линиями и желобками и сосуды для хранения запасов (рис. 2, *1*). Порознь проведенные врезанные линии встречаются на плечиках, тулове и у дна таких сосудов. Ширина линий и желобков достигает иногда 6 или 8 мм (Вороновицы, Золотая Балка, Комаров, Ломоватое—2, Лески, Лукашевка-Пачино, Ново-Липовское, Ольховец, Червона Слобода, Черепин).

Часто сочетаются прямые врезанные линии на сосудах-хранилищах с отдельно прочерченными волнистыми линиями (Журавка, Кабуска-Веке, Квитки, Кирилловка—2, Комаров, Ломоватое—2, Лука-Врублевецкая, Мирополье, Ново-Липовское, Синицивка-Сабатиновка, Сухостав, Черепин) или с косо направленными линиями (Лукашевка-Пачино, Моисова Балка).

Интересное исключение составляет пифосообразный сосуд из Домашкан, широкий горизонтальный край которого снаружи сбоку оформлен в виде желобка, а ниже происходит горизонтальная врезанная линия.

Два других уникальных сосуда-хранилища из Рипнева II и Неслухова украшены непосредственно под венчиками рядами вдавлений, образующих как бы маленькие ступеньки (рис. 1, *4*).

Орнамент врезанными параллельными линиями, без сочетания с другими видами украшений, значительно реже встречается на мисках (Говда, Иосиповка), кувшинах (Каменка-Днепровская, Черепин) и кубках (Привольное). Параллельными врезанными линиями или лощеными желобками обычно подчеркивается своего рода орнаментальный фриз на плечиках у таких сосудов. Между линиями часто расположен лощеный или штампованный узор.

В особый раздел можно выделить лепные или гончарные миски, украшенные тонкими врезанными параллельными спаренными линиями с горизонтальными или наклонными насечками, заключенными между ними. Этим они напоминают пшеворскую посуду, аналогии которой известны на черняховских

---

[20] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викнинах Великих. Археологія. Київ, 1947, стр. 112—113, табл. II, *1*.

памятниках (Викнины Великие[21], Пражев[22], Ягнятин[23]).

Интересны образцы орнаментов врезанными линиями, которые мы встречаем на днищах отдельных сосудов. Так, на днище гончарного толстостенного сосуда с кольцевой ножкой из Неслухова прочерчены две пересекающиеся линии. На одном обломке дна грубого сероглиняного горшка из Комарова также оказалась врезанная линия, которая, может быть, является частью какой-то фигуры. На днище сосуда из Кирилловки—2 врезанные линии образуют ромб. На поселении близ с. Залесцы найдена миска, дно которой украшено пучками расходящихся из центра врезанных параллельных линий. Это поселение М. Ю. Смишко относит к памятникам липицкой культуры и датирует его I в. н. э.[24] Одно из днищ гончарного лощеного сосуда из Костянца украшено спирально идущими желобками, что, впрочем, может быть обусловлено и техническим приемом формовки.

Также редко встречается орнаментация врезанными линиями, образующими горизонтальную «елочку». Оба известные нам обломка сосудов с таким орнаментом вылеплены от руки (Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского).

в) Отдельные врезанные волнистые линии. Описываемый вид орнамента связан почти исключительно с сосудами-хранилищами и горшками для варки пищи. Он всегда покрывал плечики этих сосудов и наносился палочкой шириной 2—3 мм в виде прямой или наклонной волны различной амплитуды. Изгибы ее линий обычно довольно плавные. Зигзаг, выполненный врезанными линиями, встречается как исключение (Городище, Комарово, рис. 3, *3*). Наиболее часто, судя по собранным нами материалам, прочерчивалась одно- или двурядная волна (рис. 2, *4—6*). Во многих случаях из-за небольших размеров обломков керамики было трудно решить, украшает ли сосуд одно- или двурядная волна (Березовка, Вороновицы, Домашканы, Журавка, Кабуска-Веке, Квитки, Кирилловка—2, Комаров, Комрат, Костянец, Лески, Ломоватое—1, Ломоватое—2, Лука-Врублевецкая, Лукашевка-Пачино, Насташка, Незвиско, Неслухов, Новоселка-Костюкова, Осокоровка, Солончены, Сухостав). Нередко двойная волна разделяется горизонтальными линиями, прочерченными, видимо, тем же инструментом, что и волнистая линия (Ломоватое—1, Мирополье, Неслухов, Ново-Липовское, Синицивка-Сабатиновка). Реже одну волну от другой отделяют валики или выступы (Каменка-Днепровская, Солончены), ряды насечек (Лука-Врублевецкая) или ряды вдавлений гребенчатого штампа (Рипнев).

Украшение сосуда тремя порознь проведенными врезанными волнистыми линиями можно считать исключением из правила (Незвиско, Пастец, Рипнев). Своеобразно украшен гончарный горшок из Каменки-Днепровской — тремя порознь проведенными врезанными волнистыми линиями, причем средняя из них помещена на возвышающемся над плечиками сосуда нешироком уплощенном валике (рис. 1, *6*). Также исключением является обломок гончарного сероглиняного лощеного сосуда из Сухостава с двумя врезанными тонкими параллельными волнистыми линиями с пунктиром из ямок между ними (рис. 5, *7*).

Как мы видели, порознь проведенные врезанные волнистые линии редко сочетаются с другими видами орнаментов. Можно сказать, что они имеют узкую сферу применения.

г) Многорядные прямые врезанные полосы, прочерченные гребенкой. Такой орнамент почти исключительно встречается на сосудах для хранения запасов, украшая их плечики. Только иногда он играет самостоятельную роль и не связан с другими элементами орнамента (рис. 2, *3*; рис. 3, *1*). В таких случаях полосы несколькими рядами опоясывают плечики сосудов (Городище Шепетовское, Кут, Ново-Липовское). Число линий колеблется от двух до девяти. Правда, когда прочерчено только две или три линии, еще нельзя определенно говорить об использовании двух- или трехзубого штампа-гребенки. Обычно небольшое число линий получается вследствие постановки под углом гребешка при украшении сосуда. В таком случае с одной стороны линии врезаются глубже, а с другой часть зубцов не оставляет даже следа.

Узор перекрещивающимися или образующими другие сложные фигуры групповыми

---

[21] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викинах Великих, табл. II, *2*, *5*.

[22] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, стр. 171, табл. III, *5*.

[23] Є. М. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 163, табл. II, *2*.

[24] M. Śmiszko. Osady kultury lipickiej. Сб. «Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego». Lwów, 1934, tabl. IV, *17*.

линиями не характерен для черняховской посуды (Вороновицы, Комаров, Лука-Врублевецкая). Подобные перекрещивающиеся прямые расчесы гребнем на гончарных сероглиняных фрагментах из этих пунктов живо напоминают керамику раннегородищенского времени, пользуясь терминологией польских ученых [25]. Такие узоры, судя по Х. А. Кнорру, типичны для западных славян с древнейших времен (рис. 2, *7—10*) [26].

В то же время сплошное или почти сплошное покрытие горизонтальными полосами врезанного орнамента тулова сосуда-хранилища или горшка для керамики культуры полей погребений нельзя признать типичным.

Особняком от прочей керамики черняховского типа с орнаментацией прямыми расчесами, сделанными гребенкой, стоят находки с Пастерского городища. На опубликованных М. Ю. Брайчевским фрагментах, близких по фактуре и тесту керамике культуры полей погребений, горизонтальные линии, проведенные гребенкой, сочетаются с многорядной волной и, что самое необычное, с вертикальными лощеными линиями [27]. На керамике других черняховских памятников таких сочетаний неизвестно.

д) Многорядные врезанные волнистые полосы, прочерченные гребенкой. Многорядные волнистые линии наносились гребенкой. Такой орнамент известен на верхнем крае венчиков сосудов для хранения запасов. Как уже упоминалось, обычным является сочетание волнистых полос с отдельными прямыми линиями и многорядными полосами на плечиках сосудов (рис. 3, *2, 4—6*). В качестве самостоятельного мотива волнистый орнамент подобного рода встречается тоже, но мы не уверены, что все находки керамики, перечисленные ниже, имеют только волнистую орнаментацию. Дело в том, что при раскопках мы почти не встречаем целых сосудов-хранилищ, и поэтому в ряде случаев вполне возможно, что на фрагменте сохранилась только часть орнамента (Белялуя, Голиграды, Городище молдавское, Григоровка, Даловицы, Дубковцы, Комаров, Коновка, Лука-Врублевецкая, Незвиско, Неслухов, Новоселка-Костюкова, Остров, Пастерское городище, Рипнев, Средние Жоры, Сухостав, Черепин).

Врезанные полосы иногда образуют спокойно изгибающуюся или же резко наклонную и достигающую большой амплитуды волну. Кроме таких отклонений, рассматриваемый орнамент не дает других вариаций.

Этот орнамент сочетается, как упоминалось, только с врезанными линиями и многорядными полосами или реже с валиками (Выгнанка, Комаров, рис. 3, *4*).

е) Вдавления и насечки. В настоящем разделе описываются излюбленные способы орнаментации черняховской лепной керамики. Среди скудно орнаментированной лепной посуды чаще бывают украшены горшки для варки пищи. Орнаментируется не только венчик и плечики, как это обычно для гончарных горшков, но все тулово и даже дно сосуда.

Вдавления пальцем по краю венчика отмечены на лепных сосудах из Беседовки, Кантимировки, Кирилловки — 2 (?), Лесок, Ломоватого—2, Луки-Врублевецкой, Моринцев, Незвиски, Неслухова (рис. 4, *1—2, 4*). В Журавке ольшанской, в Моринцах и Неслухове вместо вдавлений по краю венчика идут косые насечки (рис. 5, *1—2*). Такая орнаментация была распространена еще в скифское время, а также в более позднее предкиевское, что заставляет с особой осторожностью относить подобную керамику к черняховской культуре на многослойных памятниках.

Весьма характерна орнаментация тулова сосуда беспорядочно нанесенными вдавлениями. Вдавления наносили или палочкой (Костянец, Кут, Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского (рис. 4, *11*), или пальцем, или концом ногтя (Викнины Великие, городище Шепетовское, Журавка ольшанская, Иосиповка у Ольшаницы, Лески, Лука-Врублевецкая, Мацковцы (рис. 4, *3, 6, 9*; рис. 5, *3, 4, 9*). Целый сосуд из Луки-Врублевецкой, украшенный таким образом, опубликован М. А. Тихановой [28]. Интересно, что вдавлениями покрывали тулово, только отступя от края сосуда. Такой способ украшения и расположение орнамента на тулове горшка находят прямые аналогии в областях распространения пшеворской культуры. Встреченные одиночные вдавления пальца на тулове

[25] W. Antonieiwicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1929, стр. 213, fig. 36.

[26] H. A. Knorr. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Mannus-Bücherei, Bd. 58. Leipzig, 1937.

[27] М. Ю. Брайчевский. Нов розкопки на Пастирському городищі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 74, табл. I, *8, 13—15*.

[28] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 183, рис. 8.

лепного сосуда из Неслухова или гончарном сероглиняном сосуде из Комарова, вероятно, являлись браком производства. Украшать черняховскую посуду одиночными вдавлениями пальца, видимо, не было принято. Интересно, что в Жуковцах был найден обломок стенки серого гончарного сосуда, также украшенный, как и лепные, беспорядочно расположенными вдавлениями, нанесенными кончиками пальцев.

Немногочисленны, но также характерны, благодаря сходству с орнаментацией пшеворской культуры, врезы, нанесенные на средней части яйцевидных лепных горшков. Беспорядочно нанесенные врезы, выполненные обычно каким-то острым орудием, встречены в Викнинах Великих, Жуковцах, Курипчине, Пражеве, овчарне совхоза Приднепровского, Острове (рис. 5, *12*). В предпоследнем случае сосуд, украшенный таким образом, происходит из могилы, где был, кроме лепных сосудов, большой обломок типичнейшей для черняховской культуры гончарной миски. Обломок донной части лепного сосуда из Курипчина имеет слишком широкие, ровно направленные вертикальные врезы, может быть, являющиеся просто подражанием вертикальным каннелюрам стеклянных сосудов.

Так же типичны лепные гончарные сосуды, украшенные горизонтальными пунктирными и косыми насечками, заключенными между двумя тонкими врезанными линиями, в исключительном случае идущими волнообразно (Сухостав), а иногда, может быть, образующими фигуры вроде меандра (Ягнятин; рис. 4, *7*, *8*; рис. 5, *5*, *7*) [29]. Пока обломков керамики с фигурным орнаментом подобного рода нам известно не так много (Викнины Великие, Пражев, Сухостав, Ягнятин). Тем не менее они являются важным дополнением к сосудам, имеющим аналогии в областях распространения пшеворской культуры.

На грани днищ лепных сосудов, происходящих из Ломоватого—1, могильника у овчарни совхоза Приднепровского и Синицивки-Сабатиновки, встречен орнамент ямками и косыми врезами (рис. 4, *10*).

На гончарных сосудах-хранилищах под венчиком мы встречаем своеобразную орнаментацию вдавлениями палочки, идущими подряд горизонтально или вертикально и образующими цепочки (Незвиско, Неслухов, Рипнев; см. рис. 1, *4*; рис. 5, *8*). На сосудах-хранилищах также имеется редкий орнамент вдавлениями, образующими прямые или косые ямки с наружной стороны венчика (Завалье—1, Солончены).

Миски из тонкозернистой глины с широким горизонтальным краем иногда имеют заглощенные вдавления на верхнем крае венчика (Каменка-Днепровская, Коблево—2). На одной миске из района Звенигородки венчик украшен по ребру каплевидными вдавлениями. Как на лепных, так и на гончарных мисках прослеживается орнамент горизонтальными рядами косых врезов по верхней части тулова сосуда или же по его перегибу (Великая Слободка — б. В. Мукша, Комаров (?), Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского, Пражев, Синицивка, Ягнятин; рис. 4, *5*). В Синицивке украшены такими насечками грани косых каннелюр [30], а в Ягнятине подобные же врезы или вдавления проходят над такими же каннелюрами (рис. 5, *10*). На гончарной миске из Великой Слободки врезы идут двумя горизонтальными рядами с разнонаправленным наклоном [31]. Нечто подобное мы встречаем на фрагменте сосуда из Комарова, орнаментированного рядами двойных врезов, образующих горизонтальную «елочку». На сосудах из Рудков вместо верхнего ряда косых вдавлений идут округлые углубления [32]. Обломок ручки сосуда из Кантемировки покрывают разнонаправленные насечки, образующие «елочку» (рис. 5, *11*).

На кубках орнамент косыми врезами по грани биконического тулова встречен нами единственный раз на лепном чернолощеном сосуде из погребения в с. Данилова Балка (рис. 5, *6*).

Совместно с лощеной или чеканно-штампованной орнаментацией описанная выше керамика почти не встречается.

ж) Штриховка, щербины и другие способы сделать поверхность шероховатой.

Предлагаемый вниманию раздел, заключающий описание группы пластичных врезанных узоров, по сути дела включает описание технических приемов обработки поверхности,

---

[29] Є. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція, стр. 163, табл. II, 2.

[30] Е. О. Симонович. Пам'ятки черняхівської культури Нижнього Побужжя. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 151, табл. I, *9*.

[31] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 185, рис. 12.

[32] Там же, стр. 191, рис. 17, *2*.

а не орнаментацию в собственном смысле этого слова. Однако поскольку, как нам представляется, такие способы теснейшим образом связаны с орнаментами лепной посуды вышеописанного раздела, пройти мимо него оказывается невозможным. Многие лепные горшки на поселениях черняховского типа, подобно пшеворским и зарубинецким, покрывали в средней части тулова перед обжигом жидкой массой с песком или шамотом. Этим способом достигалось ошершавливание поверхности подобно тому, как при покрытии ее наколами, ногтевыми вдавлениями или беспорядочными врезами. Замечательно, что таким обваливанием в песке обрабатывали горшки тех же яйцевидных форм, хорошо известных в областях зарубинецкой и пшеворской культур в раннее время и распространенных в позднее время под названием пражского типа. Нами учтены целые сосуды и обломки керамики подобного рода с ошершавленными боками (Беседовка, Викнины Великие, Дедовщина, Дубиново, Журавка ольшанская, Иосиповка местность у колодца, Курипчино, Костянец, Незвиско, Никольское, Остров, Пражев, Привольное, Шкаровка, Ягнятин; рис. 6, *4*). Вряд ли этот перечень является исчерпывающим, так как нами при составлении картотеки описываемый материал не всегда учитывался, поскольку он характеризует больше технические приемы изготовления лепной посуды, и только во вторую очередь такую обработку поверхности можно рассматривать как своеобразный способ украшения сосуда.

Некоторые лепные сосуды имеют на тулове полосы, оставленные пальцами, что опять-таки делает ее неровной (Выграев, Журавка ольшанская, Ломоватое—1; рис. 6, *1*).

Сероглиняные гончарные кухонные горшки с типичными для них щербинами у дна сосуда, с поверхностью, как бы заштрихованной (Новотроицкое), видимо, также «ошершавлены» преднамеренно (рис. 6, *3, 5*). Такой прием, вероятнее всего, преследовал не эстетические, а практические цели, может быть, так делали для того, чтобы сосуд не выскальзывал из рук.

Выпуклые узоры
(рис. 7—10)

а) Уступы, расчленяющие поверхность. Наиболее простой образец орнаментации данного рода — уступ под венчиком гончарных горшков для варки пищи. Его делали пальцем во время формовки. Возможно, что гончар проводил полосу под венчиком для лучшей формовки, не преследуя даже цели украсить горшок. В то же время любопытно, что из Малаештского могильника происходит лепной горшок, край которого выделен уступом (рис. 7, *1*). Также сосуд из Быстрика (опубликованный И. С. Винокуром), снабженный выделенным уступом-венчиком, говорит о преднамеренности в ряде случаев подобного рода орнаментации черняховских сосудов[33] (Августиновка, Будешты (мог.), Данилова Балка, Делакеу, городище Шепетовское, Золотая Балка, Каменка-Днепровская, Каменка-Молдавская, Киев или Киевская область, Комрат, Кринички, Ломоватое — 1, Лука-Врублевецкая, Малаешты (мог.), Маслово, Михайловка, овчарня совхоза Приднепровского, Онишканы, Ромашки, Синицивка, Червона Слобода, Ягнятин; рис. 6, *2, 6, 7*).

Другая обычная разновидность уступов — это как бы односторонний валик или ряд уступов на тулове миски. В таких случаях в профиле бок миски представляет собой ступенчатую поверхность. Особенно часто уступ бывает образован у закрытого типа мисок, над перегибом тулова (Анастасьевка, Балцаты, Викнины Великие, Вила Ярузская, городище Шепетовское, Гурбинцы, Данилова Балка, Дебеславцы, Дубиново, Житненский завод (Ровенщина), Журавка ольшанская, Золотая Балка, Звенигородка (в ее районе), Каменка-Днепровская, Комаров, Красный Поселок, Кринички, Кут, Лебедин, Лески, Ломоватое — 1, Ломоватое — 2, Лохвица, Лука-Врублевецкая, Марьяновка, Неслухов, Никольское, Ново-Александровка, овчарня совхоза Приднепровского, Онишканы, Пражев, Привольное, Ромашки, Синицивка-Сабатиновка, Стрижановка, Тимково — 1, Федоровка, Червона Слобода, Явин, Ягнятин; рис. 7, *5*).

Прием этот широко распространен на провинциально-римской керамике, хотя пропорции и форма резко отличаются от типично черняховской керамики. О проникновении краснолаковых мисок с уступом на грани тулова в среду черняховского населения известно нам по находкам в Ромашковском могильнике[34] и в с. Звенигородка[35]. Поскольку

---

[33] И. С. Винокур. Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском краеведческом музее. СА, 1959, № 4, стр. 237, рис. 2, *7*.

[34] А. Т. Брайчевська. Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов'ян з кримськими містами. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 116, табл. I, *1, 5—7*.

[35] А. Т. Сміленко (Брайчевська). Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. VI. Київ, 1952, стр. 59, табл. II, *2—3*.

Рис. 7. Керамика с выпуклыми узорами.

1 — Малаешты, Молдавия (раскопки Г. Б. Федорова); *2, 4* — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Белоцерковского краеведческого музея); *3* — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *6* — Полтавщина, Левобережное Поднепровье (фонды Полтавского краеведческого музея); *7* — Телешевка, Среднее Поднепровье (фонды Белоцерковского краеведческого музея)

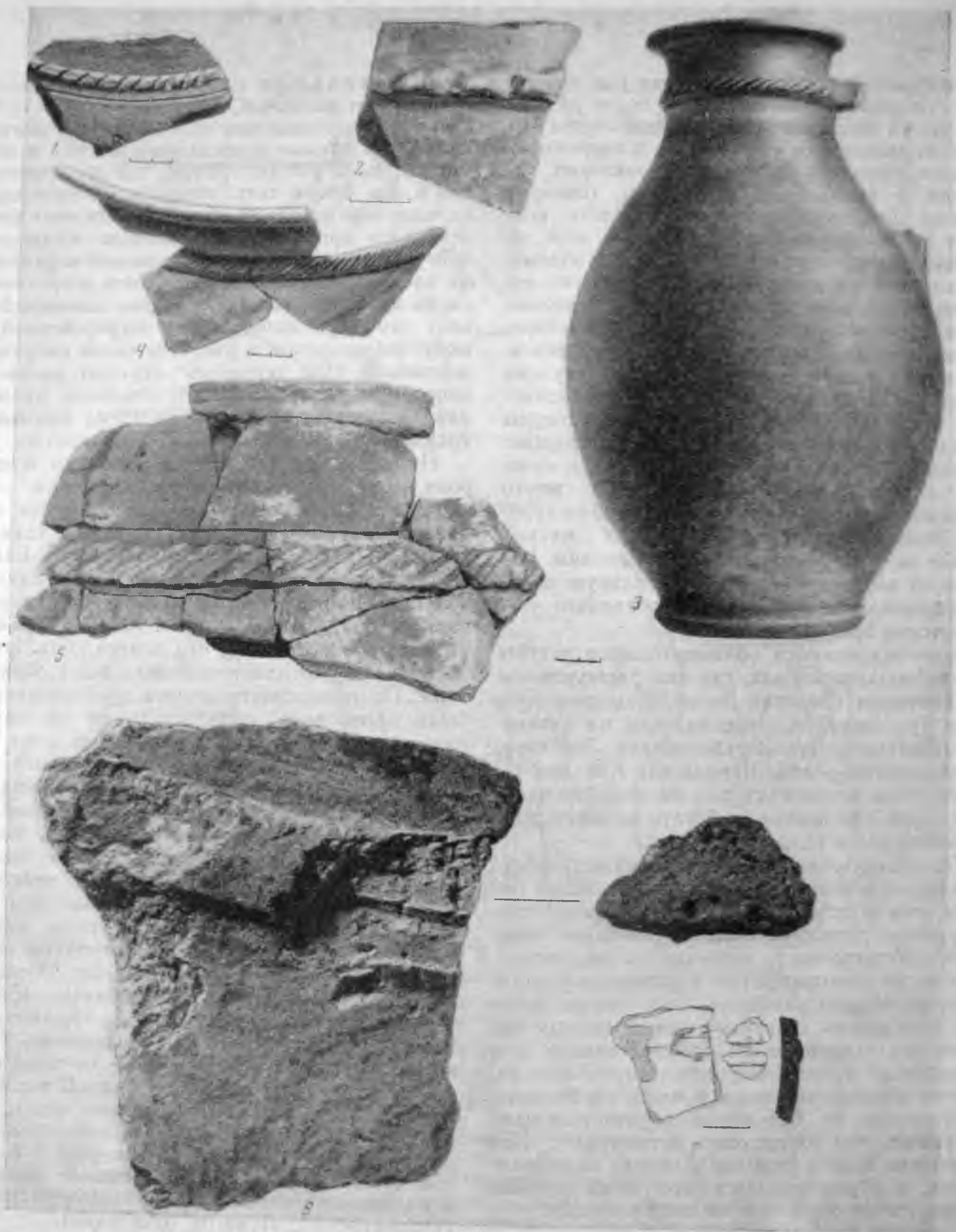

Рис. 8. Керамика с выпуклыми узорами.

1 — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *2* — Лески, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *3* — быв. Хутор Холодный, Левобережное Поднепровье (фонды Роменского краеведческого музея); *4* — Кут, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5* — Комаров, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *6, 7* — Синицивка-Сабатиновка, Побужье (раскопки Э. А. Сымоновича)

краснолаковая посуда с уступами над перегибом тулова известна со времен более ранних, чем время расцвета черняховской культуры. Вряд ли приходится сомневаться в истоках подобного способа украшения. Характерно, что именно с Нижнего Поднепровья (овчарня совхоза Приднепровского), из области контакта с населением Причерноморья или по крайней мере с сарматизированным и эллинизированным населением позднескифских городищ происходит лепная мисочка, довольно точно воспроизводящая форму и особенности краснолаковых сосудов — почти вертикальный край и выступ над перегибом тулова (рис. 7, *3*). Известны похожие на краснолаковые миски гончарные сероглиняные сосуды (Лука-Врублевецкая; рис. 9, *3*). Обращает внимание, что на раннечерняховском поселении Ломоватое — I было найдено много обломков мисок с уступом над перегибом тулова. Такой уступ на черняховских мисках бывает округлым или широким и плоским. Нередко он подчеркивает орнаментальную полосу лощеного или чеканно-штампованного узора, которая проходит над ним.

Реже встречаются орнаментальные уступы на сосудах-хранилищах, где они расположены под венчиком (Золотая Балка, Комаров, Кут, Лука-Врублевецкая, Черепин) или на кувшинах (Лапушна, Лука-Врублевецкая, Маслово, Ново-Александровка, Черняхов). Как исключение уступ, именно уступ, а не желобок отделяет на кубках венчик от богато орнаментированного тулова (Будешты — мог.).

Поскольку описанная обработка встречается на всех основных формах черняховской посуды, она соответственно нередко сочетается с другими разнообразными способами украшений. Уступы часто встречаются на мисках. Еще чаще сочетаются они с лощеным узором, который обычно украшает бока мисок, реже они объединены с чеканно-штампованным орнаментом и орнаментом дополнительной профилировкой тулова. Вероятно, случайным является оформление нижней части грубоглиняного сосуда из Коровинец горизонтальными **уступами, что совершенно нетипично**[36]. При формовке ножом снимали с сосуда излишнюю глину, а образовавшиеся при этом прямые срезы потом оставляли незаглаженными.

[36] Є. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 80, рис. 2, *13*.

б) Отдельные валики. Орнаментация отдельными валиками, являющаяся по сути дела противоположным способом орнаментации по отношению к врезанным линиям и желобкам, была распространена так же широко, как и они. Очень часто желобок и валик идут параллельно на одном сосуде и выделяют зону основного орнамента. Украшение валиками присуще всем формам черняховской керамики, но, следует заметить, что реже они встречаются на кухонных горшках. Форма валиков бывает самой разнообразной — остроребериой и округлой, широкой и узкой, плоской снаружи, массивной. Они украшены нередко разными способами. По способу изготовления валики разделяются на оттянутые во время формовки сосуда и налепные. Первых большинство.

Налепные валики всегда массивны и широки. Соответственно своим размерам они украшали крупные сосуды для хранения запасов. Два выразительных образца с такими валиками дают находки из Синицивки-Сабатиновки и Комарова. Скол широкого валика полуовальной формы, на обломке стенки гончарного сосуда-хранилища из Синицивки-Сабатиновки показывает, что поверхность сосуда перед прикреплением валика была обработана. По поверхности сосуда предварительно была прочерчена горизонтальная врезанная линия, а затем поверх нее налепили жгут валика (рис. 8, *6—7*). Также и на крупных обломках края гончарного сосуда-хранилища из Комарова, на месте сколов валика видны косые врезы, сделанные для того, чтобы более прочно прикрепить валик к поверхности (рис. 8, *5*). Валики на сосудах этого типа бывают украшены вдавлениями пальца или нанесены палочкой и значительно реже насечками (Березовка, Волосское, городище Шепетовское, Грушевка Кельменецкая, Журавка ольшанская, Завалье — I, Загайканы, Кишинев, Комрат, Комаров, Кринички, Курипчино, Лески, Лука-Врублевецкая, Лукашевка, Незвиско, Неслухов, Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского, Переорки, Пересадовка, Попелюхи, Саломыя (напротив села), Синицивка-Сабатиновка, Сокол, Солончены, Ташино, Тимково, Черепин, Яруга; рис. 8, *1—5*). Известны также большие лепные сосуды, украшенные под венчиком валиком (Лески, Ломоватое — I, Лука-Врублевецкая).

На горшках для варки пищи валик всегда проходит в его верхней части на плечиках (Будешты, Делакеу, Дубиново, Иванковцы, Коновка, Кринички на Коломаке, Лука-Врубл-

Рис. 9. Керамика с выпуклыми узорами.

1—7, 10 — Лука-Врублевецкая, Западная Украина (раскопки С. Н. Бибикова); *8* — Капустино, Северное Причерноморье (раскопки Э. А. Сымоновича); *9* — Коровинцы, Левобережное Поднепровье (фонды Роменского краеведческого музея); *11* — Ломоватое — 1, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *12* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича)

левецкая, Макарьевка, Малаешты мог., Мо-ринцы, Первомайск — 1, Переяславль-Хмельницкий, Ромашки, Синицивка-Сабатиновка, Червона Слобода; рис. 7, *4*). В числе исключений можно назвать кухонный горшок, сделанный на гончарном круге из Каменки-Днепровской, украшенный по валику, проходящему по плечикам, врезанной волнистой линией, который обрамляют сверху и снизу еще две такие же линии (рис. 1, *6*). В Солончены также был найден обломок гончарного сероглиняного шероховатого сосуда, на плечиках которого широкий плоский валик разделял две врезанные волнистые линии. Уникальным является горшок из района Днепропетровска (если он черняховский?), украшенный ниже валика гирляндой треугольников, выполненных пунктиром.

Отдельно проведенные валики, без сочетания с другими видами орнаментации, являются обычным украшением верхней части тулова биконических мисок (Анастасьевка, Березовка, Богдановка, Будешты мог., Быстрик, Викнины Великие, Вила Ярузская, Вовчинцы, Голиграды, Голубьевка, городище Шепетовское, Гриневка, Гущинцы, Данилова Балка, Делакеу, Заплазы, Золотая Балка, Иванив, Кабуска Веке, Каменка-Днепровская, Кантемировка мог., Комаров, Коровинцы, Кринички на Коломаке, Купричино, Костянец, Кут, Лески, Ломоватое — 1, Ломоватое — 2, Лука-Врублевецкая, Малаешты мог., Маслово, Мирополье, Михайловка Балтская, Михайловка Ново-Воронцовская, Моринцы, Неслухов, Никольское, Ново-Кондаково, Ново-Липовское, Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского, Ольшаница — 3, Ольшанка, Онишканы, Осокоровка, Переорки, Пересечное, Переяславль-Хмельницкий, Пражев, Привольное, Рипнев, Ракитное, Ромашки, Сапуновка, Семеновка, Синицивка, Сухостав, Телешевка, Тимары, Устье, Червона Слобода, Явин, Ягнятин; рис. 7, *7*; рис. 8, *4*). Не менее часто одиночные валики на таких биконических мисках подчеркивают зону орнамента, выполненную другими способами: лощением, чеканом, штампом, дополнительной профилировкой. На больших трехручных мисках валиками украшены не только плечики, но также верхний край горизонтального венчика или ручки сосудов. Чрезвычайно редко на мисках валик проходит по перегибу тулова, где обычно бывает только уступ (Голубьевка, Гущинцы, Лука-Врублевецкая). Валики на мисках бывают украшены косыми лощеными насечками и вдавлениями и, что реже — на плечиках — овальными примыкающими друг к другу срезами (Золотая Балка, Лука-Врублевецкая, Малаешты мог., Маслово; рис. 9, *1*).

На кувшинах валик обычно проходит или под венчиком, вместе с ним образуя два утолщения на краю горла, или же валик сделан на месте перехода горла в тулово. Вместе с богатым украшением тулова он нередко бывает покрыт косыми лощеными вдавлениями и врезами. Продольные валики также украшают ручки кувшинов. Одиночный валик в таком случае проходит по середине ручки. Как и везде в перечне, мы указываем места, где описываемый орнамент встречается в чистом виде, причем приходится использовать и фрагментарный материал, что не дает полной уверенности, что другие, несохранившиеся, части данного сосуда не были украшены иной орнаментацией. В то же время имеются целые экземпляры сосудов, наглядно показывающие, что есть немало кувшинов, украшенных только одним валиком на горле или на месте перехода в плечики (Богдановка, Будешты мог., Быстрик, Загайканы, в районе Звенигородки, Кабуска Веке, Каменка-Днепровская, Квитки, Кринички, Кут, Ломоватое — 2, Лука-Врублевецкая, Малаешты мог., Малый Ржавец, Маслово, Незвиско, Ново-Александровка, Сухеньке, овчарня совхоза Приднепровского, Скагарлиевка, Средние Жоры, хутор Холодный, Черняхов; рис. 8, *3*; рис. 9, *2*).

Еще более редки кубки, орнаментированные только валиком, без использования других способов украшения. На таких сосудах так же, как желобок, валик находится в верхней части и выделяет венчик кубка (Каменка-Днепровская, овчарня совхоза Приднепровского, Ромашки, Солончены; рис. 7, 2). Из Незвиски происходит лепной кубок биконической формы, где валик, вернее несколько оттянутое ребро, на перегибе тулова разделяет сосуд на две половины.

в) Ряды параллельных валиков и рифление. Орнамент спаренными валиками или комбинациями из многих валиков распространен так же широко, как и предыдущий орнамент. Мы его встречаем на всех типах сосудов черняховского типа. Однако следует заметить, что, например, сдвоенные валики на сосудах для хранения запасов встречаются гораздо реже, чем одиночные. Бывают валики округлых и заостренных очертаний (Комаров, Коновка, Купричино, Первомайск — 1). Причем такие массивные валики на сосудах для

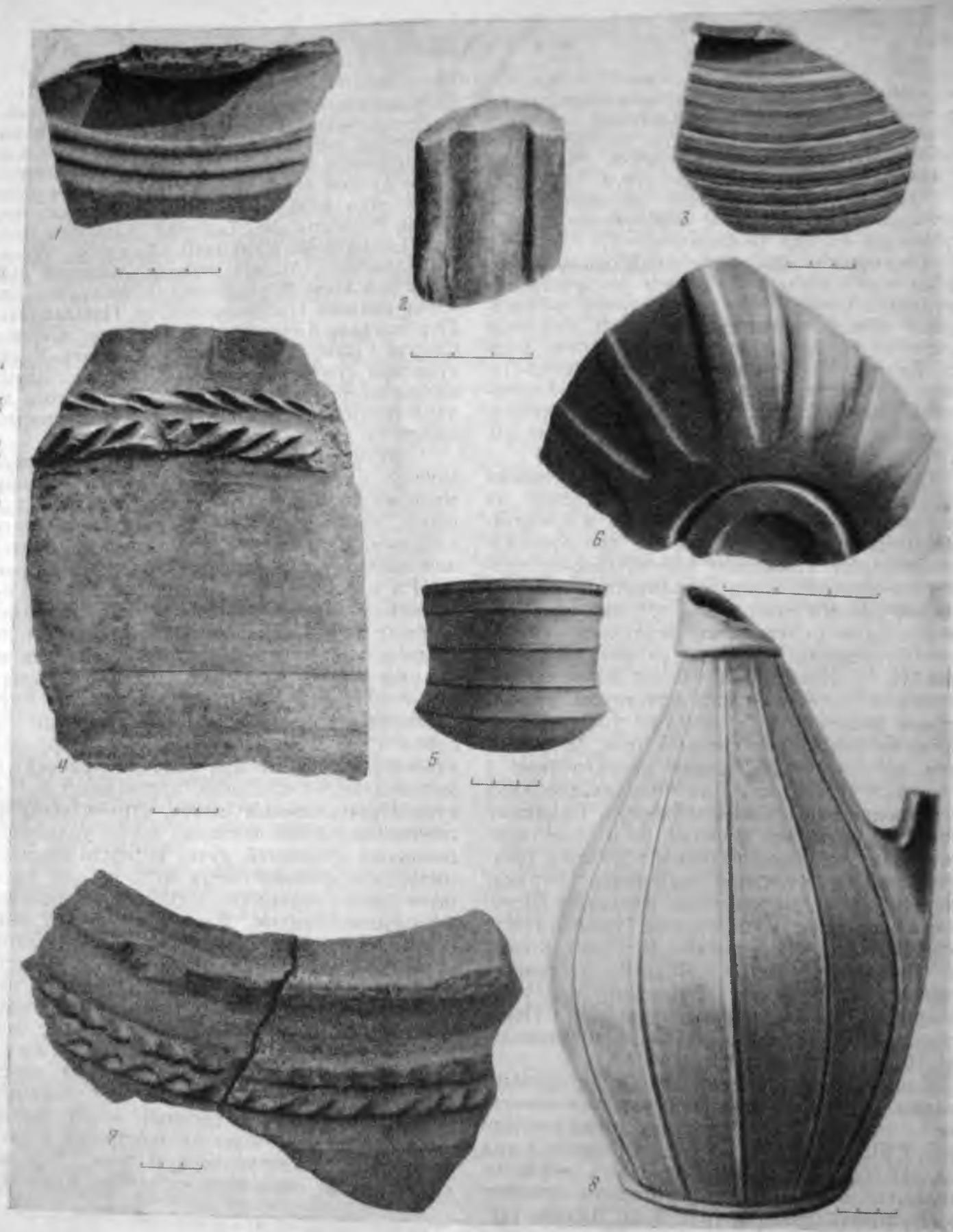

Рис. 10. Керамика с выпуклыми узорами.

1 — Квитки, Среднее Поднепровье (фонды Корсунь-Шевченковского музея); *2* — Каркмизы, Молдавия (сборы экспедиции А. И. Мелюковой); *3* — Незвиско, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *4* — Майданец, Побужье (фонды Уманского краеведческого музея); *5* — Вила Ярузская, Среднее Поднестровье (фонды Киевского исторического музея); *6* — Лохвица, Левобережное Поднепровье (раскопки Д. Т. Березовца и В. П. Петрова); *7* — Глибочек, Побужье (фонды Уманского краеведческого музея); *8* — Завадовка, Среднее Поднепровье (фонды Корсунь-Шевченковского музея

хранения запасов в ряде случаев покрываются разнонаправленными вдавлениями палочки, образующими горизонтальную «елочку» (Глибочек, Калиновка — 1, Кринички, Майданец, Синицивка-Сабатиновка; рис. 10, *4, 7*).

Один сосуд для запасов на поверхности венчика имеет рифление, образующее концентрические валики (Калиновка — 1).

На горшках для варки пищи орнамент рядами горизонтальных валиков распространен несколько шире. Иногда этот способ орнаментации просто представляет собою рифление плечиков (район Звенигородки, Золотая Балка, Квитки, Кринички, Лески, Лукашевка-Пачино, Незвиско, Неслухов, Новоселка-Костюковка, Поликтаровка, Синицивка-Сабатиновка, Сухостав, Червона Слобода, Черепин; рис. 10, *1, 3*).

Очень много мисок украшено спаренными валиками. Они обычно образуют полосу на плечиках небольших биконических и трехручных мисок, в которой пролощен или прочеканен орнамент. Поскольку нас интересует применение каждого вида орнамента отдельно, а затем уже его сочетания с другими орнаментами, следует отметить, что нередко миски бывают украшены только рядами валиков (рис. 10, *5*). Иногда эти валики покрываются лощеными насечками или пунктиром, выполненным наколами или, как уже упоминалось, плоскими овальными срезами (рис. 9, *4*). Валики без орнамента бывают закругленные и угловатые, так же как и на горшках, создавая впечатление рифленой поверхности. Валиками украшали не только плечики, но и края горизонтальных венчиков, главным образом у трехручных мисок, а также и сами ручки (Бураки, Вила Ярузская, Вороновицы, городище Шепетовское, в районе Звенигородки, Иванив, Иосиповка, Каменка-Днепровская, Комаров, Коновка, Курипчино, Лески, Лука-Врублевецкая, Маслово, Михайловка Балтская, Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского, Переяславль-Хмельницкий, Червона Слобода; рис. 10, *2*).

Многие кувшины также орнаментированы рядами горизонтальных валиков, без сочетания с какими-либо другими орнаментами (рис. 7, *6*). Валики эти идут по нескольку в ряд под венчиком и иногда образуют рифленое горло, как например, на узкогорлом кувшине из Луки-Врублевецкой (рис. 9, *5*). Валики такие же украшают ручки кувшинов. Как исключение они бывают перевиты в виде жгута как на гончарном чернолощеном сосуде из района Приднепровья, хранящемся в фондах Киевского исторического музея. В эту же группу нами включены сосуды типа кружек или мисок с цилиндрической верхней частью, снабженные одной ручкой. Их верхнюю часть нередко тоже расчленяют горизонтальные валики (Августиновка, Будешты мог., Быстрик, Данилова Балка, Домашканы, Каркмизы, Комаров, Лука-Врублевецкая, Малый Ржавец, Маслово, Михайловка Ново-Воронцовская, Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского, Пищальники, Переяславль-Хмельницкий, Ржищев, Сорока, Старая Сынжерея, Черняхов, Ягнятин). Единственный гончарный лощеный кубок с двумя валиками под венчиком, ничем кроме того не украшенный, происходит из Будештского могильника.

Совершенно своеобразную и интересную группу среди сосудов, орнаментированных многими валиками, составляют кубки и кувшины, поверхность которых расчленена вертикальными валиками. Такой способ орнаментации восходит к распространившемуся широко в III в. н. э. орнаменту стеклянных изделий напаянными нитями и валиками [37]. Так, в Лохвице была найдена нижняя часть гончарного лощеного кубка с радиально расходящимися валиками от дна (рис. 10, *6*). Обломки гончарных сосудов, видимо, кувшинов из Луки-Врублевецкой и Рипнева украшены подобным способом (рис. 9, *7*). Почти целиком сохранился кувшин, найденный при земляных работах на могильнике в Завадовке, хранящийся в Корсунь-Шевченковском музее. Это узкогорлый гончарный серый лощеный сосуд удлиненно-овальных пропорций, ручка которого не сохранилась. Всю поверхность кувшина, не имеющую резких перегибов, расчленяют вертикально идущие валики. Расстояния между ними сужаются ко дну и горлу (рис. 10, *8*). Возможно, что обломок гончарного сосуда из Капустина на Тилигульском лимане, украшенный вертикально идущим лощеным валиком, принадлежал именно такого рода кувшину (рис. 9, *8*).

г) Орнамент фигурными налепами и выпуклостями. Данный способ орнаментации мало типичен для керамики культуры полей погребений черняховского типа. Он гораздо более распространен в предшествующую — зарубинецкую эпоху так же, как и в среде скифского населения. Характер-

---

[37] А. Т. Сміленко (Брайчевська). Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань, стр. 62.

но, что украшения налепами чаще всего встречаются на обломках керамики, сделанной от руки. Несколько фрагментов из Луки-Врублевецкой оказались украшенными выступами под венчиком (рис. 9, *6*, *10*). В Рипневе один из обломков имеет месяцевидный налеп. Фрагмент края лепного сосуда из Ломоватого — 1 снабжен сосцевидным выступом, как и лепная миска из Журавки ольшанской (рис. 9, *11—12*).

На гончарной посуде за орнамент в виде выступов можно было бы счесть Х-образные ручки, которые встречаются на мисках. Эти четырехгранные пирамидальные выступы-ручки снабжены горизонтальным отверстием, которое иногда оказывается только намеченным двумя ямками. Уникальным является гончарный кувшин из Коровинец, украшенный возле основания ручки подковообразным налепом (рис. 9, *9*). Однако специальной орнаментации выступами черняховской гончарной посуды почти неизвестно.

Лощеный орнамент
(рис. 11—19)

Второе место после пластичного орнамента по широте распространения занимает лощеная орнаментация. Большинство черняховской керамики, покрытой лощением, принадлежит столовой посуде. Многие экземпляры мисок, кувшинов и кубков были украшены лощеными узорами, которые часто сочетаются с другими видами орнаментации.

Технику нанесения лощеной орнаментации на поздней московской керамике подробно описал М. Г. Рабинович, и мы на ней не будем останавливаться [38]. Вряд ли основные приемы этой техники в первые века новой эры существенно отличались, хотя, например, обращает внимание то, что в древности большинство посуды покрывали лощением без предварительного ангобирования — серолощеная посуда. Однако черная лощеная посуда перед лощением покрывалась каким-то темным слоем копоти или графита. На это указывает более светлый цвет сосуда с внутренней стороны. У такого черепка, попавшего в неблагоприятные условия, нередко чернолощеная поверхность отслаивается и скалывается чешуйками. Орудий труда, которыми наносили лощеные линии, на поселениях полей погребений до недавнего времени не было найдено [39]. Нет их, насколько нам известно, и возле раскопанных гончарных печей. Если лощеные линии были выполнены разогретым камнем, как думает А. А. Миллер [40], или просто галькой, камни все же должны были сохранить следы сработанности и заглаженности [41]. Однако таких камней с узким тонким концом, какой у них следует ожидать, заключая по небольшой ширине лощеных линий на сосудах, во время полевых исследований обнаружено на было. Не упоминает такого рода находки и А. Т. Брайчевская, собравшая многие материалы по гончарному производству в черняховское время [42].

Очень немногочисленны сосуды с блестящей поверхностью другого типа. Такие сосуды иногда не имеют следов полосчатого лощения, а имеют ровную блестящую поверхность. Возможно, хорошо залощенный, с темным покрытием сосуд перед обжигом окунали в какой-то раствор. Число сосудов, которое можно было бы отнести к этой группе, очень малое. По преимуществу таким образом обрабатывали поверхность богато орнаментированных чеканно-штампованным орнаментом кубков. Не исключено, что они изготовлялись всего в нескольких гончарных центрах и оттуда расходились по разным областям черняховской культуры. Исследователи связывают их с западной посудой типа «terra nigra», получившей распространение в римское время [43].

а) Полосчатое лощение. В эту группу нами включены экземпляры сосудов, покрытых полосчатым лощением, т. е. залощенных так, что видны направления углубленных вдавленных в глину глянцевитых линий, чередующихся с матовыми незалощенными участками. Такие линии бывают направлены по-разному и создают определенное художественное впечатление. Этот прием обработки, по сути дела,

---

[38] М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 57—105.

[39] Когда том был уже готов, раскопки в Журавке ольшанской 1963 г. обнаружили мастерскую древнего гончара черняховской эпохи, где было найдено четыре камешка, предназначенных для лощения посуды.

[40] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924—1925 гг. Сообщ. ГАИМК, т. 1, 1926, стр. 97.

[41] В. Ламтева. Опыты производства посуды древних типов. Сб. студенческих докладов на V всесоюзной археологической конференции. М., 1960, стр. 18.

[42] А. Т. Брайчевська. Найдавнішні гончарські горни на східнослов'янських землях. Нариси з історії техніки, вип. 3. Київ, 1956, стр. 143—150.

[43] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 181.

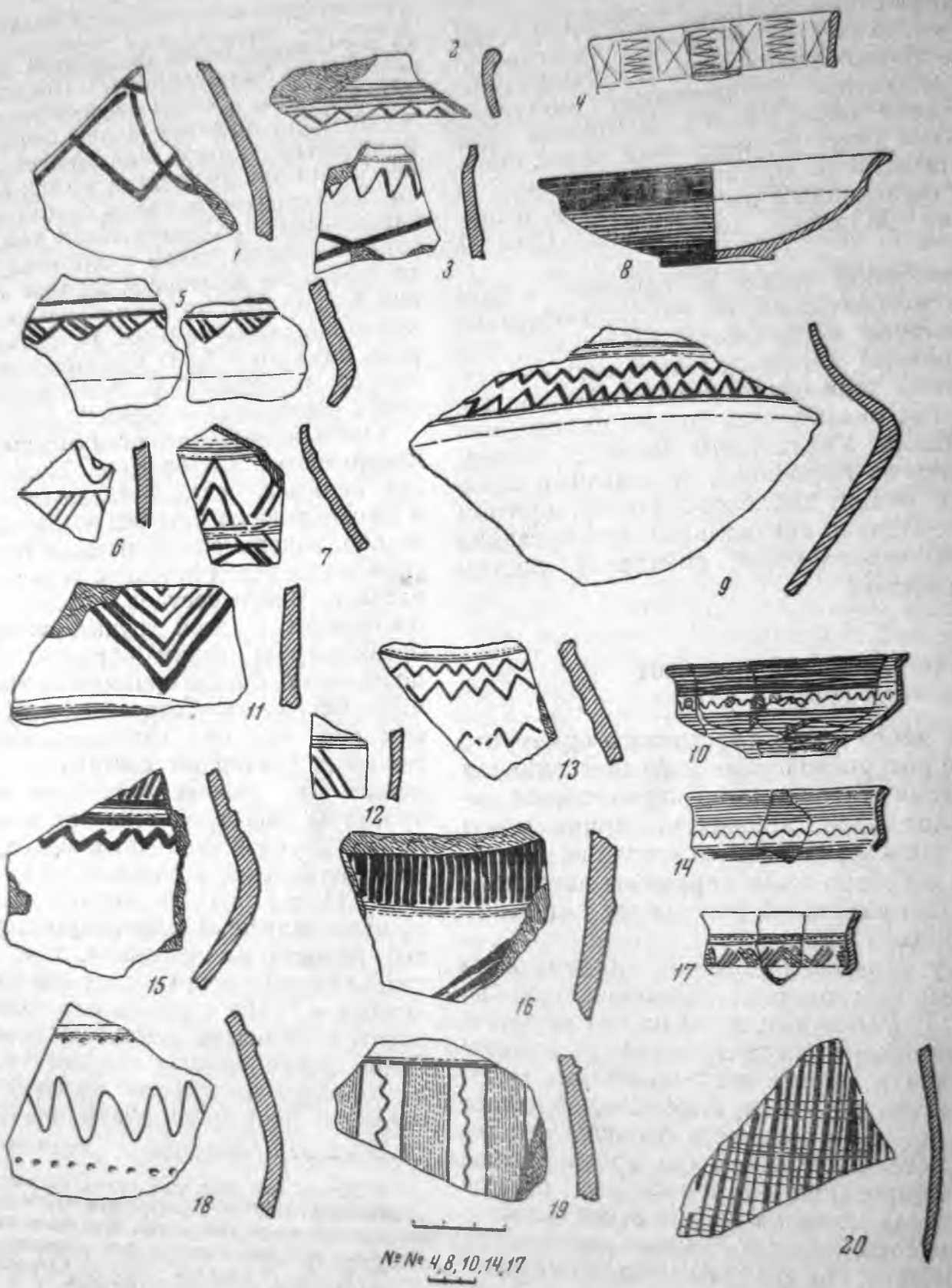

Рис. 11. Керамика с лощеным орнаментом.
1—20 — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднестровье (раскопки С. Н. Бибикова)

Рис. 12. Керамика с лощеным орнаментом.

1 — Рипнев, Западная Украина (раскопки В. Д. Барана); *2* — Клепачи, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *3* — Вороненцы, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *4, 6* — Черняхов, Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея); *5* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича) *7* — Моринцы, Среднее Поднепровье (сборы экспедиции Э. А. Сымоновича); *8* — Лепесовка, Волынь (фонды Киевского исторического музея, раскопки Я. В. Яроцкого)

Рис. 13. Керамика с лощеным орнаментом.

1—4, 7,10,14 — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5* — Переяславль-Хмельницкий, Среднее Поднепровье (раскопки В. К. Гончарова и Е. В. Махно); *6* — Лапушна, Молдавия (раскопки Э. А. Рикмана); *8* — Вила Ярузская, Среднее Поднестровье (архив Киевского института археологии АН УССР); *9* — Кринички, Побужье (фонды Эрмитажа, раскопки С. С. Гамченко); *11—13,15* — Каменка-Днепровская, Нижний Днепр (раскопки Э. А. Сымоновича)

Рис. 14. Керамика с лощеным орнаментом.

1 — Киевщина, Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея); *2, 8* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Симоновича); *3* — Новотроицкое, Левобережное Поднепровье (сборы экспедиции И. И. Ляпушкина); *4* — Самородня, Среднее Поднепровье (фонды Корсунь-Шевченковского музея); *5, 7* — Неслухов, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *6* — Черняхов — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Московского исторического музея, раскопки В. В. Хвойки); *9* — Ново-Александровка, балка Сухенька, Надпорожье (фонды Киевского исторического музея)

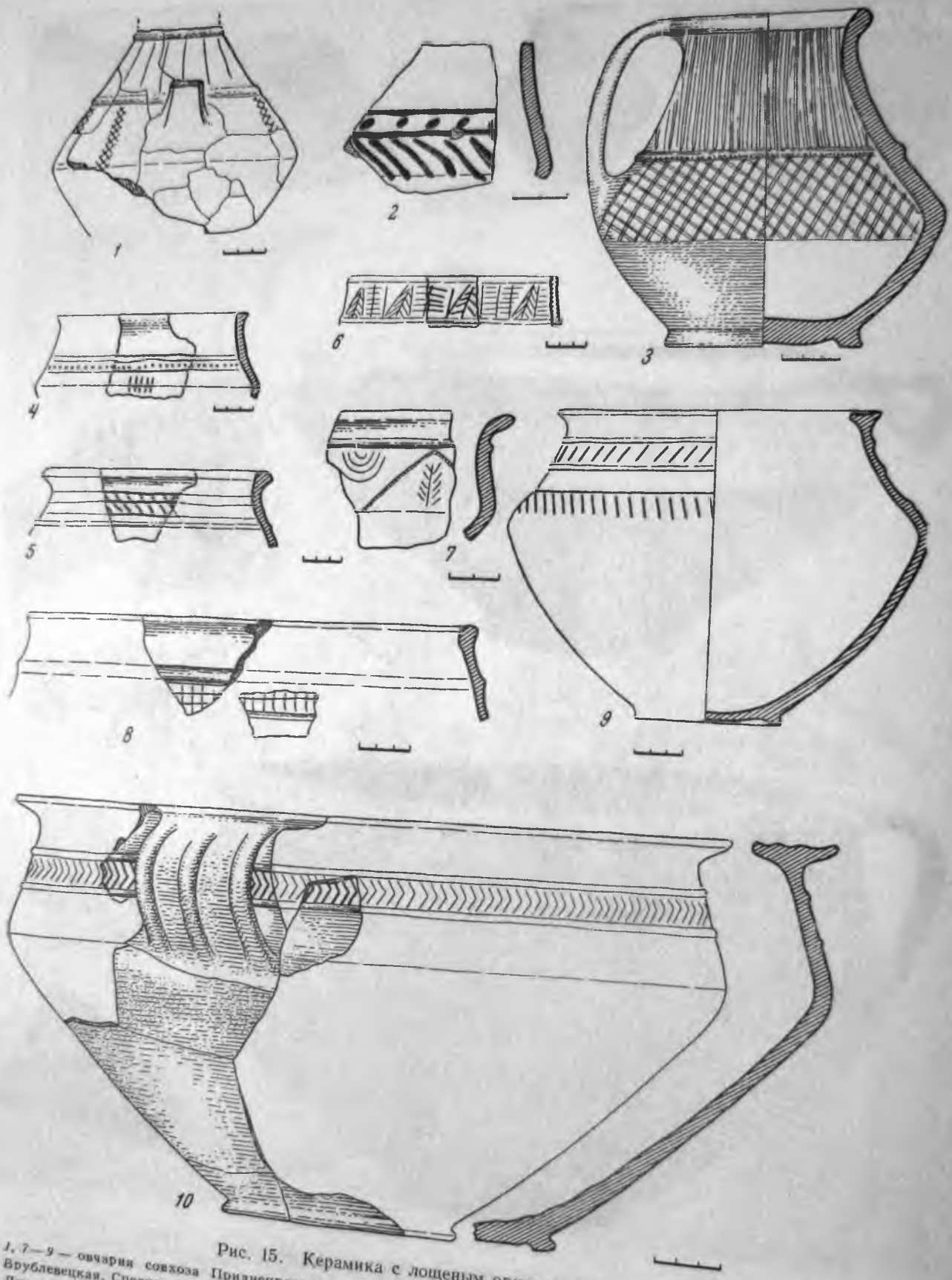

Рис. 15. Керамика с лощеным орнаментом.

1, 7—9 — овчария совхоза Приднепровского, Нижний Днепр (раскопки Э. А. Сымоновича); *2, 4—6* — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднестровье (раскопки С. Н. Бибикова); *3* — Ново-Александровка, Надпорожье (фонды Днепропетровского исторического музея, по А. Т. Брайчевской); *10* — Каменка-Днепровская, Нижнее Подднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича)

Рис. 16. Керамика с лощеным орнаментом.

1 — Черняхов — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Московского исторического музея, раскопки В. В. Хвойки); *2* — Кринички, Побужье (раскопки Э. А. Сымоновича); *3,6* — Неслухов, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *4* — Гурбинцы, Левобережное Поднепровье (фонды Прилукского краеведческого музея); *5* — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднестровье (раскопки М. А. Тихановой); *7* — Моринцы, Среднее Поднепровье (сборы экспедиции Э. А. Сымоновича); *8* — Новотроицкое, Левобережное Поднепровье (сборы экспедиции И. И. Ляпушкина); *9* — Сухостав, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *10* — Парканы, Молдавия (сборы экспедиции А. И. Мелюковой); *11*—Стеблев II, Среднее Поднепровье (фонды Корсунь-Шевченковского музея)

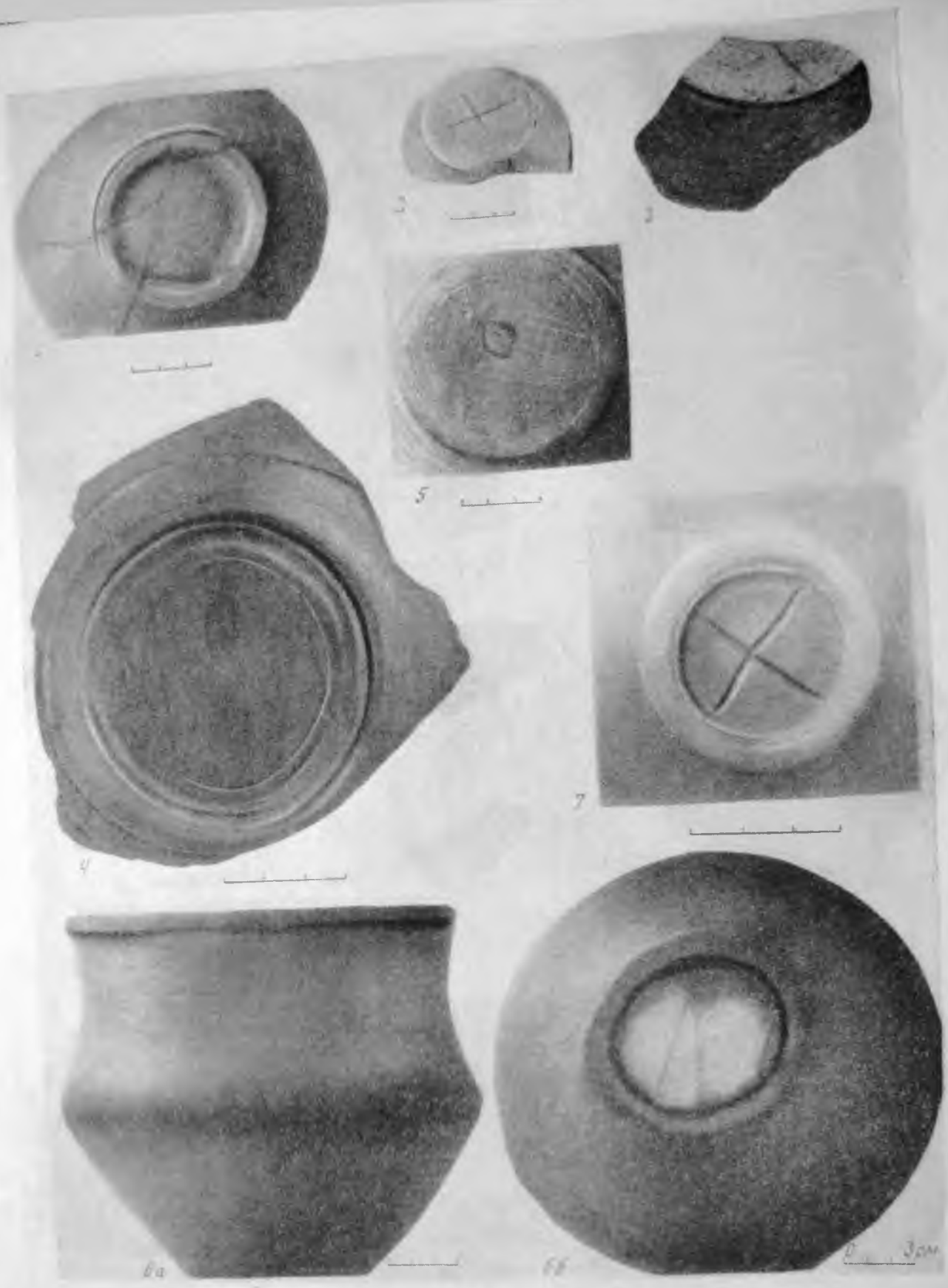

Рис. 17. Образцы керамики с орнаментированными днищами.

1 — Будешты, Молдавия (раскопки Э. А. Рикмана); *2* — Киевщина, Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея); *3* — Комаров, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *4* — Квитки, Среднее Поднепровье (фонды Корсунь-Шевченковского музея); *5* — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *6* — Рыжавка, Побужье (фонды Уманского краеведческого музея); *7* — Могильно, Побужье (случайная находка Н. С. Гаєюка)

Рис. 18. Керамика с лощеным и чеканно-штампованным орнаментом.

1 — Парканы, Молдавия (сборы экспедиции А. И. Мелюковой); *2* — Ново-Александровка, Надпорожье (фонды Киевского исторического музея); *3* — Белоцерковщина, Среднее Поднепровье (фонды Белоцерковского краеведческого музея); *4* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5* — Кантемировка, Левобережное Поднепровье (раскопки М. Я. Рудинского); *6* — Черняхов-Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Московского исторического музея, раскопки В. В. Хвойки); *7* — Клепачи, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *8* — Пересадовка, Северное Причерноморье (сборы экспедиции Н. Н. Погребовой); *9* — быв. Августиновка, Надпорожье (фонды Киевского исторического музея, сборы экспедиции И. М. Фещенко); *10* — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича)

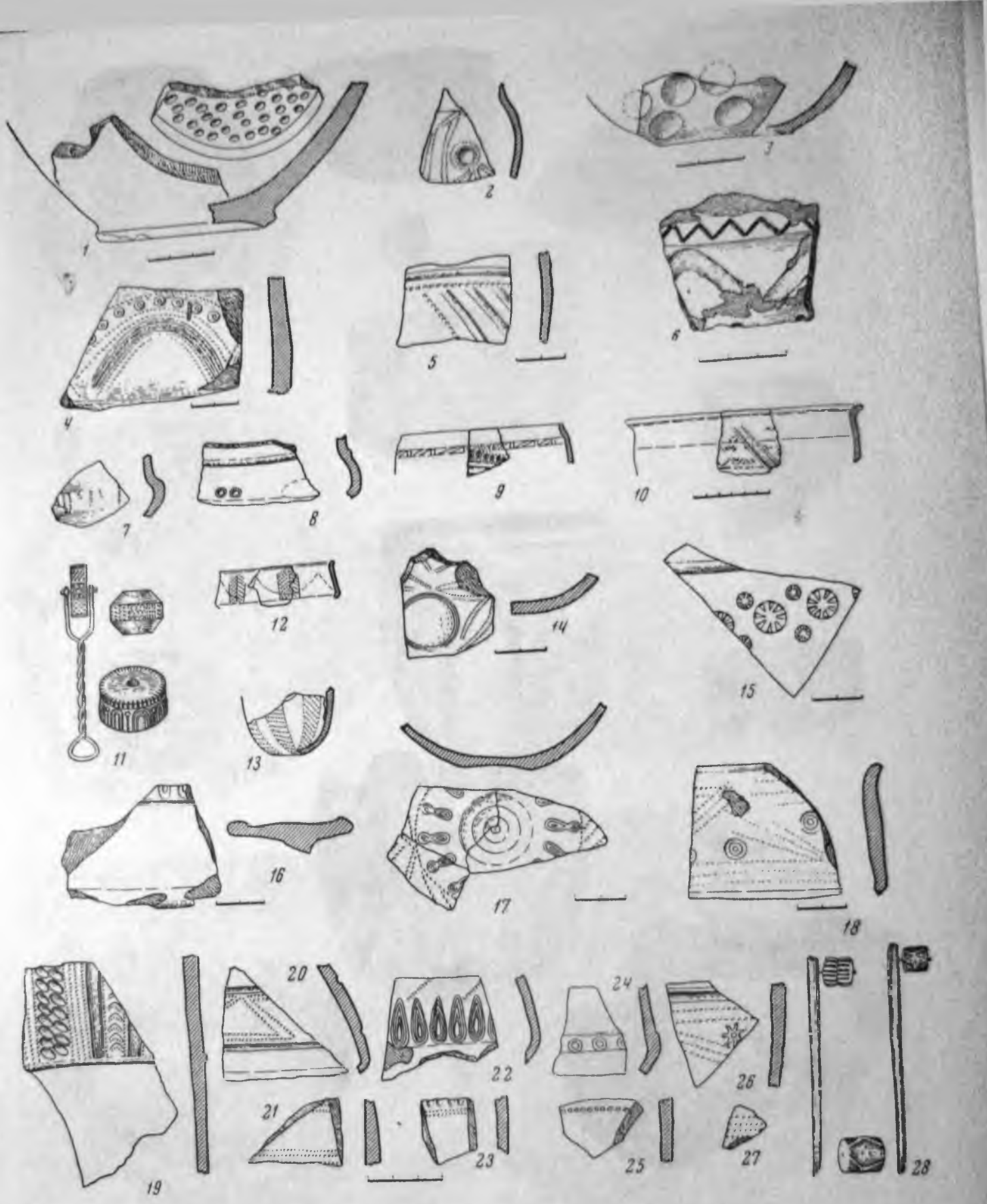

Рис. 19. Керамика с лощеным и чеканно-штампованным орнаментом.

1, 3 — Никольское, Надпорожье (раскопки А. Т. Брайчевской); *2* — Вороновицы, Среднее Поднепровье (сборы экспедиции С. Н. Бибикова); *4.13* — Брага, Среднее Поднепровье (сборы П. И. Борисковского); *5, 9, 12, 14, 17, 19—27* — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднепровье (раскопки С. Н. Бибикова); *6* — Капустино, Северное Причерноморье (раскопки Э. А. Сымоновича); *7* — Викнины Великие, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *8* — Марьяновка, Побужье (сборы экспедиции М. И. Артамонова); *10* — Негин, Среднее Поднестровье (сборы экспедиции С. Н. Бибикова); *11* — Западная Европа, по В. Уиферцагту (Materialen zur römisch-germanischen Keramik. III. Frankfurt am Main, 1919, S. 18, Abb. 20); *15* — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *15* — Иосиповка, Среднее Поднестровье (сборы П. И. Борисковского); *16* — Макарьевка, Среднее Поднестровье (сборы экспедиции С. Н. Бибикова); *28* — Гыджуван, Средняя Азия, по Е. М. Пещеровой (Гончарное производство Средней Азии. М. — Л., 1959, рис. 52)

граничащий со сплошным лощением поверхности сосуда, и будет объектом нашего рассмотрения. Нами выбраны разные образцы, покрытые горизонтальным и вертикальным лощением, взятые из разных мест. Такое лощение встречается преимущественно на гончарных мисках и кувшинах. Способ чередовать лощеные линии с незалощенными полосами является почти единственным приемом, предназначенным для украшения мисок открытого типа. Эти миски обычно у края сплошь залощены, а ниже линии начинают чередоваться с незалощенными, что создает горизонтальное членение поверхности. Такие полностью восстанавливаемые миски из Луки-Врублевецкой опубликованы М. А. Тихановой [44] и нами [45] (рис. 11, *8*).

На этом же памятнике встречены обломки гончарной керамики, покрытой вертикальным полосчатым лощением (рис. 11, *20*). Горизонтальными лощеными линиями бывают покрыты также миски закрытого типа, с почти вертикальным краем, как например, в той же Луке-Врублевецкой и Неслухове на сосуде, опубликованном Л. Козловским [46] (рис. 11, *10, 14*; рис. 12, *1*). Просмотр фондов Львовского исторического музея показал, что наряду с горизонтальным лощением было широко распространено вертикальное, покрывавшее тулово каких-то выпуклобоких гончарных черных сосудов. Ряд образцов вертикального полосчатого лощения дают обломки сосудов из Молдавии (Маркауцы, Паланка — пункт № 16 — разведки А. И. Мелюковой, Онишканы). В Онишканах вертикальные полосы лощения радиально расходятся от кольцевой ножки гончарного сосуда серого цвета. Нередко вертикальное и горизонтальное полосчатое и сплошное лощение сочетается на одном сосуде. В особенности часто это видно на кувшинах. Вертикально залощенным бывает горло сосуда, а тулово покрывают горизонтальные линии сплошного лощения (рис. 15, *3*). Перечень некоторых мест находок, где отмечено полосчатое лощение, говорит о достаточно широком распространении этого способа обработки поверхности, создающего впечатление определенной орнаментации (Будешты мог., Викнины Великие, Жуковцы, Кабуска Веке, Кринички, Лески, Ломоватое — 1, Лука-Врублевецкая, Маркауцы, Незвиско, Неслухов, Николаевка, Ново-Александровка, Новоселка — Костюкова, Онишканы, Пастырское городище, Паланка, Псары, Рипнев, Сухостав, Стретовка, Тимара, Черепин. Известны примеры и из Надпорожья).

О том, что описанный прием преследует цели определенным способом украсить сосуд, говорят орнаменты, явно связанные с техникой полосчатого лощения. Так, в Викнинах Великих [47], на Пастерском городище [48] и Рипневе были найдены обломки посуды, орнаментированные чередующимися вертикальными матовыми и лощеными полосами. Также на сосудах из Вилы Ярузской, Луки-Врублевецкой, Неслухова и Лебедина (?) полосы разнообразных узоров разделяют широкие вертикальные залощенные участки (рис. 11, *19*). В таком же роде украшено дно гончарного черного сосуда из Рипнева, где между радиально расходящимися от кольцевой ножки параллельными линиями нанесены зигзаги. В Ново-Липовском также от дна обломка сосуда радиально расходятся лощеные линии, а в Гущинцах таким же образом украшена внутренняя поверхность сосуда. Не менее выразительны обломки керамики из Лесок, опубликованные А. Т. и М. Ю. Брайчевскими [49], и находки из Черепина, украшенные проведенными в матовой полосе на равных расстояниях вертикальными лощеными линиями.

б) Зигзагообразный орнамент и его дериваты. Орнаментация лощеными зигзагообразными линиями в черняховское время имела широчайшее распространение. Как и все другие виды лощеной орнаментации, зигзаги украшали преимущественно столовую посуду — миски, кувшины и кубки. В группу зигзагообразного орнамента входят однорядные и многорядные зигзаги, которые изредка настолько сглажены, что напоминают волнистую линию (рис. 11, *18*; рис. 13, *9*). Сюда же относятся зигзаги, образованные группами параллельных пролощенных линий, имеющих противоположный наклон; также зигзаг из рядов вписанных один в другой углов, обращенных вершинами вверх или вниз; зигзаг из ря-

[44] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 182, рис. 8.

[45] Э. А. Сымонович. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57. 1955, стр. 27, рис. 8, *3*.

[46] L. Kozlowski. Zaryis pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, tabl. XXVI, *2*.

[47] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викнинах Великих, стр. 112—113, табл. III, *4*.

[48] М. Ю. Брайчевський. Нові розкопки на Пастирському городищі, стр. 74, табл. I, *2*.

[49] А. Т. и М. Ю. Брайчевские. Раскопки в с. Леськах близ Черкасс. КС ИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1958, стр. 51, табл. I, *10—11*.

дов заштрихованных или сплошь залощенных треугольников; зигзаг, образованный гирляндами пролощенных линий.

Лощеный зигзаг на сосудах черняховского типа, как правило, проходит горизонтально. Из 450 образцов различных вариантов лощеного зигзагообразного орнамента, которыми мы располагаем, только 9 имеют вертикальное расположение узора. Как правило, зигзаг и его производные украшают верхнюю часть тулова сосуда (рис. 11—13). Исключение составляет описанная в предыдущем разделе нижняя часть сосудов из Рипнева и Ново-Липовского, а также, может быть, кубки, тулово которых иногда покрыто идущим сверху донизу размашистым лощеным зигзагом, обычно в таких случаях соединяющимся с чеканно-штампованным орнаментом (овчарня совхоза Приднепровского; рис. 13, *14*). Объяснение этому очень простое — кубки черняховской культуры из-за их неустойчивости обычно ставили и хранили вверх дном, так что все тулово их было на виду.

Зато на биконических мисках лощеный зигзаг проходит по плечикам или украшает поверхность их широкого горизонтального края (Ново-Александровка, овчарня совхоза Приднепровского, Пражев, Привольное; рис. 11, *10, 14, 17*; рис. 12, *1, 5, 8*; рис. 13, *1—4, 5*). Миска из Незвиски орнаментирована с внутренней стороны лощеным зигзагом, что встречается крайне редко.

У кувшинов зигзагом нередко украшено горло или плечики. В ряде случаев зигзаг прочерчивали под самым венчиком (Лапушна, Лукашевка-Пачино, Незвиско, Неслухов, Червона Слобода; рис. 13, *6*). На узкогорлых кувшинах зигзаг большой амплитуды украшает самое горло, как, например, в Каменке-Днепровской (рис. 13, *15*) или на двуручном кувшине из Рипнева, где по горлу сосуда проходит сдвоенный зигзаг. Обычно же место этого орнамента — плечики, при переходе горла в тулово, и гораздо реже ниже, над самым перегибом тулова (рис. 12, *4, 6*). Как уже отмечалось, только в исключительных случаях встречается описываемый орнамент в нижней части сосуда. Например, он встречен на обломке боковой части лепного сосуда (кувшина?) из Маслова (?). Лощеные параллельные линии чередуются с горизонтальными и зигзагообразными сдвоенными и строенными лощеными линиями и с рядами лощеных точек между ними. Заметим, что на лепных сосудах вообще орнаментация лощеными зигзагами и волнистыми линиями была мало распространена, хотя целиком залощенные лепные сосуды встречаются нередко. Обычно лощеный зигзаг нанесен в матовой выделенной желобками и валиками полосе, на которой он выразительно поблескивает. Однако достаточное количество образцов посуды украшено углубленно-лощеной волнисто-зигзагообразной линией, продавленной на уже покрытой лощением поверхности (Быстрик, Викнины Великие, Загайканы, Иванковцы, Кринички, Кут, Лески, Ломоватое — 2, Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского, Пересадовка, Солончены, Черепин). Однорядный зигзаг, наиболее распространенный в описываемой группе, имеет самые разнообразные очертания — от мало выразительного и волнообразного до размашисто-острого (рис. 11, *1—3, 9, 13, 15, 18*). Сдвоенные и строенные зигзаги иногда налегают друг на друга, образуя причудливый узор (Данилова Балка, Лука-Врублевецкая, Неслухов). Многорядный лощеный зигзаг образует в некоторых случаях одну орнаментальную полосу, но нередко в других случаях каждый зигзаг занимает на сосуде отдельную полосу, которые горизонтально членят поверхность.

Выразительный пример дает гончарная миска из Лепесовки с высокой, почти цилиндрической верхней частью, как бы разрезанной на разных уровнях двумя полосами лощеного зигзага [50] (рис. 12, *8*). Также любопытен гончарный сероглиняный сосуд из Вилы Ярузской с двумя рядами широких пролощенных один под другим зигзагов, расположенных зеркально (рис. 13, *8*). К сожалению, на рисунке, опубликованном М. А. Тихановой, этот узор не показан [51]. Фрагменты, украшенные одно- и многорядными зигзагообразными линиями, представлены в нашей картотеке более чем 320 экз.

Орнамент в виде зигзага, образованный группами параллельных пролощенных линий, также довольно обычен (около 50 экз.). Этот орнамент украшает преимущественно миски, но встречается и на кувшинах. Так, на сосуде из Рудков таким способом украшена грань перегиба тулова [52], а на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского — ручка желтоглиняного лощеного кувшина (рис. 13, *7*). Этот орнамент нередко образует полосу на верхней

---

[50] Я. Яроцкий и А. Спицын. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки Кременецкого уезда. ИАК, вып. 29. СПб., 1909, стр. 63, рис. 5.

[51] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 186, рис. 13 (последний).

[52] Там же, стр. 191, рис. 17, *10*.

части тулова или покрывает плоскость широкого горизонтального венчика (Ломоватое — 2, Насташка, овчарня совхоза Приднепровского). Группы лощеных параллельных линий, образующие зигзаг, встречаются в сочетании с другими видами орнаментации. В частности, например, в Журавке ольшанской, где этот тип орнамента сочетался с простым пролощенным зигзагом (рис. 12, *5*). Чрезвычайно оригинально украшен сероглиняный гончарный сосуд из Каменки-Днепровской (погребение № 9), где на плечиках миски чередуются лощеные и пунктирные линии, образующие зигзаг из групп параллельных линий (рис. 13, *13*). На других обломках гончарных сосудов такие же ямки между параллельными лощеными линиями, образующими волну или зигзаг, сделаны от руки и образуют ряд лощеных ячеек [53].

Зигзаг из вписанных один в другой углов не был широко распространен. Он образует ряды фестонов на боковой поверхности столовой посуды. Нам известно 17 экз. этого орнамента. Целых сосудов с ним нет, а фрагменты принадлежат гончарным мискам. Вершины углов зигзага бывают обращены как вверх, так и вниз. К примеру, даже на одном памятнике (в Луке-Врублевецкой) встречены по-разному орнаментированные вершины углов (рис. 11, *6—7, 11—12*). Число вписанных пролощенных углов колеблется от трех до семи. На одном из обломков керамики данный мотив сочетается с пунктирно-чеканным узором.

Гораздо шире предыдущего распространен зигзаг, образованный из размещенных в ряд заштрихованных или залощенных треугольников. Около одной трети фрагментов, украшенных залощенными треугольниками, принадлежит краям мисок с широким горизонтальным венчиком, вдоль которого и расположен узор (Жуковцы, Каменка-Днепровская, Лепесовка, Лески, Ломоватое — 2, Малый Ржавец — поселение у б. с/с — Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского, Ольховец; рис. 13, *2, 4*). Однако встречаются залощенные треугольники также на боках мисок и кувшинов (рис. 12, *3, 6*). Залощены треугольники бывают по-разному. Иногда лощеные линии, заполняющие треугольники, идут в разных направлениях, иногда штриховка бывает симметричной, сближаясь к центру от стороны треугольника, наконец, весь треугольник бывает заштрихован линиями, идущими параллельно или перпендикулярно одной из сторон, причем тогда линии шли через промежутки, создавая чередование матовых и блестящих полос (рис. 11, *5*; рис. 12, *2*; рис. 25, *6*). Есть фрагменты, где заштрихована только половина треугольников, как например, в Журавке и в Сухоставе. Богато украшены плечики гончарного желтого лощеного кувшина из Каменки-Днепровской. Плечики сосуда разделены валиками на три горизонтальные зоны, в которых идут ряды залощенных треугольников. Верхние и нижние треугольники заштрихованы в клеточку. По середине они покрыты параллельными основанию лощеными линиями [54] (рис. 13, *12*). Залощенные треугольники нередко объединяются с другими видами орнаментации, в частности с разнообразными лощеными узорами.

Вертикально лощеный зигзаг или волну следует выделить, несмотря на малочисленность, в отдельную группу. Дело в том, что многие сосуды липицкой культуры украшены подобным образом. Как уже упоминалось, из всей массы черняховских материалов нам удалось выявить только девять фрагментов, орнаментированных вертикальным зигзагом. Два обломка керамики с этим узором происходят из Луки-Врублевецкой (рис. 11, *4, 19*). Среди наиболее выразительных примеров надо назвать гончарный чернолощеный кувшин из погребения № 35 Малаештского могильника, орнаментированный по плечикам сложным узором, в том числе вертикальным лощеным зигзагом [55]. Другой пример того же орнамента дает большая трехручная гончарная темно-серая миска из погребения № 5 Переяславля-Хмельницкого. Тулово ее украшали идущие на некотором расстоянии один от другого вертикальные зигзаги (рис. 13, *5*). Обычно же вертикальные зигзаги бывают разделены лощеными линиями или полосами, как например, на миске из Журавки, где вертикальный зигзаг заключен внутри треугольника, образованного вписанными один в другой углами. В то же время большого разнообразия сочетаний с другими видами орнаментации, разумеется, нет из-за скудности материала.

Орнамент из полукруглых гирляндообразных линий, опоясывающих сосуд, можно отнести только условно к дериватам зигзага, по-

[53] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 29, рис. 7, *1, 13, 19*.

[54] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья, стр. 29, рис. 7, *4*. Средняя зона орнамента при печатании рисунка не получилась.

[55] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, № 82, 1960, стр. 297, рис. 26, *4*.

скольку такой орнамент создает впечатление волны. Однако органическое сочетание этой волны с линиями зигзагов, изображенных рядом (Капустино, Ново-Александровка), которые нередко заштриховывают полукружия, говорят о теснейшей связи этих двух узоров (Августиновка, Волосское; рис. 19, *6*). Полукружия, образующие гирлянды, нанесены или двумя тонкими параллельными лощеными линиями (Волосское, Ново-Александровка) или многими дугами, разделенными рядами углубленно-лощеных точек, как в Каменке-Днепровской (рис. 13, *11*). В отдельных случаях полукружия заштрихованы вертикальными лощеными линиями (рис. 16, *10*). Нам известно всего семь фрагментов, орнаментированных подобным образом, поэтому о том, насколько часто такой орнамент сочетается с другими, сказать трудно.

в) Сетчатый орнамент. Второе по численности место в группе лощеных орнаментов занимает сетчатый. Собранная картотека включает около 125 экз., украшенных пролощенной сеткой. Этот орнамент наиболее часто встречается на гончарных мисках биконической формы, украшая или верхнюю часть тулова или реже поверхность горизонтального венчика (Каменка-Днепровская, Кринички, Маслово, Неслухов, Привольное; рис. 14, *3—7*). Многие кувшины и кувшинообразные сосуды типа кружек украшены сеткой по плечикам и иногда по горлу (Маркауцы, Маслово, Ново-Александровка, Рудки; рис. 15, *3*). Совсем нехарактерна сетчатая лощеная орнаментация для кухонных горшков и кубков[56] (рис. 14, *1—2*). Наиболее простой сетчатый орнамент из двух перекрещивающихся линий не связан обязательно с наиболее архаичными сосудами (Жуковцы, Каменка Молдавская, Лука-Врублевецкая, Незвиско, Ягнятин). Нередко такой орнамент входит в довольно сложную орнаментальную систему лощеных узоров. Например, в Луке-Врублевецкой на плечиках гончарного сосуда такие перекрещивающиеся в вертикальном прямоугольном поле линии чередуются с участками вертикального лощеного зигзага (рис. 11, *4*). В Незвиске такие кресты в виде знака умножения чередуются с вертикальными широкими лощеными полосами. В числе единичных лепных фрагментов, орнаментированных сеткой, надо назвать обломок края лепного сосуда из Неслухова. Непосредственно под венчиком, между двух небрежно пролощенных параллельных горизонтальных линий, изображены подряд кресты в виде знаков умножения, образующие сетку. Размеры ячеек в пролощенной на сосудах сетке бывают маленькими и большими, отчасти в зависимости от размеров сосуда. Сетка бывает нанесена резко врезанными лощеными линиями, как например, на миске из Самородни, и едва заметными тонкими линиями, например, в Комарове, в особенности, когда она выполнена на лощеной поверхности (Викнины Великие, Ромашки пос. и др.; рис. 14, *4, 6*). Все же чаще всего сетка, как и зигзаг, заполняет горизонтальную более или менее широкую полосу, оставленную матовой, незалощенной на плечиках сосуда. Полоса орнамента бывает обычно выделена и акцентирована валиками или желобками.

Некоторые образцы сетчатой орнаментации являются уникальными. Например, украшение гончарного кувшина из могильника у овчарни совхоза Приднепровского вертикальными полосами сетчатого орнамента, расположенными над гранью тулова на равных расстояниях друг от друга, или заштрихованные лощеной сеткой ряды треугольников на обломке гончарного сосуда из Каменки-Днепровской (рис. 15, *1*; рис. *13, 12*). Очень редким является орнамент в виде лощеной сетки, образующей квадратные ячейки. Нам известно только два подобных фрагмента: один из могильника у овчарни совхоза Приднепровского, где таким образом украшена полоса на плечиках миски, и другой более сложно орнаментированный фрагмент сероглиняного сосуда из Рипнева (рис. 15, *8*). К последнему фрагменту типологически примыкает фрагмент серовато-желтоватого сосуда с пролощенной сеткой. В горизонтальных делениях лощеной лесенки размещен штампованный орнамент, повторяющий лощеную орнаментацию зигзагами, образованный группами параллельных линий, имеющих противоположный наклон. На обломке сосуда из Ново-Александровки (балки Сухеньки) лощеной сеткой покрыты локальные прямоугольные участки, которые, по-видимому, сочетаются с залощенными треугольниками (рис. 14, *9*).

Как мы видим, на некоторых описанных фрагментах лощеная сетка встречается в соче-

[56] Присланные мне фотографии комплекса сосудов из Никополя, сопровождавшего случайно найденное там черняховское погребение, содержат изображение полусферического кубка, который, как сообщил мне зав. отделом истории музея Л. А. Кривопустов, украшен «геометрическим орнаментом в сетку». К сожалению, на фотографии орнамент неразличим. Если случайно не вкралась ошибка в описание, тогда значит данный кубок является единственным или, может быть, сетка прочеканена.

тании с орнаментом зигзагами. Уже та особенность, что наиболее распространена в черняховской орнаментации ромбическая, а не квадратная сетка, сближает эти оба вида орнамента, так как такую сетку можно рассматривать как образованную наложением одного на другой зигзагов.

Известны сосуды, где сочетаются украшения обоими видами орнаментации, как например, на опубликованном М. А. Тихановой сосуде из Луки-Врублевецкой [57] (рис. 16, *5*) или на кувшине из собрания В. В. Хвойка, происходящем из Черняхова или Ромашек. Также совместно встречаются оба вида орнамента на уникальной вазе, найденной М. А. Тихановой в Лепесовке [58].

На одном фрагменте широкогорлой гончарной миски из Журавки ольшанской изображена сетка, а на плечиках лощеные вертикальные зигзаги. Более органическое слияние этих орнаментов уже видели на описанном фрагменте из Каменки-Днепровской, где сеткой заштрихованы примыкающие один к другому треугольники, образующие своеобразный зигзаг (рис. 13, *12*). Еще более выразителен орнамент на сосуде из Журавки ольшанской: гончарный темно-серый сосуд украшен по плечикам зигзагом, выполненным тремя параллельными углубленно-лощеными линиями, заштрихованными поперечными линиями так, что получается сетка, слитая с зигзагом (рис. 14, *8*).

Известны сочетания сетчатой орнаментации также и с другими способами орнаментации. Причем тут же обратим внимание, что лощеная сетка с чеканно-штампованным орнаментом встречается крайне редко. Нами зафиксировано всего два случая такой орнаментации (Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского). В то же время данный орнамент нередко объединяется с украшением сосуда дополнительной профилировкой. Причины этого, вероятно, в том, что лощеная сетка не характерна для орнаментации кубков, где очень часто для украшения применяется чекан и штамп.

г) Орнамент параллельными угловатыми линиями. Образцы керамики, украшенные горизонтально идущей полосой угловатых лощеных линий, представлены в картотеке 13 экз. Следовательно, этот орнамент нельзя считать широко распространенным. Полосы таких углов всегда, когда определима форма сосуда, украшают бока биконических гончарных мисок. Этот тип орнаментации можно разбить на две группы. В одном случае мы видим действительно вписанные один в другой углы, причем вершина углов бывает направлена как вправо, так и влево (Каменка-Днепровская, Неслухов, Новоселка, Костюковка, Черняхов; рис. 15, *10*; рис. 16, *3*). Исключением является орнамент узкогорлого кувшина из Черняхова, украшенного по плечикам полосами из вертикально направленных угловатых линий, обращенных вершинами вниз. Такой орнамент более напоминает «елочки», выполненные лощением, о которых речь будет ниже.

В другом случае наклонные лощеные углы по вершине рассекает горизонтальная, тоже лощеная линия, так что образуется орнамент своего рода горизонтальной «елочкой», опоясывающей сосуд (Гурбинцы, Каменка-Днепровская, Кринички, Никольское, овчарня совхоза Приднепровского, Переяславль-Хмельницкий, Привольное, Солончены; рис. 16, *2, 4*). Такие углы бывают обращены вершинами в обе стороны. Даже на одном памятнике встречаются сосуды с разной ориентировкой вершин углов, образующих орнаментальную полосу.

Кроме валиков и желобков, выделяющих украшенную угловатыми линиями зону, сочетаний с другими видами орнаментации на имеющихся образцах не отмечено.

д) Орнамент косонаправленными и вертикальными параллельными линиями. Описываемый способ орнаментации граничит с техническим приемом полосчатого вертикального лощения. В отличие от последнего, описанного в разделе «а», посвященном лощеной орнаментации, здесь мы всегда имеем дело не с техническим приемом, иногда создающим художественный эффект, а всегда с преднамеренной орнаментацией, выполненной параллельными косонаправленными или вертикальными лощеными линиями. Переходя к описанию данной группы, заметим, что она также очень близка вышеописанной. Об этом говорит выразительная орнаментация гончарной миски из могильника у овчарни совхоза Приднепровского. По плечикам миски проходят две полосы орнамента, состоящие из параллельных косонаправленных линий, пролощенных в каждой полосе под углом, по отношению к линиям другой. Только то обстоятельство, что обе полосы разделяет неорнаментированная зона, не позволяет данный сосуд

[57] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 183, рис. 8 (внизу слева).
[58] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, № 4, стр. 66—70.

отнести к вышеописанной группе (рис. 15, *9*). Так же, как и предыдущий, данный орнамент наиболее часто покрывает тулово мисок. В нашей картотеке керамика, украшенная косонаправленными параллельными и вертикальными линиями, представлена 36 экз. Орнаментация косонаправленными параллельными линиями в свою очередь подразделяется на орнаментацию сплошной полосой, опоясывающей плечики сосуда, и на орнаментацию подобными же линиями, но объединенными в группы. Последние очень редки (Кут, Остров). В орнаментации первого подразделения параллельные косонаправленные линии только в одном случае украшают широкий горизонтальный край гончарной миски (Неслухов; рис. 16, *6*). В остальных случаях орнамент нанесен на плечиках, непосредственно под венчиком, по середине верхней грани или над самым перегибом тулова. Как правило, полоса орнамента выделена с помощью желобков и валиков. Наклон лощеных линий на сосудах бывает как в правую, так и в левую сторону (рис. 15, *2*; рис. 16, *7—8*).

Редким случаем является орнаментация косонаправленными параллельными лощеными линиями верхней части лепного горшка серого цвета, обломок которого найден в Никольском и хранится в фондах Киевского исторического музея.

Своеобразная бахрома из вертикальных лощеных, более или менее часто проведенных линий опоясывает сосуд сплошь (Комаров, Лука-Врублевецкая) или образует отдельные участки (Лески, Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского; рис. 15, *4*).

Интересная попытка сочетать косонаправленные и вертикальные лощеные линии в одной полосе так, что образовалась своеобразная сетка, прослежена на обломке гончарной серовато-желтой миски из Привольного. В двух других случаях на обломках гончарных сосудов из овчарни совхоза Приднепровского и Привольного косонаправленные параллельные линии делит поперек горизонтальная пролощенная линия (рис. 15, *5*).

Как и в предыдущей группе, в силу того, что данный тип орнамента присущ главным образом мискам, он встречается в сочетании преимущественно с другими видами лощеной орнаментации. В сочетании с чеканно-штампованным орнаментом отмечен всего один фрагмент (Дедовщина).

е) Елочный орнамент. Чрезвычайно любопытную разновидность лощеной орнаментации представляет елочный орнамент. В нем можно усматривать следы сюжетной орнаментации. Встречены подобные изображения на мисках и кувшинах. Обычно лощением бывает выполнен узор, напоминающий деревце, как правило, с опущенными ветвями (рис. 15, *6*; рис. 16, *9, 11*). Кувшинообразная кружка из Заплаз и обломок миски из могильника у овчарни совхоза Приднепровского имеют изображение «деревца» с обращенными вверх ветвями. На кувшине из Малаештского могильника соединены в одной полосе узоры «елочками» с ветвями, по-разному ориентированными. Всего удалось собрать 10 экз. такого орнамента. Типологически этот орнамент тесно связан с орнаментацией параллельными угловатыми линиями, при описании которой приходилось употреблять даже термин «елочка». Однако в отличие от него здесь описываются короткие, вертикально направленные полосы орнамента из вписанных углов, с центральной стержневой линией, дающей более оснований называть этот орнамент елочным и, может быть, усматривать в нем схематическое изображение дерева. Одновременно елочный узор очень напоминает орнамент вертикальными полосами, составленными из углов, вписанных один в другой, как на обломке гончарного сосуда из Комарова и упоминавшемся узкогорлом кувшине из Черняховского могильника.

Елочный узор встречен в сочетании со следующими видами орнамента: на гончарной кружке-кувшине из Заплаз ряды «елочек» сочетаются с полосой заштрихованных треугольников, образующих зигзаг[59]; на гончарном черном кувшине из Малаештского могильника (погребение № 35) наряду с «елочками» мы видим какие-то сложные фигуры в виде ряда неправильных ромбов и угловатых овалов, вписанных один в другой; на обломке гончарной серой миски, найденной у овчарни совхоза Приднепровского, между гирляндами, состоящими из вписанных друг в друга полукружий, в пунктирном треугольнике расположена елочка (рис. 15, *7*); на гончарной сероглиняной стенке сосуда из Сухостава «елочка» изображена в извилине волны, изображенной двумя параллельными линиями, с рядом ямок между ними.

ж) Лощеная орнаментация дна сосуда. Такого рода орнамент нами встре-

[59] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1. Киев, 1951, табл. XVI, *14*.

чен всего в пяти случаях. Оказались украшены какими-то знаками днища грубоглиняных горшков (Будешты, Квитки, Лески) и мисок из тонкой отмученной глины (овчарня совхоза Приднепровского). В последнем случае миска была обнаружена в самом богатом погребении могильника (№ 5). Украшены сосуды, имеющие подставочную плитку или кольцевую ножку. На дне гончарного сосуда, происходящего из Поднестровья и хранящегося в Киевском историческом музее, пролощены простые крестообразно пересекающиеся две линии (рис. 17, *2*); на дне гончарного сероглиняного сосуда с гладкими стенками из с. Лески мы видим пролощенные крестообразно пересекающиеся линии и два концентрических круга, проведенных ближе к центру дна сосуда. На дне гончарной светло-серой лощеной миски из могильника у овчарни совхоза Приднепровского пучки параллельных полос, образованные лощеными линиями, пересекаются крестообразно с двумя другими (рис. 17, *5*); на дне гончарного сероглиняного горшка из Будештского могильника изображено с помощью лощеных линий подобие сетки (рис. 17, *1*); на обломке дна гончарного грубоглиняного серого цвета сосуда, найденного в Квитках, сохранилось подобие зигзага (рис. 17, *4*). Напомним, что врезанные линии, как уже отмечалось в соответствующем разделе, образуют на дне сосуда из Неслухова фигуру в виде креста, а на дне горшка из Кирилловки — 2 ромбический знак, выполненный врезанными линиями. По-видимому, крестообразный знак был изображен также на дне грубоглиняного гончарного сосуда из Комарова (рис. 17, *3*). Исключение представляет орнаментация дна сосуда из Никольского, где его покрывают углубленно лощеные беспорядочно разбросанные ямки, диаметром около 3 мм (рис. 10, *1*).

з) Орнамент округлыми и овальными лощеными ямками и желобками. Данный орнамент, образованный в некоторых случаях довольно глубоко вдавленными в тулово сосуда лощеными желобками и ямками, иногда очень напоминает приемы украшения дополнительной профилировкой. К тому же узоры этого рода располагаются нередко в тех же местах, что и каннелюры дополнительной профилировки, т. е. по грани тулова миски (Жуковцы, Каменка-Днепровская, Лука-Врублевецкая, Ново-Липовское, овчарня совхоза Приднепровского) (рис. 18, *1, 8*). Кроме мисок этот вид орнаментации достаточно широко известен на кувшинах и кубках. В одних случаях сосуды украшены слегка углубленными ямками и насечками, покрытыми лощением, в других — это глубокие лощеные овальной формы вдавления (Беседовка [60], Пражев, Федоровка). Небольшие косонаправленные лощеные врезы, идущие подряд, очень часто украшают валики, опоясывающие тулово (Беседовка, Каменка-Днепровская, овчарня совхоза Приднепровского, Федоровка), или отделяющие горло от тулова у кувшинов (овчарня совхоза Приднепровского), или же они украшают, как уже отмечалось, грань тулова сосуда.

В некоторых случаях глубокие лощеные овальные вдавления применяли, не объединяя их с другими орнаментами. В качестве примеров можно привести гончарные кубки из Рипнева и Романова Села [61] и обломки таких же сосудов из Неслухова. На кубках из Вилы Ярузской, Кантемировки [62] и овчарни совхоза Приднепровского мы видим менее глубокие вертикальные желобки, осложненные другими узорами. При этом трудно решить, следуют ли они орнаментации упомянутых кубков из Рипнева и Романова Села, воспроизводящих провинциально-римские формы, или же воспроизводят шлифованную орнаментацию стеклянных сосудов, типичную опять-таки для того же круга памятников. О том, что второе допущение также обосновано, говорят образцы, бесспорно подражающие орнаментации округлыми шлифованными плоскостями стенок стеклянных сосудов (Ново-Александровка, Никольское; рис. 18, *2*; рис. 19, *1, 3*). Некоторые черняховские сосуды украшают более или менее удлиненные хорошо лощеные желобки. Обычно они объединены на поверхности кубка, миски или кувшина с другими способами орнаментации.

Однако так же, как и глубокие овальные вдавления на кубках, желобки играют при украшении самостоятельную, но не вспомогательную роль. Пример тому — находка лепного черного кубка из района Поросья, украшенного расходящимися от дна, соединенными по четыре, вертикальными, углубленнолощеными

---

[60] Є. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули, стр. 83, рис. 5, *10*.

[61] М. Смишко. Доба полів поховань в Західних областях УРСР. Археологія, т. II. Київ, 1948, стр. 121, табл. III, *3*.

[62] М. Рудинський. Кантамірівські могили римської доби. Зап. ВУАК, т. I. Київ, 1931, стр. 137, табл. I, в. 3580.

желобками (рис. 18, *3*). Чаще всего лощеные желобки встречаются вместе с чеканно-штампованным орнаментом (Августиновка, Глибочек, Каменечье, Кантемировка, Клепачи, Кут, Лука-Врублевецкая, Негин, Паланка, Черногородск; рис. 18, *4—7, 9, 10*).

К этой же группе орнаментации относятся два оригинальных фрагмента гончарных мисок, украшенных изогнутыми глубокими лощеными желобками. Один из них найден на поселении в Браге. Полукруглый изогнутый желобок имеет разнообразное богатое обрамление, выполненное чеканом и штампом [63] (рис. 19, *4*). Другой фрагмент происходит из Капустина. У него под гирляндой из полукруглых лощеных желобков проходит лощеная зигзагообразная линия (рис. 19, *6*). Нечто подобное дает орнаментация горшка из Быстрика, опубликованного И. С. Винокуром, но там сложный узор, гирляндой опоясывающий тулово сосуда, имеет угловатые очертания и сочетается с пунктирными линиями, которые окружают желобки [64]. Как будто подобной же гирляндой из полукруглых желобков с пунктиром вокруг была украшена гончарная трехручная миска из Привольного, найденная в погребении № 21 [65].

Сравнительно многочисленны сосуды, украшенные округлыми большими (до 15 мм) и маленькими (около 2—3 мм) лощеными ямками. О том, что в этой орнаментации есть основания усматривать подражание стеклянной посуде, уже говорилось выше, в частности, в связи с описанием дна сосуда, покрытого мелкими лощеными ямками, и нижней части сосуда с большими круглыми вмятинами (Никольское). Округлыми лощеными ямками украшались, в частности, миски. Например, на гончарной сероглиняной миске из Федоровки под многорядным пролощенным зигзагом имеются большие (около 15 мм) круглые ямки. Толщина обломка стенки гончарного желтоватого цвета сосуда, украшенного округлыми углубленно-лощеными ямками и чеканно-штампованным орнаментом, указывает на то, что он также не мог принадлежать кубку. Видимо, подобного рода ямками был украшен обломок миски из Маслова, опубликованный П. Смоличевым [66].

Совсем другой характер и, вероятно, другое происхождение, не связанное с орнаментацией провинциально-римской посуды, имели углубленно-лощеные пунктирные ямки, которые наносились между двух врезанных или пролощенных линий. О такого рода узорах мы уже говорили в других разделах в связи с описанием орнаментов врезанными и лощеными линиями. Углубленные и лощеные ямки, заключенные между двумя линиями, известны по нескольким местам (Каменка-Днепровская, Лука-Врублевецкая, Маслово, Сухостав; рис. 13, *10—11*; рис. 15, *2, 4*). Сходство подобной орнаментации с пшеворской нами уже отмечалось.

Чеканно-штампованный орнамент (рис. 20—23)

Еще менее, чем предыдущие типы, распространен орнамент, выполненный чеканными пунктирными линиями и штампованными узорами. Это орнамент столовой посуды — мисок, кувшинов и кубков. Последние бывают особенно богато украшены чеканно-штампованным орнаментом. Под определением чеканно-штампованный орнамент мы подразумеваем: а) узоры, выполненные наколами гребенки или зубчатым колесиком, оставляющим разнообразные пунктирные линии [67]; б) орнамент, выполненный отпечатками фигурного штампа.

На применение гребенки при орнаментации явно указывают фрагменты сосудов-хранилищ из Неслухова и Рипнева, украшенные наколами под венчиком (рис. 21, *4*). Есть также фрагменты более тонкой посуды, покрытые зубчатыми отпечатками, как например, гончарная желто-глиняная миска — чаша из овчарни совхоза Приднепровского, и обломок гончарной темно-серой миски из Викнин Великих [68] (рис. 18, *10* справа; рис. 19, *7*).

Зубчатое колесико для нанесения орнаментации воспроизводит В. Унферцагт. Оно на приводимом рисунке снабжено металлической

[63] П. И. Борисковський. Деякі доповнення до археологічної карті Середньої Наддністрянщини. Археологія, т. IV. Київ, 1950, стр. 123, табл. I, *15*.

[64] И. С. Винокур. Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском краеведческом музее, стр. 237, рис. 2, *7*.

[65] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 145, табл. IV, *5*.

[66] П. Смолічев. Археологічні досліди в околицях могильника Златополя, на Черкащині року 1926. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік. Київ, 1927, стр. 154, табл. XXIII, *2*.

[67] Не исключается также и применение палочки, обмотанной шнурком, судя, например, по обломкам кубка из Рипнева (№ 5679) и орнаментации глиняного биконического пряслица из Журавки ольшанской.

[68] М. Смішко. Селище доби пол'ів поховань у Вікнинах Великих, стр. 112—113, табл. II, *4*.

Рис. 20. Керамика с чеканно-штампованным орнаментом.

1, 2 — Новотроицкое, Левобережное Поднепровье (сборы экспедиции И. И. Ляпушкина); *3* — Никольское, Надпорожье (раскопки А. Т. Брайчевской); *4* — Каменка-Днепровская, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5, 6, 9* — овчарни совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *7* — Новый Мохнач, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *8, 10* — Коровинцы, Левобережное Поднепровье (фонды Роменского краеведческого музея); *11* — Погорелая, Среднее Поднестровье (фонды Эрмитажа)

Рис. 21. Керамика с чеканно-штампованным орнаментом.

1—3 — Черняхов, Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея, раскопки В. В. Хвойки); *4* — Неслухов, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *5* — Новый Мохнач, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *6* — Черняхов — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Московского исторического музея, раскопки В. В Хвойки); *7* — Березовка, Южный Буг (сборы отряда Э. А. Сымоновича); *8* — Коровинцы Левобережное Поднепровье (фонды Киевского исторического музея); *9* — Малаешты, Молдавия (раскопки Г. Б. Федорова)

Рис. 22. Керамика с чеканно-штампованным орнаментом.

1,3,6 — Викнины Великие, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *2* — Неслухов, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея); *4* — Комаров, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *5,8* — Лохвица, Левобережное Поднепровье (сборы экспедиции Д. Т. Березовца); *9* — Черняхов, Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея, раскопки В. В. Хвойки); *10* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича)

ручкой. С помощью такого колесика в провинциально-римских мастерских гончарную посуду сплошь покрывали чеканно-штампованным орнаментом [69] (рис. 19, *11*). По этнографической литературе известны такие колесики, сделанные сплошь из дерева, как это видно, например, на иллюстрации из книги Е. М. Пещеревой (рис. 19, *28*) [70]. Однако на поселениях

[69] W. Unverzagt. Terra sigillata mit Rädchenverzierung. Materialen zur römisch-germanischen Keramik, III. Frankfurt a. M., 1919, стр. 18. Abb. 20.

[70] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 172—175, рис. 49, *4*.

Рис. 23. Керамика, орнаментированная дополнительной профилировкой и образцы, где она сочетается с чеканно-штампованной и другой орнаментацией.

1 — Пражев, Волынь (раскопки Е. В. Махно); *2,6,8* — Лука-Врублевецкая, Среднее Поднестровье (раскопки С. Н. Бибикова); *3* — Вороницы, Среднее Поднестровье (сборы экспедиции С. Н. Бибикова); *4, 9, 12* — овчарня совхоза Приднепровского, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5* — Вила Ярузская, Среднее Поднестровье (фонды Киевского исторического музея); *11* — Кринички, Побужье (фонды Эрмитажа, раскопки С. С. Гамченко); *13* — Федоровка, Надпорожье (фонды Днепропетровского исторического музея, по А. Т. Брайчевской)

черняховского типа пока ничего подобного такому колесику встречено не было, что не исключает его применения. Заключая по длине пунктирных линий, их извилистости и тонкости отпечатков, можно говорить об использовании зубчатого колесика для их нанесения. Кости животных с надрезами по краю плоского эпифиза, образующими зубчики, как например, находка из Малаештского могильника, никак не могли помочь создать тончайшие пунктирные узоры на черняховских сосудах [71]. Не найдено на поселениях черняховской культуры также фигурных штампов, с помощью которых выполнен другой вид орнаментации этой же группы.

Возможно, приспособления для нанесения чеканного орнамента пунктирными линиями так же, как и фигурные штампы, изготовляли целиком из дерева, и они не сохранились или же просто они пока еще не попали в руки археолога [72]. Составленная картотека включает 177 экз. керамики, украшенной обоими способами. При этом бо́льшая часть находок украшена пунктирными линиями (102). Меньшая доля падает на экземпляры, орнаментированные только штампом, и примерно такое же количество экземпляров составляет посуда, сочетающая пунктирный и штампованный узор. На предлагаемые подсчеты в данном случае очень нельзя полагаться, так как в собранных материалах очень много фрагментов сосудов, которые, возможно, кроме пунктира, были украшены еще отпечатками штампа на недошедших до нас частях. На это особенно надо обратить внимание в связи с тем, что пунктирная орнаментация всегда занимает большую площадь на поверхности сосуда, чем отпечатки фигурного штампа. Тем не менее определенно можно говорить о наличии сосудов, украшенных только пунктиром и только штампом. Целые сосуды, украшенные первым способом, встречены в Августиновке, Будештском могильнике, Виле Ярузской, Каменечье, Каменке-Днепровской, Коровинцах, Малаештском могильнике, Ново-Александровке, овчарне совхоза Приднепровского, Сумах, Черняхове. Также есть целые сосуды, орнаментированные только отпечатками штампа (Журавка ольшанская, Ново-Александровка, овчарня совхоза Приднепровского, Черняхов). В числе форм, украшенных только штампованным орнаментом, не встречено кувшинов. Не следует забывать, что нередко чеканный или штампованный узор, хотя они и не встречаются совместно, но сочетаются нередко с другими способами орнаментации: лощеными линиями и углублениями, дополнительной профилировкой, не говоря уже о пластичном орнаменте.

а) Чеканный орнамент наколами гребенки и зубчатым колесиком. Пунктирная орнаментация размещается главным образом на плечиках мисок и кувшинов и иногда покрывает сплошь все тулово кубков, что объясняется, как уже говорилось, тем, что их хранили и ставили, перевернув вверх дном. Поскольку каждый сосуд, украшенный прочерченными пунктирными линиями, являлся индивидуальным произведением мастера, сперва сделаем несколько общих замечаний, касающихся описываемого орнамента, а затем перейдем к описанию характерных мотивов. Лунки пунктирного орнамента черняховского времени даже в тех случаях, когда сосуды явно украшены наколами гребенки, никогда не достигают столь больших размеров, как например, на славянской посуде эпохи Киевской Руси или на лепных сосудах роменско-боршевского типа. Длина гребенки, которой наносили наколы на посуду черняховской культуры, не превышала длину той, которой наносили волнистые многорядные линии. Судя по экземплярам из Рипнева, Неслухова, где ряды вертикальных наколов украшают плечики сосудов-хранилищ, а также по находкам из Викнин Великих с подобным узором и по сложной орнаментации на миске из овчарни совхоза Приднепровского, можно заключить, что длина гребенки колебалась от 4 до 10 зубцов, причем диаметр ямок, оставляемх ею, был не более 2 мм. В то же время, как уже отмечалось, в большинстве случаев черняховская столовая посуда украшена не гребенчатым штампом, а пунктир нанесен зубчатым колесиком. Зубчики этих колесиков оставляют прямоугольные или квадратные и округлые лунки, иногда настолько мелкие, что они даже производят впечатление наколов иглы (Каменка-Днепровская, Черняхов). Иногда зубчатое колесико оставляет на поверхности сосудов ряды как бы мельчайших косых насечек (Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского) и, как исключение, насечки в виде «елочки» (Новый Мохнач; рис. 20, *4—8*).

---

[71] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник, стр. 302, рис. 17, *4*.

[72] В Средней Азии, например, некоторые штампы доныне изготовляют из толстого тростника или из дерева; см. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 172, 175, рис. 49, *4*; стр. 192, рис. 52, *8—10*.

Как уже отмечалось, пунктирная орнаментация играла самостоятельную роль в украшении сосудов и вспомогательную, сочетаясь с орнаментом, выполненным в другой технике. Основные орнаментальные схемы узоров, выполненных пунктирными линиями, могут быть условно разделены для удобства их рассмотрения на подражательные, вспомогательные и самобытные, присущие только данному сосуду украшения. К числу первых мы прежде всего относим узоры, воспроизводящие пунктирными линиями мотивы, известные уже нам по более распространенным видам орнаментации — прежде всего лощеной (рис. 20, *1, 2*; рис. 21, *2, 5*). Зигзаг и его дериваты, столь часто украшающие верхнюю часть биконических мисок, плечики кувшинов и кубков, встречаются достаточно широко и в описываемой группе орнаментации. Перечисляя подражательные орнаменты, выполненные пунктиром, в той же последовательности, что и лощеные, отметим прежде всего широкое распространение простой зигзагообразной линии, выполненной пунктиром (Викнины Великие, в районе Днепропетровска, Золотая Балка, Лохвица, Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского). На поселении в Ромашках был найден фрагмент гончарной серолощеной миски, на боку которой два пунктирных зигзага наложены один на другой, так что линии образуют ромбические фигуры. Гораздо больше случаев зигзагообразной орнаментации, где пунктирные линии играют вспомогательную роль. Имеются в виду образцы, где пунктир обрамляет лощеные зигзаги, желобки или штампованные розетки, как бы подчеркивая основной орнамент.

Зигзаг из группы параллельных линий, имеющих противоположный наклон, выполненных только пунктирными линиями, также встречается нередко (Брага, Будешты мог., Завадовка, Каменка-Днепровская, Лески, Лука-Врублевецкая, Марковцы, Маслово, Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского, Подольская губ.— кубок из материалов С. С. Гамченко 1913 г., где многорядный пунктирный зигзаг завершается на вершинах штампованными розетками[73], Рипнев; рис. 18, *6*; рис. 19, *14, 18*; рис. 20, *2*; рис. 21, *5*).

Нечто подобное зигзагу из рядов вписанных друг в друга углов или треугольников, выполненных пунктирными линиями, тоже известно (Богдановка (?), Днепропетровск, в районе которого найден своеобразный горшок, являющийся единственным в своем роде, украшенный по плечикам заштрихованными, выполненными пунктиром, треугольниками[74], (Лука-Врублевецкая, Малаешты мог., Ново-Александровка, овчарня совхоза Приднепровского, Черняхов; рис. 21, *5*).

Имеются образцы керамики, покрытые сетчатым орнаментом, выполненным пунктирными линиями (Дедовщина, овчарня совхоза Приднепровского).

Довольно многочисленны фрагменты, украшенные параллельными рядами обычно косонаправленных коротких пунктирных линий. Они украшают или стенку сосуда или украшающий ее валик, образуя своего рода зубчатые насечки (Викнины Великие, Лески, Лохвица, Лука-Врублевецкая, Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского, Станиславовка; рис. 18, *6—7, 10,* посередине вверху; рис. 19, *7*).

Имеются мотивы, напоминающие вертикальные «елочки» прочеканенные зубчатым колесиком (Лука-Врублевецкая, Черняхов; рис. 19, *12*; рис. 21, *2*).

Даже редкие образцы лощеного орнамента, имея в виду описанные ниже перечеркнутые диагоналями прямоугольники и квадраты, изображали пунктирными линиями (Березовка, Каменка-Днепровская, Лохвица, Кантемировка, овчарня совхоза Приднепровского; рис. 18, *10,* посередине, внизу; рис. 21, *7*).

Нередко пунктирными линиями расчленяли по вертикали зоны орнамента на сосудах, как это делали с помощью лощеных полос и линий (Вила Ярузская, Лука-Врублевецкая, Погорелое, Черепин и др.; рис. 19, *19*).

Таким образом, все описанные узоры являются общими для лощеной и пунктирной орнаментации. Их отличает только техника исполнения, причем есть случаи, когда зигзагообразная пунктирная линия чередуется с лощеной, как например на большом фрагменте трехручной миски из Каменки-Днепровской (рис. 13, *13*).

Нередко пунктир органически сливается с другими разновидностями орнаментации, тогда он применяется с целью выделить или штампованный или другой узор. Пунктирные линии обрамляют лощеные линии или желобки, подчеркивают грани овальных горизонтальных плоскостей, украшающих сосуд, или ребра косых каннелюр, проведенных вдоль

[73] Фотоархив ЛОИА, шифр 0.233; 18.

[74] Фонды Днепропетровского исторического музея, А-158.

перегиба тулова (Беседовка, Вила Ярузская, Вороновицы, Коровинцы, Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского, Сухостав, Черняхов; рис. 18, *7, 10*; рис. 19, *5, 9, 22, 23, 26*; рис. 20, *2, 9, 11*). Нередко пунктиром обведены поперечные расширяющиеся к перегибу тулова плоскости, которыми бывают обработаны бока кувшинов (Сумы, Стретовка, Черняхов; рис. 21, *8*). Иногда по граням таких плоскостей проведены даже сдвоенные пунктирные линии, что делает их ярко заметными (Вила Ярузская, Вороновицы и др.; рис. 23, *3*). Ямки и глубокие лощеные вдавления также бывают окружены прочеканенными зубчатым колесиком линиями (Вила Ярузская, Каменечье, Ромашки или Черняхов; рис. 18, *6*). Особенно часто пунктирные линии окружают и подчеркивают разнообразные штампованные фигурные отпечатки, нанесенные на тулове миски или кубка. Тонкая паутинка пунктира окружает какую-либо оттиснутую розетку или, упираясь в нее, акцентирует на ней внимание и создает впечатление нарядности. Иногда штамп окружают зубчики, которые были вырезаны и оттиснуты вместе с ним (Викнины Великие, Иванковцы, Комаров, Лохвица, Марьяновка, овчарня совхоза Приднепровского, Погорелое, Синицивка-Сабатиновка; рис. 20, *11*; рис. 22, *5, 8*).

Своеобразные образцы чеканного орнамента встречаются наиболее часто на кубках. В частности, для этих удлиненных или полусферических сосудов очень характерным является членение поверхности фигурными вертикальными полосами, выполненными рядами пунктирных линий (рис. 19, *3*). Расширяясь наверху, такие полосы создают впечатление каких-то фантастических растений (Августиновка, овчарня совхоза Приднепровского, Ново-Александровка [75]; рис. 18, *9*).

Лощеными линиями таким образом был расчленен только один, судя по собранным нами материалам, лепной кубок из Поросья. На нем от дна крестом расходились учетверенные полосы углубленно-лощеных линий (рис. 18, *3*). Выразительные примеры такого своеобразного применения пунктирной орнаментации дают в основном нижне-днепровские находки (Августиновка, Ново-Александровка, Каменка-Днепровская, овчарня совхоза Приднепровского, Черняхов). Не следует при этом забывать, что самобытность такого орнамента является относительной, так как вероятным ее источником как в случае применения лощеной, так и чеканной техники, могло служить украшение провинциально-римской стеклянной посуды рядами стеклянных же нитей, напаянных и расходящихся вертикально от дна. В то же время подобную по расположению на тулове сосуда пунктирную орнаментацию никак нельзя назвать прямым подражанием.

Безусловно, также своеобразным в пунктирной орнаментации является сложное сочетание изогнутых полукруглых линий, образующих замысловатые узоры, типа представленных на одном из удлиненных гончарных кубков из Черняхова (рис. 21, *3*).

Некоторые простейшие виды орнаментации, будучи объединены в одном изображении, создают впечатление сложного самобытного узора. Пример тому мы видим на обломке стенки гончарного кубка из Березовки, где в одном узоре объединены четыре прямоугольника с проведенными в них диагоналями, выполненные в чеканно-пунктирной технике (рис. 21, *7*). Детальное описание различных своеобразных узоров, индивидуально в каждом случае выполненных пунктирными линиями, потребовало бы подробного описания орнамента десятков сосудов и заняло бы слишком много места.

б) Штампованный углубленный орнамент. Данный орнамент теснейшим образом связан с вышеописанным, с которым он часто вместе применяется. О их близости свидетельствуют следующие обстоятельства:

1. Та же в ряде случаев техника исполнения, когда фигурный штамп вырезали на колесике и его прокатывали, как зубчатое колесико по орнаментируемой плоскости. Именно таким образом нанесена, например, орнаментация в виде длинного ряда насечек, идущих полосой, на обломке гончарного черного сосуда из Неслухова или вдавленный зигзагообразный узор на стенках гончарных сосудов из Негина и Неслухова, образованный параллельными насечками, имеющими противоположный наклон (рис. 19, *10*; рис. 22, *2*). Такого рода образцы широко распространены на западной провинциально-римской посуде, и способ выполнения таких узоров с помощью колесика хорошо известен [76].

2. Применение фигурного штампа с зубчиками по краям, вполне сходных с теми рядами углублений, какие образуют длинные пунктир-

[75] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, № 82, 1960, стр. 188, табл. III, *2—3*.

[76] W. Unverzagt. Terra sigillata mit Rädchenverzierung, Tafeln.

ные линии, прочеканенные колесиком. В частности, примеры такого орнамента дают Викнины Великие [77], Лохвица [78], Погорелое [79], Черняхов [80] и др.

Таким образом, техника исполнения и типологическая близость узоров говорит о несомненной близости орнаментации зубчатым колесиком и штампом.

Имеются две основные разновидности штампа: один — в виде разного рода розеток, в том числе и только что упомянутых, с зубчатыми краями; другой в виде гладких концентрических, вписанных один в другой кружков. Оба штампа встречаются на гончарных мисках, кувшинах и кубках.

Основные разновидности штампа первого рода — это кружок или каплевидное вдавление, окаймленное зубчиками, розетка или звездочка, обычно заключенные в кружок; штампы второй группы — в виде гладких концентрических вписанных один в другой кружков. Оба типа штампов встречаются на сосудах тех же форм. Каплевидный штамп распространен мало. Нам известны находки в Комарове и Луке-Врублевецкой [81] (рис. 19, *22*; рис. 22, *4*). Розетки бывают шестилепестковые с заостренными концами лепестков или лепестками, расширяющимися от центра к краям, или изогнутыми в виде сегнерова колеса (Погорелое; рис. 20, *11*). Некоторые розетки окаймлены зубчатыми краями (Черепин — урочище Ставочки). Своеобразный эффект создают такие сочетания разного вида штампов, идущих подряд или нанесенных на некотором расстоянии друг от друга рядами или группами, как например, на обломках сосудов из Иосиповки (б. Юзефовка) [82], Журавки ольшанской, Новотроицкого, Черняхова (рис. 19, *15*; рис. 22, *7, 9*). Вот пункты, откуда происходят сосуды, украшенные описываемого рода розетками, без одновременного применения пунктирной орнаментации: Викнины Великие, Глибочек, Грицивицы, Звенигородка — в ее районе, Иванковцы, Иосиповка, Комаров, Лески, Марьяновка, Незвиско, Новотроицкое, Паланка (пос. № 16 в отчете А. И. Мелюковой), Синицивка-Сабатиновка, Черняхов. Тех же типов розетки в сочетании с пунктирной орнаментацией: Вороновицы, Золотая Балка, Коновка, Лохвица, Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского, Подольская губ.— кубок из сборов С. С. Гамченко 1913 г., Погорелое, Черепин, Черняхов. Интересен штампованный орнамент на обломке гончарного серого лощеного сосуда из Грицивцев [83]. Расположенные в ряд кружки соединяют касательно врезанные линии, причем низ одного кружка соединен с верхом другого — прием хорошо известный в кельтской керамике.

Штамп в виде концентрических вписанных один в другой кружков, естественно, имеет меньшее число разновидностей, отличаясь друг от друга только числом вписанных кружков или величиной (они достигают 1 см в диаметре). Такого рода орнаментация, имея в виду циркульный орнамент, широко представлена на костяных изделиях черняховской культуры (рис. 18, *10*, справа).

К этой же группе нами отнесено несколько редких образцов, где вписанные одна в другую эллипсоидные фигуры образуют своего рода «капли», опубликованные М. А. Тихановой в перевернутом виде [84] (рис. 19, *22*). В другом случае такие же фигуры осложнены и представляют собою соединенные со штампованными кружками капли, так что образовались фигуры, напоминающие восклицательные знаки (рис. 19, *17*). Ниже перечисляем места находок керамики, орнаментированной штампами в виде концентрических кружков, без сочетания с пунктирными линиями (Викнины Великие, Журавка ольшанская, Лески, Лука-Врублевецкая, овчарня совхоза Приднепровского, Онишканы, Черняхов или Ромашки; рис. 19, *24*; рис. 21, *6*; рис. 22, *1*); то же в сочетании с пунктирным орнаментом (Брага, Вила Ярузская, Калиновка — 1, Лохвица, Лука-Врублевецкая, Новотроицкое, овчарня совхоза Приднепровского, Терпиловка; рис. 19, *18*;

[77] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викнинах Великих, стр. 112—113, табл. II, *9*.
[78] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник. МИА, № 82, 1960, табл. I, *20*.
[79] ОАК за 1911 г., стр. 82, рис. 119, хранится в Гос. Эрмитаже, № 378, из б. собрания РАО.
[80] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 182, рис. 6, *4—5*.
[81] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 182, рис. 6, *3*. Все фрагменты на левой половине рисунка перевернуты вверх ногами, в том числе и данный фрагмент, который отнюдь не представляет тип посуды terra nigra, как значится в подписи, а является обломком сероглиняного лощеного сосуда.
[82] П. Й. Борисковський. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини, стр. 123, рис. 1, *7*.
[83] В. П. Савич. Нові пам'ятки доби полів поховань на території Львівської і Тернопільської областей. Сб. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 2. Київ, 1959, стр. 115, табл. I, *4*.
[84] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 82, рис. 6, *1*.

рис. 22, *8*). Здесь следует обратить внимание на орнамент ручки гончарного сосуда из отмученной глины из Калиновки — 1, где циркульные штампованные кружки соединяют пунктирные линии, образуя зигзагообразный узор, напоминающий орнаментацию сарматских сосудов [85]. В штампованной орнаментации еще следует отметить менее распространенные отпечатки штампа треугольно-трапециевидной формы и полулунной формы. Трапециевидные отпечатки с зубчиками сверху и снизу покрывают стенки лепного желтоватого кубка из Ново-Александровки (рис. 18, *2*). Треугольные, с закругленными углами отпечатки штампа мы видим на гончарных кубках могильника у овчарни совхоза Приднепровского. Там же удлиненные отпечатки гребенчатого штампа на тулове сосуда состоят из вписанных одна в другую угловатых линий (рис. 18, *10*, слева). В Неслухове на фрагменте гончарного сосуда нанесен отпечаток треугольной формы, также оформленный в виде «елочки» [86].

Орнаментация штампом, условно названным полулунным, отмечена на обломке гончарного желтоватого лощеного сосуда из Викнин Великих. Изящный, напоминающий по форме месяц, штамп обращен чуть закругленными рожками кверху [87] (рис. 22, *6*). В Виле Ярузской один из гончарных серого цвета сосудов в форме кувшина-кружки был покрыт отпечатками в виде месяца, по-разному ориентированными в разных орнаментальных полосах.

В Червонной Слободе найден обломок стенки гончарной желтоватой миски. На ее плечиках — отпечаток штампа, напоминающий по форме зерно фасоли. Изображение окружено зубчиками и обращено выемкой книзу.

О применении на территории черняховской культуры своеобразного проштампованного орнамента наклонными параллельными насечками, имеющими противоположный наклон, нами уже было сказано (Негин, Неслухов; рис. 19, *10*; рис. 22, *2*).

В заключение обратим внимание на некоторые исключительные образцы штампованного орнамента. Так, в Викнинах Великих был найден гончарный желтоватый лощеный сосуд, покрытый полуовальными удлиненными отпечатками, идущими под углом друг к другу, но не соприкасающимися (рис. 22, *3*) [88].

В Макарьевке найден обломок венчика гончарной широкогорлой серой миски. По валику внутреннего края нанесены отпечатки своеобразного орнамента (рис. 19, *16*). Из с. Кудринцы происходит обломок гончарного серого сосуда с лощеной поверхностью. Его покрывают штампованные розетки, которые окружают отпечатки в виде прямоугольников с перехватами посередине. Однако нет полной уверенности, заключая по фактуре и по лощению черепка, что этот обломок может быть связан с культурой полей погребений черняховского типа.

Сложно орнаментированный зонами разнообразных штампованных узоров сосуд, например, великолепный кувшин из Ромашковского могильника, подробно уже описан М. Ю. Брайчевским [89]. Другой богато украшенный кувшин-кружка из Вилы Ярузской опубликован М. И. Артамоновым [90]. На нем в вертикальных зонах, на которые разбита верхняя часть тулова сосуда с помощью лощеных полос и пунктирных линий, чередуются узоры, выполненные рядами штампованных концентрических кружков и месяцеобразных вдавлений.

Украшения дополнительной профилировкой (рис. 23—24)

Число экземпляров керамики, орнаментированной дополнительной профилировкой тулова сосуда, не на много уступает узорам, выполненным чеканом и штампом. Под дополнительной профилировкой вслед за С. В. Коршенко мы понимаем такую обработку сосуда, после завершения его формовки, которая связана со срезами поверхности глины, что существенно меняет облик сосуда. В ходе описания мы уже отмечали, что орнаментация сосудов с глубокими большими вертикальными вдавлениями на стенках могла бы быть отнесена не к группе лощеной орнаментации, а к описываемому в настоящем разделе способу орнаментации. Однако поскольку орнаментация

[85] Н. Г. Елагина, Н. Н. Погребова. Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 31, рис. 12, *2*; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 221—222.

[86] M. Smiszko. Duże naczynia baniaste okresu rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Wiadomości archeologiczne, t. XVI. Warszawa, 1939 (1948), tabl. XXXI, *3*.

[87] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викнинах Великих, стр. 112—113, табл. II, *7*.

[88] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викнинах Великих, стр. 112—113, табл. II, *3*.

[89] М. Ю. Брайчевский. Ромашки. МИА, № 82, 1960, стр. 113. Фотографию этого сосуда см. Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 50.

[90] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 46 (сверху).

вдавлениями не связана со снятием слоев глины, она отнесена нами к группе лощеной орнаментации.

К основным способам дополнительной профилировки сосудов мы относим обработку стенок сосудов в виде вертикальных плоскостей, оформление овальными срезами или косыми канелюрами грани тулова, наконец, сюда же мы включили некоторые виды фигурной обработки ручек сосудов.

а) Обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр.

Этот простейший вид орнаментации дополнительной профилировкой встречается на кухонных горшках и в более сложном виде на столовых богато орнаментированных кувшинах.

На многих памятниках черняховской культуры мы встречаем обработку грубыми плоскими срезами нижней части горшков. Нет полной уверенности, что это было орнаментальным, а не техническим приемом, с помощью которого исправляли сосуд, вышедший при изготовлении слишком грузным и толстостенным. Примеры такой обработки поверхности дают обломки лепных и гончарных сосудов из Луки-Врублевецкой, Ломоватого — 1 и др. (рис. 23, *2*). Однако поскольку вертикальные грани, образовавшиеся после удаления излишней глины, не были, как прослежено во многих случаях, сглажены, видимо, такая обработка привилась и, укоренившись, превратилась в декоративный прием. Есть явно преднамеренно обработанные таким образом обломки сосудов, как например, донная часть гончарного черного лощеного сосуда из Пражева, где поверхность сосуда представляется как бы граненой [91].

Необычайно нарядными делает гончарные одноручные кувшины обработка верхней части тулова вертикальными плоскостями. Такие плоскости отходят обычно от валика, выделяющего горло, и спускаются вниз, расширяясь к перегибу тулова. Нередко они не совсем прямые, а несколько вогнутые или выпуклые (Кантемировка [92], Коровинцы [93], Маслово, овчарня совхоза Приднепровского [94], Сумы, Черняхов [95], Ягнятин; рис. 21, *8*; рис. 23, *10*; рис. 24, *1*).

Исключительным образцом этого вида орнаментации является обломок гончарного сосуда из Вороновиц. Его поверхность обработана не плоскостями, а вертикальными, углубленными, полукруглыми в сечении, расширяющимися к перегибу тулова каннелюрами. Другое исключение — гончарный кувшин с граневым горлом и туловом, покрытым над перегибом косыми полукруглыми срезами S-образной формы, как например, сосуд, происходящий из Ромашек или Черняхова в собрании Государственного исторического музея (рис. 24, *4*). Еще одно — обломок гончарного кувшина из могильника у овчарни совхоза Приднепровского (рис. 15, *1*). Верхняя часть тулова сосуда разделена валиком на две горизонтальные орнаментальные зоны. Выше валика тулово украшено плоскими вертикальными срезами, а ниже — полосой лощеной орнаментации.

Нередко грани полос украшают пунктирные линии (Сумы, Черняхов и др.; рис. 21, *8*).

б) Обработка овальными срезами грани тулова. При орнаментации этим способом с грани биконического тулова сосуда срезали куски глины. Таким образом, образовывался ряд чаще всего чуть вогнутых овалов. В основном так украшали гончарные миски и кувшины. Исключение составляет биконический гончарный черный лощеный горшочек из Букрина, украшенный по ребру гранями. Другой своеобразный экземпляр — цилиндрическая гончарная миска-ваза из Черняхова, с высокой верхней частью и с выступающим перегибом тулова, украшенным овальными срезами. Третья исключительная для данной орнаментации форма — гончарный кубок из Рудков. Он, судя по опубликованному мелкому рисунку, был украшен овальными срезами в нижней части [96]. Разнообразие видов этого орнамента невелико. Отличия главным образом прослеживаются в величине и пропорциях овалов, опоясывающих тулово (длина их от 2 до 5 см) и в оформлении их с помощью различных видов орнаментации (Будешты мог., Викнины Великие, Вила Ярузская, Журавка

[91] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 171, табл. III, *6*.

[92] М. Рудинський. Указ. соч., стр. 138, рис. 4.

[93] Є. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. у верхній течії Сули, стр. 80, рис. 2, *18*; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского степного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 17, рис. 4.

[94] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 296, рис. II, *11*.

[95] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, 1—2, нов. сер. СПб., 1901, стр. 189.

[96] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 191, рис. 17, *6*.

Рис. 24. Керамика, орнаментированная дополнительной профилировкой.

1, 2 — Коровинцы, Левобережное Поднепровье (фонды Роменского краеведческого музея); *3* — Телешевка, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *4* — Черняхов — Ромашки, Среднее Поднепровье (фонды Московского исторического музея, раскопки В. В. Хвойки); *5* — Песчана, Среднее Поднепровье (фонды Белоцерковского краеведческого музея); *6* — Башмачка, Надпорожье (раскопки А. Т. Брайчевской); *7* — Маслово, Среднее Поднепровье (фонды Черкасского краеведческого музея)

ольшанская, Завалье — 1, Кантемировка, Катериновка, Комаров, Коровницы, Лука-Врублевецкая, Маслово, овчарня совхоза Приднепровского, Пражев, Стретовка, Субботцы, Сумы, Сухостав, Червона Слобода, Черняхов; рис. 21, *8*; рис. 23, *5, 6, 7, 4*; рис. 24, *1*). Овальные плоскости не всегда идут подряд. Иногда они идут на расстоянии друг от друга, как например, на гончарном черном сосуде из Марьяновки (рис. 19, *8*), или образуют группы овалов, разделенных лощеными насечками, как на сосуде из Деревянного или Гурбинец [97].

Чрезвычайно оригинальное впечатление производят гончарные миски, орнаментированные валиками, также украшенными вогнутыми срезами (Золотая Балка, Лука-Врублевецкая, Малаешты мог. [98]; рис. 9, *1, 4*).

Вообще сочетания орнаментации овальными срезами с другими способами украшения весьма многообразны.

в) Обработка косыми каннелюрами грани тулова. По существу этот вид орнаментации имеет много общего с некоторыми пластическими узорами, описанными выше. Однако поскольку здесь дело связано с орнаментом, существенно меняющим форму и профиль сосудов, то целесообразно было выделить их в группу «дополнительной профилировки».

Срезая с грани тулова глину и нанося косые вдавления, многие сосуды черняховской культуры украшали орнаментом, близким по многим особенностям предыдущей группе. Косые каннелюры на грани тулова встречены главным образом на мисках и менее на кувшинах. Простейшим видом, как бы зародышем этого рода орнаментации, являются неглубокие косые углубленно-лощеные линии на грани тулова, наподобие тех, какие встречены в Каменке-Днепровской, Комарове, Лохвице, Лукe-Врублевецкой, Устье, Новотроицком. В некоторых случаях трудно решить — отнести ли такую орнаментацию к лощеным насечкам или к данной серии. В довершение сходства с насечками нередко косые углубления на грани тулова располагаются на расстоянии одно от другого (Башмачка, Квитки, Паланка — поселение № 16 по отчету А. И. Мелюковой, овчарня совхоза Приднепровского, Шкаровка, Августиновка [99]; см. рис. 18, *1*; рис. 23, *12, 13*). Чрезвычайно интересно, что лепной кувшинчик с обломанной ручкой из с. Пищана был украшен тоже рядом проведенных на расстоянии косых каннелюр [100] (рис. 24, *5*).

В большинстве случаев косые каннелюры проведены впритык одна к другой и образуют сплошной ряд желобков, изогнутых в виде буквы S. Наклон и величина каннелюр не были определенными. Они обращены и вправо и влево, а в зависимости от степени наклона меняется их величина. Обычно чем в большей степени наклон каннелюр соответствует ребру тулова, тем они бывают более длинными. Нередко косые каннелюры по разделяющим их граням бывают украшены пунктирными линиями. Орнамент косыми каннелюрами был распространен широко (Башмачка, Березовка, Быстрик, Гурбинцы [101], Данилова Балка, Каменка-Молдавская, Кантемировка [102], Капустино, Кирилловка — 2, Комаров, Кринички, Кут, Лески, Ломоватое — 1, Ломоватое — 2, Лука-Врублевецкая, Малаешты мог., Ново-Александровка, Августиновка, овчарня совхоза Приднепровского, Пересечное [103], Пражев, Семеновка [104], Синицивка-Сабатиновка, Скраглівка, Черняхов, Ягнятин [105]; рис. 3, *4*; рис. 12, *4*; рис. 13, *7*; *22, 10*; рис. 23, *8, 9, 11*; рис. 24, *2, 3*). В числе перечисленных находок исключительным образцом является обломок гончарной миски из Синицивки, грани косых каннелюр которой украшают ногтевые врезы [106] (рис. 5, *10*). Другое исключение — гончарный черный кувшин, являющийся случайной находкой в Даниловой Балке. Этот кувшин имеет почти шарообразное, чуть вытянутое кверху тулово, сплошь покрытое косыми каннелюрами в виде желобков, косо проведенных от основа-

[97] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 111—113.

[98] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник, стр. 299, рис. 292.

[99] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья, стр. 190, табл. V, *14*.

[100] М. Ю. Брайчевский. Материалы культуры полей погребений из Среднего Поросья, стр. 232, рис. 2, *1*.

[101] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского степного Левобережья, стр. 15, рис. 2.

[102] М. Рудинський. Указ. соч., стр. 140, рис. 6.

[103] І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харьківської області. Археологія, т. II. Київ, 1948, стр. 167, табл. I, *9*.

[104] И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XVI, *7*.

[105] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 167, табл. II, *10*.

[106] Е. О. Симонович. Пам'ятки черняхівської культури Нижнього Побужжя, стр. 151, табл. I, *9*.

ния горла сосуда до самого его низа (рис. 23, *10*) [107]. Верхняя половина тулова кувшина из Масловского могильника также была покрыта косыми канелюрами (рис. 24, *7*) [108].

г) Фигурная обработка ручек сосудов (рис. 25). Среди сосудов, орнаментированных всякими желобками, валиками, витыми жгутами, лощеными линиями и пр., выделяется серия ручек угловатых очертаний, со срезанными гранями. Такие фигурные ручки принадлежат богато украшенным кувшинам. Они обычно резко профилированы и в сечении представляют многогранники (Коровинцы, Кринички, овчарня совхоза Приднепровского, Черняхов или Ромашки; рис. 20, *10*; рис. 24, *1*; рис. 25, *4, 7*). Место прикрепления ручки к краю сосуда нередко оформляли в виде фигурной плоскости, с угловатыми выступами — способ типичный для металлических изделий (Ново-Александровка, Ново-Липовское, Рипнев). Обломок такой плоскости у края гончарного чернолощеного сосуда из Журавки ольшанской имеет фигурные выступы, напоминающие изображения голов каких-то животных (рис. 25, *1*). Такое понимание выступов представляется вполне вероятным, если вспомнить оформление ручек аланских сосудов середины I тысячелетия н. э. в виде животных, а также распространение зооморфных мотивов орнаментации и других народов в этот период [109].

Многообразные способы украшения ручек сосудов отмечались нами в ходе изложения. Здесь же мы только преследовали цель привлечь внимание к специфической их обработке фигурными срезами, какая в известной мере перекликается с техникой орнаментации дополнительной профилировкой.

Единичные образцы орнаментов, выполненные в разной технике (рис. 25—27)

В этом разделе собраны орнаменты, которые было бы трудно включить в какую-нибудь из ранее описанных групп. Прежде всего здесь особенно интересны отдельные знаки и целые полосы разнообразных орнаментальных знаков, имеющие, видимо, тайный смысл и символическое значение. При описании таких лощеных орнаментов мы их разложили в условном порядке, начиная от простейших, или объединяли по сходству.

1) Обломки края гончарной желтоватого цвета лощеной миски биконических очертаний из Солончен. Под валиком, по ее плечикам, в матовой полосе пролощен ряд не вплотную примыкающих овалов, чуть более заостренных с левой стороны (шифр СК I 53, ПМ, № 693; рис. 25, *3*).

2) Обломок стенки гончарного лощеного сосуда из Комарова. В полосе под валиком проходят косые параллельные наклонные лощеные линии, образующие какой-то прихотливый извилистый росчерк [110].

3) Обломок гончарной черной лощеной миски с поселения, обнаруженного Средне-Днепровской экспедицией в 1959 г., в Ромашках. Между двух валиков, в матовой полосе прочерчены вертикальные лощеные линии. Сверху они примыкают к вершинам треугольников, образованных вписанными друг в друга углами, а внизу являются одним из катетов прямоугольных треугольников, заштрихованных лощеными линиями (шифр Ром. 59, № описи 3807—3813; рис. 25, *5*).

4) Обломок края гончарной темно-серой, почти черной биконической миски с покрытием (!?) из с. Журавки ольшанской. Под валиком, заключенным между двумя неглубокими желобками, слабо заметными лощеными линиями изображен знак в виде сегнерова колеса, являющейся стилизованной свастикой (шифр Жур. 59 пос. 79—0/2, № 720, рис. 25, *9*).

5) Обломок края большой гончарной миски (диаметр 30 см), почти черного цвета, с поверхностью, имеющей покрытие (!?), из Журавки ольшанской. Форма сосуда была биконическая, край широкий, сохранившийся неполностью. На нем полоса сетчатого орнамента и ближе к наружному краю полукружья, вписанные одно в другое, выполненные лощеными линиями. Под краем на плечиках выполнен сложный узор, как бы подчеркнутый снизу горизонтальным желобком. Между знаками в виде сегнерова колеса, являющимися стилизованным изображением свастики, размещены треугольники, вершинами обращенные кверху и образованные вписанными один в другой углами. В середине оставлено треугольное пространство, в котором пролощена вертикальная

[107] Фонды Гос. Эрмитажа — Коллекции отдела истории первобытной культуры — раскопки С. С. Гамченко, 1909 и 1913 гг.

[108] Фонды Черкасского краеведческого музея. Шифр ЧКМ № 215.

[109] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 67.

[110] В. Д. Баран. Ранньослав'янські пам'ятки правобережжя Середнього Дністра. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 171, табл. I, *12*.

Рис. 25. Фигурно обработанные ручки сосудов и отдельные редкие образцы орнамента.

1,9,10, — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *2,11* — Гурбинцы, Левобережное Поднепровье (фонды Прилукского краеведческого музея); *3* — Солончены, Молдавия (раскопки Э. А. Рикмана); *4* — Киевщина, Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея); *5* — Ромашки, Среднее Поднепровье (сборы экспедиции Э. А. Сымоновича); *6* — Кут, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *7* — Полтавщина, Левобережное Поднепровье (фонды Полтавского краеведческого музея); *8* — Малаешты, Молдавия (раскопки Г. Б. Федорова)

Рис. 26. Трехручная ваза с разными видами орнамента.

1а, 1б, 1в — Киевщина (Черняхов?) Среднее Поднепровье (фонды Киевского исторического музея, из быв. собрания Кундеревича)

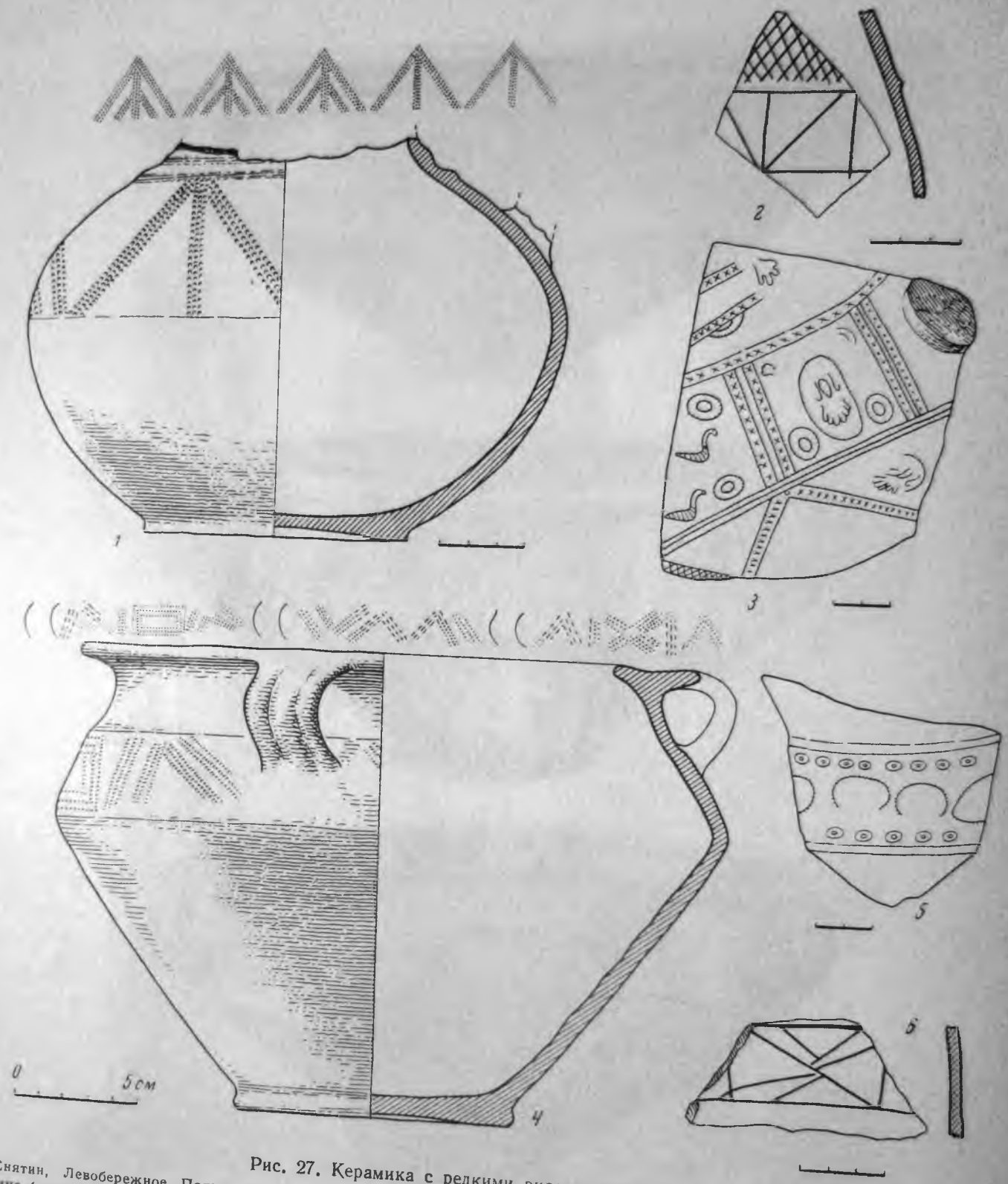

Рис. 27. Керамика с редкими видами орнамента.

1 — Снятин, Левобережное Поднепровье (фонды Лубенского краеведческого музея); *2* — Новоселка—Костюкова, Западная Украина (раскопки М. Ю. Смишко); *3* — Фалешты, Молдавия (по Г. Б. Федорову); *4* — Каменка-Днепровская, Нижнее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *5* — Братушаны, Молдавия (по Г. Б. Федорову); *6* — Марьяновка, Побужье (сборы экспедиции М. И. Артамонова)

зигзагообразная линия (шифр Жур. 59 пос., 77—0/13, 18, Я — 4, № 527; рис. 25, *12*).

6) Обломок стенки гончарного черного лощеного сосуда из Марьяновки. Полоса орнамента на плечиках выделена уступом снизу и лощеными линиями с обеих сторон. Судя по сохранившемуся фрагменту, орнамент состоял из прямоугольников, из центра которых, лучеобразно расширяясь в сторону углов, расходились пролощенные линии (шифр ЮП-1, № 729, рис. 27, *6*).

7) Обломок стенки гончарной черной миски из Никольского. Она орнаментирована по плечикам пролощенными прямоугольниками с проведенными диагоналями. Через центр по вертикали прямоугольник пересекают еще две линии (Материалы А. Т. Брайчевской, сборы 1950 г.).

8) На обломке гончарного желтовато-серого цвета сосуда из Новоселки Костюковой, под пролощенной сеткой проходит горизонтальный валик. Он отделяет полосу орнамента, состоящую из примыкающих один к другому квадратов, перечеркнутых одной диагональю каждый. Поскольку сохранился небольшой фрагмент сосуда, может быть, был изображен, как на вышеописанных, прямоугольник по диагоналям, вдоль и поперек пересеченный лощеными линиями (шифр ЛИМ 5215/2; рис. 27, *2*).

9) На обломке стенки большой гончарной темно-серого цвета миски из Кута проходит полоса лощеного орнамента, разделенного вертикальными линиями. В одном из сохранившихся на черепке участков получившийся прямоугольник разделяют по-разному проведенные в диагональном направлении линии, образующие треугольники. Примыкающие к верхней черте заштрихованы и заполнены неровными горизонтальными линиями зигзагов. Расположенные внизу — заполнены только рядами горизонтальных лощеных зигзагов. В центре фигуры находится лощеный ромб, несколько асимметричной формы (шифр Кут. 1951, р.— IV, XXXV — XXXVI 10, Я — 1, № 32115; рис. 25, *6*).

10) Целиком сохранившийся гончарный черный лощеный одноручный кувшин из могильника в Малаештах украшен по плечикам полосой орнамента, выполненного лощеными линиями и заключенного между двух валиков. Вертикальные лощеные линии делят полосу на прямоугольники, ориентированные в меридиональном направлении. В них изображены «елочки» и какие-то овально-ромбические знаки. Десять орнаментированных прямоугольников сгруппированы по два. Каждую группу отделяет от другой неукрашенный прямоугольник (Малаешты мог., погребение № 35; рис. 25, *8*) [11].

11) Полностью уцелевшая гончарная серая лощеная трехручная миска, происходящая из собрания Кундеревича и хранящаяся в фондах Киевского исторического музея, орнаментирована сложным узором из лощеных желобков и штампованного орнамента. С. В. Коршенко в рукописи, посвященной Черняховскому могильнику, определяет ее как происходящую из могил и дает орнамент в развернутом виде. Полоса орнамента разделяется на три части ручками миски, и каждый участок имеет свои изображения. В центре первого участка помещается прямоугольник с кругом в центре, от которого отходят по диагоналям парные лощеные линии. Пространство между ними украшено штампованной орнаментацией. Штампованными розетками украшены углы прямоугольника. От двух углов, слева от нижнего, а справа от верхнего отходят волнистые линии, обрамленные штампованными кружка́ми, нанесенными впритык один к другому (рис. 26, *1А*).

Другой участок состоит из прямоугольников, в которых лощеные линии, проведенные вдоль боковых сторон и по диагонали, образуют фигуры наподобие буквы N. В пределах этой фигуры нанесена штампованная орнаментация и проведены вертикальные лощеные зигзаги (рис. 26, *1Б*).

Третий участок имеет в центре прямоугольник подобный тому, что имеется на первом участке, но здесь штампованные розетки расположены не только по углам, но окружают центральный кружок. По бокам центрального прямоугольника помещены слева — прямоугольник с кругом по середине и расходящимися от него диагоналями, оформленными по бокам штампованными розетками; справа, сверху помещены знаки в виде сетки и круга, который обрамляют отпечатки штампа, напоминающего циркульные кружки. Под этими фигурами находится горизонтальная полоса с двумя изгибами по краям, напоминающими головы лошадей (?). Отпечатки штампованных кружков, идущие по верхней линии этого изображения, создают впечатление гривы (фонды КГИМ; рис. 26, *1В*).

12) Разнообразные сменяющие друг друга мотивы орнаментации прослежены также на

[11] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник, стр. 297, рис. 26, *4*.

боках другой трехручной миски с широким горизонтальным венчиком, сделанной на круге из серой глины и найденной в Каменке-Днепровской. Пунктирный орнамент, украшающий плечики в первой зоне, между двумя ручками сосуда, состоит из трех изображений: посередине прямоугольник и по бокам вписанные один в другой углы, обращенные вершинами кверху; в другой зоне проходит многорядный зигзаг, выполненный пунктирными линиями; в третьем — по середине крест в виде знака умножения, сделанный с помощью многих пунктирных линий, а по бокам, как в первой зоне, вписанный один в другой углы, обращенные вершинами кверху (Каменка-Днепровская, мог., погребение № 21; рис. 27, *4*).

13) Гончарная желтоватого цвета миска из Гурбинцев имеет уплощенную грань на месте перегиба тулова, на которой нанесен орнамент пунктирными линиями, образующими горизонтальные соединяющиеся вершинами овалы. На другой стороне миски идут косые углубленные лощеные параллельные линии (фонды Прилукского краеведческого музея, № 85; рис. 25, *2*).

14) Обломок одноручного сероглиняного кувшина из Снятина. Под валиком, по плечикам он украшен многорядным пунктирным зигзагом. В трех случаях из пяти из вершин углов зигзага опущены вертикальные многорядные полосы (фонды Лубенского краеведческого музея, без №; рис. 27, *1*).

15) На селище возле с. Братушаны был найден обломок сероглиняного сосуда с поясом «из двойных концентрических кругов, не полных овалов, обрамленных черточками» (рис. 27, *5*) [112].

16) Гончарный грубоглиняный серого цвета горшок из Гурбинцев. На плечиках, с одной стороны сосуда глубоко врезан знак в виде незамкнутого овала с примыкающим к нему волнистым росчерком (фонды Прилукского краеведческого музея, № 9/193; рис. 25, *11*).

17) Обломок гончарного сосуда из Черепина возле г. Корсуня-Шевченковского, украшенного пунктирным орнаментом и изображением фигуры лошади [113].

18) Обломок стенки сероглиняного сосуда со следом обломанной ручки (кувшин?) был найден на Фалештском селище [114]. Он был покрыт сложной орнаментацией. Орнаментальная полоса, видимо, опоясывавшая весь сосуд, расчленена сдвоенными пунктирными линиями, с крестообразными знаками. Над орнаментальной полосой такие линии идут горизонтально, под нею — зигзагообразно. В квадратных участках, выделенных в орнаментальной полосе, располагались отпечатки круглого зубчатого штампа и штампа с растительными завитками. Особенно интересны и необычны для черняховской орнаментации отпечатки двух лебединых фигур, помещенных одна над другой (рис. 27, *3*) [115].

19—20) Интереснейшие гончарные черные сосуды из Лепесовки с кольцами и ушками и кувшин из Ромашек исследованы Б. А. Рыбаковым и изданы отдельно, поэтому на описании их мы не останавливаемся [116].

Некоторые сосуды черняховского типа также богато украшены, но, поскольку мотивы их орнаментации не представляют собой исключений, в настоящий перечень они не включены.

[112] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., стр. 138, рис. 17, 2.

[113] М. Ю. Брайчевський. Зображення коня з с. Черепин в Середньому Подесі, стр. 184.

[114] По данным Э. А. Рикмана находка происходит из с. Устье около г. Бельц. См. Э. А. Рикман. Памятники древнего искусства Молдавии. Кишинев, 1961, стр. 25.

[115] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья, стр. 138, рис. 17, *1*. Фотография этой находки см. Э. А. Рикман. Памятники древнего искусства Молдавии. Кишинев, 1961, стр. 25, рис. 21.

[116] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян, стр. 68—89.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗНЫХ ТИПОВ ОРНАМЕНТАЦИИ

Путем картографирования орнаментов мы пытались прежде всего установить территорию распространения ведущих типов орнаментации, чтобы выяснить, все ли районы черняховской культуры освоили главные производственные навыки, необходимые для выполнения тех или иных узоров, и, следовательно, получить новые данные о единстве или различиях черняховских памятников разных областей. Более дробное распределение материала на карте по важнейшим видам орнаментации или по мотивам изображений, возможно, поможет выделить локальные варианты культуры. Дело дальнейших исследований — объяснить существование таких бросающихся в глаза групп специфической орнаментации на данных тер-

риториях. Думается, для этноплеменных определений они не будут иметь большого значения, но помогут выявить ареалы распространения продукции определенных гончарных центров. В связи с изданиями материалов к картам черняховских памятников Украины (Е. В. Махно) [117] и Молдавии (Г. Б. Федоров) [118] мы коротко перечисляем названия пунктов, связанных с тем или иным орнаментом. В некоторых случаях для предотвращения путаницы к названию добавлено уточнение, например, Каменка-Днепровская и Каменка-Молдавская. В то же время, следуя Е. В. Махно, нами привлечены материалы некоторых памятников степной Украины и Причерноморья. Такие памятники римского времени нами [119], а потом А. Т. Брайчевской выделены в особую группу, характеризуемую рядом специфических особенностей [120]. Особыми значками отмечены они и на карте Е. В. Махно [121]. Большие многокамерные каменные дома, раскопанные у Берислава, Капустина, Киселова, Отбедо-Васильевки и других подобных памятников, на юге резко отличаются от типично черняховских наземных или углубленных в землю жилищ столбовой конструкции со стенами, сплетенными из прутьев и обмазанных глиной. В то же время обнаружение в последние годы типично черняховских памятников в Поднепровской степи и на юге — в Молдавии, а также исследования у Викторовки в Причерноморье М. Ф. Болтенко говорят о том, что перешедшему пороги и свободно селившемуся в степной зоне населению не было никаких препятствий для расселения на юге. Нет сомнений, что в ближайшие годы в Северном Причерноморье будут обнаружены типичнейшие поселения и могильники полей погребений черняховского типа [122]. Только этим проникновением на юг можно объяснить сравнительно большой процент провинциально-римского импорта на степных и лесостепных памятниках черняховской культуры, а также понять причины сходства многих керамических форм, технологических приемов изготовления посуды и мотивов их орнаментации с причерноморскими, в особенности для более ранних этапов развития черняховской культуры, т. е. во II—III вв. н. э. В более позднее время в связи с упадком городских центров Северного Причерноморья, естественно, что направление культурных связей переменилось и укрепились нити, связывающие черняховскую культуру с западными провинциально-римскими центрами. Исходя из таких тесных связей с югом, мы включили в перечень пунктов и в описание орнаментов некоторые одновременные черняховским материалы сельских поселений степной Украины и Причерноморья.

Кроме того, следует оговорить, что количественные соотношения разных видов орнаментации нельзя строить на абсолютных подсчетах найденных в данном пункте орнаментированных образцов посуды. Дело в том, что многие находки являются случайными. Например, во время разведок обычно отбирают, наряду с характерными видами керамики, почти все украшенные черепки, создавая ложное представление о проценте орнаментированной посуды. Также при небольших раскопочных работах многое зависит от случайности. О количественном соотношении разных групп орнамента на разных территориях можно говорить только, сопоставляя достаточно масштабные раскопки, которые позволили бы выявить специфические особенности керамического комплекса данного памятника и преобладающие на нем виды орнаментации. При этом желательно сопоставить материалы могильников, так же как и поселений, между собой, поскольку мы знаем, как они разнятся по числу и богатству орнаментированной керамики друг от друга.

Чтобы выяснить особенности распределения основных групп черняховской керамики, прежде всего надо рассмотреть, встречаются ли все основные технические приемы орнаментации во всех областях черняховской культуры. Для этого мы производим сопоставление особо характерных и наиболее полно раскопанных памятников, обнаруженных в различных областях черняховской культуры (Лохвица, Ново-Липовское — Левобережный Днепр; Никольское, Привольное, Ново-Александровка, Надпорожье; Грушевка, Кут, Каменка-Днепров-

[117] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960, стр. 9—83.

[118] Г. Б. Федоров. Древние славяне и их соседи в Молдавии. (Краткое описание памятников I и начала II тысячелетия н. э.). Уч. зап. Ин-та истории языка и литературы Молдавского фил. АН СССР, т. IV (серия историческая), 1957, стр. 237—310

[119] Э. А. Сымонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 131—135.

[120] А. Т. Брайчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 3—13.

[121] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, см. карту.

[122] Обнаружение разведками и раскопками 1962 г. черняховского могильника у с. Викторовка в Причерноморье подтвердило это предположение бесспорными археологическими фактами.

Территориальное распределение основных групп орнаментации черняховской керамики

Название пункта	Основные группы орнамента	Число фрагментов данной группы в картотеке	Примечание
Лохвица (мог.)	I — ×	4	По материалам публикации Д. Т. Березовца и В. П. Петрова (МИА, № 82, 1960, стр. 84—99)
	II — ×	1	
	III — ×	8	
	IV — ×	1	
Ново-Липовское (пос.)	I — ×	6	Раскопки Е. В. Махно (фонды ИА АН УССР)
	II — ×	8	
	III — —	—	
	IV — ×	1	
Никольское (пос.)	I — ×	4	Раскопки А. Т. Брайчевской и фонды КГИМ
	II — ×	5	
	III — ×	1	
	IV — —	—	
Привольное (пос. и мог.)	I — ×	12	Публикация Ю. В. Кухаренко и фонды КГИМ
	II — ×	9	
	III — —	—	
	IV — ×	2	
Ново-Александровка (мог.)	I — ×	10	КГИМ, фонды; публикация А. Т. Брайчевской (МИА, № 82, стр. 167—174)
	II — ×	9	
	III — ×	6	
	IV — ×	1	
Грушевка Днепровская (пос.)	I — ×	2	Раскопки Э. А. Сымоновича
	II — ×	2	
	III — —	—	
	IV — —	—	
Кут (пос.)	I — ×	15	То же
	II — ×	5	
	III — ×	1	
	IV — ×	1	
Каменка-Днепровская (мог.)	I — ×	34	То же
	II — ×	27	
	III — ×	5	
	IV — ×	1	
Овчарня совхоза Приднепровского (мог.)	I — ×	93	То же
	II — ×	48	
	III — ×	31	
	IV — ×	5	
Жуковцы (пос.)	I — ×	17	Публикация Е. В. Махно (АП УРСР, т. 1,1949, стр. 154—164); фонды ИА АН УССР.
	II — ×	13	
	III — ×	3	
	IV — —	—	
Ромашки (пос. и мог.)	I — ×	12	Публикация М. Ю. Брайчевского (МИА, № 82, 1960, стр. 100—147); фонды БЦКМ
	II — ×	2	
	III — ×	2	
	IV — —	—	
Черняхов (мог.)	I — ×	18	Данные подсчетов не полные по сохранившейся коллекции КГИМ
	II — ×	6	
	III — ×	6	
	IV — ×	5	
Ягнятин (пос.)	I — ×	14	Публикация Е. В. Махно (АП УРСР, т. I, 1949, стр. 164—169); КПЛИ ИА АН УССР
	II — ×	10	
	III — —	—	
	IV — ×	4	
Данилова Балка	I — ×	8	Раскопки С. С. Гамченко, а позднее — Э. А. Сымоновича
	II — ×	4	
	III — —	—	
	IV — ×	2	
Кринички (пос.)	I — ×	50	То же
	II — ×	16	
	III — —	—	
	IV — ×	7	
Синицивка — Сабатиновка (пос.)	I — ×	18	Раскопки Э. А. Сымоновича
	II — ×	4	
	III — ×	1	
	IV — ×	1	
Викнины Великие (пос.)	I — ×	13	Публикация М. Ю. Смишко (Археологія, т. I, 1947, стр. 111—122) и фонды ЛОИОН АН УССР
	II — ×	12	
	III — ×	8	
	IV — ×	1	
Пражев (пос.)	I — ×	10	Публикация Е. В. Махно (АП УРСР, т. I, 1949, стр. 169—175) и фонды ИА АН УССР
	II — ×	2	
	III — ×	—	
	IV — ×	2	
Комаров (пос.)	I — ×	67	Раскопки М. Ю. Смишко, фонды ЛОИОН АН УССР
	II — ×	31	
	III — ×	2	
	IV — ×	3	
Неслухов (пос.)	I — ×	62	Публикация К. Хадачека, М.Ю. Смишко и фонды (АН УРСР, т. I, 1949, стр. 189—205); фонды ЛИМ
	II — ×	58	
	III — ×	5	
	IV — —	?	
Черепин (пос.)	I — ×	18	Публикация (В. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961, стр. 49—64) В. Д. Барана и фонды ЛОИОН АН УССР
	II — ×	17	
	III — ×	1	
	IV — —	—	
Лука-Врублевецкая (пос.)	I — ×	141	Материал первых трех сезонов работ под руководством С. Н. Бибикова
	II — ×	80	
	III — ×	16	
	IV — ×	9	

Таблица 1 (окончание)

Название пункта	Основные группы орнамента	Число фрагментов данной группы в картотеке	Примечание
Вила-Ярузская (мог.)	I — ×	11	Фонды и материалы раскопок В. Д. Белецкого в ГЭ
	II — ×	3	
	III — ×	3	
	IV — ×	3	
Малаешты (мог.)	I — ×	11	Публикация Г. Б. Федорова (МИА, № 82, 1960, стр. 253—302) и фонды КИИ МОЛД АН
	II — ×	3	
	III — ×	2	
	IV — ×	2	
Делакеу (пос.)	I — ×	24	Раскопки Э. А. Рикмана (КСИА АН СССР, вып. 90, стр. 60—68) фонды КИИ МОЛД АН
	II — ×	14	
	III — —	—	
	IV — —	—	
Солончены (пос.)	I — ×	19	Раскопки Э. А. Рикмана, фонды КИИ МОЛД АН
	II — ×	15	
	III — —	—	
	IV — ×	3	
Будешты (мог.)	I — ×	18	То же. Учтена выставленная в экспозиции часть коллекции в музее КИИ МОЛД АН
	II — ×	3	
	III — ×	1	
	IV — ×	1	

Примечания: × — означает наличие данного орнамента в указанном пункте; пос. — материалы с поселения; мог. — материалы с могильника.

ская овчарня совхоза Приднепровского — степной юг; Жуковцы, Ромашки, Черняхов, Ягнятин; Данилова Балка, Кринички, Синицивка-Сабатиновка — Правобережье Днепра и Побужье; пшеворско-черняховские памятники — Викнины Великие, Пражев; верхнеднестровские поселения — Комаров, Неслухов, Черепин; в Среднем Поднестровье — Лука-Врублевецкая; в Молдавии — материалы Будештского и Малаештского могильников и поселений Делакеу и Солончены.

Для наглядного рассмотрения керамических орнаментов с этих пунктов нами составлена таблица. В ней римская цифра напротив названия памятника означает одну из четырех основных групп орнаментации (I — пластичный орнамент. II — лощеный орнамент. III — чеканно-штампованный орнамент. IV — орнамент дополнительной профилировкой). Рядом, после значка ×, означающего наличие данного орнамента, стоит арабская цифра, означающая число орнаментированных экземпляров данной группы, представленных в собранной картотеке [123].

Из таблицы видно повсеместное распространение всех основных групп орнаментации черняховской посуды. Наименее широко распространены черняховские орнаменты чеканно-штампованный и дополнительной профилировкой. Они на некоторых памятниках отсутствуют, тем не менее общей картины это не меняет. На соседних памятниках в этих же областях такие образцы орнаментов встречаются. Следовательно, отсутствие каких-то видов орнамента на подобных памятниках является хронологическим признаком или говорит о связи с определенным гончарным производственным центром, где не изготовляли сосуды, украшенные таким образом [124].

Чтобы далее детально рассмотреть территориальное распределение орнаментации посуды по основным ее разновидностям, нами составлены списки. В них описаны пункты, где данный вид орнаментации встречается. Еще более детальное распределение по отдельным мотивам можно найти в тексте описания, где перечисляются места находок сосудов, украшенных теми или иными изображениями. Приводим для того чтобы иметь возможность детально картографировать орнаменты, списки мест находок основных типов изображений. Виды орнаментов перечисляются в той же последовательности, как и в описательной части, причем пункты размещены по алфавиту.

Пластичные орнаменты

Вдавленные и прочерченные узоры

а) Одиночные прямые врезанные линии и желобки: 1. Августиновка. 2. Березовка. 3. Будешты мог. 4. Вербки. 5. Викнины Великие. 6. Вила Ярузская. 7. Вороновицы. 8. Городище Шепетовское. 9. Делакеу. 10. Жуковцы. 11. Журавка ольшанская. 12. Звенигородка, в ее районе. 13. Иванковцы. 14. Каменка-Днепровская. 15. Каменка-Молдавская. 16. Кишинев. 17. Комаров. 18. Костянец. 19. Кри-

[123] Памятники на таблице расположены, начиная с северных днепровских, затем средне- и нижнеднепровских и кончая побужскими и поднестровско-прутскими. Некоторые пункты после составления картотеки орнаментов раскапывались, и соотношение групп и число украшенной керамики могло измениться.

[124] Например, в Журавке ольшанской находка в 1962 г. гончарного горна помогла объяснить специфику некоторых форм местной посуды и почти полное отсутствие пунктирной орнаментации, которую, видимо, местные мастера не применяли.

ничьки. 20. Красный Поселок. 21. Лески. 22. Ломоватое — 1. 23. Ломоватое — 2. 24. Лука-Врублевецкая. 25. Лукашевка-Пачино. 26. Маланешты мог. 27. Мана. 28. Мирополье. 29. Насташка. 30. Незвиско. 31. Неслухов. 32. Ниполь. 33. Ново-Александровка. 34. Ново-Липовское. 35. Новоселка-Костюкова. 36. Овчарня совхоза Приднепровского. 37. Осокоровка. 38. Попелюхи. 39. Рипнев. 40. Ромашки. 41. Рудки. 42. Станиславовка. 43. Стрижановка. 44. Сухостав. 45. Устье. 46. Черепин. 47. Черняхов. 48. Ягнятин.

б) Ряды прямых врезанных линий и желобков. 1. Анастасьевка. 2. Будешты. 3. Быстрик. 4. Викнины Великие. 5. Вила Ярузская. 6. Вороновицы. 7. Говда. 8. Данилова Балка. 9. Дебеславцы. 10. Дедовщина. 11. Делакеу. 12. Домашканы. 13. Днепропетровск, в его районе. 14. Дубиново. 15. Жуковцы. 16. Журавка ольшанская. 17. Залесцы. 18. Золотая Балка. 19. Иосиповка. 20. Кабуска Веке. 21. Каменка-Днепровская. 22. Калиновка — 1. 23. Квитки. 24. Кирилловка — 2. 25. Комаров. 26. Комрат. 27. Костянец. 28. Красный поселок. 29. Кринички. 30. Кут. 31. Лески. 32. Ломоватое — 1. 33. Ломоватое — 2. 34. Лука-Врублевецкая. 35. Лукашевка-Пачино. 36. Марьяновка. 37. Маслово. 38. Мирополье. 39. Моисова Балка. 40. Моринцы. 41. Негин. 42. Незвиско. 43. Неслухов. 44. Николаевка. 45. Новое Кондаково. 46. Ново-Липовское. 47. Новоселка Костюкова. 48. Овчарня совхоза Приднепровского. 49. Озарницы. 50. Ольховец. 51. Осокоровка. 52. Пастерское городище. 53. Переяславль-Хмельницкий. 54. Пражев. 55. Привольное. 56. Рипнев. 57. Ромашки. 58. Росава. 59. Синицивка-Сабатиновка. 60. Солончены. 61. Средние Жоры. 62. Сумы. 63. Сухостав. 64. Троцки. 65. Червона Слобода. 66. Черепин. 67. Чернолесск. 68. Черняхов. 69. Явин. 70. Ягнятин.

в) Отдельные врезанные волнистые линии. 1. Березовка. 2. Викнины Великие. 3. Вороновицы. 4. Городище Шепетовское. 5. Домашканы. 6. Журавка ольшанская. 7. Кабуска Веке. 8. Каменка-Днепровская. 9. Квитки. 10. Кирилловка — 2. 11. Комаров. 12. Комрат. 13. Костянец. 14. Лески. 15. Ломоватое — 1. 16. Ломоватое — 2. 17. Лука-Врублевецкая. 18. Лукашевка-Пачино. 19. Мирополье. 20. Насташка. 21. Незвиско. 22. Неслухов. 23. Ново-Липовское. 24. Новоселка Костюкова. 25. Осокоровка. 26. Пастшец. 27. Рипнев. 28. Соломыя, напротив села. 29. Синицивка-Сабатиновка. 30. Солончены.

г) Многорядные прямые врезанные полосы, прочерченные гребенкой. 1. Викнины Великие. 2. Вороновицы. 3. Городище Шепетовское. 4. Даловицы. 5. Делакеу. 6. Домашканы. 7. Загайканы. 8. Комароз. 9. Кут. 10. Ломоватое — 1. 11. Лука-Врублевецкая. 12. Малый Ржавец. 13. Насташка. 14. Незвиско. 15. Неслухов. 16. Ново-Липовское. 17. Пастерское городище. 18. Соломыя, напротив села. 19. Синицивка-Сабатиновка. 20. Слободище.

д) Многорядные врезанные волнистые полосы, прочерченные гребенкой. 1. Белелуя. 2. Викнины Великие. 3. Вороновицы. 4. Выгнанка. 5. Голиграды. 6. Городище Молдавское. 7. Григоровка. 8. Даловицы. 9. Домашканы. 10. Дубковец. 11. Загайканы. 12. Комаров. 13. Коновка. 14. Кринички. 15. Лука-Врублевецкая. 16. Малый Ржавец. 17. Насташка. 18. Незвиско. 19. Неслухов. 20. Новоселка Костюкова. 21. Остров. 22. Пастерское городище. 23. Попелюхи. 24. Рипнев. 25. Слободище. 26. Средние Жоры. 27. Сухостав. 28. Черепин.

е) Вдавления и насечки. 1. Беседовка. 2. Великая Слободка — б. В. Мукша. 3. Викнины Великие. 4. Городище Шепетовское. 5. Данилова Балка. 6. Завалье — 1. 7. Звенигородка, в ее районе. 8. Жуковцы. 9. Журавка ольшанская. 10. Иосиповка. 11. Каменка-Днепровская. 12. Кирилловка — 2. 13. Коблево — 2. 14. Комаров. 15. Костянец. 16. Курипчино. 17. Кут. 18. Лески. 19. Ломоватое — 1. 20. Ломоватое — 2. 21. Лука-Врублевецкая. 22. Моринцы. 23. Незвиско. 24. Неслухов. 25. Овчарня совхоза Приднепровского. 26. Остров. 27. Паланка, пос. в Молдавии (?). 28. Пражев. 29. Рипнев. 30. Рудки. 31. Синицивка-Сабатиновка. 33. Солончены. 34. Сухостав. 35. Ягнятин.

ж) Штриховка, щербины и другие способы сделать поверхность шероховатой. 1. Беседовка. 2. Викнины Великие. 3. Выграев. 4. Дедовщина. 5. Дубиново. 6. Журавка ольшанская. 7. Иосиповка, у колодца. 8. Ломоватое — 1. 9. Остров. 10. Пражев. 11. Курипчино. 12. Костянец. 13. Незвиско. 14. Никольское. 15. Новотроицкое. 16. Привольное. 17. Шкаровка. 18. Ягнятин.

Выпуклые узоры

а) Уступы, расчленяющие поверхность. 1. Августиновка. 2. Анастасьевка. 3. Балцаты. 4. Быстрик. 5. Будешты мо-

гильник. 6. Викнины Великие. 7. Вила Ярузская. 8. Городище Шепетовское. 9. Гурбинцы. 10. Данилова Балка. 11. Дебеславцы. 12. Делакеу. 13. Дубиново. 14. Житный завод на Роменщине. 15. Журавка ольшанская. 16. Золотая Балка. 17. Звенигородка, в ее районе. 18. Каменка-Днепровская. 19. Каменка-Молдавская. 20. Киевская область. 21. Комаров. 22. Комрат. 23. Коровинцы. 24. Красный поселок. 25. Кринички. 26. Кут. 27. Лапутна. 28. Лебедин. 29. Лески. 30. Ломоватое — 1. 31. Ломоватое — 2. 32. Лохвица. 33. Лука-Врублевецкая. 34. Малаешты. 35. Марьяновка. 36. Маслово. 37. Михайловка. 38. Неслухов. 39. Никольское. 40. Ново-Александровка. 41. Овчарня совхоза Приднепровского. 42. Оникшаны. 43. Пражев. 44. Привольное. 45. Ромашки. 46. Синицивка-Сабатиновка. 47. Солончены. 48. Средние Жоры. 49. Стрижановка. 50. Тишково — 1. 51. Федоровка. 52. Червона Слобода. 53. Черняхов. 54. Явин. 55. Ягнятин. Случайные находки в Молдавии и Подолии.

б) Отдельные валики. 1. Августиновка. 2. Анастасьевка. 3. Березовка. 4. Богдановка. 5. Будешты, мог. 6. Быстрик. 7. Великая Слободка — б. В. Мукша. 8. Викнины Великие. 9. Вила Ярузская. 10. Вовчинцы. 11. Волосское. 12. Вороновицы. 13. Глибочек. 14. Голиграды. 15. Голубьевка. 16. Городище Шепетовское. 17. Гриневка. 18. Грушевка Апостольская. 19. Грушевка Кельменецкая. 20. Гущинцы. 21. Данилова Балка. 22. Дедовщина. 23. Делакеу. 24. Днепропетровск, в его районе. 25. Дубиново. 26. Жуковцы. 27. Житницы. 28. Журавка ольшанская. 29. Завалье — 1. 30. Загайканы. 31. Заплазы. 32. Звенигородка, в ее районе. 33. Золотая Балка. 34. Иванив. 35. Иванковцы. 36. Иосиповка. 37. Кабуска Веке. 38. Каменечье. 39. Каменка-Днепровская. 40. Каменка-Молдавская. 41. Кантемировка, мог. 42. Катериновка. 43. Квитки. 44. Кишинев. 45. Коблево — 2. 46. Комаров. 47. Комрат. 48. Коновка. 49. Коровинцы. 50. Костянец. 51. Кошары. 52. Кринички. 53. Курипчино. 54. Кут. 55. Лески. 56. Ломоватое — 1. 57. Ломоватое — 2. 58. Лохвица. 59. Лука-Врублевецкая. 60. Лукашевка-Пачино. 61. Макарьевка. 62. Малаешты, мог. 63. Малый Ржавец. 64. Марьяновка. 65. Маслово. 66. Михайловка Балтская. 67. Михайловка Ново-Воронцовская. 68. Мирополье. 69. Моринцы. 70. Незвиско. 71. Неслухов. 72. Никольское. 73. Ново-Александровка. 74. Новое Кондаково. 75. Ново-Липовское. 76. Новоселка Костюкова. 77. Новотроицкое. 78. Овчарня совхоза Приднепровского. 79. Ольшаница — III. 80. Ольшанка. 81. Оникшаны. 82. Осокоровка. 83. Первомайск — 1. 84. Переорки. 85. Пересадовка. 86. Пересечное. 87. Переяславль-Хмельницкий. 88. Погорелое. 89. Пореславль-Хмельницкий. 90. Рипелюхи. 91. Привольное. 92. Рипнев. 93. Рокитное. 94. Ромашки, мог. 95. Рудки. 96. Сугановка. 97. Саломыя, напротив села. 98. Семеновка. 99. Синицивка-Сабатиновка. 100. Скрагливка. 101. Сокол. 102. Солонцены. 103. Сорока. 104. Средние Жоры. 105. Стеблев. 106. Суботцы (Крутая Балка). 107. Сумы 108. Сухостав. 109. Ташино. 110. Тимара. 111. Тимково — 1. 112. Телешевка. 113. Устье. 114. Червона Слобода. 115. Черепин. 116. Черняхов. 117. Федоровка. 118. Явин. 119. Ягнятин. 120. Яруга. Случайные находки из Подолии.

в) Ряды параллельных валиков и рифление. 1. Августиновка. 2 Анатольевка. 3. Березовка. 4. Будешты, мог. 5. Бураки. 6. Быстрик. 7. Викнины Великие. 8. Вила Ярузская. 9. Волосское. 10. Вороновицы. 11. Глибочек. 12. Городище Шепетовское. 13. Даловицы. 14. Данилова Балка. 15. Домашканы. 16. Жуковцы. 17. Журавка ольшанская. 18. Завадовка. 19. Загайканы. 20. Заплавы. 21. Звенигородка, в ее районе. 22. Золотая Балка. 23. Иванив. 24. Иосиповка. 25. Калиновка. 26. Каменка. 27. Кантемировка. 28. Каркмазы. 29. Квитки. 30. Комаров. 31. Коновка. 32. Коровинцы. 33. Кринички. 34. Кудринцы. 35. Курипчино. 36. Кут. 37. Лепесовка. 38. Лески. 39. Ломоватое — 1. 40. Ломоватое — 2. 41. Лохвица. 42. Лука-Врублевецкая. 43. Лукашевка-Пачино. 44. Макарьевка. 45. Малаешты, мог. 46. Малый Ржавец. 47. Маркауцы. 48. Маслово. 49. Михайловка Балтская. 50. Михайловка Ново-Воронцовская. 51. Насташка. 52. Незвиско. 53. Неслухов. 54. Никольское. 55. Никополь. 56. Ново-Александровка. 57. Новое Кондаково. 58. Новоселка Костюкова. 59. Новотроицкое. 60. Овчарня совхоза Приднепровского. 61. Ольховец. 62. Осокоровка. 63. Первомайск — 1. 64. Переяславль-Хмельницкий. 65. Пищальники. 66. Поликтаровка. 67. Привольное. 68. Ржищев. 69. Рипнев. 70. Семеновка. 71. Синицивка-Сабатиновка. 72. Снигиревка. 73. Солончены. 74. Сорока. 75. Старая Сынжерея. 76. Сумы. 77. Сухостав. 78. Таращинский. 79. Тимково. 80. Устье. 81. Федоровка. 82. Червона Слобода. 83. Черепин. 84. Черняхов. 85. Ягнятин.

г) Орнамент фигурными налепами и выпуклостями. 1. Ломоватое — 1. 2. Лука-Врублевецкая. 3. Рипнев.

Лощеный орнамент

а) Полосчатое лощение. 1. Будешты, мог. 2. Викнины Великие. 3. Гущиницы. 4. Жуковцы. 5. Кабуска Веке. 6. Кринички. 7. Лески. 8. Ломоватое — 1. 9. Лука-Врублевецкая. 10. Маркауцы. 11. Ново-Александровка. 12. Незвиско. 13. Неслухов. 14. Николаевка. 15. Новоселка Костюкова. 16. Маркауцы. 17. Ново-Липовское. 18. Онишканы. 19. Пастерское городище. 20. Паланка, пос. № 16 по отчету А. И. Мелюковой. 21. Рипнев. 22. Сухостав. 23. Стретовка. 24. Тимара. 25. Черепин. 26. Случайные находки в Надпорожье.

б) Зигзагообразный орнамент и его дериваты. *Лощеный зигзаг одно- и многорядный.* 1. Анастасьевка. 2. Арбузин — 1. 3. Бальцаты. 4. Будешты, мог. 5. Быстрик. 6. Викнины Великие. 7. Вила Ярузская. 8. Волоское. 9. Грушевка. 10. Даловцы. 11. Данилова Балка. 12. Дебяславцы. 13. Делакеу. 14. Дубиново. 15. Жуковцы. 16. Журавка ольшанская. 17. Загайканы. 18. Звенигородка, в ее районе. 19. Золотая Балка. 20. Иванковцы. 21. Кабуска Веке. 22. Каменка-Днепровская. 23. Каменка-Молдавская. 24. Кантемировка. 25. Капустино. 26. Квитки. 27. Кирилловка — 2. 28. Комаров. 29. Костянец. 30. Кринички. 31. Красный Поселок. 32. Кудринцы. 33. Кут. 34. Лапушна. 35. Лепесовка. 36. Лески. 37. Ломоватое — 1. 38. Ломоватое — 2. 39. Лука-Врублевецкая. 40. Лукашевка-Пачино. 41. Малаешты, мог. 42. Малый Ржавец, пос. 43. Мана. 44. Маслово. 45. Мудровка. 46. Насташка. 47. Незвиско. 48. Неслухов. 49. Никольское. 50. Ново-Александровка. 51. Новое Кондаково. 52. Ново-Липовское. 53. Новоселка Костюкова. 54. Новотроицкое. 55. Овчарня совхоза Приднепровского. 56. Озаринцы. 57. Онишканы. 58. Осокоровка. 59. Пастерское городище. 60. Переорки. 61. Пересадовка. 62. Паланка — пос. № 16 по отчету А. И. Мелюковой. 63. Пражев. 64. Привольное. 65. Рипнев. 66. Рудки. 67. Синицивка-Сабатиновка. 68. Слободзея Душа. 69. Снигиревка. 70. Солончены. 71. Средние Жоры. 72. Сумы. 73. Сухостав. 74. Тимково — 1. 75. Устье. 76. Федоровка. 77. Червона Слобода. 78. Черепин. 79. Черняхов. 80. Явин. 81. Ягнятин. 82. Случайная находка из Киевской области.

Зигзаги, образованные группами параллельных лощеных линий, имеющих противоположный наклон. 1. Августиновка. 2. Викнины Великие. 3. Данилова Балка. 4. Звенигородка, в ее районе. 5. Каменка-Днепровская. 6. Каменка-Молдавская, 7. Кирилловка — 2. 8. Комаров. 9. Кошары. 10. Кринички. 11. Лески. 12. Ломоватое — 1. 13. Ломоватое — 2. 14. Лука-Врублевецкая. 15. Насташка. 16. Незвиско. 17. Неслухов. 18. Ново-Александровка. 19. Овчарня совхоза Приднепровского. 20. Онишканы. 21. Рипнев. 22. Рудки. 23. Синицивка-Сабатиновка. 24. Солончены. 25. Федоровка. 26. Черняхов.

Зигзаг из вписанных один в другой углов. 1. Комаров. 2. Лука-Врублевецкая. 3. Незвиско. 4. Неслухов. 5. Ново-Александровка. 6. Новоселка Костюкова. 7. Привольное. 8. Черепин. 9. Черняхов.

Зигзаг из заштрихованных треугольников. 1. Жуковцы. 2. Журавка ольшанская. 3. Загайканы. 4. Каменка-Днепровская. 5. Каменка-Молдавская. 6. Квитки. 7. Коблево — 2. 8. Комаров. 9. Костянец. 10. Кринички. 11. Лепесовка. 12. Ломоватое — 2. 13. Лука-Врублевецкая. 14. Малаешты, мог. 15. Малый Ржавец. 16. Моринцы. 17. Насташка. 18. Неслухов. 19. Овчарня совхоза Приднепровского. 20. Ольховец. 21. Пастерское городище. 22. Солончены. 23. Сухостав. 24. Устье. 25. Червона Слобода. 26. Черняхов. 27. Ягнятин.

Вертикальный зигзаг. 1. Лески. 2. Лука-Врублевецкая. 3. Лукашевка-Пачино. 4. Малаешты, мог. 5. Неслухов. 6. Переяслав-Хмельницкий. 7. Рипнев.

Зигзаг, образованный гирляндами прощенных линий. 1. Августиновка. 2. Волосское. 3. Каменка-Днепровская. 4. Капустино. 5. Ново-Александровка. 6. Паланка — пос. № 16 по отчету А. И. Мелюковой. 7. Привольное.

в) Сетчатый орнамент. 1. Августиновка. 2. Березовка. 3. Брага. 4. Белгород-Днестровский, пос. 5. Викнины Великие. 6. Вороновицы. 7. Выграев. 8. Городище Шепетовское. 9. Гущинцы. 10. Данилова Балка. 11. Житницы. 12. Жуковицы. 13. Журавка ольшанская. 14. Загайканы. 15. Каменечье. 16. Каменка-Днепровская. 17. Комаров. 18. Кошары. 19. Кринички. 20. Кут. 21. Лепесовка. 22. Лески. 23. Ломоватое — 1. 24. Ломоватое — 2. 25. Лука-Врублевецкая. 26. Лукашевка-Пачино. 27. Маркауцы. 28. Маслово. 29. Насташка. 30. Незвиско. 31. Неслухов. 32. Никополь (?). 33. Ново-Александровка. 34. Ново-Липовское. 35. Новоселка Костюкова. 36. Новотроицкое. 37. Овчарня совхоза Приднепровского. 38. Осокоровка 39. Переяславль-Хмельницкий. 40. Привольное. 41. Рипнев. 42. Ромашки, пос. 43. Рудки. 44. Самородня. 45. Синицивка-Сабатиновка. 46. Солончены. 47. Сумы. 48. Сухостав. 49. Тимко-

во — 1. 50. Червона Слобода. 51. Черепин. 52. Черняхов. 53. Явин. 54. Ягнятин.

г) Орнамент параллельными угловатыми линиями. 1. Никольское. 2. Каменка-Днепровская. 3. Кринички. 4. Неслухов. 5. Новоселка — Костюкова. 6. Овчарня совхоза Приднепровского. 7. Переяславль-Хмельницкий. 8. Привольное. 9. Солончены. 10. Черняхов.

д) Орнамент косонаправленными и вертикальными параллельными линиями. 1. Викнины Великие. 2. Дедовщина. 3. Делакеу. 4. Жуковцы. 5. Каменка-Днепровская. 6. Комаров. 7. Кут. 8. Лески. 9. Лука-Врублевецкая. 10. Лукашевка-Пачино. 11. Мана. 12. Моринцы. 13. Неслухов. 14. Никольское. 15. Ново-Александровка. 16. Ново-Липовское. 17. Новотроицкое. 18. Овчарня совхоза Приднепровского. 19. Остров. 20. Привольное. 21. Рипнев. 22. Червона Слобода. 23. Черепин. 24. Ягнятин.

е) Елочный орнамент. 1. Заплазы. 2. Комаров. 3. Лука-Врублевецкая. 4. Малаешты, мог. 5. Моринцы. 6. Неслухов. 7. Овчарня совхоза Приднепровского. 8. Стеблев — 2. 9. Сухостав.

ж) Лощеная орнаментация дна сосуда. 1. Будешты, мог. 2. Квитки. 3. Лески. 4. Овчарня совхоза Приднепровского. 5. Случайная находка из Поднепровья.

3) Орнамент округлыми и овальными лощеными ямками и желобками. 1. Беседовка. 2. Брага. 3. Быстрик. 4. Вила Ярузская. 5. Глибочек. 6. Жуковцы. 7. Каменечье. 8. Каменка-Днепровская. 9. Кантемировка, мог. 10. Капустино. 11. Комаров. 12. Кут. 13. Лука-Врублевецкая. 14. Маслово. 15. Негин. 16. Неслухов. 17. Никольское. 18. Ново-Липовское. 19. Овчарня совхоза Приднепровского. 20. Пражев. 21. Паланка — пос. № 16 по отчету А. И. Мелюковой. 22. Привольное. 23. Рипнев. 24. Романово Село. 25. Сухостав. 26 Федоровка. 27. Чернолесск. 28. Случайная находка в Поросье.

Чеканно-штампованный орнамент

а) Чеканный орнамент наколами гребенки и зубчатым колесиком. 1. Августиновка. 2. Березовка. 3. Беседовка. 4. Богдановка. 5. Брага. 6. Будешты, мог. и пос. 7. Викнины Великие. 8. Вила Ярузская. 9. Вороновицы. 10. Дедовщина. 11. Днепропетровск, в его районе. 12. Жуковцы. 13. Завадовка. 14. Золотая Балка. 15. Калиновка — 1. 16. Каменечье. 17. Каменка-Днепровская. 18. Капустино. 19. Кирилловка — 2. 20. Комаров. 21. Коновка. 22. Коровинцы. 23. Кут. 24. Лески. 25. Лохвица. 26. Лука-Врублевецкая. 27. Малаешты, мог. 28. Маслово. 29. Неслухов. 30. Никольское. 31. Ново-Александровка. 32. Новотроицкое. 33. Овчарня совхоза Приднепровского. 34. Погорелое. 35. Привольное. 36. Рипнев. 37. Ромашки, пос. 38. Станислав. 39. Стретовка. 40. Сумы. 41. Сухостав. 42. Терпиловка. 43. Черепин. 44. Чернолесск. 45. Черняхов. 46. Случайная находка из б. Подольской губ. С. С. Гамченко 1913 г.

б) Штампованный углубленный орнамент. 1. Брага. 2. Будешты, мог. 3. Викнины Великие. 4. Вила Ярузская. 5. Вороновицы. 6. Глибочек. 7. Грицивцы. 8. Журавка ольшанская. 9. Звенигородка, в ее районе. 10. Золотая Балка. 11. Иванковцы. 12. Иосиповка. 13. Калиновка — 1. 14. Комаров. 15. Коновка. 16. Коровинцы. 17. Лески. 18. Лохвица. 19. Лука-Врублевецкая. 20. Макарьевка. 21. Марьяновка. 22. Маслово. 23. Негин. 24. Незвиско. 25. Неслухов. 26. Ново-Александровка. 27. Новотроицкое. 28. Овчарня совхоза Приднепровского. 29. Онишканы. 30. Погорелое. 31. Паланка — пос. № 16 в отчете А. И. Мелюковой. 32. Ромашки, пос. 33. Синицивка-Сабатиновка. 34. Стретовка. 35. Сумы. 36. Сухостав. 37. Терпиловка. 38. Червона Слобода. 39. Черепин. 40. Черепин Корсунь-Шевченковский. 41. Черняхов.

Украшения дополнительной профилировкой

а) Обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр. 1. Вороновицы. 2. Кантемировка, мог. 3. Коровинцы. 4. Лука-Врублевецкая. 5. Маслово. 6. Овчарня совхоза Приднепровского. 7. Пражев. 8. Сумы. 9. Черняхов. 10. Ягнятин.

б) Обработка овальными срезами грани тулова. 1. Букрин. 2. Будешты, мог. 3. Викнины Великие. 4. Вила Ярузская. 5. Журавка ольшанская. 6. Завалье — 1. 7. Золотая Балка. 8. Кантемировка. 9. Катериновка. 10. Комаров. 11. Коровинцы. 12. Лука-Врублевецкая. 13. Малаешты, мог. 14. Марьяновка. 15. Маслово. 16. Овчарня совхоза Приднепровского. 17. Пражев. 18. Рудки. 19. Стретовка. 20. Суботцы. 21. Сумы. 22. Сухостав. 23. Червона Слобода. 24. Черняхов.

в) Обработка косыми каннелюрами грани тулова. 1. Башмачка. 2. Березовка. 3. Быстрик. 4. Гурбинцы. 5. Данилова

Балка. 6. Каменка-Молдавская. 7. Кантемировка, мог. 8. Капустино. 9. Кирилловка — 2. 10. Комаров. 11. Кринички. 12. Кут. 13. Лески. 14. Ломоватое — 1. 15. Ломоватое — 2. 16. Лохвица. 17. Лука-Врублевецкая. 18. Малаешты, мог. 19. Ново-Александровка. 20. Новотроицкое. 21. Овчария совхоза Приднепровского. 22. Пересечное. 23. Паланка — пос. № 16 по отчету А. И. Мелюковой. 24. Пражев. 25. Семеновка. 26. Синицивка. 27. Синицивка-Сабатиновка. 28. Скрагливка. 29. Устье. 30. Черняхов. 31. Шкаровка. 32. Ягнятин.

г) Фигурная обработка ручек сосудов. 1. Коровинцы. 2. Кринички. 3. Ново-Александровка. 4. Ново-Липовское. 5. Овчария совхоза Приднепровского. 6. Рипнев.

* * *

Просмотр предложенных списков позволяет наглядно убедиться в том, что почти ни один из видов орнамента не имеет узко локального распространения. Все основные виды пластичного, лощеного, чеканно-штампованного орнамента, а также орнамента дополнительной профилировкой встречается в общем на всей территории распространения черняховских памятников. В то же время орнаменты многорядными волнистыми линиями, выполненные гребнем, отмечены преимущественно в западных областях распространения памятников черняховского типа; характерен для западных памятников также вертикальный зигзаг (исключение — миска из Переяславля-Хмельницкого); зигзаг, образованный гирляндами пролощенных линий, главным образом встречается на южных надпорожских и степных памятниках первых веков н. э. Более детальное территориальное ограничение может быть произведено при рассмотрении некоторых характерных мотивов орнаментации. Так, в статье, посвященной сосудам-хранилищам, нами было отмечено, например, распространение в Побужье орнамента на двух параллельных валиках косонаправленными вдавлениями «в елочку»[125]. Только в наиболее западных областях встречаются линии, исполненные идущими подряд вдавлениями палочки или знака в виде свастики в Поросье.

Орнаментация округлыми лощеными ямками, как кажется, присуща в основном областям Поднепровья, в особенности Надпорожья и Нижнего Днепра, в то время как кубки, украшенные глубокими вертикальными овальными углублениями, известны в западных областях. Дальнейшее накопление орнаментированных образцов керамики позволит определить области их локализации и выяснить специфику орнаментации тех гончарных центров, которые снабжали посудой данную область.

[125] Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 269.

ХРОНОЛОГИЯ ЧЕРНЯХОВСКИХ ОРНАМЕНТОВ

Хронологическое распределение черняховских орнаментов затруднено недостаточно детально разработанными датировками вообще памятников этого времени. Основаниями для распределения являются нахождение соответствующих типов орнаментации на одно-слойных ранне- или позднечерняховских памятниках или залегание отдельных орнаментированных образцов керамики в комплексах с импортными, достаточно хорошо датированными вещами. Предварительно выделенные как ранние черняховские поселения II—III вв. н. э. в Грушевке, Ломоватом — I [126], Никольском [127] и сравнительно раннее поселение в Привольном [128] обращают на себя внимание отличиями, специфическими чертами керамического комплекса. Эти памятники от более поздних отличает относительное изобилие лепной посуды и отсутствие разнообразной орнаментации гончарной, а также меньшее разнообразие форм ее. Пластическая орнаментация в большинстве случаев недостаточно выразительная, но для лепной керамики, например, уже в раннечерняховское время характерно ошершавливание поверхности горшка, который для этого обваливали в песке и покрывали пальцевыми вдавлениями или защипами (Викницы Великие, Никольское, Пражев и др.). Встречается в это время грубая лепная посуда с валиком под венчиком или врезами

[126] Э. А. Сымонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, № 1, стр. 248—252; он же. Раннечерняховское поселение у с. Ломоватого на Днепре. КСИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1959, стр. 55—59.

[127] А. Т. Брайчевська. Поселення черняхівського типу в с. Микольське на Дніпрі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 86—92.

[128] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, стр. 125—152. Для датировки могильника IV в. н. э., определенной автором, недостаточно оснований.

и вдавлениями по краю (Ломоватое — 1). На гончарной посуде в раннечерняховское время встречаются простые лощеные зигзаги или сетчатые полосы, не образующие сложных производных орнаментов. Также пунктирные линии не образуют прихотливых сплетений и вообще они еще мало бывают распространены в раннечерняховское время. Показательны в этом отношении раскопки в Ломоватом — 1, в течение двух сезонов не давшие образцов ни пунктирного, ни штампованного орнамента. Овальные срезы по грани тулова также нехарактерны для посуды II—III вв. н. э. Характерны подражания провинциально-римским причерноморским мискам с вертикальным краем и выступом — валиком по грани тулова. Уже в раннее время прослеживаются существенные отличия в посуде поселений и могильников. Так, на раннечерняховском могильнике в Каменке-Днепровской, где преобладали погребения с трупосожжением, найдены образцы посуды, достаточно богато орнаментированной. Однако рассмотрение большинства орнаментальных мотивов подтверждает наблюдение об ограниченности видов и мотивов орнаментации. В Каменке-Днепровской мы не знаем сложных лощеных узоров, а лишь простой зигзаг и сетку; пунктирные линии образуют вместе с лощеными или сами по себе также только несколько усложненные зигзагообразные узоры. Штамп неизвестен. Нет сосудов, украшенных овальными срезами по грани тулова. Даже косые каннелюры на мисках встречены только один раз, причем это скорее косые вдавления, проведенные на расстоянии, чем каннелюры в собственном смысле слова. При этом каменские захоронения хорошо датируются. В трех могилах с сожжением, вместе с большим количеством местной керамики, встречены обломки узкогорлых светлоглиняных амфор II—III вв. н. э., и с территории могильника происходит даже еще более ранняя фибула позднелатенской схемы с надписью AVCISSA. Интересно, что многие трехручные миски с этого памятника снабжены Х-образными выступами-ручками, которые часто встречаются на пшеворской посуде. О тех же связях говорит орнамент изогнутыми лощеными параллельными линиями с лощеными ямками, заключенными между ними [129]. К сожалению, могильники раннечерняховского времени лесостепной зоны недостаточно изучены, чтобы считать все описанные особенности могильника в Каменке типичными для всей территории распространения памятников черняховского типа.

К периоду расцвета черняховской культуры, к III в. и особенно IV в. относится большинство богато и разнообразно орнаментированной посуды. Создание самобытных богатых узоров с помощью разнообразных технических приемов, подражания античной глиняной, стеклянной и металлической посуде — характерные особенности этого периода. Про орнаментацию лепной керамики нельзя многого сказать, ввиду почти полного исчезновения ее из употребления в этот период. В ней наблюдается сохранение традиций орнаментации предыдущей поры, проявляющихся в преднамеренном ошершавливании тулова лепного горшка. Так, в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского в одной из могил стоял яйцевидный лепной горшок с вертикальными беспорядочно нанесенными врезами и накрытый обломком гончарной лощеной миски. В другой могиле в большой сероглиняной гончарной посудине в виде кружки или одноручного широкогорлого кувшина были найдены обломки лепного горшка, поверхность которого была сплошь бессистемно покрыта наколами палочкой. В Журавке ольшанской и Иосиповке на правобережье в Среднем Поднепровье найдены обломки лепных яйцевидных сосудов, обваленных перед обжигом в песке. Гончарные кухонные горшки в отношении орнаментации мало чем отличаются от раннечерняховских, хотя формы и профили их чрезвычайно осложняются. Как исключение, появляются горшки, под венчиком украшенные лощеным зигзагом (Кринички и находка на Киевщине из собрания Государственного киевского исторического музея) или с овальными срезами по грани тулова (Букрин), (см. рис. 14, *1*), что тем не менее не является типичным. Сосуды-хранилища, сделанные на круге и появляющиеся в этот период, украшаются одной или многорядной врезанной волной, налепными валиками, вдавлениями и т. д. Богато украшенные разнообразных форм миски становятся широко распространенными. Лощеная орнаментация мисок приобретает подчас сложные формы, иногда позволяя подозревать определенный смысл в сочетании разнообразных узоров, которыми они были украшены. Усложняются формы зигзагообразного узора, распространяется орнамент косонаправленными и вертикальными

[129] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья, стр. 285—292, рис. 2—8

параллельными лощеными линиями, «елочный» орнамент и лощеная орнаментация дна сосуда. Миски украшают чеканными пунктирными линиями и отпечатками фигурного штампа, нередко в сочетании с другими приемами орнаментации. Вместо простых косых углублений или лощеных насечек по грани тулова миски нередко украшают овальными срезами или косыми каннелюрами, те и другие нередко обрамляя пунктирными линиями. Такие же способы украшения применяются и на гончарных кувшинах, сложная комплексная орнаментация которых, изысканность форм, фигурные ручки превращают их нередко в художественные произведения прикладного искусства. Достаточно широко стали распространяться такие находки, как сероглиняный кувшин из Ромашковского могильника [130] или чернолощеный кувшин из погребения представителя знати, найденный в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского [131].

Многообразие орнаментальных мотивов кубков удлиненных пропорций и полусферических форм этого времени с трудом поддается описанию. Вместо простой гладкой поверхности таких полусферических сосудов из Каменки-Днепровской, где только в одном случае кубок расчленяли крест накрест прочерченные пунктирные полосы, появляются сложнейшие узоры, где сочетаются лощеные линии и углубления, чекан и штамп. На некоторых мы видим сплошные исключительно пунктирные узоры (Черняхов) [132], другие украшены только отпечатками фигурного штампа (Ново-Александровка) [133], но большинство являют собой примеры смешения разных типов орнаментации. Удивительные образцы таких богато орнаментированных кубков дают среднеднепровские материалы (Черняхов), Надпорожье (Ново-Александровка и др.) и нижнеднепровские (овчарня совхоза Приднепровского). Безусловно для создания разнообразных шедевров гончарного производства, интересных как своими формами, так и орнаментацией, в III—IV вв. н. э. потребовался какой-то определенный сдвиг в развитии производительных сил.

Интересные результаты дало сравнение материалов вблизи расположенных разновременных черняховских поселений на Среднем Днепре, под Черкассами (Ломоватое — 1 — II—III вв. н. э., Лески, имеющие как ранний, так и поздний материал от II до IV в. н. э., и Червона Слобода — конца III и в основном, видимо, IV в. н. э.). Кроме вещевого и керамического комплекса, эти памятники отличали также типы жилищ.

Несмотря на сравнительно большие раскопки поселения Ломоватое — 1 (вскрыто около 700 кв. м), там было найдено очень немного орнаментированной посуды. Имеющиеся орнаменты неприхотливы. Нет сложных дериватов лощеного зигзага, отсутствует штамп, не встречаются овальные срезы по грани тулова сосуда и т. д. Лески — достаточно полно раскопанный памятник — занимает как бы промежуточное положение между Ломоватым — 1 и Червоной Слободой по количеству и разнообразию образцов орнаментированной посуды. Червона Слобода — сравнительно поздний черняховский памятник, который удалось раскопать только в малой степени, дает также образцы орнаментации, которые ни разу не встречены на Ломоватовском поселении, удаленном от него на расстояние не более 15—17 км. Есть обломки посуды, украшенные штампованной орнаментацией, овальными срезами по грани тулова и т. п. Для наглядности основные типы орнаментов посуды с этих памятников сведены нами в одной табл. I.

Такую же картину дает сопоставление образцов орнаментированной керамики из Кута с материалами раннечерняховского, вблизи расположенного поселения Грушевка. Их отделяет не более 2 км, но по богатству орнаментальных мотивов и их разнообразию находки из Кута не идут ни в какое сравнение с более ранним по времени поселением в Грушевке. Из Кута, например, происходит уникальный сложно украшенный обломок миски, описанный нами в разделе, посвященном редким образцам лощеной орнаментации.

В эпоху расцвета черняховской культуры встречается гораздо больше узоров, воспроизводящих орнаментацию античной посуды. Так, в лощеных ямках, украшающих сосуд, нередко можно усматривать явное подражание шлифованной орнаментации стеклянных сосудов, в фигурных плоскостях, соединяющих ручки чернолощеных сосудов с краем, видны попытки воссоздать металлические изделия позднеримского времени и т. д. Некоторые лепные сосуды в свою очередь воспроизводят как местные, так и античные формы

---

[130] Очерки истории СССР III—IX вв. н. э. М., 1958, рис. на стр. 50.

[131] Всемирная история, т. II. М., 1956, стр. 707.

[132] В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье, табл. XXI.

[133] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья, стр. 188, табл. III, *1*.

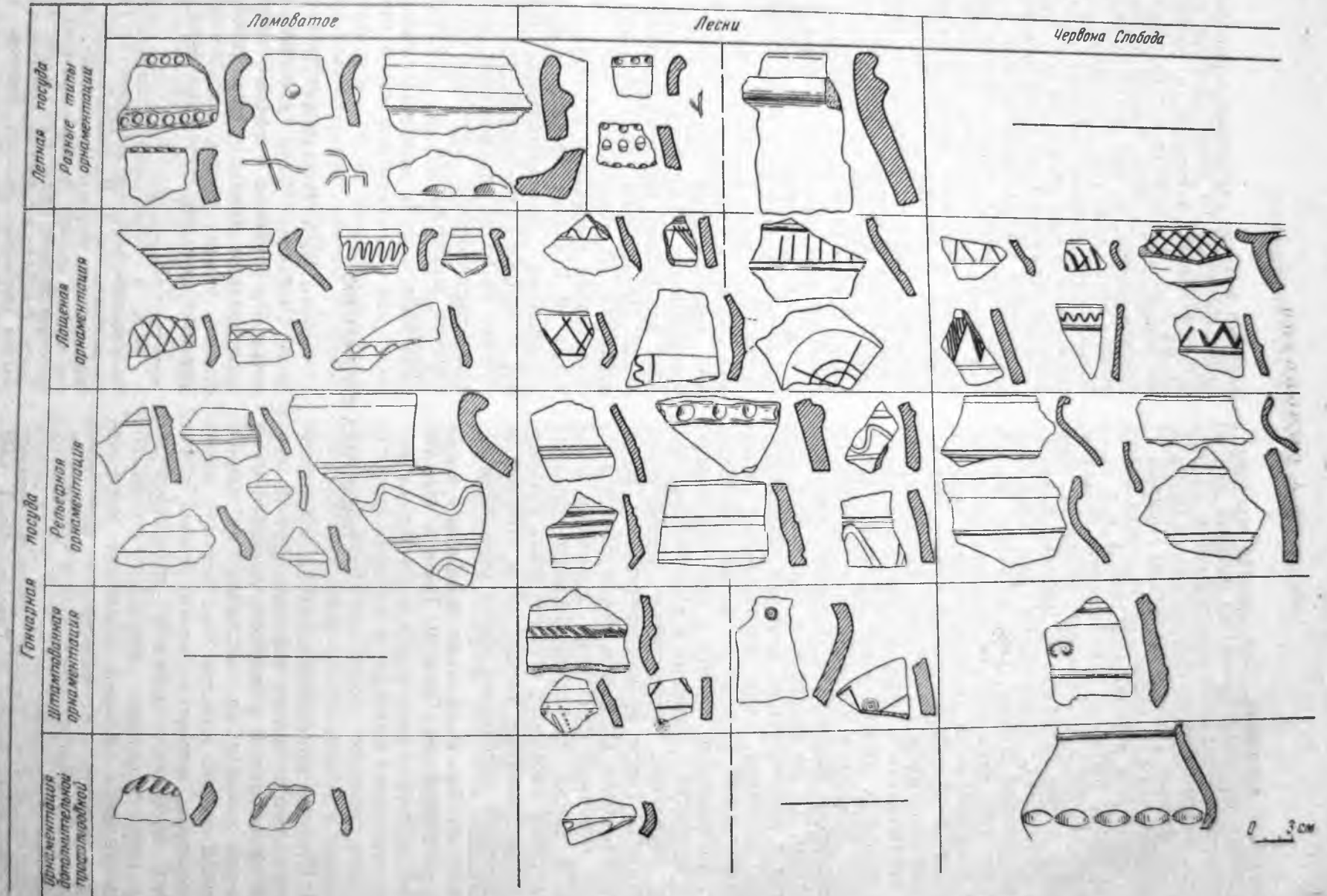

Таблица I. Типы орнаментации керамики на поселениях Черкасской области

гончарной керамики. Так, лепная мисочка с выступом по грани тулова из овчарни совхоза Приднепровского является попыткой сделать сосуд, напоминающий краснолаковые миски такой же формы. Лепной кувшин из Пищаны [134], с каннелюрами по грани тулова, имеет аналогии орнамента в гончарной посуде и т. д.

В эпоху расцвета черняховской культуры, в особенности в ее западных областях, появляются новые технические приемы выполнения орнамента, характерные для провинциально-римской посуды. Так, например, мы обращали уже внимание на зигзаги, образованные многорядными параллельными линиями, имеющими противоположный наклон, выполненные колесиком (Неслухов). Распространение вертикального лощеного зигзага в западных областях черняховской культуры также следует объяснить контактами с местным гето-дакийским населением областей липицкой культуры. То же касается и сарматских элементов в орнаментации, которые немногочисленны, например, ряды вертикальных параллельных линий в виде бахромы («полотенца»), позволяющих судить о времени появления и контакта с южными и восточными соседями населения, оставившего черняховские памятники. Такое взаимодействие не могло протекать позже III в. н. э., после которого исчезают типичные памятники липицкой культуры, а также преобразовывается культура сарматского населения степной зоны. Выявление заимствованных элементов в орнаментации поможет определить время появления некоторых мотивов украшений черняховской посуды. Несмотря на такое сложное смешение этнокультурных элементов в период III—IV вв. н. э. укрепляется и становится особенно самобытным стиль орнаментации черняховской посуды, во всех областях распространения этой культуры. Основные приемы и большинство мотивов орнаментации распространяются в этот период на всю территорию, занятую черняховскими памятниками.

Поздний период перерождения и исчезновения памятников черняховского типа пока еще изучен недостаточно. Но если считать позднечерняховскими такие памятники, как, например, Дедовщину, Ягнятин, то мы увидим, что в орнаментации посуды явно не прослеживается коренных изменений, хотя тенденция к огрублению дает себя знать также и здесь. Грубее становится гончарная посуда и увеличивается количество лепной. Например, в поздних землянках в Луке-Врублевецкой, где встречены фибулы с высоким держателем конца IV—V вв. н. э., найдены фрагменты лепных сосудов с валиком под венчиком. На лепных чернолощеных сосудах видны попытки воспроизвести косые каннелюры по грани тулова или мотивы позднепшеворской орнаментации. Не особенно разнообразно украшена керамика из Дедовщины, хотя продолжает сохраняться лощеная и пунктирная орнаментация. В Ягнятине мы видим сосуды даже украшенные дополнительной профилировкой — косыми каннелюрами по грани тулова. Однако от более определенных заключений о позднечерняховской орнаментации посуды следует воздержаться до получения новых сведений.

[134] М. Ю. Брайчевский. Материалы культуры полей погребений из Среднего Поросья, стр. 232, рис. 2, *1*.

СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТОВ

В. Стасову принадлежат слова: «Орнаменты всех вообще новых народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики — это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства» [135].

[135] В. Стасов. Русский народный орнамент. С объяснительным текстом В. Стасова, вып. 1. СПб., 1872, стр. XVI.

Работы В. А. Городцова, Л. А. Динцеса и Б. А. Рыбакова были посвящены поискам истоков и значению народных узоров [136]. Все исследования показали, как далеко в глубь времен уходят узоры, украшающие повседневные предметы народного быта. Как уста-

[136] В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. исторического музея, вып. 1. М., 1926; Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.—Л., 1936; он же. Древние черты в русском народном искусстве. Сб. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 483; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники). СА, 1948, № 1, стр. 90—106.

новлено, истоки некоторых элементов русского орнамента уходят в скифо-сарматские древности. Их смысловое значение забыто и лишь по традиции («так принято») их воспроизводят в вышивках, набойках, резьбе и т. д. Возникает вопрос, кто же принес в сокровищницу русского народного искусства из глубин древности эти узоры? В свою очередь прослеживаемая на огромных просторах общность основных мотивов орнаментации посуды черняховской культуры не могла возникнуть внезапно, и вряд ли такие совпадения сможет объяснить господство определенной моды или массовость производства посуды на продажу в крупных гончарных центрах типа Иголоми под Краковым. Уже не раз исследователи замечали, что для ранних этапов развития многих земледельческих культур характерна геометрическая орнаментация [137]. В то же время у многих древних народов узоры бывают, как правило, мало расцвечены, так как в них основное значение имеет линия [138]. Так и для русского древнейшего народного орнамента типичной считается геометрическая плоская резьба [139] или угловатые узоры на тканях [140]. Отсутствие связи в геометрическом орнаменте с мотивами, взятыми из живой природы, являются только кажущимися. В черняховскую эпоху большинство дошедших до нас узоров ярко выраженного геометрического характера связаны с посудой, т. е. с едой. Современные работы Н. Феттиха, В. Хенце и других показали, что геометрические орнаменты с давних времен имели глубокий смысл [141].

Мы далеки от принятия того изречения Макса Либермана, которое М. Шлезингер избрал эпиграфом для одной из глав своей книги, о том, что всякое изображение в искусстве является иероглифом [142]. В. Хенце, делая свои наблюдения, предостерегает против связывания любого орнамента с магией [143]. Однако еще более далеки от истины исследователи старой школы типа О. П. Косачевой, которые видели в орнаментах исключительно только эстетический смысл [144]. Б. А. Рыбаков, рассматривая старинные русские орнаменты в движении и развитии, отмечал: «В изобразительном творчестве деревни сосуществовали и состязались друг с другом два принципа: более древний магический и приходящий ему на смену принцип эстетический. Магический знак радовал предка и рождалось чувство красивого» [145]. Прежде чем перейти к попыткам определить смысл основных мотивов орнамента на черняховской посуде, заметим, что, по наблюдению искусствоведов, обычно сложные узоры составляются из простейших элементов. Элементами называем в данном случае изображения, которые не могут быть разложены на простейшие [146].

Одним из ведущих сюжетов черняховского керамического орнамента является, безусловно, зигзаг. Мы уже рассматривали его производные, лощеные заштрихованные треугольники, идущие один за другим, ряды вписанных один в другой углов, зигзаг, образованный гирляндами пролощенных линий. Не вполне ясно, возможно ли рассматривать другой широко распространенный сюжет — сетку — как самостоятельный узор или же как сложный зигзаг. То же относится к волне. Характерно, что зигзаг, наиболее часто выполнявшийся лощеными линиями, не являлся технически обусловленным орнаментом. Так, мы знаем образцы сосудов, украшенные углубленно-лощеными, скорее волнистыми, чем зигзагообразными, линиями, как, например, в Луке-Врублевецкой. В то же время некоторые многорядные и однорядные врезанные волнистые линии, нередко приобретающие характер зигзагов, выполнены чеканными пунктирными линиями. Таким образом, этот сюжет явно считался необходимым и полезным древнему человеку, необходимым в том смысле, о котором мы говорили во вступительных замечаниях, основываясь на исследованиях Комарасвами Ананда.

---

[137] W. Henze. Ornament, Dekor und Zeichnen. Dresden, стр. 46.

[138] J. Lehman. Die Ornamente der Natur und Halbkulturvölker. Frankfurt a. M., 1920, стр. 12.

[139] Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 4.

[140] И. Я. Богуславская. Ткань и набойка. Сб. «Русское народное искусство». Л., 1959, стр. 62.

[141] N. Fettich. Über der Sinn der prähistorischen Ornamente. Acta Archaeologica, T. XI, fasc. 1—4. Budapest. 1958, стр. 113; Henze. Указ. соч., стр. 26.

[142] M. Schlesinger. Geschichte des Symbols. Berlin, 1912.

[143] W. Henze. Указ. соч., стр. 26.

[144] О. П. Косачева. Украинский народный орнамент. Вышивки, ткани, писанки. Собрала О. П. Косачева. Киев, 1876, стр. 7.

[145] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. Сб. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 399.

[146] А. А. Бобринский. О некоторых символических знаках, общих в первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии. Тр. Ярославского обл. съезда. М., 1902, стр. 69; J. Lehman. Die Ornamente der Natur und Halbkulturvölker. Frankfurt a. M., 1920, стр. 9.

Вторым характерным способом орнаментации следует признать фигурный штамп. При рассмотрении материала уже была отмечена тенденция изображать на посуде или звездчатую розетку или вписанные один в другой кружки. Те и другие нередко бывают окружены зубчиками или пунктирными линиями. Прослеживаемое более узкое применение этого узора, главным образом в орнаментации кубков, не снижает его значимости. Дело в том, что родственный кружковому штампу циркульный орнамент украшает многочисленные произведения костерезного искусства, расширяя значительно рамки и удельный вес подобного узора. В частности, обращает внимание использование орнамента, близкого штампованному, при украшении костяных гребней или магических пирамидальных подвесок.

Как ни странно, искусствоведы очень мало интересовались семантикой орнаментов. Заслуги на этом поприще принадлежат в основном археологам и этнографам. В русской литературе попытка отыскать значение и смысл волны-зигзага были сделаны еще А. А. Бобринским. Им было высказано несколько предположений, преследовавших цель, как он заявил сам, привлечь внимание к изучению орнамента. По его мнению, змей, обожествленный у многих народов Греции, Индии и Руси, при изображении постепенно стилизуется, воплощаясь в орнаменте в виде зигзага [147]. В интереснейшей работе Л. Я. Штернберг подверг детальному рассмотрению орнаменты подобного рода. Л. Я. Штернберг, изучая айнские узоры, в основе их усмотрел два простых элемента — зигзаг и волну. Орнамент этот, по его словам, восходит еще к эпохе неолита и имеет реалистическое происхождение. Среди орнаментированных объектов оказались экземпляры с явным изображением змеи. Миф айнов рассказывает, что змей снизошел на землю со своей возлюбленной — богиней огня. Спускались на землю змеи и впоследствии в виде молнии, т. е. зигзага. Высшим айнским божеством являлось божество огня [148]. Небесный змей — молния — огонь — божество, способствующее плодородию и деторождению,— дитя небесного огня вода — волна — вот круг образов, связанных с изображением зигзагообразной или волнообразной линии [149]. Нет никаких оснований отрицать такое же значение зигзага-волны в орнаментации черняховской посуды. Представление о молнии, как об огне, никогда не вызывало сомнений [150]. В то же время не исключено, что сетчатый орнамент, который можно читать, как осложненный наложенный один на другой зигзаг, являлся изображением сетки дождя. В этом и заключается смысл орнаментации зигзагами и сеткой посуды, почти исключительно той, которую не ставили в огонь. Волна — зигзаг — сетка, выполненная в разной технике, украшает, как мы знаем, сосуды-хранилища, кубки, но чаще всего миски и кувшины. На горшках для варки пищи такой орнамент известен в единичных экземплярах, настолько редких, как например, горшок-урна из Каменки-Днепровской, что невольно напрашивается предположение о необычном использовании таких горшков, может быть, специально изготовленных. Опоясывающий его плечики трехрядный знак огня — молнии, по-видимому, должен был продолжить очистительное действие огня погребального костра, потому что сосуд был предназначен для того, чтобы сохранить кальцинированные кости — прах человека. Та же роль очищения воды и пищи выпадала блиставшему на стенках столовой посуды огненному зигзагу [151]. Пища, изготовленная на огне или очищенная его знаком — молнией, должна была предохранить человека от заболевания, принести ему много сил. В такой орнаментации столовой посуды отражается типичная как для черняховского, так и для древнеславянского искусства неразрывная связь узора с тем предметом, который он украшает [152]. Такая связь бытового назначения сосуда с определенным видом орнамента

---

[147] А. А. Бобринский. О некоторых символических знаках, общих в первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии, стр. 69—70.

[148] Л. Я. Штернберг. Айнская проблема. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. VIII, 1929, стр. 345—349.

[149] В. Вундт. Основы искусства. СПб., 1912, стр. 77; Г. Н. Потанин. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и северной Монголии. ЖМНП, ч. CCXIX. СПб., 1882, стр. 128, 317. Нас не должна смущать полисемантичность одного образа. Э. И. Соломоник справедливо отмечает многозначность как характерную особенность дописьменных знаков. См. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 22.

[150] M. Reimschneider. Der Wettergott. Leipzig, 1956, стр. 146.

[151] Защита содержимого сосудов с помощью орнаментов и знаков, нанесенных на них, известна у многих народов. См. W. Henze. Über die Ornamentik auf keramischen Gefäßen. Silikattechnik, Hf. III, 3, 1952, стр. 111; Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 107—108.

[152] Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 3.

помогает понять функциональное назначение последнего [153].

Значение молнии — зигзага — волны подтверждают исторические свидетельства. Прокопий Кесарийский сообщает об антах: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми» [154]. Показательно также, что дошедшие с древних времен волна-зигзаг заняли прочное место в южнорусском орнаменте, будучи оформлены по-разному в вышивке, резьбе, гончарном ремесле и т. д. Во вступительных замечаниях к «Истории украинского орнамента» Н. Макаренко писал о том, что древнейшая геометрическая орнаментация удержалась в народных изделиях из дерева, в вышивках и писанках. Как порождение эпохи переселения народов рассматривает он тератологические мотивы в народном искусстве, а в основе растительных сюжетов видит восточные и византийские влияния [155].

В разных районах Украины геометрический орнамент и, в частности изображения зигзага или волны, имеет большее или меньшее распространение. В подольской посуде такая орнаментация удерживалась до недавнего времени. В северной Подолии керамику одымляют, делая ее серой или черной, и наносят, шлифуя гладким камешком, узор из зигзагообразных линий, полос из параллельных косо направленных линий и т. п.[156] Распространена орнаментация различных изделий волной и зигзагом в центральных областях Украины, например, на Полтавщине [157]. Однако в центральных областях более распространены растительные и пышные цветочные узоры [158].

Севернее на Волыни и Черниговщине также встречаются геометрические узоры, имеющие во многом общее с русскими узорами [159]. Это особенно интересно еще потому, что, по словам О. П. Косачевой, «наиболее типичные темы украинской орнаментики берут свое начало в области северской или полесской на границах Белоруссии...» [160]. На приведенных ею многочисленных таблицах даны выразительные образцы осложненного зигзага.

О традиционном использовании геометрических орнаментов в народном искусстве, по ряду мотивов перекликающихся с черняховскими, говорит то, что каждый сюжет орнамента имеет на Украине свое название. Например, «прутик» — прямая линия; «хрещатик» — узор из крестов; «кривулька» — зигзаги и кривые линии; «клинчики» — углы и треугольники; «мережка» — сетка и т. п. [161]

Подытоживая, есть все основания сказать, что степень распространения в черняховскую эпоху зигзагообразного орнамента и его производных говорит о большом его значении в эту эпоху. Исторические и этнографические данные позволяют определить значение этих узоров, связанных с молнией — огнем — водой, изображения которых призваны были очищать столовую посуду вместе с едой, которая в ней находилась.

Рассмотрение наиболее распространенных сюжетов фигурного штампа с той же точки зрения приводит к тем же примерно выводам. Звездчатые розетки, концентрически вписанные одна в другую, и циркульные кружки следует рассматривать как знаки небесного огня — солнца, луны, звезд и других светил. Украшая преимущественно кубки, эти знаки выполняли ту же очистительную функцию. Обрамление розеток зубчиками или пунктирные линии вокруг них — это, по-видимому, символические изображения животворных лучей, приносящих на землю тепло и плодородие. Розетка, окруженная кружками, на кубке из могильника у овчарни совхоза Приднепровского скорее всего обозначает солнце и планеты. Миска из Погорелого, украшенная чередованием знаков треугольного штампа и кругов, вероятно, изображает чередование

---

[153] Казалось бы, должен нас смущать странный факт, что украшена подобным образом не вся столовая посуда. Однако, вероятнее всего, значение знака, восходящего к глубокой древности, в черняховскую эпоху должно было уже забываться, и он употреблялся как общепринятый и распространенный орнаментальный мотив. Ведь не все русские деревенские полотенца, например, украшали вышивки с изображениями солнечных коней, богинь и пр.

[154] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 297.

[155] Г. Павлуцький. Історія українського орнаменту (з предмовою Миколи Макаренка). Київ, 1927, стр. 13.

[156] А. Заремский. Народное искусство подольских украинцев. Л., 1928, стр. 40—41.

[157] Орнамент української вибійки. Київ, 1950, табл. № 1.

[158] Е. В. Берченко. Настінне малювання українських хат та господарських будівель, І. Дніпропетровщина. Харків — Київ, 1930, стр. 4.

[159] Орнамент української вибійки. Київ, 1950, стр. 5.

[160] О. П. Косачева. Украинский народный орнамент. Вышивки, ткани, писанки. Собрала О. П. Косачева. Киев, 1876, стр. 4.

[161] П. Я. Литвинова. Южнорусский народный орнамент. Черниговская губ., вып. 2. Собрала и составила П. Я. Литвинова. Харьков, 1902, стр. 15.

луны и солнца. Безусловно, имеют смысловое значение и другие сложные сюжеты, украшающие гончарные сосуды подобным образом. Сияние знаков-светил на стенках сосудов не могло не радовать глаз земледельца первой половины I тысячелетия н. э., жизнь которого зависела от благодетельности климата. Некоторые археологические факты уже наводили на мысль о почитании солнца в среде черняховского населения. Костяные гребни для волос нередко украшали вписанными один в другой циркульными кружками. Ключ к этим знакам дает находка из могилы представителя знати у овчарни совхоза Приднепровского. Многочастный гребень из погребения № 5 украшали звездчатые изображения, выполненные пунктиром, как бы изображающие сияние какого-то светила. На этом же памятнике другие гребни украшены обычными вписанными один в другой кружка́ми.

Голова человека играла особое значение в магии черняховского населения. Преднамеренное разрушение могил преследовало главным образом цель уничтожить череп. Известны специальные захоронения черепов, прослеженные В. В. Хвойкой в Поднепровье и Э. А. Рикманом в Молдавии. Безусловно, предметы, связанные с головой, как например, гребни, должны были иметь изображения очищающих солнечных знаков. Костяные пирамидальные подвески, нередко находимые на черняховских памятниках, также украшали циркульными кружками, что говорит об их отношении к культу солнца. Импортная бронзовая фигурка коня из Криничек также является косвенным свидетельством существования почитания солнца и его атрибута — коня [162]. Захоронение лошадиного черепа и четырех ног найдено на поселении в Ломоватом — 1, а в двух землянках в Журавке ольшанской на полу лежали лошадиные черепа, видимо, упавшие с конька крыши и служившие в качестве оберега.

О долгой борьбе христианства с солнцепочитанием мы знаем достаточно. Пережитки, проявляющиеся, например, в пускании с горы горящего колеса, масленичные обряды, прыганье через огонь и пр. [163] — все это отголоски распространенного на Руси с древности культа солнца — огня. До сей поры этнографические материалы сохраняют круглые, квадратные и ромбические знаки солнца, нередко аналогичные тем, которые украшали плечики, стенки и днища черняховских сосудов. Это или просто квадрат, или прямоугольник, или такая же фигура с прочерченной одной или двумя диагоналями. Подобный орнамент, выполненный пунктирными линиями (Каменка-Днепровская, овчарня совхоза Приднепровского) и лощением (Кут, Никольское, Марьяновка), мы уже знаем по находкам на стенках сосудов, например, на обломке керамики из с. Кут в центре прямоугольной фигуры, украшенной зигзагами, изображен ромб — старый солнечный знак. На некоторых днищах сосудов помещены кресты и квадратные фигуры, выполненные врезанными и лощеными линиями (Будешты, Квитки, Кирилловка — 2, Комаров (?), Лески, Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского) [164].

То же относится и к циркульным кружкам и розеткам, которые в вышивках, резьбе, разумеется, часто принимают более угловатые очертания. О правильном чтении таких знаков, как солнечных, говорят многолетние исследования орнаментов народов Сибири С. В. Ивановым [165]. Примеры современных русских и украинских этнографических материалов, украшенных розетками, кружками и квадратами, чрезвычайно многочисленны. Им много внимания уделяли Л. А. Динцес и другие исследователи [166].

Для правильного понимания смысла орнаментации посуды черняховской культуры большое значение имеют изображения на сосудах из Журавки ольшанской знаков в виде сегнерова колеса, являющихся стилизованным изображением свастики — древнейшего солнечного знака. Как известно, свастика встречается еще в эпоху бронзы на сосудах и широко распространена в чисто славянских узорах эпохи Киевской Руси, обозначая знак солнца.

---

[162] Э. А. Сымонович. Две статуэтки коня из Побужья. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 22—27.

[163] Л. А. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве. Сб. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 471.

[164] Аналогичная в ряде случаев орнаментация на днищах сосудов из Иголоми на Краковщине, по-видимому, преследовала те же цели, что и знаки на черняховских днищах сосудов с территории СССР. См. L. Gajewski. Badania nad organizacją produkcji pracowni garncarskich z okresu rzymskiego w Igołomi. Archeologia Polski, t. III, zesz. 1. Warszawa — Wrocław, 1959, стр. 130, рис. 7; стр. 149, tabl. XI.

[165] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Тр. Ин-та этнографии, т. 22 (нов. сер.). М.—Л., 1954.

[166] Л. А. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве, стр. 471.

Не приходится сомневаться, что количество сюжетов и знаков, связанных с различными проявлениями небесного огня в виде зигзага-молнии и связанной с ней водой, несущей плодородие, или благодетельных, все очищающих знаков солнца и светил в виде розеток и кружков, изображенных на глиняных сосудах и других вещах, будет все увеличиваться в процессе новых раскопок, вводя нас в круг мифологических культовых представлений населения, оставившего памятники черняховского типа.

ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРНАМЕНТАЦИИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ ПОСУДЫ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ ПАМЯТНИКОВ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Предпринятая первая по сути дела попытка описания и классификации черняховских керамических орнаментов упорядочивает большой материал и позволяет сделать некоторые выводы. Описание орнаментов показывает большое многообразие приемов орнаментации и в то же время удивительное единство стиля и основных сюжетов. Территориальное распределение свидетельствует о том, что во всех областях, занятых памятниками черняховской культуры, известны одни и те же технические способы орнаментации посуды. Повсеместно доминируют определенные мотивы, объединяющие в культурном отношении все племена на огромной территории от Левобережного Днепра до западных границ СССР. В то же время не исключается локальная специфика отдельных орнаментов. Например, валики с противоположным наклоном вдавлений в виде «елочки» известны только от Среднего Буга до его низовьев; многорядная врезная волна, прочерченная гребенкой, характерна для областей Поднестровья. Также почти исключительно в западных областях черняховской культуры встречается орнамент вертикальными зигзагообразными линиями. Трехручная миска из могильника в Переяславле-Хмельницком, украшенная таким способом, является исключением из правила [167]. Вопрос об отношении к черняховской культуре близких по орнаментации керамики многих памятников первых веков новой эры в Причерноморье остается открытым.

Рассмотрение хронологии орнаментации посуды культуры полей погребений наиболее отчетливо позволяет отделить материалы раннечерняховские (II—III вв. н. э.) от мотивов украшений эпохи развития черняховской культуры (III—IV вв. н. э.). Поздние этапы развития черняховской орнаментации и их специфика в настоящее время не вполне ясны из-за недостатка хорошо датированных комплексов. Можно только отметить прослеживаемую на поздних памятниках черняховской культуры тенденцию к огрублению и упрощению орнаментации черняховской посуды. Однако в то же время эволюция орнамента даже на протяжении от раннечерняховского периода до эпохи развития черняховских памятников говорит о большом усложнении керамических форм и орнаментации посуды. Такое развитие дает все основания утверждать длительность существования и культурного развития населения, оставившего черняховские памятники, и не позволяет признать их случайным эпизодом в культурном развитии древних племен юга России.

Своеобразные, подчас сложные узоры, украшающие посуду черняховского типа, при расчленении их на составные элементы, не зависимо от техники, в которой они исполнены, вводят нас в круг культовых представлений древнего населения. Во врезанных, лощеных и чеканно-штампованных узорах прослеживаются черты традиционного для земледельцев культа космических сих природы. Эти наблюдения, являющиеся выводами из вышеприведенных глав, далеко не исчерпывают того, что дает изучение столь важного исторического источника, как орнаментация посуды. Прежде всего необходимо учесть значение орнаментации для характеристики социального развития общества. В частности, поражает стабильность основных форм и орнаментации посуды даже в период расцвета черняховской культуры и необычайно широкого развития гончарства. В самых богатых погребениях мы встречаем в основном ту же керамику, что и в более бедных. Так, 16 сосудов в одном из выделяющихся своим богатством погребений могильника в Журавке ольшанской или 11 сосудов в погребении № 5, заключенном в деревянную камеру, из могильника у овчарни совхоза Приднепровского содержали главным образом формы керамики, мало чем отличающиеся от посуды рядовых захоронений.

---

[167] В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 136, табл. II, 2.

NN п/п	Сосуды	Орнаменты: Волна одно и многорядная (1)	Лощеный (2)	Лощеный (3)	Лощеный (4)	Лощеный (5)	Чеканно-штамп. (6)	Дополн. профилировкой (7)	Общее колич. сосудов
1	Горшки и корчаги	13	1	2 (?)					16
2	Миски		8	15	2	5	6	7	43
3	Кувшины		8	4	2	7	1		22
4	Кубки		1	1			4		6
	Количество фрагментов с данным видом орнамента	13	18	22	4	13	11	7	

Таблица II. Данные подсчетов орнаментированной керамики из Луки-Врублевецкой (за 4 сезона раскопок)

Некоторые, роскошно украшенные сосуды, встречающиеся иногда в таких могилах, орнаментированы теми же мотивами, какие мы встречаем в рядовых захоронениях с трупоположениями и трупосожжениями. Следовательно, мы еще, судя по этим материалам, не наблюдаем двух разных культур в обществе, принадлежащих беднякам и богатым, что бывает характерно для достаточно высокого уровня классового расслоения. Родовая знать в первые века новой эры пользовалась преимущественно той же посудой, что и рядовые общинники, хотя богатые захоронения нередко сопровождаются импортной стеклянной посудой и некоторыми шедеврами местного гончарного ремесла, что говорит о стремлении к обособлению представителей знати эпохи военной демократии.

В то же время отсутствие отличий в орнаментации посуды из погребений с трупоположениями и трупосожжениями не позволяет усматривать в них представителей социально обособленных групп общества, а также не позволяет искать истоки этих обрядов в территориально и этнически разобщенных областях [168]. Последнее положение доказательств не требует, так как в публикациях не раз отмечалось существование богатых и бедных захоронений той и иной группы, которые содержат одинаково украшенные образцы посуды.

Любопытно рассмотреть назначение сосудов в связи с орнаментом, их украшающим. При описании везде, где было возможно, нами отмечалось, с какого типа сосудами связана данная орнаментация. Сфера применения пластичных узоров, имея в виду врезанные линии и валики, ограничивается главным образом кухонными горшками и сосудами хранилищами. Между тем лощеный и чеканно-штампованный, а также орнамент дополнительной профилировкой обычны для столовой посуды. Таблица подсчетов орнаментированной керамики из Луки-Врублевецкой за четы-

[168] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА, 1958, № 3, стр. 234—243.

ре сезона раскопок дает наглядную картину (табл. II).

Объяснение такой связанности определенных способов украшения с присущими им мотивами орнаментации, как например, зигзаг и его производные или звездчатые розетки и концентрические штампованные кружки с разновидностями столовой посуды, мы уже пытались дать в разделе, посвященном семантике, подчеркивая очищающее действие знаков огня — солнца.

Говоря о конкретных видах орнамента отмечаем, что в группе пластичных узоров особый интерес представляют разновидности украшений лепной керамики. Насечки или вдавления по краю, ошершавление поверхности разными способами — обваливание в песке, покрытие сплошь вдавлениями палочки или пальца, нанесение беспорядочных врезов и штрихов по тулову — являются приемами, присущими всем территориям, занятым черняховскими памятниками. Такой орнамент нам хорошо известен по материалам памятников пшеворской культуры. Отголоски пшеворской орнаментации прослеживаются также в орнаменте лепной и гончарной посуды с узорами, выполненными двумя параллельными врезными, а иногда и лощеными линиями, с рядами ямок между ними.

На многочисленных образцах лощеной орнаментации особенно ощущается взаимосвязь разных, казалось бы, на первый взгляд далеких мотивов украшений. Например, сочетание в одном узоре сетки и зигзага на сосудах из Журавки ольшанской, Каменки-Днепровской, Лепесовки, Луки-Врублевецкой и т. д. говорят о том, что это орнаменты одного стилистического и семантического круга. Нет также сомнений, что некоторые образцы лощеной орнаментации привились и получили распространение потому, что они по сюжету были близки и понятны местному населению. Прототипы некоторых лощеных орнаментов в предшествующую скифскую эпоху были распространены у земледельческих племен. Например, зигзаг, заштрихованные треугольники и ромбы украшали лепную посуду в эпоху раннего железа как в Поднепровье, так и Поднестровье, где их наносили с помощью врезов. Откуда бы ни был занесен на Украину гончарный круг и новая техника нанесения лощеных узоров, она могла получить распространение только благодаря тому, что избранные сюжеты орнамента соответствовали выработанным издревле эстетическим идеалам и мировоззрению оседлого земледельческого населения [169].

То же следует сказать и о пунктирной орнаментации, которая, правда, выполнялась в древности зубчатым штампом, а не колесиком и была достаточно известна в скифское время.

Роскошные образцы лощеного и пунктирного орнамента гончарных сосудов черняховского времени, возможно, соответствовали тенденциям, издавна выработавшимся в среде оседлых жителей лесостепи и степи. Из установления древности чеканно-штампованной орнаментации следует заключение о неправомерности, например, выводить богато орнаментированные полусферические черняховские кубки из эллинистических мегарских чаш, принцип украшения которых был совсем иной. Со времени С. В. Коршенко известно мнение, связывающее нередко богато орнаментированные чеканом и штампом кубки черняховской культуры с мегарскими чашами. Действительно, полусферические кубки черняховского типа [170] напоминают формы чаш, широко распространенных в Причерноморье с позднеэллинистического времени [171]. Распространялись они из античных городов и севернее в области Скифии [172]. Между тем отличия кубков черняховской культуры от мегарских чаш прежде всего заключаются в технике нанесения орнамента. Мегарские чаши имеют выпуклую рельефную, растительную по преимуществу, орнаментацию и выполнены в форме, что позволяло наладить массовое производство кубков. Черняховские сосуды покрывает геометрическая орнаментация, и

---

[169] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Приднепровья. МИА, № 64, 1958, стр. 101, см. таблицы; Г. І. Смирнова. Підсумки дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 2. Київ, 1959, стр. 89; Г. И. Смирнова. Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. Канд. дисс. Л., 1954, см. альбом; А. И. Тереножкин. Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье. Докт. дисс. Рукопись ИА АН СССР, Р — 2, 1440. Киев, 1958, см. альбом.

[170] По неизвестным причинам в своих работах Ю. В. Кухаренко называет эти кубки сосудами «в виде лампадки», хотя обычная форма лампадки, имеющей цилиндрический узкий низ и широкий верх, совсем другая. См. Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, стр. 140.

[171] А. Димитрова. За производството на terra sigillata в нашите земи. Археология, година III, кн. 4, София, 1961, стр. 27—33.

[172] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 149, рис. 2.

каждый кубок всегда украшали индивидуально, причем орнамент никогда не является рельефно-выпуклым, а наоборот узоры, нанесенные зубчатым колесиком и штампом, углублены в поверхность сосуда.

Возможно также усматривать корни орнаментации дополнительной профилировкой в простом техническом приеме, когда срезая излишнюю глину, оставляли незаровненными плоскости на стенках сосудов, приеме — широко известном по лепной посуде.

В то же время, подчеркивая местные истоки некоторых мотивов орнаментации, нельзя закрывать глаза на то, что подражанием гончарной орнаментации лепной посуде дело не ограничивалось. Мы наблюдаем образцы богато украшенной посуды, явно следовавшей образцам, чуждым местной керамике.

Для выяснения степени самобытности и исторического места черняховской орнаментации необходимо остановиться на описании особенностей украшения посуды других культур I тысячелетия н. э. Типы орнаментации провинциально-римской посуды и керамики таких массивов племен, как гето-дакийские, сарматские и германские, еще не вошли в круг наших рассуждений.

Вопрос об истоках и специфике орнаментации культур, смежных черняховской по территории или синхронных по времени, является очень сложным. Тацит, живший задолго до периода расцвета черняховской культуры, писал о славянах-венедах: «...что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам или к сарматам... Венеды многое заимствовали из нравов последних, так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между певкинами и феннами. Однако их следует причислить скорее к германцам, ввиду того, что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить, и даже быстро — все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне» [173].

Видимо, уже тогда общие границы славянских племен, с одной стороны, и дако-гетских, германских, сарматских и финнских — с другой, приводили к унификации в облике «варваров» в такой степени, что даже образованному римскому историку приходилось сомневаться в этнических определениях. Черняховская культура, занимающая территориально промежуточное положение между культурами германской, сарматской и дако-гетской, не могла не обогатиться определенными заимствованиями. Следует оговорить, что приведенное сопоставление со сведениями Тацита не является ни в коей мере попыткой провести знак равенства между черняховской и венедской культурами. Здесь важно то, что соседство двух больших культурных общностей должно было наложить отпечаток на черняховскую культуру, выразившийся, в частности, в формах посуды и ее орнаментации. Со времен Тацита до эпохи расцвета черняховской культуры в III—IV вв. н. э. прошло около двух столетий. За этот период проникновение и влияние провинциально-римской культуры еще более осложнило облик местных «варварских» культур. Не только черняховские племена, но и их соседи — с востока — сарматы, с юго-запада — дако-гетские племена и с запада германцы — испытывают сильнейшее влияние позднеантичной цивилизации. Торговля и походы «варваров» приводят к обогащению родовой знати, которая начинает пользоваться античными предметами роскоши, привозит вино в античных амфорах и пьет его из стеклянных кубков, доставлявшихся сперва из северо-причерноморских центров, а после их разгрома в первой половине III в. н. э.— из западных провинциально-римских мастерских. Повсеместно на поселениях черняховской культуры встречаются римские монеты, служившие, вероятно, платежным средством, свидетельствуя о зачатках денежного обращения у местного населения [174]. В то же время появление в лесостепи гончарного круга и его быстрое распространение в период после завоевания Дакии римлянами отразилось на эволюции местной посуды. Заимствование новых технических средств и приемов изготовления глиняной посуды безусловно привело к заимствованиям также отдельных форм и орнаментации.

Обращаясь конкретно к нашей теме об орнаментации, посмотрим прежде всего, насколько оправданно звучит возникшее в 1920-х годах определение, якобы черняховская культура является культурой римских влияний. Глиняная посуда первых веков новой эры, в противоположность более древней, классического и эллинистического времени, в Северном Причерноморье не всегда деталь-

[173] Сб. «Древние германцы», составители Б. Н. Граков, С. П. Моравский и А. И. Неусыхин. М., 1937, стр. 81.

[174] М. Ю. Брайчевський. Римська монета на територiї України. Київ, 1959, стр. 58—62.

но разграничена хронологически. Некоторые формы ее даже опытные исследователи иногда вынуждены датировать I—III вв. н. э.[175] Тем не менее все, кто работал над причерноморскими материалами этого времени, прекрасно знают специфический облик посуды античных городов и близлежащих селений. Лепную керамику вообще нет нужды рассматривать, так как она сильно отличается от черняховской, о чем можно судить по достаточно большому количеству публикаций[176]. При рассмотрении же причерноморской гончарной посуды с точки зрения, если так можно выразиться, технических особенностей черняховской керамики в глаза бросается следующее: керамика из Причерноморья красного или красно-желтого обжига, в отличие от черняховской керамики, которая преимущественно серого и черного цвета[177], характерно наличие посуды, покрытой красным лаком — способ обработки поверхности, чуждый черняховской культуре; отлична от последней и техника изготовления сосуда в форме, в результате чего на поверхности сосуда получалось рельефное выпуклое изображение. Как уже отмечалось, техника эта не привилась у носителей культуры полей погребений, хотя отдельные образцы посуды, украшенной таким образом, ввозились и были известны местному населению лесостепной зоны. Некоторыми технологическими приемами обусловлен ряд отличительных особенностей орнаментации. Например, столовая посуда из Причерноморья, поскольку это в основном керамика с поверхностью, сплошь покрытой поливой, требовала такой орнаментации, которую не смогла бы уничтожить полива. Потому античные кувшины и миски при формовке на круге украшали довольно скромными желобками или валиками и уступами. Иногда их клеймили, делали кружок из насечек, украшали фигурными наклепными ручками. Соответственно для получения рельефного орнамента на сосудах делали оттиск в форме и, покрыв керамику поливой, больше ее не украшали.

Черняховская посуда не глазурованная, что давало больший простор ремесленнику-художнику. Кроме валиков, желобков и уступов, украшающих преимущественно краснолаковую посуду из Причерноморья, в черняховской культуре применяется разнообразная специфическая орнаментация. Мы имеем в виду пролощенные узоры, число вариантов которых, как уже было показано, очень велико; чеканно-штампованную орнаментацию, подчас почти сплошь покрывающую поверхность и создающую впечатление нарядной вышивки; наконец, достаточно своеобразен орнамент дополнительной профилировкой. В поздний период существования античных городов Северного Причерноморья там появляются лощеные узоры и орнаментация дополнительной профилировкой. Об этом говорят хотя бы находки в Ольвии и Фанагории в слоях римского времени (рис. 28; 29, *2—5*). Однако поскольку там подобная орнаментация возникает в общем одновременно с черняховской и не получает широкого распространения, нет никаких оснований вести ее происхождение с юга. Кроме того, мотивы лощеной орнаментации из Ольвии отличаются от черняховской. Это видно хотя бы по лощеным узорам из Причерноморья, воспроизводящим растительные мотивы; с другой стороны орнаментация вдавленными штампами и пунктирами, которые нередко покрывают миски, кувшины и кубки черняховского типа, резко отличает посуду полей погребений от причерноморской. Отпечатки клейм в виде ступни и иногда розетки или звездочки в центре дна краснолаковых причерноморских мисок I—III вв. н. э. нельзя считать провозвестниками развитой чеканно-штампованной системы орнаментации черняховской посуды[178]. Таким образом, влиянием северно-причерноморской провинциально-римской посуды в черняховской культуре с трудом можно объяснить появление только некоторых форм мисок и кувшинов, а в орнаментике какое-то подобие являют валики, расчленяющие верхнюю часть тулова биконических мисок или уступы на перегибе их тулова, которые нередки на

[175] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков новой эры из раскопок Боспорской экспедиции. МИА, № 25, 1952, стр. 289—326.

[176] T. N. Knipowitsch. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Materialen zur römisch-germanischen Keramik, Frankfurt a. M., 1929; она же. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», I. Киев, 1940, стр. 129—170; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 249—288; И. Т. Круглікова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, 1954, стр. 78—113.

[177] Серая посуда эллинистического времени в Причерноморье не получила широкого распространения и, кроме того, там была поливная керамика в отличие от лощеной черняховской посуды.

[178] А. Димитрова. За производство на terra sigillata в нашите земли, стр. 31, рис. 7; стр. 33, рис. 9.

Рис. 28. Образцы форм и орнаментации посуды из северно-причерноморских центров римского времени.

1—5 — Керчь, Крым (фонды Московского исторического музея, из собрания И. Е. Забелина);
6—12 — Ольвия. Северное Причерноморье (фонды Эрмитажа, раскопки Б. В. Фармаковского)

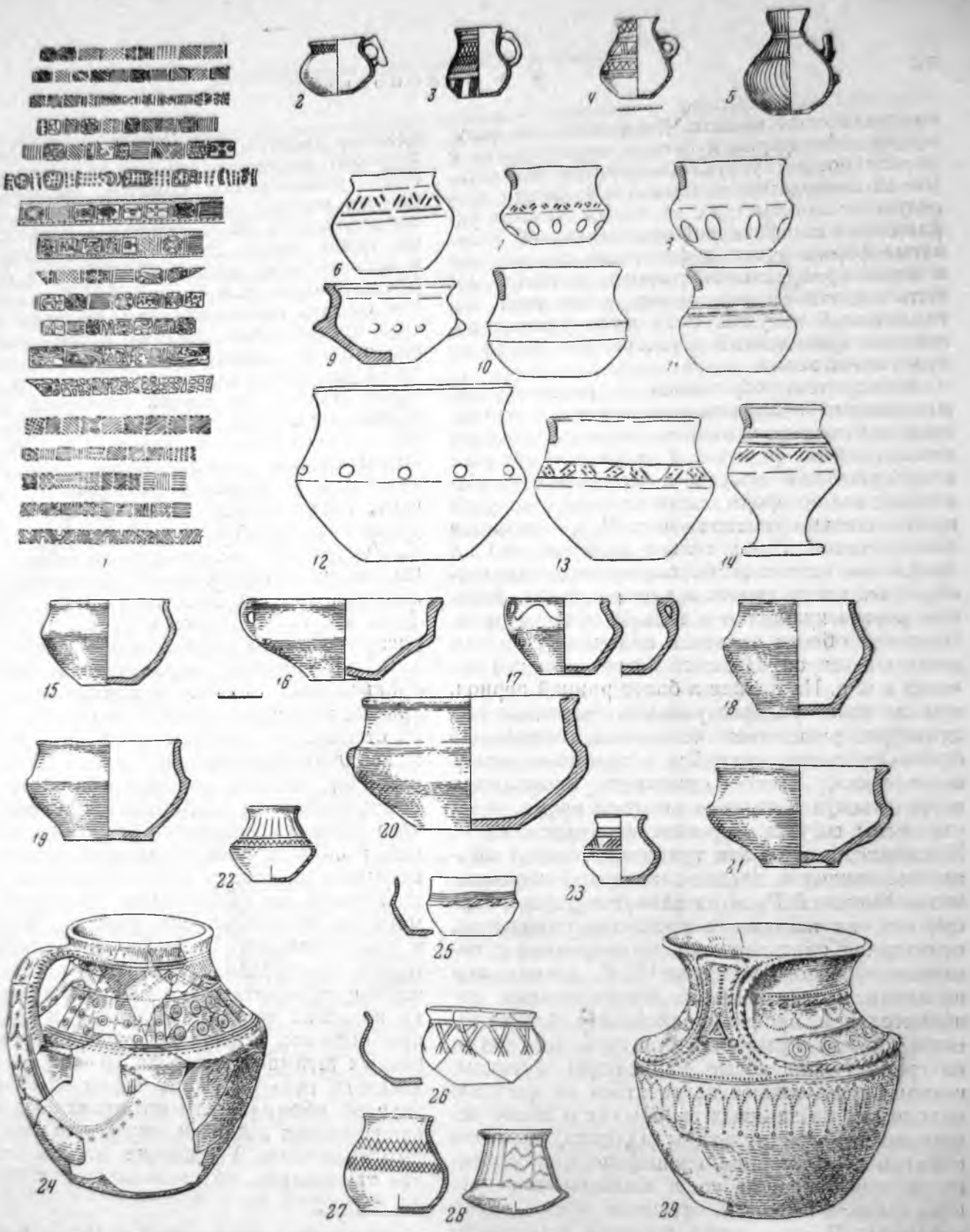

Рис. 29. Образцы форм и орнаментации посуды южного и североевропейского происхождения.

1 — Западная Европа, по В. Унферцагту (Materialen zur römisch-germanischen Keramik, III. Frankfurt am Main, 1919, Taf. VI); *2—5* — Фанагория, Северное Причерноморье, по И. Д. Марченко, МИА, № 57, 1956, стр. 124, рис. *5, 3, 5, 7, 8*); *6* — быв. Вармхоф; *7—14* — быв. Вилленберг, Прибалтика, по Р. Шиндлеру (Quellenschriften zur ostdeutsche Vor- und Frühgeschichte, Bd. 6. Leipzig, 1940; см. быв. Вармхоф, погр. № 3; см. быв. Вилленберг, погр. № 10, 525, 529, 548, 1193, 1328, 1468); *15—21* — Журавка ольшанская, Среднее Поднепровье (раскопки Э. А. Сымоновича); *22* — Карлсбург; *27* — окрестности Тырту Муреш; *28* — Аиуд, Семиградье, по Г. Хоредту (K. H o r e d t, Untersuchungen zur Frühegschichte Siebenbürgens, Bukarest, 1958, Abb. 27); *23* — Нассебела; *25* — Цейткайн; *26* — Риеза, Саксония, по Г. Мильденберегеру (Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, Beiheft 2. Leipzig, 1959, S. 55 Abb. 46, *2*; S. 76, Abb. 71; S. 59 Abb. 50 c); *24, 29* — Готланд, Прибалтика, по Н. Аберту (Mannus- Bibliothek, Nr. 47, Leipzig, 1931, S. 52, Abb. 137, 138)

краснолаковых мисках. Возможно, что полусферическая форма кубков и украшение их и другой посуды углубленно-лощеными кругами, каплевидными ямками и желобками есть результат знакомства с античным стеклом, украшенным шлифованной орнаментацией. Угловатые формы ручек и фигурный их рисунок в месте прикрепления ручки к венчику могут быть следствием знакомства с античной металлической посудой. Если даже удастся дополнить приведенный перечень, все же он не будет очень велик.

Между тем, обращаясь к рассмотрению материалов провинциально-римских крепостей, мы сможем усмотреть несколько больше совпадений в формах и главным образом в орнаментации посуды с черняховской. Подобный анализ форм, совпадающих с посудой провинциально-римских castellae, является особой темой. Здесь только отметим, что на западе мы встречаем биконические и тарелкообразные миски серого и черного цвета, близкие формы кувшинов и т. д. В области орнаментации общим является наличие тут и там лощеных узоров. Нередко встречается зигзаг, сетка и т. п. На западе в более ранний период, чем в зоне распространения черняховской культуры, расцветает чеканно-штампованный орнамент, выполняющийся с помощью штампа-колесика. Этот орнамент продолжает встречаться и в позднее римское время, и им украшены сосуды меровингского времени [179]. Возможно, именно эти традиции помогут объяснить, почему в древне-славянской керамике эпохи Киевской Руси на западе гораздо раньше, чем на востоке, встречается, например, пунктирная орнаментация, выполненная с помощью зубчатого колесика [180]. С давних пор на западе также известна орнаментация дополнительной профилировкой. На биконических сосудах лужицкой культуры мы видим на грани тулова косые каннелюры и врезы, которые продолжают встречаться на сосудах, находимых на занятых ею землях и после исчезновения этой культуры. Однако, если мы обратим внимание на специфические особенности орнаментации, то в большинстве случаев сможем выявить отличия обеих групп керамики. Прежде всего лощеная орнаментация, судя по опубликованным материалам римских крепостей, никогда не получала там широкого распространения и не имела большого разнообразия сюжетов. Видимо, для римлян многие узоры были чуждыми, и они появлялись на посуде вместе с приходом их на чужие земли. Это относится, например, к орнаментации лощеным зигзагом и сеткой. Следовательно, такой орнамент есть основание считать заимствованием. Недаром кельтская посуда эпохи позднего латена знает гораздо лучше лощеную орнаментацию, которая там в различных вариантах встречается как на серой, так и на черной гончарной посуде, правда, не в столь разнообразных сочетаниях, как в черняховской культуре [181]. Чеканно-штампованная орнаментация, выполненная колесиком в провинциально-римских мастерских, имеет особый характер. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на таблицы В. Унферцагта, на которых он собрал образцы чеканно-штампованной орнаментации колесиком на сосудах типа terra sigillata (рис. 29, *1*) [182]. Только в западных областях распространения черняховской культуры видим мы мотивы, напоминающие западную орнаментику. Таковы, например, сплошь покрытые рельефным узором «в елочку» участки на стенках сосудов из Неслухова и Комарова в западноукраинских областях. Штампованный узор, который наносился на провинциально-римской terra sigillata с помощью широкого колесика, покрытого разнообразной резьбой, в области распространения черняховской керамики наносился простым штампом и, следовательно, не образовывал сплошной орнаментальной полосы или участка. Колесиком в черняховской культуре прочеканивались только пунктирные линии, которые иногда бывают чуть заметными, а иногда острые зубчики колесика врезаются глубоко в глину. Таким образом, отпечатки разнообразных фигурных штампов наносили на сосуды черняховского типа без применения колесика, но нередко обрамляя эти штампованные фигуры пунктирными линиями, выполненными зубчатым колесиком. Украшение посуды явно более трудоемкое, но приводившее к созданию

[179] W. Unverzagt. Terra sigillata mit Rädchenverzierung, Abb. 30.

[180] H. Jankuhn. Keil. Nordelbingen und fränkischen Erobernugversuche aus dem Beginn des 9. Jahrhunderts. Germania, 1939, Hf. 9, стр. 256—257.

[181] J. Filip. Keltove ve střední Evropě. Praha, 1956, Tabl. CIII, CXI, etc t., J. Eisner. O keramice raně lateňske. Památky Archeologické, XXVI, Sešit, I. Praha, 1914, Obr. 1—3.

[182] W. Unverzagt. Die Keramik des Kastelles Alzei. Materialen zur römisch-germanischen Keramik, II. Frankfurt a. M., 1916, Taf. III; он же. Terra sigillata mit Rädchenverzierung, Taf. I—VI.

высокохудожественных образцов черняховской посуды. Такой способ украшать черняховскую посуду сближает более ее с кельтскими приемами орнаментации.

Орнаментация дополнительной профилировкой, насколько можно судить по опубликованным материалам, в провинциально-римской керамике явление заимствованное, поскольку в северо-восточных европейских областях мы ее встречаем со времен лужицкой культуры.

Все вышеперечисленные особенности говорят о существенном ограничении возможностей влияния орнаментации посуды провинциально-римских лагерей на западе на посуду культуры полей погребений, которая известна на нашей территории.

Нередко исследователи обращали внимание на сходство отдельных форм кельтской и черняховской посуды. Возможно, именно из завоеванных римлянами дако-гетских областей, где были живы кельтские традиции, пришел на наши земли гончарный круг. Совпадают, например, формы некоторых штампов, встречается пунктирная орнаментация и пр. (рис. 30, *1*, *4*). Тем не менее специфический кельтский орнамент на черняховской посуде явление крайне редкое. Типичным кельтским узором считаются штампованные розетки, соединенные врезанными или пунктирными дужками или касательными линиями, направленными к их противоположным краям. Как говорит М. Ферворн, специфически кельтским является дугообразный завиток (Bogenschnörkel) в разных вариантах [183]. Подобный образец орнаментации на черняховской посуде дает находка на западноукраинских землях, происходящая из Грицивцев, опубликованная В. П. Савичем [184]. В то же время на позднекельтской керамике, например, из Чехословакии, мы нередко видим такой же, как на черняховской посуде, лощеный узор, штампованные розетки и своеобразную пунктирную орнаментацию [185] (рис. 30, *1*, *2*, *4*, *5*). Очень возможно, что именно потомки кельтов принесли в провинциально-римскую культуру некоторые способы украшения посуды. Несмотря на сходные моменты в орнаментации кельтской и черняховской посуды, отсутствие типичных кельтских сюжетов в черняховских узорах керамики обособляет ее от культуры, наложившей свой отпечаток на многие племена [186].

Дако-гетские племена в большей степени, чем черняховские, подверглись влияниям провинциально-римского и кельтского мира. Все же липицкая керамика, оставленная дако-гетскими народами и близкая черняховской по глиняному тесту, серому цвету поверхности и лощению, характеризуется, в отличие от нее, своими специфическими гончарными формами и типичной орнаментацией. Вертикальное членение сосуда лощеными прямыми параллельными линиями, полосами или зигзагами является характерным для липицкой керамики. Как уже было отмечено, такое расположение узоров на черняховской посуде встречается как исключение. Некоторые общие орнаментальные сюжеты на посуде обеих культур могли быть одновременно заимствованными или привнесенными, возможно, вместе с распространением гончарного круга. Следует заметить, что чеканно-штампованный орнамент и дополнительная профилировка не пустили корней в области распространения липицких памятников. Особенно характерно выступают отличия от черняховской культуры в орнаментации липицкой лепной посуды. Удлиненные формы горшков с сосцевидными выступами в средней части тулова, высокие петлеобразные ручки, возвышающиеся над краями типичных грушевидной формы сосудов, не находят никаких параллелей в области распространения черняховской культуры (рис. 30, *3*). На одних и тех же многослойных памятниках лепная и гончарная керамика липицкого типа в массе легко отличается, как показал В. Д. Баран своими раскопками поселения в Черепине и Г. И. Смирнова в Незвиско, от керамики черняховской культуры [187].

---

[183] M. Verworn. Keltische Kunst. Berlin, 1919, стр. 15, 16.

[184] В. П. Савич. Нові пам'ятки доби полів поховань на території Львівської і Тернопільської областей, стр. 115, табл. I, *4*.

[185] J. Filip. Keltové vě středni Evropě. Praha, 1956, стр. 177—191; Rybová. Horizont plaňanského typu V sídelištnich nalezach v Čechách. Archeologiché rozhledy, R. VIII, S. 2. Praha, 1956, стр. 206—236, 296.

[186] N. Åberg. Nördliche Ornamentik in vorgeschichtlicher Zeit. Mannus — Bibliothek Nr. 47. Liepzig, 1913, стр. 44—49; M. Jahn. Über Beziehungen Germanen und Kelten während der Spät-La-Tene-Zeit. Mannus, V. Leipzig, 1913, стр. 84.

[187] В. Д. Баран. Результати вивчення матеріалів з розкопок на поселенні першої половини I тисячоліття н. е. в с. Черепин, Львівської області. Дисертаційний збірник. Київ, 1958, стр. 98—99; Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення. Сб. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 2. Київ, 1959, стр. 90, 100.

Рис. 30. Образцы форм и орнаментации кельтской, дако-гетской (липицкой) и скифо-сарматской посуды.

1—2 — Губановп, Бахерон Майер; 4 — Дворы над Житаву, Словакия, по Б. Венадику (Archeologica Slovaca-Fontes, T. 1. ratislava, 1957, tabl. XXIV, 13, 15; tabl. XXVII, 7; XXIV, 13, 15; tabl. XXVII, 7); 3 — Залесцы, Западная Украина (фон- Львовского исторического музея); 5 — быв. Бискау, Силезия, по Б. Рихтхофену (Altschlesien, Bd. 1, Breslau, 1922—1926, 196. tabl. XXII, 14); 6, 7 — Будешты, Молдавия (фонды Музеи кишиневского филиала АН СССР, раскопки Г. Б. Федо- ва); 8 — Гавриловка, Нижний Днепр (сборы экспедиции Э. А. Сымоновича); 9 — Быковские курганы, Поволжье (рас- пки К. Ф. Смирнова); 10 — Курганы у с. Политотдельское, Поволжье (раскопки К. Ф. Смирнова); 11 — Мануйловка, Сред- е Поднепровье (фонды Полтавского краеведческого музеи, раскопки А. Щербачева); 12 — курганы у с. Политотдельское, оволжье (раскопки К. Ф. Смирнова); 13 — курган у старого замка, Левобережное Поднепровье (фонды Полтавского краевед- ского музея); 14 — Калиновка 1, пункт 29, Степное Побужье-Ингул, по Н. Г. Елагиной и Н. Н. Погребовой (Краткие сооб- ения ИИМК, вып. 77, 1959, стр. 31, рис. 12, 2); 15 — урочище Широкий Яр, против Вовкивец. Левобере (фонды Роменского краеведческого музея)

Итак, юг и юго-запад, обогатив черняховскую керамику отдельными формами, способами орнаментации или даже ее сюжетами, не могут считаться создателями такого облика черняховской посуды, к которому мы привыкли. Общие черты сходства объясняются тем, что именно с юго-запада шло распространение гончарного круга, вместе с которым пришли мастера-ремесленники, принесшие много нового в керамику черняховской культуры по сравнению со старыми традициями, которые здесь господствовали. Вместе с тем, унификация и стандартизация форм и орнаментации посуды на огромных территориях, вызванные появлением гончарного круга, способствовали созданию культурного единства у ранее разобщенных племен.

Еще в меньшей степени в создании черняховской орнаментации приняли участие мастера сарматской керамики. Прежде всего следует определенно отличать коренную орнаментацию сарматской керамики от той, которую они стали применять, столкнувшись с провинциально-римским миром, переходя к оседлому или полуоседлому образу жизни. Характерные материалы из областей Поволжья и Приуралья говорят о том, что для ранних сармат гончарная посуда в общем была чуждой [188]. Местная посуда у них украшалась незамысловатым образом. Излюбленным был так называемый полотенечный орнамент в виде свисающих пучков, валиков или полос, врезанных или пролощенных на боку сосуда. Встречаются сосуды, украшенные выступами и нарезками (рис. 30, *10—12*). Эти исконно сарматские мотивы совсем далеки от распространенных типов орнаментации черняховской культуры. Позднесарматскую культуру обогатило проникновение сармат в области Причерноморья и Поднепровья, приведшее к взаимообщению с античной и позднескифской цивилизациями. Пришельцы начинают шире использовать в быту гончарную посуду, нередко покрывая ее нарядными лощеными узорами. Несмотря на это, серолощеная керамика из Фанагории, опубликованная И. Д. Марченко, или кубанские миски и кувшины при детальном рассмотрении оказываются несопоставимыми с черняховскими или по своей форме, или характером орнаментации. В особенности обращают внимание зооморфные мотивы сарматской керамики в общем совершенно чуждые черняховской посуде (рис. 29, *2—5*) [189]. Мы также не знаем в черняховской культуре сосудов типа фанагорийских «кружек», богато украшенных лощеной орнаментацией. Черняховские кружкообразные сосуды никогда сплошь не покрывались узорами и всегда имеют другие, угловатой формы ручки. Сероглиняная керамика из Прикубанья редко бывает нарядно украшена. Лощеные миски с загнутыми внутрь краями и кувшины с округлым туловом и плавно изогнутыми ручками ни в чем не напоминают четкопрофилированные черняховские формы сосудов. Штамп и дополнительная профилировка остались чуждыми для сармат способами орнаментации. Сероглиняная гончарная лощеная керамика у сармат явление заимствованное и в общем нехарактерное для их посуды. Лепную посуду сармат нет смысла даже сравнивать с черняховской. Она достаточно изучена и очень выразительна. Боканские вытянутых пропорций горшки, сосуды из районов р. Молочной с краем в виде раструба, широкобоким округлым туловом и небольшим поддоном, украшенные пальцевыми вдавлениями, налепами и шишечками, не могут быть сопоставлены с основными формами и орнаментацией кухонной лепной посуды черняховской культуры (рис. 30, *6—7*) [190]. Как исключение встречаются черняховские лепные горшки, украшенные по краю пальцевыми вдавлениями, что, вполне возможно, объясняется влиянием орнаментации сарматской и позднескифской посуды.

Самой трудной задачей является сопоставление черняховской культуры с западной группой памятников, в частности и в области орнаментации керамики. Прежде всего многие элементы орнаментации керамики западных и восточных германцев оказываются общими с узорами раннеславянской венедской посуды пшеворской культуры Повисленья, Западного

[188] См. материалы И. В. Синицина, К. Ф. Смирнова и В. П. Шилова в МИА, № 60, 1959. С находками В. П. Шилова я имел возможность ознакомиться в натуре, пользуясь его любезным согласием.

[189] И. Д. Марченко. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 124, рис. 5; К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Тр. Отд. истории первобытной культуры, т. I. Л., 1941, стр. 216, табл. I—XVI; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, 1951, № 15, стр. 247—255; В. Б. Виноградов. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. Археологический сборник, 1961, стр. 32—46.

[190] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. фил. АН СССР, № 4. Кишинев, 1956, см. сосуды из погребений № 5, 7, 10 и 12: М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопр. скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 225, табл. II; стр. 227, табл. III.

Буга и Поднестровья. К сожалению, несмотря на многие опубликованные польскими учеными материалы, сводные работы, которые целиком были бы посвящены пшеворской культуре, отсутствуют. За эталон для сравнения мы принимаем публикацию К. Хадачека и М. Ю. Смишко, посвященные пшеворским находкам из западных областей Украины [191]. Публикации Р. Шиндлера и Б. Штейернквист мы кладем в основу нашего сопоставления германской и черняховской керамики [192] (рис. 29, *6—14*; рис. 31, *1—4, 7, 12, 13, 15*). При таком подходе мы сравниваем близкие по времени материалы, пренебрегая в данном случае мнениями тех немецких ученых, которые готовы причислять к германским мотивам орнаментации образцы узоров неолитического и бронзового времени [193]. При сравнении одновременных материалов римского времени прежде всего становится очевидным более примитивный, по сравнению с черняховской культурой, облик керамики, полученной с памятников, приписываемых восточным германцам. Тем не менее, то один, то другой памятник черняховского типа вдруг дает формы и орнаментацию посуды, которые перекликаются с этими находками. Опубликованный М. Ю. Брайчевским кубкообразный сосуд на высоком поддоне [194], находки мисок с выступами-шишечками на плечиках в одном из домов, открытых М. А. Тихановой в Лепесовке на Волыни [195]. Отдельные образцы керамики из погребений на могильнике из с. Журавки на Среднем Днепре находят параллели в Прибалтике [196] (рис. 29, *15—21*). На наших землях чистый комплекс подобных находок без примеси типично черняховской лепной керамики дает памятник Дитиничи в Западной Украине. Там был обнаружен могильник, одновременный черняховской культуре, он совершенно особый, так как большинство находок из погребений имеют аналогии в условно называемых восточногерманских комплексах Прибалтики [197]. Может быть, эти отдельные находки на черняховских поселениях, не определяющие основного характера черняховской керамики и культуры в целом, и памятники типа Дитиничи являются свидетелями проникновения восточных германцев в среду местного населения или же отражают расселение венедов, соседивших с германцами и заимствовавших от них некоторые формы посуды и особенности ее орнаментации (рис. 31, *16—17*). Общие орнаментальные сюжеты керамики, относимой к восточным германцам, как например, ряды параллельно врезанных или лощеных линий, имеющих противоположный наклон, встречаются на черняховской посуде (50 случаев). В то же время их появление на посуде культуры полей погребений нельзя объяснить какими-то продвижениями племен из Прибалтики, так как эта схема орнаментации известна была уже в скифское время в первые века новой эры. Таким образом продолжали украшать посуду в скифо-сарматских областях [198] (рис. 30, *8*). Косые разрозненные лощеные штрихи по грани тулова мисок в черняховской посуде известны на единичных экземплярах, там всегда предпочитается сплошное каннелирование по перегибу стенки сосуда (рис. 29, *25*; рис. 31, *3, 5, 6, 8*). Вертикальное членение линиями или пучками параллельных линий, известное по материалам с Готланда и других мест, также чуждый черняховской керамике мотив (рис. 31, *9, 12*). Многочисленные

[191] K. Hadaczek. Cmentarzysko ciałopalne kolo-Przeworska. Teka konserwatorska, t. III, zesz. 2. Lwów, 1909, стр. 1—21; M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzimskiego w Małopolsce wschodniei. Lwów, 1932, стр. 16—78.

[192] R. Schindler. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. Quellenschrift zur ostdeutsche Vor- und Frühgeschichte, Bd. 6. Leipzig, 1940; B. Stjernquist. Simris on cultural connections of Scania in the roman age. Acta archaeologica Lundensia, Ser. in 4°, № 2. Bonn a R. und Lund, 1955.

[193] См., например, K. Schuchardt. Ornamentik. Reallexikon Germanischer Altertumskunde, Bd. 3, 1915—1916, стр. 373—381, хотя в принципе не исключается, что многие орнаментальные мотивы могут восходить к столь давним эпохам. См. В. Н. Чернецов. Орнамент ленточного типа у обских угров. СЭ, № 1, 1948, стр. 151.

[194] М. Ю. Брайчевский. Материалы культуры полей погребений из среднего Поросья. стр. 231, рис. 1, *4*.

[195] М. А. Тиханова. Раскопки в с. Лепесовке. Доклад на секции пленума ИА АН СССР и АН УССР 7/V — 1960 г. СА, № 2, 1963, стр. 178—191.

[196] R. Schindler. Op. cit.; B. Stjernquist. Op. cit.

[197] М. Ю. Смішко. Археологічні дослідження в західних областях України за роки Радянської влади, стр. 23; И. К. Свешников. Отчет о работе Ровенской археологической экспедиции 1957 г. Фонды Государственного исторического музея в г. Львове; І. К. Свешніков. М. Ю. Снішко. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961, стр. 89—114.

[198] К. А. Бреде. Розкопки Гаврилівського городища рубежу нашої ери. Археологічні пам'ятки УРСР. т. IX. Київ, 1960, стр. 200, табл. 1, *2*; Є. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці, стр. 33, рис. 21; М. Г. Мошкова Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. М., 1956. Альбом канд. дисс., Архив ИА АН СССР, ф — 2, 1322; И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. М., 1956. Альбом канд. дисс., Архив ИА АН СССР. ф — 2, 1321.

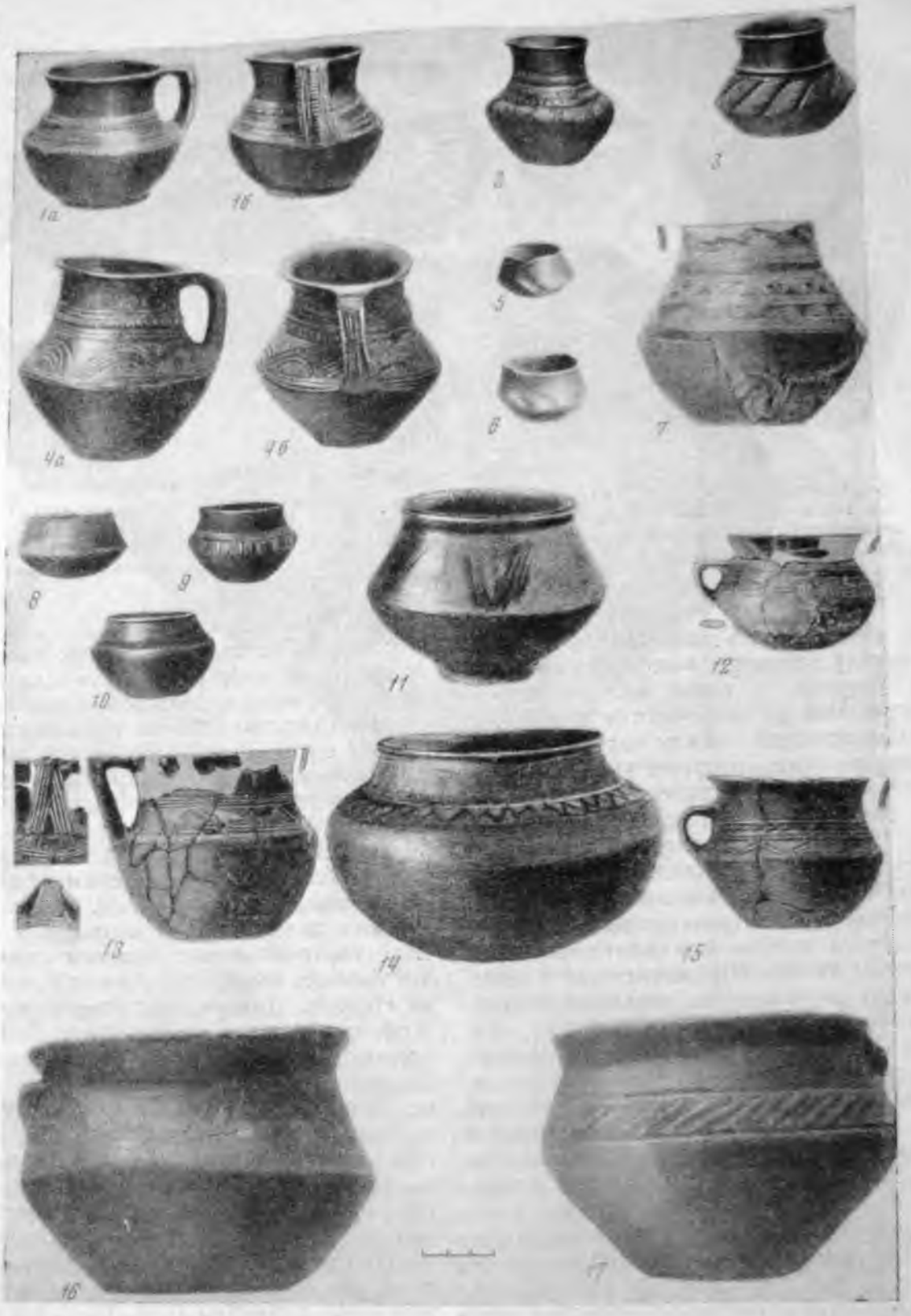

Рис. 31. Образцы форм и орнаментации керамики западного и североевропейского происхождения.

1а, 1б — Дюрслёв; *2* — Лодерип; *3* — Келлби; *4а — 4б* — Фалленбьер; *7, 13, 15* — Симрис, Скандинавия, по Б. Штейернквист (Acta Archeologica Lundencia, Ser. in 4°, № 2, Bonn a. R. und Lund, 1955, tabl. XXXVI, *1, 10—12, 15*; tabl. XXVII, *8*; tabl. XXIII — *2, 3—4*; tabl. XXXVIII, 9—10); *5—6* — Клейкен; *9* — Тетеров; *10* — Обермеллери, Германия, по Г. Коссина (Mannus—Bücherei, Nr. 50. Leipzig, 1939, S. 135, Abb. 147; Abb. 149; S. 138, Abb. 157); *8* — Кнау, Германия, по Г. Мильденбергеру (Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmälpflege, Beiheft 2, Leipzig, 1959, S. 49, Abb. 39; *11, 14* — Шаратицы, Моравия, по Ч. Станя (Archeologické rozhledy, R. VIII. Praha, 1956, sešit 1, S. 56, Obr. 42; S. 66. Obr. 42); *16, 17* — Дитиничи, Западная Украина (фонды Львовского исторического музея, материалы В. В. Аулиха, Н. К. Свешникова и М. Ю. Смишко)

Рис. 32. Образцы форм и орнаментации посуды пшеворской культуры.

1 — Слава, Силезия, по Р. Ямка (Wiadomości archeologiczne, XXVI, zesz. — 3—4, Warszawa, 1959—1960, б. 371, Aus. 4a); *2* — Вымыслово; *3* — Чапень; *4* — Лахимировицы; *5* — Нацлав; *6* — Щченув, Великопольша, по Ю. Костжевскому (Biblioteka archeologiczna, 7, Warczawa—Wrocław, 1955; S. 247;Rys. 733, 730; 728; 729; 731); *7* — Познань, Великопольша, по К. Хмелевскому; К. Пжевожной и Я. Жаку (Zeszyty naukowy Universitetu w Poznaniu, Nr. 15, Poznan, 1958, S. 63, Rys. 14)

округлые ямки, сплошь покрывающие пространство между узорами, выполненными врезанными линиями, в таком виде на посуде полей погребений не встречаются (рис. 31, *1, 2*). Ямки или вдавления между параллельными врезанными линиями, которыми украшали прибалтийские сосуды, не являются особенностью, типичной только для восточногерманской посуды (рис. 31, *15*). То же относится к орнаментации сосудов выступами-шишечками. В данном случае мы не имеем в виду Х-образные ручки, которые часто встречаются на черняховских сосудах, а именно орнаментальные выступы (рис. 29, *24, 29*). Штампованный и лощеный орнамент, известный на керамике, относимой к восточным германцам, по-видимому, обязан своему появлению так же, как и в черняховской культуре, южным влияниям, хотя традиции местных племен накладывали на него свой отпечаток (рис. 29, *24—29*) [199]. Позднейшая германская орнаментация, одним из основных отличий которой специалисты считают звериный стиль и растительные завитки, вовсе чужда геометрическим узорам черняховской культуры [200]. В общем очевидно, что небогатая орнаментика посуды пришельцев, какой бы они не были народности, не могла создать пышное цветение узоров черняховской посуды. Гораздо важнее сходство типично черняховской лепной посуды с пшеворской керамикой, оставленной венедскими племенами. Прежде всего имеются в виду лепные сосуды с преднамеренно ошершавленной поверхностью, с поверхностью сплошь покрытой беспорядочными штрихами или наколами, или пальцевыми вдавлениями, или защипами (рис. 32, *1, 4, 6*). Число черняховских памятников с керамикой подобного рода увеличивается с каждым годом, причем эти находки сконцентрированы вовсе не только на Нижнем Днепре, как утверждали недавно, а распространены гораздо шире. Пока этой керамики нет только на Левобережье Днепра. Особенно много общих элементов в орнаментике пшеворской и черняховской посуды встречается в зоне контакта обеих культур, где открыты такие памятники, как Пражев, Викнины Великие и т. п. [201] Гончарная черняховская керамика тоже во многом оказывается обязанной своим происхождением пшеворской посуде. Прототип типичных трехручных мисок следует, как нам кажется, искать именно среди венедской керамики (рис. 32, *2*; рис. 33, *1, 6*).

[199] E. Neylander. Vallhagar a migrations period settelment orn Gotland. Copenhagen, 1955, стр. 553, 1122, Abb. 448.

[200] N. Aberg. Nordliche Ornamentik in vorgeschichtlicher Zeit, стр. 54; Av. Scheltema. Die altnordische Kunst. Berlin, 1923, стр. 150—154; F. Behn. Altgermanische Kultur. Ein Bilderatlas. Leipzig, 1935, стр. 9, 10; H. Wichmann. Deutsche Ornamentfibeln. Leipzig, 1942, стр. 13.

[201] Є. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі, стр. 169—175; И. С. Винокур. Древности Восточной Волыни. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 52—60; М. Смішко. Селище доби полів поховань у Викнинах Великих стр. 111—112.

Рис. 33. Образцы форм и сложной орнаментации сосудов пшеворской культуры.

1, 1а, 2б.—быв. Штейнофурт, Силезия, по Ф. Пютценрейтеру (Altschlesien, Bd. 8, Breslau, 1939, S. 75, Abb. 8 und Tat. 10, 13); *3—4* — быв. Грос — Стрелиц (Неудорф.), Силезия, по Г. Рашке (Altschlesien, Bd. 6, Breslau, 1936, S. 237, Abb. 3—4); *5—5а* — по Г. Коссина (Mannus — Bücherci, Nr. 50, Leipzig, 1939, S. 174, Abb. 194); *6* — Пшевор, Западная Украина (фонды Львовского Исторического музея)

Даже волнистый орнамент, выполненный характерным образом — параллельными линиями с лощеными ямками штрихами или наколами между ними, известен в зоне распространения черняховских памятников не только Западной Украины, но и Побужья и Поднепровья (Ягнятин, Каменка-Днепровская; рис. 32, *3—6*). Позднепшеворская гончарная керамика с ее орнаментацией почти не отличима от черняховской, в частности биконические миски с лощеным зигзагом или сеткой [202] (рис. 32, 7). Наиболее ранние образцы орнаментации косыми каннелюрами встречаются в области распространения лужицкой культуры — предка в известном варианте пшеворской культуры так же, как и мотивы разных вариантов зигзагов [203].

Зарубинецкая культура с ее горшками, украшенными вдавлениями пальца или насечками по краю, или шишечками-выступами, или месяцевидными налепами на тулове, подвергались сильному влиянию позднескифской орнаментации. Поскольку в общем горшки и миски зарубинецкой культуры небогато орнаментированы, трудно говорить о степени связанности ее с черняховскими находками.

[202] J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa-Wrocław, 1955, стр. 247, рис. 733, 734.

[203] Ср. таблицы орнаментов венедской керамики, приведенные у Ю. Марчиняк; см. J. Marciniak. Cmentarzysko cialopalne z okresu póznolateńskiego w Wilanowie koło Warszawy. Materiały starozytne, t. II. Warszawa, 1957, стр. 127—129, tabl. XC—XCII.

Рис. 34. Черняховские приемы орнаментации посуды, применяемые во второй половине I тыс. н. э. и последующие времена

1 — 2 — Волынцево, Левобережное Поднепровье (фонды Путивльского краеведческого музея); *3 — 4* — Черниговская обл., Левобережное Поднепровье (фонды Черниговского краеведческого музея); *5* — район г. Льгова (сборы О. Н. Андреевой), Левобережное Поднепровье; *6 — 8* Пастерское городище, Среднее Поднепровье (раскопки М. Ю. Брайчевского); *9* — Саркел-Белая Вежа, Подонье, по М. И. Артамонову (МИА, № 62, 1958, стр. 32, рис. 19, *1*, *3*)

Работы по выявлению истоков и ареала распространения конкретных мотивов орнаментации черняховской культуры должны быть продолжены. В настоящее время представляется, что истоки черняховской орнаментики следует искать в западнославянских областях, на территории распространения пшеворской и ранее, еще более обширной зоны лужицкой культуры. В последующее время в эпоху расцвета черняховской культуры давние мотивы орнаментации были обогащены южными и юго-западными влияниями латенско-кельтской, античной и скифо-сарматской цивилизации.

В то же время было бы преждевременным на основе изучения орнаментации выводить всю черняховскую культуру, например, из пшеворской. Однако, если подходить к культуре и кроющемуся за нею этносу как к какой-то сумме слагаемых, то момент сходства в орнаментации не может быть неучтен.

Из-за недостаточной изученности комплексов, предшествующих культуре Киевской Руси, мы не можем в настоящее время приступить к сравнению их в деталях с черняховскими. Во всяком случае, недостаток сходства в орнаментации черняховской гончарной керамики и теми узорами, которые покрывают позднюю керамику пражского типа VII — VIII вв., не является препятствием для того, чтобы считать черняховскую культуру одним из слагаемых славянской культуры. Дело в том, что некоторые формы черняховских лепных сосудов, которые перекликаются с формами сосудов пражского типа, как правило, не орнаментированы, так же как и ранние формы посуды пражского типа. Сопоставлены могут быть с более поздними сосудами черняховские яйцевидной формы горшки, поверхность которых бывает нередко преднамеренно ошершавлена, и баночные сосуды. Ранние формы такого же типа баночных горшков, одновременных пражскому типу на Западе, как правило, на украинских памятниках узоров не имеют [204]. Отзвуки орнаментации черняховской гончарной посуды прослеживаются в керамике пастерского типа [205]. Орнаментация салтовской посуды, в которой И. И. Ляпушкин усматривает пережитки черняховской керамики, имеет характерный сармато-аланский облик [206] (рис. 34, *9*—10). Анализ салтовской посуды, сделанный Б. А. Шрамко, говорит об этом достаточно убедительно [207]. Произведенный им анализ опровергает вышеуказанное мнение И. И. Ляпушкина.

Окончательное решение вопроса о соответствии орнаментации черняховской гончарной посуды более поздней может быть достигнуто только тогда, когда будут шире изучены памятники типа Пастырского городища и поля погребений волынцевского типа (рис. 34, *1—2*).

Заканчивая сравнение украшенных черняховских сосудов с керамикой других культур, мы приходим к выводу о самобытности и специфике мастерства гончаров-ремесленников первой половины I тысячелетия н. э., снабжавших многочисленное население лесостепи и степи своей продукцией.

На всей территории распространения черняховская керамика поражает выдержанностью и характерностью стиля орнаментации. Больше всего черт сходства в украшении черняховской посуды и в частности лепной, как уже отмечалось, следует усматривать в венедской-пшеворской культуре. Эти наблюдения напоминают сведения Прокопия из Кесарии о разделении на новые большие группы некогда единого массива славянских племен [208]. В то же время восточные славяне, совершая походы и обороняясь от непрошеных гостей, не могли не обогатить стиль своей орнаментации за счет южных и юго-западных соседей, достигнув высокого уровня развития гончарного ремесла. Древнерусское искусство, по словам Е. Виолле ле Дюка, «сложилось из весьма разнообразных источников» [209]. Это относится и к русской орнаментации, представляющей гармоническую смесь многих элементов. В слиянии разнородных элементов в первые века новой эры, приведшему к созданию нового единства, следует усматривать начало процесса образования великой славянской культуры эпохи Киевской Руси.

---

[204] В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3, Київ, 1961, стр. 85, 86; М. Кишваси-Комша. Некоторые исторические выводы в связи несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР; Dacia, I, Nouvelle série. Bucureşti, 1957, стр. 309.

[205] М. Ю. Брайчевський. Нові розкопки на Пастирському городищі, стр. 67—76.

[206] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья, стр. 7—32.

[207] Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури. Труди історичного факультету Харківського державного університету, т. 7. Харків, 1959, стр. 241—267.

[208] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 297.

[209] Е. Виолле ле Дюк. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность. М., 1879, стр. 17, 117, 238.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Археологическая комиссия
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
Архив ИА АН УССР (НАИА АН УССР) — Научный рукописный архив Института археологии АН УССР
БЦКМ — Белоцерковский краеведческий музей
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ — Государственный исторический музей
ДИМ — Днепропетровский исторический музей
ДП — Древности Приднепровья
ЗВУАК — Записки ВУАК
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИА АН УССР — Институт археологии АН УССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КГИМ — Киевский Государственный исторический музей
КЗВУАК — Коротке звідомлення ВУАК
КИИ МОЛД АН — Кишиневский Институт истории Академии наук МССР
КСГЭ — Краткие сообщения Государственного Эрмитажа
КСИА АН УССР — Краткие сообщения ИА АН УССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
ЛИМ — Львовский исторический музей
ЛОИОН — Львовское отделение общественных наук АН УССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МДАПВ — Матеріалиї дослідження з археології Прикарпаття і Волині
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
Труды АС — Труды археологического съезда
Труды ОРСА — Труды Отдела русско-славянской археологии
УКМ — Уманский краеведческий музей
ХГУ — Харьковский государственный университет
ХрАМ — Хроніка археології та мистецтва
MS — Materiały starożytne
PA — Památký archeologické
PrzA — Przegląd archeologiczny
PZ — Praehistorische Zeitschrift
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры 7

Б. П. Зайцев. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла 44

В. П. Петров. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1900—1901 гг.) 53

В. П. Петров. Масловский могильник на р. Товмач (по материалам раскопок П. И. Смоличева и С. С. Гамченко в 1926, 1928 и 1929 гг.) 118

В. Ф. Пешанов, Э. А. Сымонович. Нижнеднепровское поселение черняховской культуры у с. Осокоровка 168

М. Ю. Брайчевский. Погребение в Горке-Полонке на Волыни 173

И. С. Винокур. Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы 176

Б. А. Тимощук, И. С. Винокур. Памятники черняховской культуры на Буковине 186

Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры . . . 196

В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957—1960 гг.) 213

Э. А. Рикман. Черняховское селище у с. Балабанешты 253

Г. Е. Храбан. Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области 257

Э. А. Сымочович. Орнаментация черняховской керамики 270